

МУЗЕЙ СВЯЩЕННИКА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО
ФОНД НАУКИ И ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ СВЯЩЕННИКА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

НАШ ИГУМЕН АНДРОНИК (А. С. ТРУБАЧЕВ)

*К 70-летию игумена Андроника
140-летию священника Павла Флоренского*

СЕРГИЕВ ПОСАД
МУЗЕЙ СВЯЩЕННИКА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО
ФОНД НАУКИ И ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ СВЯЩЕННИКА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ОБЩЕСТВО ПАМЯТИ ИГУМЕНИИ ТАИСИИ

2023

УДК 27-29 27-475.5 82-94
ББК ТЗ(2)8,013 Э372-43
НЗ7

НЗ7 **Наш игумен Андроник (А. С. Трубачев): К 70-летию игумена Андроника, 140-летию священника Павла Флоренского.** – Сергиев Посад : Музей священника Павла Флоренского, Фонд науки и православной культуры священника Павла Флоренского; СПб. : Общество памяти игумении Таисии, 2023. – 528 с.

ISBN 978-5-91041-336-2

Содержание книги составляют воспоминания об известном церковном деятеле игумене Андронике (Трубачёве), доценте, ученом, богослове, преподавателе МДА, МДС, секретаре Синодальной богослужбной комиссии, директоре трех музеев священника Павла Флоренского: в Москве, в Сергиевом Посаде и Костромской области. Игумен Андроник (Трубачёв) – внук священника Павла Флоренского, авторитетный исследователь его биографии, издатель 6-томного труда «Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского», посвященного описанию его духовного пути и учений. Известен также и как автор многих статей и книг, написанных не только о священнике Павле Флоренском, но и о многих российских святых новомучениках.

Авторы воспоминаний – известные лица с мировым именем: священнослужители, художники, архитекторы, педагоги. Данное издание книги приурочено к 70-летию игумена Андроника (А. С. Трубачева) и к 140-летию священника Павла Флоренского.

УДК 27-29 27-475.5 82-94
ББК ТЗ(2)8,013 Э372-43

© Фонд науки и православной культуры священника Павла Флоренского, 2023
© Общество памяти игумении Таисии, 2023

ISBN 978-5-91041-336-2

***Святейший Патриарх Московский и всея Руси
КИРИЛЛ***

***Читателям
Собрания сочинений священника Павла Флоренского***

Уважаемые читатели, дорогие братья и сестры!

Имя и труды священника Павла Флоренского – великого русского ученого и мыслителя – вновь занимают в нашей культуре место, подобающее подлинному масштабу его творческой личности. В конце жизни Флоренский очень четко обозначил историческую перспективу своего творчества: «Оглядываясь назад, я вижу, что у меня никогда не было действительно благоприятных условий работы, частью по моей неспособности устраивать свои личные дела, частью по состоянию общества, с которым я разошелся лет на 50, не менее, – забежал

вперед, тогда как для успеха допустимо забегать вперед не более на 2–3 года».¹ Прошедшие со дня трагической кончины священника-ученого годы дали всем нам возможность убедиться в справедливости этих слов.

Отрадно, что сегодня не только богословы и философы, но и математики, и филологи, и искусствоведы, и представители других отраслей знания, обращают внимание на изучение колоссального наследия священника Павла Флоренского. Издаются его труды, посвященные самым разным вопросам религии и науки, проводятся научные конференции, выставки, семинары. Действительно, можно сказать, что только сейчас, в начале нового века и тысячелетия, как в России, так и во всем мире начинается полноценное освоение все еще не оцененного в полной мере наследия священника-ученого.

О многогранности дарований Флоренского нужно сказать отдельно. Прежде всего, он известен как профессор Московской духовной академии, где читал лекции по истории философии. Но в то же самое время он и поэт – писал стихи даже в лагерях; и литератор, обладавший блестящим стилем и написавший уникальные воспоминания о своем детстве и обретении веры. Он и замечательный математик; и выдающийся ученый в области электротехники; и авторитетный специалист в области физики; и историк искусства, сказавший новое слово в иконоведении; и музеевед – организатор музея Троице-Сергиевой Лавры; и филолог, развивавший учение об имени и языке и владевший древними и большинством современных европейских языков, а также языками Кавказа; и знаток генеалогии, давший этой дисциплине философское обоснование и собравший массу сведений о своем роде; и педагог, оставивший свои наблюдения и заветы детям в Завещании и в письмах из лагерей. При этом он был прекрасным знатоком и ценителем классической музыки и сам прекрасно играл на фортепиано.

Но основные интересы Флоренского, несомненно, лежали в области богословия и философии. Его перу принадлежат фундаментальные исследования и труды: «Столп и утверждение Истины», «Около Хомякова», «У водоразделов мысли», «Философия культа», «Иконостас»,

¹ Письмо 20 апреля 1937 г. // Священник Павел Флоренский. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. М., 1998. С. 695.

«Обратная перспектива». Большинство этих трудов в настоящее время переведены на многие языки мира.

Значительная часть произведений Флоренского посвящена детальному рассмотрению и переосмыслению ряда важнейших философских проблем и категорий – таких как теодицея, антроподицея, антиномии человеческого разума, макрокосм, микрокосм, культ, культура, символ, икона, имя, слово, язык, время, пространство, перспектива, число, множество, бесконечность, прерывность и многих других.

Важно отметить, что такая широта исследовательского охвата была связана не столько с личными пристрастиями, сколько – и прежде всего – с общим замыслом отца Павла Флоренского выстроить единую, цельную картину мира через обнаружение и исследование глубинных взаимных соответствий различных пластов бытия. Свою философскую задачу Флоренский определял как разработку «конкретной метафизики» и «проложение путей к будущему цельному мировоззрению».² При этом принципиальным моментом при построении философской системы для него было убеждение в том, что философия каждого народа является раскрытием его веры, из этой веры она исходит и к этой вере устремляется, а потому он утверждал, что «если возможна русская философия, то только – как философия веры Православной».³ «Философия, – писал отец Павел, – высока и ценна не сама в себе, а как указующий перст на Христа и для жизни во Христе».⁴ Именно это убеждение отца Павла обеспечило современность его мысли и непреходящую ценность его работ.

Сам Флоренский считал себя комментатором и компилятором отцов Церкви и христианским апологетом православной веры. В связи с этим он ставил перед собой следующие задачи: во-первых, очищение всего человеческого знания от ложных предпосылок и догматов современности, от ложной науки и ложной философии, во-вторых,

² Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Изд. 7-е. Т. 44. М., 1927, стб. 143–144.

³ Приветственная речь на юбилейном чествовании А. И. Введенского, произнесенная 18 сентября 1911 г. // Священник Павел Флоренский. Сочинения в 4-х томах. Т. 2, М., 1996. С. 191.

⁴ Разум и диалектика. Вступительное слово пред защитой на степень магистра книги «О Духовной Истине» (М., 1912), сказанное 19 мая 1914 г. // Священник Павел Флоренский. Сочинения в 4-х томах. Т. 2, М., 1996. С. 142.

построение цельного православного мировоззрения, включающего в себя и православное богословие, и философию, и науку, и искусство.

Своей жизнью Флоренский подал прекрасный пример потомкам. Идея цельной гармоничной личности, в которой интересы человека, лежащие в самых разных областях познания, объединены единым цементирующим началом, то есть верой, – а для него такой верой было Православие, является чрезвычайно важной и как никогда актуальной в наши дни.

Точное и краткое определение духовного пути Флоренского дал протоиерей Сергей Булгаков: «Духовным центром его личности, тем солнцем, которым освещались все его дары, было его священство»⁵. Служить Родине и Церкви непрестанным трудом, внешним и внутренним, самоотверженно нести ответственность за «житие в эпоху перемен», являя образец благочестия, порядочности, терпения в страданиях, хождения пред Богом и мученической смерти – вот главные жизненные заветы Флоренского.

Быть христианином – это вовсе не значит жить, отрешившись от мира, от жизни общества, от интересов и увлечений. В своей Нагорной проповеди Спаситель призывает христиан быть «солью земли». Как известно, соль – это вещество, которое предохраняет от порчи, от разложения. Именно такую функцию, по толкованию многих отцов и учителей Церкви, должны выполнять христиане. Занимая активную социальную позицию, вникая во все сферы жизни общества, будучи неотъемлемыми его членами, они призваны к тому, чтобы озарять мир светом учения Христова. Можно быть верующим человеком и в то же время гениальным ученым, талантливым изобретателем, замечательным педагогом... Личный пример Флоренского – прекрасное тому подтверждение.

Его свидетельство проходило в тяжелейшие для России годы, когда коренным образом изменился уклад жизни в стране. Произошел страшный переворот в привычной некогда системе ценностей, вера стала восприниматься как пережиток прошлого, как удел малообразованных, неразвитых людей, как «мракобесие». Обществу внушали, что верующий человек по определению не может быть человеком умным, способным. В построенной безбожниками «новой России» не нашлось

⁵ Протоиерей Сергей Булгаков. Священник о. Павел Флоренский // П. А. Флоренский. Pro et contra. Антология. Изд. 2-е. СПб., 2001. С. 394.

места для верующих людей, ибо они самим фактом своего существования опровергали навязываемую большевиками модель. Всем нам хорошо известно, что произошло потом: «философский пароход», на котором за пределы Советской России были высланы выдающиеся философы и мыслители, страшная волна репрессий, лагеря, в застенках которых погиб, без преувеличения, цвет русского общества.

И в таких жестоких условиях Флоренский нашел в себе силы и мужество совершать исповеднический подвиг – именно так по праву мы должны назвать его жизнь и деятельность. В страшные годы воинствующего безбожия он не постыдился иерейского креста, в Высший Совет народного хозяйства и во все советские научные учреждения Флоренский приходил в священническом одеянии, всегда подчеркивая, что он пастырь и что его убеждения как верующего человека никоим образом не противоречат его научной деятельности. Для поколений потомков, живших в годы государственного безбожия, имя отца Павла Флоренского стало символом духовной свободы, надеждой на то, что свою творческую активность христианин может проявлять в самых разных сферах жизни. Именно поэтому мы говорим о влиянии отца Павла на процессы, которые способствовали освобождению Русской Церкви от оков атеизма, а также на религиозное возрождение, которое охватило Россию и все без исключения страны бывшего Советского Союза в конце XX века.

Воистину пророческими оказались слова отца Павла, сказанные им еще в июле 1917 г.: «Все то, что происходит кругом нас, для нас, разумеется, мучительно. Однако я верю и надеюсь, что, исчерпав себя, нигилизм докажет свое ничтожество, всем надоест, вызовет ненависть к себе, и тогда, после краха всей этой мерзости, сердца и умы уже не по-прежнему, вяло и с оглядкой, а наголодавшись, обратятся к русской идее и идее России, к Святой Руси»⁶. И действительно, сейчас, по прошествии времени, весь мир обращается к многогранному, необъятному, богословскому, философскому и научному опыту «утверждения Истины» отца Павла Флоренского.

Говоря о его религиозно-философском наследии, важно отметить, что невозможно дать однозначную оценку его подчас неординарным воззрениям. Необходимо помнить, что его самобытное и оригинальное

⁶ Письмо А. С. Мамонтовой 30 июля 1917 // Священник Павел Флоренский. Сочинения в 4-х томах. Т. 2. М., 1996. С. 409.

творчество отмечено противоречивостью. В нем отразился процесс постепенного духовного становления ученого, его научного роста, исключительное своеобразие его личности, и потому он сам никогда не претендовал ни на абсолютность и законченность своих мыслей, ни на всеобщность признания, а подразумевал их обсуждение, развитие, уточнение, исправление. «Мысль – Божий дар, – писал отец Павел в Завещании детям, – и требует ухода за собой. Быть отчетливым и отчетным в своей мысли – это залог духовной свободы и радости мысли»⁷.

Настоящей квинтэссенцией религиозно-философских воззрений Флоренского является уже упоминавшаяся его книга, которая представляет собою серьезнейшую работу, утвердившую Флоренского в ученой степени магистра богословия, в звании экстраординарного профессора Московской духовной академии по кафедре истории философии. Книга «Столп и утверждение Истины» примечательна не только своей тематикой, формой и внешним оформлением. Автор демонстрирует удивительную эрудицию – блестящие знания в области философии, богословия, филологии и математики. Свои философские выводы Флоренский подкрепляет фактическим материалом из области медицины, психопатологии, фольклора и в особенности лингвистики, он также часто обращается к наиболее абстрактным наукам – математике и логике. В примечаниях к книге, занимающих почти двести страниц, можно найти множество интересных и ценных высказываний, а также богатые библиографические сведения. Показательна ее оценка ректором Московской духовной академии епископом Феодором (Поздеевским) – по его мнению, в этом труде «сделана полная апология христианской веры как единственной Истины, и сделана тем путем и в той сфере мысли, в какой полагают последний резон всякой истины поклонники человеческого рассудка, и все сказано на родном для них языке рассудка, логики и философии»⁸.

При всей противоречивости этого раннего труда, его особая ценность заключается в том, что именно эта книга стала наиболее ярким

⁷ Завещание // Священник Павел Флоренский. Детям моим (Воспоминания)... М., 1992. С. 444.

⁸ Епископ Феодор. Рец. на книгу: «О Духовной Истине». Опыт православной теодицеи («Столп и утверждение Истины»), Книга свящ. П. Флоренского. М., 1912. // П. А. Флоренский. Pro et contra. Антология. Изд. 2-е. СПб., 2001. С. 242.

выразителем идей Флоренского. В ней можно проследить становление его богословских и философских взглядов, найти ключ к пониманию его творческого наследия. И, наконец, в ней он выразил самую суть своего жизненного пути и философской традиции – принадлежность «школе верующего разума».

При наступлении благоприятных обстоятельств, дети и внуки Флоренского подготовили к печати и издали основную массу его трудов, так и не вышедших при его жизни. Кроме того, на протяжении всей своей жизни потомки Флоренского занимались, и по сей день занимаются, скрупулезным сбором работ, посвященных изучению наследия своего великого предка, и мне хотелось бы поблагодарить их за незаметную для внешнего взгляда, но очень ценную работу. Благодаря их деятельности наследие Флоренского сегодня становится доступно исследователям. Сегодня мы стоим в начале большого пути: труды отца Павла Флоренского – богатейшее и бесценное сокровище русской богословской и религиозно-философской мысли – нуждаются в изучении и тщательном осмыслении.

Игумен Андроник (Трубачев)
(1952–2021)

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ИГУМЕНА АНДРОНИКА (ТРУБАЧЁВА) 1952–2021 гг.

Игумен Андроник (Александр Сергеевич Трубачев) родился после дня празднования иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость», 7 ноября 1952 г., в Москве. Его отец – Сергей Зосимович Трубачев, впоследствии дьякон, был церковным композитором, дирижером. Мать Александра – Ольга Павловна Флоренская, дочь священника Павла Флоренского.

Сергей Трубачев (Сергей Зосимович Трубачев) был выходцем из семьи потомственных священнослужителей Архангельской епархии. Он родился 26 марта 1919 г. в семье протоиерея Зосимы Васильевича Трубачева, впоследствии расстрелянного в феврале 1938 г. в Бутове, был канонизирован к общецерковному почитанию Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 2000 г. Память его совершается 13 февраля (ст. ст.). В годы студенчества МДА Зосима был регентом в домашней церкви во имя равноапостольной Марии Магдалины в Сергиево-Посадском убежище сестер милосердия Красного Креста, где настоятелем служил отец Павел Флоренский. Впоследствии отец Павел Флоренский венчал Зосиму с Клавдией Георгиевной Санковой в этом домовом храме и благословил их на счастливый брак образом святителя Николая. Участие отца Павла Флоренского в судьбе отца Зосимы, по Промыслу Божию, имело благодатное значение: в по-

Сщмч. Зосима (Трубачев), 1920-е гг.

Трубачевы: Сергей Зосимович и Ольга Павловна с дочерью Ольгой. Москва, 1953 г.

слевоенные годы семьи их породнились. Отец Зосима Трубачев был репрессирован, и в 1932 г. его семья поселилась у родственников в Сергиевом Посаде. Сын, Сергей Трубачев, в 1946 г. вступил в брак с Ольгой Павловной Флоренской, дочерью о. Павла Флоренского. Вся жизнь Сергея Зосимовича была связана с музыкой. После окончания консерватории он работал в Карелии главным дирижёром симфонического оркестра Карельского радио и телевидения, создал Петрозаводскую хоровую капеллу. По выходе на пенсию в 1980 г. начался духовный расцвет его творчества в содруже-

Кирилл Павлович Флоренский, его мама Анна Михайловна с внуками Олей и Сашей Трубачевыми, И. С. Ефимов. Загорск, 1952 г.

стве с регентом Троице-Сергиевой Лавры архимандритом Матфеем (Мормылем). Вся семья унаследовала его музыкальный дар: сын Александр играл на скрипке, его старшая сестра Ольга – на фортепьяно, а Мария играла на виолончели. Они жили в Москве на ул. Бурденко 16/12 кв. 21, 22, где сейчас находится мемориальный Музей священника Павла Флоренского, в квартире, где жила мама отца Павла Флоренского Ольга Павловна с детьми, куда она переехала из Тифлиса в 1915 г. В этой квартире и родился Александр (игумен Андроник Трубачев).

Второй дед – священник Павел Флоренский – известный богослов и мыслитель, философ XX века, принял мученическую смерть за веру Христову 8 декабря 1937 г. Внук отца Павла и отца Зосимы – игумен Андроник (Александр Трубачев) – стал продолжателем священства обоих родов.

Александр учился в московской школе с английским уклоном, а также изучал французский язык. Отец Андроник шутил: «Говорили все и про все на французском, даже математику, но зато читали Шекспира на английском языке».

После окончания московской школы в 1970 г. он поступил в Московский государственный историко-архивный институт. Поступление в институт инициировал его отец Сергей Зосимович. Видя скромность своего сына, он помогал ему с документами и убедительно советовал поступить в этот институт.

Священник Павел Флоренский

Учёба давалась нелегко в том плане, что некоторые преподаватели были ярые коммунисты, которые толковали по-своему историю и были недовольны тем, что Александр во многом не соглашался и стойко отстаивал свою точку зрения. Это приводило к постоянным конфликтам и спорам. Представители комсомольской ячейки заставляли его ходить на их заседания. В это время у Александра уже сложился план уйти из комсомола, куда он даже и не записывался добровольно. Его товарищ (сейчас епископ) также поддержал эту идею. И вот, когда была регистрация билетов, Александр со своим приятелем пошли в ближайший сад и закопали билеты, а затем объявили, что не хотят быть комсомольцами. Это был большой скандал. Их вызывали к директору, угрожали выгнать из института, но им повезло, дело так и не пустили дальше. И все же нашлась одна активистка, которая принесла на заседание ножницы и решила прилюдно обрезать длинные волосы Александра. Но он решительно высказался, что это его собственность и посягать на нее никто не имеет право, а затем вышел из класса.

Во время написания дипломной работы Александр начал работать с материалами деда, готовить к публикации его работы и комментарии к ним.

Кирилл Павлович Флоренский. 1964 г.

В 1975 г. защитил дипломную работу по кафедре архивоведения по теме «Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры (1918–1925): Обзор архивных материалов». Свою работу он писал по совету Кирилла Павловича, сына священника Павла Флоренского. Пришлось пересмотреть много редких документов в архиве академической библиотеки, в это же время Александр стал часто ходить на службу. Были живы люди, которые помнили этот период истории, и встречи с ними давали большое духовное подкрепление. Те времена были жуткие и морально тяжелые. Следили за теми, кто ходит в

церковь, доносили на них в инстанции, увольняли с работы. На Пасху нельзя было свободно прийти в церкви, в монастыри. Тут же вылавливали и увозили в «пикеты», издевались над верующими людьми. Школы, институты были под надзором атеистического государства. Чтобы пройти на пасхальную службу в Троице-Сергиеву Лавру, нужно было преодолеть три кордона из решеток, а если не прийти на службу раньше часа на два, то можно было и вовсе на нее не попасть. Крестные ходы были запрещены. Но зато в это время массово проводились ночные мероприятия, концерты, показывали знаменитые кинофильмы – делали все, чтобы люди не ходили в церковь. Многие преподаватели из института мешали, угрожали. Но молодой Александр стойко терпел и защищал веру от их нападков, нареканий. В этот период он познакомился со священниками, монахами и духовниками Лавры, посещал все монашеские службы и насыщался Божественной благодатью. Александр вспоминал один случай, как в один из постов он переусердствовал. Вычитав в Типиконе о «сухоядении», он перестал пить воду, вскоре стал плохо себя чувствовать, но смог вовремя остановиться. Потом часто напоминал себе о том, как самоволие может погубить. Этот случай он вспоминал и тогда, когда был заместителем на Валааме. Один послушник даже совсем отказался от пищи, чем и довел себя до полусмерти. Отец Андроник долго его выхаживал, рассказывал и поучал, что без благословения не следует брать на себя подобные подвиги.

В 1975 г. после окончания института о. Андроник работал в Государственном архиве Московской области. С 1975 г. по 1976 г. он служил в рядах Советской армии.

Иноческий путь к просвещению

После армии о. Андроник поступил в Московскую духовную семинарию. По благословию духовника Сергия (Голубцова) здесь начался тот путь, который был уготован игумену Андронику как ученому, пастырю и проповеднику. Во время обучения в семинарии никто не слышал от него ни слова нетерпения, ни ропота, никто не видел его в унынии. Он всегда был занят многими церковными послушаниями.

Познакомившись с протоиереем Иннокентием (Просвириным), который служил в Издательском отделе Московской Патриархии, полу-

Игумен Андроник со своим духовником архимандритом Кириллом (Павловым) в Троице-Сергиевой Лавре. 1983 г.

чил от него рекомендацию к известному владыке Питириму (Нечаеву), который руководил Издательским отделом Московской Патриархии. У Александра началась ответственная и серьезная работа. Владыка был очень строгим руководителем, инициатором многих проектов: издания Библии, открытия Музея Библии в Иосифо-Волоцком монастыре. О. Андроника приняли в отделы «Проповедь» и «Богословский отдел» Журнала Московской Патриархии, также он трудился над вторым и третьим томом «Настольной книги священнослужителя. Месяцеслов. Сентябрь–август» (М., 1978–1979 гг.), в которые вошло множество служб из древних собраний рукописей.

Очень яркие воспоминания остались у отца Андроника о работе в издательстве у владыки Питирима, которые были включены в настоящее издание. Об этом же периоде приводятся и воспоминания протоиерея Сергея Правдолюбова и архимандрита Макария (Веретенникова).

«Монах есть тот, кто миру непричастен...»

В Лавре в утренние часы Александр нес послушание звонаря вместе с отцом Михаеом, старым звонарем. Обладая музыкальным слухом (в детстве Александр учился играть на скрипке), он стал его первым помощником.

В 1980 г. Александр поступил в братство Троице-Сергиевой Лавры. 19 марта 1981 г. принял монашеский постриг с именем Андроник, в честь преп. Андроника Московского. Восприемником был архимандрит Кирилл (Павлов) – духовник Троице-Сергиевой Лавры, который и окормлял все последующие

О. Андроник (Трубачев). 1980-е гг.

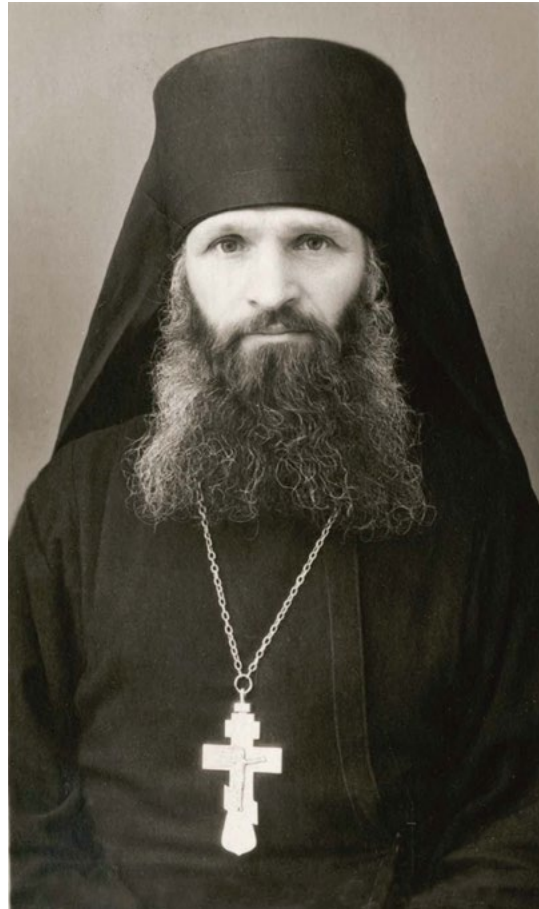

Епископ Антоний (М. С. Флоренсов), старец Московского Донского монастыря, духовник о. Павла Флоренского. 1918 г.

годы о. Андроника. Это был старец великой мудрости и духовности, он же был и духовником Патриархов Алексия II и Кирилла. Тысячи людей со всей России приезжали к нему за духовным советом и наставлением.

Так игумен Андроник стал монахом, хотя его духовный путь был начертан задолго до пострижения. Ему встречались люди, которые оказывали непосредственное влияние на становление его высокодуховной личности. Прежде это был дед – свящ. Павел Флоренский, изучая жизнь которого, о. Андроник впитывал его духовный опыт с младенчества. Вокруг, везде и всегда, был о. Павел. Память о нем чтится всей семьей, члены которой неоднократно ощущали его заступничество. Духовником самого о. Павла был епископ Антоний (Флоренсов), московский старец, который жил на покое в Донском монастыре. В своем «Завещании» о. Павел именовал епископа Антония самым близким другом и покровителем дома, призывал детей обращаться к нему с горячей просьбой и мольбой. В Москве он считался местночтимым, его знали как великого праведника и подвижника. Имя старца было занесено во многие сотни и тысячи поминаний верующих Москвы. Мечтой о. Павла было написать монографию про своего духовника. Отец Андроник последовал наказу своего деда, свято чтит старца, а в 2019 г. выпустил книгу «Епископ Антоний (Флоренсов). Старец Московского Донского монастыря». Так до нас дошли сказания об этом удивительном духовнике Церкви.

Мечта о. Павла стать монахом, которую он так и не осуществил, воплотилась отцом Андроником. В глубокой юности он окормлялся архиепископом Сергием (Голубцовым), отзывался о нем с величайшим благоговением и благодарностью. Этот старец оказывал сильное влияние на отца Андроника, был руководителем его духовной жизни. Так преемственность духовничества продолжалась. Владыка Сергий почитал о. Павла Флоренского, был его духовным чадом, ходил в его храм Марии Магдалины при Убежище сестёр милосердия Красного Креста, читал его труды по иконописи. Владыка был иконописцем и реставратором, первым реставратором Троицкого собора в Лавре. Труды о. Павла повлияли на его видение икон. Но своему духовному сыну о. Андронику он не советовал, чтобы его знали как внука Флоренского, чтобы тот не возгордился: «Сам достигай вершины своего духовного возрастания». И многие так и не знали, что отец Андроник –

Иеромонах Сергей (Голубцов). 1953 г.

это внук о. Павла Флоренского. Впоследствии о. Андроник от своего духовника узнал тайну, которую владыка Сергей хранил много лет: о том, как он в юности участвовал в сохранении главы преподобного Сергия Радонежского. Владыка помнил всю жизнь эту священную тайну, которая была доверена ему как избраннику. Молодому Павлу Голубцову доверили участвовать в перенесении честной главы преподобного Сергия, которая хранилась в доме Ю. Олсуфьева, а затем отдать ее на сохранение старцу Илариону (Удодову), в село Виноградово. К тому времени Ю. Олсуфьев был уже арестован. Вся дальнейшая жизнь Павла Голубцова была связана с преподобным Сергием. Он принял и монашество с

именем Сергей, стал архиепископом Новгородским. Часто задумывался о переплетении судеб, вспоминая встречу с отцом Зосимой, вторым дедом отца Андроника, которая произошла в лагере ссыльных в 1929 г. в районе станции Коноша-Няндомы Северной дороги. В конце жизни о. Сергей (Голубцов) жил на покое в Троице-Сергиевой Лавре, писал иконы преп. Сергия, который однажды явился ему. Вдохновленный этим явлением, о. Сергей написал две боговдохновенные иконы преп. Сергия Радонежского, которые находятся в Музее священника Павла Флоренского в покоях Патриарха. По благословению Патриарха, учитывая его участие в сохранении мощей преподобного Сергия, о. Сергей был погребен в Троице-Сергиевой Лавре за храмом Святого Духа.

В 1980 г. о. Андроник окончил Московскую духовную семинарию. 1 июня 1981 г. был рукоположен в сан иеродиакона, а 28 августа 1982 г.

Иеромонах Андроник со своим духовником, архиепископом Новгородским Сергием (Голубцовым)

В центре – митрополит Зиновий (Мажуга), за ним – о. Андроник. 1980-е гг.

принял священнический сан как иеромонах и начал служить в храмах Троице-Сергиевой Лавры.

В 1984 г. он окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия за сочинение «Теодицея и антроподицея в творчестве священника Павла Флоренского» (Томск, 1998 г.). Этот серьезный богословский труд был написан как курсовое сочинение на соискание ученой степени кандидата богословия по кафедре основного богословия Московской духовной академии. В работе «Теодицея и антроподицея» впервые была подробно разработана периодизация творчества П. А. Флоренского и дан обзор большинства его философских работ в их взаимосвязи.

В 1985 г. о. Андроник был награжден Патриаршей грамотой, к 300-летию МДА. 8 апреля 1986 г. был возведен в сан игумена, ко дню Святой Пасхи. К этому же дню в 1987 г. был награжден палицей, а в 1988 г. награжден крестом с украшением.

Пребывание в Духовной академии было ознаменовано одним происшествием, которое потрясло о. Андроника на долгие годы. В 1986 году в ночь с 27 на 28 сентября в 50-м корпусе МДА вспыхнул пожар, который мгновенно охватил коридоры корпуса и начал прони-

кать в спальни студентов. Но случилось чудо: огонь остановился у обычных филенчатых дверей академического музея, где было главное его сокровище, старейший экспонат – икона IX века. Игумен Андроник был очевидцем и непосредственным участником этого события. Когда начался пожар, он быстро сообразил, что надо читать «Акафист преподобному Сергию». Взяв его, он встал у дверей и начал читать, буквально стоя над пропастью, где бушевал пожар. Около двух часов ночи в храме рухнул купол. И вдруг пожар остановился перед дверью, где стояли и читали Акафист вместе с отцом Андроником несколько студентов. Тогда погибли пятеро студентов, которые не смогли выбраться из помещения и задохнулись. Отец Андроник проявил мужество, веря, что преподобный Сергей дарует спасение. Это событие старались быстро забыть, но все же некоторые вспоминают об этом чуде, ведь могли сгореть вся Академия и музей, могло быть гораздо больше жертв. Отец Андроник почти никому не рассказывал о пожаре, не гордился своим подвигом. Он знал, что это чудо Божие и преподобного Сергия, а он – только проводник.

С 1984 г. по 1990 г. отец Андроник был преподавателем Московских духовных школ. В 1990 г. получил звание доцента, в МДС преподавал нравственное богословие, Священное Писание Нового Завета, русскую патрологию; в МДА – пастырское богословие, Священное Писание Нового Завета.

В 1989 г. была создана Синодальная богослужебная комиссия, в которую был включен игумен Андроник, как опытный сотрудник при работе с богослужебными текстами, и назначен секретарем Сино-

О. Андроник (Трубачев).
Троице-Сергиева Лавра. 1985 г.

дальной богослужбной комиссии. В Издательском отделе велась подготовка к празднованию 1000-летия Крещения Руси, и по инициативе владыки Питирима принято решение издавать службы не только русским святым, но и чудотворным иконам, появились прориси святых, иллюстрации икон. На юбилейном Соборе было много канонизировано новомучеников, а для этого нужно было еще составлять службы святым. Комиссия для отца Андроника была самым любимым местом, где он более 30 лет был секретарем. Стремился быть на каждом заседании, почитал этот удивительный коллектив, хотя их и было мало: архимандрит Иннокентий (Просвирин), архимандрит (ныне митрополит) Тихон (Емельянов), игумен Иоанн (Самойлов), протоиерей Сергей Правдолюбов, архимандрит Макарий (Веретенников). В Комиссию входили образованные, смиренные, мудрые, обладавшие талантами гимнографии умы. Православная Церковь доверила им сочинять службы, акафисты, молитвы, править, проверять вновь присланные тексты. Иногда по состоянию здоровья о. Андроник не мог идти, а все твердил: «Дайте хоть посидеть с умными людьми».

Воспоминания членов Комиссии были включены в это издание отдельными статьями.

Игумен Андроник известен и как автор проекта Службы Господу Богу нашему, в Троице славимому, приуроченному к празднованию 1000-летия Крещения Руси, а также как автор служб: преподобному Андронику Московскому, своему покровителю; Максиму Греку, которая была написана по случаю обретения его мощей в Троице-Сергиевой Лавре; Пимену Московскому (Угрешскому), ряда тропарей и кондаков.

Так как отец Андроник был насельником Троице-Сергиевой Лавры, он выполнял церковное послушание принимать у богомольцев исповедь, тем самым выходя на пастырское служение. Он был истинным духовным руководителем, был добрым человеком, от него исходили теплота, мягкость, снисхождение. Никто никогда не слышал, чтобы он осуждал или жаловался на кого-то. Бывало, зайдет о ком-то речь, отец Андроник лишь наклонит голову, опустит глаза долу и не отверзает своих уст, пока тема разговора не переменится. Он придерживался понятия, что образ Божий сохраняется у каждого человека, поэтому даже самый последний грешник может покаяться и спастись. Старался глубоко и тонко понять все особенности души

Игумен Андроник в Троице-Сергиевой Лавре. 1988 г.

того, кто обратился к нему, и давал такие советы, которые были действительно исполнимы. О. Андроник не требовал достижения аскетических высот. К душе каждого человека он относился бережно, тактично, ненавязчиво, даже тогда, когда делал замечания и старался вразумить.

Удивительный дар открылся у него в произнесении проповедей, которые игумен Андроник читал достаточно часто. Он обращался к древним текстам и профессиональным гимнографам, его проповеди были высоко вдохновенными. Многие верующие специально приезжали услышать его, между собой называя о. Андроника «Иоанном Златоустом». На каждый праздник преподобного Сергия Радонежского он произносил проповеди, и каждый раз их тексты были разными. Читая житие преподобного Сергия, он черпал из него сюжеты, вдохновлялся его духовным подвигом. Сначала отец Андроник очень тщательно готовился к проповеди, делал конспект, потом записи переносил на маленькие бумажные листочки, где коротко писал, что надо говорить. Со временем выработался его собственный стиль, можно сказать, канон и узнаваемость проповедей.

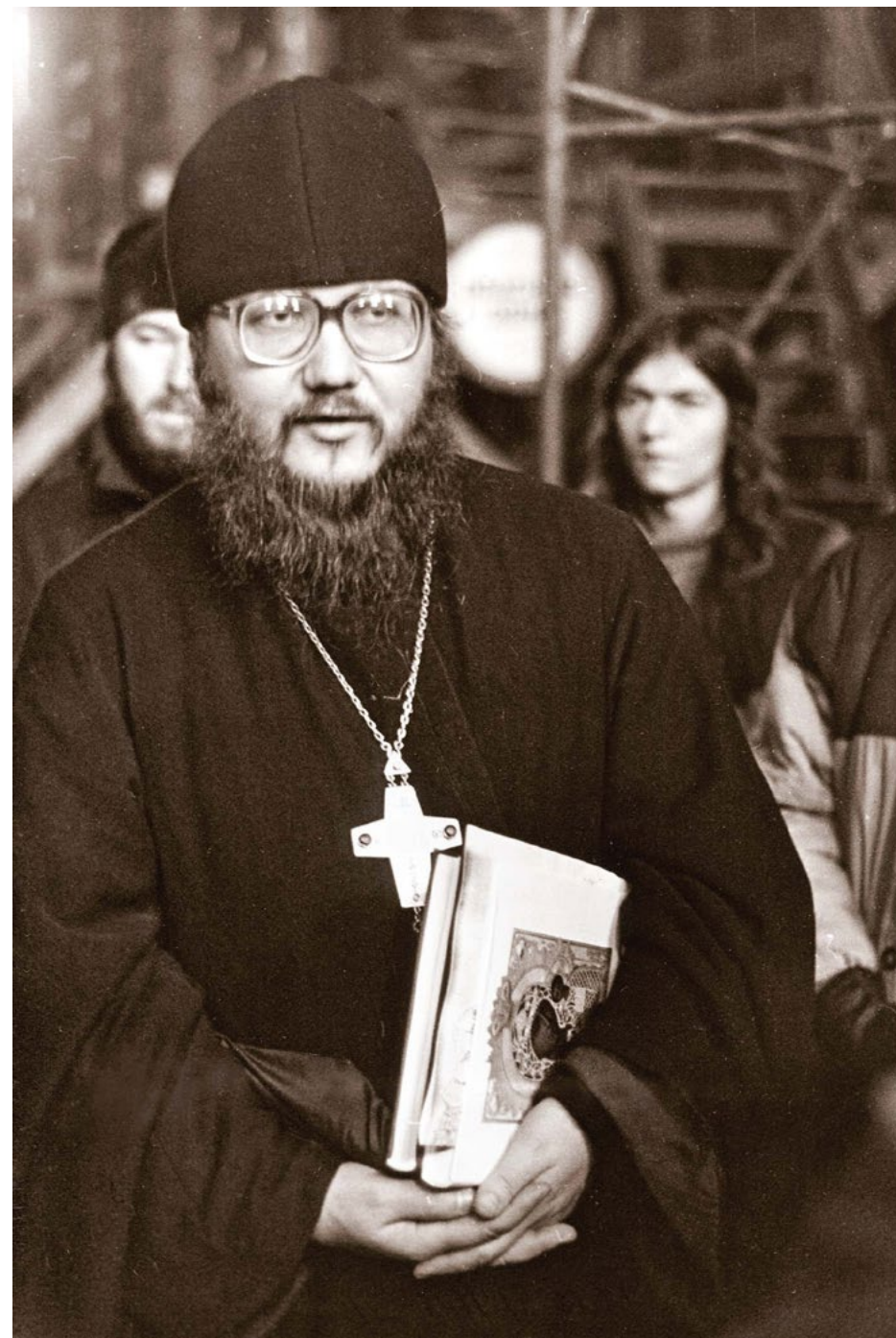

Вход в Монастырскую бухту. Игорь Прилуцкий. Литография. 1991 г.

Валаамская эпопея. Возрождение монашеской обители на острове Валаам

В 1990 г. был избран новый Патриарх, Алексей II. Святейший искал себе достойных сподвижников, ведь надо было возобновлять церковную жизнь в России. Впервые Патриарх Алексей II отправился в дальние приходы страны освящать заброшенные значимые монастыри, храмы. Приезд его был связан с движением католиков, униатов и других конфессий с целью захватить разрушенные храмы. Патриарх Алексей II ставил православные кресты на месте разрушенных церквей, монастырей. Но именно Валаамский монастырь занимал у него совершенно особое место. Ведь Валаамский монастырь – это одна из тех жемчужин православного духа, с которой связаны подвиги его иноков, несших свет Христовой истины в языческие племена и народы.

В декабре 1989 г. отец Андроник (Трубачев) стал наместником возрождаемого Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. Почему ученого, издателя, человека, который никогда не занимался строительством или хозяйством, благословили на поднятие заброшенной обители на острове? Ответ очевиден: на всех постах, которые занимал о. Андроник, была заметна его деятельная жизненная позиция,

Игумен Андроник (Трубачев), наместник Валаамского монастыря. 1990-е гг.
Фото Сергея Компанийченко

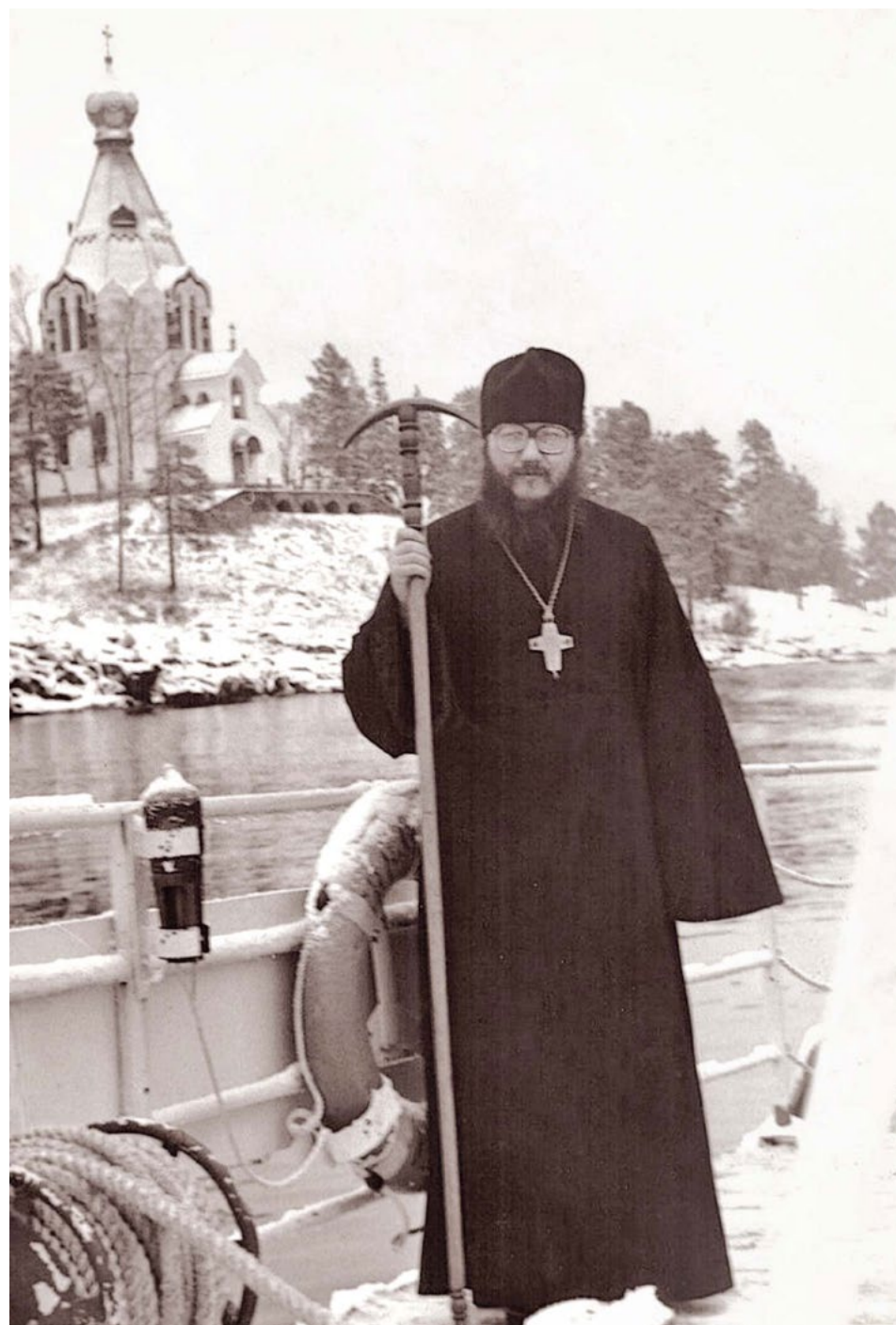
духовная рассудительность, а также обширные энциклопедические познания в области светских и церковных наук.

Время, когда игумен Андроник был назначен наместником, было очень сложным в стране. Храмы, монастыри были разорены. Власть с подозрением смотрела на церковную жизнь. Были так называемые наблюдатели над Церковью, без разрешения которых ничего нельзя было сделать. Остров заселили калеками с Великой Отечественной войны, которых свезли сюда со всей России. Они жили в холодных кельях, питание было скудным, – и инвалиды часто болели. Это зрелище было апокалиптическое. Сначала советская власть устроила в монастыре школу юнг, затем интернат для одиноких инвалидов, лесхоз, музей. О годах разорения, которые наступили для острова Валаам с приходом в 1940 г. большевистской власти, словами гимна монастыря можно сказать так:

*Опять ты ранами покрытый
Стоишь безмолвный и пустой,
Полуразрушенный, избитый,
Но тот же дивный и святой.*

При о. Андронике на острове Валаам началась истинно монашеская жизнь. Восстанавливались Всехсвятский, Предтеченский, Никольский скиты. Был принят Устав прежнего Валаамского монастыря, богослужения стали проводиться ежедневно. При игумене Андронике на Всехсвятском скиту были обретены мощи преподобного Антипы Валаамского. Это событие было подкреплением духовной жизни. Создан «Валаамский хор», его регент, Ушаков Игорь, впоследствии получил звание заслуженного артиста России. Было создано пароходство, начала функционировать паломническая служба, открыты подворья: Петербургское, Сортавальское, Московское – с получением храмов и помещений для жилья. Возродить монастырь пришлось с нуля: без денег, почти без монахов. Пришли на остров молодые люди, которые не имели опыта ни в монашеской жизни, ни в какой иной: кого выгнали из другого монастыря, кто-то сбежал от семьи, кто – от армии. Вот такие и были у отца Андроника «романтики», но он их любил, приютил, накормил и стал приучать к монашескому деланию, за что те отвечали ему благодарностью.

Невозможно не вспомнить о молитвенном подвиге, который имел место быть в жизни о. Андроника. На Валааме было нашествие змей, и люди пришли к игумену за помощью. Настал день Воздвижения Креста Господня, игумен Андроник взял святую воду, молитвослов и пошел на поле, где находились змеи, греясь на камнях. Встал на середину поля и

Игумен Андроник (Трубачев), наместник Валаамского монастыря, на теплоходе. Валаам, 1992 г.

начал читать Акафист Иисусу Сладчайшему. Змеи не подходили к игумену, подняли свои головы и замерли, так и лежали, пока о. Андроник не закончил читать Акафист. Потом он стал кропить святой водой, – змеи уползли, так больше и не появляясь в этой местности. Осмелимся провести параллель, читая житие преп. Сергия: «Жил уединенно в непроходимой безводной пустыне, наполненной змеями, а ныне это град, к которому беспрестанно, днём и ночью, стремится множество людей, ныне это страна, где, по молитвам его, изошло множество источников и нет змей вокруг обители, доколе раздаётся звон колокола» (29, с. 9–10).

Пребывая на Валааме, о. Андроник благословил создать в Санкт-Петербурге, из числа прихожан подворья Валаамского монастыря, имевших способности к церковно-прикладному искусству и дерзновение послужить Богу своим трудом, – «Общество памяти игумении Таисии», заложив тем самым фундамент обширной культурно-просветительской деятельности. Промыслительно, что именно этой общиной были впоследствии изданы труды священника Павла Флоренского и биографический 6-томник «Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского», подготовленные к изданию о. Андроником (Трубачевым). Особо приносим благодарность иеромонаху Александру (Фауту), который возглавил эту общину и всегда оставался верным другом и помощником своему духовному отцу – игумену Андронику.

После незначительной реставрации Санкт-Петербургского подворья Валаамского монастыря (бывшее подворье Староладожского Успенского женского монастыря), начались службы, приходило множество верующих, среди которых было достаточно много представителей интеллигенции. Вот их-то и привлекало, что игумен монастыря был внуком свящ. Павла Флоренского. Игумен Андроник всей своей деликатностью наставлял, умиротворял прихожан, беседовал с ними. Постепенно Валаамское подворье, удобно расположенное в большом городе, становилось средоточием духовной жизни.

В 1991 г., когда Петербургское подворье еще не было полностью отремонтировано, поступил звонок от князя Зураба Чавчавадзе, который сообщил, что впервые в Россию прибудет глава Императорского дома Владимир Кириллович Романов с супругой Леонидой Георгиевной. Они хотели бы своими глазами увидеть эту великую страну, в особенности ее храмы. Князь Зураб Чавчавадзе рекомендовал именно Валаамское

Игумен Андроник (Трубачев). Валаам, 1990 г.

подворье и попросил благословения у игумена Андроника принять их. К утру уже было все подготовлено, гости подъезжали к подворью под торжественный колокольный звон. Игумен Андроник, как наместник монастыря, встретил главу Императорского дома Владимира Кирилловича с супругой Леонидой Георгиевной, преподал для целования крест, затем вся церемония вошла в храм, где произносилась ектения в честь Императорского дома. Была подготовлена замечательная трапеза, Валаамский хор пел царские гимны и песни Российской армии, которые тронули всех до глубины души. Состоялась радостная встреча бывших князей, аристократии, которую они ждали много лет. Вечером Патриарх Алексей II принял их в своей резиденции, где произошла встреча представителей Православной Церкви с главой Императорского дома Владимиром Кирилловичем Романовым. О чем они беседовали, – осталось сокровенным. Последующие дни игумен Андроник лично сопровождал царскую чету в Москве. Договорились о встрече с мэром Москвы Юрием Михайловичем Лужковым. Глава Императорского дома Владимир Кириллович и Леонида Георгиевна впервые вступили на Красную площадь.

Возникает вопрос: почему отец Андроник так почтительно относился к этой чете, взял на себя ответственность за организацию приема, сопровождение их в путешествии? – Дело в том, что он провел очень серьезное исследование по генеалогии рода Романовых. Оказалось, что эта ветвь Романовых является прямыми наследниками престола, а значит они – помазанники Божии. На Русском Соборе он прочитал доклад с доказательствами, генеалогическими таблицами о первенстве престолонаследия этих представителей рода Романовых. Отец Андроник понимал, что приезд монаршей четы – это подвиг, в первую очередь, для них самих, ведь могли быть различного рода провокации, поэтому нельзя было оставлять их без поддержки. Владимир Кириллович и Леонида Георгиевна были приятно удивлены тем, что это путешествие прошло для них так тихо, мирно и без неожиданных происшествий, были рады, что народ их принимал очень сердечно.

Но самое важное событие за игуменство о. Андроника – это встреча на острове Валаам Президента России Б. Ельцина, главы правительства Карельской республики и Патриарха Алексея II для передачи острова Валаам России. Дело в том, что финны, в то беспокойное для России время, могли отнять остров Валаам, заранее договорившись с главой Карельской республики. Нужна была встреча Патриарха Алексея II с

Президент Б.Н. Ельцин, Патриарх Алексей II, игумен Андроник (Трубачев), наместник Валаамского монастыря. Валаам, 1992 г.

Президент Б.Н. Ельцин, Патриарх Алексей II, игумен Андроник (Трубачев), наместник Валаамского монастыря. Валаам, 1992 г.

Патриарх Алексей II, игумен Андроник (Трубачев),
наместник Валаамского монастыря. Валаам, 1992 г.

Встреча Патриарха Алексея II с игуменом Андроником (Трубачевым),
наместником Валаамского монастыря. Валаам, 1992 г.

Президентом России Б. Ельциным и главой Карельской республики, чтобы подписать «Акт передачи» острова Русской Православной Церкви. И главную организационную роль взял на себя отец Андроник, выступая в качестве дипломата: когда он будет в Финляндии, то заехал бы на остров Валаам... О. Андроник взял на себя смелость уговорить Б. Ельцина приехать на остров. Он убедил аппарат Президента, что ему обязательно надо посетить остров Валаам, так как, по исторической традиции, все царские особы посещали Валаамский монастырь, одаривали своим вниманием и преподносили подарки, поэтому и ему неплохо было бы уподобиться им. Предложение было принято. Возникли некоторые сложности, ведь это событие должно было произойти там, где царил полная разруха. Но встречу надо было достойно подготовить, поскольку от нее зависели судьбы многих людей. И вновь Господь сотворил чудо. Приехал один слепой человек и уверил отца-наместника, что поможет в этом благом деле: он привез все, что было необходимо, – мебель, посуду, краску, доски. На остров приехал отряд кадетского училища с оркестром, отряд казаков, священники, миряне. Когда на Валаам на вертолетах прилетела правительственная делегация, первый Президент России Б. Ельцин никак не мог до конца понять, зачем его сюда пригласили. Игумен Андроник сыграл важную роль при встрече, – при поездке по острову, все объяснил Б. Ельцину, поэтому, придя в храм, Президент уже был готов издать Указ о передаче острова Валаам Русской Православной Церкви, в лице Патриарха Алексея II, а ему, в свою очередь, глава Карельской республики должен подписать «Акт передачи» острова Валаам России. Президента России и главу Карельской республики пригласили на экскурсию на адмиральский катер. И когда они оказались на палубе вместе с Патриархом, произошло подписание документов и «Акт передачи собственности», а в Преображенском храме уже публично – передача документов. Так свершилось это значимое историческое событие. Мало кто знает о том, как остров Валаам стал Российским.

Как и следовало ожидать, такие деяния игумену Андронику не простили в известных «отделах». Он немалую роль играл в этой встрече: где это было видано, чтобы игумен дерзнул договариваться с представителями государства, да еще всё, что они с Патриархом задумали, довести до благополучного исхода. Неожиданно о. Андроника перевели обратно в Троице-Сергиеву Лавру на преподавательскую деятельность. Патриарх Алексей II относился к игумену с пониманием и все сокрушался,

что ничего не может сделать, – такова, видать, воля Божья. Он дал благословение и напутствие со словами: «Вот теперь занимайся наследием своего великого деда – мученика-священника Павла Флоренского».

Очень тепло и с любовью к своему игумену описывают свои впечатления и воспоминания первые монахи Валаамского монастыря, которые размещены отдельной историей в данном издании.

Встреча Патриарха Алексия II с игуменом Андроником (Трубачевым),
наместником Валаамского монастыря. Валаам, 1992 г.

По благословию Патриарха Алексия II, игумен Андроник Указом был назначен директором Музея священника Павла Флоренского в Москве, который создавался четыре года. Большая благодарность выносится бывшему тогда заместителем министра культуры Вячеславу

Ивановичу Брагину за отзывчивость, смелость, настойчивость в создании первого в России музея священника и философа Павла Флоренского. Сам Вячеслав Иванович сомневался в положительном исходе этого великого дела, поскольку лично еще не видел ни помещения, ни подготовленных экспонатов. Когда он приехал в Сергиев Посад и увидел мемориальный дом, наполненный подлинными предметами священника Павла Флоренского, большой библиотекой, то понял, что этот музей необходимо создать вопреки всем трудностям, убедить работников министерства в оказании помощи. С появлением батюшки Андроника отношение со стороны служащих министерства поменялось с безучастного на благосклонное. Они дали направление в

Игумен Андроник (Трубачев) и В. И. Брагин в Музее священника Павла Флоренского.
Москва

строительный отдел Министерства культуры. В то время там работали специалисты высшей категории – военнослужащие, которые строили Байконур. При всей своей загруженности, о. Андроник находил время на беседы с ними, отвечал на интересующие их вопросы. И эти сдержанные, молчаливые люди преображались, с нетерпением ожидая следующего визита батюшки. Так создалась команда, которая помогала в составлении необходимых документов и в решении возникающих

вопросов на местах. На этом общение сотрудников строительного отдела с отцом Андроником не завершилось. Они стали часто ходить в церковь, причащаться, читать труды Павла Флоренского, обсуждать их, задавать вопросы. Можно сказать, отец Павел и батюшка отец Андроник привели к вере достаточно серьезных людей, которые от нее были далеки. Некоторые даже вылечивались от своих болезней, преодолевали душевные тяготы и тревоги. В дальнейшем многие из них стали инициаторами строительства храмов в своих родных местах, деревнях.

Возникли трудности и с установкой мемориальной доски, поскольку в надписи не разрешали указывать слово «священник», предлагали заменить его на «ученый» или «философ», и когда установили доску, никто не акцентировал внимание на том, что надпись на ней гласила: «Музей священника Павла Флоренского». Интерьеры музея великолепны, подобраны и скомпонованы со вкусом, а его экспонаты – уникальны, ведь все это личные вещи о. Павла Флоренского. Концепцию музея составил и подготовил отец Андроник, экспозицию – художник, иконописец М. А. Люшкина. Музей священника Павла Флоренского был открыт в 1997 г., находится он около Счетной палаты в центре Москвы на ул. Бурденко 16/12 кв. 21, 22.

На открытии освящал Музей епископ Бронницкий Тихон, а также присутствовали: заместитель министра культуры России В. И. Брагин, миряне, родственники о. Павла Флоренского. В большом Концертном

Игумен Андроник (Трубачев) представляет завершение многотомного труда "Путь к Богу" (т. I-VI, 2012–2020). 6-й том держит М. А. Люшкина. Москва, 2020 г.

зале им. П. И. Чайковского прошел праздничный вечер, на который был приглашен Патриарх Алексий II. До этого времени в стране не было музеев, посвященных духовенству. Это событие многим послужило примером стойкости духа в борьбе за свою идею, смелости в открытии мемориальных квартир, музеев, памятных досок новомученикам.

Вокруг отца Андроника организовалась небольшая музейная община, родная по мысли, духу и сердцу, которой он отдавал много своих сил. Он окормлял московскую верующую интеллигенцию, которая многие годы помогала осуществлять его планы по созданию музеев, расшифровке рукописей архива о. Павла, изданию книг, проведению множества конференций. Это были прихожане, работники музеев, писатели, художники, поэты, музыканты, философы, богословы. Их покоряла образованность, ученость о. Андроника, его умение слушать и вдохновлять.

На плечи о. Андроника легла тяжелая ноша всего наследия (архива) священника Павла Флоренского. До всех описанных событий о. Андроник уже окончил Историко-архивный институт, поэтому Кирилл Павлович Флоренский решил передать архив своего отца, Павла Флоренского, именно ему. На тот момент о. Андроник еще не был

Игумен Андроник (Трубачев) с сотрудниками: С.М. Половинкин, О. Ермишин, в кабинете Музея священника Павла Флоренского. Москва

Панихиду по К. П. Флоренскому служит владыка Питирим (Нечаев), помогает А. С. Трубачев. Справа – Флоренский В. К. (сын Кирилла Павловича). 13.04.1982

рукоположен в сан священника, а известен как Александр Сергеевич Трубачев.

До открытия Музея архив хранился в квартире семьи Трубачевых в Москве. В него входили богословские, философские произведения, учебно-педагогические труды по искусству, стихотворное наследие и большой раздел математических, электротехнических работ. Как профессионал о. Андроник понимал, – чтобы издать этот многотомный труд, нужен серьезный подход к расшифровке рукописей. Почерк у о. Павла был очень трудный, идеи выражались двумя-тремя малознакомыми словами, сплетенными в одну строчку. Только очень грамотный и эрудированный человек мог заниматься расшифровкой этих рукописей. И Господь посылал таких людей. Им самим было очень интересно заниматься столь особым делом, ведь почти ничего не было известно из произведений о. Павла. Учились расшифровывать рукописи, затем расшифровки отдавали отцу Андронику, которые он вычитывал и правил. Одним из верных и долгих помощников был Сергей Михайлович Половинкин, философ, опытный преподаватель РГУ. Когда расшифровывались рукописи, они с отцом Андроником

С. Половинкин и игумен Андроник (Трубачев) с посохом отца Павла Флоренского в Музее священника Павла Флоренского. Москва

Книги 6-томного труда игумена Андроника (Трубачева) «Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского»

очень многое проговаривали между собой, советовались, давали оценку наследию. Сергей Михайлович был большим помощником в рукописном деле и жизни Музея. Он принимал самое активное участие во многих конференциях и вечерах, которые проводились в Музее. Сергей Половинкин оставался верным другом отцу Андронику на протяжении долгих лет (1988–2019 гг.). Он даже приезжал на Валаам, и там, в Никольском скиту, они доканчивали расшифровки рукописей.

Многие годы, почти 20 лет, были положены на разбор и расшифровывание архива. В этом также принимали участие П. В. Флоренский, А. И. Олексенко, О. Ермишин, А. Казарян, А. Харьковский, С. З. Трубачев, С. Кравец. Благодаря их бесценной помощи, архив был описан, приведен в порядок, были расшифрованы и изданы почти все произведения. Все это легло в основу 6-томного труда отца Андроника «Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского». Это единственная в мире полная биография священника Павла Флоренского. Седьмой том был оформлен исключительно как библиографический. Отец Андроник проследил по днев-

Святейший Патриарх Кирилл вручил игумену Андронику Макарьевскую премию за труд «Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского»

никам и записным книжкам почти каждый день жизни священника Павла Флоренского: что делал, с кем был знаком, что написал, какие научные изобретения были описаны, а также адреса знакомых, куда ездил. Подобный труд есть в мировой литературе – это энциклопедия, посвященная М. Ю. Лермонтову.

Дать оценку и направить на путь изучения наследия священника Павла Флоренского мог только священник, стоящий у престола, ученый, философ, богослов. О. Андроник как никто другой понимал, что Павел Флоренский – проводник философских, богословских, искусствоведческих, технических идей не только XX-го, но и грядущего столетия. Он сподобился проникнуть в тайны этого гения, определить место Флоренского и его значимость в мировой истории.

Далее начали расшифровывать его математические труды. К великому сожалению, первый технический том издали в 2022 г., уже после смерти о. Андроника.

Стоит отметить, что помимо работы с архивом о. Павла Флоренского игумен Андроник никогда не оставлял свою научную дея-

тельность: был членом научно-редакционного совета по изданию Православной энциклопедии, куратором раздела русской агиографии, рецензентом и автором статей Православной энциклопедии. С 1993 г. по 1998 г. выступал членом научно-редакционного совета по изданию «Истории Русской Церкви» Макария (Булгакова), митрополита Московского и Коломенского. Писал множество статей, выступал на многочисленных конференциях.

Научные интересы игумена Андроника были сосредоточены в области агиологии. В работах из этой области особое внимание уделяется выявлению характерных черт святости подвижника, его духовной генеалогии, влияния на мировоззрение эпохи. В работах по биографии особо подчеркивается то, что повлияло на мировоззрение, характер, психологический тип данного лица.

В частности, игумен Андроник пытался разграничить понятия родословной и рода, как опирающихся на различные идеи дробной бесконечности, множественности и конечного множества, целого. В агиологии и биографии он разработал понятие об особой отрасли знания – топографии (топографика – выявление и описание таких духовных, исторических, этнографических и географических черт определенного места, которые резко выделяют его от остальной местности и делают особым и духовно значимым).

В области истории русской философии игумен Андроник исследовал биографию и творческое наследие П. А. Флоренского: «Не печальтесь обо мне» (М., 2007 г.), подготовил тексты его работ к изданию. Он осуществил составление и редактирование сочинений П. А. Флоренского в 2-х томах в издательстве «Правда» (т. 1–2, М., 1990 г.), 6-томного издания сочинений священника Павла Флоренского, вышедшего в серии «Философское наследие» (М., 1994–2004 гг.), многотомного собрания сочинений священника Павла Флоренского «Академического проекта» (т. 1–8, издание продолжается). Был составителем книг священника Павла Флоренского: «Детям моим... Из моей жизни» (М., 1992 г.) и многих других.

Игумен Андроник впервые в истории русской философии осуществил задачу подготовки научно-критического текста по философии. Рукописи П. А. Флоренского, изданные под редакцией игумена Андроника, снабжены текстологическими исследованиями, примечаниями, комментариями, публикацией вариантов и фрагментов текстов и

Игумен Андроник (Трубачев) в Доме-музее свящ. Павла Флоренского. Сергиев Посад

приложений. В значительной мере игумен Андроник является первопроходцем в работах по биографии П. А. Флоренского. В биографических исследованиях использованы данные государственных и частных архивов, выявлены основные черты личности П. А. Флоренского, генеалогия его самого и родственников семей, исследована его служебная деятельность, установлены точная дата смерти и место захоронения.

В 1982 г. игумен Андроник впервые опубликовал «Список печатных трудов священника Павла Флоренского».

Вся эта огромная работа по исследованию и изданию богатого творческого наследия священника Павла Флоренского является ценнейшим вкладом в отечественную культуру.

*Приветственный адрес
секретарю Синодальной богослужебной
комиссии игумену Андронику (Трубачеву)*

Ваше Высокопреподобие, всечестный отец игумен Андроник!

В день Вашего шестидесятилетия собратия Ваши по Синодальной богослужебной комиссии обращаются к Вам с поздравлением и благодарят Бога за посланный Вам от Него благословенный юбилей!

С самого раннего возраста Господь избрал Вас и вел к служению Ему на научном поприще, наставлял Вас во время учения в Московском государственном историко-архивном институте, и затем в Духовной семинарии и академии. Молитвами Ваших дедов – священномучеников протоиерея Зосимы и отца Павла, Вы сподобились вступить под благодатный покров обители преподобного Сергия – принять монашеский постриг и стать одним из его учеников. Бог даровал Вам и самое главное в жизни, как прекрасно говорил и писал об этом Ваш дедушка, отец Павел, – великий сан священнослужения: Вы стали иеродиаконом, и потом иеромонахом.

Многие годы Вы посвятили бескорыстному и многоплодному труду в Издательском отделе Московской Патриархии, редактируя отделы «Проповедь» и «Богословский отдел» в «Журнале Московской Патриархии». Вы трудились над двумя томами «Настольной книги священнослужителя», а потом много лет непрерывно подвизались как редактор и руководитель издания Богослужебных миней, в которых собрали множество служб из древних рукописей, отдельных изданий, привлеченных отовсюду. Этот подвиг может сравниться только лишь с трудом Всероссийского митрополита Макария в составлении им Великих Четий-Миней в XVI-м веке.

Ваши труды и внимание к канонизации святых были увенчаны подвигом Вашей любви к Святой Руси – составлением Службы к 1000-летию Крещения Руси, которая явилась продолжением трудов нашего великомученика и исповедника, святителя Афанасия (Сахарова), бывшего председателем Синодальной богослужебной комиссии. Вы написали службы святым: Андронику Московскому, Максиму Греку, Пимену Угрешскому, сочинили много тропарей, кондаков и стихир. Ваш почерк и стиль можно узнать во многих службах Минеи Новомучеников XX века.

Заседание Синодальной богослужебной комиссии. Троице-Сергиева Лавра, 2016 г.

Игумен Андроник (Трубачев) на заседании Синодальной богослужебной комиссии. Троице-Сергиева Лавра, 2017 г.

Ваши многочисленные дарования украсились и подвигом преподавания в Московской духовной академии и семинарии. Множество студентов получили от Вас слово научения и наставления, многим студентам Вы передали традиции и воззрения своих отцов-наставников и дедов-мучеников, преподавая нравственное богословие, патрологию, пастырское богословие и, традиционное для преподавания ректоров, Священное Писание Нового Завета.

Кроме научных и преподавательских трудов, Вы были призваны возглавить Валаамский монастырь в самое тяжелое время – возобновления монашества и духовной жизни в нем. Наверняка до сих пор сохраняются там те добрые семена и основы, положенные Вами в созидании монашеской жизни.

Ваши труды в Православной Энциклопедии, участие в работе Синодальной богословской комиссии удивляют широтой интересов, научной аккуратностью и отчетливостью изложения, приближая к нам эпоху дореволюционной Академии и демонстрируя преемство научно-богословской школы.

Приветствуя Вас сегодня, мы возносим свои молитвы о Вас и просим Господа нашего – да сохранит Он Вас еще на долгие годы в здравии, мире, тишине, активной работе на благо Святой Церкви и даст возможность нам и далее радоваться совместными встречами и общими трудами.

Храни Вас Господь на многая лета!

*25 октября/7 ноября 2012 года
Троице-Сергиева Лавра, город Сергиев Посад
Члены Синодальной богослужебной комиссии*

Соболезнование митрополита Константина в связи с кончиной игумена Андроника (Трубачева)

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин

Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему Фоме,
Епископу Сергиево-Посадскому,
Викарию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси,
Наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры

Дорогой Владыка!
Дорогие отцы!
Дорогие родные и близкие почившего отца Андроника!

Со скорбью в сердце воспринял известие о кончине секретаря Синодальной богослужебной комиссии доцента игумена Андроника (Трубачева)!

Отец Андроник был одним из выдающихся духовных деятелей Русской Православной Церкви нашего времени. Ревностный служитель Престола Божьего, он черпал в совершении Бескровной Жертвы великое вдохновение, которое позволяло ему стать автором многих и многих прекрасных духовных творений, ныне повсеместно вошедших в литургическую жизнь нашей Церкви. Его перу принадлежат служ-

бы преподобным Андронику Московскому, Максиму Греку, Пимену Угрешскому, а также ряд тропарей и кондаков. Его труды в области агиографии принесли ему заслуженный авторитет, он был назначен на должность секретаря Синодальной богослужебной комиссии, возглавляемой мною на протяжении многих лет. Я всегда был рад личному знакомству с отцом Андроником. Общение с этим добрым, умным, чутким и деликатным человеком, обладавшим совершенным чувством прекрасного и дивным духовным настроем, было для меня всегда особенно дорого. Таким я его запомнил еще со студенческих лет, когда он в Духовной академии преподавал пастырское богословие.

Разносторонне образованный человек, обладавший очень большим спектром интересов, отец Андроник уделял много внимания сохранению памяти жертв политических репрессии XX века. Особенное место в сонме русских мучеников той страшной эпохи для него занимал священник Павел Флоренский, музей которого он создал в Сергиевом Посаде.

Для каждого православного карельского сердца имя новопочившего отца Андроника особо дорого и памятно, ведь именно он положил начало возрождению Спасо-Преображенского Валаамского ставропигиального мужского монастыря – одной из главных святынь карельского Православия.

Вознося молитвы ко Господу о упокоении его души в селениях небесных, выражаю искреннее соболезнование Вам, дорогой Владыка, насельникам Лавры, духовным чадам, родным и близким новопреставленного. Мысленно даю последнее целование почившему и выражаю надежду, что по слову Спасителя он услышит желанный глас: «... добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость Господа твоего» (Евангелие от Матфея 25:21).

Да сотворит Господь новопреставленному отцу Андронику вечную память!

*Константин,
Митрополит Петрозаводский и Карельский,
Глава Карельской митрополии,
Председатель Синодальной богослужебной комиссии*

Могила игумена Андроника (Трубачева) на братском кладбище Троице-Сергиевой Лавры в селе Деулино

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИГУМЕНЕ АНДРОНИКЕ (ТРУБАЧЁВЕ)

Воспоминания архимандрита Макария (Веретенникова),

российского историка-медиевиста, профессора Московской духовной академии, доктора церковной истории, члена Синодальной комиссии, лауреата Макариевской премии

5 апреля 2022 г. в Покровском храме Московской духовной академии была совершена панихида по случаю годовщины со дня кончины доцента Академии, насельника Троице-Сергиевой Лавры игумена Андроника (Трубачёва). Богослужение возглавил насельник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры профессор архимандрит Макарий (Веретенников). Ему сослужили преподаватели и студенты Академии в священном сане, а также насельники Лавры. Перед началом панихиды архимандрит Макарий произнёс краткое слово.

Игумен Андроник закончил Историко-архивный институт, а затем пришёл трудиться в Издательский отдел Московской Патриархии при митрополите Питириме. Одновременно он стал учиться в Московской духовной семинарии. В конце Академии он стал монахом Троице-Сергиевой Лавры. Подвизаясь в Издательском отделе Московской Патриархии, он при-

Архимандрит Макарий (Веретенников)

нимал участие в работе по подготовке к изданию так называемых «зеленых» Богослужебных миней.

Идея издания этих книг принадлежит другому доценту нашей Академии – архимандриту Иннокентию (Просвирину). Это была его идея издать Богослужебные миней русским святым, она очень занимала его. Он проделал большую библиографическую работу по выявлению изданных служб русским святым. В процессе подготовки к празднованию 1000-летия Крещения Руси в Издательском отделе проводились различные совещания, редсоветы. И вот на одном редсовете владыка Питирим сказал: «Почему издавать службы только русским святым, – надо издать все в полном объёме».

Так стала формироваться концепция Богослужебной минеи. Если мы сравним «зеленые» Миней с Синодальными минеями, то последние содержат только главные службы на праздники того или иного дня. А вот современные, так называемые «зеленые» Миней – это другой подход, это максимальное привлечение всех богослужебных текстов. Синодальные миней жили в своё время в окружении множества изданных малоформатных отдельных служб, брошюр, но к 80-м годам XX века, когда стали издавать новые Миней, эти издания стали зачастую библиографической редкостью и хранились либо в государственной библиотеке, либо где-то на приходах в единственном экземпляре. И вот теперь было принято решение объединить это всё вместе и издать в одном переплете. Поэтому современная Миней на порядок больше по своему объёму по сравнению с Синодальными минеями.

Благодаря этому, в Миней вошла, например, вторая служба мученику Уару, вторая служба святителю Ипатию Гангрскому, а также множество служб русским святым и чудотворным иконам. В Минеях появились также агиографические справки, появились прориси святых, появились иллюстративные приложения, которые могли быть положены на праздник в качестве иконы на аналое. И вот в этой важной работе над комплексом богослужебных книг и участвовал игумен Андроник.

Данные Миней явились вкладом в подготовку к празднованию 1000-летия Крещения Руси. И главным торжеством этого празднования явилось проведение Юбилейного Собора, который проходил здесь, в Троице-Сергиевой Лавре, в Трапезном храме. В первый день работы Собора на послеобеденном заседании был канонизован целый лик русских святых, подвиги которых охватывают шесть веков русской

святости. Но после этого встала проблема создания новых служб новоканонизованным святым. И год спустя, в 1989 году, была образована, создана Богослужebная комиссия и в нее включили игумена Андроника, как опытного сотрудника при работе с богослужebными текстами.

Мне больше всего приходилось с ним общаться именно на заседаниях этой комиссии. И я бы сказал, что его отличала особая острота восприятия текста, умение найти нужное выражение для прославления угодника Божия. Я приведу только один пример. В этом году исполняется 60 лет со дня кончины святителя Афанасия Ковровского. Это гимнограф, литургист, богослов Русской Церкви XX века. Еще будучи иеромонахом, он принимал участие в работе Поместного Собора Русской Православной Церкви, который избрал Святейшего Патриарха Тихона. И вот, благодаря той литургической группе, в которую входил святитель Афанасий, тогда еще будучи иеромонахом, и было учреждено празднование Всем русским святым в Земле Российской просиявшим. Была составлена служба им, к тексту этой службы святитель Афанасий постоянно обращался в последующее время. Известны стиховные стихиры праздника, в которых есть такая крылатая фраза: «Русь Святая, храни веру православную – в ней же тебе утверждение». И вот, когда подошло время составлять службу святителю Афанасию, то именно отец Андроник предложил эти стихиры поместить в службу святителю Афанасию, но уже в отредактированном виде. Поэтому там получилось так, что святитель Афанасий взывал, призывал, наставлял: «Русь Святая! Храни веру православную, в нейже тебе утверждение!».

Кроме этого, отец Андроник приложил много усилий по изданию трудов известного богослова XX века, отца Павла Флоренского, внуком которого он является.

Последние годы отец Андроник много болел, и порой даже очень сильно. Так, в 2015 году, когда он выписывался из больницы, врачи сказали: «Ну, до конца года поживет...». Однако, как говорил наш медик, игумен Тихон, болезни у монахов протекают по-своему. Два года спустя, в 2017 году, игумен Андроник пережил еще большие недуги, и, милостью Божьей, он встал с одра болезненного. Мы на Литургической комиссии говорили, что Господь продлил его жизнь для того, чтобы он стал лауреатом премии имени Макария, митрополита Московского (Булгакова). Именно в 2019 году игумен Андроник

стал лауреатом этой премии за многотомный труд, посвященный отцу Павлу Флоренскому, – «Путь к Богу».

Таким образом, мы видим, что отец Андроник внес достойный вклад в созидание сокровищницы русского Православия.

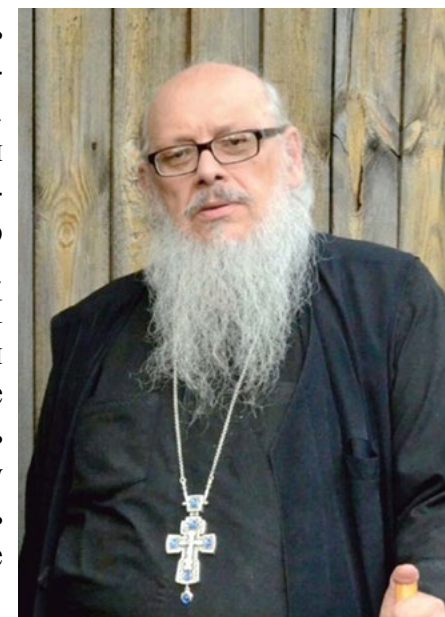
Вознесем молитвы, чтобы Господь упокоил его бессмертную душу в Своих селениях.

Воспоминания протоиерея Сергея Правдолюбова,

***настоятеля храма Живоначальной Троицы в Троицком-Голенищеве,
магистра богословия, члена Синодальной богослужebной комиссии***

Конечно, я не знаю очень и очень многого в отношении дорогого и почитаемого мною отца Андроника. Каким-то образом мы не совпадали ни в момент обучения в Московской духовной академии, ни где-то по богослужebным обязанностям. Мы даже не знали друг о друге. И только лишь значительно позже я его немного узнал, и он меня тоже узнал, – поэтому подробно говорить и много говорить я не смогу, потому что так благоволил Господь: не быть нам близко друг от друга, а потом уже встретиться.

Главная его особенность, о которой хочется говорить на первом месте – это невероятная трудоспособность. То есть такая активность деятельности тем, чем он занимается, и возможность такой деятельности: то есть знание, высокий уровень культуры, традиции их рода, и поэтому и его трудоспособность – я думаю, это счастливая особенность, которая позволила ему очень и очень много сделать.

Протоиерей Сергей Правдолюбов

Подвиг, который мало еще оценен, тружеников в православной гимнографии, в православной литургике – это комплект «зеленых Миней», так называются они в студенческой среде. Это многолетний труд собирания отовсюду, из разных рукописей, и даже древних рукописей, собирания текстов и изданий их. Да, конечно, не на славянском языке, русскими буквами на славянском языке, – но тем не менее корпус поразительный. Эти Минеи, конечно, требуют изучения – как они смогли появиться. Есть статьи отца Иоанна Самойлова об изданиях новых Миней, новых очередных зеленых томов, и они почти все есть мелким шрифтом в «Журнале Московской Патриархии». Но в то же время хотелось бы (я не знаю, возможно ли это) – хотелось бы еще конкретнее и информативнее рассказать, откуда и как появлялись тексты в этих чудесных Минеях. Говорят, какой-то шкаф был с выписками, откуда тексты публикуются; но, к сожалению, не было это организовано как большой и очень важный пласт в этой работе, который имеет, безусловно, большое научное значение. К сожалению, это упущено.

Этот корпус Миней, он очень сильно нас всегда интересовал. Мы, когда учились в Академии, даже скорбели. А у нас преподавал сам владыка Питирим, и я как-то после лекции к нему подошел и сказал: «Владыка, но как же так, мы такие неимущие, у нас денег-то нет, нам требуется: кому купить плащ, кому купить ботинки, и только накопим денежки – выходит очередной номер Минеи, и все деньги уходят на Минеи». А владыка Питирим сказал смело и решительно: «А это не для вас Минеи, это для старост, которые довольно обеспечены, и для храмов, которые эти Минеи должны иметь в своем составе». Я говорю: «А как же мы, мы же пропустим эти Минеи. Разве можно их пропустить?». Нет, он как-то не обратил внимания, что нам нужны Минеи. Но это такая мимолетная скорбь, когда это дело было. Главное, что можно было купить каким-то образом и собрать.

Сколько трудов там было – говорить почти невозможно. Это подвиг, это надо и учесть, и иметь, и знать. Иметь в виду, знать, что этот подвиг был совершен. И отец Андроник был одним из деятелей, которые именно этот труд и подъяли, вместе с теми, которые там были, этот проект осуществляли.

Второе, о чем можно сказать, и отец Андроник сам говорил. Отец Андроник как-то, незадолго до смерти своей, говорил: «Как посмотрю на полку, которая у меня стоит в моем доме – все-таки я не зря прожил

свою жизнь». И сочинения отца Павла Флоренского, и его колоссальный труд «Путь к Богу», связанный с отцом Павлом Флоренским, – а там ведь одиннадцать томов, и справочный том один громадный, – это действительно результат колоссального труда, постоянного труда. Труд, я бы сказал, опять-таки не оцененного по достоинству. Такой сильный труд, удивительный, я потом еще об этом скажу, это подвиг отца Андроника, который надо понимать, чтить и пользоваться этими трудами.

Мое отношение к отцу Андронику всегда было трепетное, со страхом, с почитанием. Я хорошо знал, из какой семьи отец Андроник, какие у него люди: как отец Зосима, его дед-священномученик, и отец Павел, который пострадал за Христа даже до смерти. И поэтому отношение у меня было к нему всегда с трепетом и волнением. Тем более у меня была личная причина к нему так относиться: отец Анатолий рассказывал, как он был на Соловках в 1937 году, он был и в 35-м, и в 36-м году; отец Анатолий, мой отец, и его отец, то есть мой дед – протоиерей Сергей, который был прославлен потом как священноисповедник, – они в одно и то же самое время были на Соловках, и отец видел отца Павла Флоренского, и дед. Больше всего вдохновлялся дед, он просто говорил сыну: «Смотри, смотри, это отец Павел Флоренский, смотри!» И даже стеснялись к нему подойти, – настолько понимал отец Сергей его духовную силу, его умственные невероятные горизонты, трудно объяснимые, и проникновение вглубь – это был только трепет и уважение.

В моей личной жизни творения отца Павла были очень важными для меня. Я довольно поздно прочел «Столп и утверждение Истины», когда я уже учился, был студентом в музыкальном училище, и сумел найти скопированное, ксерокопированное в четырех томиках «Столп и утверждение Истины», тем самым – прежним шрифтом, первоначальным шрифтом, который задумал еще отец Павел, – я прочел, на меня оказало очень сильное влияние и принесло радость, радость утверждения не только лишь в какой-то интуиции о том, что Бог есть, Бог существует, и Бог является хозяином мира, а нечто, какая-то странная природа, – я получил как бы некоторое твердое основание своим юношеским раздумьям тогда, еще будучи студентом музыкального училища. А когда я поступил уже в Духовную академию, как раз в 1977 году, была издана в «Богословских трудах» «Философия культуры». Я был просто поражен, я никак не ожидал вот этого текста, и тако-

го текста. Почему? Я всегда интересовался отцом Павлом и читал, старался читать как можно больше, что я могу найти; я знал, что он вырос в семье не священника, не где-нибудь при монастырском подворье и, как я позднее говорил, не с кадилом в руках (это я себя имел в виду, дети священника могут, как говорится, рождаться с кадилом в руках) – нет, он сын инженера-мостостроителя, авторитетного очень человека; но как он сумел, как он сумел понять богослужение?? Ведь он же закончил Университет. Какой факультет, – богословский, как принято в Европе? – Нет! И вот это поразительно.

Я когда прочитал в «Богословских трудах» первое издание этого труда, и как раз тогда владыка Питирим читал нам лекции, я подошел к нему, тоже в перерыве между занятиями, и сказал: «Владыка, разрешите Вас поблагодарить, это чудо, что Вы издали такие тексты, это невероятно». А он мне говорит: «А меня ругают: это неправильно, что это не так, некоторые не понимают этого». Я говорю: «Владыка, я вырос в Церкви, я это все, о чем отец Павел говорит, я это все интуитивно чувствовал, стремился понять, кое-что понимал, – но отец Павел для меня просто показал всю эту глубину, невероятную глубину. Я полностью принимаю, радуюсь и благодарю Бога, что есть такая». И очень его сильно благодарил.

Забегая вперед, скажу потом, что не один раз читал я эту книгу и даже сподобился по своей инициативе, без просьбы отца Андроника, взять и те опечатки, которые были допущены, или неправильное написание на разных языках слов, – я составил список неточностей, список возможных исправлений на двух с половиной страницах А4 формата и отцу Андронику отдал. Он как-то так посмотрел странно, но взял. И потом учел. Это удивительная работоспособность – учел. И пока мы занимались в Синодальной богослужебной комиссии, он подготовил еще одно издание, и даже учел все мои замечания, и даже – парадоксальный случай, кроме меня там еще два или три человека, из Франции и из Англии, кажется, еще, они тоже вносили свои исправления – и отец Андроник попросил обязательно отметить на титульном листе очередного издания, что с исправлениями печатается по такому-то изданию такого-то года, с исправлениями этих из Европы и протоиерея Сергия Правдолюбова. Он решил даже обозначить, что и я приложил свою руку к таким вещам, как опечатки. И для моего смирения совершенно удивительный тоже факт: отец Андроник был

недоволен, очень недоволен, сердился – дело в том, что новое издание сделали, а титульный лист с новым оборотом или забыли, или просто не успели в блок внести, они взяли и сделали только в одном экземпляре этот оборот титульного листа с обозначением тех, кто внес свои поправки. И отец Андроник искал-искал, искал-искал в новых изданиях, потом нашел: отец Сергей, вот только для Вас, пожалуйста, вот экземпляр. С одной стороны, это уникальный экземпляр, библиографическая редкость, а с другой – зачем уж обязательно упоминать, кто что исправил, это не самое главное.

Что хотелось бы сказать о серии «Путь к Богу» отца Андроника. Невероятный метод: некое воспроизведение того, что бывает с любым человеком, который что-то изучает. Вот человек читает, читает, ищет или про какого-то человека, или про какое-то явление, или про какого-то древне-византийского песнотворца; у него накапливается информация, он делает выписки одного, другого, третьего, на одном языке, на другом языке. И потом он это вместе в свою голову принимает, у него получается такой стереоскопический образ того, что он нашел в разных библиотеках, в разных книгах (тогда еще интернета не было) – одним словом, его объемное впечатление о том, что он пишет, рождается далеко не сразу. Что сделал отец Андроник? Он собрал то, что можно было прочесть об отце Павле, о событии, о том, что было, один документ, другой документ, потом публикация в каком-то журнале, потом некоторые впечатления, воспоминания как это было, – и это научная работа, которая продельвается одним человеком для самого себя, здесь становится доступной для всех. Я такого нигде не встречал! Может быть, я не знаю, есть ли такие написанные вещи. Но то, какой это дает эффект, – невероятно сильно, поразительно. И вот том, в котором рассказывается об изъятии святых мощей, – он просто буквально вводит в само течение событий, ты ощущаешь, как будто ты присутствуешь: один документ, другой, потом из Москвы такой-то документ, а это из Сергиева Посада, а это так, это так, – и ты буквально присутствуешь при этом, со страхом и ужасом, когда мощи преподобного Сергия лишали благочестивых погребальных, как святого человека, покровов, одеяний и всего прочего... ты присутствуешь, видишь, страшишься, ужасаешься – эффект того, что ты там находишься.

Первые тома я тоже все внимательно прочел, это тоже очень полезно и очень, и очень важно. Очень благодарен дорогому отцу Андронику.

В жизни, кратко. Потаенность. Он никогда вот так не раскрывался, не говорил, не смеялся. Духовная некая потаенная такая жизнь. Невероятное смирение. Простота.

Первый раз я его увидел в Издательском совете, там где минейный домик. Он меня увидел, сказал: «Отец Сергей, иди сюда, подойди посмотри, вот такой текст есть, вот в такой-то майской Минеи, зеленой Минеи, посмотри, как это близко к Андрею Критскому». Я посмотрел, сказал: «Да, удивительно». И вот и он со мной познакомился, и я с ним, хотя раньше никогда не встречался. Но потом, постепенно, я начал довольно поздно преподавать, уже когда отец Андроник давно преподавал, но все равно как-то приходилось встречаться, и вот в одну из встреч я ему говорю: «Отец Андроник, вот ожидается прославление святых; я знаю, что Ваш дедушка, отец Павел Флоренский, был оппонентом на защите профессора Александра Туберовского». Он говорит: «Я знаю, есть отзыв на эту работу». Я говорю: «Я знаю, что отец Александр, тогда еще просто Александр Туберовский, относился, скорее, к другой стороне – профессоров-пиджачников, которые не совсем понимали и ректора, владыку Феодора, и монахов лаврских, и академических. И я знаю, что он писал какое-то письмо против отца Павла. А вот, если мы сейчас готовим прославление, – можно ли его прославить, если вот такое отношение к Вашему деду, надо ли?» Он: «А почему бы нет? Прославляйте». Меня это удивило и обрадовало. Я понял, что личные отношения его деда с этим профессором – это совершенно одно, земное; а небесное и духовное – это совсем разные вещи. О. Андроник дал согласие, и я до сих пор ему благодарен: да, прославили, он является нашим новомучеником, среди маккавеевских наших святых, знаменитый профессор Александр Туберовский. Но если у них было недоразумение, это не мешает прославлению того и прославлению другого.

Вспоминается, как меня позвал... я даже не так скажу: меня позвал владыка Алексей работать в Синодальную богослужебную комиссию. Но, видимо, владыке Алексею сказал об этом отец Андроник; если бы не он, то я бы там не был и в этой комиссии не работал. И владыка Алексей мне позвонил, я сказал, что спрошу благословения своего духовника, и если он скажет, то я послушаюсь своего духовника. Он с радостью благословил. Какие замечательные люди в этой комиссии! Владыка Алексей тоже очень радовался. И потом начались наши со-

вместные встречи, совместные работы, и я гораздо больше узнал отца Андроника, и еще больше у меня увеличился некоторый страх перед его уровнем духовным и умственным. Это духовные и умственные аристократы, я бы сказал, последние волны той культуры, именно и духа, и умственных знаний и возможностей. Важно вспомнить деталь: когда в полемике наши собратья начинают говорить, критиковать, нападать, и когда один слишком критикует, то владыка Алексей говорит: «Стоп-стоп-стоп, Вы об отце Андронике говорите? Убавьте свой пыл, вы не имеете возможности так отбрасывать его слова, его варианты и его взгляд, знайте свое место». Трепетное отношение к отцу Андронику – это замечательно, и я это понял, и он внимательно сам иногда читал отца Павла Флоренского и делился с нами прочитанным с большой духовной пользой и с большим почтением.

О служении отца Андроника на Валааме ничего не знаю, это прошло мимо меня. Проповеди его я слышал, но больше всего только потом уже, не в самом храме на праздник преподобного Сергия. Это было бы замечательно, но ни разу я этого не слышал. Он прекрасно проповедовал, и особенно на большие праздники, касающиеся Троице-Сергиевой Лавры и преподобного Сергия.

Вспоминаю, как меня отец Андроник позвал на вечер, было такое название – «Возвращение забытых имен», в Доме ученых. Это было только в самом начале перестройки, и тогда был такой пафос – возвращение забытых имен. И там большой плакат с надписью: «Павел Флоренский». Я пришел туда. Я уже Академию закончил, кандидатскую написал, но все равно – кто я такой? И когда мне отец Андроник сказал: «Отец Сергей, выступите тоже об отце Павле», – я довольно резко выступил. В каком плане? – Я сказал: «Не совсем точное название вашего вечера, не совсем точное название этой надписи на плакате. Я не знаю слов: “Павел Флоренский”, я знаю только то, что “священник Павел Флоренский”, – вот это да. Священство отец Павел считал важнейшим своим служением, на первом месте, именно священство. Поэтому не надо писать “Павел Флоренский”, а – “священник Павел Флоренский”». И отец Андроник это запомнил. Это я хорошо помню, и он много раз употреблял, и всегда именно учитывал, что «священник Павел Флоренский».

Помню, там был Борис Викторович Раушенбах, академик; он меня тоже очень внимательно слушал, особенно когда мне пришлось проци-

тировать одно немецкое слово из одного немецкого философа. Он очень тоже внимательно слушал. Это была какая-то некая духовная весна, – радость и в то же время возможность говорить о том, что мы скрывали, о чем молчали. И это был замечательный вечер в Доме ученых.

Конечно, помню открытие выставки о Соловках в Храме Христа Спасителя в 2011 году. Это уже много времени прошло, но все равно, как-то было очень хорошо. Отец Андроник там возглавлял эту выставку и говорил прекрасные вещи, выступления, там были гости почетные, и так было ярко, и меня он попросил, я тоже выступил – но не в таком «академическом» стиле, а откровенно, просто, немножко не то чтобы их повеселил, но просто разговаривал. Это было памятно, хорошо и тоже на всю жизнь вспоминается.

Уже много лет спустя, не то чтобы очень, но много лет спустя после нашей совместной работы с отцом Андроником, – я, конечно, посетил дом отца Павла Флоренского, и отец Андроник мне показал все это: стол, за которым писал «Столп и утверждение Истины» отец Павел, его московский дом, и эти вот полки смиренные, простые, этот вот дух удивительного человека... Это все было, и я очень сильно, можно сказать, это чту, радуюсь и Бога благодарю.

Был я и на открытии памятника – там еще был только Крест, без отца Павла, один Крест, недалеко от дома в Сергиевом Посаде. И тоже там присутствовал, тоже очень было мне радостно. И какая-то критика, которая мне попала, – я на нее мощно, активно ответил, потому что они и на отца Андроника нападали. Я им все сказал, все объяснил на пальцах, что они делают и на кого они нападают. И вот когда уже, лет семь до смерти отца Андроника, приблизительно так, меня попросил один корреспондент об отце Павле, о Флоренском рассказать; он делал репортаж, даже не репортаж, а просто небольшую статью об отце Павле, которая называлась у него, у этого корреспондента: «Мужественная мысль Флоренского». Я там смело говорил, и как-то немножечко слишком смело, надо было с отцом Андроником посоветоваться, но я не считал себя таким авторитетом, которому обязательно нужно спросить у отца Андроника, что говорить и что не говорить. Мало ли что я скажу, какое это имеет значение. А отец Андроник был недоволен, сказал: «А почему Вы позволили себе такие слова?» Я говорю: «Отец Андроник, я всегда как думаю, так и говорю. Так сказал, может быть, неудачно, простите». Он дулся несколько ме-

сяцев, а потом уже, прошло год или полтора, он мне во время занятий в Комиссии сказал: «Отец Сергей, можно я Вашу эту статью помещу в список литературы об отце Павле Флоренском?» – «Конечно, я буду очень рад». – «Очень хорошо, спаси Господи».

И последний раз мы с ним встречались уже почти за полгода до его кончины, в доме Алексея Федоровича Лосева. Он сделал презентацию своих трудов «Путь к Богу», сидел за столом, там было очень много народу, внимательно слушали, с большой любовью, с пониманием, я сделал несколько фотографий, которые удалось потом опубликовать в брошюре о песнопении и песнотворчестве, которую мы хотели сделать именно для отца Андроника, пока он жив, – там, где об отце Матфее (Мормыле) есть материал, о том, как пишутся службы, и я все это хотел собрать, и чтобы пока отец Андроник еще жив, чтобы он порадовался. Я не успел. Почти уже было сделано, почти готово... Он уже скончался. Это была очень большая скорбь. Помню его отпевание в Троице-Сергиевой Лавре. Прекрасно пели два хора, лаврский и академический. Это был высокий подъем, молитвенность. Это было замечательно, просто очень хорошо.

Больше я ничего особенно сказать не могу об отце Андронике, потому что все-таки довольно далеко мы друг от друга половину, больше половины жизни прожили. А потом, когда стали встречаться, уже там и так много было и активностей, и деятельности, и помочь я особенно ничем не мог. Просто трудились в одной комиссии и имели друг к другу доброе отношение и уважение. И я говорил отцу Андроннику: «Как мои дед и отец стеснялись подойти к отцу Павлу на Соловках, так здесь и я боюсь, стесняюсь подойти к Вам, лишнее время занять и помешать. Вот так идет такая традиция – от дедов к внукам. Как на Соловках, так и в Троице-Сергиевой Лавре». Он улыбался. Это радость большая, что мы были с ним вместе и что мы смогли хотя бы как-то вместе что-то сделать, не конкретное лично, а по работе в Синодальной комиссии. Это очень радостно.

Кланяюсь, помню, молюсь, вспоминаю всегда дорого отца Андроника и его невероятные труды – труды, которые являются образцом для всех тех, которые занимаются наукой. Он мне говорил: «Отец Сергей, посмотри, как я про родословную отца Павла разработал и все прочее. А почему у вас, у вас там есть святые, мученики, а почему ты не сделаешь нормальное хорошее исследование о своих родных?»

Я говорю: «Как это я, и сил моих нет, не могу...». Он говорит: «Надо бы! Почему, – надо трудиться». Его напутствие, которое только хотя бы немного я до своей смерти выполнил, немного, в устном виде, когда на «Радонеже» говорил о своих маккавеевских новомучениках.

Кланяюсь, благодарю отца Андроника. И да Господь устроит ему на небе обитель со всеми новомучениками и святыми, которые были духовной академией в конце XIX века, в начале XX века, и с его новомучениками, которых он имеет, счастливо имеет. Молите Бога о нас, удивительные люди, подвижники, ученые. Господи, слава Тебе! Храни вас Господь.

— o —

Воспоминания **игумена Иоанна (Самойлова),**

председателя Богослужебной комиссии Московской митрополии, председателя Епархиальной богослужебной комиссии, члена Синодальной богослужебной комиссии

Вспоминая жизнь своего любимого друга, отца Андроника, приходят на ум слова псалмопевца: «Живый в помощи Вышняго в крове Бога Небеснаго водворится». Действительно, сейчас он водворился в Небесных обителях за то, что всю жизнь самоотверженно служил Богу и людям. Отца Андроника, тогда еще Александра Сергеевича Трубачева, первый раз я увидел и познакомился с ним в трапезном храме Троице-Сергиевой Лавры в начале 1970-х годов, когда

Игумен Иоанн (Самойлов Александр Иванович) и игумен Андроник (Трубачев). Сергиев Посад, 10.12.2015

он, как и я, были прихожанами святой обители и посещали лаврские богослужения. На протяжении всей последующей жизни мы тесно общались. Так устроил Промысел Божий. Отец Андроник был знаком и с моей сестрой, монахиней Сергией (Самойловой Ниной Ивановой). Интересен тот факт, что когда он уходил в армию, то подарил ей вышитое полотенце, которое она долго хранила как память о нем.

Вскоре наши пути вновь пересеклись, но уже в Издательском отделе Московской Патриархии. Отец Андроник был его сотрудником, а заместитель главного редактора архимандрит Иннокентий (Просвирнин) организовал курсы по изучению греческого языка, которые я посещал. С этого времени у меня появилась возможность чаще общаться с моим любимым другом, а вскоре было предложено перейти и на постоянную работу в Издательский отдел. Шел 1977 год. В это время Русская Православная Церковь стала готовиться к грядущему юбилею 1000-летия Крещения Руси. На одном из редакционных советов было принято решение отметить это событие изданием полного собрания месячных миней, в состав которых непременно должны были войти службы русским святым. Была организована Минейная группа, которую поочередно возглавляли: архимандрит Иннокентий, архимандрит (ныне митрополит) Тихон (Емельянов) и игумен Андроник. В состав этой группы включили и меня. На первых порах, не имея знания церковно-славянского языка и прочих богословских предметов, я больше подходил для выполнения технической работы: считывал машинописные тексты с оригиналом, выявлял и исправлял ошибки. Опыт пришел после пяти лет работы, когда я поступил в Московскую духовную семинарию и без отрыва от издательской работы стал получать богословское образование. Работа над юбилейным изданием длилась более десяти лет и большую часть времени под руководством моего любимого друга. Только августовская минейная вышла в свет без участия отца Андроника, поскольку он был назначен игуменом Валаамского монастыря.

Вспоминая прошлые годы, удивляюсь Промыслу Божию и благодарю Господа за то, что Он дал мне возможность встретиться с этим светлым, прекрасным человеком, который во многом определил мой жизненный путь. Мы очень дружили, тесно общались, несколько раз вместе путешествовали по Карелии. Отец Андроник был очень интересным собеседником, при паузах молчания умел вновь начать диалог. Был очень начитанным и умным. По всем вопросам легко ориенти-

ровался и имел свое суждение, но не настаивал на личном мнении. Часто шутил и подбадривал. Был смиренным и, главное, простым и доступным, хотя и имел игуменский сан и был внуком русского религиозного ученого и философа священника Павла Флоренского.

В середине 1990 годов Промысел Божий вновь нас сблизил, на этот раз в Синодальной богослужбной комиссии. Отец Андроник был ее секретарем. Думаю, не без его подсказки и я оказался в ее составе. На этом церковном послушании он раскрыл свой гимнографический талант и показал себя как достойный составитель богослужбных текстов. Вспоминаю, как при редакторской работе над текстом службы члены комиссии подчас погружались в молчание. Это происходило от того, что не легко было подобрать для святого яркий поэтический образ. Ведь, если принять справедливой мысль, что «икона – богословие в красках», то можно сказать, что служба святому – есть «богословие в песенных стихах». И часто из этой ситуации, как находчивый и мудрый военачальник, выводил секретарь комиссии – игумен Андроник. Следует отметить, что свое будущее призвание на ниве гимнографического творчества отец Андроник реализовывал еще на студенческой скамье, когда учился в Историко-архивном институте и работал во многих архивах Северной Фиваиды, собирая рукописные службы русским святым.

Не могу не сказать о педагогической деятельности игумена Андроника в Московской духовной академии. Он был моим учителем и читал лекции по Новому Завету в 4 классе, а в Академии вел пастырское богословие. Помощь в выборе темы моей кандидатской работы во многом принадлежит ему. Были сомнения: по какому предмету писать научный труд? Заместитель главного редактора Издательского отдела Московской Патриархии советовал заняться литургической тематикой, в области церковного Устава. Сам же главный редактор не поддерживал эту идею. Другие предлагали продолжить тему гимнографии или церковной истории... Но сомнения развеял игумен Андроник, предложив свое научное руководство и прекрасную тему по пастырскому богословию: «Пастырь – совершитель богослужения, по сочинениям святого праведного Иоанна Кронштадтского». Теперь уже, когда прошло более тридцати лет после успешной защиты своего научного труда, могу свидетельствовать о мудром решении в выборе кандидатского сочинения. И это благодаря своему любимому другу и научному руководителю.

Хочется добавить, что отец Андроник очень любил свой предмет – Пастырское богословие. Все мы, студенты, с особым вниманием слушали его лекции. Особенно запомнились уроки, на которых нам излагался материал об Оптиных старцах и их эпистолярном наследии. Было видно, что отец Андроник прекрасно знал их жития, благоговейно почитал, ценил их пребывание в любви, и нам пытался привить такую же любовь и к Богу, и к святым старцам, и к самому пастырству.

Последние годы он тяжело болел, но мужественно боролся со своими недугами и по возможности посещал заседания Синодальной комиссии. Большую часть своих физических сил он отдавал изучению и изданию наследия отца Павла Флоренского. Иногда делился трудностями, но работу не прекращал и считал это своим долгом. Выход в свет каждого тома сопровождался особой радостью. Этой радостью он делился с членами Комиссии, одаривая очередным томом со своей личной памятной подписью.

Однажды, во время обострения болезни, я посетил его в больнице. Он лежал на койке и молчал, я же не мог сдержать слез. Заметив меня, удивленно посмотрел. И в этом взгляде я почувствовал его душевное спокойствие и надежду, что не умрет. Действительно, отец Андроник окреп и еще несколько раз посещал заседания Богослужбной комиссии.

Последняя встреча с моим любимым другом и братом по духу состоялась на праздник Сретения Господня. В этот день он захотел причаститься Святых Христовых Таин. После исповеди и Причащения мы немного пообщались. Жаль было расставаться, но сердце подсказывало, что это последняя встреча. Через полтора месяца он мирно предал свой дух Богу.

Да, трудно переживать разлуку с друзьями, особенно с теми, кого любишь и которые за время общения становятся тебе родными. Но такова воля Божия!

Царствие Небесное тебе, дорогой мой друг, духовный наставник и брат во Христе!

Воспоминания
иеромонаха Александра (Фаута Павла Георгиевича),

*настоятеля храма Державной иконы Пресвятой Богородицы
в здании Санкт-Петербургской общественной организации
«Общество памяти игуменни Таисии»*

Прошло без малого два года, как отца Андроника, по воле Божьей, в этом временном жилище не стало; после тяжелого заболевания он переселился в кровы жизни вечной. Более двух десятилетий о. Андроник занимался восстановлением творческого наследия своего деда, свящ. Павла Флоренского, оставившего после себя необъятнейший и сложнейший в понимании материал по многим наукам, в духовных прозрениях и в простых доступных методах пастырского служения народу, родительского воспитания в кругу своей многочисленной семьи. Отец Павел понимал что такую работу мог бы совершить только наследник духовного звания, и он не сомневался

Иеромонах Александр Фаут
(Павел Георгиевич)

в том, что наследник его будет постриженником в монастыре. Вокруг фигуры отца Павла до сих пор не утихают споры, но однажды он пророчески предрек о том, что вспомнят о нем через 50 лет, а поймут и оправдают истинность его научных прозрений через 500 лет. Еще до знакомства моего с духовным отцом – игум. Андроником, и пребывания послушником Валаамского монастыря, я смог познакомиться с трудами свящ. Павла Флоренского благодаря батюшке прихода Казанской иконы Божией Матери в г. Кара-Балта (Киргизия), – протоиерея Владимира Савицкого, и его доброжелательнейшей семье, в которую я был принят без оглядки как новокрещенный, желающий вжиться в новую атмосферу христианского миропонимания и быта, как друг и товарищ для семьи отца Владимира и его прихода, в котором царила

поистине семейная атмосфера. К этому времени мне было уже более 30-ти лет, я был холост и свободен для нового пути христианского становления.

Мне, к моему стыду, только в эти годы удалось прочитать Евангелие, затем Библию и некоторые богословские и исторические труды апологетов Православия, в том числе и труды отца Павла, которые меня увлекли, отозвались в моем сердце глубокой благодарностью за его неутомимую деятельность и решимость свидетельствовать о Христе, Сыне Божием, распространяя веру в кругу своей семьи, среди молодежи в семинарии и учебных заведениях, а затем и на приходе в сане священника. Тогда я плохо еще понимал, что для России это было время гонения на Православие и время исповедничества. Общение с отцом Владимиром и его семьей очень изменило мою жизнь, дало возможность встать на новые рельсы, обрести новый, неведомый для себя мир, но вопросов оставалось еще больше, на которые также надо было искать ответы. Благодаря отцу Владимиру Савицкому, весной 1986 года мне посчастливилось посетить северную столицу, Санкт-Петербург, где не преминул с Федором, моим другом по приходу, посетить Смоленское кладбище, могилку Ксении блаженной, здесь и решилась моя судьба, – осуществилось, неосознанное ранее, мое детское пожелание. Это был солнечный, весенний, радостный день на кладбище; строительство часовенки Ксении блаженной, если мне не изменяет память, было еще в начальной стадии, и мы с Федором предложили строителям свою помощь и начали подвозить мешки с песком к месту работы, затем был чай с хозяйками строительства будущей часовни, беседа с матушками и знакомство с Екатериной, принявшей впоследствии монашеский постриг в схиму с именем Макрина; наша дружба, переросшая в молитвенную взаимопомощь, не разрушима и поныне. Здесь, у Ксении блаженной, решилась судьба и другого прихожанина нашей церкви, Владимира, который исполнил наказ посетить могилку св. Ксении, где ему явилась сама блж. Ксения и, отчитав, направила его в Псково-Печерский монастырь, где он и принял пострижение в иночество. В том же 1986-ом году я оказался в Троице-Сергиевой Лавре и был принят в семинарию, окончив которую, попросился у назначенного на должность наместника Валаамской обители игумена Андроника потрудиться ради спасения души в возобновляе-

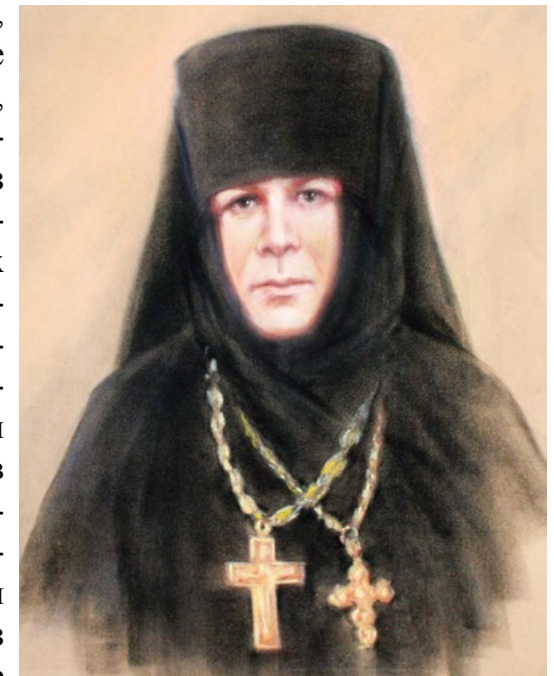
мом в Северном крае, на острове Валаам, монастыре, известном и широко почитаемом среди верующих. Но до этого были еще годы учебы в семинарии, знакомство с ее замечательными пастырями, преподавателями и возможность получить духовное образование в обители преподобного Сергия. Как много было сладостных минут духовного становления! Общеизвестным основанием семинарского обучения был предмет изучения Православного катихизиса Ивана Александровича Глухова, закладывавший фундамент на последующие годы обучения и следующего за ним служения Церкви. Здесь первая исповедь у отца Кирилла, знакомство с преподавателями: отцами Венедиктом, Платоном, Никоном, Петром и Владиславом, и другие незабываемые и непередаваемые минуты общения – с Марком Харитоновичем, регентом 1-го хора, с протоиереем Серафимом Соколовым, с будущим владыкой Астраханской епархии митрополитом Ионой, митрополитом Владимирской епархии Евлогием, друзья по семинарии – все это навсегда врезалось в память и запечатлено в сердце. Здесь же я и познакомился с отцом Андроником, о котором, конечно, знал, что он является внуком богословского светила – о. Павла Флоренского, сыном прекрасного музыканта, композитора – диакона Сергия Трубачева. По утрам мне часто доводилось ходить на раннюю исповедь в Предтеченскую церковь, где я и выбрал для себя исповедующего батюшку, отца игумена Андроника, хотя там было много прекрасных батюшек, как о. Филадельф, о. Косьма и др., но мое сердце тянулось к немногословному, приветливому игумену, к его способности дарить радость прощения без слов, без назиданий, без каких-либо попыток установить контакт, оставляя исповедуемого свободным для духовного становления: а как важно современному человеку иметь и ощущать эту дарованную и выкупленную для нас Иисусом Христом, основопологателем Святой Церкви, свободу. И эту свободу я вкусил в полной мере здесь, в Лавре прп. Сергия, и не только свободу, но и со стороны преподавателей скромное, теплейшее участие в становлении добротного фундамента души, превосходящее материнскую заботу. Да, было желание познакомиться поближе и с тем, и с другим батюшкой, и даже возвратиться назад в Киргизию к отцу Владимиру. Здесь, во время обучения, загруженный заботами о усвоении нового для меня, ранее неизвестного материала, совершавшего второе рождение души, ее переход

из мира зыбкого, неопределенного, не имеющего опоры и основания, в новый мир – правды и доверия ближнему; свободное время я выделял только для поиска отца Андроника, а это возможно было осуществить только на исповеди, в надвратном храме Иоанна Предтечи, что в то время вполне устраивало меня. Чтобы было понятно мое внутреннее состояние на тот момент: на уроке Священного Писания Ветхого Завета о. Константин за невыученные уроки многим ставил неудовлетворительный балл, когда же вызвал меня, – и я вообще ничего не смог ответить на заданный вопрос, он сказал, что поставит вопрос о моем пребывании в семинарии на Ученом совете, чем сразил наповал, но, слава Богу, видимо, отцы преподаватели дали ему соответствующее наставление, и впоследствии о. Константин больше меня отвечать не поднимал, что, слава Богу, успокоило мой, только приближавшийся к новому осмыслению мира, мятежный дух. Прекрасный преподаватель, о. Артемий Владимиров, на уроках по русскому языку рассказывал смешные поучительные истории на церковную тему и всем всегда ставил в основном пятерки. О. Венедикт вел урок так, что все слушатели засыпали; отца Иону ждали как обильный дождь «ради появления грибов». В общем – традиция образования, которую ныне разрушают в светских учебных заведениях, была и остается на высочайшем уровне. Отец Андроник преподавал патрологию в Академии, значит, попасть на его лекции мне было не суждено. Тем не менее однажды о. Андроник, встретив меня во дворе перед Академией, благословил, молча взял за руку и повел к Троицкому собору, к прп. Сергию. Тогда мне лучше было бы, если бы я покорно последовал с ним, не выпуская руки, но, пройдя половину пути, скорее всего по глупости, я отпустил его руку, но мы все-таки пришли к мощам преподобного Сергия. С этих пор отец Андроник стал для меня не только исповедующим батюшкой, но иногда давал простые задания, в основном через Аллу, работавшую в то время на складе в семинарии. А после назначения отца Андроника настоятелем монастыря на Валааме, у меня уже не оставалось никаких сомнений в выборе будущей судьбы, автоматически созрело спасительное решение – как поступить, и четвертый курс я закончил заочно, а на острове Валаам получил очень необходимую в то время для себя возможность усвоить теорию на практике, вначале на клиросе, затем в алтаре и на других

монастырских послушаниях, что позволило мне окончить семинарию и возрасть духовно на острове под духовным руководством любимого моего наставника и отца, игумена Андроника. К примеру, духовник о. Геронтий одно время запретил мне исповедоваться у о. Андроника, поясняя, что монастырскими правилами предписана исповедь лишь у духовника монастыря, – и в этом не было совершенно никаких проблем, потому что исповедь – дело личное, не обязывающее человека делиться секретами, и потому это обстоятельство не повлияло на настроение и дружескую расположенность между братией. Тогда мы были словно юнцы и еще не представляли тех трудностей становления, которые нам придется преодолевать. Конечно, нас соединяла тогда необъяснимая братская любовь, заступничество друг за друга, но нельзя было забывать, что все мы разные, у каждого свои намерения, свои ожидания и выбираемые пути осуществления задуманного, тем не менее жизнь в первые годы в монастыре на Валааме проходила под объединяющим знаком взаимной помощи, спокойствия, уверенности в плече товарища. Лично мне не хватало сил и времени на устройство благополучного и комфортного пребывания на новом месте, и потому не было никакого дела, ни понимания нахлынувших на братию проблем, связанных с личным обустройством при восстановлении монастыря, хотя со временем становилось понятно, что малые ошибки приводят к губительным последствиям, которые исправлять можно десятилетиями.

Наступил день, когда о. Андроник объявил, чтобы я готовился к постригу, – хорошо быть под крылом отеческой любви! В то время я еще плохо представлял, какое необходимо облачение, где и как его найти и каковы обязанности постриженца. Вот такова сила послушания, – все устраивалось, с Божией помощью: что-то приходится делать самому, а что-то сделать тебе помогают окружающие, ими для меня были отец Андроник и другие отцы. Здесь, в монастыре, при сочувственном расположении большинства братии обители, меня постригли с именем Александр, в честь преп. Александра Свирского, такого близкого мне по духу подвижника Русского Православия. На удивление братии, то ли случайно, то ли промыслительно, на постриг приехали два моих сокурсника по семинарии (будущие прот. Алексей и архим. Стефан), оказавшиеся настоящими друзьями. При мне были постри-

жены многие молодые и уже не молодые послушники и трудники монастыря, некоторые из них не имели семинарского образования, для меня было загадкой, каким образом они получают практические навыки, которых я не имел, а возможно, не имею и до сих пор. Началась пора на острове, когда многие из них были рукоположены для церковного служения; пора трудов по реставрации и ремонту зданий уходила в историю. Отец Андроник сыграл в деле восстановления монастыря существенную роль, и при нем началась истинно монашеская жизнь. Восстанавливались: Всехсвятский, Предтеченский, Никольский скиты. Монастырю передали келью отца Дамаскина, Успенский и Никольский храмы. Был принят Устав прежнего Валаамского монастыря, богослужения стали проводиться ежедневно. При игумене отце Андронике на Всехсвятском скиту были обретены мощи преподобного Антипы Валаамского; создан «Вааламский хор», а регент Игорь Ушаков получил звание заслуженного артиста России; создано пароходство, начала функционировать паломническая служба, открыты подворья: Петербургское, Сортавальское, Московское – с получением храмов и помещений для жилья. В 1992 г. Указом правительства монастырю переданы в собственность храмы, земли и имущества на острове Ваалам. Пребывая на Валааме, о. Андроник благословил создать в Санкт-Петербурге, из числа прихожан подворья Валаамского монастыря, имевших способности к церковно-прикладному искусству и склонности к благотворительным начинаниям, – «Общество памяти игумении Таисии», заложив тем самым фундамент обширной культурно-просветительской деятельности. Игуменья Таисия еще при жизни не раз бывала на острове Валаам, где духовную опеку обрела со сто-

Игуменья Таисия (Солопова)

Игумен Дамаскин (Кононов)

роны игумена Дамаскина и очень дорожила духовным общением с великим наставником аскетического становления иноков, так что в своих воспоминаниях часто ссылалась на духовное руководство со стороны игумена Северного Афона, даже после своей кончины оказывавшего ей отеческую поддержку в минуты испытаний. Знаменательно посмертное явление игумена Дамаскина матушке Таисии в сонном видении, укрепившего подвижницу, в то время исполняющую послушание казначеи в Званско-Знаменском монастыре, терпящую скорби и сомнения и уже готовую отказаться от

должности. Утешив ее совместной молитвой и духовной беседой о смысле монашества, старец благословил с упованием на Господа, не малодушествуя, нести свой крест. Вспоминая с благодарностью это явление старца, преобразившее ее душевное состояние и «надолго укрепившее ее слабые силы», подготовив к принятию впоследствии сана настоятельского, игумения Таисия описала его и отослала затем в Валаамский монастырь.

С рукоположением возлагается ответственность не только за свою судьбу, но и ответственность за судьбы паломников, прихожан, случайных посетителей и просителей иных обителей и храмов. Был рукоположен и я Патриархом Алексием II, по ходатайству заместника, вначале в диакона, а через год – во священника, в Центральной усадьбе Валаама. Не знаю, как у моих молодых сослужителей, но мне помог опыт Троице-Сергиевой Лавры, и я, подражая мною любимому духовному отцу и братии Троице-Сергиевой Лавры, также, принимая исповедь, слушал, слушал и молился за верующих, за братию, за общее мирное устройство среди братии и за исполнение послушаний с надлежащим усердием. И все же появлялись трещины, разномнения,

разномыслие и сбои в жизни обители. При более тесном знакомстве обозначились определенные интересы у братии. Возможно, первый Устав был непосильный, не соответствующий их осведомленности об аскетизме, об опыте пребывания братии в монастырях. К примеру, игуменом был пострижен и поставлен диаконом о. Серафим, пользовавшийся доверием батюшки, но я никак не мог преодолеть, как говорится, личную неприязнь и разногласия, и лишь через многие годы становятся понятными попытки игумена, его ненавязчивые старания сохранить не только мир среди братии, но чтобы еще оставалась способность к творческому созиданию, к братской любви и взаимной молитве друг за друга – ради миролюбия и достижения жизни вечной, не только для нас самих, но и для зависящих от нас сотен и тысяч простых христиан, только выбирающих для себя путь служения Богу, а дом Божий не может допустить трещины и разномыслие, дабы не разрушиться, не устояв перед соблазнами искушения в миру.

К примеру, прихожанин Казанского храма на подворье монастыря в Санкт-Петербурге Андрей Киселев, которого я крестил на Валааме по его просьбе, однажды в нашей с ним поездке по области договорился в одном из совхозов о передаче коровы для монастыря, и в результате, так как совхозы, из-за отсутствия планирования и трезвого управления ими, претерпевали разорение и расформировывались, передали монастырю 5 или 6 элитных коров, а строительница Введено-Оятского монастыря монахиня Фекла предложила нам 30 тонн скирдованного сена, по 10 рублей за тонну, затем, дав скидку до 6 рублей, сама перевезла сено на берег Ладоги, – только нужно было подогнать корабли и перевезти его, оплату гарантировал Андрей Киселев, ссылаясь на одобрение Смольного, но отец Андроник не дал согласия на данную покупку, – или ради мира в братии, или для смирения моих необузданных действий, одобрив доводы отца Фотия, обещавшего накосить сено по цене 3 рубля за тонну, а в результате привез вместо 30 тонн всего около тонны, – и остров надолго остался без сена. Пострадали животные, оставшись без надлежащего корма. Конечно, такие решения приводили к недоумению, и только позднее становилось понятным, что в такой момент самому необходимо было быть более убедительным и решительным в достижении цели,

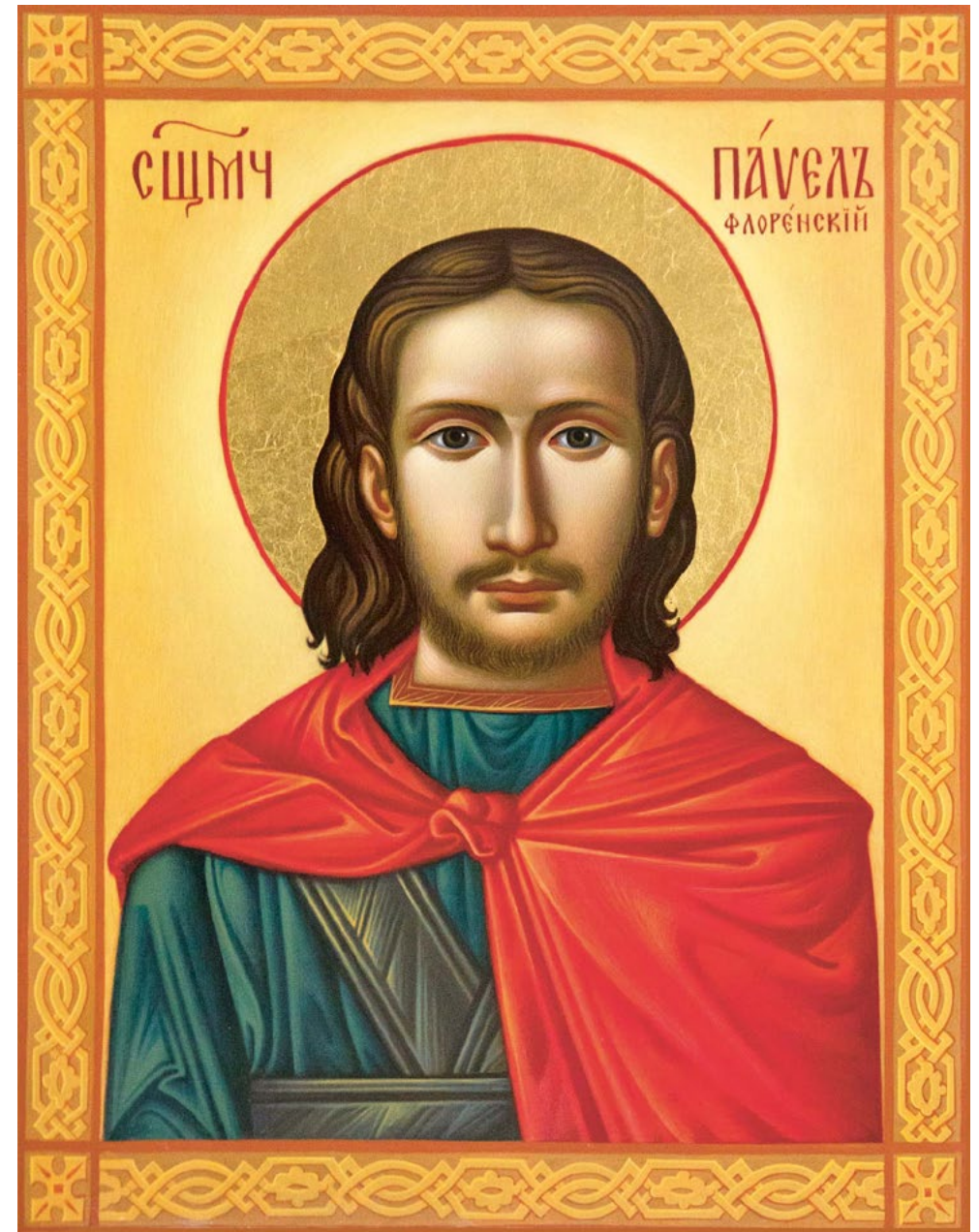

Иеромонах Савватий
(Севостьянов)

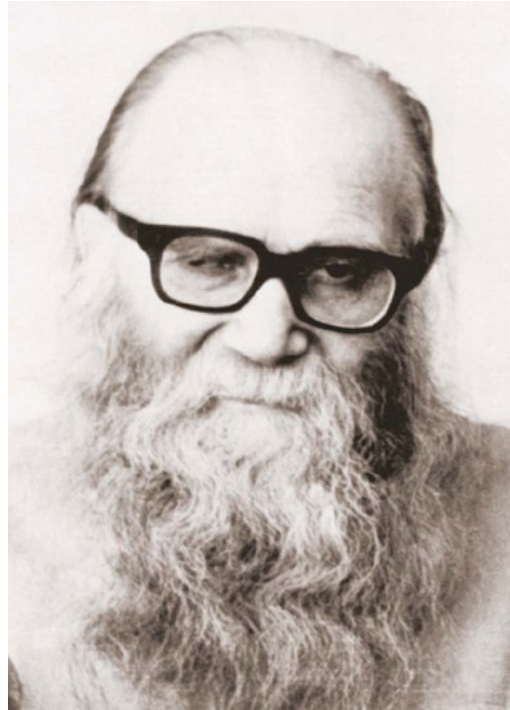
способным доходчиво донести свою точку зрения. Однажды в скиту преп. Александра Свирского мне довелось служить литургию с иеромонахом Савватием, и у нас завязалась беседа об отце Павле Флоренском, о его притязаниях и ошибках, которые высказал отец Савватий, – в них не было ничего необычного, поскольку негативное отношение к жизни отца Павла, в связи с малой осведомленностью о его христианском подвиге, бытует в кругах околоцерковных, как и об отце Иоанне Кронштадском, и о других праведниках, но я и сам, не имея возможности бравировать своим багажом осведомленности о его биографии, тем не менее что-то да знал из прочитанных мною на тот момент

некоторых работ отца Павла и отстаивал совсем иную позицию, которая более соответствовала действительности. К примеру, отец Павел демонстративно игнорировал общение со Львом Троцким; с Луначарским контактировал лишь ради воплощения в сферу производства и быта научных открытий, например, задолго до включения «лампочки Ильича» анонсировал эту идею. Общался именно по необходимости, в противоположность мнению отца Савватия, предполагавшего, что отец Павел заискивал перед властью имущими, выторговывая себе свободу. Хотя общеизвестно, что правительство Чехии дважды предоставляло всей семье право на жизнь вне России, но отец Павел категорически отверг не только для себя, но и для всей семьи возможность покинуть народ, которому призван был на служение.

Во время чтения Апостола иеромонахом Савватием, видимо, от усталости, я впал в дрему и в это время мне явился в видении отец протоиерей Павел Флоренский. Легче всего понять то, что я увидел можно из рассказа Ольги Юльевны, мамы Игоря Талькова, которой однажды явился сын в облачении воина. В подобном облачении я также увидел отца Павла, но так и не смог передать художнику красоту

и обаяние видения, и потому написанный его портрет не очень точно передает происшедшее, хотя вызвало в душе навсегда запечатленное благоговение перед миром невидимым и ожидаемым бrenными жителями земной юдоли.

Диакон Сергей Трубачёв

Необыкновенным духовным совершенством обладал и отец игумена Андроника, диакон Сергей Трубачев, который унаследовал от своих родителей кроме нравственных качеств прекрасного семьянина и вдумчивого, терпеливого собеседника, дары прекрасного церковного композитора и музыканта. Общение с ним доставляло немало драгоценных минут блаженства и причастности к иной атмосфере невидимого мира, которую он передал и своим детям, что и привлекало к ним людей разных сословий и образованности. Диакон Сергей призван был в мир иной как любимец Матери Божией,

при жизни составивший мелодии для множества песнопений богослужебных, и в частности, Пресвятой Богородице, и не было никаких сомнений, что проводы в последний путь произойдут торжественно и благоговейно. Наместник Валаамского монастыря, отец Панкратий, попросил меня также поприсутствовать на отпевании отца Сергея,

Отпевание дьякона Сергея. Слева, за архим. Матфеем (Мормылем), стоит иером. Александр (Фаут). 27.10.1995

и я спросил: «Отпевание будет в Лавре?» На что он ответил, что это редкость, и в основном монахов отпевают в приходском храме, но в душе моей появились большие сомнения относительно случая с отцом Сергием, и я предположил, что отпе-

Игумен Андроник (Трубачев) и архимандрит Матфей служат панихиду по диакону Сергию на Благовещенском кладбище Сергиева Посада, 2004 г.

вание произойдет хотя бы в Трапезной церкви, однако, по прибытии в Лавру, каково было мое удивление от того, что отца Сергея отпедали в Успенском соборе, при участии трех хоров: архимандрита Матфея (Мормыля), монастырского и академического хоров. Такова великая была благодарность Божией Матери к Своему любимцу и проявление уважения монастырской братии с семинаристами. На могиле отца Сергея был поставлен крест, выполненный плотником-краснодеревщиком Владимиром Голубевым из Гатчины.

В 1993 году, как во многих новоначальных монастырях, как и в Оптине при игумене Евлогии, в Валаамском монастыре произошел раскол, который игумен Андроник, при всей своей мягкости и уступчивости, пытался предотвратить, но козни врага и злоухищрения со стороны сделали свое дело: игумен Андроник был возвращен в Троице-Сергиеву Лавру. Видимо, в этом было Божие на то изволение, так как кому-то необходимо было заниматься восстановлением трудов о Павла Флоренского, и это смог бы сделать только один человек – его внук

о. Андроник, который и занялся созданием музея Павла Флоренского в Москве и публикацией его рукописей, составивших 7 томов и более десятка отдельных изданий, кроме брошюр на различные темы. Директором музея был назначен помогавший в его создании Вячеслав Иванович Брагин, бывший в то время зам. министра культуры. Он,

В. И. Брагин

воистину, занялся делом по своему профилю, что не скажешь о некоторых его соратниках, любителях авантюрных проектов. А Вячеслав Иванович в то время воссоздал Поклонную гору, превратив ее в Мемориал славы, отреставрировал музей Александра Сергеевича Пушкина в Михайловском, добился передачи храма Церкви, восстановил архиерейский собор в Твери, трудился и под Ржевом для прославления храмов и восстановления памяти воинской славы. Помимо этого, он издал мно-

жество книг на военную и церковную тематику и в память односельчан. Некоторые из клира духовные чада о. Андроника отправились в Москву вслед за игуменом, и для меня встал этот вопрос; при всей моей любви к батюшке и возможности ознакомления, находясь рядом с ним, с творчеством отца Павла Флоренского, однако оставалось сомнение, что в таком положении, по сути превратившись в обузу, помочь ему было бы нечем. А к этому времени у нас на подворье в Санкт-Петербурге возникла крепкая община, объединившая прихожан, поклонников прпп. Сергия и Германа, основателей Валаамского монастыря, силами которой можно было бы помогать игумену в осуществлении его планов; и потому иного выхода я и не смог придумать, как остаться в Валаамском монастыре. На организацию общины мы брали благословение и у настоятеля монастыря, ныне епископа Панкратия, и у митрополита Иоанна Снычева, у отца Николая Гурьянова, у отца Кирилла Павлова, и у братии Иверского монастыря и их отцов: схиигумена Нила и схиархим. Луки, а название общине –

«Общество памяти игуменности Таисии» – благословил отец Андроник, как выяснилось, после поездки к нему Андрея Киселева, принимавшего тщательное участие в создании нашей Общественной организации. В сформированной по благословению на базе Валаамского подво-

рья в Санкт-Петербурге Общественной организации были изготовлены более 50-ти Плащаниц Пресвятой Богородицы, переданные в различные монастыри и храмы по всей территории Русской Православной Церкви, изготовлены

более 20-ти тысяч Библий, 10 тысяч книг Нового Завета и множество богослужебных книг, богословских и святоотеческих изданий, а также красочных акафистов.

Но подобная искренняя деятельность подвижников веры, как и во всех православных приходах и организациях, сопряжена с невероятным противостоянием и противоборством, граничащим с решительной попыткой истребления и уничтожения, – (касательно морально-нравственного противостояния) так называемый «Донбасс» в Северной столице. Уже подписаны документы о по-

стройке напротив прекрасного здания обители игумении Таисии десятиэтажного жилого дома: этот монстр, подобный дракону-динозавру, некогда поставленному не помнящими историю против памятника Александру III на коне, заточенного, словно беспризорник, за забором около Института культуры во дворе

Мраморного дворца. Такое же будущее готовят и прославленной Богом игумении Таисии, и, к сожалению, плоть немощна и бессильна против бесстыдной попытки уничтожить прекрасное.

Несколько лет нам сложно было до конца разобраться в юридических, правовых и церковных основах, подтверждающих полноправность и возможность нашего пребывания в духовной столице, граде на Неве, но деликатное отношение со стороны старшей братии, со стороны архиереев и духовенства позволили обрести основы и фундамент ради строительства и созидания, возможно, будущей обители, к которой мы оказались пока не готовы, но сила Божия в немощи совершается, и о. Андроник также в своих беседах одобрял точку зрения о том, что создание обители есть наилучший способ помощи делу отца Павла Флоренского и прославлению его трудов. С его работами очень полезно знакомиться нашим современникам, желающим изучить аскетический опыт преобразования личности при православном исповедании. К сожалению, лишь малая толика трудов о. Павла Флоренского, по просьбе и благословию о. Андроника, издана «Обществом» и передана Музеем. К ним относятся следующие книги: богословские сочинения о. Павла и учебно-педагогические материалы по истории философии, написанные им в период 1908–1922 гг., двухтомник «Философские, богословские и критические труды. 1903–1908; 1908–1933», полное собрание поэтических произведений Павла Флоренского «Опыты литературные. Стихотворения, поэмы. 1899–1937», первая публикация его университетской кандидатской работы «Идея прерывности как элемент мирозерцания. 1904», а также шестой том сочинения «Путь к Богу» – монографии, посвященной личности, жизни и творчеству священника Павла Флоренского. Все эти книги отец Андроник старался выпустить еще при жизни, несмотря на тяжелую болезнь, отнимающую его силы и надежды удостовериться в исполнении и осуществлении задуманного плана: опубликовать и передать для потомков неопубликованные труды своего деда – священника, философа и богослова.

Творческий процесс с духовным отцом. 27.06.1995

Он хотел, чтобы мы закончили эту работу, и получая издаваемые в нашей организации книги, исполнился верою в возможность завершения начатого им глобального труда по восстановлению наследия отца Павла, и

в мире отошел ко Господу, не сомневаясь в том, что работа будет завершена. В настоящее время наша задача состоит в том, чтобы как можно полнее выполнить возложенную им на себя миссию издания трудов отца Павла Флоренского, мученически завершившего свой жизненный путь в 1937 году близ Левашовской пустоши. Известное определение Ф. М. Достоевского, которое он дал о русском народе: *«Друг мой... это точь-в-точь как наша Россия. Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней, – это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века!.. Но великая мысль и великая воля оселят ее свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности..., больной исцелится и “сядет у ног Иисусовых”... и будут все глядеть с изумлением...»*, можно дополнить воистину пророческими словами отца Павла, сказанными им еще в июле 1917 г.: *«Все то, что происходит кругом нас, для нас, разумеется, мучительно. Однако я верю и надеюсь, что, исчерпав себя, нигилизм докажет свое ничтожество, всем надоеет, вызовет ненависть к себе, и тогда, после краха всей этой мерзости, сердца и умы уже не по-прежнему, вяло и с оглядкой, а наголодавшись, обратятся к русской идее и идее России, к Святой Руси»*.

Учитывая скудость православной литературы по истории философии, книги представляют собой ценное пособие для преподавателей и студентов духовно-учебных учреждений и для всех интересующихся

русской философией, которую отец Павел Флоренский осмысливал как путь, ведущий ко Христу: *«Если возможна русская философия, то только – как философия православная, как философия веры православной...»*. И есть надежда, что работы выдающегося богослова и ученого будут оценены в будущем, – ради этого надо трудиться не только над созданием книг, но каждому из нас очень важно прилагать усилия и для личного духовного становления и преображения. В этот сложный век духовных преобразований и возникновения антихристианских традиций в обществе нужно научиться дорожить трудами наших предшественников. Нам не устоять в Истине без понимания и знания того, к чему призывали богословы последних десятилетий, к чему они стремились и чем хотели бы поделиться с нами; бескорыстно, без обвинений, без претензий, – лишь ради нашего личного благоденствия и достижения союза с Богом, ради того, чтобы мы имели возможность усмотреть в них этот неведомый, необъяснимый мир их пребывания в молитве, в Боге. Без умения разобраться в тех мелочах, без которых нам не подняться, не разрушить оковы восприимлемой нами действительности, своей удаленности от Бога, от святости, от мира Ангелов, от труженников благовестия, победивших зло в себе, как сказал Господь: *«Но Аз истину вам глаголю: уне есть вам, да Аз иду: аще бо не иду Аз, Утешитель не придет к вам: аще ли же иду, пошлю Его к вам. И пришед Он обличит мир о грехе и о правде и о суде. О грехе убо, яко не веруют в Мя: о правде же, яко ко Отцу Моему иду и ктому не видите Мене: о суде же, яко князь мира сего осужден бысть»* (Ин. 16: 7–11), иначе мы лишаемся дерзновения, исполняем разрушительных свойств души, безчинно действующих в теле и растлевающих его до основания. Вся ценность общения с такими людьми, как игумен Андроник и его отец, диакон Сергей, и состоит в том, что опытно и зримо наблюдаешь, что князь мира в таковых подвижниках благочестия осужден и изгнан из их жизни. Теперь и нам должно, обращаясь к ним в молитвах и прошениях, проявить решимость, рассудительность и смекалку, чтобы с Божией помощью построить свою жизнь так, чтобы постараться достичь их высоты, и помогать в этом своим потомкам, детям и внукам. В последнем письме отец Андроник написал мне такие слова: *«Я в тебе не ошибся»*, и это стало для меня самым глубоким признанием правоты создания и деятельности «Общества памяти игуменнии Таисии». Без Божией помощи ничего

нельзя совершить, ничего доброго и полезного, и тот, кто при жизни, увлекаемый прекрасными дарами природы, теряет время, дарованное на то, чтобы обрести связь со Своим Создателем и Покровителем, тот воистину обрекает и себя, и близких на несчастное будущее, и не таким явился для святой Церкви отец Павел Флоренский, его дети и прекрасный служитель Церкви Христовой, игумен Андроник, их молитвами дай Бог и нашему обществу игумении Таисии не быть сломленными натиском стихий, бушующих в миру и в сердце.

— — —

**Воспоминания валаамских монахов:
иеромонаха Геронтия, игумена Бориса,
игумена Фотия, игумена Петра**

С именем игумена Андроника неразрывно связан очень сложный, начальный, самый многотрудный период восстановления монастырской жизни. Достаточно сказать, что других желающих откликнуться на просьбу островной братии и занять игуменское «кресло» на Валааме – просто не было. А добровольность и согласие на эту должность учитывались священноначалием обязательно. Слишком невероятными выглядели для многих проблемы, труды и условия, с которыми предстояло столкнуться. Об игумене Андронике, наместнике Валаамского монастыря в 1990–1993 гг., об интересном и непростом времени начального периода возрождения нашей обители рассказывают первые её насельники.

Иеромонах Геронтий (Федоренко), насельник Валаамского монастыря в 1989–2004 годах, ныне в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре:

– Подвизаясь на Валааме первые месяцы, мы очень скоро почувствовали, что значит жить без игумена, испытали на себе скорби жития по своей воле. Наместник отец Виктор заботился о монастыре, и мы чувствовали его заботу... но жил он на Питерском подворье.

Мы стали молиться, чтобы нам дали игумена, обращались к отцу Кириллу (Павлову), чтобы он нам в этом помог. Отец Кирилл пред-

Встреча крестного хода у Всехсвятского скита в престольный праздник. Игумен Андроник в центре, слева от него с иконой отец Фотий, крайний справа в ряду иеромонахов отец Геронтий. 2 июня 1991 г. Фото Сергея Компанийченко

ложил быть игуменом отцу Аристарху – лаврскому ризничему, но он отказался. Мы продолжали молиться, и в июле 1990 года приехал к нам игумен Андроник, который и раньше бывал на Валааме и любил это место.

Отец Андроник вместе с отцом Иаковом приезжали на Валаам ещё в то время, когда монастырь был закрыт, и они молились о его восстановлении... Впоследствии в Даниловом монастыре именно от отца Иакова мы с отцом Фотием и узнали о Валааме. Он говорил, что, возможно, откроется на северном острове монастырь, показывал альбом фотографий, заинтересовал нас, зажёл...

Отец Андроник – учёный, хорошо знал святых отцов. При нём на Валааме началась настоящая монашеская жизнь. Стали проводить соборы братии. Утвердили послушания. Приняли устав прежнего Валаамского монастыря, богослужения стали проводиться каждый день.

Игумен Андроник (Трубачев), наместник Валаамского монастыря. 1990-е гг.
Фото Сергея Компанийченко

Обретение святых мощей прп. Антипы Валаамского. 1991 г. Фото Виктора Грицюка

Отец игумен обязал всех иеромонахов говорить на службах проповеди – каждый день, независимо от того, праздничная служба или простая. И братия произносили проповеди на Евангельские чтения, тем самым учась проповедовать. Зная молитву Иисусову не только теоретически, но и на опыте, он относился с пониманием к стремлению братии заниматься ею. Деятельный, образованный, он много потрудился для Валаама.

Взаимодействуя с местными властями, отец Андроник добился того, что монастырю стали возвращать кельи. Келья самого отца Андроника сперва была в Зимней гостинице за монастырём, лишь спустя какое-то время он перешел во внутреннее каре. В келье отца игумена собирались соборы, решались разные вопросы, касающиеся жизни обители, устава, братии.

В мае 1991 года, при отце Андронике, на Всехсвятском скиту были обретены мощи преподобного Антипы Валаамского. Надгробная плита с крестом была сдвинута (потрудились кладоискатели), но, с Божией помощью, мы нашли могилу. Подняли мощи преподобного

Антипы – по чину, с положенными молитвами. Мощи эти очень сильно благоухали... Сейчас мощи преподобного Антипы Валаамского покоятся в раке в храме преподобных Сергия и Германа Валаамских.

Игумен Борис (Шпак), насельник Валаамского монастыря в 1990–2002 годах, ныне в Рождество-Богородичном Коневском монастыре:

– В начале июня 1990 года в Москве произошло избрание Патриарха. Конечно, мы молились за нашего митрополита. Все, кто помнят те дни, помнят и весьма неожиданный результат этих выборов. Одним из первых деяний новоизбранного Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II было дарование Валаамскому монастырю ставропигии.

Главная наша проблема была в избрании игумена. Отец N. не тянул на эту должность, да у него и не было опыта жизни в монастыре, до Валаама он жил при Духовной академии. Нужен был знающий и авторитетный человек. Ещё зимой мы долго совещались по этому поводу, перебрали множество кандидатур, сделали несколько предложений, но все отказывались, не желая ехать в такую даль и не веря в возможность возрождения обители.

Наконец, на наше предложение откликнулся о. Андроник (Трубачёв) из Троице-Сергиевой Лавры – личность достаточно известная, хороший духовник и учёный монах. Мы несколько раз ездили к нему в Лавру, нам весьма понравился его аскетичный образ жизни – в келии, кроме кровати и стола, заваленного бумагами, стояли лишь бесчисленные стеллажи с книгами.

И вот, в начале июня, о. Андроник прибыл на Валаам. Монастырская жизнь постепенно стала обустраиваться. Назначили послушания: о. Варсонофий – экономом, о. Феофан – казначей, о. Фотий – благочинный, о. Геронтий – духовник, о. Иаков – келарь, о. Виссарион – клирос и уставщик, меня назначили ризничим и просфорником.

С о. Андроником приехал послушник Павел Фаут (будущий иеромонах Александр) и ещё несколько братьев, но из них мало кто впоследствии остался на Валааме...

К концу лета появился у нас послушник Валентин (будущий иеромонах Авраамий), приехавший по благословению о. Павла (Груздева). Ему дали послушание помощника эконома, и многие дела сдвинулись с мёртвой точки.

На фото стоят (слева направо): иеромонах Феофан, иеромонах Фотий, иеродиакон Виссарион (ныне схиигумен Варахиил, Коневский монастырь), игумен Андроник, игумен Косма (Троице-Сергиева Лавра), иеромонах Геронтий, иеромонах Варсонофий, монах Борис

Игумен Андроник с братией. Фото Сергея Компанийченко

В это время нам передали несколько келий на первом этаже внутреннего каре, напротив Собора, под больницей. Они даже местными жителями считались непригодными для жилья и использовались в качестве дровяников и кладовок.

В переданных келиях был сделан косметический ремонт, и в октябре мы уже переселились в них из Морского домика, который теперь стал гостиницей для паломников. Также слегка привели в порядок трапезную и кухню в северном крыле внутреннего каре.

Несмотря на ужасную сырость и спёртый воздух в новых келиях, мы были счастливы. Каждый день топили печки, пытаясь хоть немного просушить их. Даже одуряющий запах уборных не мог преобладать нашей радости.

Не повезло крупно только о. Геронтию. Его келия оказалась по соседству с уборной, и из-за разрушенной гидроизоляции в стенку келии успешно впитывались все миазмы, которые особо «благоухали» при топке печки. Вообще, тема валаамских туалетов просто неисчерпаема, ей можно посвятить отдельную оду.

За лето Валаам достаточно сильно прогревается скудным северным солнцем, от того золотая осень на острове очень затяжная и тёплая. Это самое красивое время года, просто какое-то буйство красок: зелёных сосен, медных дубов, красных осин и берёз.

Воздух удивительно прозрачный, в нём разносится опьяняющий аромат прелых грибов и листвы. Зато, остудившись за долгие зимние месяцы, остров нескоро пускает к себе весну. В конце мая еще лежит в лесу снег, а сирень зацветает во второй половине июня.

Каким-то образом Патриарху удалось включить Валаамский монастырь в государственную программу по восстановлению, – и монастырю были выделены некоторые средства не только на строительство, но и на обустройство монастырской жизни.

Я убедил о. Андроника, что, пока не проели деньги, их надо пустить на приобретение ризницы. Получив благословение, отправился в командировку в Москву. А точнее, в Софрино. Других мест, где можно было бы заказать облачения и утварь в больших количествах, в то время ещё не было...

В начале сентября в Петербург прибыл контейнер из Софрино. Перед этим игумен меня чуть не расстрелял, когда получил счёт. Выяснилось, что заказано всяческого на полтора миллиона. Но я всё-таки сумел убедить его, что другой такой возможности закупиться в ризницу не будет, и поехал встречать контейнер.

24-го сентября – осенняя память преподобных Сергия и Германа Валаамских, и под этот наш первый праздник мы арендовали теплоход для паломников и гостей. Святейший приехать не смог, но собиравшиеся многие питерские отцы и бурсаки (семинаристы – прим. Ред.). Отплытие было запланировано на 22-е, чтобы 23-го утром быть уже на Валааме. Я приехал пораньше и загрузил весь груз из Софрино в носовой салон.

Отплыли удачно, спели молебен, полюбовались видами Невы, крепости Орешек и легли отдыхать. Через пару часов я проснулся от того, что кувыркаюсь по каюте, всё ходило ходуном, за окном грохот и тьма. Мы попали в страшный шторм. В дверь забарабанили. Прибежал кто-то и сказал, что в носовом салоне волнами выбило стекла и все заливают. Я бросился туда.

С водой отважно сражались семинаристы, не придумавшие ничего иного, как затыкать пробойны тюками с облачениями. Каким-то чудом

Игумен Андроник на катере. Фото Сергея Компанийченко

мне удалось убедить их не делать этого и помочь вынести все облачения в другое место. Намокшее пришлось разворачивать и нести сушиться в машинное отделение. Всё это при фантастической качке.

Навстречу мне попался растерянный о. Назарий (тогда он был начальником нашего питерского подворья, а нынче наместник Александро-Невской лавры). Он тоже проснулся от того, что корабль во все стороны бросает на волнах, и с удивлением обнаружил, что в каюте полметра воды, в которой плавают его ботинки.

К утру шторм не утих, а лишь усилился, все были вконец измотаны. У теплохода отказал один из двигателей и он, потеряв возможность маневрировать, мог лишь идти навстречу ветру, из-за чего мы лишь удалялись от Валаама. По пароходу пронесся слух, что дело совсем худо и капитан уже надел белую рубашку и парадный китель.

В те часы я до конца осознал смысл поговорки: «Кто по морю не плавал, тот Богу не молился». Господь услышал наши отчаянные молитвы и постепенно к обеду шторм стал затихать. Корабль смог развернуться на нужный курс, и мы поплыли в сторону Валаама.

К острову мы подплыли уже затемно, у Никольского скита на скалы выбросило буксир «Коневец», который вёз игумена Андроника и паломников из Приозерска. Только чудом никто не утонул. Схватив зелёные, чуть просушенные облачения, мы, шатаясь, отправились в Собор, где уже шла праздничная всенощная. Успели как раз к полиелею. После полиелея меня отправили на исповедь паломников, которые спаслись с «Коневца». Удивительно покаяние людей, заглянувших в глаза смерти...

Впоследствии мне много раз случалось попадать в штормовые ладожские переплёты, но такого страха и беспомощности перед стихией я не испытывал никогда.

Игумен Фотий (Бегаль), начальник Приозерского подворья Валаамского монастыря:

– Когда после отъезда архимандрита Виктора Святейший Патриарх Алексей II благословил нас искать для Валаама наместника, мы понимали, что старшая братия как-то неохотно покидала Троице-Сергиеву Лавру. Удалось уговорить лишь отца Андроника. Он любил Север.

Философы (священник Павел Флоренский и Сергей Николаевич Булгаков).
Художник Михаил Нестеров. 1917 г.

Помню приезд игумена Андроника. Мирный он был человек, успокаивал нас, если что, примирял, и этим очень серьёзно нас поддерживал.

Сейчас о нём незаслуженно мало слышно, тем не менее это незаурядная личность, и не только потому, что он внук, по отцу, священномученика Зосимы Трубачёва, а по матери – известного священника и философа отца Павла Флоренского, также расстрелянного в 1937 году.

Его отец Сергей Зосимович Трубачёв, диакон Сергей – церковный композитор, вместе с архимандритом Матфеем (Мормылём) написали «Милость мира», которая часто звучит и у нас, и во многих храмах. Он преподавал у нас Новый Завет, очень интересно преподавал. Богослов...

Игумен Андроник (Трубачев)
(1952–2021). Валаам

Дьякон Сергей Трубачев
(1919–1995).
Отец игумена Андроника

Архимандрит Матфей
(Лев Васильевич Мормылёв)
(1938–2009),
регент Троице-Сергиевой Лавры,
член Синодальной богослужебной
комиссии

Крестный ход на скит Всех Святых в престольный праздник, 2 июня 1991 г.
Фото Сергея Компанийченко

С отцом Андроником было достаточно легко. Характер у него добродушный, он не гневался, и мне не раз за мою гневливость так, по-братски, делал замечания.

При нём Валаам получил солидную помощь. Был такой Фонд Мира, куда в приказном порядке в советское время каждый приход, каждый храм сдавал деньги. В 90-х годах этим Фондом управлял известный шахматист Анатолий Карпов. И отец Андроник, используя свои связи и знакомства, вышел на этот Фонд. Сначала мы получили девять миллионов рублей, потом ещё одиннадцать.

Что значит миллионы в то, ещё советское время? На эти деньги мы закупили автопарк – легковые и грузовые машины, появился первый флот, и, конечно, эти средства пошли на восстановление монастыря.

Запомнился мне на Валааме первый праздник Всех Святых. Тогда службы начинались вечером и продолжались почти до утра – сначала Всенощное бдение, потом Литургия. Отслужили мы и двинулись

Крестным ходом на Всехсвятский скит. Вроде устать должны были, ведь 14 часов на ногах, но усталости не было.

Радостный оказался Крестный ход, паломников много приехало, и все как-то благодать чувствовали. Вообще, паломники в ту пору очень нам помогали. Средств у монастыря тогда почти не было, и они привозили нам, жертвовали – кто продукты, кто деньги, кто одежду.

На следующий год, в 1991-ом, во время ремонтных работ были обретены мощи преподобного Антипы Валаамского около Страстной часовни, неподалёку от скита Всех Святых. Гроб открыли и увидели, что мощи нетленные. Их достали, омыли вином и поставили на поклонение братии. Впервые отец Антипа был прославлен на Афоне. Мощи были перенесены в нижний храм собора и по сей день находятся там.

Ещё был очень памятный праздник Преподобных в 1990 году, когда отчаянный отец Андроник плыл на остров по ревущей от шторма Ладоге.

Его водный путь занял 24 часа, в монастыре он появился в два часа ночи, когда братия уже вышла на полиелей. Только что вошедший наместник распорядился: «Возвращайтесь, выходим ещё раз в знак благодарности Богу!»

Судно «Конец», севшее на мель во время шторма 23 сентября 1990 года.
Фото Сергея Компанийченко

Так, говорит, молились! Никогда до этого так не молился. Лишь потом он рассказал о пятиметровых волнах, разбитых иллюминаторах, отважном капитане и семинаристах, которые всю дорогу вычерпывали воду из трюма. Их корабль «Коневец» не смог подойти к острову и напоролся на скалу недалеко от Никольского скита. Тогда первый раз пришлось применить новые плоты для спасения паломников.

На Валааме отца Андроника очень любили. И сняли его совершенно незаслуженно. Всё, что на него наговаривали, было неправдой. К Патриарху писали и ездили даже, а поскольку мы друг у друга исповедовались, то я прекрасно понимаю, что это всё неправда. Жалко. Но он просто жертва нестроения, жертва становления монастыря. Всегда же непросто, когда собираются люди, семья, новое братство на разрушенном и осквернённом месте. Ему нужно было очень много терпения и мудрости.

Он очень любил Валаам и не хотел выезжать, говорил: «Каждый раз, когда надо уезжать, покидать обитель, – для меня просто пытка». Но ему приходилось уезжать, было много хлопот.

Именно заботами игумена Андроника в 1990 году стали служить на Санкт-Петербургском подворье, а в 1992-ом монастырю передали историческое Московское подворье.

Слева игумен Андроник (Трубачёв); справа председатель поселкового Совета Анатолий Свинцов. Фото Александра Николаева к статье Аллы Репиной «Прощание с Валаамом» в газете «Час Пик», июль 1990 г.

Игумен Пётр (Романов), начальник подворья Валаамского монастыря в Москве:

– Промыслом Божиим устроилось так, что этот человек сыграл определяющую роль в моей жизни. Через его руки в 1993 году я принял монашеский постриг.

Получив благословение архимандрита Кирилла (Павлова) поехать на Валаам и познакомившись там с отцом Андроником, я узнал, что он учился в семинарии и заканчивал Духовную академию вместе с мужем моей родной сестры. Это обстоятельство естественным образом расположило его ко мне. Сблизило нас и то, что мы оба выросли в православных семьях, с детства впитав традиционную церковную культуру.

Назначенный священноначалием на послушание игумена Валаамского монастыря, все свои дарования и энергию души отец Андроник направил на создание духовного и культурного климата возрождающейся обители.

Благодаря его стараниям был принят прежний валаамский Устав и богослужения стали проводиться ежедневно.

Особенно следует отметить огромный вклад игумена Андроника в восстановление музыкально-певческой культуры Валаама. Будучи сыном церковного композитора, много писавшего для хора Троице-Сергиевой Лавры, он очень внимательно относился к выбору богослужебных песнопений, ориентируясь на древние распевы как в оригинальном звучании, так и в обработке.

В период его игуменства на основании возрождения древнего валаамского распева стал формироваться современный валаамский обиход, который теперь является настоящим сокровищем Северного Афона.

Для меня личность игумена Андроника – это, прежде всего, воплощённый образ учёного монаха. Нельзя не отметить такие его качества как трудолюбие, усидчивость, научный склад ума. Всё, с чем отец Андроник сталкивался в жизни, он осмысливал с христианской точки зрения. Талантливый и хорошо образованный человек, он легко находил общий язык с людьми из разных сфер культуры и искусства.

Неся послушание в Издательском отделе Московской Патриархии, он много сделал для издания богослужебных книг и другой церковной литературы. Отец Андроник принимал участие в редакции богослужебной Минеи и, как вспоминают сотрудники Издательского отдела,

был целеустремлен, во время работы – немногословен. Чувствовалось, что он предан своему делу и очень его любит. Богословие и церковная книжность были его стихией.

Вступив на игуменство, он основал Издательский отдел Валаамского монастыря, в котором начали издавать полную православную энциклопедию. Мне он как-то в свое время сказал, что признак духовного движения в человеке – либо культурность, либо святость.

Отец Андроник был одаренным проповедником. Обладал большой душевной энергией, овладевал аудиторией сразу, с первых слов. Его глубокие и в то же время простые проповеди люди любили, внимательно слушали и получали большую духовную пользу.

Он внёс огромный вклад в сохранение наследия своего деда, священника, ученого, философа и мученика отца Павла Флоренского, в освоение его наследия и правильное прочтение его трудов. Написал о нем несколько книг, стал основателем и директором его музеев в Москве и Сергиевом Посаде.

Выросший в православной семье, игумен Андроник и монастырь обустроивал как единую семью. Так, например, он говорил, что ему

Игумен Пётр на отпевании игумена Андроника (Трубачёва). Троице-Сергиева Лавра, 8 апреля 2021 года

бы хотелось, чтобы пища в трапезной для братии была домашней, а не «такой, как в столовке».

С детства воспитанный в православном духе, он знал, что такое христианская любовь, и старался передать этот опыт и внутреннее ощущение другим. Мотивация его поведения всегда была доброй и направленной на добро.

Знаменательно, что третий день по его кончине выпал на праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. В этом можно видеть некий знак покровительства ему Царицы Небесной уже в жизни вечной.

Царство Небесное почившему рабу Божию игумену Андронику!

Павел Васильевич Флоренский

«По выражению деда, “он стоял за семью в алтаре”».

Памяти игумена Андроника (Трубачева).

Интервью внука священника Павла Флоренского

Внук священника Павла Флоренского, богослова, религиозного философа, ученого, отец Андроник свою жизнь посвятил собиранию, изучению, сохранению и публикации наследия отца Павла, увековечиванию памяти о нем. Это было для него в том числе и семейным долгом.

О своем двоюродном брате, единомышленнике и сотоварище по трудам, о семье Флоренских, о том, как шла работа по собиранию материалов об отце Павле Флоренском и его рукописного наследия, рассказывает Павел Васильевич Флоренский.

Павел Васильевич Флоренский

– Павел Васильевич, вы – двоюродный брат новопреставленного игумена Андроника (Трубачева), насельника Троице-Сергие-

вой Лавры. Хотелось бы посвятить нашу беседу Вашим воспоминаниям о нем, чтобы почтить память отца Андроника.

– Вечная память брату моему, игумену Андронику. Сейчас только-только начинает пониматься, кто он был вообще и кто он был для нас. Вроде бы подумаешь: брат он и брат, всегда он здесь, всегда рядом, всегда он любим... Масштаб-то человека не чувствуешь «носом к носу». Убежден, что он принадлежит к тем людям, понимание масштаба которых будет расти с годами. А сейчас – какая-то вроде бы «естественная» смерть после тяжелой болезни. А дальше – естественная беда. И семьи, и общества.

– **Расскажите, пожалуйста, о семье подробнее.**

– О семье. А я часть её, а теперь ещё и самый – не то что старший (у нас в семье все старшие!), а самый старый. Поэтому так и буду говорить, как брат новопреставленного отца Андроника, в значительной степени, о Саше. Насчет семейных дел... Дед считал необходимым заниматься историей семьи – и прошлой, и своей, и будущей, то есть нашей. Из концлагеря, по сути дела, он продолжал формировать свою семью. Каждому из детей, а также нашей бабушке, то есть его жене, и своей матери, он писал отдельный кусочек письма с двух сторон, который можно было бы для себя вырезать, с отдельными мыслями и поучениями, но чего бабушка не позволяла. В 1936 году, когда я ещё был только «в проекте», дед очень заботился об имени, которое мне дадут, потом радовался, что назвали меня в его честь, но легкой мне жизни по имени не обещал. А когда я появился на свет, то писал о том, как меня растить, как воспитывать. Это было наставлением всем для будущих детей. Лето 1936 года, когда я родился, было очень жарким. А у меня, месячного, было воспаление брюшины. У месячного! И вот настала пауза в письмах из Соловков, а спустя время пришла только одна его фраза, что надо было бы готовиться к худшему: «Такие редко выживают». Потому я и убежден, что только по его молитвам, молитвам из Соловецкого лагеря особого назначения, я и «очухался». И за всех нас он там молился. Так подробно говорю это, потому что игумен Андроник продолжил начатое дедом дело – духовную заботу о семье.

– **А велика ли семья Флоренских, то есть семья новопреставленного? Много ли потомков у отца Павла?**

– У нас всегда был культ семьи. У деда было 5 детей, стало 12 внуков, 24 правнука. Праправнуков не считаю – этот процесс идет еще! Но к 24 уже подбираемся, слава Богу!

Мы – достаточно сложная, большая, противоречивая (даже и по вкусам), но дружная семья. По крайней мере, спина у нас в семье всегда прикрыта близкими от внешних бед.

– **Каково было место отца Андроника в этой семье? Чувствовалось ли церковное влияние отца Андроника на семью?**

Отец Андроник, конечно же, занимал особое место, он был духовным лидером семьи. Церковное влияние его на семью было несомненным. Дед писал, что в семье хотя бы один ее представитель должен «за семью стоять пред престолом в алтаре». В первую очередь – тайное, сокрытое молитвами, которое за эти прошедшие несколько дней с его кончины я начал осознавать. Ну и явное, конечно. Он занимался постоянным ведением семьи. Однако отец Андроник категорически отказывался меня исповедовать, не путал роль брата и духовника, хотя беседовали мы с ним много. И то и другое вместе слишком близко. По-моему, и других тоже. Он оставлял нам духовную свободу. Только изредка – взглядом, вздохом. Но и этого было много.

Впрочем, для некоторых из нас он был больше братом, чем священником, Сашей. Подумаешь, Сашка! И это тоже нормально, ничего тут нет ни плохого, ни хорошего. Кстати, когда мы с ним ссорились, я звал его Сашей. Однако, среди двоюродных братьев и внучатых племянников у отца Андроника, по-моему, шестеро – алтарники в разных храмах, и не менее шести девушек поют в хорах. Так что вся семья воцерковленная. Но почву для этого создала наша бабушка – Анна Михайловна. Она сохранила и преумножила наследие деда. А то, что отец Андроник молился за нас, за семью, это теперь стало не только понятно, но и заметно! А раньше казалось естественным... В этом смысле, конечно, он был главным. И его потеря для всей семьи – беда великая.

– **Какова у вас разница в возрасте?**

– Полтора десятилетия. Он последний внук, а я первый. Он родился в 1952 году, когда мне было 16 лет. Это третий ребенок Сергея Зосимовича Трубачева и моей тетушки, сестры моего отца, Ольги Павловны, дочери Павла Александровича. Дядя Сережа был музыкантом, он прошел всю войну, потом вернулся, закончил консерваторию, стал

дирижером. Был заслуженным артистом Карельской АССР в Петрозаводске. Потом вернулся в Москву, преподавал в Гнесинском училище. А уйдя на пенсию, «открыл себя»: стал сочинять церковную музыку. Моя сноха Юлия Олеговна поет в церковном хоре храма Преподобного Марона Пустынника в Москве. Она говорит, что они очень любят исполнять музыку диакона Сергия Трубачева.

– **А в семье еще есть музыкально одаренные представители?**

– Да, конечно. Ольга, старшая сестра отца Андроника, пианистка, преподает в музыкальной школе, вместе со своей сестрой Марией Сергеевной они издают ноты произведений Сергея Зосимовича: вышло уже три сборника, готовят ещё. Мой внук Александр – будущий пианист, учится в консерватории, а сейчас отбывает воинскую службу в хоре инженерных войск России «За Веру и Отечество», поет и играет на фортепиано. А одним из послушаний иеромонаха Андроника в Лавре было трудиться звонарем, и он говорил мне, что в этом ему помогало его музыкальное образование.

– **Как прошла юность будущего отца Андроника?**

– Во-первых, с детства Саша ходил в церковь. С детства. Мы все, благодаря бабушке, ходили в церковь. Он был нормальным школьником, немножко хулиганистым. Он был «спартаковцем»: ходил в красной футболке, с флагом спартаковским, бывал на стадионах, где болел за «Спартак», чем приводил в ужас родителей. В общем, вполне адекватный юноша для своего времени.

После школы он поступил в Историко-архивный институт. Он преодолел семейную традицию того времени: 25 геологов носили нашу фамилию, на обратной стороне Луны есть даже кратер – Флоренский – в честь нашего общего с Сашей дядюшки Кирилла.

Мы с Сашей и в его студенческие годы дружили, хотя я на полтора десятилетия старше его, и некоторое влияние на него оказывал. Я как бы «компенсировал» некоторые стороны «родительского» воспитания и давления. Потому что, как правило, родители «оттачивают» свои характеры на детях, а дети, особенно сыновья, «оттачивают» свой «кинжальный» характер на родителях, как правило, на отце. По крайней мере, со мной он и юношей был очень близок. Близок настолько, что я однажды взял его в геологическую экспедицию, хотя студенту-филологу такое как-то несвойственно. Итак, поступил он в Историко-архивный институт, в котором благополучно учился.

– **Он был комсомольцем?**

– Да. Естественно, как тогда практически все. Это уже стало тогда формальностью. Но откровенно церковным он был всегда. В политику и так называемую общественную работу никогда не лез, следуя поведению всей семьи, и позже никогда не был ни в коем случае диссидентом, в том числе и церковным. Но до определенного предела. И вот произошел такой казус: как раз в то время меняли комсомольские билеты. Он сдал комсомольский билет, а потом (не только он, но и двое его товарищей) новые комсомольские билеты не взяли. По тем временам это был ПОСТУПОК. Они обозначили себя как православные, что закрывало дорогу в комсомол. Был, конечно, скандальчик, но начальство было заинтересовано его замять. Это не закончилось ничем смертельным – время было уже другое. Им дали закончить институт и защитить диплом. Впрочем, они никакой пропагандой и не занимались, поэтому были безопасны. А из его друзей, которые отказались от билетов, один потом стал архиереем, судьбу третьего я не знаю.

На последнем курсе Саша искал тему для диплома. Конечно, околоцерковную. Первоначально он планировал заниматься житиями Соловецких святых. Отца звали Сергей Зосимович, Зосима – это трубачевское семейное имя.

– **Вы помогали ему с дипломом?**

– Не скажу, что я тогда в чем-то повлиял на его выбор, но я помню, что сказал: «Парень, ты что?! У тебя есть знаменитый дед, чей архив не разобран! Занимайся этим! Иконой Соловецких святых занимаются десятки людей, да она висит в музее». И он стал заниматься дедом, вернее, Комиссией по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры (в дальнейшем – Комиссия). Помогал? Ну, наверное в том числе я его учил «держат верстку», беседовали. Но он охранял себя от влияний.

– **Понятно, значит он начал работать с наследием деда в год окончания института – 1975. А вообще, когда началась подготовка к печати трудов священника Павла Флоренского? Ведь он был как бы под запретом?**

– Это можно обозначить довольно определенно. В самый разгар идеологической борьбы с инакомыслием, в 1962 году, когда я был в Тбилиси, племянница отца Павла, тетя Оля Кониашвили (Царствие ей Небесное!), отдала мне наволочку (!) семейной переписки. Наволочку,

потому что прятала её, изображая как семейный хлам. Я, таясь, перевез наволочку в Москву. Так у меня оказалась переписка прадеда и прабабушки, студенческие и более поздние письма Павла. Архив деда был упрятан в Загорске. И я, году в 1963, начал готовить их к печати. Было за них страшновато. Ибо, хотя дед и был недавно реабилитирован, к его рукописям, хранящимся в доме, меня не допускали. Я переписывал письмо от руки, а потом относил его к машинистке. Один из пяти экземпляров распечатки отдавал бабушке. Позже они очень помогли Саше. Делал это в строжайшей тайне. Позже ко мне присоединился Алкаен Альбертович Санчес – сын испанских коммунистов. Его отец – скульптор Альберто, друг Гарсиа Лорки, Пабло Пикассо, Пабло Неруды. Видя мои усилия, бабушка втайне от семьи передала мне письма деда из лагерей. Так мы и начинали подготовку будущего Флоренского: Алкаен – католик, и я – православный. Середина шестидесятых годов.

– **А когда и как начались публикации?**

– По законам Министерства Правды Оруэлла (роман «1984» – Ред.), вообще-то, П. А. Флоренский должен был быть забыт! Остались бы «Столп», конечно, о котором он сам говорил: «Моя юношеская работа», несколько довольно интересных статей в журналах, его редакторство «Богословского вестника», а технические работы растворились бы или были бы переопубликованы под другими именами.

Того Флоренского, который теперь пришел к читателям, сохранили бабушка и мой отец, Василий Павлович, который, как старший, содержал семью своего отца. Они-то и сохранили рукописи отца Павла. А привели к читателям его мы, его потомки (не создали, конечно, не смейтесь!), и вам его отдали. Начал это делать Кирилл Павлович, продолжил я в трудное и опасное время абсолютной диктатуры сверхдирективных редакторов и, наконец, Андроник, который начал работать с наследием деда после Хельсинского совещания 1975 года, когда это стало менее опасно. А через десять лет и пришло триумфальное возвращение Флоренского.

– **А конкретнее?**

– Уже в пятидесятые годы работы П. А. Флоренского и статьи о нем стали регулярно выходить за рубежом – в «тамиздате», и тихонечко просачиваться к нам. Поэтому в шестидесятые годы появились ссылки и упоминания его имени, несмотря на острейшую войну с диссидентами. Но «Министерство Правды» продолжало свою работу, и имя П. А. Флоренского было официально незамечаемым. Это

было разрушено публикацией статьи П. А. Флоренского «Обратная перспектива» в Тарту.

– **А что вы бы хотели сказать про издание в Тарту?**

– Честное слово, её издатели: А. А. Дорогов, скопировавший верстку статьи у коллекционера Сергея Ивановича Григоряна (недавно я её у него перефотографировал), Вяч. Вс. Иванов и Б. А. Успенский, не знали, кто такой Флоренский. Но они увидели «элементы структурализма» в «Обратной перспективе» и с радостью все это опубликовали. Приходили к Кириллу Павловичу, задавали ему вопросы (он поживался, рассказывая о них мне). Кое-где в тексте даже напечатанное с маленькой буквы слово «Бог» осталось (не везде, конечно, местами просто отточие). А всякие «сомнительные» вещи были там представлены отточиями или просто выброшены. Но все равно – честь им и хвала!

– **А вы переиздали потом эту статью?**

– У нас с Сашей была идея издать эту статью двумя шрифтами (как издали, например, сейчас «Мастера и Маргариту» – сделали купюры в первой публикации в журнале «Москва» другим шрифтом). Во времена «Мастера и Маргариты» по рукам ходили «списки купюр». А почему были сделаны эти купюры – теперь поразительно и непонятно! Это первое издание у нас сочинения П. А. Флоренского.

– **И начались издания сочинений П. А. Флоренского?**

– И начались издания. Продолжались тайно, но публикации только начинались. Дело в том, что это было огромное напряжение – сначала уговорить издательство, редакцию журнала или сборника. Тут сказывалась, в основном, давняя дружба. Вторая проблема – воспроизведение подлинного текста, за что приходилось особо бороться с редакторами. Как правило, они с гигантскими амбициями и абсолютными правами. Можно редактировать и унижать кого угодно. Чехова и Толстого редактировали, Достоевский был полузапрещен, а уж с Флоренским чего церемониться. Труднейшая задача была сделать тексты П. А. Флоренского нередактируемыми, неприкасаемыми, без купюр. Проблема возникала при каждой публикации. Когда мои геологические книги редактируют, может быть, это и к лучшему. А тут... Каждое издание трудов Флоренского было на грани уничтожения.

– **А где отец Андроник работал после института?**

– Закончив Историко-архивный в 1975 году, Саша поступил работать в Издательский отдел Московской Патриархии к владыке Пити-

риму, который был дружен с бабушкой, а через нее – со всей нашей семьей. Он вошел в состав этой, в общем-то, великой бригады. Это сейчас нет епархии, где не было бы своего издательского отдела, и слава Богу! Но тогда это было почти контрабандой, на грани там-издата. А «ЖМП» – «Журнал Московской Патриархии» – был почти на грани самиздата! И это несмотря на то, что он был крайне осторожный и ортодоксальный, он был «битым» и «пуганым». Но тем не менее он был и оставался неустрашимым. «Питиримовцы» всем были известны, на них на всех славный ярлык! Если ты слышал фразу: «работал в издательстве у Питирима», – все сразу ясно. Тут и рекомендация, и репутация, и сразу все! Конечно же, это была школа церковного издательского дела, но современного! А с другой стороны, она сформировала тех, кто это делал. И вот Александр с сотрудниками были как раз той бригадой, которая начинала издательское патриархийное дело.

– **Трудно верится в то, что так строго было с церковными изданиями и издательством. Это же был конец 1970-х, неужели Церковь жила в таких гонениях?**

– С одной точки зрения – в гонениях, а с другой – служения Богу, а потому – подвига. Саша говорил мне об этом. Вы поймите, что если в то время у кого-то «отлавливали» на таможне Евангелие, то этот человек становился «закрытым», он никуда не мог уже поехать. Дорога ему всюду была перекрыта, всё! Евангелие – это была одна из страшнейших контрабанд. Даже издания «УМКА-ПРЕСС» (жаргонное название французского издательства YMCA-PRESS, вестника христианского студенческого движения) и то были менее опасными! Поверьте, я знаю, о чем говорю! Хотя там бывала прямая антисоветчина, но Евангелие было гораздо опаснее! А разве это не так? Евангелия боялись. Но уже в то время Отдел владыки Питирима издавал и Евангелие, и тома богослужебных книг.

– **Тиражи, конечно, были небольшие?**

– Тиражи были обозначены маленькие, но типографии решали это по-другому: печатали контрабандой столько, сколько получалось. Продавали налево и богатели. А Отдел закрывал на это глаза. Но вернусь к первым публикациям. Именно в Издательском отделе, куда позже пришел работать Саша, и готовились первые публикации трудов Флоренского. Делал это с благословения владыки Питирима Толя, позже архимандрит Иннокентий (Просвирнин). Он был «привнучен-

ным внуком» бабушки (так она называла особенно полюбившихся ей молодых людей). В 1969 году он издал «Дух и плоть» (ЖМП. № 4) и «Моленные иконы преподобного Сергия» (ЖМП. № 12). В том же году мы с П. В. Палиевским и А. А. Санчесом издали в «Декоративном искусстве СССР» (№ 12) статью П. А. Флоренского «Органопроекция», но с купюрами и стилистической правкой (!) редактора.

Саша начал работать с материалами деда во время написания дипломной работы, то есть в 1975 году. А потом продолжал это, работая в Издательском отделе Московской Патриархии под руководством Высокопреосвященного митрополита Никодима (Нечаева) (1975–1990 гг.), за исключением службы в Советской армии (1976–1977 гг.). Наряду со своими прямыми обязанностями, он стал готовить публикации работ нашего деда в 1975 году, их комментирование. А комментировать – это вести большую научную работу. Он посвятил себя своему собственному деду. Он как-то мне пожаловался: «Злые языки обвиняют меня в том, что я всем обязан своему собственному деду! А кто из нас не обязан своим дедам или родителям? Мы все им обязаны!» Очень он веселился по этому поводу.

Уже в 1977 году он издал статью деда «Словесное служение. Молитва» (ЖМП. 1977. № 4) и обширную подборку «Из богословского наследия» (Богословские труды. № 17), которую издал митрополит Минский Антоний (Мельников). Что же, – П. А. Флоренский стал публикуемым. Ряд публикаций подготовил и в те годы, хотя сопротивление редакций сохранялось.

А Саша из Отдела в 1980 году ушел в братство Троице-Сергиевой Лавры, а в 1981 году принял постриг.

– **Это тоже было осознанное заранее решение?**

– Не понял смысл вопроса. А неосознанное может быть? Неразделенная любовь? Но родители были, естественно, опечалены, потому что всем родителям хочется быть дедами и прадедами; тем более – в нашей фамилии. Я с ним говорил об этом. Помню, он даже меня попрекнул: «Павел, ну я же вижу, как тебе трудно в семье с твоим характером. А у меня характер не лучше, мне трудно тоже будет в семье и с близкими... Нет, я не буду создавать семью. Я хочу работать – и работать в Церкви, быть, как дед, священником». И он ушел в монастырь. Я был на его пострижении, рядышком стоял совсем. Что я могу сказать? Да он светился просто, когда это происходило! Удивительно было – светился, и все тут!

Но всё же тогда еще он продолжал быть очень лихим, очень уверенным в себе молодым человеком. Уход в монастырь отрывал, то есть спасал его от МИРА, и делал его свободным. Это чувствовалось.

– **Но я бы хотел, чтобы вы вернулись к архиву Вашего деда. Я слышал, что библиотека Флоренского была утеряна.**

– Не утеряна, а конфискована и уничтожена. А конфисковывали недавно материалы у инакомыслящих, в том числе и у церковных. После ареста деда кто-то из знакомых натравил власти на его библиотеку. Первым делом, зная, где лежали детские книги, забрали и их. А книги в библиотеке Флоренского были с экслибрисом или с автографом, но их на букинистическом рынке нет. Впечатление такое, что их уничтожили.

– **Много было книг в библиотеке? Я читал в воспоминаниях Сергея Волкова, последнего студента Московской духовной академии перед революцией, что это была одна из самых обширных библиотек в Сергиевом Посаде.**

– Четыре машины вывезли, так что представьте себе сами! Так вот. А рукописи бабушка с отцом куда-то спрятали, так что все сохранилось. Рукописи работ целы, но поскольку большинство его корреспондентов «плохо кончили», то реально писем Флоренского почти не сохранилось. А письма к нему сохранились все (или почти все). Часть их находится у меня. Письма деда к семье бабушка мне тайно от всех передала, и я почти все это уже опубликовал. Они здесь, эти материалы, рядом с Вами, на полке.

– **Вы совмещали эту деятельность с другой вашей работой?**

– Я продолжал заниматься геологией, экспедициями, для меня это было важнейшей стороной жизни. Недавно проанализировал свои работы и увидел, что через дядю Кирилла продолжаю некоторые мысли деда: охрану и реставрацию белокаменных памятников, метеоритику, учение о ноосфере – пневматосфере. Так что не один отец Андроник идёт за дедом.

– **Но ведь издавали не только вы?**

– Да, не все мы издавали, но очень немногое сохранилось вне нашего дома. Кое-что мы давали издавать третьим лицам. Тем, кого считали достойными. Я погрузился в лагерную переписку деда 1933–1937 годов и студенческие (1900–1904 гг.) и более поздние письма в Тифлис, которую готовил вместе с Алкаеном Санчесом.

– **Был период, когда отец Андроник возглавлял Валаамский монастырь. Расскажите о нем.**

– Да, в 1990 по 1993 годы его перевели в Валаамский монастырь, и публикаторская деятельность, где он до этого стал лидировать, несколько приутихла, но наша дружба окрепла. Я ездил к нему на Валаам. Надо сказать, что там он сделал очень много. В частности, он умудрился на один день устроить на Валааме встречу Ельцина и Патриарха Алексия. Я присутствовал при этом. Не знаю, встречались они когда-нибудь так еще или нет. Помню: кучка людей стоит на полянке, долго ждали Ельцина, он потом прилетел на вертолете. Кроме того, от Военно-морского флота он умудрился получить ряд кораблей для монастыря, так что на Валааме монастырский флот образовался.

– **А вы ссорились?**

– Ссорились, хорошо ссорились! Не прерывая отношений и взаимного чаепития.

– **А на какой почве?**

– Да больше по моим грехам и характеру, уж позвольте мне Вам не исповедоваться. Беда общая, а вина моя. Это касается больше меня, чем его. Но потом – как ничего и не бывало.

– **Последние десятилетия он был нездоров. Но Вы продолжали с ним общаться?**

– Конечно, но и я не молодец. Плохо у него было со здоровьем: диабет – характерная болезнь священнослужителей. Богослужение, долгое стояние, особенности монастырского стола. Впрочем, в начале девяностых, когда он дом восстанавливал и сад создавал, он много двигался, но потом стал болеть и мало двигаться.

У него была мечта создать музей Флоренского в Костромской губернии, откуда мы родом. А пошли мы, вместе с Тарковскими, из одного села. Музей Тарковских-Флоренских существует, у него там дом. Но он много сделал для памяти Тарковского и Флоренского в Костромской губернии.

Кроме того, он создал ещё три музея. Один в Москве. Второй – дом наш родовой в Сергиевом Посаде, он просто восстановил, отремонтировал. Сейчас дом, слава Богу, в порядке. Кроме того, он умудрился выбить громадный участок под названием «детский сад», в котором начал создавать музей. Но только начал – кроме его организаторских способностей там нужны были миллионы!

– **Насколько я знаю, он хотел сделать там «Парк философов».**

– Разные варианты были, но денег-то не было. Я знаю, что сейчас предпринят целый ряд реформ по увековечению церковности Сергиева Посада, которые патронируются Патриархом. Быть может, идея создать этот музей не пропадет. Хотя движитель-вдохновитель этой идеи и ушел от нас.

Кто придет на его место, равный по церковности и способностям, по воле и по порядочности, я пока не знаю. А там, где пахнет деньгами, сохранить все эти качества ох как трудно!

– **Несколько слов о труде отца Андроника «Путь к Богу»: написано им, по-моему, семь томов. Была закончена эта работа или нет? Расскажите что-то об этом собрании.**

– Дело в том, что я с юности, под влиянием бабушки, собирал все упоминания о дед. А их, поверьте мне, в тридцатые годы было два-три у нас в стране. Потом ко мне потекли эти упоминания из-за «бугра», и у меня, и у отца Андроника скопилось много книг, где только был упомянут дед. Как только дед упомянут – мы тут же эту книгу или на карточку берем, или в коллекцию. Я собрал около тысячи упоминаний за столетие. Я ограничился 1983 годом.

Потом отец Андроник это подхватил, использовал мою библиографию, добавил другие упоминания, и создалась уже более полная библиография. И в справочном томе (последнем томе этого труда) этих упоминаний гораздо больше. Так что мы это собирали, это была своего рода филателия.

Картотека у меня – метра два. Когда я издал опубликованную картотеку, то передал ее в подарок издателю. Сейчас, конечно, не упомянуть Флоренского – уже просто неприлично. Надо сказать, что дед хранил буквально все: клочки бумажек, записочки. Всё это сохранилось (или почти всё). И когда отец Андроник занялся этим, то материал был громадный.

– **Но как это все написано и оформлено, это же на грани гениальности?!**

– Во-первых, отец Андроник Историко-архивный институт закончил, это ведь его профессиональное дело! Он знал, как это делается! Его же учили этому. Во-вторых, предмет его работы – архив священника Павла, который, по мнению многих, был гениален. Дед понимал, что он – непростой человек, берег все о себе, и чудом все это сохранилось.

А сохранилось очень много. И все это было сбережено. А в-третьих, отец Андроник – внук своего деда, в нем сохранилось же многое от предка, его элементы гениальности и великая работоспособность.

Игумен Андроник, с присущим высокому профессионалу умением (да и школа владыки Питирима тут пригодилась), все отработал, обработал и опубликовал. Успел! Причем удивительно: он издал, по сути дела, последний том – и покинул нас. Так что эта работа и держала его здесь.

– **Вы можете что-либо сказать о политических взглядах игумена Андроника?**

– Попробую. Игумен Андроник был священником, а по опыту прошедшего столетия священнику небезопасно касаться политики. Поэтому свои политические взгляды он практически не высказывал. Но сразу скажу, что политикой он не то чтобы интересовался, а, будучи патриотом, был в курсе происходящего. У меня бывали с ним беседы. Мнения его и прогнозы были парадоксальны до абсурдности, порой неприемлемы, но потом – удивительно верны. Я бы сказал прозорливы.

– **А как отец Андроник относился к монархии?**

– По убеждениям он был монархист, как и все мы, Флоренские. Окормлял Великую княгиню Марию Владимировну и Великого князя Георгия на Соловецком подворье в Санкт-Петербурге (Лен. область, Всеволожский р-н. – Ред.), а потом привозил их в Загорск. Официально монастырь от приема Великих князей устранился, а о. Андроник принимал, водил по монастырю. Я присутствовал при этом. Сохранились альбомы фотографий.

– **Был яркий момент в Вашей биографии – выборы в Верховный Совет СССР. Какая была у вас программа? Как отец Андроник к этому отнесся?**

– Если я не путаю, это был 1989 год. Это тот Верховный Совет, который развалил Советский Союз, то есть депутаты предали Родину. Что же, расскажу об этом подробнее, ибо в те дни мы были рядом: я даже ночевал у него в келье, и он брал меня с собою на колокольню звонить в колокола. Думаю, что и для него мои выборы были ярким моментом. Действительно, не без очень активного совета отца Андроника я согласился баллотироваться от Загорска, подчеркиваю, тогда ещё не от Сергиева Посада. Я и не надеялся, что меня выберут, но нам с ним очень хотелось «выговориться». Я был чуть ли не един-

ственным в стране, кто открыто в зал сказал: «Я – православный». Это было для того времени несколько удивительно. Все мы это скрывали тогда.

Первым и основным пунктом было то, чтобы город Загорск обратился к своему духовному патрону – преподобному Сергию. Если город хочет быть благополучным и счастливым, то это может быть только под покровительством преподобного Сергия! Город должен снова стать Сергиевым Посадом. Что тут началось! Зал просто ревел: «Мы “за горами” родились, “за горами” и померем!» Ну, помирайте, ребята... Но надо ведь знать, что Загорск – это не «за горами», а Загорский – партийная кликуха, прозвище Лубоцкого, коммуниста, у которого руки по локоть в крови. Конечно, я терял голоса, катастрофически.

Но как хорошо работали «демократы»: они были профессионально научены. В зале сидели в ярких куртках «дирижеры», которые давали нужные знаки своим людям, и чуть что – свои люди рабоче-крестьянскими голосами поднимали галдеж в зале. Это была откровенная банда. А так как антисоветизм пользовался успехом, то в зале они царили. Их лидером был Бовин, раньше телекомментатор Брежнева, но теперь он выступал с антисоветчиной, тогда это было не только можно, но и поддерживалось сверху. Вторым их лидером была Пияшева. Только недавно узнал, что её муж – американец, потомок Лейбы Пинскера, врача и героя Крымской войны, но позже одного из лидеров сионистского движения в России. Слова «Родина», «русский» были самоубийством. Редактора журнала «Молодая гвардия» окружили ненавистью в России. Я с православием как-то не был отмечен. Ну да, я же все-таки «внук заключенного» – и свой я или нет, они не поняли. А выиграл выборы Крутов, член парткома Гостелерадио, в прошлом футболист, с Кольского полуострова. Позже он занял место Клыкова, русский патриот. Город переименовали, вернее, вернули ему его имя! Так что «русская партия» победила в Сергиевом Посаде, как и в немногих городах! Сказались молитвы преподобного Сергия за свой Посад.

– **И как прошли выборы? А отец Андроник был к этим выборам тоже равнодушен?**

– Выборы прошли, я был на восьмом месте. Всего баллотировались и прошли 20 человек, так что я не был последним. Я был знаком с председателем комиссии, и она мне сказала: «Павел Васильевич, весь участок Лаврский голосовал за вас!» Так что и семинария, и

академия голосовали за меня! Что же еще может быть лучше, ведь это лучшие голоса в городе, а может быть, и в России! Чего же мне было жаловаться!

К происходящему в стране он никак не был равнодушен и аполитичен. Он очень мне помогал, советовал. Надо сказать, что его советы и прогнозы уже тогда были парадоксальными, нелогичными, но, как правило, правильными! Он обладал очень большой прозорливостью, но когда я ему это сказал, он ответил: «Павел, но ведь я же стою пред престолом в алтаре. А священник, стоящий в алтаре пред престолом, – ему дан дар прозорливости». Так что, мол, это нормально, это в порядке вещей, обычно для иерея.

– **Отец Андроник остается с нами, мы его помним и любим, и, конечно, он являет собой нечто большее, чем просто насельник Троице-Сергиевой Лавры или преподаватель Московской духовной академии: он был представителем какой-то старой жизни, которая соединяла нас со всем тем, что мы потеряли в прошлом.**

– Дорогие друзья, все-таки возьмите себе игумена Андроника как великого человека, но оставьте мне моего брата, даже больше Сашу, чем отца Андроника! Позвольте мне быть рядом с ним, спорить с ним – на грани ссоры (обычно побеждал он, морально и по уму), оставьте мне его таким, каким он был для меня!

Конечно, это громадная утрата для меня лично и для всей семьи тоже! Мы осиротели... Что будет дальше? – Не знаю что. Может быть, кто-то выйдет из нашей семьи и займет его место в алтаре у престола. По крайней мере алтарники в семье Флоренского среди потомков есть. Все может быть. Никто не ожидал, что он – болельщик «Спартака» – станет игуменом. Вечная ему память, вечный покой!

Создать моральный и физический памятник ему нам еще предстоит. Он живой был – мы так его и воспринимали! Только девять дней ему будет, может быть, он и сейчас нас слышит! Помню, я всегда демонстративно целовал у него руку, в отличие от многих, кто просто говорил: «Саша! Саша, брат!» Для меня он все-таки всегда был и иереем Божиим. Вечная ему память, а нам, Господи, дай возможность не разрушить то, что он создал, быть достойным его дел. Эта очень трудная, громадная ответственность на всех нас – и перед дедом, и перед ним, перед самими собой, но главное, – пред Всевышним. Если мы что-то порушим из того, что он создал, то в первую очередь мы

на себя это обрушим и на наше будущее поколение! Он очень нам нужен, всей нашей семье.

С Павлом Васильевичем Флоренским беседовал Николай Бульчук
14 апреля 2021 г. (отредактировано)

Воспоминания Вячеслава Ивановича Брагина

О. Андроник (Александр Сергеевич Трубачев, 1952–2021 гг.) – выдающийся деятель Русской Православной Церкви, бывший наместник мужского монастыря на о. Валаам, доцент Духовной академии РПЦ, внук гениального богослова и философа Павла Александровича Флоренского и издатель его трудов.

Вячеслав Иванович Брагин

...Первое наше знакомство и общение с отцом *Андроником* произошло летом 1992 года, когда меня, Народного депутата России, Председателя Комитета Верховного Совета РФ по средствам массовой информации, пригласили принять участие в паломнической поездке Его Святейшества Патриарха Московского и всея Руси *Алексия II* на остров Валаам, посвященной памяти преподобных *Сергия* и *Германа*, где состоялась его встреча с Президентом России *Б. Н. Ельциным*, прилетевшим из Финляндии после завершения его официального визита в эту страну.

* * *

...*10 июля 1992 года*. Теплоход «*Виссарион Белинский*» с паломнической миссией Патриарха *Алексия II* причалил в глубоководной бухте к острову Валаам. Во время завтрака Его Святейшество ока-

11 июля 1992 года. Встреча Патриарха Московского и всея Руси *Алексия II* и Президента России *Б. Н. Ельцина* на Валааме. Процессия направляется от места приземления президентского вертолета к Спасо-Преображенскому монастырю. На переднем плане (слева направо): игумен Валаамского монастыря *Андроник (Трубачев)*, Президент России *Б. Н. Ельцин*, Патриарх Московский и всея Руси *Алексий II*, Председатель Комитета ВС РФ по СМИ *В. И. Брагин*.

зал мне высокую честь, предложил сесть рядом с ним за небольшим столиком.

Я выбрал подходящий момент и попросил Патриарха подписать мне лист с «*Гимном Валаамской обители*». Он подписал: + *Патриарх Алексий*. Поставил дату: *10.VII.1992*. Ниже дописал слово – «*Валаам*».

Затем мы вместе с Патриархом, священнослужителями и братией монастыря на катере «*Игумен Дамаскин*» отправляемся в Свято-Преображенский Валаамский монастырь. Главное событие сегодняшнего дня – служба там Его Святейшества.

По красной дорожке, уложенной внутри собора, Патриарх прошел к алтарной части и возглавил службу...

...Отец *Андроник* на тот момент был наместником Валаамского монастыря и, естественно, все его внимание было занято общением с Патриархом и организацией его пребывания на острове.

(Общение наше с ним в той обстановке ограничилось отдельными вежливыми репликами. Да и необходимости в каком-либо нашем отдельном разговоре не было.)

По всему было видно, что *игумену Андронику*, как настоятелю монастыря, досталось весьма тяжелое наследство и выправить ситуацию ему еще далеко не удалось...

...В Спасо-Преображенском храме повсюду были видны следы прежнего разорения. После возвращения обители в лоно Русской Православной Церкви малочисленной братии и бедному приходу мало что удалось сделать по возвращению его прежнего великолепия. В сводчатом зале было полутемно. Электрического освещения не было. Одни окна были забиты досками, другие перегорожены поперек тяжелыми брусками. Полы в ряде мест из полугнилых горбылей. Прежние храмовые печи разрушены. Собор отапливался двумя огромными, словно паровозные котлы, печами, покрытыми оцинкованным железом...

...Еще мальчишкой, сразу после войны, я слышал в своей тверской земле о том, что где-то на севере Советского Союза есть остров, куда свезли всех калек, изуродованных на фронте, всех безногих, безруких, слепых, контуженных, израненных, обгорелых, еле живых, не способных самостоятельно обслужить себя, чтобы они – эти герои, участники Великой Отечественной войны – лучшие люди страны, соль ее земли, в тогдашней и без того тяжелой, голодной жизни не добавляли горя, не угнетали своим страшным видом людей, оставшихся целыми.

Энкавэдэшники устраивали на них облавы по вокзалам, поездам, улицам городов и поселков, где они, увешанные медалями и орденами, просили милостыню. У них отбирали паспорта и солдатские книжки и увозили в вагонах – «телятниках», в северном направлении, навсегда обрывая все их связи с живым миром.

Люди в этом инвалидном гетто, невиданном во всей человеческой истории, буквально дичали, сходили с ума и, брошенные государством, умирали в библейских страданиях, скорбях и неизвестности.

Когда *игумена Андроника* назначили наместником Валаамского монастыря, многое на острове еще сохранялось от послевоенных времен, и много тяжелых испытаний ему пришлось пережить.

...Матушка *Мария* так охарактеризовала тогдашнего отца *Андроника* в одном из поздних писем ко мне, после получения им от

11 июля 1992 года. Встреча Патриарха Московского и всея Руси *Алексия II* и Президента России *Б. Н. Ельцина* на Валааме. На переднем плане (слева направо): Патриарх Московский и Всея Руси *Алексий II*, игумен Валаамского монастыря *Андроник (Трубачев)*, Президент России *Б. Н. Ельцин*, супруга Президента *Наина Иосифовна*, *В. И. Брагин*.

Патриарха Московского и всея Руси *Алексия II* благословения заниматься наследием *о. Павла Флоренского*:

...Отношение к людям ровное, монашеское. А отец *Андроник* был истинным монахом. Ничего не обсуждал, никого не наказывал, ко всем с почтением, с любовью, прощал много подлости, даже сказать: были ли у него любимчики, не знаю, – такого понятия не существовало. Мог говорить с самым заядлым пьяницей, забулдыгой, как с профессором, люди никогда не боялись его. Скромность подкупала всех и бывало иногда чванным людям не по себе. Принимал всех, как мог, с любовью, к нему ехали за любовью. На Валаам всех покинутых жизнью принимал и оставлял жить. Многие упрекали: но как этого можно принять? А он говорил: можно, и будет хорошим монахом. Много прощается доверенностью...

* * *

...После трапезы на катере *«Игумен Дамаскин»* вместе с Патриархом и небольшим числом сопровождающих отправляемся на Святой остров, чтобы побывать в пещере боголюбивого отшельника *Александра Свирского*. Наш путь был истинно библейским!.. Вереница священнослужителей в черных одеждах во главе с Патриархом, которого с двух сторон поддерживали молодые служки, с большим трудом пробирались к цели по самой воде, по диким, облизанным волнами, черным и острым камням... Иногда из высоченной травы мне был виден только белый клобук Патриарха с золотисто-бриллиантовым крестом. Следом за ним, путаясь в рясах, двигались убеленные сединами его собратья.

Игумен Андроник, настоятель Валаамского монастыря, тоже в этой процессии.

Патриарх остановился перед входом в пещеру и запел... Духовные лица сразу подхватили:

– *Кресту Твоему поклоняемся Владыко и святое воскресение твое славим...*

После этого *Алексий II*, сняв куколь, первым вошел в пещеру... Он довольно продолжительное время был там и вышел оттуда сияющий, гордый этим событием...

Почти сразу за Патриархом я тоже, согнувшись, проник в пещеру. Узкая холодная нора в гранитных плитах... Я добрался до задней стенки, дотронулся до нее рукой... Свет Божий все-таки немного проникает и сюда... В пещере небольшие иконки, лесная трава, цветы...

– *Господи! Слава Тебе за великое счастье, которое ты сотворил для меня, дав возможность ощутить себя в этом святом жилище Великого сына России и ее Церкви!..*

Ужинал я вместе с Патриархом...

...Обеденная трапеза на следующий день была многолюдной и торжественной... Читалось *«Слово о Валааме»* и его монастыре. Хор исполнил гимн Валаамской обители.

Мне было предложено место за председательствующим столом, справа от игумена *Андроника (Трубачева)*, сидевшего рядом с Патриархом.

...В завершение трапезы Его Святейшество объявил, что сегодня, в 20 часов, на земле Валаама произойдет встреча с Президентом России *Борисом Николаевичем Ельциным...*

* * *

После встречи Патриарха и Президента процессия во главе с ними направляется в главный храм Валаамского монастыря – Спасо-Преображенский собор. ...В суете и толкотне этого маршрута я успеваю обратить внимание *Бориса Николаевича Ельцина* на бывшие монашеские кельи, мимо которых мы проходим и в которых в условиях перенаселенности и крайнего отсутствия каких-либо коммунальных удобств проживают люди, которых, для дальнейшего развития монастыря, необходимо переселять в специально отстроенные жилища *на материке...*

...В храме Патриарх служит короткий молебен возле гробницы с мощами преподобных *Сергия и Германа*.

* * *

...Для меня, Народного депутата России, тогдашняя поездка на Валаам была в личном плане очень важной. Она позволяла мне многое понять в прошлой жизни одного из самых известных и древних центров Русского Православия.

К этому времени во мне, в моем духовном мире, уже произошло отторжение от агрессивного и примитивно-вульгарного детско-юношеского атеизма, рожденного советской школой и большевистской пропагандой. Я уже осознанно противопоставлял коммунистическую доктрину и весь пантеон ее вождей, всю деятельность ВКП(б) и ее структур, прежде всего, ЧК, НКВД, все их преступления: гражданскую войну, *раскачивание, раскулачивание, коллективизацию, Большой террор 1937–1938 гг.* и пр., – как глубоко враждебными не только для меня лично, но прежде всего для моего Отечества, как в прошлом, так и в настоящем, и в будущем.

Это новое мое сознание, как бывшего в прошлом Первого секретаря Бежецкого Горкома компартии СССР и бывшего Первого секретаря Центрального РК КПСС города Твери, реализовалось в *«Заявлении»*, которое я направил в Тверской обком КПСС:

«Быть членом КПСС больше не могу, нравственно и физически. Порываю с партией по политическим мотивам. Партию, как структуру, считаю разрушительной для личности. В КПСС, как гуманистическую силу, не верю, лидерам ее не доверяю. Действия

их осуждаю, считаю реакционными и крайне опасными для общественного развития, для СССР, для России».

По мере того как ослабевала и исходила из меня коммунистическая болезнь, во все периоды моего существования, – в мой ум и душу вливалась новая, чистая и благодатная сила, Новая Вера – Русское Православие!..

Сначала это были тоненькие светлые лучики прозрения, мучительно пробивавшиеся сквозь коросту идеологических догм, укорененных в моем сознании, как говорят, *с молодых ногтей*. Мое новое сознание неудержимо прорастало, прежде всего, из встреч с высокообразованными, интеллигентными людьми, которых я уважал, перед которыми преклонялся и нравственная безупречность которых не вызывали у меня ни малейшего сомнения. Я видел, что эти люди искренне верили в Бога и были счастливы этой верой!..

Прежде всего моими духовными просветителями были мои бежецкие учителя, это мой незабвенный учитель математики **Борис Иванович Белобородов**, выдающийся словесник, сын бежецкого священника **Алексей Михайлович Галахов**, а также мой великий земляк, ставший мне сердечным другом, **Алексей Петрович Иванов** – Народный артист СССР, солист Большого театра...

Я разговаривал с ними о Боге, о Церкви, и с их помощью я все больше стал понимать, что вопрос о *Православной вере* гораздо сложнее, чем это мне представлялось ранее.

Уже после служебного перемещения в Калинин (Тверь), на должность секретаря облисполкома, я особое просветление своего внутреннего мира получал в общении с митрополитом Тверским и Кашинским **Алексием (Виктором Александровичем Коноплевым)**. Он стал для меня одним из самых светлых людей, с которыми Господь сподобил сдружить меня в земной жизни.

Работая в Калинин (Твери), я добился в Совете по делам религий при Совете Министров СССР открытия православного храма в городе Ржеве.

До этого, еще в должности партийного чиновника, мною были организованы работы по возрождению церкви **Покрова Богоматери** в центре Калинина. **7 июня 1989 года** на ней был установлен крест. Чуть позже митрополит **Алексий (Коноплев)** освятил ее. Это для нас был большой праздник!...

Первым из областных функционеров КПСС я поддержал возвращение областному центру имени «Тверь»...

Во время завершения реставрационных работ в церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Городня – самом древнем сооружении на Тверской земле, которая также была предметом моих облисполкомовских забот, мне выпало счастье познакомиться с тогдашним митрополитом Таллинским и Эстонским – будущим Патриархом Московским и всея Руси – **Алексием (Редигером)**.

(*В феврале 1995 года* отец **Алексий Злобин** – настоятель этой церкви – окрестил в ней моего внука **Степана** – сына младшей моей дочери **Екатерины**.)

После моего избрания Народным депутатом России и переезда в Москву мои встречи теперь уже с Патриархом Московским и всея Руси **Алексием II**, слава Богу, приобрели новое, еще большее значение. Я бывал у него на аудиенциях в Чистом переулке. Был на патриарших службах в Успенском соборе Московского Кремля и в Богоявленском соборе!

7 января 1995 года, в Рождество Христово, вместе с Патриархом **Алексием II** и мэром Москвы **Ю. М. Лужковым** я, как представитель Министерства культуры России, участвовал в торжественной закладке первого камня в основание возрождаемой святыни Русской Православной Церкви и всей России – **Храма Христа Спасителя**, пройдя перед этим вместе со Святейшим Патриархом и другими иерархами большим Крестным ходом от Успенского собора Кремля до Волхонки...

Затем, также вместе с Патриархом и мэром Москвы участвовал в освящении церкви Преображения Господня, обустроенной в цокольной части возрождаемого Храма Христа Спасителя.

Был я приглашен и на освящение законченного строительством **Храма Христа Спасителя**, которое провел Патриарх Московский и всея Руси **Алексий II** в праздник Преображения Господня **19 августа 2000 года**.

...**В августе 1996 года** мне посчастливилось быть на службе Его Святейшества в Оптиной Пустыни на празднике прославления в лике местночтимых святых Собора Оптинских старцев...

* * *

Словом, когда в конце 1994 года ко мне в кабинет Заместителя Министра Культуры России, в Китайгородском проезде, впервые вошли

игумен *Андроник* со своей помощницей *Марией Анатольевной Люкшиной* и обратились за содействием в создании музея священника Русской Православной Церкви отца *Павла Александровича Флоренского*, как я полагаю, прослышав о моих контактах в мире московского священства, они вполне рассчитывали, что встретят у меня понимание и могут получить поддержку.

Я же, начиная этот разговор, совсем не предвидел, что дело, с которым ко мне пришли ранее мало знакомые мне люди, откроет передо мной неведомый до этого огромный и светлый мир необыкновенной личности, которой Бог наградил Россию, – священника *Павла Александровича Флоренского*.

Ранее я, конечно, что-то слышал об этом человеке, о его выдающихся личных достоинствах, о трагической кончине – расстреле в застенках НКВД, – но это знание было крайне смутным и поверхностным.

Но так как просьба исходила от представителей Русской Православной церкви, для меня не существовало вопроса: помогать или не помогать.

В разговоре, который тогда состоялся между нами и который можно назвать первичным, или вводным, всю проблему по созданию музея по увековечению памяти человека, каким бы великим и необыкновенным он не представал в рассказе о нем, представить было невозможно.

По моим вопросам и по некоторой моей настороженности в отношении возможных трудностей при создании музея игумен *Андроник* это почувствовал и предложил:

– *Вы приезжайте к нам в Посад, и мы покажем Вам, что у нас есть из наследия отца Павла, расскажем Вам о нем...*

Через несколько дней я был в Сергиевом Посаде гостем у *о. Андроника*, в одноэтажном домике № 19 по нынешней Пионерской улице (в прошлом «*Дворянской*»), где с 1915 по 1933 гг. жил *Павел Александрович Флоренский* и где у него родилось четверо из пятерых детей...

(Одной встречи мне, естественно, было мало для удовлетворения моих потребностей в понимании величия этого человека, и мы продолжили наши встречи...)

...*Отец Андроник* в доступной для меня, неофита, форме, в ярких и образных суждениях, показывая родовые реликвии, раскрыл мне и семейное понимание личности *отца Павла*, его выдающееся челове-

ческое обаяние и общемировое значение, как виднейшего мыслителя российского «*Серебряного века*», религиозного философа и ученого-энциклопедиста, *русского Леонардо да Винчи!*..

...Я увидел практически полностью сохранившийся домашний архив *П. А. Флоренского*.

Отец Андроник представил мне всю сложность и трагичность бытия *отца Павла*, как религиозного деятеля, после большевистского переворота в России. Поведал, какое гражданское мужество приходилось порой ему проявлять в различных житейских и служебных обстоятельствах.

В частности, я был поражен рассказом о неизвестной мне до этого ситуации по спасению честной главы преподобного *Сергия Радонежского* от опасности ее уничтожения большевиками, когда члены Комиссии по охране ценностей Троице-Сергиевой Лавры, *Павел Флоренский и Ю. А. Олсуфьев*, ночью *30 марта 1920 года* вошли в Троицкий Собор и, сотворив молитву, изъяли из раки честную главу Преподобного, а на ее место возложили главу одного из князей *Трубецких!*..

* * *

...Здесь я должен сказать, может быть, об одном из самых главных факторов, без которого наш, столь высоко оцененный в будущем, после его создания, музей *отца Павла Александровича Флоренского* просто не мог состояться!..

Этот фактор – сам инициатор создания музея игумен *Андроник (Трубачев)* – человек из той породы русских самородков, особо одаренных, кажется, во всех людских ипостасях.

Можно было только удивляться, откуда у него – абсолютного гуманитария – столь высокая житейская подготовка, хозяйственная сметка, умение спокойно выслушивать и рассуждать, способность ментально схватывать ситуацию и давать собственное ее разрешение!..

Мы быстро нашли общий язык, обрели уважение друг к другу и стали друзьями!..

...Однако понять необходимость и оценить действительные достоинства целей создания музея – это было только самое начало...

Ведь первый в России музей священника Русской Православной Церкви *отца Павла Флоренского* намечено было создавать не в Сергиевом Посаде, а в самой Москве, в жилом многоквартирном доме

№ 16 на улице **Бурденко**, в квартире, где до ареста НКВД проживал **Павел Александрович Флоренский**, со всеми вытекающими из этого сложными техническими обстоятельствами.

Все эти обстоятельства сегодня подробно описывать вряд ли нужно!.. Суть их в том, что, ко времени возникновения вопроса о создании музея **П. А. Флоренского**, его вышеупомянутая мемориальная квартира (для советской власти общепланетарный гений **П. А. Флоренский** был одним из главных врагов и память о нем подлежала уничтожению!..) была, по решению московских властей, перестроена и превращена в две автономные квартиры: двухкомнатную и однокомнатную. Причем двухкомнатная уже была заселена. И чтобы вернуться к практическому размещению музея в бывшей квартире **о. Павла Флоренского** нужно было переселить проживающих там людей в другое жилье, провести реконструктивные работы и вернуть ее планировку в прежнее состояние!..

...Веселенькая история!.. Веселое дельце!..

* * *

...Вот в этот момент **отец Андроник** вместе с **Марией Люкшиной** и пришли ко мне в Министерство культуры России – к заместителю министра – с просьбой о помощи после того как их документальные обращения к мэру Москвы **Ю. М. Лужкову** были проигнорированы!..

Я снова не буду описывать полную безнадегу в попытках пришедших ко мне сограждан пролезть за справедливостью через тоннели высоких московских канцелярий!..

* * *

...Однако в то время мы с мэром Москвы **Юрием Михайловичем Лужковым** были в искренней дружбе после того как **3 октября 1993 года** он, единственный в тогдашнем российском политическом руководстве, честно и смело выступил на моей стороне в сражении у телецентра «**Останкино**», когда, предъявив ультиматум:

– В течении пяти минут допустить в эфир Первого Канала!.. Иначе!.. – меня штурмовали генералы **А. М. Макашов** и **А. В. Руцкой** под авантюрным руководством **Р. И. Хасбулатова**.

(Я до сих пор пребываю в убеждении, что мы тогда, напрямую послав этих опереточных штурмовиков с их боевиками, буквально

по-уличному, на... !!!..., спасли Новую Россию!.. Вернули ей возможность снова стать по-прежнему Великой!..)

* * *

...Теперь передо мной было, что называется, «**ДЕЛО!..**» двух священников: **о. Павла Флоренского** и его внука и наследника **о. Андроника**.

Я встретился с главой Москвы **Ю. М. Лужковым**, и мы с ним в сердечном общении, по-товарищески, договорились!.. **Юрий Михайлович** твердо заявил:

– Затраты за бывшую квартиру отца Павла Флоренского, отведенную под музей, компенсируем пополам! Мэрия Москвы оплатит двухкомнатную квартиру, а Минкультуры – однокомнатную.

После этого я оперативно проявил встречную доброту – и Минкультуры решило оплатить двухкомнатную квартиру. Однако выезжающая семья выдвинула условие, что переедет только в трехкомнатную квартиру!..

Мария Люкшина объездила пол-Москвы с этой семьей, подбирая для них новую квартиру по их требованию. Наконец, в центре Москвы квартира для них была найдена и Минкультуры ее оплатило.

...Но выезжающая семья поставила новое условие – организовать и оплатить их переезд!.. Мы пошли и на это...

В итоге – часть бывшей квартиры **Отца Павла Флоренского** перешла в распоряжение Минкультуры!.. Но мы все же рано торжествовали!..

Это была лишь половина победы!..

Вопрос со второй частью квартиры, предназначенной для размещения музея, за которую несла ответственность Москва, ее мэру **Ю. М. Лужков**, с мертвой точки не сдвигался!..

Ситуация даже ухудшилась!

В пустовавшую на протяжении полутора лет квартиру, при сознательном попустительстве префекта Центрального административного округа города Москвы **А. И. Музыкантского** (я и сегодня в этом абсолютно уверен!..), с целью воспрепятствовать созданию в Москве и России музея православного священника **П. А. Флоренского**, была заселена некая гражданка **Н. Д. Вамбург** с дочерью, которые сразу же поставили вопрос о приватизации этой квартиры!..

...И снова продолжилась изнурительная и гнусная тяжба с московскими властями...

23 января 1996 года я направил письмо **Ю. М. Лужкову** и снова призвал столичного начальника «...оказать воздействие на тех, кто настойчиво в течении двух лет пытается не допустить создания музея-квартиры в г. Москве ученого и священника с мировым именем»...

Но результата не было!..

16 мая 1996 года я вновь официально обращаюсь за помощью к мэру Москвы **Ю. М. Лужкову**...

...Прошло уже более восьми месяцев после выхода постановления Правительства Москвы, однако в полном объеме развернуть работы по созданию музея-квартиры и формированию экспозиции не предоставляется возможным, т. к. другая ее часть... до сих пор не освобождена...

16 июля 1996 года игумен **Андроник** обратился с письмом к мэру Москвы **Ю. М. Лужкову**... Однако дело и после этого не выходило из тупика.

* * *

Матушка Мария, вспоминая о той ситуации, оценит ее в письме ко мне следующим образом:

«Конечно, **о. Андроник** благодарен был Вам за доброту, что Вы нас не оставили, пошли, можно сказать, на риск в карьере. Тогда с властью не дружили, боялись. Видно, Бог руководил, своих не выдавал. Вы боролись за музей как воин, рвались на амбразуру, что Вас так подвигло? Подключили единомышленников и все дружной командой вырывали из лап врага наши музей, ни сил, ни время не жалея. Конечно, Вы совершали, можно сказать, духовный подвиг. Храни Вас Господь».

* * *

...Я снова ринулся к **Ю. М. Лужкову**... В конце-концов руководитель одной из самых великих мировых столиц понял, что я не отступлюсь и что речь в истории с музеем **П. А. Флоренского** идет уже о личном авторитете самого мэра!..

Мне своей настойчивостью удалось столь сильно разъярить его, что он, хоть и с огромным опозданием, но, как говорят в России, с

матерной присказкой *грохнул по столу кулаком*, – и... наши противники, скрипя зубами, вынуждены были отступить!..

...Но и после этого, *только в марте 1997 года!*.., вся площадь бывшей квартиры **П. А. Флоренского** стала нашей!..

Но до реально существующего музея было еще далеко... Вся работа по его созданию фактически только начиналась!. Мы получили возможность из двух квартир делать одну, возвращать облик мемориальной квартиры *отца Павла*.

* * *

...БЫВШАЯ КВАРТИРА ОТЦА ПАВЛА СТАЛА МУЗЕЕМ

Но прежде чем мы могли физически начать эти работы, нам предстояло пройти через массу бюрократических процедур: нужно было решить вопрос о передаче обеих, приобретенных Минкультуры, квартир на баланс музея, как юридического лица. Затем нужно было оформить перевод жилых помещений в нежилой фонд, получить разрешение на проведение перепланировки, после этого утвердить перепланировку-объединение помещений под нежилые цели – для размещения музея...

Мы определили, что все ремонтно-реставрационные работы по будущему памятнику истории и культуры – музею-квартире **Павла Флоренского** произведет фирма «Реновация» (директор **Николай Васильевич Сафронов**, руководитель бригады – **Иван Николаевич Прохоров**).

Контроль за ходом работ был возложен на Управление капитального строительства Министерства культуры (на специалиста – **Геннадия Семеновича Авласовича**).

...**16 апреля 1997 года** фирме «Реновация» было выдано разрешение на производство работ сметной стоимостью 100 миллионов рублей.

* * *

...Первоначально, хотя это и было весьма огорчительно, мы должны были в обеих квартирах все внутри сломать, чтобы получить свободное пространство в 100 с лишним квадратных метров для новой планировки!.. Затем нам снова предстояло соединить в единые

системы все виды коммуникаций, провести реставрационную отделку восстановленной «старой» квартиры в стиле начала двадцатого века, оборудовать ее в соответствии с музейными требованиями системы охраны и пожарной безопасности.

С особым старанием и ответственностью под руководством **Ивана Николаевича Прохорова** в музейных помещениях трудились строители ООО «Развитие»: прораб **Виктор Александрович Бакланов**, бригадир **Михаил Гаврилович Горелов**, а также рабочие – **Валерий Владимирович Архипов**, **Ярослав Дмитриевич Цап**, **Людмила Ивановна Иванова...**

Николай Васильевич Сафронов – директор фирмы «Реновация», главный подрядчик на этом, самом ответственном для всех нас объекте, – без преувеличения, дневал и ночевал здесь.

Весьма «капризным» и хлопотным делом оказалось документальное оформление пребывания музея, как объекта культуры в жилом доме... Здесь сыграли свою положительную роль авторитет **о. Андроника** и его умение убеждать в правоте дела любых должностных лиц.

(По мнению представителей семейства **Флоренских-Трубачевых**, нынешняя планировка музея-квартиры священника **П. А. Флоренского**, насколько это было возможно и целесообразно осуществить с учетом музейных требований, повторяет прежнее месторасположение всех комнат.)

Настоящим подвижником в деле создания музея православного священника **Павла Александровича Флоренского** стал **Геннадий Семенович Авласович** – работник управления капитального строительства Минкультуры.

В прошлом военный строитель, глубоко осознавший мудрость жизни, совсем недавно вошедший под сень Русской Православной Церкви, скромный русский патриот и самоотверженный труженик – он выполнил огромную работу по созданию музея. Нередко мы оказывались в таком состоянии, когда казалось что нам не выпутаться из финансовых лабиринтов и весь наш проект потерпит фиаско.

(Средства на создание музея были задействованы немалые. За них нужно было отчитываться. Создание музея не было предусмотрено соответствующей строкой в бюджете. Он впервые в российской музейной практике создавался в сложном учредительстве: Министерство

культуры России, Центр изучения охраны и реставрации наследия священника **Павла Флоренского** и Российский Фонд культуры – и это порождало сложные коллизии относительно формы собственности музея.)

Г. С. Авласович находил варианты решения, мы получали поддержку в Министерстве экономики, прежде всего, у начальника департамента капитальных вложений **Ивана Филимоновича Солошенко**, и наш корабль, именуемый «Музей-квартира священника **Павла Флоренского**» в очередной раз благополучно проскальзывал между Сциллами и Харибдами, иначе говоря, – между противниками создания этого музея, и продолжал двигаться вперед.

Нередко мне приходилось говорить своим коллегам:

*Действуйте смелее!.. За **Флоренского** нам, если и попадет, то несильно!..*

Огромную волю и неожиданную для меня хозяйственную и организаторскую сметку, «пробивной» характер проявил, ставший за эти три года, пока мы совместно занимались созданием музея, моим большим и сердечным другом, игумен **Андроник**.

*...У каждого из нас были огромные пласты личных деловых намерений, духовных устремлений, текущих трудовых планов, но совершенно однозначно, что создание музея священника Русской Православной Церкви **Павла Александровича** – гения Православного мира и феноменальной личности общепланетарного значения – не только творчески сблизило нас, но и вывело реализацию этого грандиозного проекта в каждом из нас на абсолютно заглавное место среди всех других наших личных и государственных ответственностей!..*

При этом мы все больше становились нужными друг-другу и в простом человеческом общении!.. Вместе с членами моего семейства я оказывался все более частым гостем в доме **о. Андроника** и матушки **Марии** в Сергиевом Посаде. По приглашению **о. Андроника** я участвовал во многих его встречах с деятелями Русской Православной Церкви и представителями отечественной культуры...

На некоторых таких встречах **о. Андроник** предоставлял слово и мне...

Так, на вечере, посвященном преподобному **Серафиму Саровскому**, было заслушано мое сообщение о поездке в город Саров и ядер-

ный центр России «Арзамас-16», а также о проблемах возвращения Русской Православной Церкви храма **Серафима Саровского**, занятого «ядерщиками» под театр...

В этих контактах мы искренне сдружились с **Сергеем Михайловичем Половинкиным** – историком философии, доцентом Российского государственного гуманитарного университета; **Юрием Трофимовичем Лисицей** – доктором физико-математических наук, заведующим кафедрой религиоведения Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета; со вторым внуком **о. Павла – Павлом Васильевичем Флоренским** – доцентом Московской Духовной Академии и профессором института нефти и газа...

...Вместе с **о. Андроником** и матушкой **Марией** мы не однажды молитвенно бывали в Троице-Сергиевой Лавре..

Одно из таких молений мне помнится особо!..

...**В июле 1996 года** в Троице-Сергиевой Лавре, у северо-западной стены Духовской церкви, были обретены мощи преподобного **Максима Грека**, который в 1518 году, по приглашению Великого князя **Василия Ивановича**, прибыл в Россию для «исправления» – переводов с греческого на русский язык древних православных книг.

В России он и закончил свои дни...

...Обретение мощей **Максима Грека** было очень значимым духовным событием для Русской Православной Церкви!.. Поклониться этой святой реликвии в Лавру прибыл Его Святейшество Патриарх Московский и всея Руси **Алексий II**.

Когда **о. Андроник** узнал, что он тоже будет участвовать в этом знаменательном событии, то предложил и мне быть вместе с ним. Я с радостью откликнулся!..

...В какой-то момент мы, общаясь с Его Святейшеством, оказались рядом с ракой, в которой покоились открытые мощи **Максима Грека**...

...Я набрался смелости и положил свою руку на святую главу Великого Богослова, выдающегося религиозного деятеля средневековой Европы!.. Его Святейшество Патриарх **Алексий II** и **о. Андроник** видели это мое действие!.. Патриарх с пониманием воспринял мое духовное дерзновение!..

...Череп хранил глубочайший могильный холод!... Я прижимал ладонь к челу человека, жившего почти 500 лет назад, трагически

связавшего свою судьбу с Русским Православием, объявленного *еретиком* и томившегося в заточении на моей родной земле, в темнице тверского Отроч монастыря...

Я убежден: мое физическое прикосновение к мощам Максима Грека было уготовано Всевышним мне в помощь для моего духовного очищения... Моя рука была одной из последних, которая прикасалась к святой главе Максима Грека на нашем Белом Свете!..

* * *

Однажды **о. Андроник** и матушка **Мария** даже **взяли меня с собой (отец Андроник был за рулем автомобиля)** и в путешествие в Костромскую область, в село Завражье, связанное корнями старо-давней церковной службы с предками **отца Андроника**...

* * *

...Матушка **Мария (М. А. Люшкина)** выполняла исключительно важную миссию в создании музея **Павла Флоренского**. Высокопрофессиональный иконописец и художник, она стала дизайнером музея, подбирала обои и ткани для штор и различных драпировок, делала расколеровки малярных работ, занималась поиском люстр и всевозможной фурнитуры. Матушка создала и уникальную художественную экспозицию музея.

Огромным по важности делом стало перебазирование мебели, личных фондов **отца Павла**, самых различных мемориальных предметов быта из Сергиево-Посадского дома **Флоренских** на возрожденную московскую квартиру священника **Павла Флоренского**, ставшую теперь музеем!..

Практически всю мебель, которой оснастили музей, можно отнести к разряду мемориальной: она принадлежала матери **Павла Александровича** и ему самому, а также семье **о. Зосимы Трубачева**. Недостающие части мебелировки, соответствующие стилю начала XX века, приобретались в антикварных магазинах Москвы.

* * *

Экспозиционное оформление комнат «Музея-квартиры» (*содержательная сторона*) полностью было в ведении **о. Андроника** и ма-

тушки **Марии** (композиционная и художественно-оформительская сторона).

За профессионализм, чувство гармонии и вкуса при построении экспозиции, определении равновесия всех ее частей, расположении экспонатов, оформлении интерьера можно было не беспокоиться.

О. Андроник – сам священник, глубоко знающий структуру, внутреннюю и публичную жизнь Русской Православной Церкви, профессиональный архивист, выпускник Московского Государственного историко-архивного института, исследователь творчества и издатель трудов своего великого деда – **Павла Александровича Флоренского**.

Его многолетняя помощница матушка **Мария** – художница, иконописец. Кто лучше их чувствует личность **о. Павла**, его родовые корни, его место в прошлой и нынешней жизни России?..

Кто лучше их способен был воссоздать саму ауру незримого пребывания **о. Павла** в его музее-квартире?!

* * *

ОТКРЫТИЕ МУЗЕЯ.

8 декабря 1997 года. Печальный юбилей...

**60-летие со дня расстрела
священника Павла Александровича Флоренского**

И одновременно – огромное событие в жизни Русской Православной Церкви и всей отечественной культуры – открытие музея-квартиры **отца Павла!**..

...В самый канун намеченного открытия музея-квартиры **о. Павла** Государственная приемочная комиссия под председательством начальника производственно-технического управления Министерства культуры России **Ю. Г. Кузнецова** с оценкой «**Отлично**» подписала соответствующий Акт.

14-00. Собравшихся перед входом в музей-квартиру приветствовал внук **Павла Александровича Флоренского** игумен **Андроник (Трубачев)**...

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси **Алексия II** викарный епископ Бронницкий **Тихон** – председатель Издательского Совета, главный редактор издательства Московской Патриархии совершил заупокойную литию.

Затем епископ **Тихон** обратился к собравшимся со словами:

– Вихрь безбожия, который пронесся над нашей страной, явил народу тысячи новомучеников. Одним из них Господь судил стать священнику Павлу Флоренскому. Как Русская Православная Церковь – есть огненная вершина Духа, так и отец Павел – одна из огненных вершин Святой Церкви..

После этого епископ освятил мемориальную доску, укрепленную в простенке между окнами первого этажа на доме № 16\12 по улице **Бурденко**, – в память о **П. А. Флоренском**.

Автор мемориальной доски – московский скульптор **Валентин Петрович Кочетков**. Художественный проект ее был разработан **М. А. Люкишиной**.

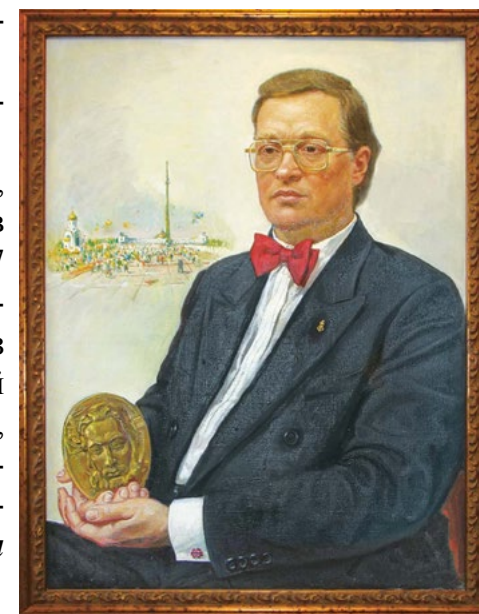
Автором памятной медали, посвященной священнику **Павлу Александровичу Флоренскому** также был скульптор **В. П. Кочетков**.

...Затем игумен **Андроник** предоставил слово мне.

Я напомнил публике о том, что ровно 60 лет назад, именно в сегодняшний день, 8 декабря 1937 года, был безвинно и жестоко казнен НКВД и тайно захоронен без причастия и молитвы, гениальный человек, выдающийся богослов, философ, ученый, священник Русской Православной Церкви, верный сын Русской Земли – **Павел Александрович Флоренский**.

И мы сегодня открываем единственный в своем роде в России музей – в честь православного пастыря...

Открытие музея-квартиры отца Павла – это огромной важности событие в жизни Русской Православной Церкви и всей отечественной культуры.

Портрет бывшего Заместителя Министра культуры России, а затем директора Центрального музея Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на Поклонной Горе города Москвы, одного из участников создания «Музея-квартиры священника П. А. Флоренского», В. И. Брагина с памятной медалью, посвященной отцу Павлу. Работа художника Николая Ивановича Бурейченко. 2000 г.

Далее я назвал строителей, которые самоотверженно трудились над созданием музея: **Николая Васильевича Сафронова, Ивана Николаевича Прохорова, Геннадия Семеновича Авласовича**. Усилиями этих людей удалось осуществить огромное дело – создать материальную основу этого необыкновенно значимого религиозно-культурного Центра.

Воздал я должное в создании музея замечательному подвижнику из рода **Флоренских** и рода **Трубачевых** игумену **Андронику**, всем членам этих двух семейств, верно служивших России и премного прославивших ее.

Самыми добрыми словами вспомнил я при этом и матушку **Марию**...

Право перерезать ленточку у входа в музей-квартиру священника **Павла Александровича Флоренского** было предоставлено мне.

Этой высочайшей честью я буду гордиться до скончания своего века!..

...Небольшим кругом гостей (одновременно всем желающим поместиться в музее-квартире было невозможно) мы осмотрели экспозицию... Было радостно видеть, что результаты нашей общей работы вызывают восторженные оценки и получают благодарность людей... Были телевизионные интервью, а потом и небольшой фуршет...

Словом, на нашей улице был настоящий праздник!..

...А вечером в центре Москвы, в Концертном зале имени **П. И. Чайковского**, по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси **Алексия II**, был концерт памяти священника **Павла Флоренского** и всех новомучеников и исповедников российских.

...Я был в ложе вместе с Патриархом Московским и всея Руси **Алексием II**, которого сопровождал архиепископ Солнечногорский **Сергий**, викарий Московской епархии, управляющий делами Московской Патриархии.

* * *

...Прошло уже много времени с тех нелегких, но возвышенных дней, посвященных по воле Господа созданию музея великого сына Русской Православной Церкви священника **Павла Александровича Флоренского**, но для меня по-прежнему остаются самыми главными оценками, сделанного мною в жизни, адресованные мне обращения:

Заместителю Министра Культуры РФ
г-ну **В. И. Брагину**.

Уважаемый **Вячеслав Иванович!**

От всей души благодарю Вас за то, что Вы возглавили воссоздание мемориального музея-квартиры священника Русской Православной Церкви **о. Павла Флоренского**.

Вы стояли у истоков создания музея, и, благодаря Вашей настойчивости и неподдельной заинтересованности в судьбе наследия священника **Павла Флоренского**, наши мечты воплотились в жизнь. Первый в истории нашего Отечества музей священника Русской Православной Церкви получил высокую оценку Государственной Комиссии и произвел неизгладимое впечатление на своих первых посетителей. По общему свидетельству, создание в наши дни такого музея – настоящее чудо Божие!..

Сотрудники Музея священника **Павла Флоренского** и потомки **о. Павла** всегда будут считать Вас своим искренним другом и попечителем, на которого можно положиться.

Сердечно желаю Вам здоровья, счастья и Божией помощи во всех Ваших богоугодных делах.

С глубоким уважением – директор музея игумен **Андроник**.
22 декабря 1997 года

* * *

ГРАМОТА

Его Святейшества

Патриарха Московского и всея Руси **Алексия II**

Уважаемый **Вячеслав Иванович!**

Сердечно благодарю Вас за труды по воссозданию мемориального музея-квартиры священника Русской Православной Церкви **о. Павла Флоренского**. Зная о Вашей искренней и преданной любви к русской культуре и Православной Церкви, уверен, что и в будущем мы можем надеяться на Вашу поддержку и помощь.

С искренним уважением,
Алексий, Патриарх Московский и всея Руси.
8 февраля 1998 года.

* * *

ПИСЬМО

Его Святейшества
Патриарха Московского и всея Руси
Кирилла
В. И. Брагину

Уважаемый **Вячеслав Иванович!**

Сердечно поздравляю Вас с 80-летием со дня рождения!

Ваши труды содействовали сохранению культурного наследия России, а также церковному возрождению в 90-е годы XX века – возвращению православным верующим святынь, возобновлению жизни обителей, имеющих особое значение для нашего народа.

Хотел бы также отметить Ваш личный вклад в увековечение памяти наших выдающихся соотечественников, претерпевших страдания во время гонений на Церковь в минувшем столетии.

Среди них священник **Павел Флоренский**, музей-квартира которого в Москве был открыт во многом благодаря Вашим усилиям.

Желаю Вам душевной и телесной крепости, помощи Божией и успехов во всяком добром начинании.

С уважением – **Кирилл**,
Патриарх Московский и всея Руси.
9 мая 2019 года.

* * *

**О. АНДРОНИК (ТРУБАЧЕВ) –
ВНУК О. ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО,
О ДВУХ ДАТАХ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ**

Вячеслав Иванович!

Поздравляем Вас с Днем рождения и праздником Победы!

Две даты в Вашей жизни – Две Победы!..

Судьба – Побеждать!..

Но как видно по жизни, так Вам пришлось побеждать во многом с достоинством.

Это, можно сказать, Ваш фронт – жизнь.

Дай Бог пронести знамя, сохраняя мужество, мудрость, терпение, отвагу. Все воинские достоинства. Удержаться в этой битве только можно, уповая на Господа.

Игумен **Андроник (Трубачев)**.

8 мая 2017 года.

* * *

ИЗ «КНИГИ ОТЗЫВА ПОСЕТИТЕЛЕЙ»

музея священника Русской Православной Церкви
ПАВЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА ФЛОРЕНСКОГО

Отец Андроник выделил для этой «Книги» сохранившийся в архивах **о. Павла** толстый альбом в кожаном переплете, с тиснением на обложке: «Дума за думой» – и **предоставил мне великую честь сделать первую запись!..**

Вот какие слова пришли ко мне в тот момент:

Завершено дело, которым мы будем гордиться до скончания жизни!.. С Божией помощью создан музей Павла Александровича Флоренского!..

Слава Богу за дарованные нам для этого силы и терпение, за великую любовь семьи о. Павла, которая сберегла для будущего России весь его духовный и материальный мир!..

Какое это несравненное счастье впитать в себя имя, слово и подвиг великого православного Просветителя и Страдальца!..

Спасибо всем, кто нас поддержал!..

В. И. Брагин,

Заместитель Министра культуры Российской Федерации.

8 декабря 1997 года.

* * *

Сделал запись в этой «Книге» и епископ **Тихон**:

Благодарю Господа и Святейшего Патриарха Алексия, что сегодня участвовал в открытии музея отца Павла Флоренского – личности яркой и на церковном небосводе, и в отечественной науке.

Вечная ему память! Благословения Божия его родственникам и близким.

8.12.1997 г. **Тихон, епископ Бронницкий.**

* * *

Я листаю страницу за страницей эту «Книгу»!.. Отзывы передают чувства и мысли посетителей музея.

– Создание музея отца Павла – выдающееся событие в культурной жизни Русского народа...

С. Демидов,

профессор Московского университета, вице-Президент Международной Академии истории науки.

12.12.1997 г.

* * *

– Этот музей – веха в духовном возрождении России. Его возникновение – подвиг о. Андроника и всех его близких помощников... Да процветает музей о. Павла Флоренского до скончания веков.

Сергей Половинкин,

доцент кафедры истории русской философии философского факультета РГГУ.

12.12.1997 г.

* * *

– Милость Божия, что мы можем приобщиться к жизни и подвигу нашего великого собрата-священника и почерпнуть и себе сил от его веры, терпения и мудрости...

Огромная благодарность всем, кто трудился над созданием музея отца Павла.

Игумен Тихон,

наместник Сретенского монастыря.

8.01.1998 г.

* * *

...Создание музея священника Павла Флоренского бесспорно является событием огромного культурно-исторического значения... Нет никаких сомнений в том, что Музей станет Центром религиозно-философской и издательской деятельности в Москве.

А. Т. Казарян,

декан философско-богословского факультета РПУ

св. Иоанна Богослова.

2.02.1998 г.

* * *

– Спаси Господи устроителей этого прекрасного музея... Вечная память отцу Павлу Флоренскому.

Протоиерей *В. Кучерявый,*

архимандрит *Матвей,*

священник *А. Самойлов,*

мирянка *В. Шашурина.*

29.03.1999 г.

* * *

– Выражаем благодарность устроителям музея.

Музей мирового уровня.

Помоги Вам Господи в Ваших подвижнических трудах по расшифровке трудов священника Павла Флоренского. С надеждой на взаимопольное сотрудничество:

сотрудники еженедельника «Воскресная школа» –

главный редактор еженедельника – монах *Киприан*

(Яценко);

А. Савельев – редактор;

Е. Смольникова – заместитель главного редактора;

В. Бычкова – ответственный редактор;

О. Косых – секретарь.

13.03.2000 г.

* * *

– Большое спасибо создателям и попечителям музея о. Павла Флоренского. Создание этого музея – большой вклад в сохранение нашего духовного и культурного наследия.

П. Ф. Карелин – директор АНО «Русское начало».

22 ноября 2003 года.

* * *

– Низкий поклон создателям музея о. Павла Флоренского. Труды о. Павла многих привели и продолжают приводить к Православию. И музей этому поможет.

(Без подписи).

* * *

Воспоминания

князя Чавчавадзе Зураба Михайловича,

*генерального директора Благотворительного фонда
Святителя Василия Великого и директора православной гимназии
Святителя Василия Великого в деревне Зайцево*

Моим знакомством с игуменом Андроником (Трубачёвым) я обязан Валентину Арсентьевичу Никитину, с которым подружился в Тбилиси в конце 1960-х годов в доме моей матери, куда Валентин нередко заезжал, будучи студентом филологического факультета местного университета. Незаурядная натура Валентина была охвачена в ту пору страстью бурных творческих исканий. Он пробовал себя в стихосложении, демонстрируя поразительную изобретательность в подборе рифм, внутренних аллитераций, особой ритмики и в других поэтических приёмах. Параллельно удивляла и содержательная сторона его поэзии, в которой прослеживался интерес к философским обобщениям и поиску жизненных смыслов. Замечу, что к концу своей жизни в 2017 году он вырос в глубокого мыслителя, писателя и поэта, написавшего, помимо множества публицистических, богословских, литературоведческих и философских трудов, немало ярких, талантливых и по-настоящему оригинальных стихотворных произведений.

Зураб Михайлович Чавчавадзе

Однако поиски жизненных смыслов велись Валентином в те богоборческие времена не только в процессе литературного творчества, но и в раздумьях сугубо религиозного характера. Только, к большому нашему сожалению, эти раздумья влекли юного поэта к распространённым тогда в среде грузинских интеллигентов верованиям, основанным на антропософских, буддистских и прочих неязыческих учениях. Немало копий пришлось сломать мне с моей матерью в бесконечных бурных спорах с Валентином, чтобы попытаться отвести его от опасных заблуждений. В какой-то момент нам показалось, что мы сумели посеять в его голове кое-какие сомнения в истинности отстаиваемых им учений, но подвигнуть Валентина ступить на христианский путь нам тем не менее никак не удавалось.

Всё решил случай. Давний друг нашей семьи, архиепископ Астраханский Михаил (Мудьюгин), направлявшийся к армянскому Католикосу с поручением от Московского Патриарха, решил проездом в Ереван погостить пару дней у нас в Тбилиси. Познакомившись с Валентином Никитиным, он предложил ему попутешествовать вместе сначала в Армению, а потом в Крым. Универсально образованный, владыка Михаил, бывший когда-то профессором-физиком и имевший, кроме того, консерваторское образование по классу рояля, произвёл на Валентина неотразимое впечатление своей эрудицией и, что немаловажно, хорошим знанием русской классической поэзии. Валентин согласился с большой радостью и вернулся в Тбилиси спустя две недели... не просто верующим христианином, а крещёным, воцерковлённым и убеждённым апологетом православного вероучения!

Я подробно излагаю историю дружбы с дорогим моему сердцу Валентином Никитиным, потому что, не случись тогда его встречи с архиепископом Михаилом, вряд ли мне довелось бы познакомиться с блаженной памяти отцом Андроником. Ведь все предыдущие поездки Валентина в Москву ограничивались у него исключительно контактами в светской писательской среде, в частности, с благоволившим ему и ценившим его творчество известным поэтом Андреем Вознесенским. А начиная с 1971 года, когда Валентин закончил Тбилисский университет и стал уже православным человеком, он искал в Москве иного общения. Его страстно тянуло к православным кругам, в которых к этому моменту можно было встретить немало молодых людей, обретших веру и даже трудившихся в лоне Церкви. У меня нет точных

сведений, каким образом Валентин познакомился со своей будущей женой Ольгой Сергеевной Трубачёвой, сестрой о. Андроника. Возможно, он сначала сдружился с о. Андроником, и тот потом свёл его со своей сестрой. Не исключая, что могло случиться наоборот или ещё как-нибудь иначе. Но достоверно одно – не стань Валентин христианином, шансы проникнуть в православную московскую среду и познакомиться с потомками о. Павла Флоренского для него оказались бы ничтожными, если не сказать нулевыми.

Как бы то ни было, по Божьему произволению, Валентин обвенчался с Ольгой Сергеевной и обрёл нового друга в лице своего шурина Саши Трубачёва, которому предстояло через полтора десятилетия, вслед за принятием монашеского пострига, стать игуменом Андроником и первым наместником возвращённого Церкви Валаамского монастыря.

Но судьба свела меня с ним в бытность его ещё Сашей и студентом Московского историко-архивного института в начале 1970-х годов. Он приехал в Тбилиси с сотрудником Издательского отдела Московской Патриархии протоиереем Анатолием Просвирниным и сразу позвонил мне, попросив от имени Валентина помочь в поисках тбилисских мест, связанных с пребыванием здесь его деда, знаменитого учёного и священника о. Павла Флоренского. Я возил их на машине по всему городу и сам обогащался сведениями об отце Павле, о котором много читал и знал, что его нередко называли «русским Леонардо» за разносторонность научных интересов и знаний. Помню, что Саша намеревался отыскать могилу то ли родственника, то ли близкого друга о. Павла, похороненного, как ему сказали, на Кукийском кладбище в Тбилиси. Благодаря кладбищенской администрации, на редкость приветливо откликнувшейся на нашу просьбу, удалось найти могилу, у которой о. Анатолий совершил панихиду.

Вскоре они улетели домой, а я тепло вспоминал дни общения с православными москвичами, особенно с Сашей, который, несмотря на юные годы, показался мне на редкость хорошо образованным богословом, явно тяготеющим к исследовательской деятельности. Конечно же, мы обменялись адресами и телефонами и спустя год встретились в Москве, куда я приехал навестить больного дядюшку. Встреча эта была краткой, но всё же важной для нас обоих, поскольку мы договорились о возможном сотрудничестве. В частности, Сашу интересо-

вали агиографические материалы по некоторым грузинским святым, которые я мог легко отыскать для него.

Однако в тот период идея намеченного сотрудничества не получила немедленного продолжения. На то были объективные причины – Саша заканчивал институт, готовился отбывать воинскую повинность, искал сферу применения полученных знаний по своим профессиональным интересам, а потом много лет отдавал изучению и изложению богатейшего научного наследия о. Павла Флоренского. К этому времени я окончательно перебрался в Москву, и наши контакты с Сашей продолжились. А когда он закончил московские духовные школы, принял постриг с именем Андроника и стал иеромонахом-преподавателем в Духовной академии, его привлёк к сотрудничеству митрополит Ленинградский и Новгородский Антоний (Мельников). И тут иеромонах Андроник вспомнил о наших задумках и планах.

Дело в том, что митрополит Антоний, незадолго до того возглавивший Ленинградскую кафедру, приступил к воплощению давней своей идеи по созданию Православной энциклопедии. В ту пору, когда Церкви чинили препятствия даже в издании обыкновенных молитвенников, столь грандиозный замысел казался совершенно нереальным. Но известный своей твёрдой позицией в неуклонном сохранении древних церковных традиций и неприятием каких бы то ни было нововведений в жизни Церкви, владыка Антоний считал, что не следовало сразу же открыто заявлять о чрезмерно амбициозных планах немедленного выпуска в свет такой энциклопедии. Он считал, что на первых порах достаточно было приступить к формированию научного коллектива, который занялся бы подготовкой и сбором соответствующих материалов для будущего издания. А на это потребуется немало времени, за которое, по мысли владыки, вполне можно было надеяться на улучшение отношений между Церковью и государством.

Первым, кого митрополит призвал в соратники для воплощения своей многосложной идеи, оказался иеромонах Андроник. Владыка не только поручил ему функции генерального директора и главного редактора проекта, но и поставил задачу поиска и привлечения к сотрудничеству необходимых кадров из числа пишущих богословов, историков и других специалистов-гуманитариев, которым надлежало трудиться над составлением и редактированием энциклопедических материалов.

Вторую ключевую роль в проекте, с благословения владыки Антония, о. Андроник отвёл Валентину Никитину, к тому времени уже получившему широкую известность талантливого церковного публициста, автора многих статей на страницах «Журнала Московской Патриархии» и деятельного сотрудника владыки Питирима, возглавлявшего Издательский отдел нашей Церкви. Меня же о. Андроник рекомендовал митрополиту Антонию в качестве редактора, ответственного за материалы, связанные с историей грузинского православия.

В процессе работы нам троим доводилось постоянно взаимодействовать с осуществлявшим общее руководство проектом владыкой Антонием. Деловые встречи проходили как в Москве, куда он нередко наезжал по своим делам, так и в его резиденции в Комарово под Ленинградом, куда нас владыка специально приглашал и где всегда тепло нас привечал. Отраднo было наблюдать, с каким неподдельным уважением он относился к эрудиции, энтузиазму и усилиям о. Андроника, творчески и вдумчиво подходившего к порученному ему делу. Наши труды продолжались в течение нескольких лет и были прерваны преждевременной кончиной митрополита Антония в 1986 году. За относительно короткое время значительно продвинулись в осуществлении столь гигантского по масштабам проекта, каким была Православная энциклопедия, мы, конечно, не могли. Но кое-какой задел для будущего издания нам сделать всё же удалось. Только так до сих пор не ясно, пригодились ли наши разработки тем, кто в 1990-е годы успешно реализовал идею владыки Антония и выпустил многотомное издание энциклопедии. Однако в любом случае, я благодарен судьбе за то, что она свела меня с о. Андроником в совместной работе, которая не просто сблизила нас, но и подарила мне в его лице верного доброго друга, единомышленника и брата по духу.

А вот событие, которое произошло в Ленинграде на закате советской власти в ноябре 1991 года, придало нашим дружеским отношениям новый импульс. Потому что я с огромным удивлением и с не меньшей радостью узнал, что ещё с самых своих юных лет Саша Трубачёв был убеждённым монархистом, каковым был и я сам, и тоже с молодых ногтей!

Летом 1990 года решением нашего священноначалия о. Андроник у была вверена почётная и ответственная миссия по возрождению Валаамской обители. Он стал первым заместителем-игуменом монастыря после передачи его Церкви, и трудился в поте лица сразу на двух фрон-

тах – непосредственно в самой разбросанной по островкам обители и параллельно на её подворье в Ленинграде. А в начале ноября 1991 года в городе проходили торжественные мероприятия по случаю возвращения ему первоначального исторического названия Санкт-Петербург.

Мэр города А. Собчак пригласил из Парижа для участия в торжествах главу Российского императорского дома Великого князя Владимира Кирилловича с супругой Великой княгиней Леонидой Георгиевны. Я, как доверенное лицо Великого князя и его официальный представитель в России, был задействован в ходе визита и, разумеется, присутствовал на молебне, совершённом Святейшим Патриархом Алексием II в величественном Исаакиевском соборе. Это было первое богослужение в храме после его закрытия в 1928 году и превращения в городской музей. Отмечу, кстати, что второе богослужение в нём, но уже на уровне Божественной литургии, состоялось спустя шесть месяцев по печальному случаю отпевания скоропостижно скончавшегося Великого князя, которого захоронили в великокняжеской усыпальнице Петропавловской крепости.

Сразу по завершении молебна к нам, стоящим на левом клиросе храма, протиснулся сквозь плотную толпу молящихся игумен Андроник, сослуживший Святейшему вместе с многочисленным сонмом петербургского духовенства. Я представил его Великому князю, который, узнав, что о. игумен возрождает Валаамский монастырь, рассказал про своего деда Великого князя Владимира Александровича, который не только часто посещал этот монастырь, но и всячески опекал его, внося крупные пожертвования и даже отстроив там часовню. Покидая нас, о. Андроник отвёл меня в сторону и умолял, чтобы я выкроил на следующий день хотя бы полчаса, чтобы посетить подворье Валаамского монастыря.

Мне было не очень просто отпроситься у Великого князя с обеда в резиденции на Каменном острове, но я всё же примчался по адресу, который о. Андроник вручил мне накануне. Вполне пристойно выглядывший снаружи, храм являл внутри печальное зрелище руинообразной развалины. Искорёженные стены, земляной пол с набросанными на него незакреплёнными досками, вместо иконостаса свисающая с натянутой проволоки ткань, к которой булавками крепились бумажные иконы. Но было видно, что ведутся реставрационные работы, а главное – здесь проводились богослужения!

«Вот что надо показать Великому князю, – невольно произнёс я. – Ведь этот храм – настоящий символ новой России, израненной духовно за годы атеизма, но начавшей возрождаться к жизни по Богу».

О. Андроник ответил, что попросил меня приехать именно для того, чтобы уговорить привезти сюда Великого князя. «Я с радостью приму его, встречу колокольным звоном и пением нашего уже ставшего известным хора Валаамского подворья. Завтра воскресная литургия начинается у нас в 9 утра, приезжайте!», – убеждал меня наместник Валаамского монастыря.

Но, увы, в программе визита воскресная литургия значилась в 10 утра в Преображенском соборе Петербурга. Я хорошо понимал, что А. Собчак и его супруга, заправлявшие организацией визита, никогда не согласятся что-либо менять. Тем более что вместо сверкающих позолотой иконостаса, церковных облачений и митр в Преображенском соборе, августейшей чете будет предложена убогая картина реставрируемой развалины. Но тем не менее я решился на организацию «бунта на корабле». И для этого привлёк в соучастники ключевых фигур в свите Великого князя – графа Сергея Палена и князя Константина Андроникова. Рассказав им об о. Андронике, о его храме и об идее явить главе Императорского дома яркий образ сегодняшней России, я понял, что убеждать их не надо. Они, не колеблясь, согласились, что ехать надо только на Валаамское подворье. Задача упрощалась тем, что на подворье служба начиналась на час раньше. Но сумеем ли мы втроём уговорить Великого князя? В этом никакой уверенности у нас не было. Однако всё разрешилось благополучно. Великий князь вспомнил о встрече накануне с о. Андроником, которому рассказывал об особом почитании в его семье Валаамской обители, и, почти не раздумывая, дал добро.

И мы совершили дерзкий самочинный побег. Ровно в половине девятого утра следующего дня несколько частных автомобилей, без сопровождения ГАИ и без охраны, выехали из резиденции и направились на Валаамское подворье. Прямо на тротуаре перед храмом стоял игумен Андроник в облачении и под торжественный трезвон колоколов благословлял напостольным крестом выходивших из машины августейших супругов. На литургии по дореволюционному чину поминались члены Императорского дома, а игумен Андроник поразил всех глубиной своей приветственной речи, в которой воздал должное династии Романовых и её жертвенному служению России. Меня вос-

Валаамское подворье в Санкт-Петербурге. Встречает игумен Андроник. Кнг. И. Андроникова, Вел. кн. Владимир Кириллович с личным секретарем А. Радашкевичем. Фото М. Сестини. 10 ноября 1991 г. <http://www.radashkevich.info>

Служба на Валаамском подворье в Санкт-Петербурге. В центре – Вел. кн. Владимир Кириллович и Вел. кнг. Леонида Георгиевна. Фото М. Сестини. 10 ноября 1991 г. http://www.radashkevich.info/publicistika/publicistika_81.html

Валаамское подворье в Санкт-Петербурге. Игумен Андроник (Трубачев), Вел. кн. Владимир Кириллович, Вел. кнг. Леонида Георгиевна. 10 ноября 1991 г.
<http://imperialhouse.ru/rus/allnews/news/2021/2021-04-05-vechnaya-pamyat-pochil-igumen-andronik-trubachev.html>

хитило не только то, как умно, образно и истинно по-христиански он оценивал мытарства, выпавшие на долю России в XX веке, но и то, как поразительно верно и безошибочно он титуловал высоких гостей. Великий князь, в свою очередь, растрогал многочисленных прихожан искренностью своего благодарственного слова, а за трапезой не раз высоко оценивал служение о. Андроника Церкви и Отечеству. Хор Валаамского подворья сопровождал застолье пением старинных русских песен и имперских полковых маршей. По-настоящему праздничное настроение окрыляло души, многим не удавалось скрыть слёз умиления, звучали трогательные слова про милосердное попечение Божие о многострадальной, но возрождающейся России. Никому не хотелось расходиться, хотя программа визита неумолимо требовала срочного возвращения в резиденцию.

Здесь меня ждал грандиозный скандал, учинённый супругой мэра Людмилой Борисовной Нарусовой. Я не упорствовал в своей невинности, но и не посыпал голову пеплом в покаянных чувствах. Просто извинился, что причинил организаторам визита непредвиденные волнения и хлопоты. Завершился скандал грозной фразой Людмилы

Валаамское подворье. Вел. кн. Владимир Кириллович, игум. Андроник (Трубачев), из храма выходят Вел. кнг. Леонида Георгиевна и А. Радашкевич. 10.11.1991.
<http://imperialhouse.ru/rus/allnews/news/2021/2021-04-05-vechnaya-pamyat-pochil-igumen-andronik-trubachev.html>

Борисовны в мой адрес: «Вы ещё очень пожалеете о вашем дерзком самоуправстве!»

С тех пор прошло уже более тридцати лет. Но я не только ни разу не пожалел, а, наоборот, не могу нарадоваться удавшемуся тогда «заговору».

На следующий день, в понедельник, Великий князь с супругой улетали обратно в Париж. Поэтому вечером в воскресенье был дан большой прощальный приём от имени мэра Санкт-Петербурга. По завершении приёма Великого князя подвели к многочисленной группе журналистов. Один из них поинтересовался, что сильнее всего впечатлило Великого князя в ходе всего недельного визита. Он ответил, что ему трудно что-либо выделить, ведь каждая встреча, каждое посещение того или иного исторического места по-своему памятны и значимы. Но журналист не унимался:

– А всё-таки, что было самым-самым волнующим?

– Ну раз уж вы так настаиваете, – ответил Великий князь, – то могу сказать, что это была сегодняшняя литургия у игумена Андроника на подворье Валаамского монастыря.

Я посмотрел прямо в глаза стоявшей напротив меня Людмилы Борисовны. Она отвела взгляд в сторону...

После этого я больше не встречался с Великим князем. Мы только переписывались по факсу и перезванивались по телефону. Всякий раз он спрашивал об о. Андронике и передавал ему благодарные чувства и добрые пожелания. Подготавливая новый приезд великокняжеского семейства в Россию, но уже не в Петербург, а в Москву, который намечался на третью неделю по Пасхе, мы часто согласовывали программу будущего визита. Меня очень тронуло, что Великий князь попросил по возможности включить в состав принимающей стороны наместника Валаамского монастыря игумена Андроника, что я и сделал.

Но Великого князя не стало на Страстной неделе, в Великий Вторник. После кончины главы Российского императорского дома игумен Андроник не раз принимал участие в московских визитах Великих княгинь Марии Владимировны и Леониды Георгиевны, хотя это стоило ему больших усилий. Он в это время жил в Сергиевом Посаде, где преподавал в Московской духовной академии и боролся со многими недугами, создававшими ему проблемы при ходьбе, хотя духом он оставался неизменно бодрым.

Помню, с какой любовью и трепетом он относился к своему великому деду – крупному учёному в области самых разных научных знаний, священнику и мученику. Бесчисленное множество исследователей, как в России, так и за её рубежами занимались и занимаются изучением научного наследия о. Павла Флоренского. Но думаю, что не ошибусь, если скажу, что по-настоящему основательно и глубоко понять суть его богословских и философских воззрений, равно как и значение его естественнонаучных открытий, удалось только игумену Андронику.

О. Андроник много сделал для увековечения памяти своего деда. Он организовал Дом-музей в Сергиевом Посаде, где жил и работал о. Павел до своего ареста. Чуть позже он впрягся в непростую работу, чтобы создать Квартиру-музей о. Павла Флоренского и в Москве, в районе Плющихи, где жила после революции мать учёного-священника. Преодолевая множество бюрократических препон, он как-то попросил меня посодействовать ему через кое-какие связи, которыми я располагал тогда в московской мэрии. Я уже было начал напрашиваться в высокие кабинеты, но когда узнал, что к делу подключился наш общий

большой друг Вячеслав Иванович Брагин, занимавший в то время пост заместителя министра культуры России, то понял, что тут я лишний. И, действительно, Вячеслав Иванович сам решил все вопросы, и в 1997 году Квартира-музей священника Павла Флоренского на улице Бурденко была торжественно открыта. На церемонии открытия музея радостный и улыбающийся игумен Андроник буквально сиял от счастья.

Таким он и остался в моей памяти навсегда...

Воспоминания иерея Даниила Горячева,

*преподавателя Белгородской православной духовной семинарии,
кандидата богословия*

Всего три продолжительных беседы у меня были с отцом Андроником, не считая разговоров по телефону и коротких встреч, но эти три – стали для меня решающими. Первая беседа произошла, когда я был студентом Московской духовной семинарии. К отцу Андронику я подошёл с вопросами о священнике Павле Флоренском. Батюшка очень просто и ясно ответил мне и сам стал расспрашивать меня. Узнав, что я из Архангельска, сказал, что семья отца Павла связана с этим городом. Так, мама священномученика Зосимы (Трубачёва) Вера Петровна, т. е. прабабушка отца Андроника, жила в Архангельске, умерла там в 1942 г. Отец Зосима отбывал наказание в Архангельской области, и место его рождения, Сольвычегодский уезд, тоже теперь в её пределах.

Потом я узнал от наместника Кожеозерского монастыря иеромонаха Михея, что отец Андроник бывал в этом очень труднодоступном северном монастыре, что Архангельская земля была дорога ему.

Иерей Даниил Горячев

А тогда меня глубоко тронуло внимание отца Андроника, его простое обхождение со студентом, искренний и душевный разговор. Конечно, всё это повлияло на мой интерес к книгам, личности, окружению отца Павла Флоренского.

В мае 2018 г. я обратился к отцу Андронику с просьбой стать научным руководителем моей кандидатской работы и сразу предложил тему для его одобрения (нет бы сначала спросить у батюшки, что он предложит): «Антиномия как философско-богословский метод священника Павла Флоренского». Отец Андроник поддержал: «Тема философская, придётся Канта изучать». Тогда же он рассказал мне об иеромонахе Диомиде (Егорове), ризничем Троице-Сергиевой Лавры и сподвижнике отца Павла Флоренского: «Может быть, в архивах Архангельска есть о нём сведения?»

Как отец Андроник держал в памяти, что в записях священника Павла Флоренского есть пометка «г. Онега Диом<иду> Егорову»? В областном архиве, в архивах ФСБ и ФСИН сведений об отце Диомиде, Дмитрие Ивановиче Егорове, не оказалось. В Онежском ЗАГСе нашлась запись о его смерти, наступившей 1 октября 1930 г. А ведь в 1931 и 1932 годах в отношении его были приняты приговоры троек ОГПУ по Северному краю о признании виновным в «антисоветской деятельности» (по ст. 58–10) и дальнейших ссылках... приговор в отношении уже умершего человека.

Вот эта деталь, краткая запись отца Павла Флоренского, сохранённая и удержанная в памяти отца Андроника, позволила составить биографию ризничего Лавры, послушника преподобного Сергия, который в течение 10 лет оберегал лаврскую ризницу от разграбления (статья должна выйти в «Церковном историке», № 1, 2022). Для меня это было не только назидательно (как можно относиться к деталям и мелочам, которые раскрывают историю), но и удивительно – такая встреча с даром учёного-историка. Этими размышлениями я поделился перед своими студентами в докладе «Историческая интуиция игумена Андроника (Трубачёва)» 18 ноября 2021 г. Думаю, подобное бережное и внимательное отношение к деталям определило форму его книги о старце-епископе Антонии (Флоренсове).

И конечно, отец Павел Флоренский. И семь томов, написанных батюшкой о своём деде. Это ведь забота не только об имени отца Павла, а о Русской Церкви: чтобы мы могли разобраться в судьбах и путях

её деятелей и мыслителей, осознать их ценность и дорожить этими именами. В фильме «Валаам», снятым ТРК «Россия», посвящённом истории Валаамского монастыря, нет упоминания о его наместнике 1990–1993 гг. игумене Андронике (Трубачёве). От этого теряет телеканал «Россия», Валаам и наша история.

Из последней встречи с батюшкой, за чаем в сергиево-посадском музее Флоренского, мне запомнилось: «Смотрю, как по телевизору священники выступают: сколько в них рационализма. А как же вера?» Для меня отец Андроник является носителем церковности, человеком Церкви, и ещё образцом учёного священника. Это то, что перед моими глазами, а говорить о том, сколько он сделал для Церкви, не берусь, слишком большой масштаб его личности и наследия.

Воспоминания

Анучина Николая Николаевича,

*архитектора, члена Союза архитекторов СССР,
члена Союза художников России*

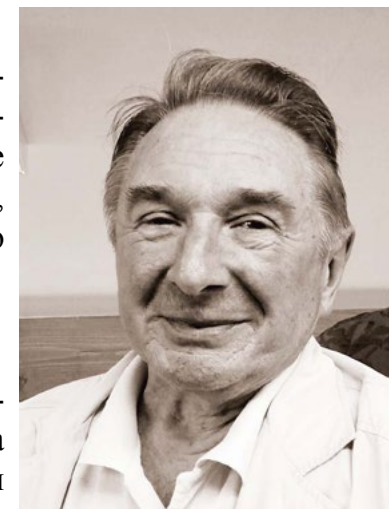
Наши встречи с отцом Андроником (А. С. Трубачевым)

Знакомство

В коридоре администрации Сергиева-Посадского района произошло наше знакомство. Мы торопились, шли в разные стороны, остановились, нас представили, побежали дальше. Когда это было? Это было давно и в другой жизни.

Первая встреча

Первая встреча произошла в Костромской области на левом берегу Волги, на родине предков в селе Завражье, где и жили Флоренские и Тарковские. В этих краях я оказался в гостях у своей дочери.

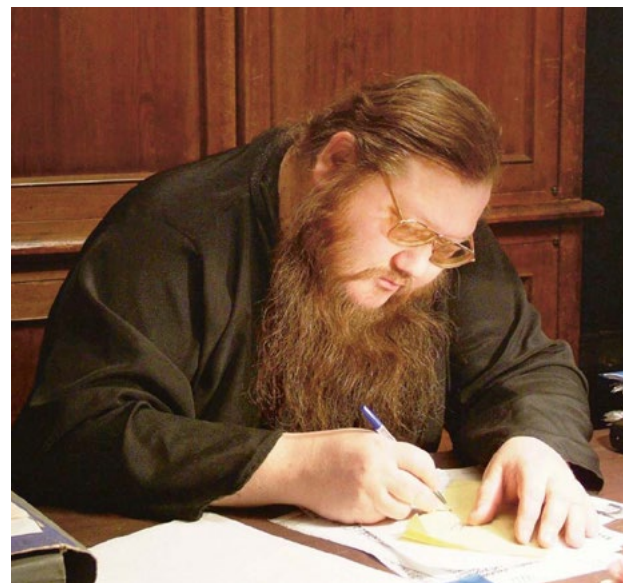
Анучин Николай Николаевич

Приехали с большой компанией в дом, где летом жил батюшка Андроник. Старинный дом начала века. На опушке сада были громадные плакучие березы со свисающими ветвями. К сожалению, его дома не было. Он ушел за грибами. Вскоре появился батюшка с корзиной, но грибов не было. Бодрый. Вот здесь мы и познакомились. Конечно, он меня не узнал. Но я-то все помню! Его касание ладоней при благословении – теплые, ласковые. Лицо в больших очках, борода обрамляла лицо и длинные волосы, собранные сзади. Ряса на мощных плечах. Вот и весь облик, достаточно обаятельный. Говорил негромко, без всякого внушения, вслушивался больше в собеседника. Взглянув, он отводил взгляд и на заданный вопрос слушал без возражения. Глаза за очками были обращены вроде бы к другому предмету, но ментально к тебе возвращались. В неспешном разговоре шла работа мысли, это чувствовалось сразу. Голос был негромкий, спокойный, даже когда он возмущался. Разговор с ним приносил удовольствие и ясность. Контакт понимания установился, а после перешел в последующие дружеские встречи. Можно сказать, вся моя семья познакомилась с игуменом Андроником, так как они жили недалеко от него и много помогали ему во время летнего периода.

Вторая встреча

Одна из встреч произошла в доме отца Павла Флоренского, на ул. Дворянской города Сергиева Посада. А ныне стоящего на улице Пионерской того же города. Дом деревянный, одноэтажный, обшитый тесом и покрашенный в розовый цвет, стоит на краю косогора. Приобретенным отцом Павлом Флоренским, а теперь с памятной доской в его честь. Планировка дома необычная, с входным коридором, не дающим сразу попасть в дом. Поблуждав по дому, я нашел кабинет отца Павла Флоренского, за большим столом которого сидел и работал отец Андроник. Сзади стояли большие шкафы с книгами во всю стену до потолка, сделанные по заказу и чертежам отца Павла. В углу моленные иконы, крест, зажжённая лампада с голубыми кружочками. Диван для посетителей и отдыха, картины на стенах и последние лучи закатного солнца, зайчиками разбежавшихся по шкафам. Вот интерьер кабинета. В окне кабинета, как и в картине кисти Нестерова, висевшей здесь же, видна колокольня Лавры в лучах заката. В картине у окна стоял еще молодой Флоренский. На его место, глядя на колоколь-

ню, на короткое мгновение стал я. Батюшка сидел за столом. Когда же он работал за массивным столом отца Павла, чувствовалось основательность происходящего, это выглядело не как работа, а священное действие отца Андроника. Стол и монах Андроник дополняли друг друга и составляли одно целое. В закатных лучах черное пятно рясы с искрящимся крестом посередине служили основа-

Игумен Андроник (Трубачев) в кабинете Музея священника Павла Флоренского. Москва

нием горы, завершающейся круглым ликом в очках отца Андроника. «Батюшка, бумаги в шкафах все разобраны?» – «Нет, не все». На основе архива Павла Флоренского отцом Андроником были написаны биографические шесть томов. Работа выполнена большая и очень значимая для всех живущих в России и далеко за ее пределами.

По сути, наши отношения были связаны с проектированием и строительством комплекса, посвящённого священнику Павлу Флоренскому в Сергиевом Посаде, а так же памятнику при нем. Это Крест новомученикам Сергиево-Посадским, убиенным в годы гонений (1937 г.). Автор памятника – талантливая художница-скульптор, монументалист Мария Тихонова. Комплекс придумали с необычным деревом познания добра и зла, кроме плодов познания несущего на себе еще и крышу комплекса, вокруг дерева – певческое поле. Задумка грандиозная, отвергнутая Министерством культуры. Певческое поле в городе, напротив Лавры, не состоялось. Трудности были не только в утверждении проекта с администрацией города, но и со строительством.

Всю тяжесть брал на себя отец Андроник. Он становился спокойным, немногословным – и через некоторое время выдавал безошибочное решение. Умение сосредоточиться, было его чертой характера. Вспомнилась установка памятника – Крест на пересече-

нии ул. Пионерской и ул. Вифанской. Ночь, мороз, ветер со снегом. В лучах прожекторов. Меж конструкций летят пучки снега, не успеваем. Завтра с утра торжественное открытие с представителями администрации, с телевидением. Утро приближается, напряжение растёт. Успели! На следующий день торжество, настало внутреннее спокойствие. Утро солнечное. Настроение радостное. Нарядное торжество под звон колоколов.

При всех общественных делах батюшка много работал, писательский труд колоссален, его вклад в дело пропаганды трудов отца Павла Флоренского огромен и еще не оценен до конца, хотя общественное признание имеет. Удивителен самозабвенный труд отца Андроника, отдавшего свои таланты и положившего жизнь на раскрытие народу личности отца Павла Флоренского.

Служение было в характере и жизни отца Андроника. Он окормлял и воспитывал всех рядом с ним находящихся. Молодая поросль, выросшая в благодатной среде его фигуры, насыщена талантами. Воспоминая чувство умиленное, как они, дети, сложив маленькие ручки, брали благословение, меня касается эта благодать. Живя, мы оглядываемся потом на решение главных вопросов. Я так и не получил батюшкиного совета и благословения на написание картины «Первое яблочко», посвященной вопросу первородного греха. А время было, я задумал и писал ее семнадцать лет. Возможность была неоднократная, – упущено безвозвратно. Из потока событий не умеем выделить главные события и встречи в жизни, отсюда безвозвратные потери и недоделанные шедевры. А могло бы быть все иначе. Перед глазами стоят два ярких дня, проведенных в Суздале на открытии памятника Андрею Рублеву, Андрею Тарковскому и Николаю Бурляеву. Автором памятника была воспитанница батюшки, она же и открывала его. Присутствие отца Андроника на открытии было немаловажным. Эта эпоха, когда было становление личности отца Андроника. Эпоха, когда была битва Тарковского за существование, за творчество, за жизнь.

Отец Андроник каждому давал быть собой – таков был его принцип. Ночевали мы в одном номере, хотя у меня был свой. Полночи он молился, а за окном половину ночи гуляла свадьба.

Было много встреч. В одну из них везли большие иконы на открытие храма в Костромской губернии в селе Завражье, где была родина Тарковского и Флоренских. После реставрации они первыми вошли в

храм на праздник Троицы. Там они величественно стояли в селе на берегу широкой Волги. Отец Андроник со своими помощниками вложили бесконечно много времени, души и средств. Истинные подвижники.

Игумен Андроник (Трубачев) в последние годы жизни

Последняя встреча была для меня тихой и грустной. Диализ, невозможность замены почек, понимание батюшкой, что часы его сочтены, надо завершать начатые дела. Как-то в разговоре он точно определил время, которое ему осталось. «Мне осталось максимум три или пять лет, нужно успеть доделать начатое». И доделал, успел. Труженик, подвижник, монах и бесконечно добрый человек. Отцу вечная память!

**Отзыв Козырева А. П.
на монографию игумена Андроника (Трубачева)
«Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество
священника Павла Флоренского»**

Монография игумена Андроника (Трубачева) «Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского» представляет собой выдающееся и уникальное явление в истории отечественной культуры. Впервые в исследовательской литературе удалось в хронологической последовательности привести разнообразнейшие материалы, подробно освещающие творческую эволюцию священника Павла Флоренского. Это материалы самого отца Павла (проповеди, письма, программы курсов, дневниковые записи, наброски, варианты, оглавления основных произведений, в том числе и неизданных при жизни), так и документы его современников (письма, воспоминания, свидетельства, отзывы, рисунки и проч.) Каждый том исследования богато иллюстрирован, в том числе и впервые издающимися фотоматериалами и художественными документами. Поражает воображение и научный аппарат каждого тома – хроника жизни свящ. Павла Флоренского соответствующего периода, аннотированный именной и предметный указатели, указатель произведений свящ. П. Флоренского, указатель литературных произведений, периодических изданий и архивных документов, указатель имен и проч. Дан также систематический анализ основных тем, идей и понятий философского, богословского, искусствоведческого наследия отца Павла. Осталось не охвачено подробно последнее десятилетие, арест и гибель в лагере. Однако публикации, сделанные игуменом Андроником ранее, могут позволить, если Богу будет угодно, продолжить этот труд и довести его до года мученической смерти священника в 1937 году. Из предшествующих изданий, посвященных творческому наследию о. Павла, можно привести вышедший под редакцией П. В. Флоренского двухтомник «Обретая путь». Однако следует отметить, что он посвящен только четырем годам студенчества П. А. Флоренского в Московском университете. Исследование игумена Андроника захватывает и огромный круг современников отца Павла, среди которых немало церковных деятелей, – это и новомученики М. А. Новоселов и И. В. Попов, выдающиеся иерархи, профессора и преподаватели Московской ду-

ховной академии, монашествующие, представители светской интеллигенции. Без учета вышедшей монографии игумена Андроника будет невозможно воссоздать целостный облик начала XX века и первых пореволюционных десятилетий. Конечно, возможно, что ряд деталей этого исследования будет со временем уточняться и дополняться, но нельзя не отметить большой подвижнический труд автора, поистине осуществившего дело всей своей жизни. Открывая любой том этого научного издания на любом месте, практически невозможно остановиться и оторвать себя от чтения. Следует признать, что так бывает далеко не с каждым научным исследованием. Исследование игумена Андроника, по нашему мнению, безусловно, заслуживает высшей Макариевской премии.

Этот небольшой текст был написан мной по запросу комитета Макариевской премии как рецензия на труд отца Андроника в 2019 году. Рад, что внес хоть малую толику заслуженной похвалы – труд получил Макарьевскую премию III степени. Что ж, видимо есть на свете и более выдающиеся работы, жюри видней. Когда рецензия писалась, последний, шестой том, еще не увидел свет. Поэтому пришлось предвосхитить финал этого труда, который игумен Андроник успел завершить. Как успел он открыть и освятить реальный памятник своему деду в Сергиевом Посаде (на открытии выступал Патриарх Кирилл), так и шеститомный труд его стал памятником словесным. Последний, шестой том, это не только доскональное свидетельство о крестном пути – арестах и расстреле отца Павла, он начинается с подробных сведений о его инженерной и научной деятельности в годы советской власти, о его исследованиях в области электротехники, электрохимии, материаловедения и множества других дисциплин, которые далеки не только от богословской стези священника, но даже от математической теории, которой Флоренский обучался в Московском университете. Помню, как в давние времена отец Андроник возил нас на экскурсию по местам Москвы, связанным с жизнью отца Павла, и мы посещали квартал домов Всесоюзного электротехнического института в Лефортово, где была лаборатория и служебное жилье отца Павла. Запомнился, кстати, и другой эпизод этой экскурсии. Оказавшись на Арбате, мы проходили мимо стены Виктора Цоя. Как всегда, его поклонники пели его песни или просто предавались безделью. Отец Андроник ранее не замечал этого явления, и оно его очень удивило.

Он недоумевал, – как такое может быть предметом столь своеобразного культа и форм его отправления.

Неумолимая тональность Реквиема звучит во всем шестом томе, начиная с Сергиево-Посадского дела и первого ареста и ссылки отца Павла в 1928 году в Нижний Новгород. Сейчас широко отмечается и массово вспоминается высылка философов и других представителей интеллигенции на философских пароходах в 1922 году. «Остракизм по-большевицки», так назовут эту акцию. Но следует признать, что судьба сотен тысяч расстрелянных, которую разделил и отец Павел, не в пример трагичнее. Об этом нужно помнить. Вопиют факты о том, что Флоренского готов был спасти Томаш Масарик, президент Чехословакии, имевший философское образование и знавший цену Флоренскому. Но он наотрез отказался уезжать из своей страны. Ничем иным, как евангельской жертвенностью и смирением, готовностью разделить свою судьбу с судьбою своей Родины и ее народа, этот отказ объяснить нельзя. Рассказывается и о попытках спасти Флоренского с помощью Е. П. Пешковой, жены Максима Горького, которая, действительно, предпринимала для этого усилия, и в какой-то момент казалось, что они должны увенчаться успехом. Расстрел для выполнения плановых показателей, когда СЛОН превращался в СТОН, лагерь – в тюрьму, показывает, что бывает, когда личность нивелируется до вещи (кстати, очень важная тема «Столпа и утверждения Истины»), а также, что посредственность и бездарность иногда одерживает верх в истории, но эта победа Пиррова. Философ русской эмиграции В. Н. Ильин называл Флоренского «замолчанным чудом XX века». Хочется с удовлетворением сказать, что после фундаментальной биографии, написанной игуменом Андроником, это чудо уже больше не замолчано. Авторский текст заканчивается словами: «Прибегая к памяти отца Павла, верующие видят в нем священикомученика Христова, чьи молитвы помогают обрести милость Божию». Хочется сказать на эти слова: «Аминь!»

Но останется в сердце и неутомимый труженик игумен Андроник, чей образ сохранился в моей памяти благодаря подаренным мне несколькими встречам. Вспоминается поездка в Духовную академию вместе с преподавателями и студентами МГУ в 2007 году, когда по инициативе тогдашнего Полномочного представителя Президента в Центральном федеральном округе Г. В. Полтавченко проводился круг-

лый стол «Иван Ильин и Павел Флоренский о грядущей России». Заседание профессорской секции вел я совместно с отцом Максимом Козловым, в ту пору настоятелем университетского храма Святой мученицы Татианы. Рядом со мной сидел ректор Московского университета академик Виктор Антонович Садовничий, и отец Андроник позволил нам прикоснуться к листкам трактата отца Павла: «Предполагаемое государственное устройство в будущем», с размытыми влагой строками первой страницы. Остались фотографии, где ректор держит в своих руках рукопись этого трактата. Потом, некоторое время спустя, отец Андроник издал его книгою (ранее он был напечатан в журнале «Литературная учеба», как только сотрудники Лубянки передали его членам семьи Флоренских). Презентация издания была устроена в Высоко-Петровском монастыре. Предполагаю, что на дворе был 2009 год. Помню, как я сагитировал отправиться на эту презентацию моих учителей – профессоров философского факультета Геннадия Георгиевича Майорова и Михаила Александровича Маслина. По соседству было открытие выставки «Мой Болхов» орловского фотохудожника Федора Мастепанова, там была мама фотохудожника, игуменя Болховского Оптина монастыря игуменя Евфалия. Меня поразило это совпадение, ведь Болхов – родина моего отца, и я оказался в этом монастыре на склоне его жизни, когда восстановление обители только начиналось в 2004 году.

Вспоминаю похороны Сергея Михайловича Половинкина в 2017 году, многолетнего помощника отца Андроника в издании трудов и выдающегося историка философии, автора грандиозного, хоть и посмертно изданного тома «Русский персонализм», существенную часть которого занимает книга в книге – подробный очерк «христианского персонализма» отца Павла Флоренского. Отец Андроник, судя по внешнему виду, был уже весьма нездоров, но он приехал на поминки в ресторан рядом с Коломенским. Помню, как сурово отчитывал он одних, ставя им в пример добросовестность и рачительность в работе с текстами Сергея Михайловича.

Трогательным, хотя и очень грустным остался в памяти день похорон отца Андроника. Из-за университетских занятий я не мог присутствовать на отпевании. Но в какой-то момент раздался звонок сотового телефона. Звонил профессор Валерий Яковлевич Саврей. Я услышал звон лаврских колоколов, шло погребение отца Андроника.

«Отец Андроник наказал передать Вам свою последнюю книгу – “Богословские труды” отца Павла». Эта книга была мне передана и стоит на полке моего рабочего кабинета на философском факультете. Когда думаешь об отце Андронике, вспоминается отчего-то латинская фраза, бывшая девизом св. Бенедикта Нурсийского: «Ora et labora!» – «Молись и трудись!» Вечная память неутомимому молитвеннику и труженику игумену Андронику!

*А. П. Козырев,
и. о. декана философского факультета МГУ
имени М. В. Ломоносова, член Совета
по взаимодействию с религиозными объединениями
при Президенте Российской Федерации,
кандидат философских наук, доцент
кафедры истории русской философии*

ИНТЕРВЬЮ С ИГУМЕНОМ АНДРОНИКОМ (ТРУБАЧЕВЫМ)

«Творчество отца Павла Флоренского было укоренено в Православии»

В этом году, 8 декабря, исполнилось 75 лет со дня гибели в сталинских лагерях священника Павла Флоренского – философа, богослова, ученого и искусствоведа. К этой дате в Сергиевом Посаде 5 декабря был открыт памятный знак, посвященный всем, пострадавшим за веру в годы Советской власти. О редко упоминаемых эпизодах жизни отца Павла, его философии и научных открытиях, о его мученической кончине мы поговорили с внуком русского религиозного философа и богослова, известным исследователем его творчества, игуменом Андроником Трубачевым.

– Отец Андроник, Флоренский известен большинству людей как религиозный философ. А как сам отец Павел мыслит соотношение философии и религии? Находятся ли они для него в отношении конфликта, или между ними существует гармония и сотрудничество?

– По Флоренскому, философия возникает из лона религии. Философия – это попытка осмысления и, в какой-то степени, ослабления

религиозной жизни. Напряженная религиозная жизнь, в общем-то, не требует такого осмысления. В целом Флоренский считал, что все в человеческой культуре возникает из религии, на религиозной почве. Например, одомашнивание животных. Для того чтобы приносить религиозные жертвы, людям были нужны животные. И чтобы не бегать каждый раз за ними по лесу, животных стали приручать. Или медицина – она, по Флоренскому, тоже возникла из религиозного культа. Первые медицинские учреждения появились при языческих храмах. Человек приходил в храм, получал там медицинскую помощь, исцелялся, приносил жертвы, шел к священнику – все одновременно.

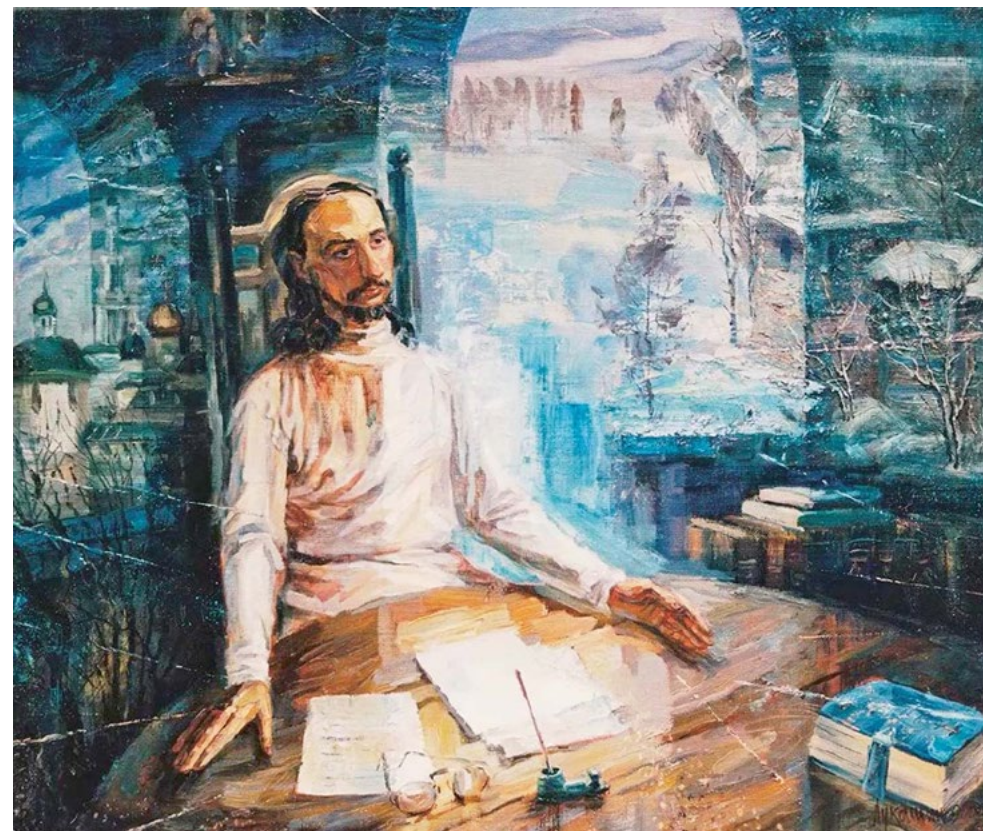
– Но очень часто отношения религии и философии понимаются как предельно конфликтные или как отношения пересекающихся множеств. Например, немецкий философ Хайдеггер считал, что религиозная философия – это бессмыслица, что-то вроде деревянного железа.

– Для Флоренского – наоборот, философия, по мере укрепления ее связи с религией, все более приближается к истине, потому что она, как и все остальное, живет религией и питается ее соками. По мере же ослабления ее связи с религией и религиозным культом, она, действительно, становится деревянным железом.

– А что говорил Флоренский о соотношении науки и религии? В чем специфика науки по сравнению с религией?

– Специфика, я думаю, и в предмете познания, и в способах познания мира. Есть художественный способ познания мира, а есть научный. Если наука коренится в религии, она действует не рациональными, а разумными методами. Сугубо рационалистический метод противоречит религиозному пути. Путь разумный же коренится в вере. Флоренский имел свой, совершенно уникальный способ познания. Сложно дать его определение. С философской точки зрения, это опора на интуицию, но интуицию сверхрассудочную, разумную. Флоренский рассказывал о том, как он однажды стоял на службе и ему было видение – перед ним вдруг словно пронеслась вся жизнь его друга философа Владимира Эрн. Флоренский говорит, что он тогда подумал, что жизнь Эрн кончилась. Потом он приходит домой, а там телеграмма – Эрн умер.

Это не была оккультная медитация. Грань между оккультным и духовным видением, конечно, очень тонкая. Самое главное – оккульт-

Русь. Павел Флоренский. 2000 г. Художник Юрий Лукашин (1953–2022)

ные явления мы сами вызываем в себе техническим путем. А видение дается свыше, помимо желания и воли человека. Оно близко к художественному познанию. Отец Павел говорил моей маме: «Я вижу прежде всего вещь, ее корни, но мне очень трудно найти язык и способ, чтобы показать то же самое людям, которым такой путь познания недоступен или они его не принимают».

– А что, по Вашему, из философских идей и трудов Флоренского и сегодня сохраняет актуальность? И какие его идеи, на Ваш взгляд, являются главными в его философском творчестве?

– Важнейшим положением Флоренского было то, что все духовное мы знаем через его материализацию, воплощение. Нет ничего духовного, что не имело бы материального воплощения. И наоборот, все материальное имеет духовную основу. Вот, например, храм. Это материальная культура или духовная? Или произведение литературы.

Что это, только духовное явление или и материальное тоже? С этим связана другая его важная мысль – идея о слоистости культуры, о символизации культуры и всего бытия. Низший слой бытия символизирует высший и на него опирается.

В области искусствоведения его крупнейшее достижение заключается в том, что он стал исследовать произведение искусства не только с точки зрения эстетики, но и с точки зрения техники и технологии. Я сейчас вспоминаю, как он описывал одну водосвятную чашу. Сначала идет довольно скучное описание того, как сделан тот или иной завиток на ней, а потом вдруг следует вывод, что автор изобразил саму идею воды, которая словно просвечивает сквозь этот материал. Еще одна его важнейшая идея, о которой я уже говорил, – это мысль о происхождении культуры из религиозного культа.

Вообще, творчество Флоренского можно поделить на два этапа. Первый – это его теодицея, оправдание Бога. Он представлен наиболее известным среди широкой публики трудом отца Павла «Столп и утверждение Истины». Второй – это оправдание человека, антроподицея (его книги «Философия культа», «Водоразделы мысли»).

Теодицея, оправдание Бога, было адресовано неверующей интеллигенции. Тут давались ответы на следующие вопросы: если Бог благ, то почему существует зло? Если Бог всемогущ, то почему Он не может сделать то-то и то-то и т. д.?

А антроподицея, оправдание человека, у Флоренского решала, например, следующие проблемы: если человек – образ Божий, то почему он ему не соответствует в своем наличном состоянии? Почему человеку нужно стремиться к святости, и как он ее может достигнуть?

Вообще, должен сказать, что чаще всего исследователи творчества Флоренского не соглашались между собой ни по одному пункту. Как правило, каждый видит в нем того, кем он сам является. Например, оккультисты считали его оккультистом. Символисты говорили, что он символист, и т. д.

– **А почему так получается?**

– Отец Иоанн (Крестьянкин) говорил, когда у него спрашивали, почему у Флоренского в книгах встречаются какие-то близкие к оккультизму описания, что Флоренский писал о таких тонких вещах, для которых у нас нет соответствующей терминологии. Он отзывался о творчестве Флоренского как о укорененном в Православии.

Отец Павел предсказывал, что двадцатый век будет веком оккультизма. У него были интересные ученики – владыка Варнава (Беляев), епископ Вениамин (Милов), которые писали, что их никто, кроме Флоренского, не готовил к тому, что в очень скором будущем будет иметь место наступление атеизма и оккультизма на человеческую культуру.

Ведь мало говорить, что оккультизм – это очень плохо, что это грех. Важно понять, на какие потребности человека он опирается и за счет чего паразитирует. У человека есть потребность общаться со своими умершими предками? – Есть. Церковь говорит, что эта потребность святая и благая, что она реализуется через молитву, панихиду. Но если вы человек нецерковный, то на этой потребности и может паразитировать оккультизм. Оккультизм живет, используя данные Богом благие желания человека. Он не смог бы существовать, если бы у нас не было потребности общения с предками. Иначе не обращались бы наши дуры к «колдунам» и «магамам» по объявлениям в газетах.

Отец Павел в своем творчестве старался раскрывать то благое зерно, на котором строится все остальное: и плохое, и хорошее. Исследуя языческие религии, он их исследовал не с точки зрения христианской апологетики, а с точки зрения того, что свет и во тьме светит. Если для иудеев грядущий Христос открывался через пророков, то для языческого мира Его приход открывался через ложные мифы и религии. Например, мифами о воскресающем Дионисии, о воскресающих и умирающих богах языческий мир подводился к самой идее того, что возможно Воскресение.

– **Отец Андроник, многим известно, что отец Павел Флоренский – философ, богослов и ученый. Но далеко не все знают о том, что он во время Первой мировой войны сотрудничал с Великой княгиней Елизаветой Федоровной, служил в ее домовых церкви и даже исполнял обязанности санитаря. Вы можете рассказать подробнее об этом периоде его жизни?**

– В домовый храм Великой княгини Флоренского пригласили в 1912 году через его ученика Евгения Синадского, который служил в Марфо-Мариинской обители. Я предполагаю, что именно он рассказал Елизавете Федоровне об отце Павле. Отец Павел приехал в Москву, отслужил литургию в Марфо-Мариинской обители. Потом, видимо, он также встретился с Великой княгиней, и та пригласила его быть

Преподобномученица великая княгиня
Елизавета Федоровна (1864–1918)

духовником организованной ею общины сестер милосердия Красного Креста при обители. До этого он служил в Благовещенской церкви недалеко от Троице-Сергиевой Лавры. Но там у него не сложились отношения со старостой, хотя Флоренский не был настоятелем. А здесь была своеобразная община: сестры милосердия, которые состарились или потеряли трудоспособность. То есть, это была не монашеская община, а сестричество, потому что они жили при обители, как в общежитии.

Когда началась Первая мировая война, сестричество организовало лазарет для раненых. Население бесплатно обслуживали в амбулатории,

которая носила имя Великого князя Сергия. И когда Елизавета Федоровна стала снаряжать санитарный поезд от Черниговского дворянства, то отец Павел попросился быть его сопровождающим в качестве священника. Он совершил эту поездку с начала января по март 1915 года. Правда, его духовник этого не одобрял, потому что считал, что этим должны заниматься люди более приспособленные, а дело отца Павла продолжать читать лекции. Поэтому во вторую поездку он уже не поехал. А обязанности санитара он выполнял, скорее всего, потому что или не хватало людей, или потому что у него были какие-то необходимые практические знания.

Дружба отца Павла с Елизаветой Федоровной продолжалась все время его настоятельства в этом домовом храме. Сохранились некоторые поздравительные записки Великой княгини с Пасхой. Также она вручила ему почетный знак Красного Креста в 1916 году, а затем

подарила грамоту в честь 25-летия принятия ею Православия. Правда, встреч с Великой княгиней у отца Павла было не так уж и много, поэтому он их очень ценил и записывал, когда были эти встречи.

– **А почему Елизавета Федоровна заинтересовалась отцом Павлом? Что ей такого особенного могли рассказать?**

– Ну что мог рассказать об отце Павле его ученик? Что он образованный, но очень строгого церковного направления, что семьянин, что разбирается в искусстве. Также, наверно, что он не так уж нуждается в деньгах, потому что у него есть академическая зарплата, хотя она не была такой уж большой.

– **Про Флоренского тогда говорили, что он в Московской духовной академии был чуть ли не единственным действительно верующим среди преподавателей.**

– Это довольно эмоциональная точка зрения. Академия была разнородной, и владыку Феодора (Поздеевского) послали туда ректором не случайно, а чтобы в каком-то смысле воцерковить Академию, как это ни странно. Например, в 1905 году студенты устраивали там забастовки. Очень мало было профессоров в сане, зато было много протестантствующих преподавателей. Например, М. М. Тареев, который говорил, что его «Основы христианства» – это «мое прощание с христианством».

– **А как же Тареев тогда мог оставаться преподавателем Духовной академии?**

– Жизнь широка... Но у отца Павла с Тареевым был сильный конфликт. В Академии были замечательные профессора, хотя тоже далеко неоднозначные. Тот же В. О. Ключевский, замечательный историк, хотя и с позитивистским уклоном. Он не был глубоко церковным человеком, в истории больше внимания уделял экономическим факторам. Так что Академия была очень разнородной.

– **Василий Васильевич Розанов называл Флоренского «русским Паскалем». Почему он так назвал отца Павла, и какой была история их отношений?**

– Я думаю, «русским Паскалем» Розанов называл Флоренского потому, что Паскаль был ученый, математик и при этом глубоко верующий человек. Розанов увидел в отце Павле соединение этих же качеств. А отношения их были следующие. Первоначально Флоренский прочитал статьи Розанова где-то в 1903 году. Написал письмо,

Розанов ему ответил. Потом Розанов лет через пять прочел первые выпуски «Столпа и утверждения Истины». У них завязалась переписка. Отец Павел выступал по отношению к Розанову, во-первых, как друг, и, во-вторых, как духовный наставник. В каком-то смысле то, что не удалось старцу Варсонофию в отношении Льва Толстого, удалось отцу Павлу в отношении Розанова.

– **А что, Розанов ему даже исповедовался?**

– Этого я не знаю, но в письмах к Флоренскому Розанов был очень откровенен, многое ему про себя рассказывал, к ужасу своих домочадцев. Наиболее благожелательные к Церкви книги Розанова написаны под влиянием отца Павла, хотя и не только. Когда погибавший от голода Розанов приехал в Лавру, то Флоренский нашел ему здесь дом. Но Розанов в процессе написания «Апокалипсиса наших дней» практически встал на путь богохульства. В итоге к нему пришли друзья, в том числе отец Павел. Они поставили ему ультиматум, что если он это не прекратит, то они прервут с ним всякое общение. Розанов испугался и перестал писать «Апокалипсис». Он вообще был очень пугливый, как он сам о себе писал.

Отец Павел считал Розанова гениальным писателем, хотя, конечно, по своим взглядам они были очень различны, но дело даже не в этом. У Розанова был конфликт с Церковью на лично-бытовой почве. Ему не давали развода с первой женой, и он как бы обиделся на Церковь. Отец Павел по поводу Розанова говорил, что если бы Розанова монастырь обогрел и накормил, то он воспел бы о монастыре такую песнь, какую еще никто не воспевал.

Тем не менее они поддерживали дружбу между собой. Сейчас дружба определяется партийными интересами. Если ты либерал, то с тобой так называемый консерватор или патриот дружить не станет. Если ты человек нецерковный, то человек церковный тоже не будет поддерживать с тобой дружбы. Но отец Павел иногда судил очень строго взгляды, но никогда – самого человека. Когда Андрей Белый стал антропософом, он писал Флоренскому письма, что вы, наверное, меня осуждаете. Отец Павел ему отвечал, что антропософию я, конечно, не принимаю и думаю, что вы в ней запутались, но вас лично не сужу.

– **В этом году исполнилось 90 лет со дня высылки так называемого знаменитого Философского парохода. Почему Павел**

Флоренский не оказался среди высланных из страны советской властью ученых и философов?

– Возможно, дело было в том, что Флоренский никогда не состоял ни в каких политических партиях. Он еще в 1918 году и на лекциях, и своим ученикам говорил, что советская власть – это всерьез и надолго. Он ее идейно, конечно, не поддерживал, но не считал ее и случайным явлением, что вот она сейчас побудет лет пять и уйдет. И он все силы приложил к тому, чтобы не уезжать из России. Флоренскому уже в лагере предлагали выехать в Чехию. Одна из его дочерей после ее отъезда из России стала сестрой милосердия и ухаживала за чешским президентом Масариком, который знал и любил русскую культуру. Масарик предложил через посольство организовать выезд Флоренского из лагеря, причем отец Павел мог уехать в Прагу со всей своей семьей. Но он хотел разделить судьбу своего народа, ведь истоки творчества и самой жизни, считал он, лежат не только в личности, но и в народе.

Кроме того, есть также каноническое правило, что священник или пастырь должен оставаться со своей паствой. Мы не будем обсуждать, правы или не правы были те священники, что уехали из России. Они говорили, что уехали со своей паствой, поскольку за границу эмигрировали миллионы русских людей. А для Флоренского его паства осталась здесь. Так он это воспринимал.

– **Почему он считал необходимым быть лояльным советской власти?**

– Может, дело в том, что для него вариант развития России по буржуазному пути был еще хуже, чем большевизм.

– **Почему?**

– Пошло... Кроме того, он видел, как много ошибок было сделано при царском правительстве. Конечно, он не мог одобрять репрессии, но видел в них в каком-то смысле Божий Промысл. Ведь политическая лояльность – это подчинение тем государственным формам, которые сложились. И если посмотреть, то Русская Церковь всегда так жила. Она всегда была политически лояльной, даже при монголо-татарах.

– **Какую научную работу вел Флоренский после революции? Правда ли, что он участвовал в работе над планом ГОЭЛРО?**

– С 1921 года он начал работать в системе ВСНХ, а в 1925 году вошел в штат Всероссийского электрохимического института, который

был одним из ведущих научных учреждений для осуществления плана ГОЭЛРО. Отец Павел возглавил в институте отдел материаловедения. Тогда нужно было научиться передавать электроэнергию на большие расстояния. Но при передаче ее на дальние расстояния значительная часть энергии теряется. Надо было найти такие материалы для проводников, которые снижали бы потери. Он над этой проблемой и работал. Его отдел совершил несколько открытий, часть из них запатентована, часть нет.

Первые годы обстановка в отделе была творческая. С ним работало много друзей. К тридцатым годам атмосфера стала гораздо более тяжелой: доносительство, безумные планы, горы отчетности.

– **Как сослуживцы относились к тому, что с ними работает священник? И скрывал ли он факт своего священства?**

– До первой его ссылки с июля по сентябрь 1928 года в Нижний Новгород он на работу ходил в подряснике, сотрудники у него брали благословение, и все об этом знали. Даже когда его высылали, в его защиту выступила партиячейка. Она заявила, что он является очень крупным ученым мирового уровня и что многие работы будут остановлены или замедлены его высылкой.

Когда его сын поступил в геологический институт, в «Комсомольской правде» была статья, что дети попов поступают в институт вне конкурса, в то время как дети рабочих не могут туда пробиться. За сына также заступилась партиячейка ВЭИ.

– **Отец Павел также работал в Комиссии по охране памятников искусства и старины и, говорят, многое сделал для сохранения сокровищ Троице-Сергиевой Лавры. Кроме того, с именем Флоренского связана полудетективная история спасения главы преподобного Сергия Радонежского во времена разорения Лавры большевиками. Расскажите, пожалуйста, об этом.**

– В то время создавались губернские комиссии по охране исторических памятников. Тогда во множестве закрывались усадьбы, монастыри, церкви. Но их здания и имущество надо было как-то сохранять и поддерживать в порядке. И сложилась уникальная ситуация, когда создали Комиссию по охране Троице-Сергиевой Лавры, которая была не губернская, а подчинялась непосредственно Наркомату просвещения. Флоренский вошел в состав этой комиссии. Он понимал, что вопрос о том, что оставить Церкви из ее имущества, не стоит, потому что

все уже национализировано. Значит, стоит вопрос о том, что удастся сохранить до того времени, когда это можно будет Церкви вернуть.

В эту комиссию вошел целый ряд известных культурных деятелей, которые были верующими. Нет никаких сомнений в том, что Патриарх Тихон дал им благословение на эту работу, потому что позже им выдвигали обвинения, что они руководствовались не столько инструкцией Наркомпроса, сколько рекомендациями Патриарха.

Что они сделали? Они, прежде всего, описали ризницу Троице-Сергиевой Лавры, составили целый ряд описей икон, церковной утвари, серебра и т. д. Поэтому, когда приехала комиссия по изъятию церковных ценностей, многое ими действительно было изъято, но это были в основном предметы XVIII–XIX вв. Все, что сохранилось от XV–XVII вв., удалось отстоять. Зафиксированные описи не дали возможность ничего бесхозно стащить.

Кроме того, благодаря деятельности Комиссии, была сохранена глава преподобного Сергия. Его мощи были вскрыты в апреле 1919 года, пока Лавра еще продолжала действовать, и богослужения продолжались. Но потом, когда в ноябре 1919 года уже была выселена братия, у советской власти возник вопрос, что делать с мощами Сергия Радонежского. Некоторые предлагали их просто захоронить на кладбище, другие – перевезти их в один из московских музеев. Верующие же вообще опасались, что мощи просто уничтожат. И тогда, по согласованию с Патриархом и заместителем Лавры архимандритом Кронидом, было решено попытаться спрятать главу преподобного Сергия. Это было в конце марта 1920 года. Отец Павел, Ю. А. Олсуфьев, а также ставшие впоследствии священниками С. П. Мансуров и М. В. Шик, тайно вскрыли раку с мощами преподобного Сергия и изъяли его главу. На ее место они положили череп одного из князей Трубецких, захороненного в Троицком соборе. Потом главу Преподобного перенесли в дом Олсуфьева, она там хранилась в особом ларце, который стоял, как подставка, под пальмой до 1928 года. В 1928 году, когда в Сергиевом Посаде начались аресты и Олсуфьев скрылся, главу вынули и перевезли на новое место жительства Олсуфьева в Люберцы. Где она хранится, знали всего несколько человек. Позже ее перевезли в село Виноградово по Савеловской дороге в храм в честь Владимирской иконы Божьей Матери, где служил старец Иларион с Афона. Главу сначала спрятали под престолом в алтаре, а затем отец Иларион пере-

нес ее на чердак домика, где он жил. Когда Лавра снова открылась, то отец Иларион, рассказав все Патриарху Алексию, обратно привез главу Преподобного в Лавру в 1946 году. Когда он переоблачал мощи преподобного Сергия для передачи их верующим, то он опять положил на место его главу, а череп князя Трубецкого снова захоронили в Лавре напротив Духовского собора.

– **Но если отец Павел так много и плодотворно работал после революции, то почему его арестовали?**

– Это была общая метла, которая мела всех: священников, бывших купцов, предпринимателей и т. д. Отца Павла обвинили в организации якобы существовавшей монархической и фашистской партии. На следствии Флоренский признал, что он был в числе руководителей этой партии, был ее идеологом, и тем самым значительную часть вины взял на себя.

– **Он себя оговорил?**

– Да, он себя оговорил. Но в отношении других обвинявшихся он говорил на допросах, что они никакого участия в заговоре не принимали (а в списке у следователя таковых было почти 70 человек), что это мало к чему способные интеллигенты, которых только собирались привлечь к контрреволюционной деятельности, но пока не успели.

– **Отец Павел сделал целый ряд научных открытий, уже будучи узником Соловецкого лагеря. Что это были за открытия, и как вообще это было возможно – научная деятельность в концлагере?**

– Концлагерь был хорошо организованным производством, где каждый, как правило, использовался согласно своим возможностям. Рабочие, крестьяне – таскали тачки и т. д. А ученые могли использоваться для организации лагерного производства или еще чего-то. Например, Флоренский сначала был в Дальневосточном лагере и работал там на научной станции, которая исследовала проблемы строительства в зоне вечной мерзлоты. Первые научные разработки по строительству на вечной мерзлоте были сделаны именно группой, в научной работе которой участвовал Флоренский. В 1940 году по результатам их исследований вышел солидный научный труд «Вечная мерзлота и строительство на ней». Правда, фамилии Флоренского среди авторов уже не было.

– **Какие условия были в лагере?**

– Отец Павел сначала жил в общих бараках вместе со всеми заключенными. В воспоминаниях один из его сокамерников пишет,

П. А. Флоренский в ссылке в Нижнем Новгороде. 1928 г.

что «однажды мы после бани пришли и легли спать, а утром я не мог поднять голову, потому что мои волосы примерзли к нам». Потом Флоренского перевели в научно-исследовательский отдел, там была одна общая комната, в которой и занимались математическими подсчетами, и спали. Потом его перевели на научно-исследовательскую станцию, на которой работали заключенные. Там условия были лучше, но они все равно находились под охраной. Питание там было, Бог весть, какое, но Флоренский писал домой, что питание хорошее, ничего присылать не надо, и вообще здесь очень здоровый климат: многие заключенные даже выглядят поздоровевшими после замороченной московской жизни.

– **Это он с Соловков писал?**

– Нет, еще с Дальнего Востока. Он там был очень увлечен своей научной работой. Она открывала большие перспективы, потому что почти половина Советского Союза, как он писал в докладной записке, находится в зоне вечной мерзлоты. Потом они разработали основы лечения с помощью замораживания, совершили еще некоторые научные открытия.

Когда отца Павла перевели на Соловки, то он большую часть времени занимался созданием завода йодной промышленности. Завод добывал водоросли, и из них делали йод. Также предполагалось делать из этих водорослей мармелад, различные пищевые приправы. Потом был обнаружен более дешевый способ добычи йода, и в связи с этим завод ликвидировали.

– **За что отец Павел был приговорен к расстрелу?**

– Это было «плановое мероприятие». В июле 1937 года было принято постановление о том, что те, кто получил 10 лет лагерей и вышел на свободу, вновь должны быть арестованы и заключены в лагерь. А тех, кто в лагерях сидел по статье, осуждавшей на 10 лет, должны были без особого судопроизводства приговорить к расстрелу. В результате этого постановления Соловецкий лагерь должен был принять еще около двух тысяч заключенных. В связи с этим тех, кто там сидел, надо было расстрелять. Было сформировано несколько этапов. На Соловках две тысячи человек было трудно захоронить. Поэтому их расстреливали на материке. По одной из версий, Флоренского расстреляли в Левашово, это был такой полигон в Ленинградской области, типа Бутовского. По другой версии, его расстреляли в районе Лодейного поля.

– **Почему Флоренский не канонизирован Церковью?**

– В настоящее время позиция Комиссии по канонизации, которая поддерживается Священным Синодом, заключается в том, что человек, который признал себя виновным в несуществующих преступлениях, является лжесвидетелем. То есть то, что он признал себя главой несуществующей политической партии, и является его лжесвидетельством против самого себя. С этой позицией не согласно огромное количество людей. Люди, прошедшие через лагеря и пытки, говорят, что это неправильно, что акты следователей и следственные дела не могут быть решающим аргументом в деле канонизации. Кроме того, отказ Флоренского выйти из лагеря – это пример христианского подвига.

Значение канонизации отца Павла было бы очень велико: священник, философ и ученый стал мучеником. Конечно, на Небесах пред Богом святые святые без канонизации. Но если говорить с точки зрения педагогики, то мы канонизируем тех людей, которые подают пример для нашей жизни и творчества. Много ли у нас святых, когда мы можем рассказать и об их семьях? Среди канонизированных основная масса – это монахи. Пример отца Павла важен тем, что убеждает: наука и религия, знание и вера не взаимоисключают, а дополняют друг друга.

*Беседовал Юрий Пуцаев
13 декабря 2012
Источник: журнал «Фома»*

БЕСЕДА С ИГУМЕНОМ АНДРОНИКОМ

«Нити богослужения прядутся нелегко»

– Отец Андроник, Синодальная богослужбная комиссия была сформирована в 1989 году. Какие задачи стояли перед ней тогда и какие стоят сейчас?

– Сначала существовала богослужбная группа, которая участвовала в подготовке к празднованию 1000-летия Крещения Руси. Эта группа проделала большую работу, подготовила специальные чинопоследования к самому празднованию, написала тропари и кондаки святым, прославленным в 1988 году: благоверному князю Димитрию Донскому, преподобному Андрею Рублеву, преподобному Максиму Греку, святителю Макарию Московскому, блаженной Ксении Петербургской, преподобному Паисию Величковскому, святителю Игнатию (Брянчанинову), святителю Феофану Затворнику, преподобному Амвросию Оптинскому.

Когда богослужбная группа в 1989 году была преобразована в Синодальную комиссию, основные задачи остались те же: как тогда, так и сейчас мы в первую очередь занимаемся составлением новых служб. Время от времени Святейший Патриарх поручает нам под-

готовить ответ на какой-то чисто литургический вопрос, возникающий по ходу церковного года, или же дает специальное задание в связи с празднованием определенного события. Например, мы составляли чин празднования 2000-летия христианства; одним из основных авторов был митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир. По просьбе Святейшего Патриарха мы подготовили службу Собору Эстонских святых и работаем над созданием акафиста в честь Пюхтицкой иконы Божией Матери – Патриарх сердечно привязан к Пюхтицкому монастырю, и мы только рады воздать славу Эстонской земле.

– Какие плоды работы Комиссии Вы считаете самыми важными за последнее время?

– В первую очередь стоит упомянуть службы Царственным страстотерпцам, святителю Тихону, Новомученикам и исповедникам Российским. Кроме того, уже полтора года идет и еще несколько лет будет продолжаться работа по составлению общих служб новомученикам по ликам: преподобномученику единому, священномученику единому, новомученику единому (мирянину). Впрочем, можно было бы лики поделить еще более дробно и, например, составлять различные службы священномученику архиерею и священномученику священнику.

В 2005 году вышла Дополнительная Миняя, которая почти целиком состоит из служб, подготовленных Комиссией. Предполагается издание единого сборника служб новомученикам, а пока, по мере составления, службы публикуются в «Московских епархиальных ведомостях».

Богослужбная комиссия недавно внесла некоторые изменения в чин Литургии – в диалог священника и диакона после Великого входа.

Инициатива исправления Служебника исходила от Издательского совета Московской Патриархии, с частью их предложений мы согласились, а часть не приняли – выступили здесь в роли консерваторов, постарались сохранить преемственность, может быть, отчасти формальную, с традицией XIX века. Хорошим вариантом нам показалось предложение Святейшего Патриарха издать учебный Служебник, в котором все особенности разъяснялись бы в примечаниях.

В ходе дискуссии мы по многим вопросам советовались с духовенством, и чем старше были священники, тем чаще был ответ: «Можем служить и так, и так, но лучше оставить, как есть». Когда человек по своему опыту и житейскому, и благодатному, и профес-

сионально-священническому подходит к какому-то рубежу, его эти вопросы перестают смущать.

Например, рассуждения о том, что молитва Третьего часа: «Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа», – разрывает молитву Евхаристического канона, не вполне правомерны, в первую очередь об этом говорят люди, которые сами никогда не служили. Вроде бы формально происходит разрыв, но если мы возьмем Херувимскую песнь – разве там поминовение Предстоятеля и всех молящихся не разрывает единый текст Херувимской песни? – Разрывает. Но это никого не смущает. В ткани богослужения нити идут не прямолинейно, они изгибаются, взаимопроникают, сопрягаются с другими, и служба воспринимается не как логическая структура, а более глубоко. Возьмите молитвы, которые составлял и читал на Литургии святой Иоанн Кронштадтский, – разве они не разрывают привычный текст? А эти молитвы точно выражали его молитвенное состояние.

– **Возникают ли новые последования, обусловленные новыми реалиями современной жизни?**

– Конечно, возникают, например, Сретенский монастырь опубликовал чин освящения самолета и чин благословения в воздушное путешествие. Один раз нам предложили рассмотреть чин о сохранении девства у молодого поколения, но мы решили, что такое выпячивание проблемы может привлечь ненужный интерес. Такие вопросы должны решаться более сокровенно, на исповеди, в беседах, совершенно обязательно это вносить в общественное богослужение и говорить во всеуслышание Церкви и общества, что у нас, мол, поколение блудное.

– **Отец Андроник, на Архиерейском Соборе 2004 года было принято положение о Епархиальных богослужебных комиссиях. Принесло ли это начинание уже добрые плоды?**

– Комиссии есть, но поступающие к нам тексты, конечно, нуждаются в доработке. Впрочем, мы не надеялись на моментальный эффект. При Академии сначала был иконописный кружок, сейчас – Иконописная школа, во многом под их влиянием за последние 20 лет иконописание в Церкви поднялось на совершенно другую ступень, сейчас стало гораздо больше хороших икон, они стали намного более доступны для верующих. Так же надо бы создать гимнографическую школу, где обучать людей составлять богослужебные тексты, учить их уставу, литургике и всему остальному. Гимнография – не менее

сложный вид творчества, чем иконография. Песнописец творит строго в русле канона, но это должно быть именно благодатное творчество, а не механическое компилирование.

Для работы нужны справочники по богослужебным текстам, нужны исследования, которые бы четко выявляли специфику русских служб – у нас ведь другая ритмика, чем у греков, с греческими наши тексты связаны в первую очередь содержательно, а не по стихотворной форме.

– **Предполагалось, что именно Епархиальные богослужебные комиссии будут играть роль гимнографических школ?**

– Так и будет, наверное, но это очень длительный процесс. Сначала они будут отсекают совсем некачественные тексты.

– **Работы у Комиссии, очевидно, много, собирается ли она в связи с этим привлекать студентов духовных школ?**

– Наша Комиссия небольшая, но это довольно тонко устроенный организм, мы стараемся дорожить сложившейся творческой атмосферой. С 1995 года работу возглавляет архиепископ Орехово-Зуевский Алексей, сейчас в состав входят архимандриты Матфей (Мормыль) и Макарий (Веретенников), игумен Иоанн (Самойлов), протоиерей Сергей Правдолюбов, иеромонах Петр (Ерышалов) и я. На заседаниях мы обсуждаем каждую строку составляемого текста, и трудно говорить о привлечении студентов именно к этому процессу. Были случаи, когда семинаристы писали службы, однако в первую очередь я бы посоветовал им обратить свое внимание на глубокое изучение русского гимнографического наследия.

– **Какова схема утверждения новых богослужебных текстов – от момента написания и до получения официального благословения на церковное использование?**

– Обычно архиерей поручает кому-то написать службу, либо сам благочестивый человек, движимый любовью к святому, пишет текст. Его творение поступает в Епархиальную богослужебную комиссию, возглавляемую местным владыкой и включающую историка, литургиста и специалиста по церковнославянскому. Если Комиссия принимает текст, она отправляет его на имя Святейшего Патриарха, и уже с патриаршей резолюцией текст поступает к нам. Кому-то мы отправляли текст обратно на доработку, но и доработка зачастую бывает недостаточной. Поэтому те тексты, которые Святейший поручает

подготовить в первую очередь, мы сами перерабатываем, на их основе вместе составляем службу. Получившийся в итоге текст принимается на Синоде и сохраняется как приложение к Журналу заседаний, а копия отправляется в Издательский совет Московской Патриархии. Дальше уже Издательский совет предоставляет эту службу церковным издательствам.

– **Когда-то в России духовная цензура распространялась и на нотные издания. Занимается ли Богослужбная комиссия музыкальной составляющей богослужения?**

– Непосредственно нотами мы не занимаемся, но тексты стараемся пропевать, чтобы совпадали ударения мелодическое, грамматическое и содержательное. Мало того, чтобы текст был составлен хорошо, нужно, чтобы и при пении смысловое ударение не «повисло» из-за несогласованности с мелодией.

Вероятно, должна быть еще одна синодальная комиссия, собственно литургическая, которая занималась бы уставом, порядком его исполнения в монастырях и на приходах, календарными вопросами, церковно-певческой тематикой. Даже если нас обязать этим заниматься, ничего не получится, – для этого придется нас сначала освободить от всех остальных нагрузок, чтобы мы заседали каждый день.

*Беседовал Петр Королев,
5 курс МДС*

ТРУДЫ ИГУМЕНА АНДРОНИКА (ТРУБАЧЁВА)

ВОСПОМИНАНИЯ О МИТРОПОЛИТЕ ПИТИРИМЕ

Владыка Питирим и отец Андроник (Трубачев)

Мои воспоминания – это не продуманная повесть о жизни Владыки; думаю, что для написания таковой вообще еще не пришло время. Но и те разрозненные заметки о нем, которые я решаюсь представить читателю, дополненные словами и мыслями многих других людей, все же, надеюсь, послужат хотя бы мелкими штрихами к будущему портрету Владыки, который, вне всякого сомнения, войдет в историю Русской Православной Церкви.

Начало

Начну с моих отроческих воспоминаний: о Владыке мне рассказывала моя бабушка Клавдия Георгиевна, которая жила в Сергиевом Посаде тем, что выращивала цветы и продавала их на рынке. Она говорила, что владыка Питирим, выходя из Академии после воскресных или праздничных служб, всегда заходил на рынок и покупал у нее

большой букет (иногда даже несколько). Шел он всегда неторопливо, торжественно; иногда проезжал на машине (обычно после Академии он ехал к себе на дачу)... Так что первый образ в моей памяти – знаменитый профессор, епископ (или тогда еще архимандрит), покупающий у бабушки цветы...

Бабушка говорила еще, что когда Владыка только учился в Академии и не принял еще монашества, женская половина города считала его самым завидным женихом: красивый, статный, имевший замечательные усы... Составить себе представление о том, как он тогда выглядел, можно, посмотрев фильм об избрании и интронизации Патриарха Московского и всея Руси Алексия I, – там будущий Владыка впервые иподиаконствует у Святейшего и стоит рядом с Патриархом во время его облачения (этот фильм Владыка потом часто показывал).

Издавна была знакома с Владыкой и другая моя бабушка, Анна Михайловна, жена моего деда отца Павла Флоренского. Но еще ближе к нашей семье был отец Иннокентий, ближайший помощник владыки Питирима, его первый иподиакон с 1963 года (он-то впоследствии и пригласил меня в Издательский отдел). Узнав о том, что в Сергиевом Посаде живет вдова Флоренского, Иннокентий (в то время – Толя Просвирнин) стал часто к нам заходить, опекать ее, расспрашивать об отце Павле, записывать ее воспоминания. Один раз с этой целью он принес в портфеле магнитофон и начал делать запись, не спросив на то разрешения, что чуть не привело к скандалу: хотя Флоренский в 1958 году был уже реабилитирован, но и 1960-е годы были еще временем страха... Впрочем, чистота намерений юного Анатолия была вне сомнений, ему только сделали соответствующее внушение, не отлучив от дома и отнеся инцидент на счет юношеской горячности...

После окончания школы я поступил в Историко-архивный институт, и когда заканчивал его, уже начались разговоры о том, чтобы мне поступить на работу в Издательский отдел. Со мной также учился Николай Моисеев (нынешний епископ Брянский Феофилакт), я с ним знаком с июля 1970 года, когда мы еще абитуриентами работали на уборке территории института. С тех пор мы с ним двадцать лет были вместе: пять лет учились в институте на одном факультете («Исторические архивы»), по окончании нас направили в один архив, потом вместе работали в Издательском отделе (правда, я пришел туда немного раньше: меня на год призвали в армию, а он должен был три

года отработать по распределению); оба были иподиаконами у Владыки, вместе учились в семинарии, в академии – и так до 1990 года, когда я уехал на Валаам, а он вскоре стал настоятелем Гефсиманского Черниговского скита...

Когда я вернулся из армии, отец Иннокентий сказал мне: «Переходи в Издательский отдел», – и привел к Владыке в кабинет. Это было в ноябре 1976 года. Беседа была недолгой – Владыка знал всю нашу семью, слышал обо мне, образование мое весьма подходило для работы в Отделе, поэтому он сказал только: «Поступай под начало отца Иннокентия, помогай ему, он введет тебя в курс дела; а все остальное – потом...» Под остальным понималось – семинария, иподиаконство и т. д., словом – церковное служение... Так я был принят в Издательский отдел.

Работа в Отделе

Она была очень интересной и захватывающей. Мне выпало счастье принять участие в осуществлении таких больших проектов, как издание богослужебных Миней в 24 книгах, «Настольной книги священнослужителя» в восьми томах, в написании и редактировании ряда статей для «Журнала Московской Патриархии», «Богословских трудов» и т. д. Приходилось участвовать и в редактировании текстов самого Владыки, который, надо сказать, к редакторской работе относился чисто профессионально, без всяких амбиций (что, мол, раз я так написал – так и оставьте). Написав какой-то текст, он давал его нам, своим сотрудникам: «Редактируйте»; посмотрев нашу правку, еще и укорял: «Что так мало сделали?» – снова редактировал сам, отдавал на перепечатку, а потом опять нам; смотрим – вновь все позачеркнуто; говорим: «Владыка, ведь мы этот материал уже смотрели»; – «Ну и что же, – отвечает он. – Сколько смотрю, столько буду править; вы должны были мне помочь, но не все исправили, придется мне...»

В подтверждение необходимости подобной работы Владыка любил рассказывать случай с преподавателем Академии протоиереем Алексием Остаповым, который очень обижался, что его работы в «Журнале» чересчур редактируют; тогда Владыка однажды взял и поместил статью профессора как есть, без редакции, – и тот пришел в ужас... Одним словом, как редактор Владыка действительно был на своем месте...

В нашей работе Владыка предоставлял нам очень большую свободу действий. Так, когда мы начали работать над Минеями, Владыка разрешал включать в них новые службы, которых не было в дореволюционных Минеях, – лишь бы они были когда-то опубликованы, т. е. имели благословение; в прежние времена для включения новой службы в Минею требовалось чуть ли не решение Синода, потому что включение в Минею означает изменение Устава. Но мы убедили Владыку, и он согласился с нами, что Минеи – это не Устав, а такая богослужебная книга, в которой могут быть представлены все когда-либо напечатанные службы. К сожалению, в некоторых из таких новых служб встречались и ошибки, и их все же следовало лучше редактировать; но в то время мы сами были недостаточно грамотными...

Иногда Владыка принимал довольно смелые решения. Так, когда я нашел вторую службу мученику Уару (в которой говорится, что святой Уар имеет благодать молить Бога за «поганых» – умерших без крещения) и, увидев, что это из ряда вон выходящая служба, обратился к Владыке с прошением благословить ее публикацию, – то он написал мне в резолюции, что это «великолепная служба, первый раз вижу такой подход, обязательно ее надо опубликовать». Сейчас уже пошли искажения: призывают служить молебен за некрещеных; в службе Уару, конечно, такого нет, там говорится, что надо молиться Уару, а уж как он будет ходатайствовать за некрещеных – это его дело. А потом там речь идет о «поганском роде», то есть о некрещенных предках христиан, что эти предки могут как-то соприкоснуться с милостью Божией в своих детях... И Владыка богословски оценил эту службу и дал резолюцию, которую не каждый архиерей решился бы дать...

Значительную свободу владыка Питирим предоставлял нам и в отношении наших командировок: «Езжайте, куда хотите, – говорил он, – пожалуйста, только занимайтесь...»

Непосредственно с Владыкой рабочие моменты мы обсуждали не часто – в основном он давал нам указания через отца Иннокентия. Но были моменты, когда мы взаимодействовали непосредственно. Так, я не раз обсуждал с ним вопрос о молитвах в Минеях: митрополиту не нравилось, когда мы стали помещать в Минеи длинные молитвы. Он говорил: «Ну кому нужны такие длинные тексты; ну помещайте, что сделаешь, раз они опубликованы; но я сам сокращаю их во время чтения. Вот увидите: если будут помещены молитвы краткая и длинная,

то духовенство обязательно будет читать краткую». Помню, он мне говорил: «Ну попробуй, сократи сам и дай второй вариант». Показываю Владыке, что у меня получилось, а он говорит: «Нет, надо еще сокращать, разве не видишь, что можно язык сломать?» Сейчас я, конечно, вижу и сам, что многие из этих молитв тяжеловаты: бывает, я сам не понимаю, что читаю, – а что из этого может понять простой верующий в храме? Разве удивиться сей великой и непонятной премудрости?

Мои отношения с Владыкой в Отделе складывались далеко не безоблачно. В частности, я обижался на него за то, что он не дает мне, несмотря на мои два образования и большой опыт работы, возглавить Богослужебный отдел. Еще один конфликт случился, когда, как говорится, «в сферах» возникла и прорабатывалась мысль о посылке меня в Русскую духовную миссию в Иерусалим. Тогда председателем ОВЦС был владыка Филарет, и это дело я обсуждал с ним. И, конечно, когда владыка Питирим узнал об этом, он пришел, скажем так, не в ярость, но в очень большое огорчение, что такой вопрос обсуждается помимо него. Конечно, в этой истории мои действия были мало сказать неправильными и нетактичными – по-христиански и даже просто по-человечески я должен был, как сотрудник Владыки, первым делом сообщить обо всем митрополиту. Но я понимал, что это бесполезно, он не захочет терять своего сотрудника и зарубит эту идею на корню... Как бы то ни было, но Владыка, узнав обо всем, говорил мне: «Ну что ж, старайся, старайся, дело твое, ты сам пошел на это, сам и пытайся, смотри только потом об этом не пожалей...» А позже, когда все эти планы (думаю, не без его участия) расстроились, он мне сказал: «Характер у тебя очень упрямый, ты во что бы то ни стало всегда хочешь настоять на своем, но учти: в церковной жизни тебе это очень мешает и может полностью разрушить твою карьеру; конечно, живи, как хочешь, но я тебе скажу: на этом деле ты можешь споткнуться». Наверное, он был прав, и действительно, карьера в обычном понимании у меня не состоялась...

Издательство как монастырь

Руководя Издательским отделом, Владыка имел еще и некую более высокую цель, сверхзадачу: создать в нем своего рода братство. Он говорил нам: «Надо создать монастырь, но не как там у вас в Лавре, да

и в любом современном монастыре, где не столько молятся, сколько осуществляют хорошо отрепетированную театральную постановку (конечно, в хорошем смысле). А вот подлинного братства – трудового, идейного – нет нигде». И он пытался такое братство создать у нас. Нельзя сказать, что результаты были велики: многие ведь приходили не для того, чтобы послужить делу христианского просвещения, а чтобы получить сан, после чего уходили на приходы. К тому же Владыка предъявлял своим соратникам очень высокие требования и считал многих своих сотрудников (в том числе и в священном сане) малоспособными для того великого дела, к которому призван Издательский отдел, что также побуждало их уходить.

Но Владыка пытался нас как-то развивать, проводя с нами различные занятия. Он давал нам разные книги, например, предлагал изучать Поснова – потом мы по нему сдавали что-то вроде экзамена. Но Владыка был слишком занят, и хватало его ненадолго – месяца полтора-два позанимаемся – и всё. Нам читали и лекции, помню, отец Иннокентий организовал для нас занятия по греческому языку – была такая профессор Лидия Георгиевна – ну, конечно, мы на этих занятиях спали, т. к. были очень уставшими; все это оказывалось, к сожалению, нерезультативным и больше чем полгода не продолжалось... И все же в первые годы моей работы в Отделе у нас действительно сложился настоящий коллектив единомышленников и даже друзей: Валя Никитин, Леня Емельянов (ныне архиепископ Новосибирский и Бердский Тихон)...

Владыка всегда говорил так: «Я очень люблю монашество, но очень не люблю монастырь, потому что монахи в монастыре – вечно у них свои мнения, ничего они не понимают, много о себе думают, все время претензии ко мне, грязь и т. д.». Я ему говорил: «Владыка, ну как же так, ведь без монастырей не будет и монашества»; а он отвечал: «Ну вот, вы поживете – увидите». И еще он говорил: «Я и вообще-то предпочел бы жизнь семейную, но, к сожалению, не смог найти спутницу жизни, с которой можно было бы создать такую семью, какую я видел у моих родителей и которая мне представляется идеалом христианской семьи вообще, – поэтому я и избрал монашеский путь».

Советы в отношении монашеской жизни Владыка давал хорошие, правда, не очень реализуемые; например, он меня спрашивал: «А холодильник у тебя в келье есть?» Я отвечал: «Владыка, а зачем?» – «Ну как, приезжаешь ты поздно, надо, чтобы продукты были, лекар-

ства...» В те времена я был еще послушником, но ездил на работу в Издательский отдел – и то оставался ночевать там, то возвращался в Лавру, действительно, поздно... Так что советы, и правда, были весьма разумные, однако Владыка не спрашивал меня: в какой келье я живу, есть ли там место для холодильника, а главное: на какие деньги я мог купить холодильник (при зарплате в 120 рублей). И в этом была еще одна причина обид на Владыку: мы знали, что Издательство весьма богато, однако он нас далеко не баловал в смысле жалованья... И не только в смысле жалованья: помню, Владыка стоит в своей ризнице около шкафа, смотрит в него и говорит: «Сколько же у меня подрясников, сколько ряс – никогда мне их не износить, да некоторые уже и не налезают на меня...» Но мне он ни разу подрясника не подарил... Потом, когда я уже сам приобрел опыт, то понял почему – все это доставалось ему большими трудами: попробуй, организуй ризницу, найди портниху, которая бы сплетни не разносила, и т. д.; все это очень сложно...

Владыка как преподаватель

Некоторые из нас, в том числе и я, одновременно с работой в Отделе учились в Академии, и для нас Владыка был еще и нашим педагогом, преподавателем. В 1970–1980-е годы лекций Владыка читал уже не так много. И на его преподавательской деятельности также сказывалась в те годы его огромная загруженность: с одной стороны, он, конечно, давно достиг уровня профессора-наставника, а с другой – должность воспитателя студенчества требует постоянной повседневной работы, ежедневного присутствия, а этого у него как раз и не получалось...

Представление о его невероятной занятости дает следующий случай. В то время на покое в Лавре проживал архиепископ Сергей (Голубцов), его однокашник. Не раз он передавал свою просьбу к Владыке навестить его в келии, а Владыка все не заходит и не заходит; наконец, он пришел и... тут же заснул, сидя на стуле... Владыка Сергей его будит и говорит ему: «Так нельзя, Владыка, вам нужно отдохнуть, иначе вы себя доведете до ручки...»

Обычно первые несколько лекций, когда он давал общий обзор Евангелий, говорил об особенностях каждого евангелиста и т. д., –

у него были просто блестящими: это была полупроповедь-полулекция, точнее, проповедь, оснащенная богословскими экскурсами, или лекция, носившая черты возвышенной поэтичности. А дальше бывало так: он уезжал за границу или еще по каким-то причинам не мог приехать в Академию, иногда его заменяли другим преподавателем, иногда (чаще) – нет; и вдруг он неожиданно приезжал (бывало, и без всякого предупреждения), и было видно, что к занятиям он не подготовился. Обычно все дальнейшее разворачивалось по одному из двух сценариев: либо он рассказывал всякие истории из жизни Церкви, из своего опыта, случаи, большей частью занимательные и, конечно, назидательные. Но бывали и такие сцены:

– Давайте приступим к занятиям. Откройте Евангелие.

А в те годы Евангелие не так просто было достать, свои книги были человек у трех из всего класса, а остальным надо было брать в библиотеке. Ну как тут заниматься? Владыка сидит на кафедре, сложив руки. Молчание.

– Почему не принесли Евангелие на урок?

Молчание. Проходит пять минут, десять, пятнадцать. Тогда мы, как иподиаконы Владыки, толкаем кого-нибудь: попросите прощения. Поднимает руку наш староста, с Украины:

– Владыка, можно обратиться? Владыка, простите нас, пожалуйста!

Владыка в гневе:

– Что значит «простите», причем здесь – «простите»? Что мы будем делать?

Тут мы опять подсказываем: «Скажи, что из библиотеки принесем».

– Владыка, разрешите сходить в библиотеку и принести.

– Ну несите.

Пока принесут из библиотеки книги – урок и кончился... Сначала после таких историй мы очень переживали, волновались, но потом привыкли и смотрели на все происходившее спокойно.

Бывало и так, что Владыка говорил: «Ну вот, к уроку мы не подготовились, поэтому давайте просто почитаем Евангелие», после чего Владыка читает какое-либо зачало, а потом спрашивает: «Теперь рассказывайте: что у вас возникает по чтении этого отрывка, какие мысли и чувства?» Кто-то начинает: «Златоуст говорит, что...» А Владыка: «Нет, не надо мне Златоуста, вы скажите, что вы сами чувствуете?» –

Встает другой: «Владыка, святые отцы это место толкуют в том смысле, что...» А Владыка опять: «Да нет, попробуйте обойтись без святых отцов и воспринять этот текст так, будто в первый раз его слышите...»

Еще у Владыки был любимый педагогический прием (его усвоил и отец Иннокентий): «Вот, я сейчас буду учить вас научной работе. Берите лист бумаги или перфокарту, отчеркивайте поле, здесь пишите тему, а здесь – все, что вы можете сказать по поводу этой темы. И вот у вас должен быть набор таких карточек, которые вы мне можете показать и которые раскрывают такой-то вопрос (например, представляют собой комментарий главы из Евангелия)». Нас такая технология работы как-то не очень увлекала – ведь в то время уже появились компьютеры... Бывало, старые воспитанники Владыки нас спрашивали: «Ну что, про карточки еще рассказывает?» – «Рассказывает». – «Ну-ну». А они учились у него лет двадцать назад...

Но я могу свидетельствовать то, что Владыка постоянно беспокоился о том, не теряет ли он контакт с молодежью. По этому вопросу однажды у меня произошла с ним интересная беседа в Успенском соборе Лавры. Это было в году, наверное, 1994-м, когда я сам уже работал в Академии, а Владыка там уже не преподавал. (Кстати, то, что его в начале 1990-х годов отстранили от преподавания в Академии, – конечно, безобразие: хотя тогда был финансовый кризис и сократили сразу 20 преподавателей, но Владыку-то надо было оставить, если и не преподавателем Нового Завета, то хотя бы для чтения пастырских вступительных лекций...) Владыка интересовался, как я веду занятия, и мы с ним обсуждали, надо ли излагать православное вероучение более светским языком; при этом я говорил о том, что молодежи Церковь интересна в своей основе, и этот интерес не повысится, если начать ее осовременивать. В конце разговора Владыка сказал: «Ну ты как-нибудь зайди ко мне – чаек попьем и продолжим разговор на эту очень важную для меня тему...» К сожалению, все это так и осталось неосуществленным...

Владыка как богослов

Еще студентом Академии я смотрел в библиотеке кандидатскую работу Владыки: мне было интересно, каков Владыка как научный работник. И я увидел, что эта работа, посвященная гносеологии Си-

меона Нового Богослова, действительно очень серьезна и глубока. Помню также рассказы митрополита о том, как увлеченно собирал он библиографию к теме по разным библиотекам.

Потом, после кончины митрополита Антония (Мельникова), Владыка сам возглавлял «Богословские труды», и надо сказать, что как богослов он был человеком очень хорошо подготовленным. Но, конечно, времени что-то писать самому у него не было. И Владыка говорил так: «Я, конечно, хотел бы заниматься богословием, но заниматься этим серьезно сейчас для меня абсолютно невозможно, я плаваю по поверхности, это все пена, а для настоящих занятий необходимо погрузиться в глубину... Поэтому нечего и думать изображать из себя богослова; сложись жизнь по другому, может, я и стал бы богословом...» Такие слова и самооценка лишней раз подтверждают духовную трезвость Владыки...

Три периода жизни

Я слышал много критических отзывов в отношении воспоминаний, которые вышли у Владыки: мол, записывали их женщины, все там неверно... Я скажу так: там все абсолютно верно. От себя я добавил бы еще вот что: жизнь Владыки как бы делилась на два периода – до кончины Патриарха Алексия I и после. В первый период – все было хорошо, все было интересно, все было радостно. Во второй – все стало обыденно... Так Владыка и мыслил, и жил. Был и третий период – последние девять лет его жизни, когда митрополиту пришлось уйти из Отдела.

С Патриархом Пименом он был в достаточно хороших отношениях, но сама жизнь для него стала уже не так интересна. У него интерес был значительный – за граница: когда он собирался в очередную поездку за границу, то был веселый, радостный; а когда возвращался назад, душевный подъем проходил: опять рутина, опять проблемы, разбирайся с ними...

Значительную часть своей жизни он посвятил тому, чтобы сделать Издательский отдел более самостоятельным в своей деятельности. Ведь по старому Уставу Русской Православной Церкви Издательство не было Синодальным отделом, а потому, как Пенсионный и Учебный комитеты, подчинялось Управлению делами Московской Патриархии.

Сейчас уже нет прежнего Издательского отдела, но существующий вместо него Издательский совет уже является, как и Учебный комитет, Синодальным отделом.

Богослужение

Богослужение для Владыки было делом самым первостепенным. Например, свои именины он отмечал тем, что на несколько дней уезжал в Лавру и служил там в церкви Смоленской иконы Божией Матери в день празднования этой иконе, который как раз совпадает с днем памяти святителя Питирима Тамбовского. И так как в 1970-е годы в Лавре не разрешали служить во всех храмах, то в этом храме служили вообще чуть ли не раз в году, именно в этот день и именно по настоянию Владыки. Но потом, говорят, все же и Владыке сделали замечание: мол, знаете, народ вас хочет поздравить, собирается в ваш храм на улице Неждановой, а вас там нет, получается неудобно. После этого он стал служить в свои именины в Москве.

В отношении стиля богослужения Владыка руководствовался примером Патриарха Алексия I. Святейший вообще был для него идеалом архипастыря, и он очень многое от него впитал. А для самого Алексия I идеалом был святитель Филарет (Дроздов). Владыка рассказывал, что у Патриарха всегда лежало на столе собрание проповедей и резолюций Филарета, и он в нужных случаях говорил: «Ну-ка, посмотрим, что там у Филарета есть по этому вопросу»; листал он эти книги и просто так, чтобы что-то оживить в памяти... Конечно, издать труды святителя в те годы было невозможно, он был под запретом как монархист и реакционер; но «для внутреннего употребления, – говорил Владыка, – мы всегда должны ориентироваться на Филарета» (в 1960-х годах ему все же удалось напечатать в «Журнале» четыре проповеди святителя).

И сейчас можно услышать от многих священников, что традиционный московский стиль служения – строгий, но не монашеский и не «поповский», а настоящий церковный стиль – это то, как служил митрополит Питирим; а он, конечно, научился этому у Патриарха Алексия. Еще так служит нынешний владыка Тульский Алексей (Кутепов) (хотя у него все же есть момент театральности), а почему? – Потому что он воспитывался у будущего митрополита Серапиона (Фадеева), а тот был иподиаконом у Патриарха Алексия I.

Из всех праздников Владыка больше всего любил Вознесение. Он считал, что Вознесение – это вершина Евангельской истории, вершина богословия, к тому же его и рукоположили на праздник Вознесения. В этот день он всегда служил в особом белом облачении, подаренном ему Патриархом Алексием I. Был у него и замечательный омофор, который он надевал в этот день, и когда мы однажды забыли этот омофор, Владыка разгневался и со словами: «Я целый год жду, чтобы его одеть, а вы его забыли?» – послал во время службы одного из иподиаконов (Виктора Казанцева) привезти его на машине из Издательства; и когда омофор был привезен к середине службы, все же надел его и продолжал служить в «правильном» облачении...

Кстати, об отношении Владыки к иподиаконам: прежде всего их у него было очень много; скажем, служат вместе с ним в какой-нибудь высокотожественный день пять архиереев, так у них у всех вместе иподиаконов было меньше, чем у одного владыки Питирима (вокруг него вообще всегда было много молодежи). При этом он хотел, чтобы каждый из иподиаконов умел делать всё. У других архиереев совершенно не так: скажем, если ты выходишь с трикирием, то так всегда и будешь выходить... А Владыка требовал, чтобы мы все время менялись: сегодня ты пономаришь, завтра – держишь Евангелие и т. д. Конечно, нам было трудно все это освоить, от того и случались ошибки... Чаще всего Владыка делал вид, что не замечает их, и нам говорил: «Не обращайте внимания, в народе этого никто не заметит». Так всегда бывало, когда Владыка служил «в гостях». Когда же он служил у себя в храме – бывало по-разному: то все шло спокойно и благостно, а то – просто гром и молния, и чуть ли не табуретки летали – так мы его расстраивали своей неумелостью...

Теперь в отношении его храма в Брюсовом переулке: его положение там было до некоторой степени неопределенным – ведь он не был в нем настоятелем. И когда мы говорили Владыке: «Вот надо бы то или то поправить», – он нам отвечал: «Я не настоятель». Он считался только почетным настоятелем и всегда это подчеркивал: «В жизнь храма я не вмешиваюсь». Хотя, конечно, большинство вопросов с ним согласовывалось.

К попыткам что-то улучшить в храме, обновить, он относился очень осторожно. Например, уже в новейшие времена ему пытались навязать какой-то полупрофессиональный квартет, но он это начи-

вание, как говорится, спустил на тормозах: квартет попел какое-то время, а потом исчез. Спрашиваем его: «Почему?» – а он отвечает: «Ребята консерваторские, пришли-ушли, никто не знает, придут ли снова... А на бабушек всегда можно положиться...» И в этом сказывалась его церковность, он считал, что следует опираться на людей, которые не отступили от Церкви в тяжелые годы государственного атеизма. Действительно, на клиросе в этом храме были замечательные бабушки (помню, одну звали Варвара), которые пели там до самой смерти.

Пытался у него петь и профессиональный хор Анатолия Гринденко, но Владыка говорил, что церковное пение надо, конечно, развивать, но не в храме; в храме же был осторожен и считал, что предпочтительнее общенародное пение. Но и здесь он не любил новаций. Однажды отец Иннокентий, к которому приехали из другой епархии несколько женщин, на одной из служб решил сделать Владыке подарок: перед началом расставил их по храму и сказал прихожанам: «Сделаем так – они будут запевать, а вы подхватывайте...» И что из этого вышло: «Символ веры» они еще как-то спели, но когда попытались начать пение Евхаристического канона (при этом отец Иннокентий подбадривал всех, мол, давай-давай!), Владыка вышел и резко все это оборвал, сказав: «Прекратите это безобразие», – а Иннокентию потом: «Что ты лезешь не в свое дело, надо готовиться к пению, а не петь как попало...» В храме у него был свой хор под управлением Ариадны Рыбаковой, конечно, довольно светский, но для рядового московского храма хороший; Владыка брал его с собой и за границу, и этот хор обычно имел большой успех...

Волоколамск

Особо нужно сказать о поездках в Волоколамск. С одной стороны, он тут отдыхал, с другой – пытался привлечь в такие поездки иностранцев... Когда монастырь стали возрождать, он со многими людьми обсуждал вопрос о том, чтобы привлечь к этому делу немцев: раз немцы его разрушили, они и должны дать на его возрождение деньги. Был и такой полуфантастический проект: провести трассу из Прибалтики, которая будет проходить мимо монастыря; на ней через каждый километр поставить придорожные кафетерии, чтобы был доход мо-

настырю, и т. п. – и все это обсуждалось на полном серьезе. Потом он устраивал в монастыре летом спортивно-молодежный лагерь. Но с налаживанием там собственно монашеской жизни, к сожалению, ничего не вышло. Зато при его наместничестве (в конце 1999 года монастырь стал ставропигиальным) произошло главное духовное событие в новейшей истории обители – обретение святых мощей преподобного Иосифа Волоцкого...

Приезжая в свою Волоколамскую «епархию», Владыка особенно любил посещать самый дальний приход – в Песках, где жила недавно скончавшаяся баба Надя, запечатленная, кстати, в известном фильме о митрополите Питириме «Архиерей»; она его всегда встречала, топила ему баньку, он в этой баньке парился (конечно, один – мы в это время где-нибудь гуляли), потом бегал прыгать в пруд... Он всё говорил: «Люблю ходить по траве босиком, по росе...» Конечно, в этих словах – ностальгия по юности: где и когда Владыка мог теперь ходить по росе, живя в мегаполисе и проводя много времени за границей?

Владыка как общественный деятель

Владыка ощущал себя не просто издателем, а церковно-государственным деятелем, и Издательство для него было важно не само по себе, а как дающее ему определенный, достаточно высокий статус, а также потенциальную возможность и способ высказаться («Журнал Московской Патриархии»). Именно с этим связано его упорное нежелание уезжать из Москвы. Владыку много раз пытались отправить на кафедру – Смоленскую (временно управляющим), Тамбовскую (где как раз был в свое время Питирим Тамбовский), – и он каждый раз возвращался в Москву. Он прекрасно понимал, что вся политика делается в Москве, и если его не будет в столице, то очень скоро, а особенно после смерти Патриарха Алексия I, он просто будет погребен где-нибудь в провинции.

В сфере церковно-политической он, в отличие от нынешнего Патриарха Алексия II, делал ставку преимущественно на закулисные действия. Патриарх, скажем, писал открытые письма М. С. Горбачеву, в Совет по делам религий и т. д., – владыка Питирим предпочитал все дела решать келейно; может, к этому обязывало его положение, но он считал, что действовать в закрытом режиме – более перспективно.

В своем Издательском отделе Владыка – в годы всевластия КГБ и Совета по делам религий – делал вид, что их не существует. Я знаю, что некоторые архиереи рассказывали своим сотрудникам, как надо общаться с этими структурами, давали им советы на этот счет, учили: мол, вам могут сказать то-то и то-то, а вам надо уметь где-то отстоять себя, а где-то пойти на компромисс... Не бойтесь этого... В нашем отделе все делали вид, будто этого вообще не существует. В годы жесткой цензуры, когда всё надо было согласовывать с Советом по делам религий, отец Иннокентий говорил: «Какой там Совет, он нас не трогает, у меня за все время только один раз одну строчку вычеркнули...» Так же держал себя и Владыка – но ведь он мог бы нас предостеречь, сказать: вас будут вербовать, а вы поступайте по совести... Если уж пришлось сотрудничать, то используйте эти связи не для своей карьеры, а чтобы как-то защитить Церковь. Понятно, что всё он рассказывать не мог (вдруг я завтра пойду и заявлю на него?), но все же Владыка мог бы как-то помочь нам войти в эту жизнь. Но он был наглухо закрыт...

В начале 1990-х годов в стране появились компьютеры, были они закуплены и для нас – и... лежали на складе, почти никто ими не пользовался – боялись (а вдруг кто-то начнет размножать листовки?) Кстати, в конце 1970-х у нас, помню, даже пишущие машинки по окончании рабочего дня продолжали печатывать, когда уже нигде в стране этого не делали... Все же Владыка вырос в этой системе, и ему было трудно из нее выходить, да он и не хотел из нее выходить. Ведь он привык быть монополистом, и ему всё разрешали: чего еще хотеть? Мы ему говорили: «Владыка, вы можете сейчас Библию издать миллионным тиражом и будете миллиардером...» Но, делая так, он рисковал вступить в конфликт с Советом по делам религий, – и еще неизвестно, что будет; а так он со своим Издательством – и без этого уже миллионер...

Владыка и перестройка

Когда наступила перестройка, Владыка, конечно, перестал поспевать за жизнью, начал терять привычные ориентиры, ему было трудно переходить на новые рельсы. В своих воспоминаниях он пишет: «Началась коммерциализация всего, и мне это было противно». Но

дело было не только в коммерциализации. Некоторые его поступки той поры были необъяснимы. Вот два воспоминания. Одному случаю я был непосредственным свидетелем: как-то раз я случайно попал на заседание Фонда культуры и сидел там рядом с митрополитом Питиримом. Приходит радостный Никита Михалков и говорит: «У меня только что была встреча с президентом Ельциным, он дает нам карт-бланш, обещает большие деньги; Владыка, мы хотим ваше мнение услышать, что нам сейчас надо делать, с чего начинать?..» А Владыка на полном серьезе отвечает: «Вот я сейчас возвращался из провинции (не помню, из Тамбова или из Смоленска) и зашел в лес подышать; смотрю – лес весь загажен. Так вот, надо возродить дружины (наподобие пионерских), которые мы будем посылать в лес; они будут там собирать банки, и таким образом мы поднимем патриотизм, улучшим экологию». На таком серьезном заседании – и говорить о собирании банок? – Я так и не понял: то ли он смеялся над ними, мол, собрались тут думать о культуре и не знаете с чего начать, – то ли говорил вполне серьезно...

Другая знаменитая история – как Владыка с архимандритом Тихоном (Шевкуновым) собирались совершить поездку по Русскому Северу. В то время в стране разрушались целлюлозно-бумажные комбинаты, и Владыка хотел договориться с ними о заключении контрактов на поставку бумаги на несколько лет вперед; выгода Издательства состояла в закупках материалов по фиксированным ценам в условиях идущей в стране инфляции, комбинаты же получали столь необходимые им на сегодняшний день оборотные денежные средства. Причем задумывалась эта поездка как просветительская, в ней должны были участвовать и выступать перед рабочими известные писатели, такие как Василий Белов, Виктор Астафьев, Валентин Распутин, артисты, хор. Со всеми всё было согласовано, осталось только взять билеты. Но когда отец Тихон позвонил Владыке и сказал: «Ну всё, берем билеты», – тот отвечал: «Какие билеты, куда? – нет, всё отменяется...» Это было где-то в начале 1990-х годов. Конечно, сейчас задним числом понимаешь, что поездка эта, возможно, была авантюрой: мы заплатили бы деньги, ничего не получив взамен; может, Владыка действительно сообразил, что глупо втягиваться в дело на много лет вперед, когда все вокруг рушится; но ведь все было согласовано с людьми серьезными, от него просили ответа, и он дал согласие... У Флоренского в

его работе «Имена» есть статья «Константин», где утверждается, что человек с таким именем, по этимологии вроде бы обязанный быть постоянным, на самом деле более непостоянен, чем человек с любым иным именем. Владыка Питирим, первое имя которого было Константин и который часто отменял свои решения так, словно их никогда и не было, – вполне соответствует такой характеристике отца Павла...

В церковно-политическом отношении Владыка делал ставку на Горбачева, он искренне не верил, что Горбачев и вся коммунистическая система в одночасье рухнут. Но не только он – многие архиереи не спешили принимать перестройку с ее новшествами, аргументируя так: а вдруг вернется старое, и что мы тогда будем делать?.. А с другой стороны, помимо законной осторожности, дело было и в привычке к хорошей жизни: ведь нашим архиереям и при старой системе жилось достаточно хорошо; если бы они жили плохо, тогда больше бы ждали каких-либо изменений, тянулись бы к ним; но они жили хотя и в клетке, но в клетке золотой; а что будет при новой власти – одному Богу известно...

В результате, когда перестройка уже шла полным ходом, Издательский отдел подвергся серьезной критике за то, что боится печатать правду о репрессиях против Церкви, когда эта правда уже печатается в «Огоньке» и других изданиях; что не издает нужную литературу, когда она уже выпускается другими издательствами; за то, что в нем редактируют направленные в «ЖМП» статьи так, что от них ничего не остается... Правда, нельзя не сказать, что порой нам присылали такие слабые тексты, что просто было стыдно за их авторов, их нельзя было не редактировать, – но люди все равно были недовольны...

Родные Владыки

По своему характеру Владыка был человеком довольно закрытым. Например, его отец был в лагере, был, в сущности, священноисповедником, но он никогда об этом не говорил... Казалось бы, он мог сыграть на этом хотя бы за границей, заявив: мол, у меня тоже отец был в лагере, но все же я положительно отношусь к советской власти, и т. п.; но эта тема была для него полностью закрыта.

С братьями и сестрами он был дружен, да и вся его семья была дружной. Он часто приезжал в Лавру, где у него жила сестра, навещал

ее сам, по его просьбе за ней ухаживали и студенты. Он помогал брату. Вообще, семья была большой частью его жизни, но это также было закрыто от посторонних глаз.

Была у него под Москвой дача, и в свое время в «Науке и религии» расписали, что архимандрит Питирим возвел себе целый дворец... Видели бы они, что это была за дача, смешно и сказать... Как-то Владыка решил что-то там отремонтировать, послал одного человека помочь. Тот приезжает на дачу, его встречают две сестры Владыки.

– Ну, что делать надо?

– Да вот, надо новый забор поставить.

– А где доски-то?

– Да вот, старые, перебирайте их и из них делайте.

– А где гвозди?

– И гвозди старые берите, вытаскивайте и снова используйте.

Так этот человек распахивался, ничего не стал делать, а архиерею сказал: «Владыка, из чего вы хотите сделать конфетку? Разве так можно, ведь вы же митрополит!..» Так что лично для себя он не очень-то и стремился что-либо сделать.

* * *

Завершая эти заметки, хочу отдельно обратиться к тем, кому они покажутся недостаточно почтительными. Мне не раз приходилось писать и редактировать различные жития, я хорошо знаком с этим жанром. Но когда речь идет о воспоминаниях, то они интересны не тогда, когда являют собой некий поминальный обет, а когда показывают живого человека. Именно этим руководствовался и я. А в заключение хочу сказать: сам я глубоко почитаю Владыку и благодарен ему за многое, что было в моей жизни.

Священномученик Павел Флоренский
(1882–1937)

**ПРОЕКТ ЖИТИЯ
МУЧЕНИКА ИЕРЕЯ ПАВЛА (ФЛОРЕНСКОГО)
СЕРГИЕВО-ПОСАДСКОГО
(1882–1937 гг.)
ДЛЯ КАНОНИЗАЦИИ**

Подготовил игумен Андроник (Трубачев)

(Память 25 ноября ст. ст.)

Род и семья⁹

Священномученик Павел Флоренский родился в Евлахе (Елисаветпольская губерния) 9 января 1882 года, в день памяти святителя Филиппа, митрополита Московского. Он был крещен 9 октября 1882 года в Тифлисской Давидовской Мтацминдской церкви с именем в честь святого апостола Павла. Святитель Филипп и апостол Павел стали особыми покровителями священномученика Павла, которые благодатным воздействием во многом определили его путь.

Апостол Павел, бывший гонителем Церкви, был обращен к вере во Христа светом и голосом Божиим: «Савл, Савл! Что ты гонишь Меня?» (Деян. 9: 4). Так он стал проповедником Истины. «Противоречивость» апостола Павла, по слову святого Иоанна Златоуста, помогла ему обращаться равно к эллинам и иудеям, к образованным и простым, для всех стать всем, чтобы приобрести Христу. «Действия <апостола Павла> были противоположны, но мысль и намерение, с какими это делалось, были весьма последовательны и согласны между собой. Одного искал он – спасения слушающих и видевших. Поэтому-то именно он <...> был неодинаков и разнообразен не только в делах, но и в словах, – не переменяя мысли и не делаясь то тем, то другим, но оставаясь тем, чем был, и приспособляя каждое слово свое к данным обстоятельствам»¹⁰.

⁹ См.: *Игумен Андроник (Трубачев)*. Из генеалогических разысканий о роде Флоренских // *Энтелехия*. Кострома, 2003, № 3. С. 5–7; 2004, № 8. С. 5–25; 2006, № 10 (в печати).

¹⁰ Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 2. СПб., 1896. С. 550.

И в жизни священномученика Павла мы видим, что от неверия к вере он был обращен особым призывом Божиим, подобно призыванию апостола Павла, а в дальнейшем его жизненные обстоятельства складывались так, что для того чтобы оставаться верным званию Божию, он внешне должен был поступать приспособительно, противоположно ожидаемому. В своих же сочинениях отец Павел, как апологет христианской веры среди неверующей интеллигенции, для которой законы падшего рассудка были высшим критерием Истины, «великодушно <...> спускается “до кладенцов хананейских мыслей” (см. Канон Андрея Критского), из которых люди рассудка думают черпать и пить воду Истины, и показывает, что Истина не в этих кладенцах, а в камени веры – Христе, из Которого текут реки воды живой и токи премудрости, источаемые верой»¹¹.

Святитель Филипп, происходивший из знатного боярского рода Колычевых, обладал богатыми дарованиями, и его ждало поприще высокого государственного служения. Но он избрал иной путь – путь иноческой жизни. Когда же Господь вывел его на общественное служение, то святой Филипп и в сане игумена Соловецкого монастыря, и в сане митрополита Московского сумел объединить служение церковное с культурным, хозяйственным и государственным служением. Он также противостоял беззаконию власти и стал исповедником веры и мучеником за Христа.

И в жизни священномученика Павла мы видим отказ от возможностей светского возвышения, соединение церковного, культурного, хозяйственного и государственного служений и, наконец, исповеднический путь и мученичество. Особо же близок святитель Филипп стал отцу Павлу тогда, когда в последние годы жизни он, Божиим Промыслом, оказался в заключении в Филипповой пустыни Соловецкого монастыря.

Флоренские (или Флоринские-Галичи) – виленского происхождения, и находились в вассальном отношении к Радзивиллам. Затем переселились в Слободскую Украину, став по большей части духовным родом, а далее – на север, в Переяславскую епархию. Оттуда началось их расселение, причем одни ветви стали снова светскими (вероят-

¹¹ *Епископ Феодор*. <Рец. на книгу> «О духовной Истине. Опыт православной теодицеи» («Столп и утверждение Истины»). Книга свящ. П. Флоренского. М., 1912. // П. А. Флоренский. Pro et contra. Изд. 2-е. СПб., 2001. С. 242.

но, малороссийское казачество), а другие остались духовными. Все это относится к XIV–XVI векам. Переселение рода Флоренских в Костромскую область связано с русско-польскими войнами начала XVII века.

По семейному преданию, один из предков рода Флоренских был малороссийский казак Михайло Флоренко. Вместе с другими казаками он воевал на стороне Польши, был схвачен, казнен, и голову его посадили на кол. Событие это, вероятно, относится к 1609 г., когда поляки и казаки под командованием Лисовского захватили Юрьевец. Они пытались переправиться на левый берег Волги, но потерпели поражение от жителей Коряковской волости, которым помогал небесный заступник – преподобный Макарий Унженский. Многие из нападавших были, по свидетельству очевидца, захвачены в плен. Среди них, вероятно, были и родственники Михайло Флоренко, которые, будучи православными, вразумились чудом преподобного Макария, покаялись и после освобождения из плена остались при церкви Рождества Богородицы Пречистенского погоста Коряковской волости (ныне с. Завражье Кадыйского района Костромской области).

По клировым ведомостям имена предков священнослужителей при церкви Рождества Богородицы известны с XVIII в.: [диакон Иоанн, нач.–сер. XVIII в.], диакон Афанасий Иванов (1732–† ок. 1794), диакон Матфей Афанасьев (1757–† ок. 1830?).

Сын диакона Матфея – дьячок Андрей Матфеев (1786–1827) ок. 1812 г., при жизни отца, перешел на освободившееся место дьячка при церкви Рождества Христова в с. Борисоглебское (ок. 7 км от села Пречистенский погост).

Его старший сын Иоанн (р. 22 сентября 1815 – † 11 ноября 1866) окончил Луховское духовное училище (1826–1830) и в числе лучших учеников – Костромскую духовную семинарию (1830–1836). Однако именно он прервал родовое церковнослужение Флоренских.

«Дед мой, – писал П. А. Флоренский в 1910 г., – блестяще окончил семинарию и был послан в Академию, но тут задумал, по любви к науке, уйти в Военно-медицинскую академию. Сам Митрополит Московский Филарет уговаривал его остаться и будто бы пророчил, что если примет монашество, то будет митрополитом. Но дед все же пошел по своему пути, на нищету и разрыв с отцом. Мне порою и является мысль, что в этом оставлении семейного священства ради

науки – *πρωτον ψευδος*¹² всего рода, и что, пока мы не вернемся к священству, Бог будет гнать и рассеивать все самые лучшие попытки»¹³.

После окончания Медико-хирургического института при Московском университете (Военно-медицинская академия) (1836–1841) И. А. Флоренский в 1841–1850 гг. служил батальонным врачом в различных пехотных полках, а в 1851 г. был перемещен в Кавказский корпус и приписан к Донскому казачьему полку. В течение 16 лет, до самого окончания Кавказской войны, он являлся ординатором и главным врачом военных госпиталей и лазаретов, расположенных в центре и на левом фланге кавказской линии. Скончался 11 ноября 1866 г., заразившись холерой при лечении больных. Был награжден орденами св. Станислава 2-й ст. (1858), св. Анны 3-й ст. (1849) и имел чин коллежского советника (1858). Погребен на кладбище в г. Ардоне.

Отец – Александр Иванович Флоренский (р. 30 сентября 1850, Ямполь – † 22 января 1908, Тифлис). Учился во Владикавказской классической мужской гимназии, затем перевелся в 1-ю Тифлисскую классическую мужскую гимназию. В 1880 г. окончил в Санкт-Петербурге Институт инженеров путей сообщения и в конце того же года был назначен на должность начальника строительства участка Закавказской железной дороги в местечке Евлах (Елисаветпольская губерния, Джеванширский уезд). 11 сентября 1883 г. определен на службу инженером для исполнения особых поручений к начальнику работ II отделения Кавказского округа путей сообщения. 9 октября 1883 г. прикомандирован для занятий к искусственной части правления Кавказского округа путей сообщения. Занимал должности начальников 4-й дистанции VI отделения (31 марта 1885), 1-й дистанции Батумского отделения (11 января 1888), 2-й дистанции Терского отделения (14 марта 1894) Кавказского округа путей сообщения.

С 20 марта 1895 г. откомандирован в распоряжение правления Кавказского округа путей сообщения для производства изысканий по постройке мостов и дорог вновь проектированного пути, связывающего Карсскую область с Эриванской губернией. В 1899 г. переведен из Министерства путей сообщения в Министерство внутренних дел и с 9 сентября назначен губернским инженером строительного отделения Кутаисского губернского правления. В 1901 г. назначен постоянным членом техни-

¹² Принципиальная, главная ошибка («Логика» Аристотеля).

¹³ *Священник Павел Флоренский. Детям моим...* М., 1992. С. 279.

ческого совещания при управлении Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе (7 февраля) и откомандирован в распоряжение Главногоначальствующего (9 августа). Вероятно, в связи с этим написал статью «К вопросу о возможности затопления Каспийской низменности» (Тифлис, 1902), основной вывод которой сводится к тому, что затопление прикаспийской впадины надо считать совершенно бесполезным.

С 27 июня 1903 г. – техник по строительной и дорожной частям при Главномначальствующем (с 1 июля 1905 г. – при заместителе Кавказского округа). С 8 апреля по 14 июня 1905 – командирован в Санкт-Петербург для участия в Комиссии по урегулированию р. Терек. В апреле 1907 г. назначен помощником начальника Кавказского округа путей сообщения. В ноябре 1907 г. выехал для обозрения строившейся Воронцовско-гюллюбулакской дороги и сильно простудился, что явилось причиной смертельной болезни. Награжден орденами св. Станислава 2-й ст. (11 января 1901) и 3-й ст. (28 марта 1893). В 1907 г. присвоен чин действительного статского советника.

По отцовской линии отец Павел наследовал как духовные склонности (это сказалось и в том, что в его лице род вернулся к священству), так и научные. Флоренские отличались «всегда принципиальностью в области научной и научно-организаторской деятельности, <...> всегда выступали новаторами, начинателями целых течений и направлений – открывали новые точки зрения, новые подходы к предметам» (из письма 27 апреля – 13 мая 1935 г.)¹⁴.

Предки матери, Ольги (армянское имя Саломия) Павловны Сапаровой (р. 25 марта 1859, Сигнах – † 30 октября 1951, Москва), происходили из владетельного рода гюлистанских (карабахских) бекков Мелик-Бегляровых. Их родовые связи уходили в глубь веков – к княжескому роду Допянов (XIV). Из-за чумы, опустошившей Карабах, и теснимые шушинским ханом, один из Мелик-Бегляровых, Абов III (†1808), вместе с многочисленными родственниками в конце XVIII в. переселился в село Болнис Тифлисской губернии. Когда чума кончилась, почти все Мелик-Бегляровы вернулись в Гюлистан (Карабах), но некоторые ветви остались в Грузии¹⁵. Собственно фа-

¹⁴ *Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М., 1998. С. 220.*

¹⁵ См.: *Акопян Г. А., Осипов В. К. Гюлистан. Страницы истории. Ростов-на-Дону, 1998; Акопян Н. Г., Акопян Г. А., Осипов В. К. Властители Гюлистана. Генеалогические исследования. Ростов-на-Дону, 1999.*

Предки по матери, бабушка и дед П.А.Флоренского:
София Григорьевна Сапарова (Паатова) и
Павел Герасимович Сапаров.
1870-е гг.

Иван Андреевич Флоренский,
дед П.А.Флоренского по отцу.
1864 г.

Семья Флоренских. Тифлис, 1899 г.
Слева направо: Александр Иванович (отец), Раиса (сестра), Ольга (сестра), Павел,
Елизавета Павловна Сапарова (тетя), Елизавета (сестра), Ольга Павловна (мать),
Юлия (сестра), Александр (брат).

Родители Павла Флоренского:
Ольга Павловна Флоренская (Саломия Сапарова) и Александр Иванович Флоренский.
1880-е гг.

Павел Александрович Флоренский
в возрасте 1½ лет. 1883 г.

Братья Павел и Александр Флоренские.
Ок. 1890 г.

милия Сапаровых произошла от грузинского слова «щит», «защита». Это прозвание данная ветвь Мелик-Бегляровых получила за какую-то военную услугу, оказанную Грузинскому царству. Таким образом, по материнской линии отец Павел оказался связан с культурой и историей Армении и Грузии.

От рода Сапаровых отец Павел наследовал яркое ощущение красоты Божия творения, любовь к природе и миру растений.

«Почитание родителей, – писал впоследствии П. А. Флоренский, – должно выражаться конкретно, прежде всего, в стремлении узнать их. У меня лично пестрота невероятная, начиная от мещан и до графов Разумовских, бывших почти на престоле, от бедных дьячков и до знаменитого епископа, от забытых судьбою сирот и до владетельных царьков <...> Однако костромские дьячки одни только всецело привлекают мое внимание, и сердцем я именно с ними»¹⁶.

Родители, А. И. Флоренский и О. П. Сапарова, познакомились в Петербурге в 1878 г. и вступили в брак в 1880 г. 9 января 1882 г. у них родился первый ребенок – Павел. А. И. Флоренский в то время строил участок Закавказской железной дороги, и вся семья жила в товарных вагонах, обитых коврами, на месте будущей станции Евлах.

«Место моего рождения – Евлах, – писал отец Павел, – где преизобилующая природными богатствами и обременительная избытком роскоши жизни степь стеснена двумя снеговыми горными группами... В этой двойственности природы, меня воспитавшей, я склонен видеть наглядное выражение собственной моей двойственности, в которой север и юг через кровь, исторически самую молодую и самую древнюю, напряженно противостоят друг другу, не только не смешиваясь, но и, напротив, возбуждая друг друга к более крепкому самоопределению»¹⁷. Наименование Евлах восходит, предположительно, к греческому словосочетанию «Благая судьба».

Кроме старшего Павла в семье было еще шесть детей. «Отчасти по недостаточной обеспеченности, отчасти по убеждению родителей семья жила очень замкнуто и серьезно: развлечения и гости были редким исключением, но зато в доме было много книг и журналов, на что урезывалось от необходимого. Уровень семьи был повышенно-культурный, с разнообразными интересами, причем предметом интеле-

¹⁶ Священник Павел Флоренский. Детям моим... М., 1992. С. 282.

¹⁷ Священник Павел Флоренский. Детям моим... М., 1992. С. 92.

ресов были знания технические (отец), естественно-научные (дети) и исторические (отец, мать и отчасти все). Люди, с которыми соприкасались мы, были по преимуществу сослуживцы отца или товарищи его по гимназии.

Детство я провел сперва в Тифлисе и Батуми, где отец строил Военную Батумо-Ахалцыхскую дорогу, затем снова в Тифлисе.

Относительно моего интеллектуального развития правильный, лишь формально, ответ был бы совсем не верен по существу. Почти все, что приобрел я в интеллектуальном отношении, получено не от школы, а скорее, вопреки ей. Много дал мне отец лично. Но главным образом, я учился у природы, куда старался выбраться, наскоро отделавшись от уроков. Тут я рисовал, фотографировал, занимался. Это были наблюдения характера геологического, метеорологического и т. д., но всегда на почве физики. Читал я и писал тоже нередко среди природы. Страсть к знанию поглощала все мое внимание и время. Я составил себе стенное расписание занятий по часам, причем время, назначенное классам и обязательному посещению богослужения, окружил траурной каймой, как безнадежно пропавшее. Но и его я использовал для своих целей»¹⁸.

Разность вероисповеданий родителей (мать принадлежала к Армяно-григорианскому исповеданию), а также характерное для образованного общества конца XIX в. преклонение пред человеческим разумом, явились причиной того, что П. А. Флоренский не получил в семье даже самых простых навыков церковной жизни. «О религии у нас никогда не говорилось ни слова: ни за, ни против, ни даже повествовательно, как об одном из общественных явлений, разве только более-менее случайно проскакивало слово о культе дикарей или каких-нибудь египтян, но и то очень отрывочно. Чем ближе к Церкви было какое-либо понятие, тем менее оснований могло ему быть упоминаемым в нашем доме: терпелась, и то еле-еле, лишь религиозная археология, умершая настолько, что можно было твердо рассчитывать на ее религиозную бездейственность»¹⁹. «Воспитанный в полной изоляции от представлений религиозных, и даже от сказок, – писал впоследствии отец Павел, – я смотрел на религию как на нечто вполне чуждое мне, а соответственные уроки в гимназии вызывали лишь

¹⁸ П. А. Флоренский. Автобиография <1927 г.> // Наше наследие, 1988. С. 75.

¹⁹ Священник Павел Флоренский. Детям моим... М., 1992. С. 126.

вражду и насмешку»²⁰. «В церковном отношении я рос совершенным дичком. Меня никогда не водили в церковь, ни с кем не говорил я на темы религиозные, не знал даже, как креститься»²¹.

Уверование в Бога

Приход П. А. Флоренского к вере в Бога совершился летом 1899 г. под влиянием целого ряда Божиих призывов, о которых он подробно рассказал в своих «Воспоминаниях». Однажды, когда Павел спал, он ощутил себя заживо погребенным на каторге, в рудниках. Это было таинственное переживание тьмы кромешной, небытия, геенны. «Мною овладело безвыходное отчаяние, и я осознал окончательную невозможность выйти отсюда, окончательную отрезанность от мира видимого. В это мгновение тончайший луч, который был не то незримым светом, не то – не слышанным звуком, принес имя – Бог. Это не было еще ни осияние, ни возрождение, а только весть о возможном свете. Но в этой вести давалась надежда и вместе с тем бурное и внезапное сознание, что – или гибель, или спасение этим именем, и никаким другим. Я не знал ни как может быть дано спасение, ни почему. Я не понимал, куда я попал и почему тут бессильно все земное. Но лицом к лицу предстал мне новый факт, столь же непонятный, как и бесспорный: есть область тьмы и гибели, и есть спасение в ней. Этот факт открылся внезапно: как появляется на горах неожиданно грозная пропасть в прорыве моря тумана. Мне это было откровением, открытием, потрясением, ударом. От внезапности этого удара я вдруг проснулся, как разбуженный внешнею силой, и сам не зная для чего, но подводя итог всему пережитому, выкрикнул на всю комнату: “Нет, нельзя жить без Бога!”»²².

В другой раз Павел пробудился от духовного толчка, который был так внезапен и решителен, что юноша неожиданно для себя выскочил ночью во двор, залитый лунным светом. «Тут-то и произошло то, ради чего был я вызван наружу. В воздухе раздался совершенно отчетливый и громкий голос, назвавший дважды мое имя: «Павел! Павел!» – и

²⁰ Андроник, иеродиакон. Основные черты личности, жизнь и творчество священника Павла Флоренского // Журнал Московской Патриархии. 1982, № 4. С. 13.

²¹ Священник Павел Флоренский. Детям моим... М., 1992. С. 145.

²² Священник Павел Флоренский. Детям моим... М., 1992. С. 211–212.

больше ничего. Это не было – ни укоризна, ни просьба, ни гнев, ни даже нежность, а именно зов – в мажорном ладе, без каких-либо косвенных оттенков. Он выражал прямо и точно именно, и только то, что хотел выразить, – призыв <...> Так возвещаются вестниками порученные им повеления, к которым они не смеют и не хотят дополнить от себя ничего сверх сказанного, никакого оттенка помимо основной мысли. Весь этот зов звучал прямою и простою евангельского “ей, ей – ни, ни” <...> Я не знал и не знаю, кому принадлежал этот голос, хотя не сомневался, что он идет из горнего мира. Рассуждая же, кажется наиболее правильным по характеру его отнести его к небесному вестнику, не человеку, хотя и святому»²³.

Эти и подобные призывы Божии завершились кризисом юношеского научного мировоззрения и обретением веры в Бога как Абсолютную и Целостную Истину, на которой должна строиться вся жизнь. Первым душевным порывом после духовного переворота было уйти в народ, отчасти под влиянием чтения Л. Н. Толстого, которому в то время П. А. Флоренский даже написал письмо. Но родители настояли на том, чтобы их сын, который окончил 2-ю Тифлисскую классическую гимназию первым и с золотой медалью, продолжил образование.

Характеристика П. А. Флоренского, которая для представления в Университет была написана преподавателем истории Г. Гехтманом, свидетельствует, что, хотя родители не дали сыну церковного воспитания, они вложили в него все лучшее «по человеческому естеству».

«Характеристика

бывшего ученика Тифлиской второй гимназии, окончившего курс <в> 1900 г., Павла Флоренского.

Флоренский Павел. Внешность этого юноши простая: нет у него ничего напускного и предвзятого. Всегда добродушный и спокойный, он с неослабным интересом следил за всеми окружающими явлениями; способность быстро ориентироваться и умение уловить сущность всякого научного вопроса свидетельствуют о том, что Флоренский усваивает знания в понятии; поэтому он всегда способен индивидуализировать явление, т. е. определить его общее значение и смысл, резко очертить его особенности и глубоко проникать (конечно, насколько возможно это молодому еще уму) в научный вопрос.

²³ Священник Павел Флоренский. Детям моим... М., 1992. С. 215–216.

За невзрачной наружностью этого юноши скрываются богатые творческие силы. Флоренский отличается философским складом ума. Всегда сосредоточенный и внимательный, он кажется юношей рассеянным, но это необыкновенный вид рассеянности. «Он слишком <рассеян>, потому что он слишком сосредоточен и внимателен». Научный интерес его многосторонний. Особенно интересовался греческой философией, математикой и физикой. Он всегда был любимцем учеников младших классов, к которым он всегда сердечно относился. Люди такого добродетельного типа в жизни бывают честные идеалисты и нравственные общественные деятели. 2.VI.1900».

Учеба в Московском университете

В 1900 г. П. А. Флоренский поступил на физико-математический факультет Московского университета по отделению чистой математики. Среди его учителей – знаменитые ученые и профессора: Б. К. Млодзеевский, Л. К. Лахтин, Н. Е. Жуковский, Л. М. Лопатин, С. Н. Трубецкой. В эти годы юный П. А. Флоренский начинает писать научные и философские работы, пронизанные критикой позитивизма и рационализма.

Особое влияние на П. А. Флоренского оказал Н. В. Бугаев (1837–1903), один из основателей Московской математической школы. Для Н. В. Бугаева характерно было рассмотрение математики в широком философском контексте, интерес к аритмологии – теории разрывных функций. Идеи Н. В. Бугаева стали для П. А. Флоренского отправной точкой²⁴. Свое кандидатское сочинение «Об особенностях плоских кривых как местах нарушения их непрерывности» П. А. Флоренский рассматривал как первую часть большой работы «Прерывность как элемент мировоззрения». Привлекая данные математики, физики, химии, биологии, философии, П. А. Флоренский обосновывал в этой незаконченной работе односторонность и несостоятельность эволюционизма, господствовавшего в XIX в. не только в естествознании, но и во всех областях человеческого знания и бывшего опорой материалистического мировоззрения и атеизма. Собственное научно-философское мировоззрение П. А. Флоренского складывается как ре-

²⁴ См.: Демидов С. С. Из ранней истории Московской школы теории функций // Историко-математические исследования. Вып. 30. М., 1986. С. 124–130.

лигиозно-идеалистическое и конкретно-символистское: мир горний раскрывается и является через мир дольний; мир дольний существует постольку, поскольку коренится в мире горнем; но это не мир теней, а одухотворенное живое творение.

Во время учебы в университете П. А. Флоренский подружился с поэтом А. Белым (сыном Н. В. Бугаева), а через него познакомился с литературно-символистскими кругами (В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, А. А. Блок). Символизм привлекал П. А. Флоренского творческим выходом из бездушного рационализма, тем более что и сам он писал стихи. Но почти сразу же обнаружились глубокие личные и идейные расхождения П. А. Флоренского с большинством из символистов²⁵. В символистах его отталкивала всеядность, неопределенность и ложность духовных основ. Вскоре П. А. Флоренский написал Д. С. Мережковскому (представителю так называемого «нового религиозного сознания»), что их отношения зависят от того, «как мы относимся к исторической Церкви». «Я должен быть в Православии и должен бороться за него. Если Вы будете нападать на него, то, быть может, я буду бороться с Вами»²⁶. Так, еще в ранние годы началось его расхождение с той частью русской интеллигенции начала XX в., которая, обособляясь от Церкви, пыталась создать свое ложное христианство, совращала народ к неверию, и многих привела к гибели. Другая часть интеллигенции, к которой принадлежал П. А. Флоренский, вменяя в ничто свои возможные светские успехи, шла служить Церкви теми дарами, какие получила от Бога, и обретала милость Божию на путях спасения.

П. А. Флоренский искал опоры в духовной жизни и в марте 1904 г. познакомился со старцем епископом Антонием (Флоренсовым), который жил тогда на покое в Донском монастыре. П. А. Флоренский с юношеским пылом просил его благословения на принятие монашества, но опытный епископ старец посоветовал ему поступить в Московскую духовную академию для продолжения духовного образования и испытания себя. Это вполне соответствовало устремлениям П. А. Флоренского, который писал матери 3 марта 1904 г.: «Оставаться при Университете я не думаю, даже если бы меня оставляли. <...> Произвести синтез церковности и светской культуры, вполне

²⁵ См.: Павел Флоренский и символисты. Сост. Е. В. Иванова. М., 2004.

²⁶ Павел Флоренский и символисты. Сост. Е. В. Иванова. М., 2004. С. 515.

соединиться с Церковью, но без каких-нибудь компромиссов – честно, воспринять все положительное учение Церкви и научно-философское мировоззрение вместе с искусством и т. д. – вот как мне представляется одна из ближайших целей практической деятельности»²⁷.

Весной 1904 г. П. А. Флоренский с отличием окончил Московский университет. Его считали одним из самых талантливых студентов с большим научным будущим. Однако, несмотря на лестное предложение Н. Е. Жуковского и Л. К. Лахтина остаться в Университете и молчаливый протест родителей, он в сентябре 1904 г. поступил в Московскую духовную академию. С тех пор вся жизнь его оказалась связанной с Троице-Сергиевой Лаврой, у стен которой он прожил почти тридцать лет. Неудивительно, что он духовно сроднился с Лаврой, а основатель Лавры, преподобный Сергей, стал одним из его покровителей.

Учеба и преподавание в Московской духовной академии

«Есть тонкое очарование Лавры, – писал отец Павел, – которое охватывает изо дня в день, при вживании в этот замкнутый мир. И это очарование, теплое, как смутная память детства, уродняет душу Лавре, так что все другие места делаются отныне чужбиной, а это – истинною родиной, которая зовет к себе своих сынов, лишь только они оказываются где-нибудь на стороне. Да, самые богатые впечатления на стороне скоро делаются тоскливыми и пустыми, когда потянет в Дом преподобного Сергия. Неотразимость этого очарования – в его глубокой органичности. Тут – не только эстетика, но и чувство истории, и ощущение народной души, и восприятие в целом русской государственности, и какая-то, трудно объяснимая, но непреклонная мысль: здесь, в Лавре именно, хотя и непонятно как, слагается то, что в высшем смысле должно называть общественным мнением, здесь рождаются приговоры истории, здесь осуществляется всенародный и вместе – абсолютный суд над всеми сторонами русской жизни. Это-то всестороннее жизненное единство Лавры как микрокосма и микроистории, как своего рода конспекта бытия нашей Родины, дает Лавре характер ноуменальности. Здесь ощутительнее, чем где-либо, бьется

²⁷ *Иеродиакон Андроник (Трубачев)*. Епископ Антоний (Флоренсов), духовник священника Павла Флоренского // Журнал Московской Патриархии. 1981. № 10. С. 65.

пульс русской истории, здесь собрано наиболее нервных, чувствующих и двигательных окончаний, здесь Россия ощущается как целое»²⁸.

Духовный облик П. А. Флоренского сложился под благодатным покровом преподобного Сергия, и потому и в творчестве своем, и в личной жизни он всегда прибегал к молитвам печальника земли Русской. Отсюда – глубокая связь жизни и творчества отца Павла с русской церковностью, русской культурой, русским народом.

Главным устремлением периода учебы в Академии (1904–1908) для П. А. Флоренского было познание духовности, не отвлеченно-философски, а жизненно. В 1904 г. П. А. Флоренский познакомился с иеромонахом Гефсиманского скита Исидором († 3 февраля 1908)²⁹, духовным отцом старца Варнавы. Пастырский облик и пути руководства епископа Антония и иеромонаха Исидора были различными, но именно их взаимодополнение и совокупность способствовали воцерковлению П. А. Флоренского. Епископ Антоний был исключительно образованным иерархом, он прекрасно знал светскую, особенно античную культуру, разбирался в науках, считал необходимым готовить особых апологетов, которые занимались бы миссионерством в секуляризованном обществе. Иеромонах Исидор был необразованный простец из крепостных крестьян, его характерные черты – исключительная терпимость и любовь, видение начатков естественного добра даже в нецерковной среде. Было и то, что единило обоих старцев и давало возможность их совместного руководства: глубокая церковность, духовная опытность и рассудительность, черты юродства.

П. А. Флоренский встречался также с схиигуменом Германом и другими старцами Зосимовой пустыни. Во время поездки в Оптину пустынь 7 сентября 1905 г. П. А. Флоренский в скиту беседовал со старцем Анатолием (Потаповым) на волновавшую его тему: «Спрашивал я у о. Анатолия насчет законности занятий философией и наукой и объяснил, что мой вопрос – по поводу предъявляемых мне тезисов: «философия или Христос!» О. Анатолий советовал познакомиться с

²⁸ Троице-Сергиева Лавра и Россия // *Священник Павел Флоренский*. Сочинения в четырех томах. Т. 2. М., 1996. С. 352–353.

²⁹ См.: Соль земли, то есть Сказание о жизни старца Гефсиманского скита иеромонаха Аввы Исидора, собранное и по порядку изложенное недостойным сыном его духовным Павлом Флоренским // *Священник Павел Флоренский*. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М., 1994. С. 571–637.

Епископ Антоний (Флоренсов)

Старец Варнава Гефсиманский

Старец Исидор Гефсиманский

Старец Анатолий (Потапов) Оптинский

П.А.Флоренский – гимназист 2-й Тифлисской гимназии. 1899 г.

П.А.Флоренский – студент Московского университета. Ок. 1904 г.

П.А.Флоренский – студент Московской духовной академии. 1908 г.

П.А.Флоренский – преподаватель МДА. Кон. 1908 – нач.1909 гг.

Иоанном Кронштадтским или написать ему свои вопросы; молиться при всяком деле и испрашивать благословения и призывать Василия Великого, Иоанна Златоустого и Григория Богослова, и еще Тихона Калужского. «Это помогает», – сказал он.

Ответ старца Анатолия был по-оптински мудр и опытен.

Одаренный Богом особыми дарами разума и ведения, П. А. Флоренский должен был не зарывать их из мнимого смирения и опрощения, а, облагодатствовав, принести сторицею Христу. Его пастырское служение Церкви должно было быть посвящено свидетельству Истины секуляризованному миру. И философия в этом свидетельстве должна не противостоять Христу, а быть «служанкой богословия». Не дав, казалось, прямого ответа, а только намеки, отец Анатолий побуждал П. А. Флоренского прийти к такому пониманию через собственный духовный опыт.

«Ответ» старца Анатолия мы находим в позднейших работах и лекционных курсах отца Павла: «Философия каждого народа до глубочайшей своей сущности есть раскрытие веры народа, из этой веры исходит и к этой же вере устремляется. Если возможна русская философия, то только – как философия православная, как философия веры православной, как драгоценная риза из золота – разума, и самоцветных камней – приобретений опыта, – на святыне Православия»³⁰.

«Философия высока и ценна не сама в себе, а как указующий перст на Христа и для жизни во Христе»³¹ (1914).

Святые – «стержень церковной жизни, носители церковного сознания, зрелый плод жизни в Церкви»³² (1915).

«Основная задача, которую нужно поставить мне, по свойствам моего образования, это по преимуществу «кафартика», т. е. очищение ума от ложных предпосылок и догматов современности, от ложной науки и ложной философии, чтобы чистым оком ума учащиеся научи-

³⁰ Приветственная речь на юбилейном чествовании А. И. Введенского, произнесенная 18 сентября 1911 г. // *Священник Павел Флоренский*. Сочинения в четырех томах. Т. 2. М., 1996. С. 191.

³¹ Вступительное слово пред защитой на степень магистра книги «О духовной Истине» (М., 1912), сказанное 19 мая 1914 г. // *Священник Павел Флоренский*. Сочинения в четырех томах. Т. 2. М., 1996. С. 142.

³² *Игумен Андроник*. Священник Павел Флоренский – профессор Московской духовной академии // *Московская духовная академия. 300 лет (1685–1985)*. Богословские труды. Юбилейный сборник. М., 1986. С. 235.

лись взирать на область духовную, благодатью открываемую. Могу заниматься я и другим, но в интересах дела, думаю, полезнее всего заниматься мне именно вышесказанным; я считаю, что вовсе не столь нужно научить системе того или другого философа, как выпрямить самые понятия и тем облегчить путь («уровнять пути») грядущему в душу Христу»³³ (1918).

Очевидно, что данные основополагающие мысли отца Павла – свидетельство глубокой укорененности его творчества в жизни Церкви.

В годы обучения в МДА характерным и определяющим для П. А. Флоренского было обращение к опыту народному. В Академии П. А. Флоренский подружился с С. С. Троицким, отец которого, протоиерей Симеон, служил в храме в честь Воскресения Христова в с. Толпыгино Костромской губернии (ныне Ивановская область). На каникулах друзья отправлялись в Толпыгино и помогали отцу Симеону в реставрации храма, проповедовали, организовали при храме библиотеку для крестьян, собирали народный фольклор³⁴.

С годами учебы в МДА связана и получившая широкую известность проповедь П. А. Флоренского «Вопль крови», которую он произнес в Покровском академическом храме 12 марта 1906 г. в неделю Крестопоклонную. В проповеди П. А. Флоренский призывал русских людей остановиться во взаимном кровопролитии и братоубийстве и, в частности, говорил, что смертная казнь заключенных в темнице является «человеческим предварением суда Божия», «делом безбожным» и продолжением братского кровопролития. Поскольку проповедь была произнесена после смертной казни лейтенанта П. П. Шмидта (6 марта 1906) и бесцензурно издана 21 марта, а в день произнесения проповеди, 12 марта, было составлено «Открытое обращение студентов МДА к архипастырям Русской Церкви», сергиево-посадский полицмейстер определил действия П. А. Флоренского как политическую акцию. 23 марта П. А. Флоренский вместе с издателем проповеди,

³³ *Игумен Андроник*. Священник Павел Флоренский – профессор Московской духовной академии // *Московская духовная академия. 300 лет (1685–1985)*. Богословские труды. Юбилейный сборник. М., 1986. С. 241.

³⁴ См.: *А. Кулигина*. П. А. Флоренский // *Православные священники – собиратели русского фольклора*. М., 2004. С. 212–236; *П. А. Флоренский*. Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского уезда. Издание Костромской губернской ученой архивной комиссии. Кострома, 1909.

студентом 3-го курса М. Пивоварчуком, был заключен в Московскую губернскую тюрьму на три месяца.

Но само священноначалие, столь резко критиковавшееся в проповеди и «Обращении...», отнеслось к П. А. Флоренскому со снисхождением и бережно. Ректор, епископ Евдоким, зная действительные устремления П. А. Флоренского, вступился за него, и на следующее после ареста утро послал митрополиту Московскому Владимиру предупредительную записку, а 25 марта направил московскому губернатору В. Ф. Дубасову письмо с ходатайством отменить или смягчить кару. К ходатайству ректора присоединился и Г. А. Рачинский, хорошо известный в высших культурных и аристократических кругах. В Страстной четверг, 30 марта 1906 г., благодаря этим ходатайствам и, вероятно, с согласия митрополита Московского Владимира, П. А. Флоренский и М. Пивоварчук были освобождены³⁵.

Впоследствии, в «Автобиографии» 1927 г., когда отцу Павлу было бы выгодно представить себя борцом с прежним режимом, он свидетельствовал, что им двигали не политические, а нравственные побуждения. Не участвовал П. А. Флоренский и в деятельности «Христианского братства борьбы», куда его приглашали тифлисские (В. Ф. Эрн, А. В. Ельчанинов) и московские (В. А. Свентицкий, С. Н. Булгаков) друзья.

П. А. Флоренский учился по всем предметам на отлично, а его семестровые сочинения: «Сочинение Оригена “Περὶ ἀρχῶν” как опыт метафизики», «О терафимах», «Священное переименование» – до сих пор сохраняют научно-богословское значение.

Кандидатское сочинение П. А. Флоренского «О религиозной Истине» (1908), которое стало ядром магистерской диссертации (1914) и книги «Столп и утверждение Истины» (1914), было посвящено путям вхождения в Православную Церковь. «Живой религиозный опыт как единственный законный способ познания догматов»³⁶ – так сам отец Павел выразил главную мысль книги, выстраданную жизнью. «Церковность – вот имя тому пристанищу, где умиряется тревога сердца, где усмиряются притязания рассудка, где великий покой нисходит в разум»³⁷. Книга «Столп...» написана как опыт теодицеи, т. е. оправ-

дания Бога от притязаний человеческого рассудка, находящегося в греховном, падшем состоянии.

В речи пред защитой магистерской диссертации 19 мая 1914 г. отец Павел говорил: «Разум перестает быть болезненным, т. е. быть рассудком, когда он познает Истину: ибо Истина делает разум разумным, т. е. умом, а не разум делает Истину истиною <...> Эта самоистинность Истины выражается, – как вскрывает исследование, – словом *ὁμοουσία*, единосущие. Таким образом, догмат Троичности делается общим корнем религии и философии, и в нем преодолевается исконная противоборственность той и другой»³⁸.

Самая глубокая оценка «Столпа...» принадлежит ректору Московской духовной академии епископу Феодору. «Как огласительное слово для стоящих “во дворе церковном”, – писал епископ Феодор, – а так просит смотреть на его книгу сам автор (5 стр.), книга выполнена прекрасно. Сделана полная апология христианской веры как единственной истины, и сделана тем путем и в той сфере мысли, в какой полагают последний резон всякой истины поклонники человеческого рассудка, и все сказано на родном для них языке рассудка, логики и философии. <...>

Как теодицея, книга отца Павла может удовлетворить самый требовательный вкус, изощренный в философии и богословии. Раскрывается вся премирная глубина христианства, его необходимость для человека, освещается светом христианства и уясняется им высший смысл жизни и бытия мира и все частное и основное в христианстве, с необыкновенной ясностью, выявляется в своем высшем смысле и единстве. Не знаю, есть ли на Западе что-либо подобное, но в русской литературе подобного опыта теодицеи нет, и в этом смысле книга отца Павла – явление исключительное. <...>

Как труд богословско-философский, книга автора от начала до конца православна. Автор ниспровергает господство в жизни рассудка и его претензии на монополию истины, утверждает духовный подвиг, утверждает и защищает Церковь, открывает ложь ересей древних и новых по их существу, осуждает “новое религиозное сознание” современной интеллигенции, хлыстовство, хилиазм, культ плоти; исповедуя

³⁵ См. об этом: Ныне и присно. Русский журнал для чтения. 2006, № 3/4. С. 171–177.

³⁶ *Священник Павел Флоренский*. Столп и утверждение Истины. М., 1914. С. 3.

³⁷ *Священник Павел Флоренский*. Столп и утверждение Истины. М., 1914. С. 5.

³⁸ Вступительное слово пред защитой на степень магистра книги «О духовной Истине» (М., 1912), сказанное 19 мая 1914 г. // *Священник Павел Флоренский*. Сочинения в четырех томах. Т. 2. М., 1996. С. 137.

грех как причину зла, он в благодати Святого Духа утверждает силу, преобладающую грех и обновляющую тварь. <...>

Книга отца Павла высоко научная; трудно сказать, в какой области научного знания автор не проявил себя специалистом в этой книге. Он прекрасно знает античную философию и античный мир; в совершенстве изучил новую философию, показал себя филологом и математиком, проявил громадную начитанность и в святоотеческой литературе, в литературе богословской, иностранной и русской. <...> Но автор везде остается свободным от подавляющего влияния этого научного багажа, он везде творец и хозяин. Читая книгу автора, чувствуешь, что вместе с ней растешь духовно, а не только приобретаешь знание в какой-нибудь области; да до нее и нужно дорасти, чтобы понять»³⁹.

Высокая оценка «Столпа...», данная епископом Феодором, одним из наиболее авторитетных православных богословов и духовных писателей начала XX в., конечно, не означает того, что «Столп...» Флоренского безупречен. Для самого отца Павла «Столп...» – лишь один из первых этапов богословского творчества, в котором он осмысливает, ради пользы других, пути своего прихода в Церковь. При этом отец Павел ценил не столько «пройденный путь, (который) делается уже ненужным», сколько цель пути: «Мне же, еже прилепятся Богу, благо есть, полагати о Господе упование спасения моего»⁴⁰. Православность «Столпа...», свидетельствованная епископом Феодором, относится не к догматической точности каждого положения книги, а к ее духу, к тому, к чему призывает книга.

Как автор «Столпа...» и ряда других работ, отец Павел завершил становление онтологической школы Московской духовной академии (протоиерей Феодор Голубинский – В. Д. Кудрявцев-Платонов – А. И. Введенский – архимандрит Серапион Машкин – священник Павел Флоренский). На основании защиты магистерской диссертации 19 мая 1914 г., священник Павел Флоренский был утвержден в степени магистра богословия и звании экстра-ординарного профессора Московской духовной академии. В 1914–1915 гг. за магистерскую

³⁹ *Епископ Феодор. <Рец. на книгу> «О духовной Истине. Опыт православной теодицеи» // П. А. Флоренский. Pro et contra. Антология. Изд. 2-е. СПб., 2001. С. 242–243.*

⁴⁰ Вступительное слово пред защитой на степень магистра книги «О духовной Истине» (М., 1912), сказанное 19 мая 1914 г. // *Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т. 2. М., 1996. С. 142.*

диссертацию «О духовной Истине» отец Павел был награжден премиями митрополита Московского Филарета и митрополита Московского Макария.

В 1908–1919 гг. отец Павел преподавал в Московской духовной академии историю философии. Тематика его лекций обширна: Платон и Кант, мышление еврейское и мышление западно-европейское, оккультизм и христианство, религиозный культ и культура и др. Отец Павел стремился выделять и развивать те моменты исторического процесса мысли, которые имеют особо важное значение для богословия, и указывал на религиозные следствия, содержащиеся в том или другом течении мысли.

Оценивая вклад отца Павла в историю философии, один из лучших знатоков античной культуры, А. Ф. Лосев, писал, что «Флоренский дал концепцию платонизма, по глубине и тонкости превосходящую все, что когда-нибудь я читал о Платоне. <...> Его имя должно быть названо наряду с теми пятью-шестью именами, которые знаменуют собой основные этапы понимания платонизма во всемирной истории философии вообще»⁴¹.

Исследования отца Павла направлялись к выяснению тех общечеловеческих корней платонизма, через которые он оказался связан с религией вообще и с философским идеализмом. В этом отец Павел был близок к традиции Климента Александрийского и таких отцов Церкви как: Афанасий Великий, Григорий Нисский, Иоанн Дамаскин, «Ареопагитики».

Священник Павел Флоренский был одним из наиболее талантливых и любимых студентами профессоров Академии.

Вот как вспоминал о нем С. А. Волков: «Как сейчас помню обстановку его первых лекций. Самая большая аудитория переполнена. Стоят в проходах, вдоль стен, сидят на подоконниках, толпятся около двери. И это – минут за десять до звонка. Но вот – звонок. Вскоре появляется Флоренский. Бочком пробирается, почти протискивается сквозь тесную толпу и выходит к столику перед студенческими скамьями. Сзади – большая доска (на кафедру Флоренский никогда не поднимался). Кругом толпа, настороженная, внимательная, сотнями глаз устремленная на лектора, сотнями ушей готовая ловить

⁴¹ *А. Ф. Лосев. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1930. С. 680.*

Священник Павел Флоренский со студентами Московской духовной академии.
1912 г.

Священник Павел Флоренский. 1912 г.

каждое его слово. Тишина. Я различаю, наконец, его фигуру. Среднего роста, слегка горбящийся, с черными волосами, падающими до плеч и слегка выющимися, с небольшой кудрявящейся бородкой и с очень большим, выдающимся носом. <...> Черная простая ряса и серебряный наперсный крест, как у рядового сельского священника. Никогда на нем я не видел магистерского креста. Движения как бы скованы, фигура чаще бывает полунаклонена, нежели выпрямлена. Наконец, голос звучит несколько глухо, и слова падают отрывисто. Не было в нем ни величественности позы жестов, ни эффектности звучания голоса, ни витийственной плавности фраз, чем щеголяли некоторые профессора. Речь лилась откуда-то изнутри, не монотонно, но и без риторических ухищрений и декламационного пафоса, не стремясь нарочито к красоте стиля, но будучи прекрасной по своему органическому единству, где содержание и форма сливались в нечто целостное». Его речь «можно было слушать часами без всякой усталости. И только потом, когда Флоренский кончил говорить и исчез, когда загудела пчелиным роем вставшая и тронувшаяся к выходу студенческая толпа, только тогда уж невольно почувствуешь, как закаменело все тело после непрерывного сидения и внимания в течение двух астрономических часов. <...> Дело в том, что Флоренский, несмотря на глуховатый тон голоса, живописал словами, и не только живописал, но и создавал некое музыкальное звучание в душе. Так что не только ум, но и все существо бывало очаровано им и покорено ему. Никогда я не слыхал такой речи, никогда ни у кого не читал, чтобы кто-нибудь из мыслителей говорил так»⁴².

Юношеская программа произвести синтез церковности и культуры отразилась и в журнале «Богословский вестник», редактором которого отец Павел был в 1912–1917 гг.

«Орган высшей Церковной школы, «Богословский вестник», самым положением своим призывается к неуклонному служению, методами и орудиями науки, интересам Святой Церкви. Раскрывать нетленные сокровища сокровищницы Истины и углублять понимание их в современном сознании, уяснять вечное и непреходящее значение церковности, показывать, что она есть не только момент и факт истории, но и непреложное условие вечной жизни – такова прямая, поло-

⁴² Последние у Троицы // С. А. Волков. Возле монастырских стен. М., 2000. С. 157–158.

жительная задача этого служения Церкви. Но положительная задача неизбежно связывается с задачей отрицательной – с борьбой против расхищения духовного достояния Церкви, с расчисткой церковных владений от всех чуждых природе ее сил, покушающихся на ее собственность и на самое ее существование»⁴³.

Если говорить о вкладе отца Павла в русскую философию и богословие, то необходимо помнить, что его самобытное, оригинальное творчество отмечено противоречивостью: оно несет на себе одновременно и печать времени, и проникновение вперед на многие десятилетия. На творчестве отца Павла отразилось его собственное постепенное духовное становление, и поэтому он сам никогда не претендовал ни на безошибочность и законченность своей мысли, ни на всеобщность признания, а подразумевал обсуждение, развитие, уточнение, исправление. Но, писал он, «я хотел именно Православия и именно церковности. Я хотел и хочу быть верующим сыном Церкви»⁴⁴.

Таинство Брака и семья

Для П. А. Флоренского путь к церковности лежал через тяжелые личные испытания. Духовник, епископ Антоний, не благословлял П. А. Флоренского принять монашество, а он не хотел жениться, боясь «на место Бога поставить на первый план семью». Из-за этого П. А. Флоренский не мог «привести в исполнение свои заветные планы – сделаться священником»⁴⁵. По воспоминаниям А. В. Ельчанинова, П. А. Флоренский в 1909 г. находился в состоянии «тихого бунта», и лишь молитвы духовника укрепляли его. И духовник не ошибся. П. А. Флоренский встретил девушку, с которой не только смог соединить свою жизнь, но которая впоследствии оказала большое духовное влияние на него самого. Это была Анна Михайловна Гиацинтова (р. 31 января 1889, Кутловы Борки – † 18 марта 1973, Москва), про-

⁴³ Игумен Андроник. Священник Павел Флоренский – профессор Московской духовной академии и редактор «Богословского вестника» // Богословские труды. Сб. 28. М., 1987. С. 303.

⁴⁴ Игумен Андроник. Священник Павел Флоренский – профессор Московской духовной академии и редактор «Богословского вестника» // Богословские труды. Сб. 28. М., 1987. С. 297.

⁴⁵ Иеродиакон Андроник. Основные черты личности, жизнь и творчество священника Павла Флоренского // Журнал Московской Патриархии. 1982. № 4. С. 15.

исходившая из крестьянской семьи Рязанской губернии. Обстоятельства, приведшие П. А. Флоренского к покорности духовнику, были необыденными.

«Я женился, – писал П. А. Флоренский, – просто потому, чтобы исполнить волю Божию, которую я усмотрел в одном знамении». Во время прогулки под начавшимся проливным дождем, на болоте, П. А. Флоренский в тоске и отчаянии плакал и не мог придти к определенному решению. «Я машинально, сам не помню зачем, нагнулся и захватил рукой какой-то листик. Поднимаю его и вижу, к удивлению своему, четырехлистный трилистник – “счастье”. Тут сразу ударила меня мысль (– и я почувствовал, что это не моя мысль –), что в этом знамении – воля Божия. При этом вспомнилось, что с самого детства я искал четырехлистный трилистник, ошаривал целые лужки, разглядывал множество кустиков, но, несмотря на все старания, не находил желанного»⁴⁶.

По воспоминаниям всех, близко знавших ее, Анна Михайловна являла исключительно высокий и светлый образ христианской супруги и матери. Ее простота, смирение, терпение, бодрость, верность долгу, глубокое понимание духовной жизни открывали современникам красоту и смысл подвига христианского брака. В семье отца Павла и Анны Михайловны было пятеро детей. Дети стали для отца Павла даром Божиим, ниспосланным для укрепления в самых тяжелых обстоятельствах. Ближко знавшая семью отца Павла в 1920-е гг. Е. К. Апушкина вспоминала: «Как хорош он был среди детей, мне в их семье в Сергиевом Посаде было так хорошо, словно я сама была маленькой девочкой. Еще не зная Анны Михайловны, я уже знала, как любит ее Павел Александрович. Он весь был полон ласки и нежности, когда произносил слово “Анна”. Помню раннее утро. У стола стоят Павел Александрович и Анна Михайловна. Его рука лежит на ее руке. Он посмотрел на меня с улыбкой и сказал: «Елена Константиновна, посмотрите, как я Анну ругаю». О, если бы все люди так ругались! Живя по несколько дней в семье Павла Александровича, я не слышала ни сердитых окриков, ничего плохого. Анна Михайловна стала для меня примером в жизни, в отношении к детям, к людям. Лучшего женского образа я не встретила в жизни».

⁴⁶ *Игумен Андроник. «Голубка бедная моя...» // Литературный Иркутск. 1989, октябрь. С. 14.*

Священник Павел Флоренский с супругой Анной Михайловной. Сергиев-Посад, 1911 г.

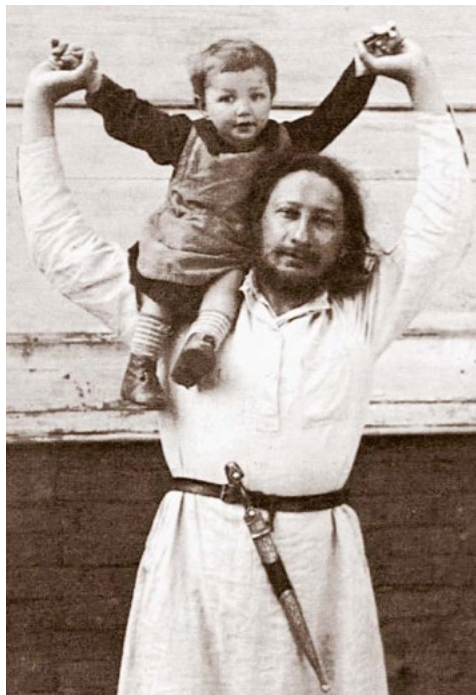
Священник Павел Флоренский с сыном Кириллом. 1925 г.

Анна Михайловна Флоренская с дочерью Ольгой. 1925 г.

Семья священника Павла Флоренского. Сергиев Посад, 1922 г. Слева направо: стоит – Анна Михайловна с сыном Михаилом Павловичем; сидят: священник П.А.Флоренский с Василием Павловичем (слева, старший сын), Кириллом Павловичем и Ольгой Павловной. 1926 г.

Священник Павел Флоренский с дочерью Марией-Тинатин (Тиночкой). 1926 г.

А. Ф. Лосев вспоминал о том, как ему однажды довелось в отсутствии отца Павла в Сергиевом Посаде ночевать у него дома: «Флоренский? <...> Человек тихий, скромный, ходивший всегда с опущенными глазами. <...> То, что он имел пять человек детей, кажется, противоречит отрешенности <...> Думаю, что наличие такого большого семейства должно озабочивать. Надо сказать, что у него была идеальная семья. Эти пятеро человек детей, – я сидел в гостиной на диване, Анна Михайловна что-то готовила, – баловались, но ни малейшего раздора я в течение почти часа не заметил. То пляшут, то играют. А старших нет никого. Дети вели себя идеально. Это я собственными глазами видел. Я и тогда удивлялся, и сейчас удивляюсь <...> Как так получилось, не знаю. Ведь родителей нет, один на работе, другая занята»⁴⁷.

Таинство Священства и пастырская деятельность

Таинство Брака не только совершенно обновило П. А. Флоренского, но открыло возможность принять таинство Священства. 23 апреля 1911 года ректор МДА епископ Феодор рукоположил П. А. Флоренского во диакона, а на следующий день – во священника.

О том, как благодатно воспринял П. А. Флоренский рукоположение в священный сан, свидетельствует его письмо В. В. Розанову 11 мая 1911 г.: «Все это время у меня, несмотря на усталость, на волнения, на тревогу за Анну (близко время ее), на кучу дел, – такой праздник звенит в душе, такое торжество, словно настал день 7-й, словно наступила Вечная Пасха. Какой-то невыразимый, неосызаемый, непонятный для меня самого внутренний мир низошел в душу, в сердце, во все тело. Внешне – я все тот же: и сержусь, и раздражаюсь, и недоволен. А в глубине души – достигнутое, завершённое, окончательное, словно свило гнездо свое и высиживает птенцов. Я вернулся к предкам, и теперь, за несколько дней этих, я так привык к своему положению (при полной, поразительной для всех неумелости в деле службы), к рясе, к алтарю, к престолу, ко всему, что ни есть в церкви, что мне диким и непонятным кажется: как же это было раньше, – не верится, чтобы могло быть иначе. Вся психология перевернулась. Вы поймите, Василий Васильевич, что это значит – почувствовать на

⁴⁷ А. Ф. Лосев. Имя. СПб., 1997. С. 496–497.

себе руку епископа, непосредственно соединенного, телесно, физически с другим епископом... с апостолами, с Самим Христом. Ведь на себе чувствуешь не иносказательно, а буквально руку Христа Самого. Впрочем, все это рассуждения. А факт тот, что посвящение, самый акт возложения руки ошеломил меня (дважды), ударил в пот, довел почти до потери сознания окружающей обстановки и дал что-то новое: *ens realissimus* для меня, *ens quasi nihil* – для других»⁴⁸.

Первоначальное служение отец Павел проходил в храме в честь Благовещения Пресвятой Богородицы (в 2,5 км к северо-западу от Лавры) как сверхштатный священник. Когда вследствие различных препятствий бытового характера служение там оказалось затруднено, отец Павел стал служить в Покровском академическом храме. Но его искренним желанием было полнокровное приходское служение, конечно, трудно совместимое с академической деятельностью. В это время в Сергиевом Посаде было только что открыто Убежище (приют) престарелых сестер милосердия Красного Креста. Почетной председателем Совета стала Великая княгиня Елизавета Феодоровна, которая принимала самое непосредственное участие как в устройстве Убежища, так и во всех его делах. Узнав о «бесприходном» положении отца Павла от его ученика священника Евгения Синодского, который служил в Московской Марфо-Мариинской обители, Великая княгиня Елизавета Феодоровна пригласила отца Павла к себе для знакомства. 19 мая 1912 г. отец Павел служил в храме Марфо-Мариинской обители литургию, встречался с отцом Митрофаном Сребрянским и Великой княгиней Елизаветой Феодоровной. Тогда, вероятно, ею и было принято решение назначить отца Павла настоятелем домового храма Сергиево-Посадского Убежища в честь равноапостольной Марии Магдалины. Это было одобрено духовником отца Павла епископом Антонием, к советам которого прибегала и Великая княгиня Елизавета Феодоровна. В домовом храме во имя равноапостольной Марии Магдалины отец Павел служил со всеобщей под праздник Воздвижения Честного Креста Господня 1912 г. до закрытия Убежища 17 (4) мая 1921 г.

Начальницей Убежища престарелых сестер милосердия Великая княгиня Елизавета Феодоровна назначила Н. А. Киселеву (1859 –

⁴⁸ *Игумен Андроник (Трубачев)*. Таинство Священства в судьбе о. Павла Флоренского // *Ныне и присно*. Русский журнал для чтения. 2006, № 3/4. С. 96.

† 9 мая 1919), происходившую из петербургской купеческой семьи. Н. А. Киселева, которая была старше отца Павла на 22 года, а Анны Михайловны на 29 лет, по-матерински заботливо опекала их семью. В дальнейшем Великая княгиня Елизавета Феодоровна не раз встречалась с отцом Павлом и Анной Михайловной, просила советов отца Павла по иконописанию, интересовалась его творчеством.

С 26 января по конец февраля 1915 г. отец Павел был командирован «для исполнения пастырских обязанностей при походной церкви санитарного поезда Черниговского дворянства», который был снаряжен по инициативе Великой княгини Елизаветы Феодоровны. Наряду с церковными службами, отец Павел дежурил как обыкновенный санитар. Вероятно, в связи с этой поездкой, к 25-летию юбилею принятия Великой княгиней Елизаветой Феодоровной Православия, 15 февраля 1916 г. священник Павел Флоренский был награжден правом ношения знака Красного Креста.

Кроме этого, за годы священнослужения он был награжден следующими церковными наградами: 26 января 1912 г. – набедренник; 4 апреля 1913 г. – бархатная фиолетовая скуфия; 6 мая 1915 г. – камиллавка; 29 июня 1917 г. – наперсный крест.

Протоиерей Сергей Булгаков вспоминал: «Однако все, что может быть сказано об исключительной научной одаренности отца Павла, как и об его самобытности, в силу которой он всегда имел слово свое, как некое откровение обо всем, является все-таки второстепенным и несущественным, если не знать в нем самого главного. Духовным же центром его личности, тем солнцем, которым освещались все его дары, было его священство. В. В. Розанов, который однажды узнав отца Павла, затем не мог уже от него оторваться, как от источника жизни, <...> в качестве самого существенного его определения сказал: «Он есть ιερεὺς» (именно по-гречески), священник. И это было именно так»⁴⁹.

По воспоминаниям архиепископа Сергия (Голубцова, † 1982), богослужения, совершавшиеся отцом Павлом, запомнились ему на всю жизнь, поразили глубокой одухотворенностью, красотой и благоговением. Отец Павел особенно ценил правильный темп, церковность чтения; намеренную выразительность он не терпел. Он «служил

⁴⁹ *Протоиерей Сергей Булгаков*. Священник о. Павел Флоренский // П. А. Флоренский. *Pro et contra*. Антология. Изд. 2-е. СПб., 2001. С. 394.

тихо, слова произносил медленно». С особой проникновенностью и вниманием совершал отец Павел таинство Крещения; заклинательные молитвы «он читал не вообще, а обращаясь непосредственно к заклинаемым духам злобы. Впечатление было такое, что он физически чувствовал их»⁵⁰.

Современников поражало, как дар священства, став средоточием личности отца Павла, преобразил все его способности и силы: телесные, душевные, духовные и умственные.

По воспоминаниям протоиерея Сергия Булгакова, отец Павел «извне был скорее нежного и хрупкого сложения, однако обладал большой выносливостью и трудоспособностью, отчасти достигнутой и огромной аскетической тренировкой. Я был свидетелем этой его аскетической самодисциплины, как и его трудового научного подвига: обычно он проводил ночи за работой, отходя ко сну лишь в 3–4 часа пополуночи, но при этом сохраняя всю свежесть ума в течение дня, и то же можно сказать и о его пищевом режиме. И все это было в нем не только голосом его духовной стихии, но и делом железной воли и самообладания. Слабый от природы, в те годы, когда я знал о нем <...>, он, насколько я помню, вообще никогда не болел, ведя жизнь, исполненную аскетических лишений»⁵¹.

Отец Павел производил впечатление необычайной «силы, себя знающей и собою владеющей», которая заключалась в даре проникновения в суть вещей. Но эта сила сдерживалась в общении с людьми «полной простотой, естественностью и всяческом отсутствии внутренней и внешней позы»⁵². «Я помню, как я был изумлен, – вспоминает об отце Павле студент МДА С. А. Волков, – когда при первой встрече на мой простой и вежливый поклон он ответил чисто монашеским, почти поясным, низким поклоном. Я остолбенел. Потом мои друзья монахи, которым я рассказал о своем впечатлении, разъяснили мне, что это – его обычная манера кланяться»⁵³.

⁵⁰ *Игумен Андроник (Трубачев)*. Священник Павел Флоренский – профессор Московской духовной академии и редактор «Богословского вестника» // Богословские труды. Сб. 28. М., 1987. С. 294.

⁵¹ *Протоиерей Сергий Булгаков*. Священник о. Павел Флоренский // П. А. Флоренский. Pro et contra. Антология. Изд. 2-е. СПб., 2001. С. 392.

⁵² *Протоиерей Сергий Булгаков*. Священник о. Павел Флоренский // П. А. Флоренский. Pro et contra. Антология. Изд. 2-е. СПб., 2001. С. 393.

⁵³ Последние у Троицы // С. А. Волков. Возле монастырских стен. М., 2000.

В воспоминаниях современников отца Павла сохранились свидетельства о тех особых случаях из их жизни, когда Бог подавал им через отца Павла благодатную помощь.

Н. О. Лосский, который начал возвращаться в Церковь во многом под влиянием книги «Столп и утверждение Истины», присланной ему отцом Павлом, очень хотел встретиться с ним. Однажды в 1915 г., возвращаясь домой из университета, он застрял в сломавшемся лифте и чуть не погиб. «Вскоре я был в своем кабинете. Потрясение не проходило: я продолжал ходить по комнате и с волнением думал о том, что могло бы произойти. Внезапно раздался звонок – и вошел отец Павел Флоренский. Он уходил на фронт армейским священником. Наша беседа продолжалась не более чем полчаса и носила отвлеченный характер. Когда Флоренский ушел, я вспомнил минувшую опасность уже с полным хладнокровием. Пережитый ужас мог бы вызвать нервное заболевание, однако приход отца Павла сгладил переживания – я был исцелен.

Следующий случай относится к 1922 г. Наша семья проводила лето в Царском селе. Там же жил в то время С. Лукьянов – профессор патрологии и бывший прокурор Священного Синода <...> В разговоре со мною С. Лукьянов сокрушенно заметил, что страшные злодеяния большевистской революции уничтожили в нем любовь к жизни. Одно письмо к П. Флоренскому С. Лукьянов начал с того, что он больше не хочет жить. С. Лукьянов не дописал это письмо и не отослал по адресу, ибо вскоре сам получил письмо Флоренского, в котором последний увещевал его не терять волю к жизни, словно отец Павел каким-то сверхъестественным путем узнал о настроении С. Лукьянова»⁵⁴.

«Как-то вечером, – вспоминала Е. К. Апушкина, – сидя в столовой, я была грустна, у меня тогда были сильные головные боли. Павел Александрович заметил это и спросил, что со мной? Он тогда <1925 г.> недавно вернулся с Кавказа и привез оттуда какое-то вино. Он пошел в свой кабинет и вернулся с маленьким стаканчиком, в котором было налито вино, немного больше половины, и угостил меня со словами: “Вот, выпейте и ложитесь спать, и голова пройдет”. С тех пор никогда не болит у меня голова, даже когда при гипертонии сильно, до 200 с небольшим, поднимается давление».

⁵⁴ Н. О. Лосский. История русской философии. М., 1954. С. 181.

Сын художника П. Я. Павлинова, П. П. Павлинов, вспоминал: «Это было в очень морозные дни, во время похорон Ленина. Трамваи в то время не ходили. Павел Александрович и Павел Яковлевич пошли домой из ВХУТЕМАСа пешком, и путь был очень долгий. Мой отец был высокого ранга военный. Он был шифровальщиком и много курил. Отец зашел в турецкую лавочку, чтобы купить папиросы. Павел Александрович был одет очень легко, но не вошел в лавку. Там была очередь, и Павел Яковлевич несколько раз выходил к Павлу Александровичу, приглашая его погреться, но он так и оставался на улице. Когда пришли домой, Павел Яковлевич положил коробку папирос на стол и больше никогда не курил. Он стал спрашивать: “Павел Александрович, Вы что-нибудь сделали, что я не хочу курить?”» По молитвам отца Павла, П. Я. Павлинов больше никогда не курил.

Творческие интуиции, прозрения и опознания отца Павла были тесно связаны с благодатным опытом его священнослужения. О некоторых из них он свидетельствовал в своих сочинениях.

Духовный смысл пчелы, как вестницы иного мира, стал предельно ясен для отца Павла, когда он во время воскресной литургии 2 ноября 1914 г. забыл помянуть на проскомидии своего друга Сергея Троицкого в день памяти его кончины († 2 ноября 1910).

«Это животное <пчела> и само близко к поминанию душ, с древности оно признавалось, ввиду этого, животным хтоническим, а в народной – всех стран и времен – символике и метафизике, имеющей глубокие мистические основания, понималось как образ, как манифестация, как явление самой души. В одних случаях она была напоминанием о душе, в других – органом проявления души, в третьих – самое явление ее мыслилось духовным явлением, без грубого материального носителя, и, наконец, иногда признавалось или бывало так, что сама душа временно принимала или просто вообще имела образ этого “пророческого животного”. <...>

Однако мне хотелось бы, может быть, больше для себя самого, сделать попытку закрепить в слове один из опытов такого рода, скромных, но зато наверно не выдуманных и известных во всех житейских подробностях. Однажды я служил литургию в домовая церкви Убежища сестер милосердия Красного Креста в Сергиевском Посаде. Это было <2 ноября> 191<4> г. Обе двойные рамы были заклеены, да и вообще круглый год они почти все время бывали закрыты, а сообще-

ние с улицей этой церкви, находившейся на третьем этаже, возможно было только через лестницы и много дверей. Совершая проскомидию, я почему-то, вероятно, опоздав к службе, весьма торопился и потому не стал читать своего обычного помянника и ограничился только именами самых близких родных. Затем служба шла своим чередом до момента омовения Честною Кровию поминальных частиц. Когда пришло время этому действию и были произнесены слова молитвы: «Отмый, Господи, грехи поминавшихся зде Кровию Твоею Честною, молитвами святых Твоих», – к моему величайшему изумлению, около престола появилась в воздухе пчела и закружилась около Чаши, суживая круги и настойчиво стараясь проникнуть в Чашу. Отмахиваясь от нее, я прикрыл Чашу воздухом и, как полагается, стал переносить Чашу с престола на жертвенник. Пчела сопровождала ее неотступно, ударяясь о мою голову, пока, наконец, не запуталась в моих волосах, так что я еле успел поставить Чашу на жертвенник, и тогда вычесал пчелу из волос. Но тут она так же внезапно исчезла, как неожиданно и появилась; предпринятые после службы поиски не обнаружили ее присутствия, хотя я несколько не сомневаюсь в вещественности этой пчелы, несмотря на трудность понять, откуда она могла взяться, особенно в такое время года. Впрочем, я не собираюсь утверждать <...>, что эта пчела не вывелась в одном из посадских ульев. А дело вот в чем: когда пчела появилась, и до самого момента ее исчезновения, моя голова вовсе не была свободна размышлять о времени года и о возможности или невозможности для этой гостьи влететь в алтарь сквозь двойные заклеенные рамы. Ничего о ней не думая и только машинально отмахиваясь, я, однако, получил толчок к острому внутреннему вниманию, не умственному, а более глубокому, следить за этим существом. Оно сразу почувствовалось как “животное пророческое”: неспроста, не без духовного знаменования кружит она около Чаши, она хочет вкусить от Честной Крови, да, именно хочет, ищет причаститься, но почему? Неужели только из-за винного запаха? В одном из нижних этажей сознания проходили мысли. А в тот момент, когда она исчезла, я сразу понял, – в чем дело, или, точнее, в тот момент, когда само собою сверкнуло твердое и внутренне непреклонное знание о пчеле, она скрылась, словно растаяла, словно улетела по перпендикуляру к каждой прямой нашего пространства, проходящей через точку ее местоположения. Знание же было то, что эта пчела напоминает, являет, есть душа моего умершего – убитого друга С<ергея>

Троицкого, знание совершенно бесспорное, самоочевидное, непосредственное усмотрение. Тогда быстро пронеслось несколько мыслей, что бы это могло значить, и легко было сообразить (это соображение уже не было интуицией) – сообразить, что сегодняшний день – память С. Т., и что я забыл именно в этот день помянуть его, хотя поминал обычно. Тогда, хотя и запоздало, я все же вынул за него частицу. Таково личное восприятие пчелы-души»⁵⁵.

29 апреля 1917 г. скончался один из ближайших друзей отца Павла – В. Ф. Эрн. Отец Павел предугадал кончину своего друга, когда на следующий день служил воскресную всенощную. При этом ему открылся и духовный смысл жизни В. Ф. Эрна.

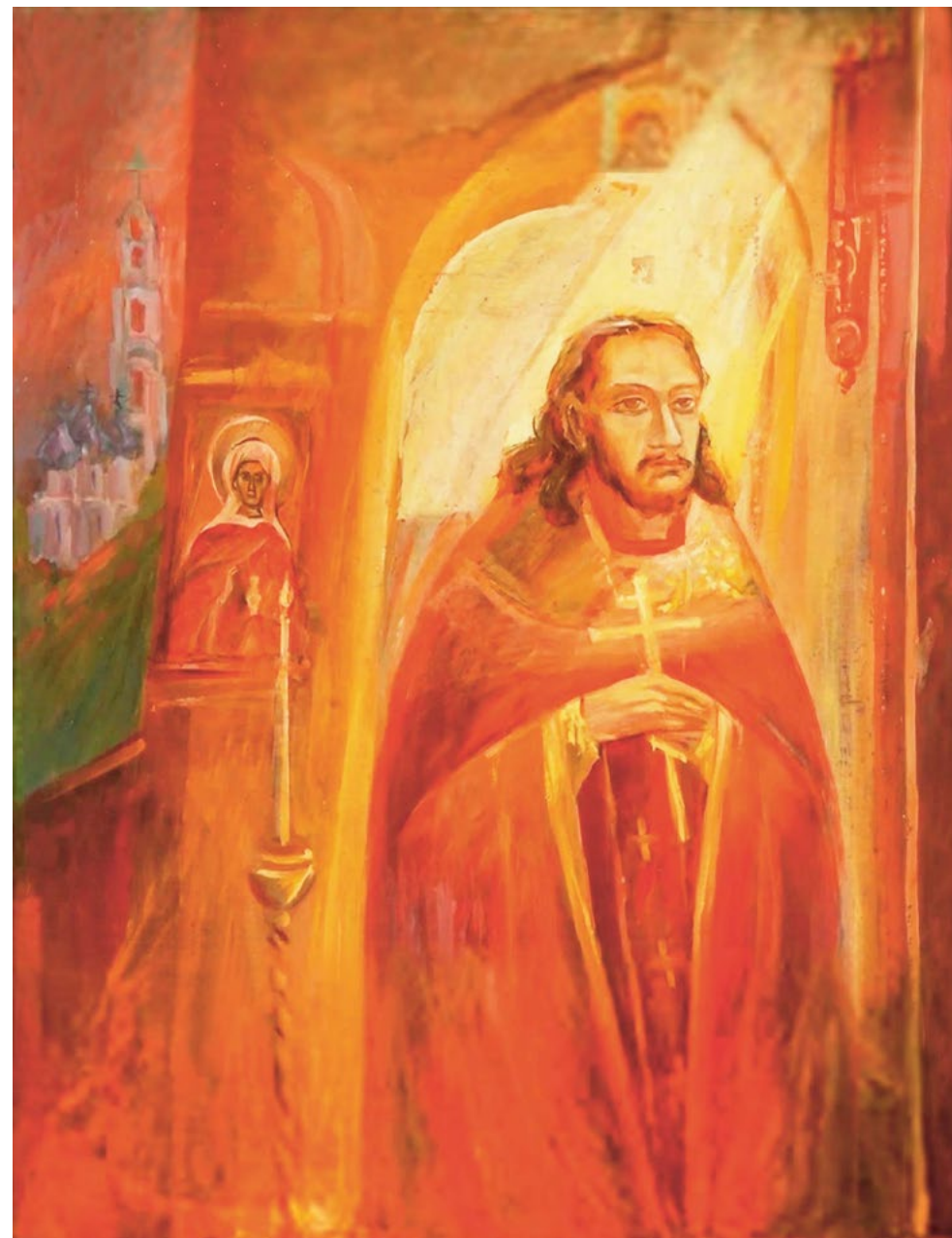
«В субботу 29-го апреля текущего 1917 г. я служил воскресную всенощную у себя в церкви Красного Креста. Запели стихиры на “Господи, воззвах”, и тут нашло на меня странное состояние, внешнее как будто оцепенение что ли, и временное забвение всего, что было кругом. Сколько длилось это оцепенение, я не знаю, – вероятно, недолго, потому что до окончания стихир я уже пришел в себя и заметил, что мои глаза мокры от слез. Внутренне оно было и полно содержания, и как бы длительным». – Отцу Павлу представился тогда ряд ярких образов, в которых открылась жизнь его друга В. Ф. Эрна и его внутренняя готовность перейти в горний мир. «Вернувшись домой после службы и некоторых дел, я прочел полученную в мое отсутствие телеграмму, поданную 29-го в 5 часов 23 минуты: “Эрн умер”»⁵⁶.

Эти описания свидетельствуют, что в основе творчества отца Павла – не отвлеченные кабинетные размышления, а глубокие переживания благодатного опыта Церкви.

«Священство отца Павла, – писал протоиерей Сергей Булгаков, – не имело для себя примеров в истории русской интеллигентской общественности. Последняя еще знает отдельные случаи принятия священства, связанного с переходом в католичество в аристократическом и светском конвертитстве, но отнюдь не в сермяжном, мужицком православии. Можно сказать, что отец Павел своим примером впервые проложил этот путь в наши дни именно для русской интеллигенции, к которой он исторически, конечно, все-таки принадлежал, хотя всегда

⁵⁵ *Священник Павел Флоренский. Философия культа. М., 2004. С. 283–285.*

⁵⁶ Памяти В. Ф. Эрн // *Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т. 2. М., 1996. С. 347, 351.*

Священник Павел Флоренский. Картина в Доме-музее Павла Флоренского в Сергиевом Посаде на Вифанской ул., 2

и был свободен от “интеллигентщины”, враждовал с нею. Он, своим рукоположением, фактически делал ей известный вызов, конечно, вовсе о том не думая. По этому же пути, но уже после отца Павла, пошли люди известного духовного и культурного склада. Они идут с ним и вслед за ним, сами то сознавая, а иногда и не сознавая. До сих пор священство являлось у нас наследственным, принадлежностью “левитской” крови, вместе и известного психологического уклада жизни, но в отце Павле встретились и по-своему соединились культурность и церковность, Афины и Иерусалим, и это органическое соединение само по себе уже есть факт церковно-исторического значения»⁵⁷.

Вокруг отца Павла сложился круг друзей и знакомых, которые стремились направить блестящую, но разноликую русскую культуру нач. XX века в ограду Церкви (епископ Феодор, Ф. К. Андреев, С. Н. Булгаков, В. Ф. Эрн, А. В. Ельчанинов, М. А. Новоселов, Вл. А. Кожевников, Ф. Д. Самарин, С. А. Цветков, Е. Н. Трубецкой, Г. А. Рачинский, П. Б. Мансуров, Л. А. Тихомиров, А. С. Мамонтова, Д. А. Хомяков, протоиерей Иосиф Фудель). Бывало, что некоторые известные деятели культуры, которые стали далеки от Церкви (В. В. Розанов, Вяч. Иванов, А. Белый), обращались к отцу Павлу как единственному возможному для них посреднику с Богом, могущему утешить их душевные язвы.

В. В. Розанов, едкий в своих оценках, тем не менее писал об отце Павле: «Это – Паскаль нашего времени. Паскаль нашей России, который есть, в сущности, вождь всего московского молодого славянофильства, и под воздействием которого находится множество умов и сердец в Москве и в Посаде, да и в Петербурге. Кроме колоссального образования и начитанности, горит самым энтузиазмом к истине. Знаете, мне порою кажется, что он – святой: до того необыкновенен его дух, до того исключителен... Я думаю и уверен в тайне души, – он неизмеримо еще выше Паскаля, в сущности, в уровень греческого Платона, с совершенными необыкновенностями в умственных открытиях, в умственных комбинациях или, вернее, в прозрениях»⁵⁸.

Первым проложив интеллигенции дорогу к православному священству, отец Павел явился связующим звеном между духовенством

⁵⁷ *Протоиерей Сергей Булгаков*. Священник о. Павел Флоренский // П. А. Флоренский. Pro et contra. Антология. Изд. 2-е. СПб., 2001. С. 394–395.

⁵⁸ *Игумен Андроник*. Священник Павел Флоренский – профессор Московской духовной академии и редактор «Богословского вестника» // Богословские труды. Сб. 28. М., 1987. С. 304.

и образованным обществом, искавшим духовной опоры в Церкви. Многих отец Павел обратил к вере, многих предостерег и удержал от гибельного пути.

Отношение к революции и советской власти⁵⁹

Революция не явилась неожиданностью для отца Павла. Более того, он много писал о духовном кризисе возрожденской цивилизации, в которую была вовлечена Россия, часто говорил о надвигающемся крушении России из-за потери духовных и национальных устоев.

Будучи апологетом самодержавной власти помазанника, что он засвидетельствовал в ряде работ, в том числе после 1917 г., отец Павел подчеркивал разницу между идейными убеждениями касательно лучшего государственного устройства и жизненным принятием тех политических условий, в которых приходится существовать. Принуждение помазанника Божия к отречению от власти, данной ему Богом, и как следствие этого греха – падение самодержавия, воспринималось отцом Павлом в качестве события гораздо более эпохального, катастрофического, чем целый ряд последующих политических переворотов, хотя они должны были быть тягостны и скорбны для верующих людей.

Так, еще 30 июля 1917 г. в письме к наследнице имения Абрамцево А. С. Мамонтовой отец Павел писал: «Все то, что происходит кругом нас, для нас, разумеется, мучительно. Однако я верю и надеюсь, что, исчерпав себя, нигилизм докажет свое ничтожество, всем надоест, вызовет ненависть к себе и тогда, после краха всей этой мерзости, сердца и умы уже не по-прежнему, вяло и с оглядкой, а наголодавшись, обратятся к русской идее, к идее России, к Святой Руси. Все то, что Вам дорого в Абрамцево, воссияет с силой, с какой оно никогда еще не сияло, потому что наша интеллигенция всегда была на 1/2, 1/3, 1/4 и так далее нигилистичной, и этот нигилизм надо было изжить, как надо бывает болезни пройти через кризис. Я уверен, что худшее еще впереди, а не позади, что кризис еще не миновал. Но я верю в то, что кризис очистит русскую атмосферу, даже всемирную атмосферу, испорченную едва ли не с XVII века»⁶⁰.

⁵⁹ См.: *Игумен Андроник*. Февральская революция и Октябрьский переворот // Энтелехия. Кострома, 2000, № 2. С. 54–66.

⁶⁰ *Священник Павел Флоренский*. Сочинения в четырех томах. Т. 2. М., 1996. С. 409.

«Хотя в порядке личного сочувствия, мне не может быть не жаль людей, попадающих в связи с вопросами религии в тяжелые условия, но в порядке историческом считаю для религии выгодным и даже необходимым пройти через трудную полосу истории, и не сомневаюсь, что эта полоса послужит религии лишь к укреплению и очищению»⁶¹.

Не раз отец Павел высказывал свое мнение о том, что установление советской власти имеет закономерный и необратимый до времени характер, а потому следует принять все то, что она с собой несет, за исключением безбожия.

Один из его учеников, А. Архангельский, писал отцу Павлу 14 ноября 1934 г.: «От Вас всегда исходило влияние, так сказать лоялизирующее, и хоть редко мы виделись, очень редко, но помню это впечатление от бесед о том, что происходит то, чему должно. Вы первый сказали мне, чуть ли не под гром пушек Октября, что советский строй – это, без сомнения, не шутка и надолго. А некоторые думали иначе».

Фактически, еще до слов Патриарха Тихона, «я решительно осуждаю всякое посягательство на советскую власть, откуда бы оно не исходило» (1923), до его Обращения 1925 г., где говорилось: «Пора понять верующим христианскую точку зрения, что судьбы народов от Господа устроятся, и принять все происшедшее как выражение воли Божией» (1925), до декларации митрополита Сергия 1927 г. отец Павел своим образом действий, а также и в пастырском руководстве встал на эту, оправданную историей, точку зрения.

Данные убеждения привели отца Павла на позиции действительной политической лояльности к советской власти при непрекращавшемся идейном противостоянии насаждавшейся безбожной идеологии.

Конечно, нельзя представлять дело так, будто отец Павел был столь наивен, что не сознавал, какие трудности и бедствия ему могут предстоять при происшедшем общественном перевороте. Наоборот. Фигура известного священника, профессора Московской духовной академии и редактора крупнейшего богословского журнала не могла не вызвать самых различных, в том числе злобных, оценок в обществе, где только что формально было провозглашено отделение Церкви от государства, а на деле начато одно из самых жестоких и планомерных гонений на верующих во Христа, вплоть до их полного физического

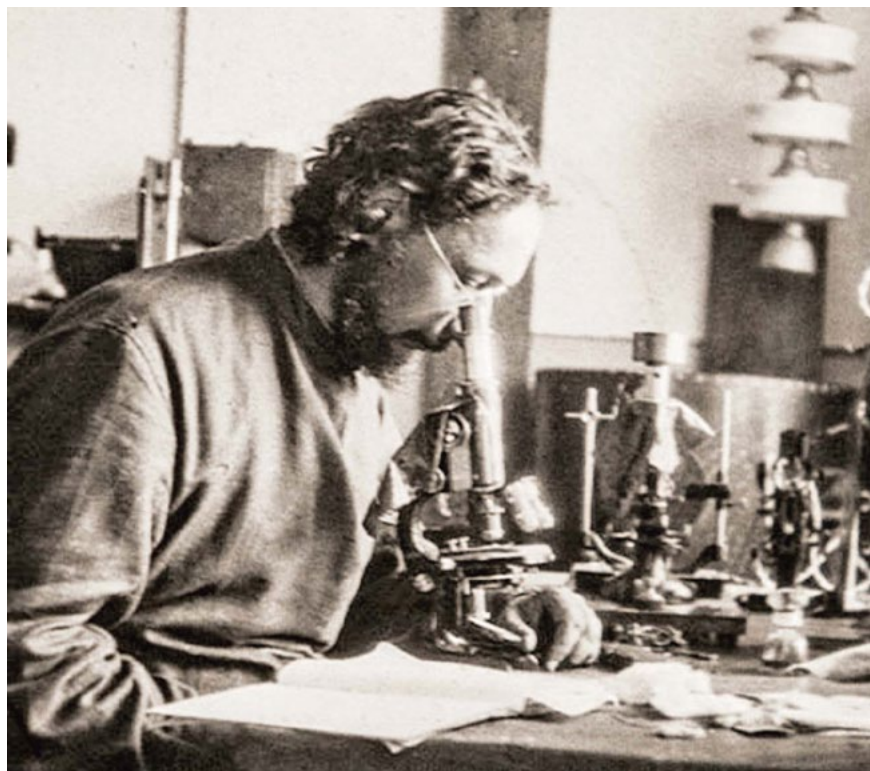
⁶¹ П. А. Флоренский. Автобиография <1927> // Наше наследие. 1988. № 1. С. 76.

уничтожения «как контрреволюционного класса». «Завещание...», начатое отцом Павлом 11 апреля 1917 г., убеждает в том, что он предвидел и грядущие испытания России, и свою судьбу.

Почему же отец Павел не эмигрировал вместе со значительной частью русской интеллигенции и духовенства? Думается, лучший ответ на это дал протоиерей Сергей Булгаков, вполне испытавший горечь насильственного изгнания: «Сам уроженец Кавказа, он нашел для себя обетованную землю у Троицы Сергия, возлюбив в ней каждый уголок и растение, ее лето и зиму, ее весну и осень. Не умею передать словами то чувство Родины, России, великой и могучей в судьбах своих, при всех грехах и падениях, но и в испытаниях своей избранности, как оно жило в отце Павле. И, разумеется, это было не случайно, что он не выехал за границу, где могла, конечно, ожидать его блестящая научная будущность и, вероятно, мировая слава, которая для него и вообще, кажется, не существовала. Конечно, он знал, что может его ожидать, не мог не знать, слишком неумолимо говорили об этом судьбы Родины, сверху донизу – от зверского убийства царской семьи до бесконечных жертв насилия власти. Можно сказать, что жизнь ему как бы предлагала выбор между Соловками и Парижем, но он избрал... Родину, хотя то были и Соловки, он восхотел до конца разделить судьбу со своим народом. Отец Павел органически не мог и не хотел стать эмигрантом в смысле вольного или невольного отрыва от Родины, и сам, он и судьба его – есть слава и величие России, хотя вместе с тем и величайшее ее преступление»⁶².

Обширную и многостороннюю деятельность отца Павла в 1920-е гг. для удобства обзора можно распределить на три направления: церковное служение, работа в государственных учреждениях и религиозно-философское творчество. Это деление во многом условно. Отец Павел всегда и везде нес служение Церкви Божией. Это выразилось и в том, что до своей первой ссылки в Нижний Новгород (лето 1928 г.), и даже в ссылке, он всегда носил подрясник, в том числе и на работе в государственных учреждениях, тем самым открыто свидетельствуя, что он – православный священник. После 1928 г., получив запрет на ношение подрясника и не желая одевать светский костюм, отец Павел на работе во Всесоюзном электротехническом институте (ВЭИ) носил удлиненную русскую рубаху и сапоги, но, когда это было

⁶² Протоиерей Сергей Булгаков. Священник о. Павел Флоренский // П. А. Флоренский. Pro et contra. Антология. Изд. 2-е. СПб., 2001. С. 398.

Священник Павел Флоренский. Москва. Отдел материаловедения ГЭИ. 1925 г.

Священник Павел Флоренский (в верхнем ряду третий справа) среди сотрудников Лаборатории материаловедения ГЭИ на Гороховской улице в Москве. 1928 г.

1-я Всесоюзная конференция по электроизоляционным материалам. Москва, 1929 г. Священник Павел Флоренский в нижнем ряду первый справа

Священник Павел Флоренский с супругой Анной Михайловной и сыном Михаилом. 1932 г.

Церковное служение

возможно, облачался в духовную одежду (сохранились фотографии отца Павла в подряснике на кладбище в 1930 г.). Но приверженность отца Павла духовному одеянию определялась не только каноническими требованиями, но и тем, как он сам понимал свое служение.

Записи из дневника отца Павла 29 июня ст. ст. 1920 г.: «Из убеждений своих ничем никогда не поступаться. Помни, уступка ведет за собою новую уступку и так – до бесконечности».

23 сентября ст. ст. 1921 г.: «Сегодня в аудитории №1 читал доклад “Вычисление градиента на витках обмотки трансформаторов”. Большую часть своего времени я посвятил вступлению – о недостаточности дифференциального уравнения, этого универсального орудия математики XVIII и XIX веков <...> Далее в двух <минутах>, за неимением времени, я изложил суть своего метода. Все это было так поспешно, что у меня осталось впечатление, что никто ничего не понял, и я ничего толком не сказал, и визуальное <?> я был сконфужен. Но, видимо, моя молитва к преп. Сергию, которого я просил помочь мне – не ради моего самолюбия, а ради Церкви, чтобы не смотрели на духовенство презрительно, помогла. После уже мне говорили, будто мое чтение произвело впечатление и “вызвало фурор”. Дай-то, Господи! Мне не нужна слава, она меня и внутренне, и внешне только стесняет, но ведь в Академию я пошел ради соединения светского общества с духовным, желая войти в духовное, как представитель светского, а теперь в рясе я выступаю, желая войти в светское, как представитель общества духовного – и потому слава эта есть слава Божия, и я, все что <с> помощью Божией заработано, повергаю Господу на Его усмотрение, как добычу, как ловитву, ради каковой Господь и посылает меня на делание. С трансформаторами может быть вытаску Господу хоть одну душу!»

1921.IX.24. Канун Сергиева дня <...>.

«Сегодня подходил инж. NN и, выразив удивление на соединение рясы и математики, сказал, что он послал куда-то корреспонденцию о сем казусе. <...>».

27 сентября ст. ст. 1921: «Моя подготовка <к чтению лекций в Высших художественно-технических мастерских> заключалась, как и почти всегда в последнее время, в том, что я помолился, вверив себя предстательству Божией Матери и святых – преп. Сергия, свят. Николая и других, надев под подрясник свой священнический крест и положив несколько поклонов, пошел на лекции».

Отец Павел не являлся членом Всероссийского Поместного Церковного Собора, но он был привлечен к работе двух отделов Собора.

«Подотдел об афонском движении, связанном с почитанием имени Божия» консультировался с отцом Павлом как с экспертом через С. Н. Булгакова. Вероятно, в связи с этим отец Павел в конце 1917 г. – нач. 1918 г. составил проект текста для нового послания об имени Божием.

19 и 22 марта 1918 г. «Соборный отдел о духовно-учебных заведениях» официально пригласил отца Павла принять участие в работах Отдела как его сотрудника для разработки вопроса о типе пастырских училищ (вместо семинарий). Кроме того, для т. н. Классической комиссии отец Павел 9 января 1918 г. составил «Тезисы <о классическом образовании>».

Участие отца Павла как сотрудника в работе Поместного Собора свидетельствует, что высшая Церковная власть высоко ценила его ученую и педагогическую деятельность.

Внешние обстоятельства сложились так, что после закрытия 17 (4) мая 1921 г. своего сергиево-посадского храма отец Павел не имел собственного прихода, но продолжал служить как неприходский священник в других церквях Сергиева Посада (Пятницкой) и Москвы (храмы во имя пророка Илии «Обыденного», «Всех скорбящих радость» на Зубовском бульваре, «Неопалимой купины», во имя святителя Николая, «что на курьих ножках», в Донском, Даниловском и Петровском монастырях).

Известны проповеди и чтения отца Павла в московских храмах в 1920-е гг., а также его пастырская поддержка таких выдающихся деятелей науки и культуры, как: И. Огнев, Н. Е. Жуковский, В. В. Розанов, А. Ф. Лосев, Д. Ф. Егоров, Н. Н. Лузин, В. А. Фаворский, И. С. Ефимов, Н. Я. Симонович-Ефимова, В. А. Комаровский, П. Я. Павлинов, А. С. Голубкина, М. В. Юдина, М. А. Волошин.

Вот как И. Н. Денисюк вспоминал отпевание и проводы «отца русской авиации», всемирно-известного ученого и своего учителя Н. Е. Жуковского: «Н. Е. Жуковский умер 17 марта 1921 г. Я и еще один студент добыли шасси от самолета на аэродроме в Ходынке и привезли его в день похорон в МВТУ. Жуковского в храме МВТУ отпевал отец Павел Флоренский. После отпевания гроб вынесли и поставили

на шасси. Я еще с одним студентом повезли гроб. За нами в священническом облачении шел отец Павел, и далее вся процессия. Сначала гроб повезли к дому Жуковского в Большом Харитоньевском переулке. У дома отец Павел отслужил литию. Далее последовали к храму святой Татьяны в Московском Университете. Перед храмом отец Павел тоже отслужил литию. Затем процессия последовала в Донской монастырь, где перед могилой он отслужил панихиду. Зрелище процессии во главе со священником в облачении было в то время совершенно необычным для Москвы» (воспоминания И. Н. Денисюка в апреле 1990 г.).

Известные духовной опытностью старцы и пастыри с глубоким уважением отзывались в 1920-е гг. об отце Павле. С. П. Раевский, сомневавшийся, стоит ли ему устраиваться на работу в лабораторию отца Павла в ГЭЭИ, получил от старца Алексия (Соловьева) ответ: «Это великое счастье, если Вы будете работать под руководством отца Павла».

В начале 1920-х годов, после кончины епископа Антония (Флоренсова; † 20 февраля ст. ст. 1918), отец Павел сближается с преподобным протоиереем Алексием Мечевым († 1923). Е. К. Апушкина вспоминает и о связи отца Павла с сыном отца Алексия, священномучеником Сер-

Святой праведный Алексей Мечев и его сын священномученик Сергей Мечев

гием: «На исповеди на Маросейке отец Сергей Мечев часто журил меня за что-нибудь и говорил: “А разве отец Павел велит так делать?!”»

«Это время революции, – писал отец Павел в «Завещании» 26 июня 1919 г., – было так тяжело, как только можно было себе представить; было – и есть, и Бог знает, сколько еще продлится. Эпидемические болезни, голод, невероятная дороговизна, бесправие, возможность всякого насилия – все, что только можно представить себе тяжелого, не отсутствовало кругом нас. Но милосердие Божие, Покров Пречистой Девы и помощь преподобного Сергия, а также молитвы иеромонаха Исидора и епископа Антония, а может быть, – и архимандрита Пимена – не оставляли нас, и великим чудом – мы не терпели недостатка, хотя по человеческому разумению должны были бы тысячу раз умереть от голода, холода и болезней, а также претерпеть все виды насилий»⁶³.

В 1917–1919 гг. Московская духовная академия еще продолжала существовать в стенах Троице-Сергиевой Лавры. Затем она продолжила полуофициальное существование в Москве, сначала в Даниловском, затем в Петровском монастырях и на частных квартирах. Отец Павел был в числе тех немногих профессоров, кто не оставил Академию в 1920-е гг. Сохранился целый курс лекций отца Павла в МДА под названием «Культурно-историческое место и предпосылки христианского миропонимания» за 1921 год. 8 сентября 1924 г. священник Павел Флоренский подал Святейшему Патриарху Тихону прошение об освобождении его от руководства занятиями студентов МДА. Причиной этого прошения формально явились столкновения с ректором протоиереем Владимиром Страховым, который, как писал отец Павел, «только полупризнается ради мира, а на самом деле подлежит расследованию после изгнания Преосвященного Феодора». По существу же прошение было подано, вероятно, потому, что для отца Павла стало затруднительно находиться в среде либерально-обновленческой профессуры.

Но прошение отца Павла не было удовлетворено, т.к. он продолжал рецензировать кандидатские сочинения студентов МДА в 1925–1926 гг. Рецензии были даны также им на некоторые работы студентов Высших богословских курсов в Ленинграде, которые возглавлял протоиерей Николай Чуков. Тот факт, что отец Павел даже в 1924 г. не считал для себя возможным прекратить преподавание

⁶³ Священник Павел Флоренский. Детям моим... М., 1992. С. 441–442.

в Академии без благословения Святейшего Патриарха Тихона (хотя официально МДА уже и не существовала, и сам отец Павел в то время работал одновременно в нескольких государственных учреждениях), говорит о его чрезвычайной церковной ответственности и канонической дисциплине. О его взаимоотношениях со Святейшим Патриархом Тихоном в те годы можно судить по следующему письму отца Павла от 22 февраля ст. ст. 1924 года: «Этот вечер с понедельника на вторник был кануном памяти еп<ископа> Антония. В среду утром я был в Донском и служил панихиду с Патриархом, который меня узнал и очень ласково и даже радостно поздоровался со мною»⁶⁴.

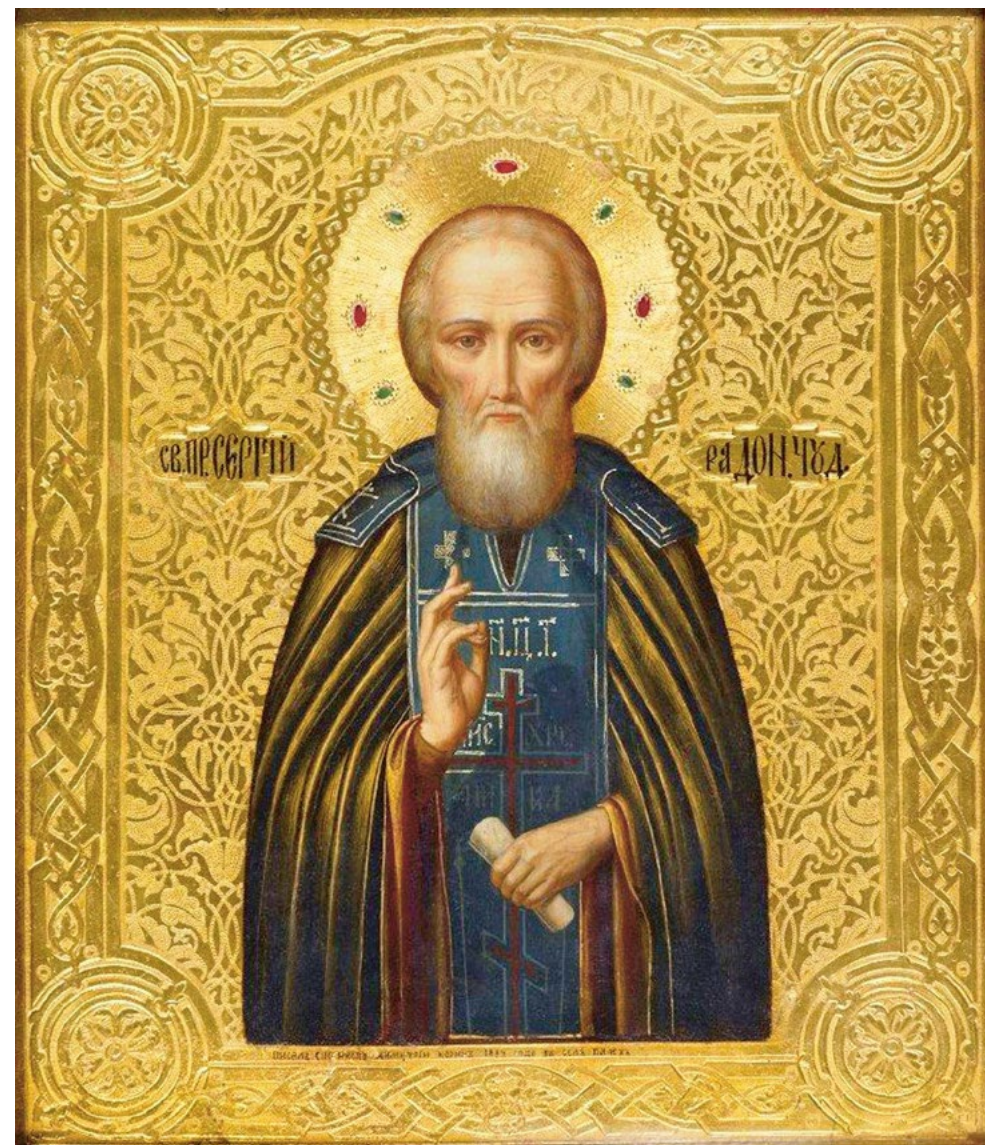
С церковно-педагогической деятельностью отца Павла связано также чтение им в Москве с 21 мая по 19 июня 1918 г. курса лекций под названием «Очерки философии культа».

«Основной задачей курса, – говорилось в газетном сообщении, – было установить величайшую важность культа (таинств, богослужения, обрядов) для Православия. К культу церковному и его основе и центру – Божественной Евхаристии – восходят все святыни жизни, мысли и дела христианские. Из культа исходит все, что затем обмирщается в культуре: философия, наука, формы общественности, искусство. Культ (и его основа – таинство Причащения) – есть священная и единственная основа для живой мысли, творчества, общественности. Поэтому бедами грозят Православию те богословские системы, которые уклоняются от признания центрального значения таинств, богослужения и символов-обрядов для Церкви, жизни и философии».

Интерес к лекциям отца Павла в Москве был столь большой, что вскоре ему вновь предложили прочитать подобный курс. Хотя это не осуществилось, но отец Павел неоднократно в 1920-е гг. проводил в Москве отдельные беседы и лекции, посвященные вопросам церковной жизни и критике обновленчества.

Особым церковным послушанием отца Павла в эти годы было сокрытие главы преподобного Сергия Радонежского. С осени 1919 г. Наркомат юстиции, а также местная власть, несмотря на протесты Святейшего Патриарха Тихона, неоднократно ставила вопрос о вывозе мощей преподобного Сергия из Троице-Сергиевой Лавры «в один из

⁶⁴ *Игумен Андроник*. Священник Павел Флоренский – профессор Московской духовной академии // *Московская духовная академия. 300 лет (1685–1985). Богословские труды. Юбилейный сборник*. М., 1986. С. 242.

Преподобный Сергий Радонежский.
Икона 1889 г.

московских музеев». Осуществить эту кощунственную акцию было поручено М. Галкину 30 марта 1920 г. Из-за боязни народного возмущения М. Галкин принял решение перенести эту акцию на более поздний срок. Но опасность уничтожения мощей преподобного Сергия продолжала сохраняться.

Братия была выселена из Лавры еще 3 ноября 1919 г. и не имела доступа к опечатанным храмам. Святейший Патриарх Тихон и наместник Лавры архимандрит Кронид обратились за помощью к отцу Павлу Флоренскому и Ю. А. Олсуфьеву. Являясь членами Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры, они имели право входить как в Троицкий собор, так и во все подсобные помещения. Поскольку целиком мощи было невозможно сокрыть, было принято решение сокрыть главу преподобного Сергия, которую заменили на сходный череп одного из князей Трубечких из подклетий Троицкого собора. Глава преподобного Сергия была затем перенесена в дом Ю. А. Олсуфьева в Сергиевом Посаде.

В 1928 г. П. А. Голубцов (впоследствии архиепископ Новгородский Сергей) перенес главу в Люберцы, где в то время стал жить Ю. А. Олсуфьев. В 1941–1945 гг. глава преподобного Сергия хранилась под престолом храма в честь Владимирской иконы Божией Матери в с. Виноградово у старца схиархимандрита Илариона, в 1946 г. была возвращена в открывшуюся Троице-Сергиеву Лавру⁶⁵.

Из отрывочных, но очень существенных данных за 1918–1924 гг. очевидно, что отец Павел находился не только в полном каноническом, но и в административном подчинении Святейшему Патриарху Тихону.

Отец Павел не вышел из канонического подчинения митрополита Сергия, даже тогда, когда большая часть его друзей оказалась в иосифлянском расколе или в среде различных «непоминающих» оппозиций. По словам Н. Н. Андреевой, отец Павел говорил, что «в современной Церкви так много совершается нарушений древних канонических правил, что “Декларация” митрополита Сергия является, может быть, не таким уж большим отступлением». На вопрос П. А. Голубцова (впоследствии архиепископа Сергия), как надо относиться к митрополиту Сергию, отец Павел ответил: «Лучше грешить с эпохой, нежели, отой-

⁶⁵ См.: *Игумен Андроник. Судьба главы преподобного Сергия // Журнал Московской Патриархии. 2001, № 4. С. 33–52; Митрополит Волоколамский Питирим. Русьходящая. Рассказы митрополита. М., 2004. С. 149–150.*

дя от греха эпохи, сказать: “Я не таков, как прочие!”» Преодоление расколов и обособлений, по мысли отца Павла, находится не в самоутверждении своего пути, как единственно истинного, а в покаянии, взаимном доверии и устремленности сознания ко Христу.

Работа в государственных учреждениях

С 22 октября 1918 г. по май 1920 г. отец Павел входил в Комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры, подчинявшуюся музейному отделу Наркомата просвещения. Он был назначен ученым секретарем Комиссии и хранителем ризницы Лавры. Кроме него в Комиссии по охране Лавры состояли: Ю. А. Олсуфьев, И. Е. Бондаренко, Н. Д. Протасов, М. В. Боскин, П. Н. Каптерев, Т. Н. Александрова-Дольник, С. Н. Дурьлин (впоследствии священник), С. П. Мансуров (впоследствии священник), М. В. Шик (впоследствии священник).

Главная опасность состояла в том, что национализированные ценности Лавры могли быть уничтожены или безвозвратно утрачены для Церкви.

В связи с этим отец Павел писал Святейшему Патриарху Тихону: «Ваше Святейшество, Милостивый Архипастырь и Отец. Будучи приглашены в Комиссию по охране и реставрации Лавры, мы испрашиваем благословение Вашего Святейшества на предстоящее, полное величайшей ответственности, дело, а чтобы иметь право просить о благословении, – считаем долгом своим объяснить, как понимаем выдачу серебра прав<ительству> – по декрету. С 30-го окт<ября> нов<ого> стилия Лавра стала достоянием Комиссар<иата> Нар<одного> Просв<еще-ния>. Следовательно, речь может быть не о том, что отнимут у Церкви из Лавры, ибо все отнято, но, скорее, о том, что удастся сохранить для Церкви на том или ином косвенном основании. Основная задача Комиссии – не дать ничему уйти за пределы Лаврских стен и по возможности сохранить строй Лаврской жизни. К этой основной задаче присоединяется другая, сама по себе второстепенная, но тем не менее делающая возможным осуществление первой, – направить реставрационные работы в наиболее безобидную для Церкви сторону»⁶⁶.

⁶⁶ *Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т. 2. М., 1996. С. 761–762.*

Философ и ученый П. А. Флоренский – служитель России. Художник Р. В. Биценко

В результате деятельности Комиссии было описано огромное историко-художественное богатство Лавры и спасено от разграбления церковное и национальное достояние неизмеримой духовной и материальной ценности⁶⁷. Комиссия подготовила условия для издания и осуществления Декрета Совета Народных Комиссаров «Об обращении в музей историко-художественных ценностей Троице-Сергиевой Лавры» от 20 апреля 1920 г., который в то время имел принципиальное положительное значение для сохранения Лавры. Если бы Комиссия не добилась того, чтобы ценности Троице-Сергиевой Лавры были обращены в музейные, то они, как уже изъятые из ведения Церкви, были

⁶⁷ См.: Трубочева М. С., <Трубочев А. С.>. Из истории охраны памятников в первые годы советской власти. Комиссия по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой Лавры в 1918–1925 гг. // Музей. Сб. 5. М., 1984.

бы распроданы и разворованы, а церкви и здания Лавры – полностью перестроены или уничтожены. Именно к этому были направлены призывы большинства членов межведомственной Комиссии по ликвидации Лавры, заседавшей 25–28 января 1920 г. Вот, например, высказывание члена ВЧК Г. Я. Розенталя, входившего в ликвидационную комиссию: «Я утверждаю, что Троице-Сергиева Лавра – это гнойник на теле Советской России, который необходимо так или иначе отсечь»⁶⁸.

Работая в Комиссии по охране Троице-Сергиевой Лавры, священник Павел Флоренский одним из первых в мировой практике развивал идею «живого музея», требуя сохранения каждого предмета в той среде и связях, при которых он возникает и живет. Отстаивая идею живого музея, отец Павел считал необходимым для Церкви и духовной культуры России сохранить, именно как действующие, монастыри Троице-Сергиеву Лавру («явление русской идеи») и Оптину пустынь («могучий соборный в России возбудитель духовного опыта»), и делал для этого то, что было тогда ему возможно. Конечно, в условиях 1920-х и тем более последующих годов попытка сохранить монастыри как живые очаги духовной культуры – с признанием за их современными насельниками творческой преемственности и родства с их духовными предками – была обречена, но это была жертвенная попытка, исполненная любви и благодарности к истинным стражам духовной культуры. Однако время подтвердило истинность мысли и усилий отца Павла. Именно благодаря работе в Комиссии по охране Лавры отцу Павлу вместе с Ю. А. Олсуфьевым удалось 30 марта 1920 г. сокрыть главу преподобного Сергия.

1 августа 1921 г. священник Павел Флоренский был утвержден профессором печатно-графического факультета Высших художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС). В течение трех лет отец Павел читал во ВХУТЕМАСе курс лекций под названием «Анализ перспективы», переработанный затем в монографию «Анализ пространственности <и времени> в художественно-изобразительных произведениях» (1924–1925). В период зарождения и расцвета различных противокультурных течений (футуризма, авангардизма, конструктивизма, техницизма) отец Павел вместе со своими единомышленниками – В. А. Фаворским и П. Я. Павлиновым, отстаивал ценность и значимость общечеловеческих

⁶⁸ Следственное дело Патриарха Тихона. Сб. документов. М., 2000. С. 565.

Портрет религиозного философа Павла Александровича Флоренского (1882–1937).
1910 г. Государственная Третьяковская галерея.
Художник Н. Я. Симонович-Ефимова (1877–1948)

Портрет о. Павла Александровича Флоренского (1882–1937). 1924 г.
Художник В. А. Комаровский (1883–1937)

форм культуры, наполненных духовным смыслом. Деятель культуры, учил отец Павел, призван раскрыть существующую духовную реальность. Другой взгляд, согласно которому художник и вообще деятель культуры сам организует, что хочет и как хочет, субъективный и иллюзионистический взгляд на искусство и на культуру, в конечном итоге ведет к обесмысливанию и разрушению культуры и человека.

Отец Павел указывал на ущербность линейной перспективы как художественного метода изображения пространства и ввел понятие «обратной перспективы», имеющей особое значение в иконописи. Деятельность отца Павла во ВХУТЕМАСе подверглась острой критике со стороны т. н. конструктивистов и идеологов «Левого фронта искусств» (ЛЕФ). Недаром В. Маяковскому приписывалась заборная «кричалка»: «Во ВХУТЕМАСе – поп Флоренский в рясе!»

В эти же годы отец Павел участвует в деятельности «Московского института художественных изысканий и музееведения» (1920), сотрудничает с Союзом художников и поэтов «Маковец» (1921–1926).

Осенью 1920 г. отца Павла пригласили работать в московское отделение завода «Карболит» в качестве консультанта, а впоследствии – заведующего испытаниями продукции завода и заведующего научно-техническими исследованиями. ВСНХ РСФСР поручил в то время заводу «Карболит» изготовление изоляторов высокого напряжения для строившихся электростанций. Убедившись в исключительных способностях отца Павла, его вскоре пригласили работать в отдел электротехнической промышленности ВСНХ РСФСР (Главэлектро), которым в то время руководил В. В. Куйбышев. В конце 1921 г. особым постановлением Совета труда и обороны был учрежден Государственный экспериментальный электротехнический институт (ГЭЭИ, с 1927 г. – ВЭИ). При промышленном отделе ГЭЭИ была создана лаборатория испытания материалов, выросшая затем в самостоятельный отдел материаловедения ГЭЭИ. П. А. Флоренский осуществлял руководство отделом материаловедения в 1922–1933 гг. С середины 1920-х гг. работы отца Павла сосредотачиваются в области электротехники и прикладной физики⁶⁹.

Из научных работ того времени выделяются обобщающим характером книги «Диэлектрики и их техническое применение» (1924),

⁶⁹ См.: П. А. Флоренский. Вопросы электроматериаловедения во Всесоюзном электротехническом институте (ВЭИ) // «Социалистическая реконструкция и наука». 1932. Вып. 8.

«Карболит. Его производство и свойства» (1928), «Курс электротехнического материаловедения» (1932), статьи в «Технической энциклопедии» (1927–1933).

За 1926–1933 гг. П. А. Флоренским было подано в Комитет по изобретательству более 50 заявок и заявочных свидетельств, из которых лишь малая часть получила оформленное свидетельство на изобретение. Причиной этого было нежелание власти признать научные заслуги ученого, облеченного в священный сан.

«В научном облике отца Павла, – писал протоиерей Сергей Булгаков, – всегда поражало полное овладение предметом, чуждое всякого дилетантизма, а по широте своих научных интересов он является редким и исключительным полигистром, всю меру которого даже невозможно определить за отсутствием у нас полных для этого данных. Здесь он более всего напоминает титанические образы Возрождения: Леонардо да Винчи и др., может быть, еще Паскаля, а из русских же – больше всего В. В. Болотова»⁷⁰.

Авторитет отца Павла как ведущего специалиста в области электротехники был столь велик, что после ссылки 1928 г. он не только продолжал возглавлять отдел материаловедения, но и был назначен помощником директора ВЭИ К. А. Круга по научной части (1930), избран в члены президиума бюро по электроизолирующим материалам Всесоюзного энергетического комитета (1931), включен в Комиссию по стандартизации научно-технических обозначений, терминов и символов при Совете Труда и Обороны СССР (1932). Отец Павел участвовал в Первой (1929) и Второй (1931) Всесоюзных конференциях по электроизолирующим материалам.

Многочисленные изобретения и открытия отца Павла Флоренского в различных областях науки и техники имели важное значение в развитии народного хозяйства страны и укреплении ее обороноспособности. Но кроме конкретных изобретений П. А. Флоренскому принадлежит целый ряд эвристических идей, которые позволяют по-новому взглянуть на целые области знания и техники.

Так, еще в 1919–1933 гг., П. А. Флоренский описывает сконструированный им «новый математический прибор», явившийся прототипом современного компьютера. В статье 1925 г. «Запасы мировой энер-

⁷⁰ Протоиерей Сергей Булгаков. Священник о. Павел Флоренский // П. А. Флоренский. Pro et contra. Антология. Изд. 2-е. СПб., 2001. С. 393.

гии» П. А. Флоренский не только описывает «внутреннюю энергию атомов, выделяющуюся при распадении атомов на электроны», но и ставит вопрос о таких источниках энергии (энергия движения Луны и Земли, внутренняя теплота Земли, энергия пространства), которые еще не осмыслены даже современной наукой. Отец Павел, насколько это было возможно в советском журнале 1925 г., ставил вопрос о технических, нравственных и онтологических последствиях «взрыва материи», атомной реакции.

Он высказывал опасение в том, какова будет судьба Земли, если появятся деятели, способные «вызвать или ускорить разложение материи», т. е. атомную реакцию⁷¹. В воспоминаниях дочери, О. П. Трубачевой, сохранились такие слова отца Павла, относящиеся к периоду 1925–1932 гг.: «Я бы мог изобрести оружие, которое завоевало бы весь мир, – (он сжал кулаки, желваки заходили так, когда скрипят зубами), – но я не буду этого делать, нет, не буду». Это был своеобразный диалог с теми, кто хотел военным путем добиться мирового господства.

Осторожность в использовании атомной энергии была не только следствием чрезвычайной нравственной ответственности отца Павла как ученого и священника в одном лице. Она коренилась также в его учении конкретного реализма, единства духа и плоти (материи), в его понимании окружающей человека среды как пневмосферы⁷². Разрушая материю, человек разрушает не просто вещество, а вещество, сотворенное Творцом, «проработанное» духом человека по образу и подобию Божия творческого акта и вовлеченное в круговорот духовной культуры.

В связи с работой в системе Наркомпроса и ВСНХ, а также потому, что его личность вызывала интерес, отцу Павлу приходилось встречаться с целым рядом государственных, партийных и общественных деятелей, открыто враждебных или чуждых Церкви. Рассказы о таких встречах носят преувеличенно-легендарный характер и по существу сообщают лишь удивление высокопоставленного чиновника, что ему пришлось общаться с «ученым попом», который руководит советским научным учреждением и при этом еще ходит в подряснике.

В воспоминаниях современников встречаются короткие рассказы или упоминания о встречах отца Павла с А. Луначарским, Н. Троцкой,

⁷¹ См.: П. А. Флоренский. Запасы мировой энергии // «Электрификация». 1925. № 1.

⁷² См.: Переписка В. И. Вернадского и П. А. Флоренского // Новый мир. 1989. № 1.

Священник Павел Флоренский. 1923 г.

В. Куйбышевым, Л. Троцким, Н. Бухариным. Не исключено, что отец Павел мог также видаться с Г. Кржижановским, Ф. Дзержинским (с Л. Каменевым и И. Церетели он был знаком по учебе во 2-й Тифлисской гимназии). Ни о какой дружбе или даже близком общении с этими лицами речи быть не могло.

Однако своим высоким нравственным и научным авторитетом отец Павел свидетельствовал о том, что культура и наука не противоречат и не опровергают религию, как это пытались внушить атеисты, а должны служить указующим перстом ко Христу. «Вера определяет культ, а культ – миропонимание, из которого далее следует культура», – писал отец Павел о своих взглядах в 1927 г. в энциклопедии «Гранат»⁷³.

Религиозно-философское творчество в 1918–1920-е гг.

После издания книги «Столп и утверждение Истины» (1914) отец Павел начал разработку тем антроподицеи («оправдание человека») – т. е. философского обоснования идеи совершенства и разумности человека при его наличной греховности.

В отличие от теодицеи «Столпа...», антроподицея не замысливалась как единое произведение. Тематику антроподицеи составили: 1) «Чтения о культе» (1918–1922); 2) «У водоразделов мысли» (1919–1926); 3) ряд работ, посвященных философии искусства и культуры, из которых важнейшие – «Иконостас» (1919–1922), «Анализ пространственности <и времени> в художественно-изобразительных произведениях» (1924–1926). Рассматривая три основных вида человеческой деятельности (сакральную, хозяйственную и мировоззренческую), отец Павел показывает онтологическое первенство сакральной деятельности – религиозного культа как единства небесного и земного, умного и чувственного, духовного и телесного, Бога и человека («Чтения о культе»). Оставаясь замкнутыми в культуре, мы будем вынуждены принимать ее всю целиком, и должны тогда обожествить ее и считать культуру критерием всякой ценности, а в ней должны обожествить себя как деятелей и носителей культуры. Культура ядром своим и корнем имеет религиозный культ, а потому в деятельности литургической отец Павел видел критерий и сердцевину всей деятель-

⁷³ Флоренский П. А. <Автореферат> // Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М., 1994. С. 39.

ности человека вообще, которая подчинена единой цели – очищению человека от грехов для жизни вечной.

В целом ряде работ 1920-х гг. отец Павел развивает мысль о том, что культ человека (человекобожие), не ограниченного в деятельности и правах высшими, надчеловеческими духовными ценностями, неизбежно приводит в области культуры к разрушительному смешению добра и зла, в области искусства – к культу крайнего индивидуализма, в области науки – к культу оторванного от жизни знания, в области хозяйства – к культу хищничества, в области политики – к культу личности. Отец Павел отстаивал перед секуляризованным миром существенную необходимость Православной Церкви и духовную значимость православной культуры как лучшего выражения общечеловеческих ценностей. Без такого осмысления невозможно было бы в 1920-е и последующие годы бороться за физическое сохранение монастырей, храмов, икон и утвари для последующей жизни Церкви.

Задача культуры – борьба с законом падшего мира, который отец Павел определял как закон энтропии, всеобщего уравнивания, смерти – Хаос. Миру противостоит закон эктропии, жизни – Логос. Культура свою задачу может осуществить, только раскрывая высшие себя ценности религиозного культа. Совершенно очевидно, что отец Павел в доступной для того времени форме на философском языке говорит о том, что в борьбе Христа (Логос) и антихриста (Хаос) культура должна быть на стороне Христа.

Промыслом Божиим основные работы по тематике антроподицеи отец Павел писал тогда, когда то, что Церковь определяла как грех и зло, стало нормой общественных отношений. Общественно-политический переворот, острим своим направленным против религии и веры в Бога вообще и против Русской Церкви в особенности, заставлял осмыслить, почему духовное богатство, изобиловавшее в Церкви, оказалось ненужным и даже враждебным расцерковленному обществу. Вследствие этих обстоятельств, антроподицея отца Павла Флоренского была не только религиозно-философским осмыслением путей спасения человека, но и ответом вызовам общества, удалившегося от Бога и Церкви.

В 1920-е гг., в самый разгул кампании по вскрытию мощей и изъятию и уничтожению икон, отец Павел пишет работу «Иконостас», в которой показывает духовную связь между святым и его мощами и иконой. В работах «Иконостас» (1919–1921) и «Обратная перспектива»

(1919) отец Павел убедительно доказывал онтологическое превосходство иконы над светской живописью и ее общекультурную ценность. В ответ на массовые переименования городов, улиц и даже личных имен и фамилий, особенно связанных с историей Церкви, целью чего было приведение народа к историческому и религиозному забвению, отец Павел пишет работу «Имена» (1922–1925). В этой работе раскрывается духовный смысл наименования, как выявления сущности личности и предмета, как способа познания законов духовной реальности.

Аресты, лагеря и мученическая кончина

Систематическая травля, которой отец Павел подвергался в течение 15 лет (1918–1933) за свою культурную и научную деятельность, может быть понята и оценена только в связи с тем, что конечный смысл этой деятельности был религиозный или, как тогда писали, «идеалистический», и эта деятельность справедливо оценивалась в лагере воинствующего безбожия как продолжение служения Церкви.

Уже 18 декабря 1919 г. Наркомат юстиции поручил Сергиевскому политбюро установить «тщательное наблюдение» за Флоренским. В январе 1920 г. Комиссия по охране Лавры, ученым секретарем которой он являлся, была расформирована, а ее деятельность представлена как контрреволюционная попытка создания «Православного Ватикана».

Следующим поводом для критики явилось преподавание во ВХУТЕМАСе: Флоренский обвинялся в создании «мистической и идеалистической коалиции» с В. А. Фаворским.

Наиболее жестокой и антинаучной травле отец Павел был подвергнут за истолкование им теории относительности в книге «Мнимости в геометрии» (М., 1922)⁷⁴. В этой знаменитой книге отец Павел, исходя из специальной теории относительности и положений римановой геометрии выводит возможность конечной Вселенной. Хотя с точки зрения чистой математики этот вывод был «некорректен», книга отца Павла находилась в русле новейших достижений науки того времени. Религиозно-философское значение этого вывода состояло в том, что Земля рассматривается не случайной пылинкой, но центром Вселенной, а человек – средоточием творения.

⁷⁴ См.: С. М. Половинкин. Реальность 1920–1930-х годов и «Мнимости в геометрии» священника Павла Флоренского // Энтелехия. Кострома, 2000. № 2. С. 67–77.

Наконец, даже организаторская и научная деятельность П. А. Флоренского в ВЭИ была «оценена» статьями с характерными заголовками «Плоды махрового оппортунизма» [Н. Лопырев, Б. Иоффе – «Генератор». 1931. № 4 (7)], «Против новейших откровений буржуазного мракобесия» (Э. Кольман – «Большевик». 1933. № 12).

Совершенно очевидно, что судьба отца Павла была predeterminedена его верой во Христа и саном священника Православной Церкви, религиозно-философским мировоззрением и тем вызывающим положением «апологета», которое он занимал в обществе.

Первый арест отца Павла был произведен 21 мая 1928 г. в связи с т. н. Сергиево-Посадским делом. Формальной причиной арестов в Сергиевом Посаде послужил выстрел в заведующего агитпромом Сергиевского уездного комитета ВКП(б) Н. Костомарова. По городу ходило две версии случившегося: 1) стреляла жена Костомарова «из ревности», 2) выстрел был инсценирован как повод начать аресты. По Сергиево-Посадскому делу 15, 21–22 и 23 мая было арестовано 80 человек.

Из Сергиево-Посадской пересыльной тюрьмы отца Павла вместе с другими арестованными отправили на следующий день в Москву в Бутырскую тюрьму. Протокол допроса П. А. Флоренского датирован 25 мая 1928 г.⁷⁵ В «Показаниях по существу дела» записано:

«Фотокарточка Николая II хранится мною как память епископа Антония, к Николаю я отношусь хорошо, и мне жаль человека, который по своим намерениям был лучше других, но который имел трагическую судьбу царствования.

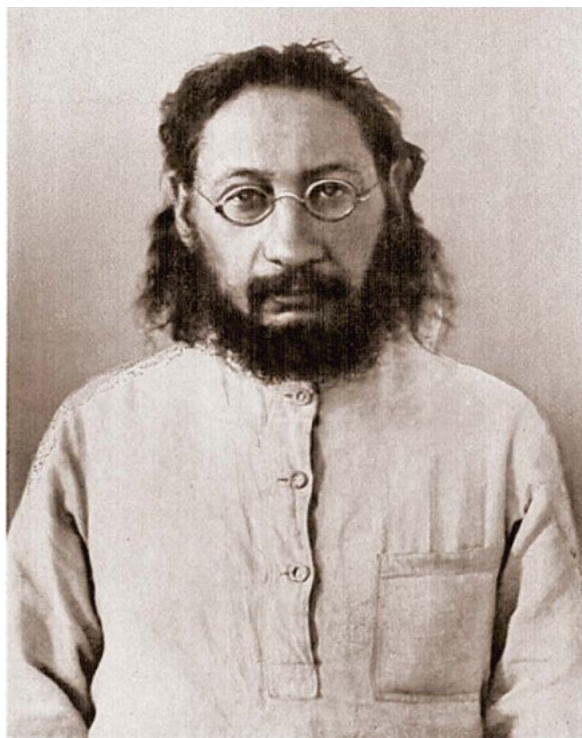
К совласти я отношусь хорошо и веду исследовательские работы, связанные с военным ведомством секретного характера. Эти работы я взял добровольно, предложив эту область работы. К совласти я отношусь как к единственной реальной силе, могущей провести улучшение положения массы.

С некоторыми мероприятиями совласти я не согласен, но безусловно против какой-либо интервенции, как военной, так и экономической.

Никаких разговоров с кем-либо о тех мероприятиях, с которыми я не согласен, я не вел»⁷⁶.

⁷⁵ Обвинительное дело № 60110 – Архив ФСБ РФ № 513621. Подробный обзор дела см.: С. М. Половинкин, П. В. Флоренский. Второй арест // П. А. Флоренский. Арест и гибель. Уфа, 1997; В. Шенталинский. Русский Леонардо // Рабы свободы. В литературных архивах КГБ. М., 1995.

⁷⁶ П. А. Флоренский. Арест и гибель. Уфа, 1997. С. 48.

Священник Павел Флоренский.
Москва, отдел материаловедения
ГЭИ. 1927 г., 20 сентября

Священник Павел Флоренский. Нижний Новгород. Ссылка. 1928 г.

Священник Павел Флоренский в лаборатории отдела материаловедения ГЭИ. 1928 г.

29 мая 1928 г. помощник нач. 6-го СО ОГПУ Полянский, рассмотрев дело № 60110 по обвинению 80 человек (в том числе и П. А. Флоренского) по ст. 58/10, передал дело на рассмотрение тройки при СО ОГПУ.

8 июня 1928 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ постановило: «Флоренского Павла Александровича из-под стражи освободить, лишив права проживания в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове н/Д, означенных губерниях и округах с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года, считая срок с 22/5–28 года»⁷⁷. Это называлось «высылка минус шесть». 22 июня 1928 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ внесло изменение в свое решение: было исключено прикрепление П. А. Флоренского к «определенному месту жительства»⁷⁸.

Столь «легкое» наказание объясняется тем, что во время допросов за подследственных ходатайствовала Е. П. Пешкова и достигла успеха. 14 июля 1928 г. П. А. Флоренский отбыл в Нижний Новгород, но уже 31 августа 1928 г. (опять благодаря ходатайству Е. П. Пешковой) Особое совещание при Коллегии ОГПУ пересмотрело дело № 60110 и постановило: «Флоренского П. А. досрочно от наказания освободить, разрешив свободное проживание по СССР».

16 сентября 1928 г. П. А. Флоренский прибыл в Москву. Вернуться в Сергиев Посад он тогда не мог, т. к., несмотря на освобождение, у него в доме продолжались обыски. Обстановка в Москве в это время была такая, что отец Павел говорил Л. Жегину: «Был в ссылке, вернулся на каторгу»⁷⁹.

В ночь с 25 на 26 февраля 1933 г. отец Павел был вновь арестован, когда находился на своей московской служебной квартире. Формально он был арестован как обвиняемый по делу № 2886: «О контрреволюционной национал-фашистской организации» («Партия возрождения России») ⁸⁰. Объективную оценку ходу следствия позволяют дать дополнительные уникальные материалы: письмо-жалоба П. В. Гидулянова, написанное им из ссылки 24 января 1934 г. бывшему прокурору

⁷⁷ П. А. Флоренский. Арест и гибель. Уфа, 1997. С. 52–53.

⁷⁸ П. А. Флоренский. Арест и гибель. Уфа, 1997. С. 182.

⁷⁹ П. А. Флоренский. Pro et contra. Антология. Изд. 2-е. СПб., 2001. С. 167.

⁸⁰ Архив Управления ФСБ РФ по г. Москве и Московской области, № 212727. Обзор следственного дела см. также: В. Шенталинский. Удел величия // «Огонек». 1990. № 45; В. Шенталинский. Русский Леонардо // Рабы свободы. В литературных архивах КГБ. М., 1995.

ОГПУ; ходатайство П. В. Остроухова в Коллегию НКВД, написанное им 29 июня 1935 г. из Соловецкого лагеря; протоколы допроса оставшихся в живых свидетелей при проведении реабилитации в 1958 г.; протест прокурора Москвы В. Белкина 29 декабря 1958 г.; воспоминания протоиерея Василия Евдокимова, записанные в конце 1980-х гг.

* * *

Из письма-жалобы П. В. Гидулянова, написанного им из ссылки 24 января 1934 г. бывшему прокурору ОГПУ: «<...> В результате мой следователь – молодой человек Шупейко – сам формулировал мои контрревол. убеждения в таком стиле, от которых я пришел бы в ужас на воле, и заставил меня их подписать, заявляя, что убеждения у нас не наказуемы, и в случае, если я не подпишу его формулировку, то он сам за меня распишется.

После этого начался мучительный для меня период вынужденного признания меня участником контрреволюционной организации в составе профессоров – С. А. Чаплыгина, Н. Н. Лузина и П. А. Флоренского. Организация эта будто бы образовалась в 1932 г.

Из названных лиц с проф. Флоренским я никогда не был знаком и видел его в первый раз в жизни во время очной ставки в ОГПУ, почему принужден был ему откомендоваться. <...>

Пока дело шло о насильях и грубости, я держался стойко.

Тогда перешли на другой путь.

Отношение ко мне стало необычайно доброжелательным и мягким, меня перевели в камеру с улучшенным питанием. Шупейко заявил, что я – жертва, что я не знаю, что такое ОГПУ, что не надо никому верить, но только ему одному, ибо он мой судья, и следователь, и прокурор, и защитник, что мне ничто не угрожает, что меня выпустят на свободу и дадут по-прежнему заниматься наукой, но что мне нужно разоружиться, отдать себя целиком во власть и на милость ОГПУ.

Но для доказательности действительного разоружения мне нужно признать самого себя участником контрреволюц. организации, причем чем серьезнее будут возводимые на самого себя преступления, тем значителнее будет рассматриваться чистосердечное – мое сознание и искреннее – раскаяние.

Апологетом этой теории саморазоружения был некий агроном Колечиц, в камеру которого я был посажен.

Священник Павел Флоренский с супругой Анной Михайловной.
Сергиев Посад. 1932 г.

О. Павел музицирует со своим семейством. Сергиев Посад. 1932 г.

Стоят: сын Кирилл, о. Павел; сидят: дочь Мария-Тинагин, Василий Михайлович
Гиацинтов (брат жены), сын Михаил, супруга Анна Михайловна. Сергиев Посад. 1932 г.

После похорон сестры Раисы Александровны 5 сентября 1932 г.
Сергиев Посад, в саду дома. Стоят: мама Ольга Павловна, теща Надежда Петровна
Гиацинтова, сын Михаил, сестра Юлия Александровна, супруга Анна Михайловна;
сидят: о. Павел с дочерью Марией-Тинатин

Священник Павел Флоренский. Сергиев Посад. 1932 г.

Священник Павел Флоренский. Тюремная фотография 27 февраля 1933 г.

Через Колечица корректировались мои показания, указывалось, что я должен исправить, и Колечиц разъяснял, по его собственному выражению, “эзоповский язык СПО ОГПУ”.

Лейт-мотивом всего этого было то, что от меня в целях разоружения требуется не правда, а правдоподобие. <...>

Усыпив себя учеными параллелями и будучи совершенно не искусен в приемах подобного образа действия следственных органов и во всякого рода провокациях, я уверения о разоружении принял за чистую монету и, чтобы угодить ОГПУ, стал “стараться”, и чем больше требовали доказательства моего раскаяния, тем больше я сам на себя клепал.

При таких обстоятельствах я всецело отдал себя во власть СПО ОГПУ и сделался режиссером и первым трагическим актером в инсценировке процесса националистов, превращенных волею ОГПУ в национал-фашистов.

В целях саморазоружения я объявил себя организатором Комитета национальной организации, которая после ряда попыток в стенах ОГПУ была окрещена “национальным центром”, причем членами этого мифического комитета были указанные мне и уже сидевшие в ОГПУ мои коллеги Чаплыгин, Лузин и Флоренский⁸¹.

В видах вящего раскаяния главную роль пришлось мне взять на себя. Я де снесся с Флоренским в Загорске, а через него вступил в связь с Чаплыгиным и Лузиным. Так создавался мифический комитет! Председатель – Чаплыгин, я – секретарь, Флоренский – идеолог, и Лузин – для связи с границей.

Платформу партии националистов я же сам состряпал при любезном содействии начальника СПО Радзивиловского, собственноручно записавшего мое “развернутое показание”.

Партия националистов открывает свои действия после взятия Москвы и военной оккупации России немцами, причем в основе платформы был положен принцип “Советы без коммунистов” под покровом буржуазного строя.

В результате этого фантастического “развернутого показания” Радзивиловским была мне обещана свобода и возврат к моим научным занятиям в архиве. <...>

⁸¹ Это не соответствует действительности. Все они при первых показаниях П. В. Гидулянова находились на свободе.

На устроенном мне Радзивиловским свидании я убеждал проф. Флоренского последовать нашему примеру и чистосердечно сознаться, ибо он своим упорством препятствует нашему освобождению.

Флоренский понял меня и тоже перешел на путь самооговаривания, что я понял со слов Шупейко, потребовавшего сообщить ему фамилию того немца-электротехника, с которым я будто бы был у Флоренского. <...>

Обработка меня Шупейком проводилась таким образом, что он вызывал меня к себе и путем наводящих вопросов и подсказываний натаскивал в желательном ему направлении, затем я все это “переваривал”. Таким образом получалось “литературное произведение” (выражение самого Шупейко), которое излагалось мною на бумагу, как “сухая” или “истинная” правда, под которой подписывался: “писал собственноручно и в соответствии с действительностью”.

С течением времени откровенность Шупейко доходила до того, что я под его диктовку писал все, что ему хотелось, и все это мною делалось и воспринималось, как разоружение. В награду за это обещалась свобода. <...>⁸².

Сходные объяснения дали впоследствии и другие осужденные по этому делу.

Из «Ходатайства» в Коллегию НКВД заключенного Остроухова П. В., находящегося в 8 отд. ББК, Соловки, л/п Анзер, Судостной, 29 июня 1935 г.

«...Меня обвинили по 58, 10–11 и осудили на 10 л. в концлагеря, связали с какой-то организацией, о которой я и понятия не имел и не имею. Просидев в тюрьме с янв. по июль 1933 г. и доведенный до отчаяния и находясь в полной аберрации, боясь за судьбу своей семьи, чтобы спасти хотя ее от гибели, разорения и высылки, я принял на себя вину, сам не отдавая себе отчет, в каких преступных действиях против Сов. власти я разоружаюсь и признаюсь. <...> Доведенный до отчаяния, находясь в аберрации и полунормальном состоянии в тюрьме и заключении, я принял на себя вину, не зная, в чем виноват»⁸³.

Из «Протокола допроса свидетеля» Каптерева С. Н. 21 апреля 1958 г.

«...Следствие велось в грубейшей форме (матерной) и сводилось к требованию признания, что я состою в тройке активных врагов Сов.

⁸² Архив УФСБ РФ по г. Москве и Московской области, д. № 212727, л. 635–637 об.

⁸³ Архив УФСБ РФ по г. Москве и Московской области, д. № 212727, л. 656 об.

власти в одной организации с проф. Чаплыгиным, Лузиным, Флоренским, Любавским и другими, которых теперь не помню и которые давно умерли. <...> Все мои показания, имеющиеся в деле, составлялись следователем и предъявлялись в готовом виде для подписи под угрозой расстрела <...> Могу еще дополнить, что мой брат П. Н. Каптерев, привлекавшийся со мной одновременно по тому же делу, рассказывал мне после своего освобождения, что следствие велось теми же следователями с применением тех же террористических приемов в виде угрозы расстрелом»⁸⁴.

В протесте (в порядке надзора) от 29 декабря 1958 г. в Президиум Мосгорсуда по делу Захарова А. Е. прокурор Москвы В. Белкин писал: «В ходе проверки установлено, что лица, принимавшие участие в расследовании данного дела: Шупейко и др. осуждены за фальсификацию дел в органах НКВД»⁸⁵.

4 июня 1939 г. военным трибуналом войск НКВД Московского округа за нарушения законности при ведении следствия, выражающиеся в составлении протоколов допросов арестованных с вымышленными показаниями и применением мер физического воздействия Шупейко был осужден и приговорен к высшей мере наказания⁸⁶.

Почти через 60 лет после следствия появилось еще одно свидетельство того, как оно происходило. Это воспоминания (литературная запись К. Покоева) протоиерея Василия Федоровича Евдокимова († 18 декабря 1990 г.), который был арестован по одному «делу» с отцом Павлом.

«<...> Когда Василий Федорович вошел в камеру, Каптерев спросил его фамилию, так как никто из заключенных его не знал. Василий Федорович ответил, тогда к нему сразу же подошел Кокуев и произнес: “Знаете ли, я очень перед вами виноват, потому что, не зная вас, я сказал, что вы состоите в группе. Мне нужен священник, у которого я бы мог исповедоваться”.

Отец Павел принял исповедь. Позже Кокуев сокрушался: “Вы, Василий Федорович, ничего не подписали и получили три года, а я со всем согласился, и приговорили к пяти годам”.

Как значилось в деле, во главе группы стоял отец Павел Флоренский. Он рассказывал Василию Федоровичу, что на допросах отри-

⁸⁴ Архив УФСБ РФ по г. Москве и Московской области, д. № 212727, л. 861–862.

⁸⁵ Архив УФСБ РФ по г. Москве и Московской области, д. № 212727, л. 925.

⁸⁶ Письмо зам. начальника отдела ФСБ по г. Москве Н. Г. Грашовень от 11.01.1990 г.

цал существование какой-либо контрреволюционной организации и тем более свою руководящую роль в ней. Тогда ему устроили очную ставку с П. В. Гидуляновым. “Павел Александрович, – сказал тот, – что вы упираетесь? Мы же с вами встречались. Встречались же?” – “Да, встречались” – ответил отец Павел. “Ну, значит, была и организация”.

Перед отправкой на этап всех заключенных свели в одной камере. Отношения не выяснялись. Отцу Павлу вообще не был объявлен приговор. Он узнал его только на этапе – десять лет лагерей»⁸⁷.

* * *

Всего в следственном деле находится семь показаний П. А. Флоренского: 26, 27, 28 февраля, 1, 5, 7 марта, 8 июля. Но количество допросов было, несомненно, больше, и первые допросы не протоколировались. Из 19-ти арестованных П. А. Флоренский был арестован 14-м. Ко времени его ареста на допросах П. В. Гидулянова, П. В. Остроухова и других была уже сформирована версия о существовании контрреволюционной национал-фашистской Партии возрождения России. Имя П. А. Флоренского как идеолога партии, входящего в ее центр, было названо П. В. Гидуляновым (3, 8, 26 февраля), П. В. Остроуховым (3, 4 февраля), Н. Г. Жирихиным (14 февраля?). В показаниях П. В. Гидулянова были подробно описаны «встречи» с П. А. Флоренским в 1932 г., упомянуты не только члены Партии, но и «примыкавшие» в количестве 65 фамилий; в показаниях П. В. Остроухова была упомянута 81 фамилия.

В «Показаниях» П. А. Флоренского присутствуют совершенно обособленно и не связано друг с другом три смысловых слоя:

1) Признание виновности и выражение раскаяния в преступном вхождении в национал-фашистскую Партию возрождения России, указания других членов данной организации – все это диктовалось следователем, причем все фамилии так называемого центра Партии представляют кальку с показаний Гидулянова и частично Остроухова.

2) Заявления П. А. Флоренского о том, что он считает какую-либо контрреволюционную борьбу против советской власти вредной, бесполезной и противоречащей интересам России. П. А. Флоренский осуждает самые попытки создания организации с этой целью, считает, что подобная организация будет виновна не только перед большеви-

⁸⁷ К. Покоев. Соль земли. Памяти отца Василия Евдокимова // Московский журнал. 1991. № 12. С. 25.

ками, но и пред историей России, будет мешать новому строительству, разлучать от любви к Родине, причинять ей зло и вред. П. А. Флоренский оказывается более резким критиком мифической организации, чем его следователи. Эти «Заявления», по стилю очень характерные для П. А. Флоренского, присутствуют в «Показаниях» первых трех зафиксированных допросов, а затем, со сменой следователя (фамилия неясна) на Шупейко эти заявления исчезают и вновь появляются в развернутом виде лишь в записке 16 марта: «Предполагаемое государственное устройство в будущем»⁸⁸.

⁸⁸ Сама работа надписана следователем: «Показания профессора <П. А.> Флоренского о программно-тактических установках национально-фашистской организации («Партия Возрождения России»)».

Работа представляет собой попытку П. А. Флоренского в условиях тюремного следствия освободиться от навязанных обвинений и показаний других лиц и изложить свои взгляды на дальнейшее развитие России. Будучи относительно свободен в данной работе от диктовки следователя, П. А. Флоренский в § 18 «Переход к обсуждаемому строю» указывает на то, 1) что новый строй «не мыслится как реставрация строя дореволюционного»; 2) что все достижения Советского Союза в области внешней политики, экономики, организации Красной Армии, подбора руководящих кадров, в том числе и партийных, общей дисциплины – должны быть сохранены; 3) что необходимо отмежевание от эмиграции; 4) что переход к новому строю должен совершаться под руководством идейных и опытных членов партии; 5) что интервенция Германии для перехода к новому строю невозможна и недопустима, т. к. приведет к потере независимости России. «Таким образом, обсуждаемое изменение строя предполагает не революцию и не контрреволюцию, а некоторый сдвиг в руководящих кругах, который мог бы оказаться даже более простым, чем дворцовые перевороты». (Фактически П. А. Флоренский предлагает идею «перестройки», как всегда опередив время на 50 лет).

По сути дела, § 18 представляет собой систематизацию и развитие тех мыслей, которые П. А. Флоренский высказал в первых показаниях и которые в последующих допросах были полностью исключены следователем.

С точки зрения процессуальной (для П. А. Флоренского), это была единственная возможность оправдаться, не затрагивая других лиц, вовлеченных в судебный фарс. И если бы следователь или судебная тройка попытались сопоставить протоколы допросов П. А. Флоренского и его данную работу, они вынуждены были бы признать, что П. А. Флоренский не мог быть идеологом даже мифической контрреволюционной национал-фашистской организации. В этом смысле данная работа П. А. Флоренского восходит к «Апологии Сократа».

Но П. А. Флоренский никогда не жил только «сиюминутными интересами», как бы важны они ни были сами по себе. Несомненно, он писал эту работу в расчете на то, что рано или поздно будет и суд истории, и пред этим судом он должен предстать в своих истинных взглядах. Наконец, последующая лагерная жизнь П. А. Флоренского убеждает, что никогда в нем не угасал научный интерес к тем

3) Заявления П. А. Флоренского о том, что национал-фашистская партия являлась совершенно недееспособной организацией интеллигентов, вся ее деятельность сводилась лишь к теоретическим домыслам, о фактическом участии упоминаемых в «Центре» лиц ему ничего не известно – эти заявления П. А. Флоренского присутствуют в большем или меньшем объеме почти во всех «Показаниях» как попытка доказать отсутствие состава преступления и обелить тех, кто проходил по делу⁸⁹.

И П. В. Гидулянов в 1934 г. и протоиерей Василий Федорович Надеждин в 1990 г. указывали, что священник Павел Флоренский первоначально отрицал существование организации и свое участие в ней, но затем, после очной ставки с П. В. Гидуляновым, которая была устроена Шупейко, вынужден был согласиться с версией следствия и пойти на самооговор. Судя по сохранившимся показаниям П. А. Флоренского, эта очная ставка была проведена вскоре после ареста, и самые первые «Показания» П. А. Флоренского были уже написаны после очной ставки. Первые же допросы П. А. Флоренского (до очной ставки с П. В. Гидуляновым) не протоколировались.

Почему же П. А. Флоренский не стал продолжать отрицать версию следствия, как это сделал, например, В. Ф. Евдокимов? Здесь можно предполагать несколько причин.

проблемам, с которыми его сталкивала жизнь. Поэтому и к этой работе, от которой могла зависеть самая его жизнь, П. А. Флоренский подошел как ученый. Под угрозой смерти, при тюремных пытках и издевательствах, П. А. Флоренский написал философско-политический трактат, который по содержательной стороне и стилистической емкости может быть поставлен в ряд классических работ Л. Тихомирова, И. Ильина, А. Солженицына.

Сама работа состоит из следующих частей: 1. Общие положения. 2. Исторические предпосылки. 3. Государственный строй. 4. Аппарат управления. 5. Образование и воспитание. 6. Религиозные организации. 7. Сельское хозяйство. 8. Добывающая промышленность. 9. Перерабатывающая промышленность. 10. Финансовая система. 11. Торговля. 12. Кадры. 13. Научные исследования. 14. Народное здоровье. 15. Быт. 16. Внутренняя политика (политическое управление). 17. Внешняя политика. 18. Переход к обсуждаемому строю (см.: Предполагаемое государственное устройство в будущем // *Священник Павел Флоренский. Сочинения* в четырех томах. Т. 2. М., 1996. С. 647–681).

⁸⁹ При реабилитации по делу П. А. Флоренского и других в Протесте прокурора г. Москвы в Президиум Московского городского суда 24 апреля 1958 г. отмечалось: «Показания осужденных Флоренского, <...> являются общие, не конкретные...».

1) Очная ставка с П. В. Гидуляновым убедила П. А. Флоренского, что основная версия следствия уже сформирована, и для него в этой версии отведено особое место, которое он должен занять.

2) Общественное, научное и идеологическое значение личности и творчества П. А. Флоренского были совершенно несопоставимы с другими фигурантами дела. С П. А. Флоренским могли быть сопоставимы академики С. А. Чаплыгин и Н. Н. Лузин, также упоминавшиеся П. В. Гидуляновым, но оставшиеся на свободе. П. А. Флоренский в течение многих лет жил под прессом политического надзора и административных ущемлений. Применение к нему тяжелых психофизиологических пыток (ослепляющий свет, лишения сна и др.), о чем он рассказывал дочери Ольге в 1934 г., не могло не вызвать угнетенного состояния и чувства обреченности и безнадежности⁹⁰.

3) П. А. Флоренскому не предъявлялось никаких обвинений, которые касались бы его веры в Бога, церковной деятельности и священного сана. Соответственно, признание мнимых идеологических и политических обвинений не могло повредить Церкви или смущать его совесть. Характерно, что в справке НКВД от 23 марта 1937 г. и в Постановлении помощника прокурора г. Москвы по делам, Алексева, от 26 сентября 1939 г. П. А. Флоренский характеризуется как «служитель культа, не снявший сана», и данная характеристика являлась одним из аргументов против его освобождения.

4) На очной ставке с П. А. Флоренским П. В. Гидулянов убеждал П. А. Флоренского «последовать нашему примеру и чистосердечно сознаться, ибо он своим упорством препятствует нашему освобождению».

«Тут-то и произошел перелом в поведении подсудимого Павла Флоренского, – писал первый исследователь следственного дела В. Шенталинский. – Из всей жизни отца Павла следует, что только так он и мог поступить, когда на весах его христианской совести оказалось освобождение из Лубянского ада нескольких человек – и самоуничтожение; он выбрал последнее, предпочел нанести вред себе, тем самым совершая духовный подвиг принесения себя в жертву ради спасения других»⁹¹.

⁹⁰ Из воспоминаний дочери О. П. Трубачевой 3 июля 1992 г.: «Слышала, как папа сказал маме, что в тюрьме у него было воспаление нервных стволов (идущих от позвоночника). Представляю, какую невыносимую боль он терпел тогда. Еще рассказывал маме: “Я сделаю так, что моча в голову ударит”».

⁹¹ В. Шенталинский. Русский Леонардо // Рабы свободы. В литературных архивах КГБ. М., 1995. С. 155.

Действительно, не отказываясь от обвинения в том, что он стоял во главе мнимой организации и лишь вынужденно повторяя некоторые из фамилий, названных ранее П. В. Гидуляновым и П. В. Остроуховым, П. А. Флоренский всячески выгораживал «рядовых членов», указывая на их фактическую бездеятельность и неумелость. Ссылаясь на переутомление или на особое строение организации, он не называл никаких новых фамилий, кроме тех, что уже неоднократно до его допросов были зафиксированы в показаниях других подсудимых.

Принесло ли это какую-либо пользу другим? Из тринадцати осужденных по этому делу, лишь П. В. Остроухов был приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Но П. В. Остроухов был действительным членом «Союза Русского народа» и агитатором в Деникинской армии. Большая же часть содельников была приговорена к 3 годам ИТЛ или вообще к высылке в Казахстан. Даже П. В. Гидулянову срок высылки в Казахстан был сокращен до 5 лет. (Другое дело, что большая часть высланных была потом расстреляна по новым обвинениям).

26 июля 1933 г. тройка при ПП ОГПУ МО постановила: «Флоренского П. А. заключить в исправ<ительный> труд<овой> лагерь, сроком на десять лет, считая срок с 25/II–33 г.»⁹².

15 августа 1933 г. отец Павел был отправлен по этапу в восточно-сибирский лагерь «Свободный»⁹³. С 1 декабря 1933 г. он был приписан к научно-исследовательскому отделу управления БАМЛАГа.

Г. И. Китаенко в конце января 1934 г. попал на центральный распределительный пункт БАМЛАГа в г. Свободном. «Прибыв в лагерь, – вспоминает он, – я утром вышел из палатки, в которую нас водво-

⁹² Архив УФСБ РФ по г. Москве и Московской области, д. № 212727. Л. 619.

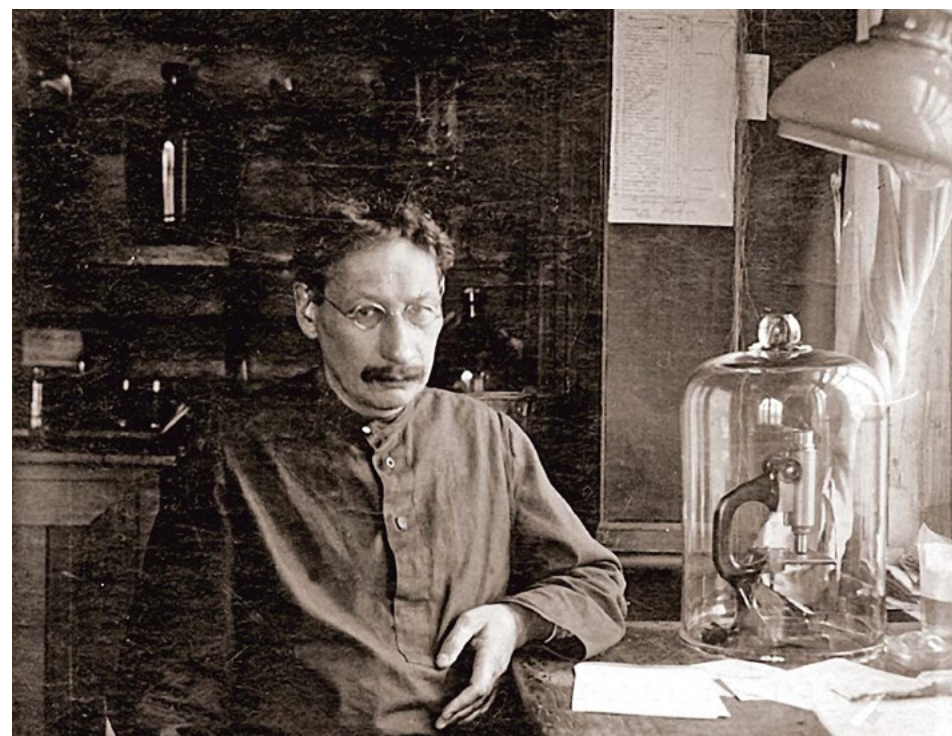
⁹³ За время лагерной жизни отец Павел постоянно писал семье (сохранилось 150 писем). По цензурным соображениям, а также, чтобы не травмировать семью и сохранять бодрое мировосприятие, отец Павел ничего не пишет об ужасах лагерной жизни. Обо всем, что касается Церкви, отец Павел пишет иносказательно: Высшая Воля (вместо Бог), Воплощение (вместо Воплощение Христово), постоянно думаю о вас (вместо молось), «я принимал удары за вас, так хотел и так просил Высшую Волю» (вместо принес себя в жертву, молился Богу), «сиду и думаю, что вы сегодня, вероятно, собрались все вместе» (вместо «сегодня Пасха и я молитвенно с вами»), «пишу 20-го и, следоват., вспоминаю Посад» (вместо: сегодня день Святой Троицы) и т. д. Причины иносказательности – в особой слежке за отцом Павлом и его нежелании открывать свой внутренний мир чужим глазам. Письма представляют собой смиренное самосвидетельство исповеднического пути и уникальный источник по православной педагогике.

рили при 50-ти градусном морозе, и направился к кухне за порцией баланды. Кухня представляла собой котел на колесах под открытым небом, перед которым стояла очередь, человек 8–10. Я встал в очередь за каким-то человеком в ватнике, валенках, шапке-ушанке. Вдруг этот человек обернулся и, радостно вскрикнув: «Георгий Иванович! И Вы здесь!» – бросился ко мне. Это был Павел Александрович. Получив свои порции баланды, мы перебросились несколькими словами (страшный мороз не позволял долго говорить) и расстались. Павла Александровича за время моего краткого пребывания в Свободном я не видел больше, но представление об условиях его быта может дать эпизод, происшедший со мной. Всех прибывших ночью с этапом заключенных отправили в баню, затем вернули в палатку. Я лег на нары ногами к печке-буржуйке, одетый в тулуп, переданный мне моей сестрой при последнем свидании в Москве. Проснувшись утром, я не мог встать – примерз к нарам. Павел Александрович жил в одной из соседних таких же палаток и, следовательно, находился в таких же или близких к этим условиям».

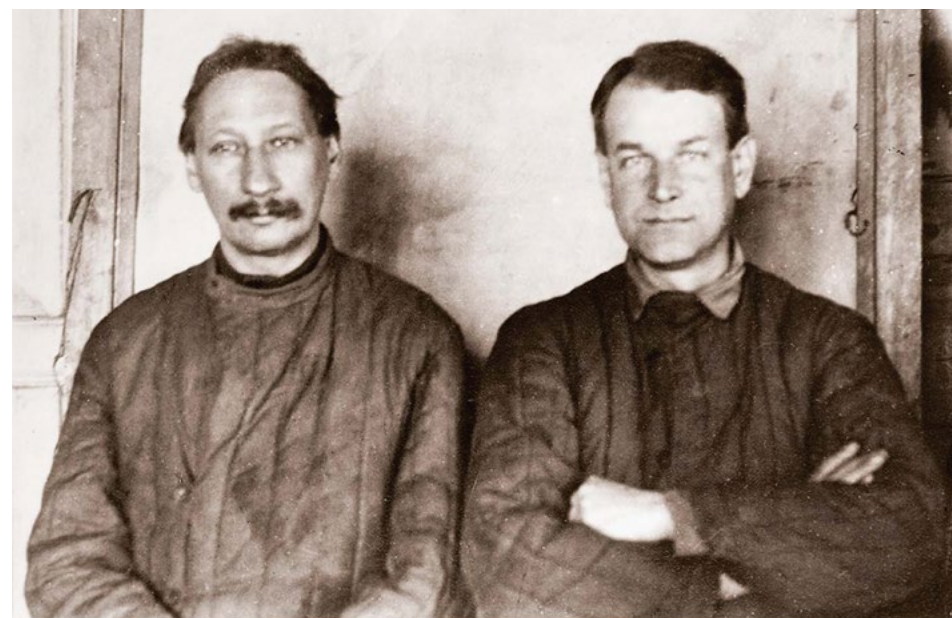
Вскоре, 10 февраля 1934 г. отец Павел был переведен на Сковородинскую опытную мерзлотную станцию.

Это случилось благодаря одному человеку, который вспоминал: «Меня судьба столкнула с Флоренским при весьма скорбных обстоятельствах. Было известно, что С. Булгаков эмигрировал, а Флоренский преподает где-то математику и ходит на лекции в рясе – так в 20-е годы говорили в Москве. И вот, в 1934 году, когда я работал в плановом отделе на строительстве дороги в Свободном, пригнали этап. Просматривая список, наткнулся на фамилию «Флоренский». Сначала – никаких ассоциаций: все, что с ним было связано, все кануло в вечность, все это было в другом мире. Смотрю – математик. Только когда он вошел, догадался, что это тот самый Флоренский. Спросил его об этом, он коротко подтвердил. Я пытался расспрашивать (что-то насчет Москвы и его участи), но он отмалчивался, был угрюм и явно не хотел разговаривать с посторонним человеком. Мне это было понятно. Я устроил его на метеостанцию в пос. Сковородино, надеясь как-то оградить от общелагерной жизни».

В конце июля и начале августа 1934 г., благодаря помощи Е. П. Пешковой, в лагерь смогли приехать жена, Анна Михайловна, и младшие дети: Ольга, Михаил, Мария (в это время старшие сыно-

О. Павел Флоренский на мерзлотной станции в лаборатории в Сковородинском лагере. 1934 г.

Священник Павел Флоренский, П. Н. Каптерев. Сковородино, март-апрель 1934 г.

Памятник священнику Павлу Флоренскому.
Установлен 18 июля 2019 г. в Сергиевом Посаде в центре памятного знака
«Пострадавшим за веру во Христа в годы гонений и репрессий XX века».
Памятник освящал Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

вья, Василий и Кирилл, были в геологических экспедициях). Семья приехала не только для свидания.

К. А. Родзянко и Т. А. Шауфус, бывшие сестры милосердия Красного Креста, духовные дочери отца Павла, поручили узнать у него – уезжать ли им за границу или оставаться в Советском Союзе. К тому времени они уже трижды арестовывались, в 1930–1933 гг. были высланы в Восточную Сибирь. Отец Павел благословил им уезжать, и летом 1935 г. с помощью Е. П. Пешковой они выехали в Чехию. Тогда же супруга Анна Михайловна обсуждала с отцом Павлом предложение Чешского правительства договориться с правительством СССР об освобождении отца Павла из лагеря и его выезде со всей семьей в Чехию. Однако для начала официальных переговоров необходим был положительный ответ самого отца Павла. Он ответил решительным отказом, просил прекратить все хлопоты и, сославшись на апостола Павла, сказал, что надо быть довольным тем, что есть (Флп. 4: 11). Несмотря на отрицательный ответ отца Павла, Т. А. Шауфус, выехав в Чехию и работая в 1935–1938 гг. секретарем президента Чехии Й. Масарика, осенью 1936 г. вновь возбудила этот вопрос через Е. П. Пешкову. На своей записке в НКВД Е. П. Пешкова записала: «Флоренский Пав. Ал-др., была просьба Масарика, переданная мне чешским послом Славком, о замене Флоренскому, как крупному ученому, лагеря высылкой за границу в Чехию, где он предоставит ему возможность научной работы. После моих переговоров с женой Флоренского, которая заявила, что за границу уехать ее муж не захочет, я просила лишь о освобождении Флоренского “здесь”»⁹⁴.

Возможно, это единственный в истории ГУЛАГа отказ заключенного освободиться, воссоединиться с семьей в благополучной стране и жить в почете – и он принадлежит священнику Русской Православной Церкви.

17 августа 1934 г., во время пребывания семьи в Сквородино, отец Павел был помещен в изолятор лагеря «Свободный», а 1 сентября отправлен со спецконвоем в Соловецкий лагерь. Сам он так описал этот перевод в письме из Кеми 13 октября 1934 г.: «...с 1 по 12 ехал со спецконвоем на Медвежью гору, с 12 сент. по 12 окт. сидел в изоляторе на Медв. горе, а 13 приехал в Кемь, где нахожусь сейчас.

⁹⁴ ИМЛИ РАН, архив А. М. Горького, фонд Е. П. Пешковой, био, 20-2-55 кн. п. 1892. Сведения в НКВД о Флоренском П. А., л. 2.

По приезде был ограблен в лагере при вооруж. нападении и сидел под тремя топорами, но, как видишь, спасся, хотя лишился вещей и денег; впрочем, часть вещей найдена, все это время голодал и холодал. Вообще, было гораздо тяжелее и хуже, чем мог себе представить, уезжая со станции Сковородинской. Должен был ехать в Соловки, что было бы неплохо, но задержан в Кеми и занимаюсь надписыванием и заполнением учетных карточек. Все складывается безнадежно тяжело, но не стоит писать⁹⁵. Никаких общих причин к моему переводу не было, и сейчас довольно многих переводят на Север»⁹⁶.

С 15 ноября 1934 г. отец Павел был направлен в Соловецкий лагерь.

Перевод в Соловецкий лагерь был не так случаен, как казалось отцу Павлу. С 4 декабря 1933 г. Соловецкий лагерь был преобразован в специальное Соловецкое лагерное отделение Беломорско-Балтийского лагеря для содержания «контингентов... по особой инструкции»⁹⁷. За отцом Павлом была установлена постоянная слежка, и донесения о его разговорах посылались в Москву (эти донесения были подшиты к следственному делу 1933 г.).

Отца Павла направили работать на лагерный завод йодной промышленности. Сначала он жил в общих бараках «Кремля» (так называли монастырь), затем, в 1935 г., его перевели в Филиппову пустынь (1,5 км от монастыря). Здесь, на месте пустынных подвигов своего покровителя, святого Филиппа, отец Павел проходил последние борения к очищению души перед тем, как предстать Богу в мученическом венце.

«Позавчера мне минуло 54 года. Конечно, этот день не был ничем отмечен, зачем мне отмечать его без вас? Пора подводить итоги жизни. Не знаю, каков будет суд, признает ли он что-нибудь хорошее за мною, но сам скажу, что стремился не делать плохого и злого, – и сознательно не делал. Просматривая свое сердце, могу сказать, что никакого нет у меня гнева и злобы, пусть каждый радуется, как может» (из письма 24 января 1935 г.)⁹⁸.

⁹⁵ Имеется в виду – ходатайства об освобождении.

⁹⁶ *Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М., 1998. С. 139.*

⁹⁷ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. Справочник. М., 1998. С. 162–164, 394–397.

⁹⁸ *Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М., 1998. С. 171–172.*

«Опишу тебе место, где я живу теперь... Все место называется Филипповским скитом, т.е. называлось, а теперь зовется Биосад. В XVI в. здесь жил Филипп Колычев, впоследствии митрополит Московский, которого удушил Малюта Скуратов. Находясь на Соловках, Филипп проявил большую энергию и хозяйственность <...> Как помнишь, день моего рождения, 9 янв., попал на ряд революционных событий: смерть Ленина, история с рабочими, убийство митр. Филиппа. Т. о. я попал, можно сказать, в свое место – начало деятельности этого последнего» (из письма 22–24 февраля 1935 г.)⁹⁹.

«Свет устроен так, что давать миру можно не иначе, как расплачиваясь за это страданиями и гонением. Чем бескорыстнее дар, тем жестче гонения и тем суровее страдания. Таков закон жизни, основная аксиома ее. Внутренно сознаешь его непреложность и всеобщность, но при столкновении с действительностью в каждом частном случае бываешь поражен, как чем-то неожиданным и новым» (из письма от 13 февраля 1937 г.)¹⁰⁰.

В воспоминаниях солагерников отец Павел запечатлен как человек необычайно доброжелательный к окружающим, готовый поделиться с нуждавшимися и пайком хлеба, и своими знаниями, а с теми, у кого открыто сердце – словом Божиим.

Встреча отца Павла с авиаконструктором П. А. Ивенсенем, которому было тогда 28 лет, относится, вероятно, к 1936 г.

«На Соловках Ивенсен обращается к теме транспорта на воздушной подушке. Нельзя ли сделать такой вагон, чтобы опоры его не касались в движении пути, а скользили над ним, подпертые давлением воздуха? В теории все сходилось, но нужно поставить опыт, а для этого необходим компрессор. Кто-то рекомендует обратиться за помощью к «химикам» йодового завода – Флоренскому и Литвинову. На заводе перерабатывали морские водоросли для получения йода и агар-агара.

«Я тогда о Павле Александровиче Флоренском ничего не знал, – рассказывает Павел Альбертович. – На вид это был глубокий старик, который с трудом ходил. Глядя на меня сквозь очки в узкой оправе, он доброжелательно и внимательно все выслушал и сказал, что дело я затеял стоящее и что обязательно поможет мне... И, действительно,

⁹⁹ *Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М., 1998. С. 184.*

¹⁰⁰ *Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М., 1998. С. 664–665.*

помог. Разыскал компрессор, который нам и предоставили для эксперимента. Эксперимент подтвердил мои предположения, но работа была вскоре прервана»¹⁰¹.

А. Г. Фаворский, который находился в заключении на Соловках в 1936–1939 гг., вспоминает в двух письмах в 1989 г.: «Осенью 1937 г. я проживал в помещении, что расположено у Рыбных ворот, стены в сторону порта. Со мною в это время проживал профессор математики, химик Павел Александрович Флоренский. Помню такой случай. Мы сидели, играли на столе в домино. Кто-то меня сзади помаленьку похлопал по левому плечу. Я повернулся. Он обратился ко мне: “Молодой человек, я желал бы с Вами позаниматься полезным делом, когда-нибудь пригодится”. – “О, что Вы, профессор, стоили со мною напрасно время тратить, я вас благодарю”, – ответил я и продолжал игру в домино. Я только после подумал, такой умный человек и предлагает мне свои услуги <...> Время – конец ноября 1937 г.». «Жили мы вместе с Флоренским не более полутора месяцев, до того дня, когда меня ночью, в ноябре 1937 г., под конвоем отвели на Секирную гору, самое страшное место на Соловках, где находился карцер для штрафников, где применяли пытки и убивали. Флоренский как-то предлагал мне позаниматься со мною, дать какие-то мне познания. Я как-то растерялся, был озадачен его вопросом. Мне, простому молодому рабочему, предлагает свои добрые услуги такой умнейший человек. Я поблагодарил его как мог <...>. Флоренский на Соловках был самый уважаемый человек – гениальный, безропотный, мужественный, философ, математик и богослов. Мое впечатление о Флоренском, да это и всех заключенных мнение, бывших с ним, – высокая нравственность и духовность, доброжелательное отношение к людям, богатство души. Все то, что облагораживает человека».

Вероятно, к этим же, последним дням, относятся и воспоминания В. Павловской: «Брат Валентины Павловны, инженер-электрик по специальности, оказался в концлагере вместе с отцом Павлом Флоренским. В письмах, присылаемых сестре, он писал, что у него два отца: Павел – родной отец и Павел – духовный. Сам Владимир Павлович Павловский до лагеря был равнодушен к вопросам религии и, скорее, был атеист, чем верующий. Духовный переворот произошел в лагере

¹⁰¹ Яковенко М. Подземные, земные и небесные творения Ивенса // Наука и жизнь. 1991. № 9. С. 21.

под влиянием отца Павла Флоренского, который многих людей обратил на путь истинный там. Первое знакомство произошло в камере, куда В. П. Павловский прибыл после долгой дороги, усталый и истощенный. Ему отец Павел Флоренский предложил поесть, т.к. у него всегда были про запас сухарики и кусочки хлеба, которые им отдавались на помощь ближнему. П. А. Флоренский работал санитаром в больнице. Многих он поддерживал морально и воспитывал духовно. Его все уважали, в том числе и уголовные. Нередко, когда последние не хотели подчиняться распоряжениям начальства, П. Флоренскому удавалось их уговорить, и все обходилось благополучно. Умер отец Павел Флоренский от истощения. Когда его выносили из больницы, чтобы похоронить, то все, бывшие на дворе, в том числе уголовные, пали на колени и сняли шапки¹⁰². В лагере была очень несчастная женщина. Раньше она занималась музыкой. Попала в лагерь за мужа, который умер где-то в другом лагере. В Москве у нее осталась дочь, которой было около года и которая позже умерла. Эту женщину посылали на тяжелую работу, и она потеряла возможность играть на рояле, т.к. руки ее “одеревенели”. Она была в очень тяжелом психическом состоянии, но отец Павел Флоренский привел ее в норму. Впоследствии она стала женой В. П. Павловского»¹⁰³.

В письмах к семье из Соловецкого лагеря отец Павел упоминает об общении с «одним удмуртом». Как выяснилось ныне, это был Кузубай Гердт (1898–1937), классик удмуртской литературы. Под влиянием отца Павла он в Соловецком лагере обратился к Богу, о чем писал своей жене: «Надя! Я никогда не верил в Бога, но тут поверил» (из письма внука, Н. И. Герда, от 4 февраля 1989 г.).

* * *

Летом 1937 г. началась реорганизация Соловецкого лагеря в Соловецкую тюрьму особого назначения. Отец Павел был вновь переведен в общие бараки, находившиеся на территории монастыря («Кремль»). «В общем все ушло (всё и все), – писал он в одном из последних писем

¹⁰² Хотя последние данные фактически неправильны, но они чрезвычайно характерны в передаче того глубокого благоговения, которым было окружено имя отца Павла в лагере.

¹⁰³ Игумен Андроник, П. В. Флоренский. Павел Александрович Флоренский // Литературная газета. 1988. 30 ноября. № 48. С. 5.

от 3–4 июня 1937 г. – Последние дни назначен сторожить по ночам в б. йодпроме произведенную нами продукцию. Тут можно было бы заниматься (сейчас пишу письма, например), но отчаянный холод в мертвом заводе, пустые стены и бушующий ветер, врывающийся в разбитые стекла окон, не располагает к занятиям, и ты видишь по почерку, даже письмо писать окоченевшими руками не удастся. Зато тем более думаю о вас, впрочем, беспокоюсь <...> Вот уже 6 час. утра. На ручей идет снег, и бешеный ветер закручивает снежные вихри. По пустым помещениям хлопают разбитые форточки, завывает от вторжения ветра. Доносятся тревожные крики чаек. И всем существом ощущаю ничтожество человека, его дел, его усилий»¹⁰⁴.

Одновременно с реорганизацией лагеря, с середины июля 1937 г., началась подготовка массовой операции по репрессированию «анти-советских элементов» на территории Северо-Запада России (т.н. «большой ленинградский террор»). Согласно инструкциям все лица, подлежащие репрессии, были разделены на две категории. К первой категории, подлежащей расстрелу, были отнесены те, кто ранее был осужден на разное количество лет заключения в исправительно-трудовых лагерях по статье 58-10 и продолжал содержаться «в тюрьмах, лагерях, трудовых поселках и колониях»¹⁰⁵. Отец Павел Флоренский подпадал под эту 1-ю категорию.

Для Соловецкой тюрьмы 16 августа 1937 г. был утвержден план на расстрел 1200 заключенных¹⁰⁶. Согласно этому плану были заведены дела на 1116 заключенных, расстрелянных 1–4 ноября 1937 г. в Сандермохе. Затем было получено разрешение на увеличение плановой цифры.

Тюремная «Справка № 190 на Флоренского П. А.» была составлена начальником Соловецкой тюрьмы ГУГБ ст. майором госбезопасности Апетером и его помощником капитаном Раевским к протоколу Особой тройки УНКВД Ленинградской области № 199¹⁰⁷. После об-

¹⁰⁴ Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М., 1998. С. 705–706.

¹⁰⁵ Ленинградский мартиролог. 1937–1938. Т. 1. СПб., 1995. С. 44. Первоначальные планы-задания (по 1-й категории репрессировать, т. е. расстрелять 4000 человек) в дальнейшем были многократно перевыполнены.

¹⁰⁶ Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М., 1998. С. 777.

¹⁰⁷ Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М., 1998. С. 44.

щих анкетных данных и сведений об осуждении в 1933 г. приводится собственно обвинение: «В лагере ведет к<онтр>-р<волюционную> деятельность, восхваляя врага народа Троцкого». На основании обвинения тюремной «Справки №190» П. А. Флоренский был включен в «групповое» дело № 1042 14/37г. оперчасти Соловецкой тюрьмы «на 12 человек заключенных, осужденных ранее за к-р троцкистскую деятельность». 25 ноября 1937 г. Особая тройка УНКВД Ленинградской области в составе: Л. Заковского, В. Гарина и Б. Позерна, рассмотрев дело № 1042 14/37г., по которому проходил П. А. Флоренский, постановила: «Флоренского Павла Александровича расстрелять». Заседания Особой тройки происходили в Ленинграде, отец Павел в это время находился в Соловецком лагере¹⁰⁸.

2–3 декабря 1937 г. в Соловецкой тюрьме был сформирован этап из 509 осужденных на расстрел, П. А. Флоренский числился под № 368. 3 декабря этап был переправлен по Белому морю в пересыльную тюрьму Кеми и затем отправлен спецпоездом в Ленинград для размещения в тюрьме госбезопасности НКВД Ленинградской области, т.н. «Большом доме». 7 декабря 1937 г. вышло предписание «прибывших из Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД СССР – расстрелять». 8 декабря 1937 г. приговор был приведен в исполнение. Акт о расстреле подписан комендантом УНКВД Ленинградской области ст. лейтенантом госбезопасности А. Поликарповым¹⁰⁹. Предполагаемое место захоронения – Левашовская пустошь, где была захоронена основная часть расстрелянных в 1937–1938 гг.

В «Завещании» своим детям, которое отец Павел составлял в 1917–1923 годах «на случай смерти», он писал:

«1. Прошу вас, мои милые, когда будете хоронить меня – приобщиться Св. Тайн, в этот самый день, а если уж будет никак нельзя, то в ближайшие дни. И вообще прошу приобщаться вскоре после смерти моей чаще.

2. Обо мне не печальтесь и не скорбите по возможности. Если вы будете радостны и бодры, то мне этим доставите успокоение. Я всегда

¹⁰⁸ П. А. Флоренский. Арест и гибель. Уфа, 1997. С. 135–136. Уже подготавливая повестку протокола № 199, В. Н. Гарин наложил на «Справке № 190 Флоренского П. А.» резолюцию: «ВМН. В. Гарин. 23/ХI».

¹⁰⁹ П. А. Флоренский. Арест и гибель. Уфа, 1997. С. 138. Архив УФСБ РФ по г. Москве и Московской области, № 212737. Л. 694.

буду с вами душою, а если Господь позволит – буду часто приходить к вам и смотреть на вас. Но вы уповайте на Господа и на Его Пречистую Матерь и не печальтесь.

3. Самое главное о чем я вообще прошу вас – это чтобы вы помнили Господа и ходили пред Ним. Этим я говорю все, что имею сказать. Остальное – либо подробности, либо второстепенное. Но этого не забывают никогда»¹¹⁰.

* * *

Первую попытку реабилитации священника Павла Флоренского его супруга Анна Михайловна предприняла в января 1939 г. Она обратилась к Председателю Совета Народных Комиссаров СССР, а затем 26 сентября 1939 г. в прокуратуру г. Москвы с жалобой на неправильное осуждение П. А. Флоренского и с просьбой сократить срок его заключения. Жалоба была оставлена без удовлетворения «в виду того, что П. А. Флоренский в прошлом профессор богословия, служитель культа, не снявший сана до ареста».

11 марта 1940 г. А. М. Флоренская вновь обратилась к И. В. Сталину с просьбой об освобождении П. А. Флоренского, учитывая его «крупные научные заслуги в деле электрификации страны и будучи уверенной в его невиновности».

12 мая 1956 г. А. М. Флоренская обратилась в Прокуратуру СССР с просьбой «пересмотреть дело и реабилитировать моего мужа гр. Флоренского П. А.».

5 мая 1958 г. Президиум Московского городского суда пересмотрел дело по обвинению П. А. Флоренского 1933 г. «Постановление ПП ОГПУ Московской области от 26 июля 1933 года отменено, а дело <...> прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления» (справка от 6 мая 1958 г.).

5 марта 1959 г. Архангельский областной суд пересмотрел дело по обвинению П. А. Флоренского 1937 г. и постановил: «Постановление Особой тройки УНКВД по Ленинградской области от 25 ноября 1937 года в отношении Флоренского П. А. отменить и дело о нем производством прекратить за отсутствием состава преступления» (справка от 6 марта 1959 г.).

¹¹⁰ Священник Павел Флоренский. Детям моим... М., 1992. С. 440.

3 ноября 1959 г. Невский ЗАГС г. Ленинграда зарегистрировал свидетельство о смерти Флоренского П. А. (1-ЮБ № 083008). В свидетельстве сообщалось «Флоренский П. А. Умер 15/XII 1942 г. <...> Причина смерти – нет сведений <...> Место смерти – <прочерк>».

В связи с обращением семьи в июне 1989 г. в Управление КГБ СССР по г. Москве и Московской области «оформить полную реабилитацию с точными данными об обстоятельствах осуждения, времени, места кончины и захоронения П. А. Флоренского», отдел ЗАГСа исполкома Калининского райсовета г. Москвы 2 ноября 1989 г. оформил новое свидетельство (VIII-МЮ № 423815) о смерти Флоренского П. А., в котором сообщалось: «умер 8 декабря 1937 г. <...> Причина смерти – расстрел. Место смерти – область Ленинградская».

В связи с этим же запросом в письме Управления КГБ СССР по г. Москве и Московской области от 11 января 1990 г. (№ 6/Кл-1267) был дан обзор следственного дела и реабилитаций по делам 1933 г. и 1937 г. Однако и на этот раз не была сообщена дата расстрела (может быть, по недоразумению), а в отношении места смерти сообщалось: «С сожалением сообщаем, что места смерти и захоронения П. А. Флоренского в настоящее время не установлены».

Но семье были переданы две фотокопии П. А. Флоренского из следственного дела и возвращена уникальная рукопись его работы «О будущем государственном устройстве» (16 марта 1933 г.), которая также была подшита к следственному делу.

В 1990 г. возможность ознакомиться со следственными делами П. А. Флоренского 1928 г. и 1933 г. была предоставлена В. Шенталинскому, члену Комиссии по реабилитации писателей. Результатом его работы явилась публикация в журнале «Огонек»¹¹¹, которая впервые раскрыла общественности обстоятельства следствия 1933 г.

В феврале–апреле 1991 г. Управление КГБ СССР по г. Москве и Московской области предоставило возможность П. В. Флоренскому лично ознакомиться со всем следственным делом 1937 г. и с делом 1928 г. и сделать их ксерокопии.

19 августа 1991 г. Прокуратура СССР выдала справку № 13/1258-91, согласно которой, на основании ст. 1 Указа Президента СССР от

¹¹¹ В. Шенталинский. Удел величия // «Огонек». 1990. № 45. Впоследствии очерк, под заголовком «Русский Леонардо», вошел в книгу В. Шенталинского «Рабы свободы. В литературных архивах КГБ». М., 1995.

13 августа 1990 г. «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 1920–1950-х годов» постановления Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 8 и 22 июня 1928 г., в отношении П. А. Флоренского были «признаны незаконными и по настоящему делу он полностью реабилитирован».

В начале 1992 г. был послан запрос в Управление КГБ СССР по Ленинградской области относительно обстоятельств расстрела и места захоронения П. А. Флоренского. В ответном письме от 2 апреля 1992 г. № 10/16-6207 было сообщено, что «по имеющимся сведениям приговор в отношении него <Флоренского П. А.> был приведен в исполнение 8 декабря 1937 г. в гор. Ленинграде. Установленным местом захоронения жертв репрессий в период 1937–1940 гг. в г. Ленинграде является т. н. «Левашовская пустошь», находящаяся в пос. Левашово Выборгского района г. Санкт-Петербурга. Таким образом, имеются все основания предполагать, что Флоренский П. А. в числе других жертв захоронен именно в этом месте».

Разыскания санкт-петербургского отделения общества «Мемориал» (В. В. Иоффе, И. А. Резникова), находка расстрельных списков соловчан в архиве ФСБ Архангельской области (Т. В. Сошина) и публикации А. Разумова и В. Груздевой¹¹² позволили к 1999 г. подтвердить и уточнить все предыдущие данные.

* * *

После получения свидетельства Невского ЗАГСа г. Ленинграда от 3 ноября 1958 г. о смерти П. А. Флоренского 15 декабря 1943 г. его вдова Анна Михайловна решила совершить отпевание. «Последование...» было совершено наместником Троице-Сергиевой Лавры архимандритом Пименом (Хмелевским, впоследствии архиепископом Саратовским) в Трапезном Сергиевском храме Лавры 15 декабря 1959 г. («при закрытых дверях храма»). Присутствовали только члены семьи отца Павла.

Хотя достоверность данных о кончине священника Павла Флоренского всегда подвергалась сомнению, его современники были уверены в том, что он – исповедник священного сана и мученик за веру

¹¹² А. Разумов, В. Груздева. Скорбный путь Соловецких этапов // Ленинградский мартиролог. 1937–1938. Т. 4. 1937 год. СПб., 1999. С. 658–664.

во Христа. Почитание мученической кончины отца Павла можно отметить как в Русской Православной Церкви, так и в Русском зарубежье.

В Русской Православной Церкви одним из наиболее авторитетных источников в данном вопросе является «Заупокойный синодик подвижников благочестия земли Русской», составленный в конце 1950-х годов исповедником веры и богословом-литургистом святителем Афанасием (Сахаровым), епископом Ковровским, для храма в честь Всех святых, в земле Российской просиявших. Имя «иерея Павла»¹¹³ внесено им под № 2998 для поминовения по 6-й песне заупокойного канона на священническом возгласе «Яко Ты еси...».

Со времени возрождения духовных школ в 1944–1946 гг., как вспоминал архиепископ Волоколамский (впоследствии митрополит) Питирим, «имя отца Павла, которого называли человеком будущего, было овеяно уже тогда немеркнущим ореолом»¹¹⁴. «Направление развития Духовной школы, – писал архиепископ Питирим, – которое было задано Патриаршим Местоблюстителем, впоследствии Патриархом Алексием, в нашей практической научной богословской работе воплотилось именно в стремлении постичь дух святоотеческих творений и выдающихся богословов Московской духовной академии, среди которых были священник Павел Флоренский, архимандрит (впоследствии архиепископ) Иларион (Троицкий) и ряд других блестящих профессоров»¹¹⁵. То «спонтанное увлечение» трудами отца Павла, о котором пишет архиепископ Питирим, определялось во многом тем, что в только что возрожденной Академии преподавали, трудились и учились те, кто лично знал глубокое благочестие отца Павла и его мужественное стояние за веру в 1920-е годы, кто почитал его как священнослужителя, отдавшего жизнь за проповедь Христа. Почитание мученической кончины отца Павла было в то время живым свидетельством преемства старой и возрожденной Духовной академии.

В 1958 г. в саду Московской духовной академии в Троице-Сергиевой Лавре по благословению Святейшего Патриарха Алексия был

¹¹³ В пояснительных сведениях епископ Афанасий привел известную в то время официальную неправильную дату кончины: 15.12.43.

¹¹⁴ «Журнал Московской Патриархии». 1982. № 4. С. 12.

¹¹⁵ Московская духовная академия. 300 лет (1685–1985). Богословские труды. Юбилейный сборник. М., 1986. С. 30. См. также: Митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим. Русь уходящая. Рассказы митрополита. М., 2004. С. 180–181.

установлен памятник почившим наставникам. Большая часть имен на памятнике принадлежит наставникам, расстрелянным в 1930-е годы и не имевшим своих могил. Так в те годы старались почитать их мученический подвиг¹¹⁶.

Многочисленные конференции, семинары, вечера, передачи, посвященные жизни и творчеству священника Павла Флоренского отражают, конечно, отнюдь не только богословский, философский и научный интерес, но и благоговейное почитание памяти отца Павла. Особо отметим в этом ряду торжественные собрания, посвященные 25-летию со дня кончины священника Павла Флоренского (МДА, 6 марта 1968 г.)¹¹⁷, 100-летию со дня его рождения, проведенные в МДА (22 февраля 1982 г.) и в ЛДА (8 апреля 1982 г.), а также вечер Советского фонда культуры «Возвращение забытых имен. Павел Флоренский»¹¹⁸, проведенный в Москве 22 января 1989 г.

В 1989 г. на Соловецком острове в честь отца Павла Флоренского названа улица, которая непосредственно ведет к одному из мест расстрелов и погребений заключенных¹¹⁹.

Особое место посвящено отцу Павлу в Соловецком музее. Память отца Павла благоговейно почитается в Соловецком Преображенском мужском монастыре, а также среди жителей острова, у многих из которых дома висят его фотографии.

12 июля 1990 г., в день именин отца Павла, на его доме в Сергиевом Посаде, в котором он жил в 1915–1933 гг., была установлена мемориальная доска. Сам дом был поставлен на учет как памятник истории и культуры областного значения, подлежащий охране государства. Указом Президента РФ от 20 февраля 1995 г. дому был присвоен статус памятника истории и культуры федерального значения.

8 декабря 1997 г. в Москве открылся Музей священника Павла Флоренского, в котором собраны подлинные материалы, касающиеся

¹¹⁶ М. Х. Трофимчук. Академия у Троицы. Воспоминания. 1944–2004. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 2005. С. 187.

¹¹⁷ Расчет велся от официальной даты, принятой на то время. М. Х. Трофимчук. Академия у Троицы. Воспоминания. 1944–2004. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 2005. С. 321.

¹¹⁸ См.: Возвращение забытых имен. Павел Флоренский. Каталог выставки. М., 1989. С. 41–44.

¹¹⁹ См.: С. Селиванова. Соловки, улица Флоренского // «Литературная газета». 1989, 9 августа.

его жизни и творчества. К открытию Музея в зале им. П. И. Чайковского был приурочен концерт, посвященный памяти новомучеников и исповедников Российских. Открытие Музея и концерт, прошедшие по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, а также музейная Книга отзывов свидетельствуют о том, что память отца Павла дорога и священна для многих верующих людей.

Память отца Павла почитается на Дальнем Востоке, где он находился в лагере в 1933–1934 гг. В 2003 г. в г. Свободном на здании бывшего управления Бамлага (ныне железнодорожный техникум) установлена мемориальная доска, посвященная священнику Павлу Флоренскому. В 2004 г. в г. Сковородино был открыт краеведческий музей имени священника Павла Флоренского.

В 2004 г. на родине предков священника Павла Флоренского открылся «Историко-культурный музей села Завражье» (Кадыйский район Костромской области). Особый зал музея посвящен отцу Павлу и его костромским предкам священнослужителям.

* * *

В 1967 г. возобновилась публикация трудов отца Павла. Начавшись с небольших статей в специализированных журналах, публикация сочинений священника Павла Флоренского в настоящее время осуществляется изданием целой серии книг.

Сочинения отца Павла, публикуемые равно как в церковных, так и в светских издательствах, оказались наиболее востребованными из дореволюционной церковно-исторической, богословской и философской литературы. Как и ранее, они открывают интеллигенции путь к Богу, возвращают целые поколения в Церковь. Значительная часть работ отца Павла переведена на английский, французский, немецкий, итальянский, испанский, венгерский, словенский, болгарский языки – и тем самым знакомит инославный мир с Православием и имеет миссионерское значение.

То же значение имеют многочисленные произведения искусства (иконы, написанные для частного употребления, живописные портреты, стихотворения, музыкальное творчество, кино и телефильмы), посвященные отцу Павлу. В них выражены глубокое почитание его личности и жизни, вера и убеждение в его небесном предстательстве.

* * *

Монах (о. Павел Флоренский).
Художница Илзе Рудзите

В Русском зарубежье почитание мученической кончины отца Павла началось, как только стал известен факт его кончины в лагере. 11 апреля 1943 г. в Православном Богословском институте в Париже состоялось собрание. В слове, посвященном памяти отца Павла, протоиерей Сергей Булгаков писал: «Из всех моих современников, которых мне суждено было встретить за мою долгую жизнь, он есть величайший, и величайшим является преступление поднявших на него руку, обрекших его хуже, чем на казнь, но на долголетнее мучительное изгнание и медленное умирание. Он отошел, озаренный ореолом больше, чем мученика, но исповедника имени Христова в антихристово гонение. Посему и эта смерть исполняет душу не только потрясающей скорбью, как одно из самых мрачных событий русской трагедии, но она есть и духовное торжество, как одно из тех, о которых сказано тайнозрителю: «Отныне блаженны мертвые, умирающие о Господе, ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними» (Откр. 14: 13) <...> «... взглянул я, – говорит тайнозритель, – и вот, великое множество людей, которого никто не мог перечесать... стояло пред Престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих... Это те, которые пришли от великой скорби... они пребывают ныне пред Престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его... и отрет Бог всякую слезу с очей их...» (Откр. 7: 9, 14, 15, 17). И верим, в их лике зрится иерей Божий Павел, мученик и исповедник Имени Христова»¹²⁰.

Со времени собрания, посвященного кончине отца Павла Флоренского до настоящих дней, в Русском зарубежье он почитается как неканонизованный мученик, свидетель веры¹²¹.

Все это свидетельствует о том, что, прибегая к памяти отца Павла, верующие видят в нем образ священномученика Христова, чьи молитвы помогают обрести милость Божию.

¹²⁰ П. А. Флоренский. Pro et contra. Антология. Изд. 2-е. СПб., 2001. С. 391, 399.

¹²¹ См.: Вестник русского студенческого христианского движения. 1981. № 135; *Abbat Herman and Fr. Damascene*. Introduction. Saint Paul Florensky and Salt of the Earth. – Saint Paul Florensky. Salt of the Earth. Platina. California. 1987. P. 31; The Orthodox Word. N 135, 1987; *Andre Sikojev*. Pavel Florenskij (1882–1937). – Pavel Florenskij. Die umgekehrte Perspektive München. 1988. S. 157–168.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Основные издания сочинений священника Павла Флоренского

1. Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Издательство «Мысль».
 - Т. 1. <Работы 1903–1908 гг.>. М., 1994. 799 с.
 - Т. 2. <Работы 1909–1933 гг.>. М., 1996. 879 с.
 - Т. 3 (1). У водоразделов мысли. М., 1999. 622 с.
 - Т. 3 (2). У водоразделов мысли. М., 1999. 624 с.
 - Т. 4. Письма с Дальнего Востока и Соловков. М., 1998. 796 с.
2. Священник Павел Флоренский. Собрание сочинений. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. Изд. «Мысль». М., 2000. 447 с.
3. Священник Павел Флоренский. Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии). Изд. «Мысль». М., 2004. 686 с.
4. <Священник> Павел Флоренский. Столп и утверждение Истины (Опыт православной теодицеи). М., 2003. 633 с.
5. Священник Павел Флоренский. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. Завещание. М., 1992. 560 с.
6. Священник Павел Флоренский. Все думы – о вас. Письма семье из лагерей и тюрем. СПб., 2004. 549 с.
7. Павел Флоренский и символисты. Опыты литературные. Статьи. Переписка. М., 2004. 670 с.
8. Павел Флоренский. Оро. Лирическая поэма. М., 1998. 223 с.

Литература

1. П. А. Флоренский. Арест и гибель. Уфа, 1997.
2. П. А. Флоренский. Pro et contra. Личность и творчество Павла Флоренского в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Изд. 2-е. СПб., 2001. 823 с. (В издании приводится основная библиография работ о жизни и творчестве П. А. Флоренского. С. 806–821).
3. Андроник, иеромонах. Теодицея и антропология в творчестве священника Павла Флоренского. Томск, 1998. 192 с.
4. Андроник, иеродиакон. Указатель печатных трудов священника Павла Флоренского // Богословские труды. Сб. 23. М., 1982.
5. Андроник, игумен. Путь к Богу. (Жизнь, личность и творчество священника Павла Флоренского). На правах ркп. 2006.

Архивные источники

1. Дело по обвинению Елова М. С. и др. в количестве 80 человек (в том числе П. А. Флоренского). 1928 г. № 60110. – Архив ФСБ РФ, № 513621 (ранее Управление архивного отдела КГБ при Совете Министров СССР).
2. Дело «О контрреволюционной национал-фашистской организации «Партия возрождения России»». 1933 г. № 2886. – Архив Управления ФСБ РФ по г. Москве и Московской области, № 212727.
3. «Дело № 1042. 14/37 г. – оперчасти Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД СССР – на 12 человек заключенных, осужденных ранее за к-р троцкистскую деятельность» (расстрельное дело П. А. Флоренского). – Архив Управления ФСБ РФ по г. Москве и Московской области, № 212727.

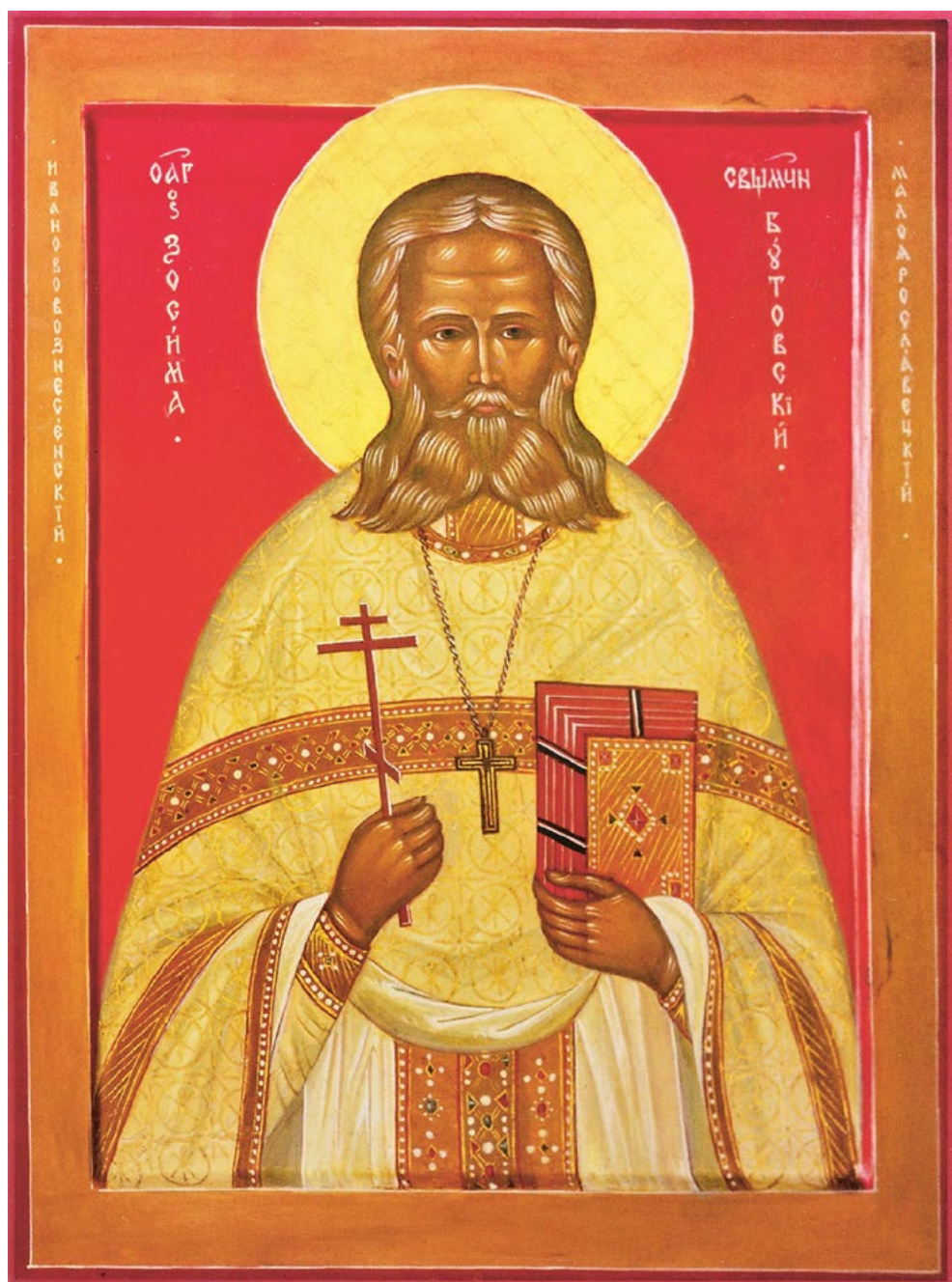
ПРОЕКТ ДЕЯНИЯ

...причислить к лику новомучеников и исповедников Российских для всероссийского церковного почитания:

священномученика иерея Павла Флоренского (1882–1937), который, получив от Бога сугубые дары мудрости, посвятил себя служению Церкви и свидетельствовал об истинности православной веры. Будучи профессором Московской духовной академии и редактором «Богословского вестника», он через науку и философию указывал современному миру путь ко Христу и Его Церкви – Столпу и утверждению Истины. «Философия высока и ценна не сама по себе, а как указующий перст на Христа и для жизни во Христе», – писал он.

С 1917 года отец Павел все свои силы отдал тому, чтобы сохранить для грядущего возрождения Святой Руси и для будущих поколений достояние Церкви, которое гибло под натиском безбожия и нигилизма. Ему принадлежит подвиг сокрытия на время гонений главы преподобного Сергия Радонежского. После незаконного осуждения в 1933 г. отец Павел, находясь в Сковородинском и Соловецком лагерях, многих заключенных обратил к вере во Христа и был для них образцом веры и благочестия. Исповеднический путь отца Павла завершился мученической кончиной – он был расстрелян 8 декабря 1937 года и погребен в Левашовской пустоши (Ленинградская область).

День памяти его установить на 25 ноября ст. ст.

Священномученик протоиерей Зосима Трубачев
(1893–1938)

ЖИТИЕ СЯЩЕННОМУЧЕНИКА ПРОТООИЕРЯ ЗОСИМЫ (ТРУБАЧЕВА)

(Память 13 февраля ст.ст.)

Протоиерей Зосима Васильевич Трубачев родился 24 декабря 1893 года в навечерие Рождества Христова в селе Пучуга на Северной Двине Сольвычегодского уезда Вологодской губернии (ныне Верхне-Тоемский район Архангельской области) в семье сельского диакона. Не только по рождению, но и нареченным именем он укоренен в глубинах Северной Руси, почитающей преподобного Зосиму Соловецкого. Родители его происходили из духовного звания. Отец – диакон Василий Петрович Трубачев, скончался в 1917 году в северодвинском селе Ракуле, мать – Вера Петровна, урожденная Попова, скончалась в 1942 году в Архангельске. Братья матери – Николай, Владимир, Симеон – были священниками. В селе Пермогорье на Северной Двине, возле храма в честь Воскресения Христова, сохранилась могила иерея Симеона. В Красноборске на Северной Двине служил протоиерей Николай Попов; сын его, тоже Николай, был священником в селе Евда, умер в лагере перед войной. Вторым сыном протоиерея Николая Попова – Петр, был врачом; он женился на Анне Комиссаровой, дочери Ивана Комиссарова, который в 1866 г. толкнул руку террориста и тем спас императора Александра II от гибели. Сын Петра Николаевича и Анны – Олег Петрович Попов, родившийся в 1916 г., был крестником царя Николая II, жил в Кириллове Вологодской области.

Дети диакона Василия Петровича Трубачева – Николай, Зосима, Петр, Пантелеймон – получили начальное образование в Духовном училище Никольска, но только Зосима продолжил обучение в Вологодской духовной семинарии, а по окончании ее в 1914 году был направлен в Московскую духовную академию.

Душевные качества Зосимы – доброта, отзывчивость, любовь к храму и церковному богослужению – рано преопределили его священническое призвание. Наделенный от природы музыкальным слухом и певческим голосом, он еще в Семинарии овладел навыками управления хором и замещал регента. Годы обучения в МДА (1914–1918)

Зосима Васильевич Трубачев. 1911 г.

окончательно определили пастырскую направленность, воспитали преданность Православию в его святоотеческой традиции, привели к духовному возрастанию его личности. На пути к пастырству он прошел через старческое руководство духовников Троице-Сергиевой Лавры и Смоленской Зосимовой пустыни. В общении с любимыми преподавателями Академии, архимандритом Иларионом (Троицким) и священником Павлом Флоренским, укрепилось его стремление жить благодатной жизнью Церкви и послужить ей. Юноша особенно любил изучать святоотеческое богословие, заключенное в слова богослужебных песнопений. Он глубоко почитал праведного отца Иоанна Кронштадтского, особенно близкого ему по родному Северному краю, и сохранил как благословение святого пастыря образ преподобного Иоанна Рыльского, написанный с портрета отца Иоанна и переданный отцу Зосиме

Верой Тимофеевной Верховцевой, духовной дочерью отца Иоанна. В лице отца Зосимы было даже некоторое сходство с лицом праведного Иоанна, объяснимое их общим природным северным происхождением.

В студенческие годы Зосима был одним из лучших регентов в Академии, управлял вторым академическим хором, и в 1915–1918 годах – хором при домовый церкви во имя равноапостольной Марии Магдалины в сергиево-посадском Убежище сестер милосердия Красного Креста, где настоятелем служил отец Павел Флоренский. В хоре пели студенты Академии и любители (женские голоса), возможно, и воспитанники приюта во имя святителя Алексия, что на Вальной улице Сергиева Посада.

За год до окончания Академии, 23 августа 1917-го года, Зосима вступил в брак с Клавдией Георгиевной Санковой (5/18.11.1898 – 2.10.1982), дочерью жителя Сергиева Посада. Отец ее, Георгий Прохорович Санков, по профессии железнодорожный мастер, помнил и почитал Гефсиманского старца Варнаву, при жизни старца обращался к нему за советом. Венчание совершил отец Павел Флоренский в домовом храме во имя Марии Магдалины, где пели сестры Санковы, и благословил Зосиму образом Святителя Николая с дарственной надписью: «Дорогому Зосиме Васильевичу Трубачеву благословение на чистый и счастливый брак от священника Павла Флоренского, душевно к нему расположенного. 21 день VIII. [19]17. Сергиев Посад».

Под руководством отца Павла Флоренского студент Зосима Трубачев написал в 1918 г. кандидатское сочинение на тему: «Космический элемент в богослужении по богослужебным книгам», и в тот же период посещал его дом. Бережно хранил Зосима книги отца Павла с дарственными надписями и именно к нему, уже будучи священником, обращался в поисках ответа на волнующие вопросы церковной жизни. Участие отца Павла Флоренского в судьбе отца Зосимы по Промыслу Божию имело благодатное значение: в послевоенные годы семьи их породнились, а внук отца Павла и отца Зосимы – ныне игумен Андроник (Трубачев), – стал продолжателем священства обоих родов.

24 (11 ст. ст.) марта 1918 года Зосима Трубачев принял сан диакона, а 8 мая (25 апреля ст. ст.) 1918 года был рукоположен во священника Святейшим Патриархом Тихоном в Троицком соборе Троице-Сергиевой Лавры. Сохранилась его ставленническая грамота (№ 1083), выданная в Москве 29 июля 1924 года, с подписью и печатью Святейшего

Патриарха Тихона. В 1918 году священник Зосима Трубачев окончил Московскую духовную академию по первому разряду со степенью кандидата богословия.

В первые годы священства отец Зосима служил в селе Подосиновце Великоустюжской епархии настоятелем храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Село Подосиновец, расположенное в стороне от железной дороги (в 50 км от станции Пинега), стоит на высоком берегу реки Юг (приток Сухоны). Речной путь связывал село с Вологдой и Великим Устюгом, а через Северную Двину – с Котласом, Архангельском и Белым морем. Крестьяне занимались хлебопашеством, сеяли и обрабатывали лен. Женщины пряли и ткали, носили домотканую одежду. Старинные предметы домашнего обихода – прялки, глиняная посуда, светец для горящей лучины – тогда еще не стали музейной редкостью. Индустрия почти не коснулась в те годы заповедных северных сел. Отец Зосима с детства хорошо знал трудовую крестьянскую жизнь. Поселившись в Подосиновце, он всецело посвятил себя пастырской деятельности. Ревность отца Зосимы о славе Божией и его твердость в исповедании веры были испытаны с первых дней служения. Накануне его приезда здесь претерпели мученическую кончину от безбожников прежний настоятель храма протоиерей Николай Подьяков (множество огнестрельных и одиннадцать штыковых ран); убит священник соседнего прихода о. Виктор. Совершение богослужений, проповедь Слова Божия, отеческая забота о вверенных ему прихожанах, христианское воспитание детей стали смыслом и содержанием его жизни.

Служение в сельском храме сблизило его с народом. Он посещал больных в отдаленных селениях прихода, устраивал воскресные беседы, обличая раскольников и сектантов, просто и доступно изъяснял истины православной веры, приходил на помощь нуждающимся. Отец Зосима взял на воспитание тринадцатилетнюю сироту Наташу Груздеву, дочку утонувшего помора, и впоследствии она всюду следовала за его семьей. Поселился отец Зосима в большом церковном доме вместе с супругой, матерью и братьями. Мать, Вера Петровна, вела хозяйство и готовила просфоры.

В Подосиновце родились дети: Сергей (род. 26.03.1919, сконч. 25.10.1995), Анастасия (род. 3.08.1922, сконч. 15.10.1985), Алексей (род. в 1924 г., сконч. 26.03.1943, в госпитале г. Орла от ранений на фронте). В младенческом возрасте с младшим сыном Алешей про-

Зосима Трубачев с женой Клавдией Георгиевной. 1917 г.

Дети отца Зосимы: Анастасия, Алексей, Сергей

изошло чудесное событие. В праздничный день семейного торжества собрались родные и гости. Отец Зосима держал сына на руках, но когда кто-то позвал его, он неосторожно положил ребенка на подоконник и поспешно вышел. Через несколько мгновений Алеша упал со второго этажа дома на улицу. Когда его принесли, он тотчас уснул. Отец Зосима горячо молился в соседней комнате. Мальчик проснулся вполне здоровым.

Служил отец Зосима внутренне собранно, сосредоточенно, в отдельные моменты истово, весь уходя в молитву. Возгласы произносил распевно, звучно, молитвы читал горячо, убежденно, иногда, казалось, даже властно. На Крещенское водоосвящение в Подосиновце спускался к реке. Летом водосвятные молебны совершал перед храмом на огромном камне-валуне. 2 июля (19 июня ст. ст.) 1920 г. он был награжден набедренником.

Зимой 1921 года отец Зосима заболел сыпным тифом и находился между жизнью и смертью. В Крещенский сочельник после Великого водоосвящения пришли из храма священник в облачении и причетник, отслужили молебен, окропили больного святой водой, вынесли из дома с пением, как умирающего, и отвезли в больницу. Тогда отец Зосима выжил, но пережитое потрясение оставило глубокий след.

23 (10 ст. ст.) мая 1921 г. отец Зосима был награжден камилавкой. В 1922 году, вероятно, в связи с изъятием церковных ценностей, отца Зосиму впервые арестовали и отправили в Великий Устюг, откуда он вернулся через месяц и продолжал служить в том же храме.

В годы начавшихся расколов, оторванный от Москвы и не знающий истинного положения дел, отец Зосима обратился за советом к отцу Павлу Флоренскому. Уже тогда его письмо исполнено ревности до конца идти за истиной:

«Глубокопочтимый и многоуважаемый отец Павел Александрович! От души поздравляю Вас с Светлым праздником Христова Воскресения и сердечно желаю Вам о Христе радоваться. – Вдали от центра, в сельской глуши я часто своею мыслью переносюсь в те места, с которыми у меня связано столько дорогих воспоминаний, где созрел я духовно под руководством высокопреосвященных наставников. Из этих последних Вы, отец Павел, безусловно оказали на меня самое сильное влияние, и я всю жизнь не перестану молить за Вас Бога за все то добро, которое я приобрел через Вас.

Теперь мы живем в церковном отношении в необыкновенно трудное и смутное время. Как быть, где правда, за кем идти и вести вверенное мне Богом малое стадо, чтобы не погубить их и самому не заблудиться? – Как и везде, в нашей епархии церковный раскол обостряется все более и более, совершенно разрушает церковное дело и, в конце концов, заставляет страдать всех искренно болеющих судьбою Церкви людей, в особенности пастырей. Дорогой о. Павел! Помогите разобраться и укажите, где правда! Я всегда смотрел и смотрю на Вас, как на человека не только умного, но и глубоко чуткого к правде. Я всегда искал у Вас, в Ваших книгах ответы на многие серьезные вопросы и получал всегда ответ, дающий внутреннее удовлетворение. Я и теперь, после целого года (даже более) сомнений, исканий, ошибок снова обращаюсь к Вам, помогите! За братский совет, за отеческое руководство Ваше буду не только благодарен Вам я, но и другие, кто так или иначе связан со мной в церковных вопросах и также ищет помощи и совета. В 1923 г., ровно год тому назад, я был у Вас, но, к сожалению, повидаться с Вами мне не удалось. Теперь едет моя жена, и с ней я посылаю это письмо, через нее Вы и можете написать мне Ваше доброе слово совета. Я не ставлю частных вопросов, которых, конечно, много, но было бы для Вас затруднением на них отвечать. Я жду правды, за кем идти – за Патриархом или за Синодом? Или еще по какому-нибудь третьему пути? – Не откажите, ради Бога, о. Павел, хотя немного времени уделить для ответа на мучащие меня и многих вопросы, и я буду Вам глубоко благодарен.

О моей жизни, может быть, Вам расскажет жена. Литературным трудом, кроме проповедей, не занимаюсь совершенно. Читаю тоже мало. Надо бы освежиться и заняться усерднее своим делом, но много значит отсутствие вблизи таких лиц, от которых бы можно было поучиться жить и работать или хотя бы просто вдохновиться. – Если можете, не оставьте, хотя изредка, будить меня. Искренне преданный Вам ученик Ваш недостойный иерей Зосима Трубачев. 1924 г. 1 мая».

В сентябре 1924 года отца Зосиму перевели в Ивановскую епархию, возглавлявшуюся тогда Преосвященным Августином (Беляевым), епископом Иваново-Вознесенским. Некоторое время он служил в Кохме – рабочем предместье Иванова, где снова был арестован, но вскоре освобожден.

В июле 1926 года отец Зосима совершил паломничество в Саров на празднование обретения мощей преподобного Серафима. Он взял

с собой семилетнего сына Сергея. От Арзамаса двинулись на подводе через песчаные Саровские сосновые леса. Большую часть пути отец Зосима с сыном прошли пешком. Успели ко всеобщей в Успенском соборе, пламенеющем огнями свечей возле раки с мощами Преподобного, а на другой день побывали и в пустыньке, и на камне, и на источнике. Освежились родниковой водой – всюду с молитвой призывая имя святого Старца Саровского. Монастырь тогда еще не подвергся окончательному разорению.

На обратном пути остановились в Дивееве. Отец Зосима вместе с сыном ходили вдоль Богородичной канавки с молитвой «Богородице Дево, радуйся». Побывали они у блаженной Марии Ивановны Дивеевской. Она простилась с путниками ласково. Какой-то юродивый предсказал нечто отцу Зосиме о нем и об открытии недостроенного собора. Паломничество это укрепило отца Зосиму на вскоре предстоящее ему очень тяжелое церковное послушание.

17 сентября 1926 года владыка Августин назначил его настоятелем Введенского храма (так называемого «красного») в самом Иванове, где он служил в сане протоиерея до осени 1928 года. Вместе с отцом Зосимой приехали в Иваново его супруга Клавдия Георгиевна (по выбору приходского совета ее назначили псаломщицей в Введенском храме) и малолетний сын Сергей.

Служение в этом храме было поистине подвижническим. В сложной обстановке противостояния Православной Церкви и обновленцев и в Кохме, и в Иванове отпали от Патриарха Тихона некоторые священники и даже появился свой обновленческий архиерей (Иерофей). Обновленцы вызывающе совершали крестные ходы по городу, вводя в заблуждение верующих. Во все годы обновленческого раскола отец Зосима, получивший наставление и поддержку отца Павла, неизменно сохранял верность Святейшему Патриарху Тихону и его Местоблюстителю. Обстановку в Иваново-Вознесенске хорошо характеризует выдержка из секретного письма местного ОГПУ в 1927 г.: «В то время, как черносотенная тихоновская церковь держит в своих руках все центральные храмы, обновленцы вынуждены ютиться на задворках». 27 октября 1927 года главный храм города – Покровский собор – власти передали обновленцам, а его бывшего настоятеля Орлова отправили в ссылку «за антисоветскую пропаганду». В тяжелейших условиях, когда власти намеревались закрыть Введенский храм или

передать его обновленцам, безбожники открыто совершали злостные выходы, а среди церковного причта не было согласия и единомыслия, отцу Зосиме приходилось отстаивать и защищать вверенный ему храм, объединяя приход в сохранении церковного единства.

Введенский храм, сравнительно недавно построенный, по своему архитектурному облику напоминал величественный собор, но требовал больших работ по внутреннему убранству. Небольшого роста, благообразный, тяготеющий к ученому слову новый настоятель храма оказался на редкость энергичным человеком. Пренебрегая нескончаемыми проверками инвентаря, имущества, разного рода придирками, он в короткий срок установил красивый деревянный резной иконостас, потребовал от властей вернуть церкви 16 000 штук кирпичей, которые еще в дореволюционное время были закуплены для постройки каменной колокольни. Власть, конечно, отказала на том основании, что с отделением церкви от государства кирпич был национализирован и ни о каком возврате речи быть не могло, но само требование возвращения церковного имущества в те годы было дерзновенным обличением беззакония. Получив отказ, отец Зосима реконструировал деревянную колоколенку при храме, освятил колокола и установил ежедневный уставной звон.

В тревожный, крайне болезненный период церковной жизни отец Зосима направлял нравственные усилия на достойное устройство храмового богослужения, преодоление всякой небрежности в отправлении чинопоследований, в особенности в совершении таинства Исповеди. Он настойчиво отстаивал обиходные традиции церковного пения, несовместимые с концертностью, стремился придать хору подлинно молитвенное направление.

В воскресные дни после вечернего богослужения отец Зосима проводил беседы на религиозные темы, привлекая к ним и других священников. Каждую неделю по вторникам читали Акафист перед иконой Божией Матери «Нечаянная Радость», и тогда молебная икона ставилась посередине храма.

Проповеди отца Зосимы убеждали силой его веры, соединенной с преданностью воле Божией. Изъясняя Слово Божие, он искал путь к душе верующих, призывал неложно исповедовать Христа, не отрекаться от Него, приводил примеры из жизни святых мучеников. Из русских подвижников он особенно почитал праведного Иоанна Кронштадского и преподобного Серафима Саровского.

Событием в жизни Иванова явился Пасхальный крестный ход вокруг храма в 1928 г. Чтобы избежать столкновений, духовенство вынуждено было, нарушая устав и традицию, проводить крестный ход на Пасху внутри храма. Живы еще люди в областном центре, которые помнят, как власти города Иванова, узнав о том, что отец Зосима подготавливает на Пасху уставной крестный ход вокруг храма, срочно организовали контрдемонстрацию рабочих. С транспарантами «Борьба против религии – это борьба за социализм», с чучелами, разряженными «под попов», колонна демонстрантов в тот день подошла к Введенскому храму и стала сжигать чучела на глазах набожных старушек, кричать обидные слова и смеяться над людьми с иконами и хоругвями. Сын отца Зосимы, диакон Сергей, вспоминал: «Как-то перед Пасхой отцу угрожали, требовали отменить крестный ход в Пасхальную ночь. Когда с пением «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесах» священство и верующие вышли из храма, их стали теснить с безобразными выкриками заранее поджидавшие этого момента дюжие парни. Отца Зосиму, как и все духовенство, охраняли ивановские рабочие – прихожане храма. Они оцепили процессию, взявшись за руки, и не допустили избиения. Я крепко держался за край священнического облачения и тоже охранял отца, идущего с крестом и трисвещником».

То был последний крестный ход в Иванове в советское время.

Между владыкой Августином и отцом Зосимой установились глубоко доверительная дружба и любовь, превосходящие обычные канонические взаимоотношения архипастыря и священника.

Власти запретили владыке Августину жить в Иванове, и поэтому он вынужден был подолгу жить в Кинешме или в Москве. В Иванове владыка Августин мог служить только по особому разрешению властей. Когда владыка Августин приезжал в Иваново, то всегда старался посетить Введенский храм. С любовью встречали архипастыря отец Зосима и прихожане. Посещая храм, владыка Августин неизменно проповедовал и не покидал храма, пока не благословит каждого. Но это было недолго. В 1927 г. владыку Августина арестовали и выслали в Среднюю Азию, в Ходжент. Хотя арестовали владыку Августина в Москве, весть об этом мгновенно дошла до паствы. Ивановцы очень жалели Владыку, который отличался исповедничеством Православия, добрым нравом и образованностью. Находясь в ссылке, владыка Августин следил за положением епархии, старался, как мог, сердечно под-

держат отца Зосиму, и писал ему из Средней Азии: «...Незавидное ваше положение». И еще: «Никто не отнимет у нас то, что мы имеем в себе!». Дети владыки Августина (до принятия монашества он был женат) жили в Иванове, и отец Зосима организовал сбор средств для их существования.

В это время в Иванове расклеили по городу списки «лишенцев». В них заносились фамилии «бывших» – фабрикантов, купцов, военных и «служителей культа». Продолжалось глумление над церковными праздниками, устраивались антирелигиозные карнавальные шествия. Появились клеветнические статьи в местной газете. Это была идеологическая подготовка к арестам. Действительно, ОГПУ по Ивановской области провело аресты целой группы священников и церковнослужителей, в числе которых был и отец Зосима. Свидания с заключенными разрешали только через тюремную решетку. Ждали свидания у тюремных ворот, пока не откроют, и тогда поток ожидающих устремлялся внутрь двора, охраняемого часовыми.

Вскоре Особое совещание при комиссии ОГПУ Ивановской области обвинило духовенство города Иванова в контрреволюционной деятельности по ст. 58-10.

«Контрреволюционная» деятельность заключалась в том, что они собирали подписи и посылали в Москву петиции с просьбой вернуть из ссылки на епископство владыку Августина, «никогда не занимавшегося антисоветской пропагандой», пытались организовать демонстрацию в защиту опального епископа, собирали в церкви средства «в пользу семьи Владыки», были очень разочарованы тем, что к 10-й годовщине Октября не был амнистирован владыка Августин. Среди обвиняемых, по доносу осведомителей, выделен отец Зосима Трубачев, «один из наиболее рьяных тихоновцев», – он требовал за молебном поминать о здравии имя заключенного архиепископа Августина и обвинял нового епископа Николая (Покровского) в обновленческих попустительствах.

7 сентября 1928 г. отец Зосима был приговорен к высылке в Вологодскую губернию сроком на три года.

После ареста семью отца Зосимы поддерживали прихожане Введенского храма: помогали материально и нравственно пережить его отсутствие. По свидетельству протоиерея Николая Калистова, служившего в те годы с отцом Зосимой, память о нем в Иванове многие

годы сохраняли его искренние почитатели. По воспоминаниям старых прихожанок Введенского храма г. Иванова, отец Зосима был «истинно святой человек».

Хотя Введенский храм вскоре был закрыт, исповедническое служение отца Зосимы принесло обильные плоды не только его непосредственной пастве, но и будущим прихожанам через много десятилетий. Это была именно та, так называемая, «красная» церковь, ради возвращения которой Церкви верующие Иванова весной 1989 г. подъяли на себя сугубый подвиг поста. Открытие и возрождение Введенской церкви, вокруг которой образовался Введенский женский монастырь, стало в конце XX века символом возрождения Иваново-Вознесенской и Кинешемской епархии. В настоящее время во Введенском женском монастыре особо почитается память священномученика Зосимы как небесного покровителя обители.

Отец Зосима был выслан в Вельск (тогда отстоявший от железной дороги на 120 км). Служить ему не разрешали. В 1929 году ссылку ужесточили, отправили в лагерь на лесоразработки в районе станций Коноша-Няндомы Северной железной дороги. Там отец Зосима встретился с П. А. Голубцовым (будущим архиепископом Новгородским Сергием), тоже ссылкой. Владыка Сергей впоследствии вспоминал, как двое ссылных священников – один из них был отец Зосима – обращались к нему как к бригадиру за теплой одеждой. Слабое здоровье отца Зосимы не выдержало тяжелых условий работы, и его перевели на перевозку лесоматериалов к станции Коноша, где начиналось строительство железнодорожного пути к Вельску.

В 1932 году отцу Зосиме разрешили переезд в Юрьев-Польский, но все же как бывшему ссылкеному – без права церковного служения. Там он работал в совхозе, а в свободные дни руководил клиросным пением в храме во имя святых бессребренников Космы и Дамиана – единственном храме, уцелевшем на окраине города. На клиросе пели старые монахини бывшего Петропавловского монастыря, расположенного неподалеку от Космодамиановского храма. Отец Зосима причащался в алтаре, не совершая богослужений, а его тринадцатилетний сын Сергей пел в хоре и прислуживал за архиерейским богослужением викария Владимирской епархии епископа Хрисогона (Ивановского). Других иподиаконов Владыка не имел, и Сергею приходилось и облачать, и выносить светильники, и стоять с жезлом.

В Юрьеве-Польском отец Зосима много читал творения святителей Тихона Задонского, Игнатия Брянчанинова, Феофана Затворника. Книги он брал у местного книголюба В. И. Акимова и у старого заштатного священника, бывшего законоучителя. Богословские, исторические и даже богослужебные книги хранил он потаенно в кладовой или в сарае.

В Юрьеве-Польском о. Зосима встретился с высланным настоятелем Уссурийского Свято-Троицкого монастыря архимандритом Сергием (Озеровым), благодатным старцем, заочным наставником разбросанных по стране насельников дальневосточной обители. Он жил напротив ворот Архангельского монастыря и совершал длинный путь до храма по всей Петропавловской улице, как простой путник, одетый в крестьянскую одежду, но всегда – с посохом. Беседы с архимандритом Сергием, его неторопливые повествования о любимой обители на Уссури, куда перенес он с Валаама строгий устав монастырской жизни, вместе с его благословением, имели для отца Зосимы особый духовный смысл. Это подготовило его к будущим испытаниям и воспитало в нем непрестанную внутреннюю молитву.

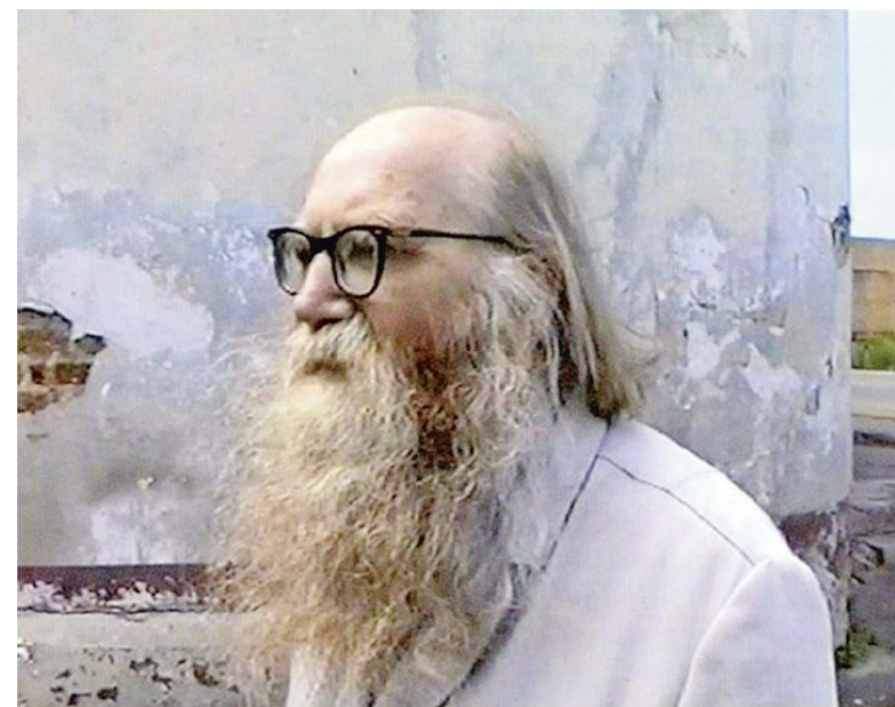
За годы ссылки отец Зосима стал сдержаннее в проявлении своих чувств, но не изменил ни убеждений, ни твердого намерения продолжить церковное служение. Душевный облик отца Зосимы, его педагогический талант хорошо раскрыт в воспоминаниях его старшего сына, ставшего церковным композитором, диаконом Сергием Трубачевым:

«Отец Зосима очень любил детей, и не только своих. На Рождество в доме устраивалась елка. Пели рождественские песнопения “Рождество Твое, Христе Боже наш”, “Дева днесь” и детские игровые песни. С отцом я не расставался до ареста и ссылки ни на один день, он брал меня даже в дальние поездки. С четырех лет я уже прислуживал в храме: выносил на престольную свечу перед Святыми Дарами на литургии Преждеосвященных Даров и на малом входе перед Евангелием.

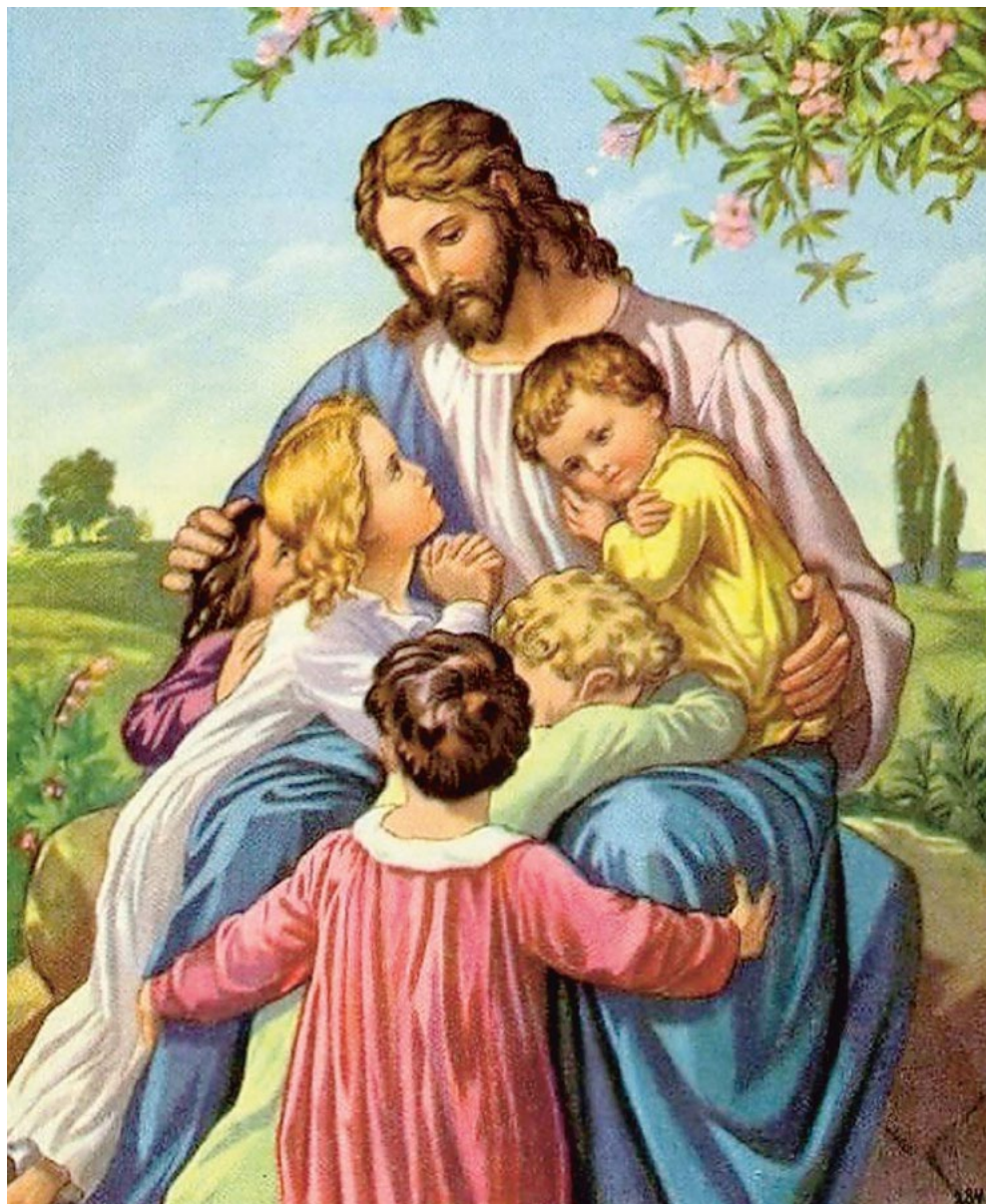
Насколько я знаю и помню своего отца, светлое восприятие жизни преобладало в нем над всеми жизненными невзгодами. По своему характеру отец Зосима был общителен, легко сближался с людьми как из церковной, так и из мирской среды. К нему тянулись люди и простые, и образованные. Так, в Подосиновце он сблизился с семьей земского врача, дочь которого – Екатерина Отрокова – стала крестной матерью моей сестры Анастасии. В Иванове он посещал дом, где иногда музицировали, и познакомился там с музыкантом из Петрограда,

Сергей Зосимович Трубачёв с сыном Александром (будущим игуменом Андроником). 1950-е гг.

Диакон Сергей Трубачёв (26.03.1919–25.10.1995). 1995 г.

Иисус Христос благословляет детей

который помог ему приобрести пианино. Отец радовался, когда в доме появился прекрасный инструмент. А я очень жалел фисгармонию – инструмент моего раннего детства, с ним пришлось расстаться, чтобы оплатить приобретение нового.

Отец любил не только церковную музыку – в юности он пел народные песни и некоторые вокальные произведения русских композиторов. На вечерах в Академии исполнял “Благословляю вас, леса” П. И. Чайковского на слова из поэмы “Иоанн Дамаскин” А. К. Толстого. Нам, детям, стремился привить любовь к музыке, играл и пел с нами “Песни для детей” Чайковского на слова А. Н. Плещеева и особенно выделял его “Легенду”:

*Был у Христа Младенца сад,
И много роз взрастил Он в нем,
Он трижды в день их поливал,
Чтоб сплесть венок Себе потом.
Когда же розы расцвели,
Детей еврейских созвал Он;
Они сорвали по цветку
И сад был весь опустошен.
«Как Ты сплетишь теперь венок?
В Твоем саду нет больше роз!»
«Вы позабыли, что шипы
Остались Мне», – сказал Христос.
И из шипов они сплели
Венок колючий для Него,
И капли крови вместо роз
Чело украсили Его.*

Когда-то в Вологде отец приобрел собрание хоровых партитур церковных композиторов, принадлежавшее местному краеведу и коллекционеру И. Н. Суворову. Среди них – в издании Юргенсона – “Реквием” Моцарта. Собрание не сохранилось, но партитура “Реквиема” осталась как вещественный знак памяти об отце.

Меня он рано начал обучать музыке, направил петь в церковный хор. Сначала я подбирал на фисгармонии напевы, услышанные в храме. Отец объяснил устройство клавиатуры, последовательность звуков гаммы, помогал найти нужную клавишу. Все это было до 7 лет.

В Иванове я начал заниматься у преподавательницы музыкального училища Татьяны Петровны Поповой. С ней познакомила отца обаятельная тетя Валя, как мы ее называли, приносившая нам детские книги (работала она в книжном магазине). В доме ее отца и состоялось знакомство с консерваторским музыкантом. Выбранный им красивый по тембру инструмент тетя Валя уберегла от конфискации, когда папу арестовали, – перевезла его к себе, а позже переправила в Сергиев Посад. Инструмент же Татьяны Петровны – старый рояль “Беккер”, дребезжащий звук которого казался скучным и безжизненным, – отпугивал в начале занятий.”

Отец позаботился, чтобы и в Юрьеве я продолжал заниматься на фортепиано. Нашелся заброшенный инструмент у сестер-учительниц, вынесенный в мансарду, там же лежали ноты для любительского музицирования, главным образом вокальные. Предоставленный самому себе, я не играл гаммы, а импровизировал и пытался записывать сочиняемую музыку. Впервые в это лето я слушал струнный квартет – приезжие музыканты играли в городском парке квартеты Бетховена и Чайковского. Идти мне не хотелось, но отец настоял, чтобы я послушал, и в тот памятный вечер проникновенная русская напевность “Анданте кантабиле” Чайковского слышалась мне в голосах смычковых инструментов.

Позже, в Малоярославце, отец познакомился с семьей высокообразованного священника Михаила Шика¹²². В 1918–1920 годах М. В. Шик жил в Сергиевом Посаде и работал в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры вместе с Ю. А. Олсуфьевым и священником Павлом Флоренским. Отца интересовало общение с человеком высокой интеллектуальной культуры, принявшим священство.

Отец любил русскую религиозную живопись, в редкие приезды в Москву водил меня по залам Третьяковской галереи, чтобы я посмотрел “Явление Христа народу” А. Иванова, “Видение отроку Варфоломею” и “Юность преподобного Сергия” М. В. Нестерова, исторические картины Сурикова и Васнецова, пейзажи русских художников. Всегда знакомил с достопримечательностями города, где жил, направлял мое внимание на памятники древнерусской архитектуры. Так, в

¹²² Священник Михаил Шик 27 сентября 1937 года был расстрелян и погребен на Бутовском полигоне.

Юрьеве-Польском постоянным местом наших прогулок был городской вал и Георгиевский собор XIII века.

Уже в другие годы, разбирая оставшиеся после отца книги, я прочел “Умозрение в красках” Е. Трубецкого и мне стало понятно отношение отца к древнерусской иконе, древнерусской архитектуре. Возросший на родине северного зодчества, он воспринимал его как неотъемлемую часть впитанной им с младенческих лет культуры, неотделимой от родной природы, религиозного восприятия мира и церковности самой жизни.

Интерес к многообразным сторонам жизни позволял ему сближаться с людьми очень разного уровня. Притом он всегда оставался священником, лицом, облеченным в иерейский сан, и тяготение к искусству не заглушало в нем внутренней настроенности на красоту, прозреваемую в творении Божиим, в земных откровениях вечного.

Для моего чтения отыскал “Православный катехизис в рассказах”, – замечательно составленное пособие, раскрывающее основы христианского вероучения на примерах из истории Церкви и житий святых, в рассказах и стихотворениях русских поэтов. В книге, обращенной к детям, на доступном языке открывался светлый мир евангельских образов.

В семейном чтении отец нередко обращался и к русской поэзии. Мы слушали “Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника, и удалого купца Калашникова”. Запали в душу лермонтовские стихотворения: “Скажи мне, ветка Палестины”, “Я, Матерь Божия, ныне с молитвою” и, конечно же, “По небу полуночи Ангел летел” и “Когда волнуется желтеющая нива”. Любимым чтением в кругу семьи стали “Жития святых” святителя Димитрия Ростовского, когда двенадцатитомное издание их в русском переводе украсило скромное книжное собрание. Помню, при чтении жития мученика Евстафия Плакиды младшие дети и мама плакали. Запомнился и вопрос отца: “А если бы тебя отдали на мучения за Христа – ты пошел бы?” В детской душе колебаний не было, и я отвечал утвердительно».

Заметив, уже незадолго до конца своей жизни, охлаждение христианской любви к Богу и ближним в своем семнадцатилетнем сыне Сергее, отец Зосима написал ему письмо, которое могло бы служить образцом христианской педагогики. Нежность отца и твердость пастыря с равной силой должны были вызвать искренний душевный ответ взрослеющего сына.

1 сентября 1936 г.
Дорогой Сереженька!
Поздравляю тебя с поступлением в МУЗ.
Техникум и с началом учеб. года. По
этому случаю дарю тебе "Переписку П. И. Чай-
ковского с фон-Мекк" (I и II т.). Желаю тебе
успехов на избранном тобою пути. Вместе
с тем еще более желаю, чтобы ты не
переставал работать над воспитанием своего
внутреннего человека, развивал в себе
все лучшие христианские качества, из
которых "альфа и омега" – любовь к Богу
и к ближнему.

Первые строки письма отца Зосимы Трубачева сыну Сергею

«1 сентября 1936 г. Дорогой Сереженька!

Поздравляю тебя с поступлением в музыкальный Техникум и с началом учебного года. По этому случаю дарю тебе "Переписку П. И. Чайковского с фон-Мекк" (I и II т.). Желаю тебе успехов на избранном тобою пути. Вместе с тем еще более желаю, чтобы ты не переставал работать над воспитанием своего внутреннего человека, развивал в себе все лучшие христианские качества, из которых "альфа и омега" – любовь к Богу и к ближнему.

Личность П. И. Чайковского отчасти может служить примером. Он обладал чрезвычайно тонкой и нежной духовной организацией, не выносил ничего грубого, фальшивого и мерзкого. Из переписки видно, что он был также по-своему религиозен и необычайно любил Православное богослужение. Что касается любви к ближнему, то меня особенно поразила его привязанность и заботливость о родных: отце, братьях, сестре, племянниках и др. близких людях. – Я и мама хотели бы видеть от тебя хотя немного больше внимания, нежели сколько

ты нам уделяешь. Главное – не будь эгоистом. Всей душой любящий тебя П.

P.S. Я давно хотел спросить тебя: почему ты перестал молиться Богу? Неужели ты стал безбожником? Не хочется этому верить. Убедительно прошу тебя восстановить свое молитвенное правило: пусть оно будет краткое, но искреннее и постоянное. Одно время ты молился слишком подолгу, и я словно предчувствовал, что эта крайность приведет тебя к другой крайности. В духовной жизни все совершается постепенно, то же самое должно быть и с молитвой. Если у тебя сомнения, почему ты не поделишься ими со мной?...

/уничтожь/».

Не это ли, так и не уничтоженное письмо, сохранило сына Сергея в Церкви, помогло ему пройти войну, вырастило в нем истинно церковного композитора и привело к диаконскому служению как венцу жизни?

Летом 1934 года, когда закончился срок ссылки, ограниченной проживанием без права выезда и служения, отец Зосима поспешил навестить свою мать, которая жила в то время в Архангельске, а затем,

Протоиерей Зосима Трубачев с матерью Верой Петровной Трубачевой. 1934 г.

приехав в Москву для устройства своего церковного служения, он был направлен служить в храм в село Раменье Шаховского района Московской области. В том же году вернулся из заключения Преосвященный Августин, которого Митрополит Сергей 27 марта 1934 г. назначил на Калужскую кафедру. В Москве произошла встреча отца Зосимы с любимым архипастырем, и Владыка предложил ему служение в Малоярославце. Отец Зосима с радостью согласился на предложение Владыки. Он был назначен настоятелем Казанского собора в городе Малоярославце и благочинным всех приходов Малоярославского района.

Протоиерей Зосима Трубачев с женой Клавдией Георгиевной. 1930-е гг.

Отправляясь на служение в Малоярославец, тем более на должность настоятеля собора и благочинного, отец Зосима не сомневался в том, что он будет вновь арестован. Для того чтобы облегчить положение членов своей семьи, которые в таком случае попадали в разряд ближайших родственников «врага народа», что отмечалось во всех анкетах, отец Зосима оформил документы, будто он оставил семью. Именно поэтому в обвинительном заключении он был назван «одиноким». Этот выходящий из обычных рамок поступок свидетельствует, что отец Зосима свое служение в Малоярославце осознавал как последний шаг жизни, который должен был завершиться крестом мученичества.

Как и ранее, отец Зосима с любовью окормлял свою паству, а также многих ссыльных монахинь и духовенство. Среди них был и вернувшийся из концлагеря священноисповедник протоиерей Роман (Медведь), которого во время его смертельной болезни отец Зосима посещал каждый день до самой смерти, последовавшей 8 августа 1937 г.

И архиепископ Августин, и протоиерей Зосима разделили судьбу епископов и священников, мученически пострадавших в годы гонения на Церковь. Владыка Августин был расстрелян 23 ноября 1937 года.

Отец Зосима был арестован 26 января 1938 года. 29 января начальник Малоярославецкого районного отделения УНКВД лейтенант госбезопасности Кузьмин допросил в качестве обвиняемого отца Зосиму:

«Вопрос: Следствию достаточно известно, что Вы ведете активную контрреволюционную работу против советской власти, предлагаю Вам дать откровенные показания о Вашей контрреволюционной деятельности.

Ответ: Контрреволюционную работу против советской власти я не вел и не веду. Виновным себя в контрреволюционной деятельности не признаю.

Вопрос: Дайте подробное показание следствию о Вашей судимости в 1928 году.

Ответ: В 1928 году я был настоятелем храма Введенского в гор. Ивано-Вознесенске, где я и был арестован по обвинению в контрреволюционной агитации, которая заключалась в следующем. После ареста епископа Августина в церкви, в которой я служил, производились сборы в пользу его детей.

Записано с моих слов правильно, мне прочитано, Трубачев.

Допросил лейтенант г-б Кузьмин».

После допроса отец Зосима был переведен в Москву в Таганскую тюрьму.

Показания так называемых свидетелей, приводимые в «Обвинительном заключении», ложны в стремлении приписать отцу Зосиме контрреволюционную деятельность и в попытке политизировать его взгляды, но в них против воли самих лжесвидетелей отразилось духовное видение священика.

«Обвинительное заключение по следственному делу № 8550 по обвинению Трубачева Зосимы Васильевича:

Я, Начальник Малоярославецкого Р/О Управления НКВД по Моск. обл. Лейтенант государственной безопасности, Кузьмин, рассмотрев

31 января 1938 года следственное дело по обвинению священника Трубачева Зосима Васильевича, 1894 г.р., уроженца с. Пичуга [так в документе – Ред.], Верхне-Тоемского района, Архангельской области, перед арестом проживал в Малоярославецком районе Моск. области, и работал настоятелем Казанского собора, – установил следующее:

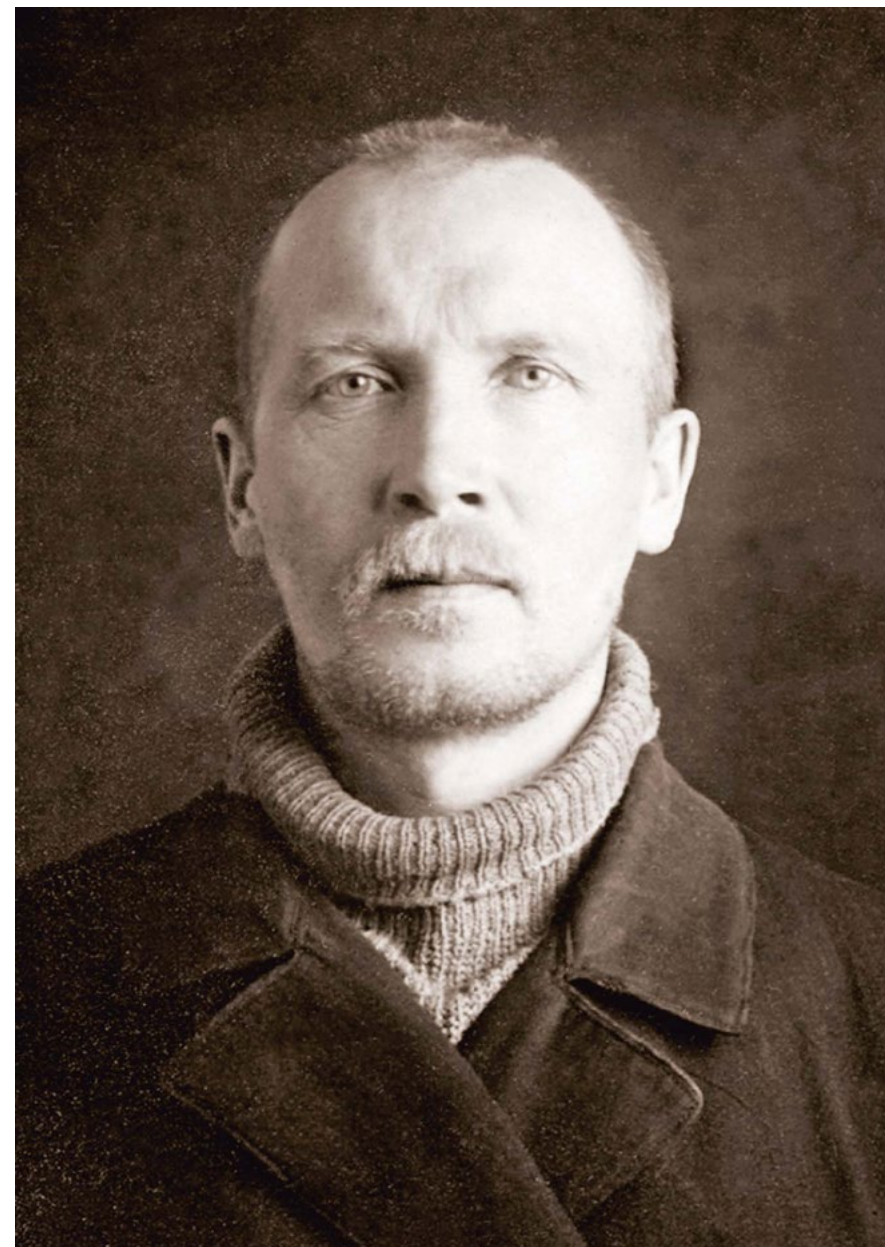
Трубачев Зосим Васильевич среди населения города ведет активную контрреволюционную клевету против советской власти и высказывает террористические настроения против членов коммунистической партии. Так, в ноябре м-це 1937 г. Трубачев говорил: “В данное время арестовали много священников, все это для того, что в данное время народ мало верит в коммунистов и больше уверовал в Бога. Коммунисты, путем ареста, хотят запугать народ. Мы должны умереть, но защищать веру Христову от антихристов-коммунистов” (из показан. свид. Юхина И. П., личное/ дело/ № 10).

В другом разговоре Трубачев говорил: “Пусть торжествуют коммунисты со своими выборами – все равно скоро Советов не будет – Гитлер организует большую войну против советской власти и при помощи Японии и Германии разобьют советскую власть. Нам нужно молиться, чтобы Господь ускорил нам избавление от варваров” (из показаний свид. Юхина И. П., личное/ дело/ № 10).

В декабре м-це 1937 г. Трубачев говорил: “Опять в Верховный Совет выбрали всех коммунистов. Значит, Господь не услышал наши молитвы, значит, мы плохо молились и плохо разъясняли, что коммунисты это антихристы, которые должны быть уничтожены, но еще не поздно – нужно больше молиться, и Господь пошлет на коммунистов кару Божью” (из показаний свид. Зимины Е. Е. л. д. № 12).

В начале января м-ца 1938 года Трубачев говорил: “Вокруг советской власти сдвигаются тучи грозные – Япония завоевала весь Китай и готовится воевать против Советского Союза. Германия в союзе с Польшей и Италией тоже приготовилась для войны с советской властью, и когда они пойдут против советской власти, наш долг помочь им уничтожить варваров – коммунистов” (из показаний свид. Зимины Е. Е. л. д. № 12).

В другом разговоре Трубачев говорил: “Жить не хочется на белом свете – антихристы коммунисты надругались над православной верой. Тысячи священников, ни в чем не повинных, томятся в тюрьмах – коммунисты силой заставляют народ не верить в Бога, но это им не удастся – народ веками боролся за веру Христову, и в борьбе с ком-

Протоиерей Зосима Трубачев. Таганская тюрьма. 1938 г.

мунистами наш православный народ покажет чудеса” (из показаний свид. Илларионова И. Г. л. д. № 14).

В своей контрреволюционной деятельности Трубачев группирует вокруг себя бродячих монахов и монашек, которые помогают ему клеветать на советскую власть (см. л. д. № 12).

Будучи допрошен в качестве обвиняемого, Трубачев З. В. виновным себя не признал, но уличенный свидетельскими показаниями Трубачев характеризуется как враг народа и советской власти.

На основании изложенного обвиняется: Трубачев Зосим Васильевич, 1894 г.р., гр. СССР, урож. с. Пичуга, Верхне-Тоемского р-на Архангельской области, священник. В 1928 г. по ст. 58 п. 10 УК осужден на 3 года ИТЛ – одинокий. До ареста работал в г. Малоярославце, Моск. области настоятелем Казанского собора, – в том, что среди населения города вел активную контрреволюционную деятельность, распространял гнусную к/р клевету против советской власти и высказывал террористические настроения против членов коммунистической партии.

Постановил: след. дело № 8550 по обвинению Трубачева Зосима Васильевича представить на рассмотрение Тройки при УНКВД по Моск. обл.

Справка: Трубачев арестован 26 января 1938 г. и содержится в Таганской тюрьме.

Нач. Малоярославецкого РО УНКВД по МО Лейтенант Гос. Безоп. (Кузьмин)

«Согласен»: Нач. 4 Отдела УГБ УНКВД по МО Капитан Гос. Безоп. (Персиц)».

Обвинительное заключение было утверждено зам. начальника УНКВД по Московской области майором государственной безопасности Якубовичем.

Постановлением судебной тройки при Управлении НКВД СССР по Московской области отец Зосима Трубачев 19 февраля 1938 г. был приговорен к расстрелу на основании ложного обвинения «в контрреволюционной агитации». Скончался отец Зосима мученически, он был расстрелян 26 февраля 1938 г. н. ст. и погребен в одной из братских могил-рвов на Бутовском полигоне НКВД. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-х–40-х и начале 50-х го-

дов, несудебное решение от 19 февраля 1938 г. в отношении Трубачева Зосимы Васильевича... отменено и он считается реабилитированным».

Свидетельством праведной кончины отца Зосимы были его явления во снах своему сыну Сергею Зосимовичу, когда его семья в 1970–1980-х годах жила в Бирюлеве – недалеко от Бутова. Эти явления оставили предчувствие, что отец Зосима где-то совсем близко, рядом, и ему хорошо.

Воспоминания знавших отца Зосиму: архиепископа Сергия (Голубцова), протоиерея Василия (Крылова) из города Юрьева-Польского, протоиерея Николая Калистова, диакона Иоанна Карпова из Пермогорья, С. А. Волкова, Вл. М. Волкова, А. М. Флоренской, Н. А. Беляевой-Боровковой, И. К. Фортунатова, прихожан г. Иванова – подтверждают, что его мученическая кончина явилась достойным венцом праведной жизни, устремленной к Богу.

Протоиерей Зосима Трубачев был канонизирован к общецерковному почитанию Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 2000 г. Память его совершается 13 февраля (ст. ст.), а также в день празднования Собора новомучеников и исповедников Российских (в неделю, совпадающую или ближайшую после 25 января по ст. ст.). Кроме того, по местам своего служения и кончины священномученик Зосима принадлежит следующим соборам святых: Вологодских (3-я неделя по Пятидесятнице), Ивановских (7 июня ст. ст.), Бутовских (в субботу 4-й седмицы по Пасхе).

Источники

1. *Трубачев З. В.* Космический элемент в богослужении по богослужебным книгам. Сочинение на соискание степени кандидата богословия. МДА. 1918. Рукоп. – Музей священника Павла Флоренского.

2. Ставленническая грамота №1083 иерея Зосимы Трубачева, подписанная святителем Тихоном, Патриархом Московским и Всея Руси 29 июля 1924 г. – Музей священника Павла Флоренского.

3. Анкета Трубачева З. В. 17 сентября 1926 г. Иваново-Вознесенск. ГАИО, ф. 31, оп. 8, д. 5, л. 73 – см. *Баделин*, с. 290.

4. Дело № 63279 о закрытии Казанской старообрядческой церкви, Вознесенской и Ново-Воздвиженской церквей и кладбища при бывшем женском монастыре. 7 сентября 1928 г. – ГАИО, ф. 31, оп. 1, 429 – см. *Баделин*, с. 290.

5. Дело по обвинению в контрреволюционной деятельности духовенства г. Иванова. 1928 г. – Архив управления ФСБ по Ивановской области – см. *Баделин*, с. 290, 291.

6. Дело по обвинению священника Трубачева Зосимы Васильевича в контрреволюционной деятельности. 1938 г. (Следственное дело № 8550: протокол допроса 29 января 1938 г., обвинительное заключение, выписка из протокола заседания судебной тройки при Управлении НКВД СССР по Московской области 19 февраля 1938 г., выписка из акта о расстреле 26 февраля 1938 г.). Архив ФСБ; – Копия. – Музей священника Павла Флоренского.

7. Справка № 13-109-89 от 12.07.89 и. о. прокурора Калужской области старшего советника юстиции Н. Н. Привалова о реабилитации Трубачева З. В. – Музей священника Павла Флоренского.

8. Письмо старшего помощника прокурора Калужской области по надзору за следствием в органах госбезопасности Н. И. Курбатова С. З. Трубачеву. 13.07.89. № 13-109-9. – Музей священника Павла Флоренского.

9. Письмо начальника подразделения УКГБ по Калужской области Ю. М. Фролова С. З. Трубачеву. 13 октября 1989 г. № 14/4-69. – Музей священника Павла Флоренского.

10. Свидетельство II-НК №264255 о смерти Трубачева З. В. 26.02.1938 г., выданное 18 ноября 1989 г. Малоярославецким отделом ЗАГС Калужской области. – Музей священника Павла Флоренского.

11. Деяние Освященного Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о соборном прославлении новомучеников и исповедников Российских XX века. 14 августа 2000 г. // Журнал Московской Патриархии (далее – ЖМП). 2000. № 9. С. 56–68.

Литература

1. Житие священномучеников Зосимы (Трубачева), Николая (Подьякова) и Виктора. // Московские епархиальные ведомости. 2001. № 7–8. С. 49–52.

2. Жития и жизнеописания новопрославленных святых и подвижников благочестия в Русской Православной Церкви просиявших. Т. 2. Август–декабрь. Дополнения. СПб.: Воскресение, 2001. С. 640–646.

3. *Трубачев Сергей, диакон*. Протоиерей Зосима Трубачев. Некролог-воспоминание. // ЖМП. 1997. № 9. С. 60.

4. *Трубачев Сергей, диакон*. Архимандрит Сергей (Озеров). // Русский Паломник. 1997. № 16. С. 107–121.

5. *Баделин В.* Отец Зосима Трубачев. / В кн.: Золото Церкви. Исторические очерки и современность. Иваново: Рыбинское подворье (Ивановское отделение), 1995. С. 287–291.

6. *Андроник (Трубачев), игумен*. Диакон Сергей Трубачев. Некролог. // ЖМП. 1997. № 9. С. 58–60.

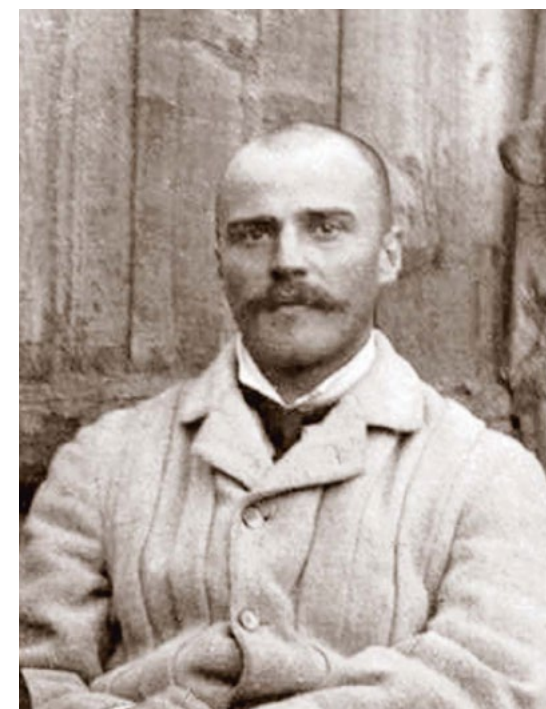
7. Вокруг храма // «Ленинец». 1989, 2 июня. № 106 (13381). С. 1–2.

8. Бутовский полигон. 1937–1938. Книга Памяти жертв политических репрессий. Вып. 1–8. М.: Альзо, 1997–2004.

ЖИТИЕ МУЧЕНИКА Ю. А. ОЛСУФЬЕВА (БУТОВСКОГО)

(Справка к канонизации мученика Юрия Олсуфьева)

Ю. А. Олсуфьев, человек удивительной судьбы, чье значение в истории Русской Церкви и культуры мало оценено до сих пор. Ю. А. Олсуфьев родился 27 октября 1878 г. в Петербурге. Он принадлежал к известному дворянскому роду, представители которого упоминаются в письменных источниках России с XVI в. Отец – граф Александр Васильевич Олсуфьев (1843–1907), мать – Екатерина Львовна (урожденная графиня Соллогуб, 1847–1902), предки которой имели румынское происхождение.

Со стороны отца и матери Юрий Александрович находился в родстве со многими известными фамилиями: Васильчиковы, Голицыны, Горчаковы, Долгоруковы, Зубовы, Комаровские, Мейендорфы, Мухановы, Розены, Салтыковы, Толстые, Трубецкие, Энгельгардаты и мно-

Юрий Александрович Олсуфьев в годы студенчества. Ок. 1900 г.

гие другие. Среди предков Ю. А. Олсуфьева со стороны отца – генерал-адмирал императрицы Елизаветы Петровны князь М. М. Голицын и адмиралы Г. А. и Л. Г. Спиридовы.

Многие представители из названных семейств были в непосредственной близости ко двору: прапрадед Юрия Александровича, Адам Васильевич Олсуфьев, был статским секретарем императрицы Екатерины II; дед, Василий Дмитриевич Олсуфьев, состоял гофмаршалом при императоре Александре II, а отец – граф Александр Васильевич, генерал-адъютантом и гофмаршалом при императорах Александре III

и Николае II, а в конце жизни занимал должность управляющего придворной частью Московского Кремля. Мать была фрейлиной при дворах императриц Марии Феодоровны и Александры Феодоровны. Воспитываясь в придворной семье, Юрий в молодые годы был дружен с детьми императора Александра III, Михаилом и Ольгой, пользовался расположением Марии Феодоровны, случалось ему общаться и с будущим императором Николаем II.

Юрий Александрович Олсуфьев и Софья Владимировна Глебова (Олсуфьева) накануне свадьбы. 1902 г.

Родословие, семейные связи и воспитание, казалось, предопределяли будущий путь Ю. А. Олсуфьева в качестве военной или придворной карьеры. Но Ю. А. Олсуфьев избрал собственный путь служения Отечеству. Окончив юридический факультет в Санкт-Петербургском университете, Ю. А. Олсуфьев в 1902 г. вступил в брак с Софией Владимировной Глебовой и поселился в родовом поместье Буйцы Тульской губернии. Ю. А. Олсуфьев завел образцовое помещичье хозяйство, в котором был конный завод, применялась передовая технология обработки почвы и выращивания зерна. Поместье стало приносить доход. На доходы от поместья были построены детский приют для 40 девочек-сирот со всего уезда и школа. Однако хозяй-

ство и социально-благотворительная деятельность было лишь одной стороной деятельности Ю. А. Олсуфьева.

Ю. А. Олсуфьев в молодые годы много путешествовал, но не с целью отдыха или лечения, как это было принято тогда в аристократическом обществе, а исключительно по изучению и реставрации предметов искусства. В 1900–1905 гг. он был во «французской Африке», в Турции (Трапезунд), в Греции (Афины, Дельфы), в 1906 г. в Швеции, в 1909 г. в Италии (Сицилия), в 1910 г. во Франции. Но особое внимание Ю. А. Олсуфьев уделял русской истории и искусству. Он начал собирать археологические находки, связанные с Куликовым полем, которое находилось близ имения Буйцы. «Он ежегодно путешествовал по старинным русским городам и в глухие места нашей страны. И везде он собирал различные древности. Крестьяне, распахивая Куликово поле, находили оружие, разные старинные предметы и несли их на продажу графу. Так у него собрался настоящий музей, в котором была, например, такая ценность, как медный монашеский крест, найденный на Куликом поле. Из летописей известно, что только два монаха находились в рядах русского воинства – Пересвет и Ослябя. Пересвет был убит в единоборстве с татарским богатырем Челубеем. Следовательно, крест принадлежал ему. В революцию вся коллекция была разграблена, уцелело только то, что Юрий Александрович взял с собой, как самое ценное, в том числе и крест Пересвета. Остаток коллекции он пожертвовал в музей Сергиева Посада. Теперь там хранятся несколько монашеских крестов, а который из них Пересветов – неизвестно. По своей халатности музейные работники все их перепутали» (Князь Сергей Голицын. Семья Олсуфьевых. Из воспоминаний. // Московский журнал. 1993. № 1. С. 45).

Ю. А. Олсуфьев стал членом Московского археологического института, председателем Тульского общества охраны памятников искусства и старины, действительным членом Тульской архивной комиссии.

В 1912–1914 годах через Тульский отдел Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины Ю. А. Олсуфьев осуществил шеститомное издание «Памятники искусства Тульской губернии», которое получило прекрасные отзывы в журналах «Старые годы» и «Аполлон». В эти же годы Ю. А. Олсуфьев подружился с братьями Комаровскими, Василием (поэт) и Владимиром (художник и иконописец), Д. С. Стеллецким (художник), П. И. Нерадовским (хранитель Русского музея).

Храм-памятник в честь преподобного Сергия Радонежского на Куликовом поле

Гостя в Буйцах в доме Ю. А. Олсуфьева, они обсуждали вопросы развития искусства, современную художественную жизнь, и это, несомненно, прекрасно дополняло юридическое образование Ю. А. Олсуфьева, формировало в нем уже не коллекционера-любителя, а будущего профессионального музейоведа и знатока древнерусского искусства. Ещё до знакомства с отцом Павлом Флоренским Ю. А. Олсуфьев в своем поместье фактически осуществляет идею «живого музея», которую тот обосновал в 1918 г. При личном участии Ю. А. Олсуфьева в 1913–1919 гг. на Куликовом поле архитектор А. В. Щусев спроектировал и построил храм-памятник в честь преподобного Сергия Радонежского. В убранстве храма приняли участие друзья: Д. С. Стеллецкий, Вл. А. Комаровский, П. И. Нерадовский. Церковную утварь изготовлял известный мастер-ювелир Ф. Я. Мишуков. Супруга Юрия Александровича, София Владимировна, многое сделала для учреждения монастырской общины и мастерских шитья, которые работали по эскизам Д. С. Стеллецкого. Супруги Олсуфьевы фактически стали организаторами и создателями своеобразного церковного Музея на Куликом поле, где совершалась поминальная молитва, и таким образом уже в то время связали свою жизнь со служением преподобному Сергию.

Спаситель. Вышивка С.В.Олсуфьевой по рисунку Д. С. Стеллецкого. 1910-е гг.

София Владимировна Олсуфьева с сыном Мишей. Около 1904 г.

Преподобный Анатолий (Потапов), иеросхимонах Оптинский

В 1915–1916 гг. Ю. А. Олсуфьев в качестве уполномоченного Всероссийского Земского союза работал на Кавказе, в Персии – в районе военных действий на территории турецких частей Армении и Грузии. Но даже в те годы Олсуфьевы не прекращали благотворительной деятельности. Софья Владимировна восстановила древнюю грузинскую церковь в честь Успения Богородицы в русском монастыре равноапостольной Ольги в окрестностях Тифлиса и заказала для монастырской церкви из морского буецкого дуба иконостас по рисункам Вл. А. Комаровского. Зимой 1917 г., после прекращения военных действий на турецком фронте, Олсуфьевы возвратились в Буйцы. 5 марта 1917 г., на 3-й день после отречения императора Николая II от власти, семья Олсуфьевых в легком возке покинула родовое поместье, оставив там библиотеку, собрание картин и почти весь «домашний музей». Необходимо отметить, что к этому времени в Буецком доме сосредоточилось собрание фамильных вещей из Петербургского особняка Олсуфьевых на Фонтанке, множество предметов искусства собранных Юрием Александровичем или подаренных ему друзьями. Дом был оставлен в полной целостности и сохранности, Олсуфьевы взяли с собой лишь родовые документы, некоторые фамильные вещи и часть серебряной посуды для её последующей продажи.

Трудно сказать, надеялся ли Юрий Александрович вернуться обратно. Но причина поспешного бегства была не столько в опасности за свою жизнь, сколько глубоко внутренняя. Супруга Ю. А. Олсуфьева, София Владимировна, была глубоко верующей. Когда наступила Февральская революция, она видела сон, будто к ней явился преподобный Сергей и сказал, чтобы она поселилась близ его гроба. За разъяснением София Владимировна обратилась к духовнику, оптинскому старцу Анатолию. Отец Анатолий сказал, что, видно, преподобный Сергей нуждается в том, чтобы Олсуфьевы послужили ему чем-то в будущем и советовал немедленно переехать в Сергиев Посад. Олсуфьевы поступили по его совету, купили в Сергиевом Посаде дом на ул. Вальной и немедленно переехали. Поселившись в Сергиевом Посаде, Ю. А. Олсуфьев с ноября 1918 г. вошел в Комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры.

Ю. А. Олсуфьев в разные годы занимал должность заместителя председателя и председателя Комиссии, эксперта и научного сотрудника, а в область его научной работы входило преимущественно

описание икон, крестов, предметов церковного обихода из серебра (чарки, ковши, ложки), миниатюр и орнаментов рукописных книг. Впоследствии Ю. А. Олсуфьев вошел в состав Сергиевского историко-художественного музея, где был заведующим отделом древнерусской живописи (икон).

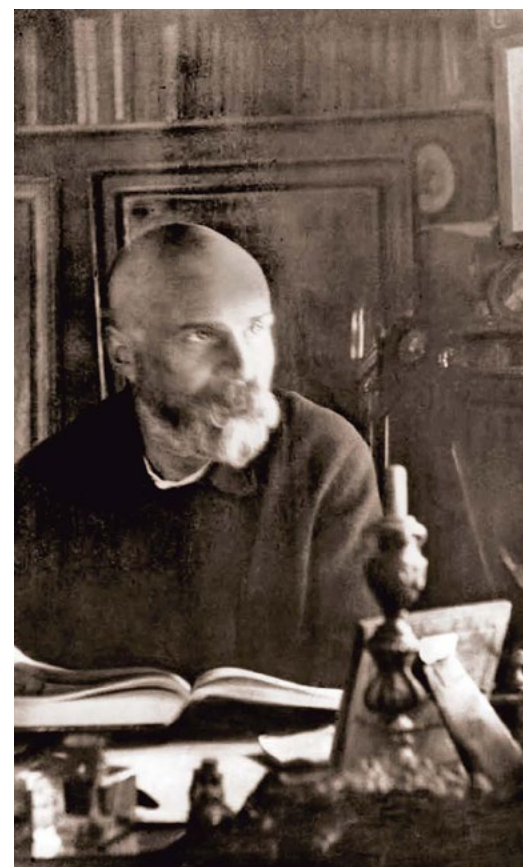
За 10 лет Ю. А. Олсуфьев опубликовал более двадцати книжек – научных описаний и статей – примерно две трети всей печатной продукции Комиссии и Музея.

Уже в эти годы Ю. А. Олсуфьев не ограничивался в своей работе составлением инвентарных и научных описей икон и произведений прикладного искусства из ризницы и фондов Сергиевского музея, но ставил вопросы о сущности церковного творчества. Надо отметить, что вся работа в Комиссии по охране Троице-Сергиевой Лавры проходила в труднейших условиях. В помещениях, которые не отапливались, стоял холод. Все сотрудники голодали, за членами Комиссии была установлена слежка, и в январе 1920 г., при расформировании Комиссии, они были обвинены в контрреволюционной деятельности.

Но именно благодаря работе в Комиссии по охране Лавры отцу Павлу Флоренскому вместе с Ю. А. Олсуфьевым удалось сокрыть главу преподобного Сергия.

26 марта 1920 г. Московский Губисполком издал Постановление, согласно которому мощи преподобного Сергия должны были быть вывезены из Троицкого собора «в один из московских музеев». Осуществить эту кощунственную акцию 30 марта 1920 года было поручено М. Галкину, священнику, добровольно снявшему с себя сан и поступившему на службу в Наркомат юстиции в отдел по борьбе с религией. Из-за боязни народного возмущения М. Галкин принял решение перенести эту акцию на более поздний срок. Но опасность уничтожения мощей преподобного Сергия продолжала сохраняться.

Братия была выселена из Лавры еще 3 ноября 1919 года и не имела доступа к опечатанным храмам. Наместник Лавры архимандрит Кронид обратился за помощью к отцу Павлу Флоренскому и графу Ю. А. Олсуфьеву. Являясь членами Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры, они имели право входить как в Троицкий собор, так и во все подсобные помещения. Поскольку целиком мощи было невозможно сокрыть, было принято решение сокрыть главу преподобного Сергия, которую заменили

Юрий Александрович Олсуфьев

Мемориальная доска на доме Олсуфьевых в Сергиевом Посаде

Дом в Сергиевом Посаде, в который переехали Олсуфьевы в 1917 г.

Преподобный
Сергий
Радонежский

Икона
мастерской
ТСЛ

на сходный череп одного из князей Трубецких из подклети Троицкого собора. Глава преподобного Сергия была затем перенесена в дом Ю. А. Олсуфьева в Сергиевом Посаде, где находилась до лета 1928 г.

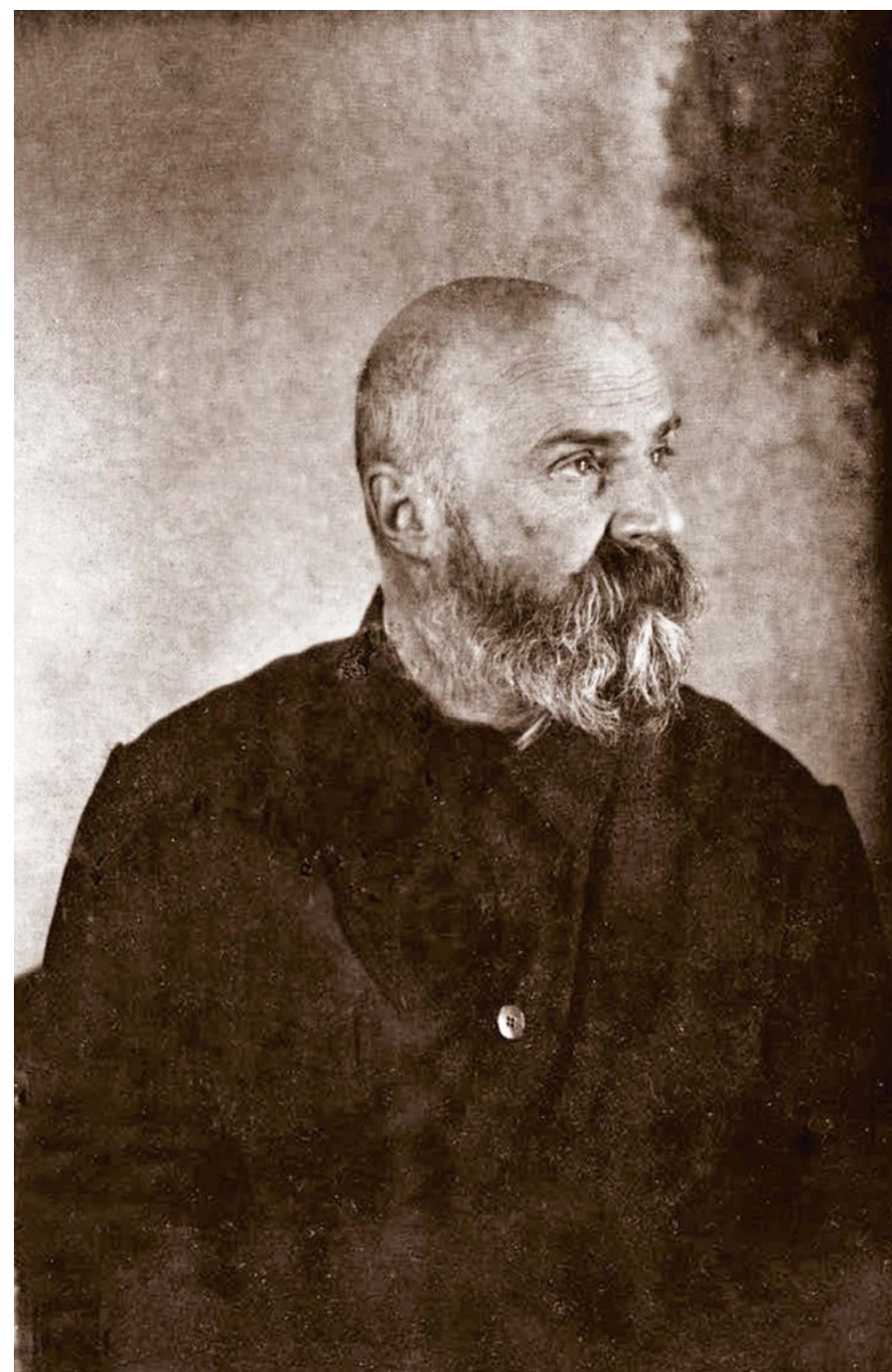
Из воспоминаний А. В. Комаровской: «В начале 1920-х годов Юрию Александровичу Олсуфьеву было 40 с небольшим лет. Не очень высокого роста, с сосредоточенным и живым лицом, он, может быть, был похож на красивого крестьянина, когда в зимнее время в старенькой рыжей барашковой шапке и коричневой куртке со знанием дела запрягал лошадь или пилил дрова. Теперь, может быть, странно было бы услышать, как дружно работавшая с ним девушка Саша, помогая ему, почтительно обращалась к нему, называя его по-прежнему «Ваше Сиятельство»¹. Она была раньше воспитанницей приюта, устроенного Олсуфьевыми в их усадьбе Буйцы, откуда они ее взяли с собой, уезжая. Она жила у них до своего замужества и после того прожила всю жизнь в современном Загорске и умерла там старой, сравнительно недавно.

Помню дядю Юрия всегда занятым, – или по хозяйству, или спешащим стремительно в Лавру, на работу. Он держался несколько в стороне от большого круга знакомых, съехавшихся это время в Сергиев Посад, и случалось, что совсем не выходил к гостям, которых принимала одна жена его, Софья Владимировна. Поэтому, вероятно, некоторые считали его нелюдимым, хотя это было совсем не так. В этом сказывалось его нежелание отвлекаться и рассеиваться в общих разговорах² (наша мама, говоря об этом, смеясь, вспоминала поведение Евгения Онегина с гостями).

Софья Владимировна была тогда молодой, но давно себя такой не считала. Выйдя очень рано замуж, она была тогда матерью взрослого сына. Высокая, худощавая, немного смуглая, – такой изобразил ее Серов. Кажется, художник передал главную ее черту – великолепную простоту, полное отсутствие фальши и большую внутреннюю жизнь. На портрете она причесана по моде 1910-х годов, в нарядном летнем платье. Я же помню ее в черном, повязанном назад платке, крайне просто одетой, спешащей на службу в Гефсиманский скит, или же дома, опустившей голову с прямым пробором над работой. Всегда она была быстрой, бодрой, веселой. Главная ее жизнь была в церкви. Подоив утром корову, она спешила в скит к ранней обедне (расстояние от города около 3-х км) и также торопливо возвращалась, чтобы по-

София Владимировна Олсуфьева на фоне своего портрета работы В. А. Серова. 1931 г.

Юрий Александрович Олсуфьев. После 1928 г.

Архиепископ Новгородский и Старорусский Сергей (Голубцов)

Порфирий (Горшков Петр Кондратьевич), иеромонах Гефсиманского скита

спеть к утреннему чаю дяди Юрия пред уходом его на службу. Дальше шел день, наполненный трудами, а летними вечерами они вдвоем еще успевали сходить гулять в поле, начинавшееся в конце улицы, и возвращались в сумерках – бодрые, с букетами в руках <...>. По словам владыки Сергия (Голубцова), по вечерам они ежедневно вычитывали монашеское правило, во всем подчиняясь указаниям и советам своего духовника, очень в то время почитаемого отца Порфирия, иеромонаха Гефсиманского скита, бывшего келейника известного старца о. Варнавы» (А. В. Комаровская. Наша жизнь в Сергиевом Посаде. Братина. 2003. С. 311–313).

В мае 1928 г. в Сергиевом Посаде было инсценировано дело о покушении на заведующего агитпромом Сергиевского уездного комитета ВКП (б) Костомарова и в связи с этим было арестовано и осуждено к высылке около 80 лиц, т. н. «бывших». Ю. А. Олсуфьев был предупрежден о готовившихся арестах и, будучи экспертом по древнерусской живописи Центральных государственных реставрационных мастерских, уехал в командировку в Новгород.

София Владимировна Олсуфьева. Деревня Мешаловка под Москвой. 1931 г.

Глава преподобного Сергия, хранившаяся в доме Ю. А. Олсуфьева, весной 1928 г. была зарыта в саду его дома на Вальной, и когда аресты прошли, П. А. Голубцов вместе с С. В. Олсуфьевой вырыл её ночью, а затем перенес её на новое жительство семьи Олсуфьевых в деревню Мешаловка (близ железнодорожной станции Люберцы)³.

Летом 1928 г. Ю. А. Олсуфьев перешел на работу в Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ). Вместе с А. И. Анисимовым и Е. Н. Силиным Ю. А. Олсуфьеву было поручено комплектование и составление каталога выставки икон за границей. Госторг предполагал организовать эту выставку с последующей распродажей икон непосредственно с выставки. Но протесты музеев и реставраторов, а также необычайный успех выставки, которая в 1929–1932 гг. была представлена в Берлине, Австрии, Англии и США, заставили государство признать ценность икон и отказаться от планировавшейся распродажи.

В ЦГРМ Ю. А. Олсуфьев вел учет памятников, находившихся на реставрации, вел протоколы расчистки и укрепления разрушающейся живописи, описывал негативы.

Другой важнейшей стороной деятельности Ю. А. Олсуфьева в ЦГРМ были его научные командировки. Ю. А. Олсуфьев изъездил всю Центральную часть России, Север, Новгород и Псков. Насколько насыщены и напряженны были эти командировки, свидетельствует следующий пример. С 22 июня по 5 июля 1931 г. Ю. А. Олсуфьевым были осмотрены соборы Мирожского и Святогорского монастырей в Пскове, Софийский собор в Новгороде, соборы Антониева и Юрьева монастырей, церкви Феодора Стратилата, Спаса Преображения, Рождества на кладбище, Волотова, Ковалева, Нередицы, Благовещения на Городище, Сковородки, Липны, Благовещения в Аркажах, Знаменский собор, церковь Симеона Богоприимца в Зверине монастыре, Иоанновские палаты в Кремле, церковь вмч. Георгия в Старой Ладогге. На основании командировочных фиксаций состояния памятников Ю. А. Олсуфьев составил докладную записку директору ЦГРМ о проделанной работе, в которой констатировал крайне опасное состояние новгородских и псковских фресок.

В 1934 г. ЦГРМ были упразднены, а их функции были переданы реставрационному отделу Третьяковской галереи. Ю. А. Олсуфьев перешел на работу в Третьяковскую галерею, где занимал должность заведующего секцией древнерусской живописи в реставрационной мастерской. Наряду с продолжением прежней деятельности, он сосредоточился на разработке способов укрепления грунта и красочного слоя разновременных памятников монументальной живописи. Последняя теоретическая работа Ю. А. Олсуфьева, основанная на его многолетних исследованиях, – «Краски древнерусской станковой живописи и их качественный анализ» (1937). Нет сомнений, что в течение всей своей научной деятельности Ю. А. Олсуфьев использовал каждую возможность, чтобы спасти памятники церковного искусства. Современные реставраторы предполагают, что именно Ю. А. Олсуфьев замуrowал знаменитую икону Спасителя (с припадающими преподобными Сергием Радонежским и Варлаамом Хутынским) на Спасской башне московского Кремля. Эта икона была открыта, отреставрирована и вновь освящена Святейшим Патриархом Кириллом в 2010 году.

Хотя Ю. А. Олсуфьеву удалось избежать ареста в 1928 г. и устроиться на работу в Москве, он продолжал находиться под наблюдением НКВД. Так 18 июля 1932 г. уполномоченный ГПУ при НКВД по Загорскому району сообщал Галкину в Ухтомское отделение ОП ОГПУ по Московской области, что Ю. А. Олсуфьев «проходит по разработке в

Спасская башня Московского Кремля с надвратной иконой Спасителя, вновь обретенной в 2010 году

4 отд. СПО ППОГПУ М<осковской> О<ласти>, а в прошлом «действительно работал в антирелигиозном музее (бывш. Троице-Сергиевская Лавра) в кач<ест>ве научного сотрудника». В секретном письме также указывалось, что «во время изоляции из гор. Загорска бывших людей, Алсуфьев⁴ тоже подлежал аресту, но бежал через двор, когда его пришли арестовывать:⁵ Антисоветская личность».

24 января 1938 г. Ю. А. Олсуфьев был арестован по ордеру № 12896 Ухтомского районного отделения УНКВД по Московской области. 28 января 1938 г. Ю. А. Олсуфьев был допрошен в качестве обвиняемого оперуполномоченным Ухтомского районного отделения НКВД сержантом госбезопасности Титовым.

Показания обвиняемого Олсуфьева Юрия Александровича
января 28 дня 1938 г.

«*Вопрос:* Ваше социальное происхождение?»

Ответ: По социальному происхождению дворянин граф, имел имение в Епифанском р-не Тульской области, получал доход ежегодно 3000 рублей, имение было в 700 десят<ин>.

Вопрос: К каким полит. партиям Вы до революции и во время революции примыкали?»

Ответ: Ни к каким политпартиям не примыкал.

Вопрос: Когда и где были за границей?»

Ответ: За границей был с 1900 по 1905 г. в Африке французской, в Турции г. Трапезунд, Смирне, в Греции (Афины, Дельфы), во Франции в 1910 г., в Швеции в 1906 г., в Италии (Сицилия) в 1909 г. Поездки мои за границу были исключительно по изучению и реставрации искусства.

Вопрос: За границей когда и где Вас вызывали в жандармское управление?»

Ответ: Ни разу меня не вызывали.

Вопрос: Следствие располагает материалами, что Вы антисоветски настроены и ведете контрреволюционную деятельность. Дайте показания о своей контрреволюционной деятельности?»

Ответ: Это я отрицаю.

Вопрос: Следствие располагает материалами, что Вы открыто вели контрреволюционную клеветническую агитацию о жизни в СССР. Дайте ответ?»

Ответ: Абсолютно отрицаю.

Вопрос: Вы открыто вели контрреволюционную клеветническую агитацию, сожалея врагов народа, высказывали террористические намерения по адресу коммунистов. Дайте ответ?»

Ответ: Я это отрицаю и в контрреволюционной деятельности виновным себя не признаю.

Вопрос: У Вас при обыске изъято два ружья и три пистолета. Для какой цели Вы их имели?»

Ответ: Я их хранил как старинные вещи, т.к. я интересуюсь старинным искусством» (Дело Ю. А. Олсуфьева // ГАРФ, ф. 00335, д. 23188, л. 17).

Второй допрос 28 февраля 1938 г. проводил оперуполномоченный уголовного розыска сержант милиции Белов. Показания

«*Вопрос:* Скажите, Олсуфьев, сколько детей вас было у отца?»

Ответ: Я был один сын у отца, кроме меня детей не было. Отец мой помер в 1907 году, после его смерти мне по наследству осталось его имение совместно с дядей Олсуфьевым Алексеем Васильевичем, которое я имел до революции. Сам я в имении не жил, проживал в Москве, от имения только получал доход.

Вопрос: Скажите, Олсуфьев, а где в настоящее время находится ваш дядя, с которым у вас было имение?»

Ответ: Мой дядя Олсуфьев Алексей Васильевич помер в 1915 или 1916 году.

Вопрос: Из какой семьи происходит ваша жена?»

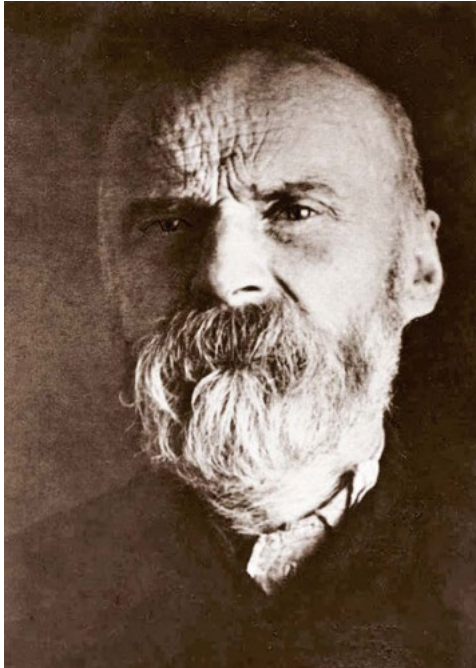
Ответ: Ее отец был помощником председателя Агрономического общества в Москве, какой помер до революции, был еще у нее брат, каковой тоже помер, других родственников у ней нет.

Вопрос: Скажите, Олсуфьев, кто имеются у вас родственники?»

Ответ: У меня из родственников в настоящее время имеется одна двоюродная сестра Толстая Мария Николаевна, жена Сергея (Григорьевича) Львовича Толстого – старшего сына Льва Николаевича Толстого. Муж моей сестры в настоящее время на пенсии, сестра жила на его иждивении, других родственников у меня нет.

Вопрос: Где проживает ваша сестра?»

Ответ: Проживает она в гор. Москве, угол Арбата и Плотникова переулка, дом № не помню.

Юрий Александрович Олсуфьев.
Тюремная фотография из следственного дела НКВД. Январь 1928 г.

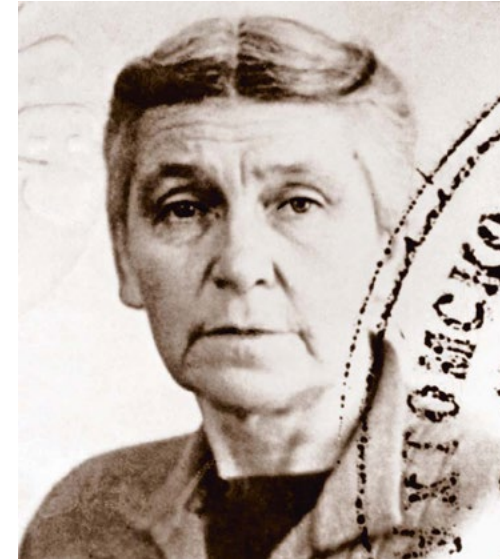
Вопрос: Скажите круг ваших знакомых и кто они?

Ответ: Сам я жил очень замкнуто, круг моих знакомых был только по службе и частично бывал у своей двоюродной сестры Толстой, других знакомых у меня не было» (Дело Ю. А. Олсуфьева. ГАРФ, ф. 00335, д. 23188, л. 28–19).

В обвинительном заключении указывалось, что «Олсуфьев Ю. А. виновным себя в антисоветской агитации среди населения не признал. Но обвинение его полностью подтверждается свидетельскими показаниями Титова Александра Филипповича и Архарова Ивана Семеновича»⁶.

Ю. А. Олсуфьев был обвинен «в том, что он на протяжении длительного периода, будучи враждебно настроен к ВКП(б) и советской власти, среди рабочих и населения высказывал недовольство к существующему строю и руководителям партии ВКП(б), сожалея врагов народа, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58. II. 10. ч. 1 уголовного кодекса» (Дело Ю. А. Олсуфьева. ГАРФ, ф. 00335, д. 23188, л. 20).

7 марта 1938 г. тройка при управлении НКВД СССР по Московской области постановила: «Олсуфьева Юрия Александровича рас-

София Владимировна Олсуфьева.
Фотография из следственного дела НКВД. Около 1940 г.

стрелять». Приговор был приведен в исполнение 19 марта 1938 г. на Бутовском полигоне⁷ (Дело Ю. А. Олсуфьева. ГАРФ, ф. 00335, д. 23188, л. 24–25).

1 ноября 1941 г. была арестована жена Юрия Александровича, София Владимировна Олсуфьева, которая всю жизнь разделяла с ним как все труды, так и невзгоды. Скончалась она в Свияжском концлагере. Всю жизнь супруги Олсуфьевы искренне и бескорыстно служили преподобному Сергию. Их труды и подвиги и принесли плоды, которыми ныне пользуемся мы.

Восстановлено Куликово поле и храм-памятник в честь преподобного Сергия, сохранены мощи и глава преподобного Сергия, вновь Христос Спаситель благословляет входящих в Московский Кремль чрез Спасские ворота. Супруги Олсуфьевы явили нам евангельскую истину, что жизнь человека не зависит от изобилия его имени или высокого положения. Последовав путем служения преподобному Сергию и став его учениками, супруги Олсуфьевы с благодарением смиренно приняли нищету, гонения и мученическую смерть за Христа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сходные воспоминания и у Е. П. Васильчиковой (схимонахиня Елизавета): «Юрий Александрович возил навоз на свой участок на лошади через весь город. Объявление висело в сарае: “Первый колхоз Сергиева Посада”. И они давали и машины, чтобы молотить. Возили муку, мололи там на лошади. Я ухаживала за лошадей, запрягала, распрягала. Все это было на моей душе. Так что все это было необыкновенно, понимаете. Все это было не так. И ему кричали: “Ваше Сиятельство!” Он едет, значит, сани, на санях навоз, потому что были две коровы и лошадь. Все это возилось за шесть километров за город, где дали землю, а колхоз состоял: Голубцовы, Олсуфьевы, Шаховские, Шик. И это был колхоз».

2. По воспоминаниям Е. П. Васильчиковой, Ю. А. Олсуфьев принимал только отца Павла Флоренского и подолгу с ним беседовал.

3. В 1941–1945 годах глава преподобного Сергия хранилась под престолом храма в честь Владимирской иконы Божией Матери в селе Виноградово у духовника П. А. Голубцова схиархимандрита Илариона (Удодова), а в 1946 году глава была возвращена в открывшуюся Троице-Сергиеву Лавру.

4. Так в тексте.

5. Легендарные сведения.

6. Показания Шитова А. Ф. от 25 января 1938 г. совершенно не соответствуют скрытому и осторожному поведению Ю. А. Олсуфьева и явно писались под диктовку следователя, сержанта госбезопасности А. Титова:

Вопрос: Знаете ли Вы Олсуфьева Юрия Александровича и какие у вас с ним были взаимоотношения?

Ответ: Олсуфьева Юрия Александровича я знаю в течение 10 лет. Взаимоотношения у меня с ним нормальные, личных счетов не было и нет.

Вопрос: Известно ли Вам социальное происхождение и положение Олсуфьева Ю. А.?

Ответ: Мне известно, что Олсуфьев по соцпроисхождению быв. граф, работает в Москве научным работником искусства, проживает в собственном доме, поселок Михельсон.

Вопрос: Что Вам известно о высказывании Олсуфьевым Ю. А. недовольств по адресу советской власти?

Ответ: Мне известно, что Олсуфьев контрреволюционно настроен, при встречах со мной всегда высказывает недовольство по поводу существующего государственного строя, восхваляя врагов народа, выказывал пораженческие настроения и террористические намерения по адресу руководителей соввласти и ВКП(б).

Вопрос: Скажите конкретно, что Вам известно о контрреволюционной деятельности Олсуфьева Ю. А.?

Ответ: В ноябре м-це 1936 года Олсуфьев в моем присутствии среди присутствующих высказывал открыто контрреволюционные измышления и недовольство о жизни в СССР, говорил: “Коммунисты все хвастаются своими достижениями, а жить всем стало невозможно. Нигде ничего нет, все дорого. В колхозах мужики голодают, а хлеб весь отбирают у них коммунисты”.

Весной 1937 г. после расстрела врагов народа Тухачевского, Якира и других Олсуфьев в моем присутствии со злобой на руководителей соввласти и партии говорил: “Мерзавцы, расстреливают хороших людей, которые хотят освободить народ от кабалы. Дождутся коммунисты, что их будем расстреливать”.

В декабре м-це 1937 г. Олсуфьев Юрий Александрович в моем присутствии со злобой на руководителей партии и правительства говорил: “Сколько невинных людей арестовывают и все из-за коммунистов правителей. Дождемся, будет война, Германия и Япония все разберут, кому жить и с кем что сделать. Будет опять наша власть”» (Дело Ю. А. Олсуфьева. ГАРФ, ф. 00335, д. 23188, л. 10–12).

Показания Архарова Ивана Семеновича, записанные им собственноручно (очень безграмотно) ещё 23 января 1938 г., представляют особый интерес. Согласно этим показаниям Ю. А. Олсуфьев сожалеет не только о закрытии церкви в Котельниках, но и о том, что в закрытой церкви, относящейся ко “2-й категории старины”, устроен клуб, а не музей. Характерно, что показания Архарова не были использованы в обвинительном заключении.

Показания И. С. Архарова:

«Ст. Косино Новые Выселенцы, 3-й проезд, дом 3-й.

Алсуфьев Юрий Александрович. 22/38 г. в 11 ч. дня среди разговора Алсуфьев высказывался так, на мои вопросы ответил, и что, говорит, все не знакомы с минувшими историями времен, говорит, а история о том как немного <?> времени не было, а нет такой жизни, чтобы люди были безграничны, а у нас никакая религия не нужна, чрез 10 лет никакой религии не будет. Среди разговора спросил, а вот Церковь почему закрывают, хотя, говорит, и отделена от государства, а почему закрывают, что им мешает, будет, говорит, история писать, что как мы переживали, жалеет Алсуфьев. Спросил меня, а вы не слышали, как и что, куда выслали наместника Лавры отца Кронида, старика взяли, жаль, из г. Загорска, а также жалеет и Котельницкую Рахачиму, жалеет, что в Котельниках нет церковной службы и жалеет нет тройки в церкви, зачем <?> нет в Котельниках церковь под музей не устроят, т. к. она принадлежит к второй категории старины и могут занять под клуб или общежитие, толико фасад может <?> пока не разрешат. Видел и егою <?> обстановку в доме, и шкафов до сего времени сохраняется, графские шкафы стеклянные красного дерева с позолоткою, столовая фарфоровая посуда. Посреди разговора очень и очень осторожен, а также с ним разговаривать так нужно и осторожно, а то ни очень, чтобы не было, даже меня принимать не будет, высказывались только у них. Были из города Вереи Михайлова Лидия Тихоновна. Г. Люберцы о Холмогоре Александре Сергеевиче, регент церковного пения село Наташино получал за Рождественские праздники одну тысячу (1000) руб. за пение в церкви, вот и не работает, халтурят по церквам, подоходным налогом не облагается.

Титов, 23/1-38 года» (Дело Ю. А. Олсуфьева. Ф. 00335, д. 23188, л. 6–8).

7. 20 июля 1989 г. Ю. А. Олсуфьев был реабилитирован в связи с тем, что он «подпадает под действие ч. 1 ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х начала 50-х годов».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архивно-следственное дело Ю. А. Осуфьева // Государственный архив Российской Федерации, Ф. 00335, д. 23 188.
2. Андроник игумен. Закрытие Троице-Сергиевой Лавры и судьба мошей преподобного Сергия Радонежского в 1918–1946 гг. М., 2008.
3. Вздорнов Г. И. Забытое имя // Памятники Отечества. 1987. № 2 (16). С. 83–89.
4. Вздорнов Г. И. Юрий Александрович Олсуфьев // Троица Андрея Рублева. Антология. Изд. 2-е, исправл. и дополнен. М.: «Искусство», 1989. – С. 54–57. [Библиографическая справка, расширенная; фрагменты из работ Ю. А. Олсуфьева].
5. Вздорнов Г. И. Юрий Александрович Олсуфьев // Вопросы искусствоведения. 1993. Вып. 4. – С. 306–333 (С. 328–331 «Список печатных работ Ю. А. Олсуфьева»; 331–333 «Список неизданных работ Ю. А. Олсуфьева»).
6. Вздорнов Г. И. О Юрии Александровиче Олсуфьеве // Наше наследие. Вып. 29–30. 1994. – С. 91–94.
7. Вздорнов Г. И. Забытое имя // Поле Куликово. Литературно-художественный журнал. Новомосковск, 1999. № 1–3. – С. 17–32.
8. Вздорнов Ю. А. О Юрии Александровиче Олсуфьеве // Ю. А. Олсуфьев. Из недавнего прошлого одной усадьбы. М., 2009. С. 7–16.
9. Голицын Сергей, князь. Семья Олсуфьевых. Из воспоминаний // Московский журнал. 1993. № 1. С. 44–45.
10. Комаровская А. В. Владимир Алексеевич Комаровский. // Хоругвь. Сб. статей. Вып. 1. М., 1993. С. 39–55.
11. А. В. Комаровская. Наша жизнь в Сергиевом Посаде // Братина. Сергиев посад. 2003. С. 306–319. – То же под заглавием. Детство в Сергиевом Посаде // Ю. А. Олсуфьев. Икона в музейном фонде. М., 2006. С. 344–360.
12. Меняйло В. А. Осташковские иконописцы Сергиевы-Потаповы // Русская художественная культура XVII века / Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. VIII. М., 1991. – С. 127–139. [Регистрация икон Ю. Олсуфьева в Осташкове: 1929 г. – Архив ГТГ. Оп. 67. Д. 473].
13. Смирнова Т. В. Дом на Вальной и его обитатели // Вперед: Краеведческий вестник. Сергиев Посад, 1996. № 19 (Олсуфьевы), № 20 (Мансуровы), № 21 (Комаровские).
14. Смирнова Т. Юрий Олсуфьев и его статья «Иконопись» // Русская Галерея. Иллюстрированный журнал по искусству. М., 2001. № 2. – С. 24.
15. Смирнова Т. В. «...под Покров Преподобного». Очерки о некоторых известных семьях, живших в Сергиевом Посаде в 1920-е годы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 2007.
16. Спирина Л. М. Синодик 1679 г. из собрания Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника (К вопросу изучения синодиков Троице-Сергиева монастыря // Труды по истории Троице-Сергиевой Лавры. М.: «Подкова», 1998. С. 56–72 [Изучение синодиков Ю. А. Олсуфьевым]).
17. Стрижев А. Н. Юрий Александрович Олсуфьев // Купель. Журнал для семейного чтения. М., 2002. № 3 (19). – С. 20–21.
18. Стрижев А. Н. Подвижник национального достояния // Ю. А. Олсуфьев. Икона в музейном фонде. М., 2006. С. 4–10.
19. Талалай М. Г. Олсуфьевы в эмиграции // Из глубины времен. 10. СПб., 1998. – С. 275–280.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Ю. А. ОЛСУФЬЕВА*

1. Несколько слов по поводу современного движения. М., 1906. 16 с.
2. Из прошлого села Красного, Буйцы тож (Архангельского прихода), и его усадьбы. 1663–1907. М., 1907. 30 с.
3. *Приводится по изд.: Ю. А. Олсуфьев. Из недавнего прошлого одной усадьбы. М., 2009. С. 301–308. Список подготовлен Г. И. Вздорновым.
4. Материалы к истории рода Олсуфьевых. Линия Василия Дмитриевича (1796–1856), первого графа Олсуфьева. М., 1911. 47 с.
5. Памятники искусства Тульской губернии. Материалы. [Изд. Тульского отдела Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины]. Год I, вып. 1. М., 1912. 4 с., 17 табл.; год II, вып. II. М., 1913. 3 с., 48 табл.; год III, вып. I. М., 1913. I+27 с., 27 табл.; год IV, вып. II. М., 1913. II с., 57 табл.; год V, вып. I. М., 1914. 31 с., 59 табл.; год VI, вып. II. М., 1914. 3 с., 21 табл.
6. Несколько слов о происхождении рода Олсуфьевых в связи с новыми данными о Дмитрие Васильеве Олсуфьеве. – Летопись историко-родословного Общества в Москве. 1914. Вып. 12 (37–38). М., 1914. С. 16–19.
7. Заметка о церковном пении и иконописи как видах церковного искусства в связи с учением Церкви. Изд. Тульского отдела Общества сохранения памятников искусства. Сергиев Посад, 1918. 16 с.
8. Иконопись. – В кн.: Троице-Сергиева лавра. Изд. Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Сергиев Посад, 1919. С. 64–82.
9. Лицевые книги и их орнамент. – Там же. С. 83–88.
10. Описание икон Троице-Сергиевой лавры до XVIII века и наиболее типичных XVIII и XIX веков. Изд. Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1920. 4+268 с.
11. Описание крестов Троице-Сергиевой лавры до XIX века и наиболее типичных XIX века. Изд. Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1921; Сергиев, 1921. VIII+144 с.
12. Описание лицевых изображений и орнамента книг ризницы Троице-Сергиевой лавры. Изд. Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1921. VIII+96 с.
13. Дополнение [I] к Описи икон Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1922. 4 с.
14. К вопросу о шитом деисусном чине (№ 1543) в музее б. Троице-Сергиевой лавры. Доклад, читанный в Комиссии по охране памятников искусства Троице-Сергиевой лавры 27 декабря 1923 года. Сергиев, 1924. 8 с.
15. Кто вкладчики воздуха № 1479 и покрова № 1541 в музее б. Троице-Сергиевой лавры? Доклад, читанный в Комиссии по охране памятников искусства Троице-Сергиевой лавры 10 апреля 1924 г. Сергиев, 1924. 8 с.
16. Искусство XIV и XV веков. Выставка при музее б. Троице-Сергиевой лавры. 1924 год. Изд. Комиссии по охране памятников искусства б. Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1924. 16 с.

17. Искусство XIV и XV веков. Каталог наиболее выдающихся произведений этой эпохи в музее б. Троице-Сергиевой лавры. Изд. 2, доп. и исправл. Изд. Комиссии по охране памятников искусства б. Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1924. 16 с.

18. Черты иконописного натурализма в памятниках XIII и XVII веков. Прокопий и Симон Ушаков. (Доклад, читанный в Комиссии по охране памятников искусства б. Троице-Сергиевой лавры 11 ноября 1924 г.). Сергиев, 1925. 8 с.

19. Об изменениях в русском орнаменте в эпоху Возрождения. (Примеры приведены из собраний б. Троице-Сергиевой лавры). Доклад, читанный на съезде по вопросам древнего шитья и тканей при Комиссии по охране памятников искусства б. Троице-Сергиевой лавры 20 января 1925 года. Изд. Комиссии по охране памятников искусства б. Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1935. 32 с., 1 ил.

20. Описание серебряных чарок с плоскими полками и описание серебряных б... б. Троице-Сергиевой лавры. Изд. Комиссии по охране памятников искусства и старины б. Троице-Сергиевой лавры. 1925. 118 с., 2 табл.

21. Описание серебряных ковшей (форма ладьи) б. Троице-Сергиевой лавры. Изд. Комиссии по охране памятников искусства и старины б. Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1925. 24 с.; на с. 24: Исправления, относящиеся к моим описаниям икон, крестов и лицевых изображений книг б. Троице-Сергиевой лавры.

22. Описание ложек б. Троице-Сергиевой лавры. Изд. Комиссии по охране памятников искусства и старины б. Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1925. 24 с., 1 ил.; на с. 23–24: Дополнение к списку ковшей б. Троице-Сергиевой лавры (1925 год).

23. О «встречных» пробелах. Доклад, читанный в Комиссии по охране памятников искусства б. Троице-Сергиевой лавры 22 июля 1925 года. Сергиев, 1925. 11 с., 1 табл.

24. Дополнение II к Описи икон б. Троице-Сергиевой лавры. Изд. Комиссии по охране памятников искусства б. Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1925. 7 с.

25. Описание древнего церковного серебра б. Троице-Сергиевой лавры (до XVIII века). Изд. Гос. Сергиевского историко-художественного музея. Сергиев, 1926. XXX+293 с., XIII табл.

26. Иконописные формы как формулы синтеза. (Доклад в связи с изучением памятников иконописи б. Троице-Сергиевой лавры). Изд. автора. Сергиев, 1926. 22 с. ил.

27. Дополнение III к Описи икон Троице-Сергиевой лавры (1920). Изд. Гос. Сергиевского историко-художественного музея. Сергиев, 1927. 34 с., 1 табл.

28. Параллельность и концентричность в древней иконе как признаки диатакической организованности. Изд. Гос. Сергиевского историко-художественного музея. Сергиев, 1927. 14 с., 3 ил.

29.-30. Три доклада по изучению памятников искусства б. Троице-Сергиевой лавры. Изд. Гос. Сергиевского историко-художественного музея. Сергиев, 1927. 44 с. [1. О линейных деформациях в иконе Троица Андрея Рублева. (Иконологический опыт), с. 5–32; 2. Второй более или менее достоверный памятник скульптуры руки Василия Дмитриевича Ермолина, русского скульптора и зодчего XV века, с. 33–40; 3. Дата Троицкого собора б. Троице-Сергиевой лавры, с. 41–44], ил.

31. Амвросий, троицкий резчик XV века. [Совместно с П. А. Флоренским]. Изд. Гос. Сергиевского историко-художественного музея. Сергиев, 1927. 58 с., 1+49 ил.

32. Структура пробелов. Историко-иконологический этюд по памятникам собрания б. Троице-Сергиевой лавры. Изд. Гос. Сергиевского историко-художественного музея. Сергиев, 1928. 32 с., ил.

33. Russian Icons at South Kensington. – The Burlington Magazine, LV, No CCCXXI, 1929, p. 284–289, pl.

34. Description of Plates. [Совместно с М. С. Лаговским]. – In: Masterpieces of Russian Painting. Ed. By M. Farbman. London, 1930. P. 109–124.

35. The Development of Russian Icon Painting from the Twelfth to the Nineteenth Century. – The Art Bulletin, v. XII, 1930. № 4. P. 347–373.

36. Probleme de restauration des icons et fresques russes. – Mouséin. 27–28. 1934. P. 228–236. Pl. XXV, XXVI.

37. Сводка заболеваний монументальной живописи. – Советский музей. 1935, № 2, с. 99–101.

38. Реставрация египетских саркофагов в Музее изобразительных искусств. – Советский музей. 1935. № 3, с. 59–62, ил.

39. Обзор методов лечения древней монументальной живописи. (По данным Центральных государственных реставрационных мастерских и Государственной Третьяковской галереи). – Советский музей. 1935. № 5, с. 70–77, ил.

40. Вопросы форм древнерусской живописи. – Советский музей. 1935, № 6, с. 21–36; 1936. № 1, с. 61–78 и № 2, с. 39–59, ил.

41. Реставрация оболочки мумии в Музее изобразительных искусств. – Советский музей. 1936. № 6, с. 26–28.

42. Новый метод введения гипсовых шпонок при укреплении фресковой штукатурки. – Советский музей. 1936. № 6, с. 111–112.

43. Памятник старой русской живописи. Вновь раскрытые фрески в Новгороде. – Архитектурная газета, от 12 октября 1937, с. 4.

44. Recent Restorations of Ancient Russian Frescoes. – The Art Bulletin, v. XX, 1938, N, p. 107–111.

45. Икона Троицы. – Музей, 8. М., 1987. С. 256–257 (приложение к публикации Ю. Г. Малкова «К изучению Троицы Андрея Рублева»).

46. Из недавнего прошлого одной усадьбы. Буюцкий дом, каким мы оставили его 5-го марта 1917 года. – Наше наследие. № 29–30, 1994. С. 95–121 и № 31, 1994. С. 97–123 (публикация Г. И. Вздорнова по рукописи Ю. А. Олсуфьева В ОР РГБ, ф. 218, № 175, I, л. 1–107 и по авторизованной копии в частном собрании в Москве).

47. Икона в музейном фонде. Исследования и реставрация. Сост. А. Н. Стрижев. М., 2006 (перепечатаны работы под № 22, 17, 29, 30, 26, 25, 40, 28, 7, 27, 32, 11 и 6; именно в таком порядке!, корректурные экземпляры статей остались составителю неизвестными и не учтены при их перепечатках, неизданные работы в сборник не включены).

48. Из недавнего прошлого одной усадьбы, Буюцкий дом, каким мы оставили его 5-го марта 1917 года. – Ю. А. Олсуфьев. Из недавнего прошлого одной усадьбы. М., 2009. С. 19–175. Илл. публикация Г. И. Вздорнова.

49. Общениа. (Выписки из записной книжки), I. 1913–1922. – Там же, с. 177–270. Илл. Публикация Г. И. Вздорнова.

СПИСОК НЕИЗДАННЫХ РАБОТ Ю. А. ОЛСУФЬЕВА*

1. Статистический отчет по Красному и Даниловке 907–912 с данными о доходе по 1 апр. 917, 1917. – ОР РГБ, ф. 218, № 175 5, л. 1–45 (на типографских бланках, заполненных рукой автора).
 2. Очерк одного хозяйства. Имение Красное Буйцы Епифанского уезда [Тульской губернии] гр. Юрия Александровича Олсуфьева. Очерк за десятилетний период до революции (1 апр. 907 – 1 апр. 917). Февраль 1918. – ОР РГБ, ф. 218, № 175, 4. л. 1–13 об.
 3. К вопросу о реставрации Троицкого собора Свято-Троице-Сергиевской лавры. 25 октября 1918. – Архив СПИХМЗ. Оп. 1, № 2, л. 2–4 об.; архив П. А. Флоренского (Музей свящ. П. Флоренского, Москва), л. 1–6.
 4. Две иконы Троице-Сергиевской лавры конца 16 века письма келаря Евстафия Головкина, 14 декабря 1918. – Архив СПИХМЗ, оп. 1, № 2, л. 27–28 об.
 5. Первый ярус иконостаса Троицкого собора (материал для описи икон и комментария к изданию Описи 1642 года). 23 февраля 1919. Архив СПИХМЗ, оп. 1, № 6, л. 8–9.
 6. Символы Горнего. Анализ икон Троице-Сергиевой лавры как опыт иконологии, вып. 1. Иконы до XV века. [Совместно с П. А. Флоренским]. 1922, л. 1–50. Иконы XV в. и последующих веков. Ркп. П. А. Флоренского 1918–1920. – Архив П. А. Флоренского (Музей свящ. П. Флоренского. Москва).
 7. Опись Троице-Сергиева монастыря 1641 года. Рукопись из архива Троице-Сергиевой лавры, подготовленная к печати С. Н. Дурылиным и Ю. А. и М. Ю. Олсуфьевыми. 1919–1922. – ОР РГБ, ф. 173, II, № 225, л. I–IV (предисловие Ю. А. Олсуфьева, ноябрь 1922), IV об. (оглавление) + 1–310 (текст описи, переписанный в 1919 году С. Н. Дурылиным и отцом и сыном Олсуфьевыми: рукою Ю. А. Олсуфьева переписаны л. 93–164, 203–227 об., 247–270 и 286–291 об.).
 8. Синодик Троице-Сергиевой лавры 1575 года. Рукопись из архива Троице-Сергиевой лавры, подготовленная к печати Ю. А. Олсуфьевым. 1923. – ОР РГБ, ф. 173, II, № 226, л. 1–318 (л. 1–4: предисловие «От издателя», л. 5–22 об.; «Фамильный и прозвищный указатель», л. 25–318: текст Синодика). На л. 1 вверху: «Посвящаю памяти моего покойного двоюродного брата Алексея Александровича Васильчикова», на л. 4: «Ю. А. Олсуфьев. Сергиев Посад, 26 февраля 1923 года».
- л. 1–29 (на л. 1–1 об.: «Предупреждение», на л. 1 вверху рукою Ю. А. Олсуфьева: «Копия с экземпляра, хранящегося в библиотеке Моск. дух. академии», на л. 1 об.: «Ю. Олсуфьев. Сергиев Посад, апрель 1923»). В существующей библиотеке Московской духовной академии (в Троице-Сергиевой лавре) имеется полная копия с рукописного оригинала, находящегося в ОР РГБ.

* В этом списке названы лишь наиболее значительные неопубликованные сочинения Ю. А. Олсуфьева. В него не включены служебные отчеты об экспедициях (преимущественно в Новгород). Почти все перечисленные работы сохранились в подписанных машинописных экземплярах с правкой автора, а не в рукописях, и потому способ их фиксации не указывается. Если машинописные экземпляры одной и той же работы находятся в нескольких хранилищах, сообщается о местонахождении всех копий. Указаны автографы.

Приводится по изд.: Ю. А. Олсуфьев. Из недавнего прошлого одной усадьбы. М., 2009. С. 309–312. Список подготовлен Г. И. Вздорновым.

9. Заметки о родах и лицах служилого сословия, записанных в Вкладной книге Троице-Сергиевой лавры 1673 года. (Историко-генеалогический комментарий), вып. 1, 1924. – ОР РГБ, ф. 173, II, № 229, л. 1–206 (текст) + 207–210 (чистые) + 211 (оглавление) На л. 1 об. После краткого предупреждения: «Ю. Олсуфьев. Сергиев Посад, 28 февраля 1924».
10. Схема византийских основ теории творчества (в частности – теории иконы). 1926. – ОР РГБ, ф. 173, II, и 231, в трех тетрадах (л. 1–12 + 1–12 + 1–12). Аналогичные экземпляры с незначительными отличиями: ОР ГТГ, ф. 157, л. 1–20.
11. Полная опись раскрытых икон Троице-Сергиевой лавры. 1928. – ОР ГТГ, ф. 157, № 160, л. 1–83.
12. Два кубка XV века в собрании бывшей Троице-Сергиевой лавры. 1928. – ОР ГТГ, ф. 157, № 7, л. 1–6 + перевод на немецкий язык: Zwei Becher des XV. Jahrhunderts in der Kunstsammlung des ehem. Klosters Troize-Sergiewskaja Lawra. – Там же, л. 1–7.
13. Внешние формы памятников древнерусской станковой живописи. [Совместно с С. В. Олсуфьевой]. Декабрь 1928 – январь 1930. – ОР ГТГ, ф. 157, № 103, л. 1–8.
14. К вопросу об орнаменте Иоанновских палат в Новгороде. (В порядке разработки материалов, собранных в летние командировки 1931 года). Февраль 1932. – ОР ГТГ, ф. 67, л. 1–6 и ф. 157, № 104, л. 1–7.
15. К вопросу датировки иконы Богоматери на престоле, окруженной житийными клеймами (maniera byzantine) из Музея изобразительных искусств. 1933. – ОР ГТГ, ф. 157, № 309, л. 1–2.
16. Схема предварительных предположений, касающихся авторства иконы Николы из города Коломны. [1932–1933]. – ОР ГТГ, ф. 157, № 312, л. 1–4.
17. К вопросу авторства сени царских дверей из села Благовещения Загорского района. 1934, – ОР ГТГ, ф. 157, № 105, л. 1–7 и ф. 67, № 392, л. 1–7.
18. По поводу фрески Трифона. [1934]. ОР ГТГ, ф. 157, № 311, л. 1–2.
19. Икона «Сошествие во ад» из Чухчерьмы (на Северной Двине). [1934–1935], ОР ГТГ. Ф. 157, № 109, л. 1–16.
20. Вопросы форм древнерусской иконописи (материалы для иконологии). К вопросу, что есть иконопись (вместо Введения). [1935?]. – ОР ГТГ. Ф. 157, № 106, л. 1–105.
21. Три иконы Божией Матери эпохи Палеологов в Третьяковской галерее (их стилистические формы и школы). Апрель 1936. – ОР ГТГ, ф. 157, № 108, л. 1–23.
22. Краски древнерусской станковой живописи и их качественный анализ (по памятникам ГТГ). 1937, – ОР ГТГ, ф. 18, № 78, л. 1–76.
23. Вновь раскрытые памятники древне-русской живописи круга Андрея Рублева. [1934–1937]. – ОР ГТГ, ф. 157, № 8, л. 1–3.
24. Новгородские фрески и работы Третьяковской галереи. [1934–1937]. – Отдел рукописей ГТГ, ф. 157, № 107, л. 1–5.

ГОМИЛЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ИГУМЕНА АНДРОНИКА (ТРУБАЧЁВА)

ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА
1993–2000 гг.

ПРОПОВЕДЬ НА ЕВАНГЕЛЬСКОЕ ЧТЕНИЕ ОБ ИСЦЕЛЕНИИ ГАДАРИНСКОГО БЕСНОВАТОГО

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

В нынешнем Евангельском чтении, братья и сестры, мы слышали о том, как Господь изгнал беса из человека, который страдал этой

одержимостью в течение многих лет. Прежде чем приступить к изъяснению этого повествования, нам необходимо обратить внимание на то, что отношение к бесу, отношение к дьявольской силе бывает различно по мере того, на какой нравственной ступени стоит общество. В христианском обществе для христианина, для всех людей, которые живут, объединенные любовью ко Христу, – нет большего врага спасения, нет другого источника гибели, чем диавол и его слуги. Когда же общество начинает отходить от Христа, тогда отношение к диаволу начинает незаметно меняться. И общество может дойти до того, что, отказавшись от Христа, оно начинает прославлять самого сатану-диавола. К великому сожалению, в нашем обществе ныне мы уже встречаемся с некоторыми людьми, которые именуют себя сатанистами, которые говорят, что недостаточно служить добру. А для того, чтобы осуществить свои цели, они готовы служить самому сатане, источнику зла. Такие люди совершают страшные убийства, нападения на христианские церкви, нападения на беззащитных людей и оправдывают себя тем, что каждый человек волен избирать себе ту веру, которую он хочет. Вот эти лживые люди утверждают, что свобода человека состоит не в том, чтобы свободно следовать за Христом, а в том, чтобы каждый человек мог выбрать или добро, или зло. Такие мысли и тем более такие страшные действия, когда они убивают на глазах у всех людей, не оказывающих им сопротивления, им внушает, ими действует сам источник зла – диавол. Никто другой не может этого внушить людям. Но страшно не только это. Страшно то, что в нашем обществе появились такие сатанисты, и когда мы узнаем из различных сообщений, что там или там были убиты христиане, сатанисты не скрывают, что это сделали они. Но все наше общество молчит, и только внутреннее негодование охватывает малую часть христиан. Это говорит о том, что действительно в целом христиане именно сейчас в России занимают весьма малое и малое место. Конечно, место определяется не количеством. Но если бы мы сохранили в народе свою веру, то несомненно, что действия сатанистов вызвали бы такое возмущение во всем обществе, что невозможно было бы повторение таких действий и никто не решился бы себя признать последователем сатаны.

И вот нынешнее Евангельское чтение и открывает, как христиане должны относиться к диаволу, как вообще люди становятся бесноватыми и как на протяжении многих тысячелетий не только христиане,

но и во времена Ветхого Завета люди оценивали то, когда человек был одержим действием беса. Вот в Евангельском чтении говорится, что когда Господь ступил на землю Гадаринскую, Он оказался в пустыне, где жили два бесноватых человека. Один из них был особенно сильно бесноватый, так что вначале оба они воскликнули: «Что нам до Тебя, Христос, зачем Ты пришел сюда прежде времени мучить нас?» Они так думали, бесы, что наступил уже Страшный суд и Господь их посылает в озеро огненное. Затем один человек, движимый уже собственными человеческими чувствами, подбежал ко Христу, упал и поклонился Ему. А бес опять закричал в нем: «Зачем ты пришел мучить нас?» Тогда Христос говорит: «Выйди из этого человека». И спрашивает, обращаясь к бесу: «Как твое имя?» Спрашивает не потому, что Он не знал этого имени как Бог, но для того, чтобы нам приоткрыть тайну бесовского действия. Тогда бес говорит: «Имя мне легион». Легион означает шесть тысяч. То есть бес говорит, что у него бесчисленное количество имен, огромная сила. Это множество имен означает множество страстей и грехов, множество сил, которыми он объял человека и действует в нем. И вот тогда бесы стали просить, чтобы Христос не выгонял их из этой страны, ибо Гадаринская страна была языческая, но послал их в стадо свиное. Они надеялись погубить так свиное стадо, и вследствие такого убытка, думали они, люди этой страны будут возмущены действиями Христа Спасителя. Однако Христос повелел им идти по их желанию – для того, чтобы невидимая сила Божия, которая изгнала бесов, стала бы видимой для людей, чтобы это чудо исцеления бесноватых людей стало бы известным по всей стране и люди бы поняли, что душа человеческая ценнее всякого имущества, тем более – ценнее свиного стада. И для того, чтобы исцелить эту душу, нам ничего не должно быть жалко.

И так бесы с огромной силой, войдя в это свиное стадо, обратили это стадо к обрыву, и, разбежавшись, оно прыгнуло все вниз и разбилось. Тогда пастухи, которые опасались, что их могут обвинить в гибели этого стада, скорее побежали в город, собираясь рассказать все случившееся и снять с себя возможное обвинение в нерадении, в гибели свиного стада. И вот, приходят люди города и видят, что человек, который раньше разрывал цепи, который убегал в пустыню, около которого не могли пройти спокойно люди, потому что он на них бросался, который разрывал на себе одежды, – этот человек сидит целый, здоровый, в совершенном разуме, и спокойно с благоговением беседует

со Христом, его исцелившим. Тогда люди пришли в ужас – и от совершенного чуда, и, вероятно, также и от гибели своего имущества, и стали просить Христа удалиться из их страны. Исцеленный же боялся, что после того, как Христос отойдет из этой страны, бес снова вернется к нему; этот исцеленный человек просил, чтобы позволил Христос ему следовать за ним. Но Господь ответил: «Иди, благовествуй своим единогражданам, расскажи им, что Я с тобой сделал, для того чтобы, когда Я вернусь сюда, люди, услышав об исцелении, возблагодарили Бога и смогли бы принять Мою проповедь». И так действительно случилось: через некоторое время Христос вернулся туда, и люди, подготовленные проповедью этого исцеленного человека, приняли Господа с радостью.

Вот мы видим в этом повествовании о том, какое зло наносил бес человеку, держа его в своей власти, – как окружающие со страхом относились не только к бесу, но даже к самому этому человеку, который был одержим. Почему же люди подвергаются беснованию? И что вообще мы можем именовать под беснованием? Источник воздействия беса на человека только один – это грех человеческий, как изначально после согрешения наших праотцев бес стал иметь силу над людьми. И до тех пор, пока Господь не воплотился на земле, не сокрушил силу диавола Крестной смертью и Воскресением, бес держал в своей власти все человечество. Так и некрещенные люди находятся во власти беса, хотя Господь охраняет их благодатью Своею, охраняет их ангельской силой – иначе бы человек не смог бы прийти и ко Крещению. И вот наиболее страшные грехи: неверие, хула на Бога, хула на Духа Святого, когда человек попирает Истину, также нечестивые плотские грехи, ложь – эти грехи делают человека жилищем зла, жилищем диавола, и бес обитает в нем, как в своем доме. Иногда попускается действие беса на человека и как наказание за ранее совершенные грехи. Иногда попускается действие беса на человека для того, чтобы оградить его от каких-либо худших грехов: находясь в таком состоянии беснования он не может совершить других грехов. Иногда попускает Господь действие беса для того, чтобы испытать подвижника и увенчать его высшим венцом; таков был праведный Иов, о котором нам говорит Священное Писание.

Кроме того, мы должны различать действие беса на человека, когда он как бы вселяется в человека, соединяется с его силой и замещает в человеке его личность, так что человек становится невме-

няемым и совершает многие поступки, не желая их, и потому даже и не может за них отвечать. Есть же и другого рода беснование, когда человек сознательно грешит, грешит, подвергаясь соглашению с волей диавола; но при этом он остается ответственным за каждый свой греховный поступок. Поэтому под общим беснованием мы можем понимать подверженность рода человеческого ко греху и согласие с действиями диавола на грех. А в строгом смысле под беснованием разумеется овладение бесом душой человека.

Какие же у нас средства есть для того, чтобы избегнуть беснования? Прежде всего, как мы видим из повествования Евангельского, что только сила Божия, а не человеческая способна изгнать силу диавола. Поэтому Господь Сам нам говорит, что этот род бесовский не может быть изгнан ничем, кроме молитвы и поста. Но когда Христос дает нам это поучение о молитве и посте, чтобы привлечь силу Божию, то здесь, конечно, разумеется, что человек содержит правую, искреннюю и живую веру в Господа Спасителя, Который только и изгоняет Сам этого диавола. Господь нам говорит, что для того, чтобы избегнуть различных приражений диавольских, человек должен призывать Имя Божие, которое в себе самом несет благодать Божию, должен ограждать себя крестным знаменем, которого более всего из видимых действий боится бес. Кроме того, Церковь составила специальные чины для того, чтобы посредством этих чинов изгнать силу бесовскую из тех людей, душами которых диавол овладел так, что они не способны уже собственной молитвой и постом, собственными усилиями очищения прибегнуть ко Господу. И вот этими чинами Церковь пользуется для исцеления тех бесноватых, которые подпали такой вражеской силе.

Но при всех этих действиях: при молитве, при посте, при горячей вере – конечно, Церковь разумеет, что мы должны начать жить по заповедям Божиим. Если мы и будем прибегать к различным молитвам, к различным чинам, но не заживем по заповедям Божиим, то мы можем уподобить себя той горнице, которая была очищена от одного беса, но поскольку благодать Божия не заняла этого места в нас, то придет в такую горницу еще большее количество бесов. Так повествуется в Евангелии о людях, которые думают себя очистить собственными силами и не прибегнуть к благодати Божией.

Вот это повествование, дорогие братья и сестры, оно для нас несет назидательные примеры. Мы прежде всего должны опасаться

уподобиться тем неблагодарным гадаринским жителям, которые свое имущество пожалели, которые свое имущество ценили больше, чем души своих соплеменников. Ничто для человека не может быть ценнее, чем спасение души. И вот гадаринские жители это забыли; и, к сожалению, часто и мы забываем об этом, и свое положение, свою власть, свое имущество, свои радости мы ценим больше, чем единство со Христом. Другой пример для нас дает сам человек, который исцелился от этой власти тьмы. Мы видим, что, даже находясь под властью, он все-таки прибежал к Иисусу, и увидел, и пал пред Ним на колени, сопротивляясь этой вражеской силе. Мы видим, как он был благодарен, как он желал последовать за Христом. Мы видим и как он исполнил заповедь Христа о проповеди, для того, чтобы не только сам он был спасен, но были бы спасены и жители его города.

Наконец, все повествование нас убеждает в том, что для того, чтобы избегнуть диавольской силы, все мы должны зажить по-христиански, по заповедям Божиим. Пусть для нас будут страшными такие сообщения, когда мы слышим, что есть люди, которые поклоняются диаволу. Пусть для нас Евангельское это повествование станет действительным светом, и для всех людей светом, чтобы они увидели, что сила диавола – это необычная сила, которая могла бы перевернуть весь мир, если бы Господь не сокрушил сатану. Поэтому, слыша об этом, убоимся и утрашимся, да избегнем сетей сатанинских, и будем с надеждой взирать на Господа нашего, Победителя диавола. И будем молиться о том, чтобы ни один из наших соплеменников, ни один из людей, которые живут в нашей стране, не обратил бы свое сердце к диаволу, а обратил бы свое сердце к нашему Спасителю Иисусу Христу. Аминь.

ПРОПОВЕДЬ НА ПРАЗДНИК ВСЕХ СВЯТЫХ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Часто, дорогие братья и сестры, человек, приходя к нам в Лавру, начинает спрашивать: есть ли среди братии святые люди. Он стремится найти такого святого человека, который бы помог ему в

жизненном затруднении, помог бы ему избавиться от грехов, помог бы ему встать на путь праведной жизни. Но, задавая этот вопрос, и, как правило, этот вопрос задают люди, которые недавно пришли в Церковь, не всегда человек осознает, что́ есть святой человек, кого Церковь именует святыми людьми и в чем, собственно, состоит святость.

Святость – это такое свойство Бога, которое не принадлежит этому видимому миру. Святость – это свойство всесовершенства неотмирное. Поэтому Церковь учит о том, что един свят Господь Иисус Христос. Те же люди, которых мы именуем святыми, – мы их именуем святыми в той мере, в которой они приближаются к Богу и стяжают в себя благодать Святаго Духа. Святой человек – это не значит такой человек, который не грешит и не грешил. Мы знаем, что все святые люди приходили на исповедь. И если действительно посмотреть, чем отличается святой человек от несвятого, то мы увидим, что святой человек – это тот, прежде всего, кто сознает себя грешным и в меру сознания себя грешником очищает себя от грехов. А человек, далекий от святости, – он и считает себя безгрешным, считает, что он во всем прав.

В Церкви множество прославленных святых, то есть тех людей, которых Церковь нам представляет в виде образца для подражания. Но в Церкви также много и непрославленных святых, а также святых, чьи имена нам неизвестны, чьи подвиги по Промыслу Божию остались сокровенными. И вот для того, чтобы прославить всех святых, у Церкви в древности был обычай: освящать храм в честь всех святых, если люди хотели прославить какого-либо еще не прославленного святого, воздать ему почести еще до того, как он будет признан всей Церковью образцом. Такой храм называли храмом Всех Святых, уповая, что, прославляя всех святых, мы будем прославлять и святых, еще неведомых нам.

Праздник в честь Всех Святых установлен также для того, чтобы мы не сомневались, что все святые едины в Боге. Для того, чтобы различить подвиг святых, Церковь одних именует пророками – это те, которые по Божию духу предсказывали грядущие события, относящиеся прежде всего к пришествию Господа Иисуса Христа и к нашему спасению. Других Церковь именует апостолами – это те, которые пошли по всем странам из Иерусалима и проповедовали Евангелие всей вселенной. Иных она именует равноапостольными – это те, которые через много веков после земной жизни Христа шли и

проповедовали, подобно апостолам, проповедовали в самое различное время, вплоть до нашего. Других святых людей Церковь именует преподобными – тех, которые в подвигах поста и молитвы жили в пустынях, основывали монастыри и прославились различными чудесами и добродетелями. Других Церковь именует мучениками – тех, которые пролили свою кровь за исповедание Христово. Иных Церковь именует святителями – то есть те люди, которые, став епископами, руководили Церковью свято и непорочно, сохраняли в целостности православное учение и сами показали пример нравственной духовной жизни. Других Церковь именует блаженными – тех, которые стремились избежать земной славы и почитания от людей, а потому принимали на себя вид юродивых, то есть как бы вышедших из ума людей, и в этом качестве принимали поругания, насмешки от людей, но на самом деле умом и сердцем были близки к Богу. Вот как различны подвиги, различны пути служения людей Богу. Но все они едины во Христе, для всех святых – один Глава, они составляют тело церковное. И вот для того, чтобы показать их единство, Церковь и устанавливает общий для них всех праздник в честь Всех Святых.

Теперь же зададим вопрос: почему этот праздник установлен именно в нынешний воскресный день. Этот воскресный день является ближайшим к празднованию дня Сошествия Святаго Духа. И вот, празднуя Всех Святых в ближайший воскресный день к дню праздника Сошествия Духа, Церковь нам указывает, в чем, собственно, состоит святость. Святость состоит в том, что люди стяжали благодать Святаго Духа. Святость состоит в том, что Дух Святой, сошед, принес здесь, на земле, обильные плоды, в том, что люди из земных, из грешных стали праведными, стали небесными, приблизились к Богу.

Путь приближения человека к Богу указан нам в нынешних церковных чтениях. В апостольском чтении апостол Павел говорит о том, что святые были перепиливаемы пилами, были избиваемы камнями, их бросали в ров, их заколали мечами, их отправляли к диким зверям. Те, говорит апостол Павел, которых не достоин весь мир, – те скитались в пропастях, ходили в козьих шкурах, и весь мир их ненавидел. Вот это чтение говорит нам о том, что святость и жизнь мирская, проникнутая грехом, несовместимы. Мир ненавидит святых, изгоняет их, и тогда святой встает на путь следования Христу. Об этом говорит нам Евангельское чтение: «Кто любит своих ближних (далеких от веры,

имеется в виду) более, чем Меня, говорит Христос, тот не достоин Меня; кто не берет своего креста и не следует за Мной, тот Меня не достоин». Святой человек – это тот, кто прежде всего берет крест и становится исповедником Имени Христова.

Для того, чтобы пройти такой путь, человеку необходима обильная благодатная помощь. Никто своими силами не пройдет по пути святости. Поэтому Господь дарует нам святых Своих для того, чтобы мы от них почерпнули пример и силы идти по пути, по которому они прошли.

Чем же для нас являются святые угодники Божии? Прежде всего, угодники Божии, святые люди – это вместилища Божией благодати. Это люди, которые совершенно отличны от так называемых земных героев, которых прославляет мир. Герой – земной человек, он совершает подвиги для того, чтобы прославить свои человеческие силы, для того, чтобы мир гордился таким человеком. И он старается вести себя так, чтобы все знали бы его, чтобы прославляли его, чтобы народ стекался к нему и он стал бы его предводителем. Люди святые поступают совершенно различно: все свои подвиги они стремятся скрыть, и подвиги совершаются не для того, чтобы прославить силы человеческие, а для того, чтобы очистить себя от грехов и тем самым сделать свои тело и душу подобными чистому сосуду, в который может снизойти Божия милость и благодать. И вот когда такая милость Божия снисходит к человеку, тогда он становится образцом и примером для нас, и в своих подвигах – подвигах поста, подвигах милостыни, подвигах милостивого сердца, открытого для всякого человека, в подвигах кротости и любви, в подвигах милосердия – святые будут для нас также и судьями на Страшном суде. Часто мы говорим: если бы я жил в монастыре, вот тогда бы я стал святым. А другой человек, живя в монастыре, говорит: если бы я смог пойти в пустыню, вот там бы я сделался святым. Находит человек уединение и говорит: здесь мне невозможно стать святым, если бы я жил в обществе и помогал бы людям, вот там я стал бы святым. И нигде не находят себе покоя. Но мы видим, что святые становятся близкими Богу во всяком положении, во всяком месте, во всяком возрасте и во всякое время. Были святые среди людей семейных. Были святые среди людей, которые жили в уединении. Были святые, которые несли общественное служение, защищая законом и мечом правду Божию. Поэтому, когда мы явимся

на Страшный суд, святые будут глядеть на нас и говорить: вот, мы были в таком же положении, в таких же обстоятельствах, в которых были вы, и Господь нам помог стяжать благодать Святаго Духа. И они будут нас обличать тем, что мы, находясь в таких же условиях, ссылались на то, что нам не хватает чего-то для того, чтобы пойти по пути святости, хотя Господь каждого человека ставит в те условия, где он может приблизиться к Нему.

Но святые будут для нас не только обличителями. Святые люди, угодники Божии, для нас так же и заступники, и молитвенники о нашем спасении. Они молятся о наших нуждах телесных, они молятся о нашем спасении. Стяжав Божию любовь здесь, на земле, они перенесли ее на небо и знают все наши скорби, все наши немощи, все наши нужды – и своими молитвами ходатайствуют о нас.

В древности угодники Божии часто совершали большие, великие чудеса. И некоторые люди по неразумию, сравнивая святых древних и нынешних, думают, что поскольку сейчас число видимых чудес уменьшилось, то уменьшилась и святость Божия в Церкви. Еще в IV веке, то есть за много-много веков до нашего времени, святой Иоанн Златоуст говорил, что такие видимые чудеса, когда апостолы начинают говорить на других языках, когда зачастую яд змеиный совершенно не вредил людям, – такие чудеса совершались в первое время апостольское для того, чтобы грубый чувственный языческий мир, который имел слабые понятия о действиях невидимой благодати, уразумел бы действие невидимой благодати через видимые чудеса. А когда уже мир просвещен благодатью Божией, когда нам открыто Евангельское учение, когда Церковь открыто стала преподавать всем таинства Христовы, – тогда уже не требуется таких чудес. Поэтому, как говорит один древний подвижник, святые последних времен будут отличаться от святых первых времен не тем, что они будут меньше, а тем, что они удобно скроют себя от мира, будут прикрыты обильной благодатью смирения, – так что мир, который отвернулся от Бога, он пройдет мимо этих святых, как бы их не заметив, тем самым сам себе нанося обличение. Поэтому, когда мы приходим в Церковь и спрашиваем: где здесь святые люди? – то для того, чтобы нам увидеть святых людей, нам нужно прежде всего зажечь свято самим. Когда мы пойдем по пути святости, когда мы заживем праведно, тогда Господь отверзет наши очи, и мы увидим, что Церковь исполнена множеством святых

людей, прославленных на небе и еще не прославленных, которые живут вместе с нами.

Есть такая русская пословица: не стоит село без праведника. То есть никакое общество, ни церковное, ни гражданское, никакой город, никакое место не смогут существовать, если в их среде не будет находиться праведный человек. И Господь сохраняет жизнь многих нечестивых людей ради жизни этого праведника и ради того, чтобы, живя с праведником, эти люди стали жить подобно ему.

Поэтому в этот день, дорогие братья и сестры, мы должны воздать благодарность Богу за то, что, сохраняя святых угодников Божиих, Он сохраняет и нас, сохраняет наш мир, который призывает к святости Божией. Аминь.

ПРОПОВЕДЬ НА ОБЩЕЙ ИСПОВЕДИ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

В сегодняшнем Евангельском чтении мы слышали то повествование, которое многократно читается при праздновании праздника в честь Пресвятой Богородицы. В этом повествовании рассказывается о том, как праведная Елисавета, которая имела уже во чреве трехмесячного младенца Иоанна, встретила с Пресвятой Богородицей, которая пришла к ней для приветствия после Благовещения Архангела Гавриила, после того, как Дух Святой сошел на Нее. И вот в этом Евангелии говорится, что после того, как младенец Иоанн взыграл во чреве Елисаветинном и она воздала хвалу будущей Божией Матери, то Пресвятая Богородица произнесла пророческие слова: «Се бо отныне ублажат Мя вси роди». Почему эти слова мы называем пророческими? В то время Пресвятая Дева жила в полной неизвестности и бедноте, хотя Она и принадлежала к самым родам Израилевым. Однако эта ветвь материально оскудела и находилась в пренебрежении у народа Божия. Никто Ее не знал, никто не мог предполагать, никто не хотел предполагать, что от такой неизвестной Девы родится, придет на землю Бог Слова. И вот Она, никем не знаемая в то время, говорит, что с этого момента, с момента, как младенец Иоанн вместе с правед-

ной Елисаветой приветствовали Ее, ублажили Ее, – с этого момента Она будет ублажаема всеми родами, то есть всеми народами, которые живут на земле до скончания века. И вот действительно, поскольку это нельзя было предположить по человеческому разумению, мы видим, что Духом Святым Пресвятая Дева произнесла эти слова. И слова эти, братья и сестры, относятся и к каждому из нас. Ибо когда Божия Матерь говорила, что все роды Ее будут ублажать, Она имела в виду и каждого христианина.

В чем же это пророчество может осуществиться на каждом из нас? В том благоговейном почитании, которое мы оказываем Пресвятой Богородице. В том благодарении Ей за то, что Она послужила делу нашего спасения. И вот наше благоговение, наше почитание, наше ублажение Пресвятой Богородицы – оно прежде всего выражается в нашей чистой жизни, в том, что в праздник Пресвятой Богородицы мы приходим в храм для того, чтобы самих себя сделать Храмом Божиим, для того, чтобы и в нас бы вселился Дух Святой, для того, чтобы и нас коснулась благодать Божия, чтобы мы по мере подражания Пресвятой Богородице могли бы уподобиться Ей в таких добродетелях как чистота, как смирение, как молитвенное состояние, как труд, который Она несла в течение всей жизни. Вот это очищение сердца в праздник Пресвятой Богородицы, содействие и себя верным учеником Христовым и сыном, христианским сыном Божией Матери – ибо Господь сказал, что «Ты будешь Матерью всего рода христианского», – вот в этом и на нас осуществляются Ее пророческие слова. В этом мы и ублажаем Пресвятую Богородицу. Поэтому в праздник Божией Матери мы должны постараться очистить свое сердце искренним покаянием – для того, чтобы действительно почувствовать себя Ее сынами, для того, чтобы действительно Божия Матерь могла сказать, что «Я ваша Мать, Мать не только потому, что Я хочу быть и покрываю вас Своей милостью, но потому что Я вижу, что вы, как настоящие сыны, настоящие дочери, стремитесь ко Мне, к своей христианской Родительнице, как каждый человек должен стремиться и к своим плотским дорогим родителям».

Вот в этом, братья и сестры, и состоит наше ублажение Пресвятой Богородицы. Поэтому, помня о Ее словах, будем исповедовать свои согрешения для того, чтобы чистыми предстать пред Господом и Матерью рода христианского. Аминь.

ПРОПОВЕДЬ НА ДЕНЬ УСПЕНИЯ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Пророк Давид, некогда движимый Святым Духом, изрек о будущей жизни Пресвятой Богородицы: «Вся слава дщери царевой внутрь». То есть слава, которая подобает будущей дочери царя. Так он именовал Пресвятую Богородицу. Эта слава будет сокрыта, обращена внутрь, она будет не видна. По понятиям человеческим, пока человек жив, слава, которая его окружает, – следствие его известности, следствие его силы или могущества, следствие каких-либо событий. Эта слава распространяется все больше и больше; и сам человек обыкновенно стремится прославить себя здесь, на земле, пока он жив. Ибо все мы знаем, что со смертью день за днем приходит забвение для всякого человека. Так что даже у людей существует пословица, что гроб является ходатаем забвения. И чем дальше отстоит время от смерти человека, тем менее обыкновенно его помнят люди. Поэтому слава, которая окружает человека, она распространяется от него при жизни. И вот здесь пророк Давид указывает нам, что закон духовный, закон Евангельский, закон, по которому жила Пресвятая Богородица, закон, который дан и нам, христианам, – он действует противоположно мирскому закону. Пока Дева Мария была жива, Она находилась в неизвестности, и лишь со дня Ее преставления к Богу, или, как учит Церковь, со дня Ее Успения, эта слава стала распространяться по земле, и чем далее, тем более. Этой славе, боголепной славе Пресвятой Богородицы, мы не видим никакого предела и конца.

Как же объясняется это пророчество святого Давида-псалмопевца? Почему слава Пресвятой Богородицы, которой Она была исполнена еще при жизни, оставалась сокрытой от людей, а стала известна лишь после Ее Успения? Вот для этого нам надо взглянуть не только на самое Успение, но и на жизнь Пресвятой Богородицы. И мы видим, что все Ее добродетели, вся полнота благодати, которой были исполнены Ее душа и тело, – они были покрыты глубоким покровом смирения, смирения личного, к которому добавлялся и Божий покров – промыслительный покров, скрывавший Ее необыкновенную

славу как Дочери Царевой от людских глаз. Вот хранитель Ее девства, праведный Иосиф, начинает сомневаться в том, действительно ли его Обручница сохранила чистоту. Он тяжело страдает от этого, он смущен: как Та, Которая дала обет, ныне находится непраздной и имущей во чреве ребенка. Одного только слова Пресвятой Богородицы достаточно было для того, чтобы разрушить все сомнения Иосифа: Она могла ему рассказать о явлении Архангела Гавриила, Она могла ему подробно повествовать о Благовещении и сошествии Святого Духа. И несомненно, что Бог удостоверил бы всякое Ее слово. Но Дева Мария молчит, предоставляя праведному Иосифу повод сомневаться. Молчит потому, что скрывает Свое девство, скрывает таинство Благовещения Своим смирением. Скрывает его для того, чтобы Бог Сам каким-либо неведомым для Нее способом открыл бы эту тайну праведному Иосифу. И Ее смирение побеждает смущение Иосифа, и не Мария, но Ангел является ему и говорит: «Не бойся, твоя Обручница не нарушила обета, прими, оставь Ее в доме, потому что от Нее произойдет Бог, Который должен спасти род человеческий».

Рождается наш Спаситель. Ангелы благовествуют на небе, приходят волхвы из дальних стран, приходят пастухи, чтобы воздать славу родившемуся Христу. И тут, казалось бы, вместе с прославлением Сына должна и Ее коснуться слава, как Его Матери. Но волхвы удалились, ушли пастухи, и небесное славословие осталось, казалось бы, неведомым не только людям, но даже иудеям, которые жили рядом. И вместо прославления после Рождества Христова Ее ожидает тяжкое гонение Ирода и бегство в Египет.

Вот начинает проповедовать Ее Сын, достигший возраста уже, когда Он вышел на проповедь для нашего спасения. Может быть, тут слава, которая иногда окружала Христа во время проповеди, коснулась Ее? Но мы видим, что некая жена, пораженная величием Спасителя и чудесами, которые Он совершал, восклицает: «Блаженно чрево, которое Тебя носило, и сосцы, которые питали Тебя». Она ублажает Божию Матерь, но Сама Божия Матерь остается для нее неведомой, женщина не знает Ее имени, иначе бы несомненно она сказала бы: «Блаженна Мария, Которая Тебя родила». Другие знают Ее имя, это те близкие, которые жили с Нею, но они оставались в неведении о том, что Она принадлежала царскому роду. И, удивляясь чудесам и премудрости Спасителя, говорили: «Не плотников ли Он сын, и не сын ли Он Той

Марии, Которая жила среди нас, Которая такая же простая, как и мы? Откуда у Него такая премудрость и такая сила?»

Может быть, слава должна была коснуться Божией Матери и открыться через непосредственное указание Ее Сына, как обыкновенно и бывает, когда мы хотим прославить своих близких. Но мы видим, что, напротив, Сам Христос Спаситель сокрывает славу Божией Матери. Когда к Нему пришли люди и сказали: «Вот Матерь Твоя и братья хотят Тебя видеть», – то Он говорит, как бы не замечая этого вопроса: «Кто Моя мать? Тот, кто слушает слово Божие». А мы знаем, что не было на земле человека, более исполнившего волю Божию, более послушавшего Христа, Сына Божия, чем Его Пречистая Матерь.

Мы видим, что Пресвятая Богородица является рядом со Своим Сыном не тогда, когда Он находится в некоторой славе, как это было в определенное время, например, при входе в Иерусалим. Не тогда, когда, совершив чудеса, Он принимает благодарение от людей. Но Она преимущественно находится рядом со Христом тогда, когда Сам Он находится в унижении. Она стоит у креста Его, у креста всей Его проповеди и у креста Его распятия – тогда, когда и народ, и ближайшие ученики, и все удалились от Него.

Вот воскрес Ее Божественный Сын, и слава Воскресения начинает распространяться по всему миру. Но мы в Евангелии не находим ни одного слова о том, когда же Божия Матерь узнала о Воскресении. И лишь церковное Предание в своих священных песнопениях говорит нам, что первым к Ней явился ангел для того, чтобы сказать о Воскресении Ее Сына. Даже Священное Писание покрывает смирением то, что слагала в Своем сердце Пресвятая Богородица.

Наконец, апостолы пошли с проповедью по всему миру. И Божия Матерь, как говорит нам Предание церковное, – Она была душою апостольской общины. Именно Она рассказала апостолам о том, как проходило детство Спасителя. Именно Она рассказала апостолам о Благовещении. Именно Она рассказала апостолам о многом том, что они не могли знать, ибо они узнали Христа, когда Он уже вышел на проповедь. Но вот Деяния апостолов описывают нам то, какое место занимала Пресвятая Богородица в апостольской общине. Нам говорится, что после Вознесения апостолы вместе с другими учениками (и они перечисляются по именам) в страхе находились в Иерусалиме, ожидая снисшествия Святого Духа. И поскольку они боялись, то ожидали

этого сошествия все вместе, будучи единодушны. И вот, перечислив всех двенадцать апостолов, евангелист Лука добавляет, что с ними были также и некоторые жены, а в том числе и Матерь Иисуса Мария. И это поставление евангелистом Лукою Пресвятой Богородицы на последнее место в первой общине христиан – оно действительно показывает, что, несмотря на то, что Божия Матерь пользовалась почетом, благоговейным уважением у всех христиан с самых первых апостолов, Она находилась в положении обычной женщины, которая не имеет никакого права голоса при решении церковных вопросов. К Ней обращались как к Божией Матери, но Сама Она занимала место самое последнее, ниже всех апостолов, – хотя можно сказать, что Богородица первая среди апостолов является проповедницей Воскресения Христова.

И вот только когда приходит смертный час – а надлежало Божией Матери смириться и так, чтобы как бы пройти, как и всем нам, через врата смерти, – когда приходит смертный час, то Та, Которая едва упоминается при проповеди апостольской, получает необычайную славу: апостолы слетаются к Ней на ангельских силах для того, чтобы почтить Ее Успение, Ее отшествие к Богу. Преподаяв каждому из них наставление, Богородица сказала о том, как вновь Ей явился Архангел Гавриил и предупредил о соединении Ее с Богом. И далее церковное Предание рассказывает нам, что смерть Пресвятой Богородицы была необычайна, Она как бы тихо, безболезненно уснула, и не ангелы, как у обыкновенного человека, приняли Ее душу, но Сам Господь Иисус Христос явился для того, чтобы воспринять душу Своей Матери в небесные объятия. Вот здесь-то и открывается слава Пресвятой Богородицы. Когда одр Ее был несен к погребению, то некий иудейский первосвященник Анания, желая осквернить погребение Пресвятой Богородицы, простер свои руки для того, чтобы опрокинуть гроб. Но ангел Господень отсек ему руки, и, видя это чудо, он уверовал и присоединился к апостолам.

После погребения Божией Матери апостолы находились вместе. По Промыслу Божию во время погребения с ними не было апостола Фомы. И для того, чтобы уверить и Фому, для того, чтобы и ему дать насладиться зрением лика усопшей Пресвятой Богородицы, апостолы повели его к пещере, где была погребена Пресвятая Богородица. И когда они открыли пещеру, то обнаружили, что эта пещера не содер-

жит тела Пресвятой Богородицы. Из церковной истории мы знаем, сколько мощей святых угодников Божиих находятся по всему миру: здесь и пустынники, и епископы, и юродивые, и праведные, – и Церковь имеет остатки одежды Пресвятой Богородицы, имеет остатки пояса, которым Она препоясывалась некогда. Но никогда нигде мы не слышали, чтобы Церковь имела бы частицы Ее праведного тела. Это потому, что тело Ее было вознесено на небо и принято Самим Христом Спасителем. Вот это вознесение открыло Ее славу – Пресвятая Дева пришла к Богу ранее Страшного суда. И потому Она ходатайствует о нас как всеильная Матерь рода христианского.

И вот в церковном Предании повествуется, что когда апостолы сидели и трапезовали, они обыкновенно оставляли одну часть хлеба в память о том, что как бы с ними трапезует Сам Учитель, Господь Иисус Христос. И когда они вознесли эту часть хлеба в память своего Учителя, то внезапно на небе явилась им Пресвятая Богородица, Которая вознеслась ранее в Успение, и произнесла слова, сказанные Ее Сыном и Господом: «Радуйтесь, Я с вами во вся дни до скончания века». На такое приветствие апостолы ответили восклицанием: «Пресвятая Богородица, помогай нам!» – тем восклицанием, которым мы с первого века обращаемся к Ней.

Вот с тех пор, дорогие братья и сестры, когда слава Богородицы распространилась на небе, когда Она была прославлена на небе, тогда Господь благоволил распространиться Ее славе и на земле. И здесь Евангельский закон стал действовать противоположно закону мирскому: чем далее мы находимся от времени Успения Пресвятой Богородицы, тем более мир прославляет и благоговеет пред Нею, тем более мир чувствует Ее предстательство, тем более мир чувствует Ее живое соприкосновение со всею Церковью. Поэтому в Успении, как во всей Своей жизни, Пресвятая Богородица дает нам великий христианский урок того, чтобы никто из нас не заботился, а, наоборот, скрывал бы свою славу, пока он живет в этом мире. И Бог, если будет необходимо, откроет славу праведника на земле тогда, когда он перейдет к Нему в небесные обители. Так Пресвятая Богородица назидает и охраняет нас Своим Успением. Мы же в этот праздник с чистым сердцем обратимся к Божией Матери с тем же восклицанием, с каким некогда обратились к Ней апостолы: «Пресвятая Богородица, помогай нам!» Аминь.

ПРОПОВЕДЬ НА ДЕНЬ ПАМЯТИ СЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Среди православных угодников много есть святых, которые носят имена, содержащие в себе знамение победы. Это такие святые как Никодим, Никандр и другие, имена которых начинаются со слова Ника, то есть «победитель». Но среди всех этих святых выделяется один, которого необычайно почитает весь православный мир, и само имя его – Николай – означает не просто победитель, не победитель собрания людей, не победитель некоторых людей, но победитель целых народов. Действительно, мы видим, что святитель Николай оказался победителем многих и многих народов, которые, некогда будучи народами языческими, нехристианскими, возлюбили христианского Бога и возлюбили Его верного служителя святителя Николая. Он действительно победил народы, потому что народы признали его своим руководителем, своим молитвенником, своим ходатаем и скорым заступником. Если земные правители бывают победителями, обладая могуществом и силой земной, то святитель Николай победил народы совсем по-иному.

Как святитель оказался победителем народов – об этом нам повествует священное песнопение, составленное в его честь. Это тот тропарь, с которым мы обращаемся к святителю Николаю. И в первых его словах мы обращаемся к святителю Николаю как к правилу веры. Почему из всех добродетелей, о которых в дальнейшем повествуется в этом тропаре, он обращает внимание наше прежде всего на веру святого Николая, на то свойство, на то качество, которое проявляется обыкновенно в человеке в зрелом возрасте? Церковь выделяет веру святителя Николая, потому что правая вера, исповедание православной веры лежит в основе всех прочих христианских подвигов. Если человек будет подвизаться, но неправо веровать, то такие подвиги его будут неуютны Богу. И, более того, мы знаем, что многие еретики, которые боролись против Церкви, которые отходили от Церкви, – они по внешности жили иногда весьма благочестиво, то есть они поднимали на себя различные подвиги, труды, они были постниками. Однако

это благочестие оказывалось ложным и не приводило их ко спасению, потому что в основе их подвигов не лежала правая вера.

Вот эта правая вера святителя Николая, как в возлюбленном сосуде Божиим, проявилась в нем еще от младенчества. Когда он только был крещен, то простоял в купели крещения, не поддерживаемый никем, в течение трех часов – тем самым знаменуя, что в будущем станет служителем Святой Троицы. И действительно, когда через много-много лет состоялся Первый Вселенский Собор, на котором была утверждена вера во Святую Троицу, когда святые отцы собрались для того, чтобы обличить еретика Ария, который не почитал Христа Богом, а почитал его человеком, то святитель Николай был настолько воодушевлен ревностью по Боге, что не смог себя сдержать и в пылу спора за Православие подошел к этому еретику и ударил его в щеку. Поскольку такое поведение по внешности является зазорным, неодобрительным, то святые отцы задумали наказать святителя Николая и по человеческому разумению решили лишить его сана святительства. Но вот Сама Божия Мать и Христос явились святому Николаю и возвратили ему омофор святительский и Евангелие, с которым он просвещал народы. И, таким образом, отцы Собора убедились, что эта ревность была воодушевлена не страстью злобы, не страстью человека, который отстаивает истину человеческую, но эта ревность была воспламенена желанием победы над еретиком. И Сам Бог с Пречистой Божией Матерью оправдали такой поступок святителя Николая, ибо он руководствовался в этом случае ничем другим, как только тем, чтобы хранить правило веры. Вот поэтому в тропаре в первых словах мы и прославляем святителя Николая как правило веры, как то правило, которое должно быть и для нас образцом и правилом веры.

Но, несмотря на такое дерзновение, святитель Николай всегда сохранял в себе величайшую кротость и смирение, о чем говорится далее в тропаре. Эту кротость он воспринял также от самого детства, ибо в житии мы читаем, что с детства он отличался от своих сверстников тем, что избегал их игр; если полагал, что кого-либо чем-либо обидел, просил прощения. И во всех своих движениях и чувствах он укрощал гневные, страстные человеческие движения и явился не только правилом веры, но и образцом кротости и смирения.

Далее тропарь свидетельствует, что мы почитаем святителя Николая как учителя воздержания. И этим учителем он также явился от

самого младенчества, ибо житие повествует о чудесных явлениях, как он, еще будучи младенцем, питался молоком матери только однажды в день, и то только после того, как родители его совершали вечерние молитвы. Тем самым свое воздержание он связывал и с молитвенным подвигом. Когда же отрок возрос, то его подвиги воздержания и поста, его подвиги умерщвления телесных чувств уже стали сознательными, так что он выделялся этими подвигами среди всех окружающих людей. Это и явилось причиной того, что дядя будущего святителя, епископ Патарский, призвал его к степени священного сана, рукоположил во священника, и пресвитер Николай стал его помощником в делах спасения паствы.

Святитель Николай, хотя и был уже священником, однако сам стремился к жизни пустынной. И вот в житии мы читаем, как неоднократно, и после того, как он поехал в Иерусалим на поклонение Святым местам, и до этого, он уходил в пустыню, чтобы там в уединении и безмолвии наслаждаться, как один к единому беседа с Богом. Однажды, когда он находился в пустыне, ему был Божественный глас: «Николай, не здесь твое место, ты должен идти служить людям, не через свою пустынную созерцательную молитву, но через деятельное служение; иди в Церковь, благовествуй, проповедуй, твори милостыню, там ты спасешь себя и множество чад». И в тропаре говорится, что он был явлен миру Истиной, которая является Творцом всех вещей, то есть всего совершающегося в мире. Не сам он вышел на служение к нам, но вышел по воле Божией. И потому что он исполнил волю Божию, потому что воля его человеческая склонилась к воле Божией, – святитель Николай явился нам крепким заступником и помощником, ибо не своими силами пас паству, но пас паству силою Христовой, силою Истины, которая и вывела его на служение.

И вот в этом служении, далее говорится в тропаре, он своею нищетою стяжал высокое. Здесь прежде всего указывается нам на то, что, несмотря на свое высокое положение, на положение главы большой общины, несмотря на то, что он был епископом, святитель проводил жизнь в крайней нищете, как последний нищий в своей епархии. Но не только на нравственные подвиги здесь указывается, – здесь указывается на то, что, живя сам в нищете, он смог обогатить людей и благами телесными, и благами духовными. Так, когда святитель Николай еще был священником, он узнал, что некий человек разорился

и не имел средств к существованию; и бес вложил в него хульную мысль: отдать своих дочерей на растление, чтобы такими средствами добыть возможность пропитания. У этого человека было три дочери. И вот, святитель Николай, будучи сам нищим, смог достать для него три мешка золота, чтобы обезопасить целомудрие каждой дочери. И трижды, в три ночи он приносил золото уже отчавшемуся было отцу, чтобы тот смог выдать своих дочерей замуж. Так святой, будучи сам нищ, обогатил этого человека. И когда епархия его погибала от голода, святитель Николай явился некоему купцу, вручил ему три золотых монеты и повелел везти весь урожай в его страну, народ которой голодал. И так люди его, христиане были спасены от голода. И опять мы видим, как нищий святой Николай оказывается богатым не только для себя, но и для всех людей, которые его окружали.

Мы также узнаем из тропаря, что святитель Николай нищетой и смирением стяжал не только богатое, но и высокое положение, хотя он не носил никакого светского чина. Он повелевал в некоторых случаях людьми так, будто бы был большим начальником.

Однажды в его отсутствие правитель области несправедно решил казнить трех мужей. Узнав об этом, святитель Николай смело явился на самое судилище, и уже когда палач занес руку над людьми, склонившими свои головы на усечение, он предстал палачу, остановил его меч и вывел этих несправедно оклеветанных мужей с позора, спасая их от неминуемой смерти. Так мог поступить только человек, который был бы выше начальника, осудившего этих людей. Однако начальник, зная благочестие святителя Николая, зная ту любовь и почет, которыми окружают его люди, не смог ничем ему противостоять и вынужден был покаяться в своем несправедном решении. Так святитель Николай, нищий и смиренный, оказывается для нас богатым, высоким и властным, ибо повелевает людьми, повелевает тем, что спасает нашу жизнь и благочестие. Поэтому Церковь и вопиет к нему как священноначальнику, чтобы он молил Христа Бога спасти наши души.

Память святителя Николая всегда особенно торжественно отмечалась в Русской земле. В Троице-Сергиевой Лавре этот великий святой почитается особо еще и потому, что основатель нашей обители преподобный Сергий был близким учеником святителя Николая, хотя их и разделяли тысячи годов. Однако мы знаем, что в келье у преподобного Сергия находилась икона святителя Николая – та самая икона,

которой благословили его родители. Этот образ, вероятно, находился в их доме с самого его детства. Так что можете себе представить, какую теплую любовь имел преподобный Сергий к святителю Николаю, если от самого младенчества, еще когда он жил в Ростове, он привык видеть в своем жилище эту икону. И вот родители умирают, благословляют его этой иконой; с иконой он идет в это пустынное еще тогда место и здесь продолжает молиться к святителю Николаю. Молится к нему не как к усопшему человеку, но как к своему живому угоднику, который руководит его ко спасению. Вот эту любовь к святителю Николаю, эту веру в его скорое заступничество преподобный Сергий передал всем своим ученикам. И мы знаем, что святитель Николай действительно оказался заступником нашей обители. Когда различные враги нападали на монастырь, то святитель Николай являлся на стенах инокам Лавры, и тем самым они зримо видели, что он охраняет их.

Но и сейчас можно видеть в нашей обители следы заступничества святителя Николая. Если мы войдем в Троицкий собор, то заметим, что южные ворота храма имеют отверстие. Это отверстие иноки благочестиво сохранили незаделанным, дабы была видна помощь святителя Николая. Вот в это отверстие в начале XVII века, когда польские войска окружали нашу обитель, влетело ядро. Ядро было направлено человеком, но руководилось, несомненно, силою бесовскою, – ибо если оно летело в собор, то что оно должно было разрушить там? В соборе в Троицком есть две главные святыни – это престол и рака преподобного Сергия. И ядро, пролетев сквозь ворота, не поразило ни престола, ни мощей преподобного Сергия, но удар ядра приняла на себя икона святителя Николая. И в этой иконе, которая находится напротив мощей преподобного Сергия, мы тоже можем заметить некую заплату – заплату в том месте, куда ударило ядро. И вот мы видим, как святитель Николай действительно защищал обитель, защищал иноков, отвратил даже неминуемую гибель собора и мощей, когда враг туда направил свое грозное оружие.

И настолько близок был преподобный Сергий к святителю Николаю, что иногда даже, когда преподобный Сергий, как описывается в его чудесах, являлся людям, спасая их от потопления или от необычайных опасностей, то являлся в облике, очень сходном со святителем Николаем, – так что некоторые люди, увидев его явление, обращались

к нему, как к святому Николаю. И преподобный Сергей, вразумляя, говорил, что он не святой Николай, но преподобный Сергей. И вот эта близость их, зримая для людей в их явлениях, она показывает нам, насколько родственны они были духовно, насколько велики милостыня, подвиги и заступничество святителя Николая были близки и усвоены нашим аввой преподобным Сергием.

Святителя Николая особо именуют заступником и спасителем всех плавающих в море, потому что многие и многие чудеса он совершил тогда, когда люди погибали в морском путешествии. Но эти чудеса, братья и сестры, когда люди гибнут в морской пучине, – не знаменуют ли для нас того, что и жизнь наша подобна морской пучине, подобна буре, не знаменуют ли для нас эти чудеса и того, что в бури житейские, в плавании житейском от рождения до смерти святитель Николай является для нас также скорым помощником и предстателем. Поэтому, зная уже бывшие чудеса, зная, как святитель Николай помогал людям, погибающим в море, будем молиться к нему, чтобы он нам помог и в плавании через море житейское, когда бурю мы одержимы напастей, когда бурю мы одержимы так, что уже не чаем спасения, – тогда является нам святитель Николай и окормляет наше путешествие, сам встает у руля, у правила, для того, чтобы путь наш был и православный, и благочестивый, и спасительный. Аминь.

ПРОПОВЕДЬ НА ВОЗДВИЖЕНИЕ КРЕСТА ГОСПОДНЯ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Несколько раз в церковном году мы приходим в церковь для того, чтобы поклониться и прославить Крест Христов. Нынешнее поклонение связано с воспоминанием о том, как в Иерусалиме некогда был обретен подлинный Крест, на котором был распят наш Спаситель.

В начале IV века, когда в Римской империи император Максентий жестоко гнал христиан, а также и прочих людей, ввиду многочисленных просьб к правителю Западной части империи Константину, который благоволил к христианству, Константин решил выступить против него, чтобы утвердить праведную жизнь и объединить свою империю

в единую страну. И вот пред тем, как выступить в поход, он, хотя и оставался еще некрещеным, помолился единому Богу о том, чтобы Бог даровал ему помощь и победу. Во время этой молитвы он увидел на небе знамение из звезд, которое изображало Крест Господень, и услышал слова: «Сделай это знамение, обнеси его пред войском, и с этим знамением ты победишь твоих врагов». Вот по этому чудному явлению Константин велел сделать Крест из драгоценных металлов и камней, чтобы в этом видимом почитании его отразилась бы сила Божия. Этот Крест был обносим в войсках, и каждый воин делал подобное знамение Креста на своих одеждах и вооружении. И действительно, Бог чрез крестное знамение даровал еще тогда языческому войску великую победу. После этого дважды Константин одерживал победы при помощи знамени крестного. И вот тогда, убежденный не только в силе Креста, но и в праведности Креста, в том, что Крест проповедует Закон Божий, он обратился к своей матери Елене с тем, чтобы она поехала в Иерусалим и отыскала подлинный Крест Христов. Иерусалим в то время представлял собою заброшенный языческий город. Для того чтобы память о Кресте, память о проповеди Спасителя изгладилась из христианских сердец, император языческий Адриан еще во II веке повелел засыпать место распятия и воскресения Христа и на этом месте водрузил жертвенник языческой богине. Поэтому, когда праведная Елена приехала в Иерусалим, ей стоило огромного труда отыскать место распятия Христа. Только под большими угрозами некий иудей, потомок пророков, рассказал, где находилось это место. И вот тогда начались раскопки, и на месте распятия Христа на горе Голгофской были обретены три креста, а подле них дощечка, на которой было написано: «Иисус Назорянин, Царь Иудейский», а также гвозди, которыми некогда было распято тело Спасителя. Однако патриарх Макарий, который возглавлял эти благочестивые работы, по человеческому рассуждению не мог угадать, какой же из трех крестов действительно принадлежал Спасителю. И вот по случаю, по Промыслу Божию мимо раскопок проносили для погребения одного мертвеца. Поочередно на этого мертвеца были возложены три креста. По возложении одного из крестов мертвец воскрес, и отсюда уразумели, что именно этот Крест обладает животворящей чудотворной силой, исходящей из того, что на нем был распят Спаситель. Также для еще вящей проверки этот Крест поднесли к тяжело страждущей,

безнадежно больной женщине – и она также получила исцеление. Из этого все люди убедились, что это действительно подлинный Крест Христов, через который даруется благодатная сила и помощь. Два же прочих креста представляли собой те кресты, на которых были распяты разбойники справа и слева от Христа. Так эти раскопки подтвердили совершенную подлинность Евангельского повествования.

Естественно, что когда был обретен Крест Христов, образ которого христиане глубоко почитали, образ которого каждый христианин носил на себе, то народ во множестве стал стекаться к этому месту для того, чтобы приложиться и получить благодатную помощь и силу. Но поскольку народу было очень много, а время было ограничено, то патриарх Макарий прибегнул к особому чину: он вознес этот Крест над всей молящейся толпой, то есть воздвигнул его вверх, к небу, и осенил этим Крестом на четыре стороны весь собравшийся народ, так что сила благодатная в этом видимом воздвижении простерлась на всех людей. Народ же восклицал: «Господи, помилуй!» И каждый, сознавая свои грехи, каялся и просил милости Божией.

Вот так был обретен Честной Крест, так было положено начало чину Воздвижения Креста над миром христианским. Этот чин с тех пор совершается в Православной Церкви не только в память об этом событии. Крест воздвигается над христианским миром как символ того, что Крест есть истинный образ нашего спасения. Вот в нынешнем апостольском чтении Церковь нам особо разъясняет, почему для спасения человека был избран такой особый, страшный путь – путь смерти Богочеловека. Апостол говорит, что иудеи просят знамения, а эллины ищут премудрости; но ни знамений не будет им других, и иной не будет дано премудрости язычникам, кроме Креста Господня, который является высшей мудростью для христиан и самым сильным, самым спасительным знаменем. Иудеи ожидали, что Бог, когда придет на землю, Этот Бог проявит Себя в силе и могуществе, так что никакой нечестивый человек, по их мнению, никакой человек, не верующий в Бога, не сможет и прикоснуться к Нему; Бог будет распорядиться всемогущно. Когда же язычники ожидали явления Бога на земле, Господь Бог дал им особенный закон, положенный в их сердца для того, чтобы они из своего естественного закона могли бы прийти к познанию Единого Бога Спасителя. Но они попрали этот естественный закон, и потому Бог отверг их мудрость.

И вот Господь предлагает путь, который не может принять ни иудей, ожидающий всемогущего, карающего Бога, ни язычник, ожидающий, что Бог будет понят им своим человеческим разумом. Крест Христов же, на котором было даровано нам спасение, – этот Крест Христов оказывается сильнее того, кто по-человечески думал, что он самый сильный, мудрее того, кто по-человечески думал, что он самый мудрый. Потому он кажется для иудеев уродством, а для язычников, гордящихся своей человеческой мудростью, он представляется безумием. Для нас же, христиан, говорит апостол, Крест есть Божия сила и Божия премудрость. Но таким он становится для каждого христианина только тогда, когда христианин живет теми же чувствами, какими жил Господь Иисус Христос, Который смирил Себя до Крестной смерти и потому был превознесен превыше небес, так что Ему поклоняется всякое имя на небе, на земле и в преисподней.

Вот этот Крест Христов – образ Христа. Он может приняться только человеком, который смиряет себя пред Богом. Для всякого не-смирившегося Крест всегда будет представляться уродством и несообразностью. И потому Крест Христов всегда гнали и будут гнать те люди, которые не смиряют себя пред Богом. Однако, несмотря на это, несмотря на трудность крестного пути для христианина, всякий христианин всегда может оставаться верующим, только если он идет по крестному пути. «Кто не возьмет креста своего, – говорит Спаситель, – тот не пойдет за Мною, тот не может быть Моим учеником». Церковь разъясняет, что под образом нашего крестного пути разумеет прежде всего те поношения, те глумления, которыми мир осыпает христианство. Под образом крестного пути для нас мы разумеем также скорби и искушения, которыми Господь очищает нас от наших грехов. Под образом крестного пути мы разумеем также нашу брань против диавола, против мироправителей тьмы века сего. Под образом креста мы разумеем также ту благочестивую борьбу, те подвиги, которые христианин возлагает на себя для того, чтобы очистить свое сердце. Поэтому Церковь всегда призывает нас не отказываться от своего креста – для того чтобы, подобно тому, как Христос наш Спаситель умер и воскрес плотью, мы бы умерли греху и воскресли бы в благодатной христианской жизни в этом земном мире и в будущих небесных обителях. Аминь.

ПРОПОВЕДЬ О КРЕСТЕ ГОСПОДНЕМ В НЕДЕЛЮ ПО ВОЗДВИЖЕНИИ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

В праздник Воздвижения Честнаго Креста мы вспоминали самое событие обретения Креста и первое воздвижение его над народом, когда он простер свою благодатную силу. Вот после этого, когда были устроены христианские храмы в честь Воскресения Господня, Крест был оставлен как величайшая святыня в Иерусалиме, а частицы от него разошлись по всему миру. Однако через 300 лет после обретения Креста Господня, когда шла тяжелая война между Греческим царством и Персидским, персы разгромили Греческое царство. Они разрушили город Иерусалим и взяли в плен не только людей, но и христианские святыни, в том числе был взят в плен Крест Господень. И вот в течение четырнадцати лет Крест пребывал в Персии, и христиане всего мира молились о том, чтобы вернуть им главную святыню. Когда был установлен мир, одним из главных последующих событий было то, что христиане договорились, чтобы был выкуплен Крест Господень и возвращен в Иерусалим. И вот Крест Господень выкупили, и его привезли к Иерусалиму, и греческий император решил внести его в храм Воскресения Господня. Император оделся в праздничное облачение, подобающее, как он полагал, для такого торжественного события, во все царские регалии, и в предшествии патриарха, который тоже ранее находился в плену, понес Крест Господень в храм. Однако, по прошествии некоторого времени, он обнаружил, что какая-то сила Божия не пускает его. И он увидел ангела, который препятствовал ему войти в храм. Император недоумевал, почему он не может внести Крест в храм Господень. Может быть, он был недостойн, полагал он. Но он положил много сил для того, чтобы вернуть этот Крест... И вот тогда патриарх ему сказал: «Крест Господень надлежит вносить в храм не в пышном царственном виде, ты должен внести святыню в виде уничиженном, как некогда нес Крест Сам наш Спаситель». Тогда император соблачился своих драгоценных одежд, снял обувь и босой, как нищий и странник, беспрепятственно смог внести Крест на его прежнее место.

Вот это повествование, братья и сестры, оно для нас служит не только историческим событием. Но оно для нас служит также и нападением, что Крест Христов всегда связан с крайним уничтожением и страданием человека. Мысль о страдании, мысль об уничтожении не могли вместить даже ученики Господни, апостолы, пока Дух Святой не сошел на них во время Пятидесятницы. Вот Господь преподает им таинственное учение о причащении Телом и Кровью; Он говорит, что некогда вас питал Моисей пророк в пустыне манною, но та мана была и прошла, Я же вам даю истинный Хлеб небесный, который никогда не перестанет, но ядуший его войдет в жизнь вечную; тот же, кто не будет есть Тела небесного, то есть плоти Господа, тот не может быть Его учеником. И вот в Евангелии говорится, что, услышав об этом, многие из учеников отошли от Христа. Они отошли от Христа потому, что учение о причащении Тела и Крови Господней – это учение Спасителя, это таинство непосредственно связано со страданием на кресте и воскресением, связано с раздроблением Тела Господня в Церкви Христовой, ибо Церковь Христова продолжает распинаться, как Его Тело, восполняя страдания Христовы.

Вот и предваряя нынешнее Евангельское чтение, мы читаем в Евангелии, что Христос задает вопрос ученикам: «За кого Меня почитают люди?» И ученики стали говорить: «Одни – за Иоанна Крестителя, другие – за Илию пророка». И Петр говорит: «За Христа». Тогда Господь, увидев, что Петр от лица всех учеников наиболее приблизился к истине, стал открывать им тайны Царствия Небесного и стал прямо говорить о том, что Ему надлежит пострадать, быть распятым в Иерусалиме и воскреснуть. И Петр, который только что исповедовал Его Христом, стал Ему запрещать и говорить: «Не делай этого, Учитель, не иди на страдания». Тогда Христос говорит ему: «Отойди от меня, сатана». Не Петр сам был сатаной, но желание избежать страдания, желание спастись не крестным путем, а путем человеческой мудрости, – вот эти чувства Христос и назвал в Петре сатанинскими. И потому Он говорит, что ты не можешь быть моим учеником, ты становишься учеником сатаны, если отвергаешь Крест Христов. И вот далее как раз Христос и говорит нам те слова, которые мы слышали в нынешнем чтении, специально подобранном для этого воскресного дня: «Если кто хочет быть Моим учеником, тот должен отвергнуться себя, взять крест свой и последовать за Мной».

Что значит «отвегнуться себя»? Как человек может отвергнуться самого себя? Когда мы отвергаем какого-либо человека, мы перестаем с ним общаться, мы его презираем, мы его отталкиваем, мы не хотим иметь с ним ничего общего. Вот когда Господь говорит: «Отвергнись себя», – Он под словом «себя» разумеет греховного ветхого человека, который живет в каждом из нас. Отвергнись того, что в тебе не принадлежит образу Божию. Отвергнись того, что ты по своей греховной воле любишь более всего, что ты считаешь своим, но на самом деле это не твое, а чуждое, дьявольское. Это первые слова Спасителя.

«И возьми крест свой» – то есть будь готов идти за Христом даже до смерти. Но крест не бери ни выше, ни ниже твоей силы, а крест бери тот, который тебе указывает Промысл Божий. И дерзай отвергаться того, что тебе предлагает Бог.

И в-третьих, Господь говорит: «Последуй за Мной». То есть и всякую другую добродетель исполни, не только страдай за Меня, не только будь готов умереть за Меня, но прояви и милосердие, прояви любовь, будь кроток, будь милостив, будь исполнен Духа Святаго.

Далее Господь говорит нам о душе человеческой: кто хочет спасти свою душу, тот должен ее потерять. Что значит потерять свою душу? Потерять свою душу – это значит потерять свою душу для этого видимого земного мира. Если мы хотим, чтобы душа наша спаслась для Царствия Небесного, для Евангелия, чтобы она обрела жизнь вечную, – она должна как бы погибнуть в этом мире, то есть должна возненавидеть этот мир, отречься от него и взирать на Царствие Божие. А кто спасет свою душу для Царствия Божия – для того душа эта становится безразличной к этому прекращаему миру.

Вот что означают слова: «потерять» и «найти», «спасти свою душу». И для того, чтобы христианин был тверд вот в этих своих желаниях, в этом исполнении заповедей Господних, – Христос дает простое правило, которое помогает всякому человеку сохраниться на путях Господних. Он говорит, что «кто исповедует Меня, того и Я исповедую в Царствии Небесном». Казалось бы, какая разница, говорят многие люди, я верю в душе, в душе я христианин, в душе я люблю Бога и Церковь и исполняю заповеди. Но сердечная вера в душе не способна удержать человека. Поэтому Христос и говорит, что помимо этой сердечной веры христианин должен и словесно исповедовать свою веру. И вот это словесное исповедание веры, оно оказывается для

человека иногда необычайно тяжелым. Мы знаем, что даже апостол Петр, который клялся, что он не отступит от Христа и готов пойти с Ним на смерть, когда его простая служанка спросила: «Не ты ли был с Этим Человеком, со Христом, когда Его брали под арест», – то он трижды отрекся от Христа. Он трижды испугался и не смог исповедовать Христа своим Учителем, не смог исповедовать Его своим Богом. Вот поэтому исповедание – казалось бы, внешне такое простое дело, – оно на самом деле укрепляет человека во всех подвигах христианских. И после того, как человек словесно исповедует Бога, он становится укрепленным благодатью Божией во всех заповедях Господних.

Крест Господень освящает всю нашу жизнь. Когда родится человек, он крещается в смерть и Воскресение Христово. Приходит в зрелый возраст – он избирает крестный путь. Отходит к Богу – и на могиле его христиане устанавливают крест в память того, что этот человек исповедует Крестную смерть и Воскресение Христа и сам в своей жизни, как агнец незлобивый, последовал Христу, своему Пастырю; то есть и сам он исповедовал крест, и сам он стремился погresti свои грехи на кресте и воскреснуть для добродетели.

И, наконец, в Писании нам говорится, что когда Господь явится со славою в конце времен, чтобы судить наш мир, то знамением того, что это будет воистину Христос, а не лжепророк, не антихрист, не лжехристос, – будет единственное знамение креста, которое явится на небе.

Поэтому, братья и сестры, в день прославления Креста Господня будем молиться, чтобы мы это знамение, которое застигнет всякого человека, будет ли он живым или будет ли он воскрешенным в этот момент, – чтобы это знамение было бы для него родным и близким, чтобы он не отвернулся бы этого знамения, чтобы он мог воскликнуть, увидев это знамение: слава, Господи, Кресту Твоему и Воскресению. Аминь.

ПРОПОВЕДЬ О ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ХРИСТИАНИНА. О МИЛОСЕРДИИ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Духовная жизнь человека, христианина, чрезвычайно многообразна. Так было всегда. Ветхий Завет стремился духовную жизнь, е

многообразие, обозначить множеством запретов на грехи, множеством различных обрядов и очищений, И ветхий человек должен был все это помнить и исполнять для того, чтобы приблизиться к Богу. Когда пришел на землю Сам Бог, то для того, чтобы нам легче было обновиться духом, Он отменяет многие запреты и многие обряды, которые имели временное значение. И в немногих заповедях, в немногих словах раскрывает нам самое главное: то, как мы могли бы приблизиться к Богу. Однако для нас, по нашей греховности, по нашей ветхости, и это часто остается непонятным. И вот человек приходит на исповедь, приходит в церковь – может быть, впервые, может быть, он ходит в церковь, вошел в церковь в течение многих уже лет, – однако, подходя к таинству Покаяния, он видит, что вновь и вновь он не готов покаяться, не знает, с чего ему начать, в чем он действительно грешен. Это происходит от глубокого невнимания не только к духовной жизни, но и к нашим собственным переживаниям и чувствам. И вот для того, чтобы никто из нас не мог бы сказать, что не знает, в чем он действительно грешен, для того, чтобы нам помочь увидеть собственные грехи, – Христос сводит все благочестие к единой заповеди: возлюби ближнего своего как сам себя. А в нынешнем Евангельском чтении эта же заповедь излагается немного по-другому: как вы хотите, чтобы к вам относились люди, так относитесь и к ним. Вот если мы посмотрим на эти слова, то мы увидим, что нам очень легко будет увидеть собственные согрешения. Каждый человек, по слову Священного Писания, любит и питает свою плоть, то есть самого себя. Никто никогда не хочет себя погубить. Каждый желает, чтобы ему было оказано добро, чтобы ему было оказано милосердие, милость, каждый ищет сострадания, каждый ищет защиты. И это естественные чувства человека. И вот Христос говорит, что даже по вашему естественному чувству, присущему каждому человеку, вы можете определить все, в чем вы погрешаете. Посмотри, как ты живешь; то, что ты требуешь для себя от других, делаешь ли и ты окружающим тебя людям, – и если ты этого не находишь, то вот тебе то, в чем ты должен покаяться.

И вот далее, раскрывая, в чем различается любовь и милосердие христианские от обычных человеческих отношений, может быть, и не грешных по-человечески, но грешных пред Богом, Христос говорит: «Если вы любите любящих вас, то какая вам польза? И если вы делаете добро только тем людям, которые делают вам добро, то опять – какая

вам польза и благодарность? Если вы займы даете тем людям, от которых ожидаете, что они обязательно вам вскоре и непременно отдадут долг, то какая вам польза и благодарность?» По человеческому рассуждению мы скажем, что великая польза, потому что нам будет хорошо жить на земле. Но Христос здесь говорит не о земной пользе и не о земной благодарности. Он говорит, какая нам польза для неба, для вхождения в Царствие Божие. Ничто из этого не поможет нам войти в Царствие Божие. Так может жить и любой грешник, который исполняет какие-то добрые дела не ради Царствия Небесного, не ради приближения к Богу, но для того, чтобы он благо пожил бы на земле. И вот для христианина, цель которого стяжать Духа Святаго, то есть обновиться плодами кротости, милосердия, смиренномудрия, чтобы соединиться через это с Богом, – для христианина в такой жизни нет никакой пользы, потому что эта жизнь кончится в таком состоянии тогда, когда душа наша отойдет от тела.

Как же мы должны жить? Христос говорит, что мы должны жить противоположно. Мы должны любить, не ожидая взаимной любви. Мы должны благодетельствовать, не думая о том, когда и кто нам отдаст. Вот такое состояние Христос называет милосердием; и Он говорит, что если вы будете так жить, то вам будет великая польза и великая награда. Что же это за награда? Эту награду Господь обозначает нашим сыновством Богу: «Вы будете сынами Всевышнего». То есть Бог станет воистину нашим Отцом, Отцом не только как Творец, но Отцом потому, что Он увидит, что мы живем так, как должны жить Его дети.

И вот, заканчивая это поучение, Христос говорит: «Будьте милосердны, как и Отец ваш милосерден есть». Это самое высшее, самое благочестивое, к чему может взойти и должен взойти всякий христианин. Почему милосердие Христос поставляет так высоко? Ни в чем другом, братья и сестры, мы не можем столь уподобиться Богу, как в милосердии. Если мы посмотрим на то, как Бог относится к миру, то мы увидим, что, прежде всего, в этом отношении лежит милосердие, – ибо Бог подает благо тем людям, от которых не взыскивает ничего другого. Если любовь часто ищет ответного чувства, то милосердие простирается на тех, от кого оно уже ничего не может получить. Милосердие именуется усиленной любовью – усиленной потому, что милосердие простирается на то, что находится ниже его. И вот, если мы хотим узнать, действительно ли мы милосердны, насколько мы

приблизилась к Богу, то нам надо посмотреть на то, как мы относимся к людям, которые находятся ниже нас по своему положению. Пред высшим мы обыкновенно лицемерим и льстим, или явно, или тайно, мы стараемся угодить высшему. Поэтому, если мы оказываем милосердие людям, высшим себя, – то мы ничего не можем сказать, насколько мы исполнили эту заповедь. А вот если мы стремимся так поступать, угождать, заботиться и даже льстить тем, которые ниже нас, то есть воздавать им такую честь, которую, может быть, они бы и не заслуживали, – то здесь мы оказываем милосердие и поступаем подобно тому, как Бог поступает с каждым из нас.

Милосердие имеет множество ступеней, множество различных образов действия. Прежде всего, Священное Писание говорит, что многие наши грехи могут быть искуплены ради нашего милосердия, – потому что, когда человек начинает относиться милосердно к другим, он видит свои грехи, начинает в них каяться, и он не только оказывает помощь милосердием другому, он начинает оказывать помощь прежде всего своей душе. Далее Священное Писание говорит, что милосердие можно заслужить, если мы будем служить окружающим нас людям: тем, которые больны, тем, которые немощны, тем, которые вообще нуждаются в том, чтобы им служили другие люди. Милосердием также Священное Писание именуется всякое доброе слово, которое может восстановить ближнего нашего. Как слово может убить человека – не только духовно, но даже и телесно, – так слово, исполненное милосердия, оно может и возродить другого человека. Вот ныне в нашем обществе люди, которые оказывают помощь другим во время их болезни, именуется медицинскими сестрами – именуется так, потому что общество забыло о милосердии, и не только забыло, но и старательно изгоняло эту добродетель из своей жизни. Раньше эти женщины, которые ухаживали за больными, за немощными, назывались совсем по-другому – они назывались не сестрами медицины, но сестрами милосердия. Этим самым общество хотело показать, что главное их дело вовсе не только в том, чтобы исцелило тело человека; главное их дело было в том, чтобы собственную душу делами милосердия возродить, чтобы собственные грехи делами милосердия искупить, чтобы тот человек, который болен, – а все мы будем больны, и всегда наступит такая болезнь, от которой мы не сможем восстать, – чтобы тот человек, который был болен, он бы надеялся, может быть, не столь-

ко на выздоровление, сколько на то, что Бог будет милосерден к нему, чтобы этот человек не унывал в своей болезни. Видя, как ближний заботится о нас, разве мы не вспомним о Боге, Который будет заботиться о нас, если мы будем прилежны к Его заповедям.

Трудно быть милосердным. Это значит превзойти человеческие силы. Невозможно было быть по-настоящему милосердным, пока не пришел на землю Христос, пока Сам Бог не показал нам образ милосердия. Однако невозможно спастись, если мы не исполним этой заповеди. Потому в нынешний день ничто другое Церковь не напоминает нам к запоминанию, не обращает наше внимание ни на что другое, как на призыв Самого Христа, нашего Спасителя: «Будьте милосердны, как и Отец ваш милосерден есть». Аминь.

ПРОПОВЕДЬ ОБ ИЗГНАНИИ АДАМА ИЗ РАЯ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Преподобный Андрей Критский начинает Великий пост словами Покаянного канона: «Откуда начну оплакивать деяния моего греховного жития?» Он хочет найти тот первый грех в жизни каждого человека, который повлек и все последующие грехи. И вот в Каноне преподобного Андрея, который мы слышим ныне на повечерии, перечисляется множество примеров из истории рода человеческого, которые раскрывают нам глубину грехопадения человека, и вместе глубину его покаяния, а также и бесчувствие грешника, который не обращается к Богу.

И первый грех, о котором можно сказать, в истории рода человеческого, откуда и пошел грех каждого человека, – именуется грехом наших праотцев Адама и Евы. Вот об этом и будет ныне наша беседа – о том, как согрешили наши праотцы. И когда мы увидим, как они согрешили, мы сравним себя с ними и тогда сможем оценить свою совесть, свою жизнь и сказать, каковы же мы в сравнении с праотцами.

Итак, Бог сотворил человека, Адама и Еву, наделил их дыханием Духа Святаго, то есть даровал им ту благодать, которая давала возможность человеку общаться с Богом, созерцать Бога, наслаждаться

единством с Богом – тем первоначальным единством, которое было впоследствии утеряно. И вот для того, чтобы человек возрастал от меры в меру, для того, чтобы это единение с Богом не оставалось на некоей ступени, но восходило все к высшему и вышнему, – Бог насадил рай на востоке, говорится в Священном Писании, и там поместил Адама с Евой. В этом раю было древо жизни и древо познания добра и зла. Также было и много других деревьев, которые приносили плоды. И Бог дает как великодушную заповедь Адаму для его совершенствования. Он говорит ему: «От всякого плода, который произрастает на этих деревьях, вы можете есть и питаться, только не прикасайтесь к древу познания добра и зла». Итак, Адам мог питаться от всякого древа, включая и древо жизни. Малая заповедь, данная Адаму, заключала прежде всего условие послушания и подчинения Богу, а это необходимо было для того, чтобы он всегда помнил, что он тварь, а Бог Всемогущий – его Творец и Отец. И если бы Адам исполнил эту малую заповедь, если бы Адам вкушал от всякого плода и вкушал бы также и от древа жизни, то он вечно бы жил в раю и всегда бы был в общении с Богом. Он восходил бы и стал бы даже выше, чем он был сотворен. Благодаря Духу Святому Адам был как бы неким пророком; все, что было сотворено, все повиновалось ему; он был царем всей вселенной, ничто живое и ничто мертвое не было выше Адама. Вся земля, все животные, все птицы – все повиновалось ему. Адам же должен был повиноваться Тому, Кто ему даровал эти необычайные блага. Он должен был оказать повиновение Богу.

И вот, Адам имеет такие блага; имеет также величайшее благо – свободу произволения. Он мог направить свой выбор в сторону добра, в сторону Бога. Но Бог, для того, чтобы его не уравнивать с животными, оставил ему такую возможность, что Адам мог бы и отпасть от Бога. Однако это отпадение Бог всячески оградил, всячески обезопасил, предупредив его: не ешь от древа познания добра и зла, чтобы тебе не умереть смертью, чтобы ты не лишился всего того, что в тебя вложено при создании.

Но поскольку диавол, ниспавший с неба из ангельского чина, завидовал человеку, который как бы должен был занять его место, – он решил искушить человека, решил всадить в человека мысль о его равенстве с Богом. И для этого диавол входит в змея и через змея обращается к Еве. Он обращается к ней со словами, которые иска-

жают смысл заповеди, данной Богом. «Подлинно ли сказал вам Бог, чтобы вы не ели ни от какого плода в этом саду райском?» – сказал диавол через змея. Услышав эти слова, Ева должна была бы не вступать в беседу со змеем. Ева была создана как особая помощница для Адама, она должна была общаться прежде всего с Адамом, тем более услышав, что змей говорит ей хульные слова, ибо клевета и ложь на Бога – это страшная хула. Она должна была бы отойти от него. Она должна была бы призвать Адама, если она сомневалась в том, что ей надлежит делать. Однако она беспечно продолжает беседу и как бы поправляет змея, поправляет диавола, говоря: «Нет, не так сказал, Бог нам разрешил вкушать от всякого плода, только запретил вкушать плоды от древа познания добра и зла». И тогда диавол внушает ей следующую лесть, следующую хулу. Он клеветает на Бога и говорит: «Бог испугался, что если вы вкусите от древа познания добра и зла, то вы станете такими же всемогущими, такими же всеведущими, как Он, и потому Он вам это запретил». Вот здесь мы видим, что диавол старается низвести понятие о Боге. Нашу мысль о Боге, наши чувства о Боге, наше созерцание Бога старается низвести до чувственного, до образа человека, и не простого человека, но человека падшего, человека завистливого, человека, который боится дать благо другим. Вот как диавол представляет себе Бога: завистливым, гневным. Такое представление о Боге он стал внушать и Еве. И она, к сожалению, приняла эту мысль. Ева согласилась с диаволом, она не отвергла, она не убежала от этих слов, от страшных слов, которые и до сих пор принимает мир, когда он отвергает Бога. И вот когда она приняла эти слова, когда она Бога низвела до образа греха, до образа греховного человека, – она лишилась блаженного созерцания Бога, она лишилась разума, и она увидела, что древо, о котором Бог заповедал не вкушать его плодов, – что древо это имеет плоды, прекрасные на вид, вкусные, плоды, которые хотелось бы вкусить. В ней проснулись чувства – чувства не духовные, а чувственные, телесные. Она взяла этот плод и вкусила, и он ей понравился. Так начинается, братья и сестры, грех человеческий. Вкусивши плод, она позвала Адама и говорит: «Возьми и ты,куси». Вкусил и Адам. Однако вместо того удовольствия, которое они ожидали ощутить, вместо радости о том, что они могут стать равными с Богом, – они внезапно ощутили свое полное ничтожество, свое оскудение. Они вдруг обнаружили, что они стали нагими,

обнаженными, и они стали стыдиться друг друга, и они опоясались смоковыми листьями, для того чтобы избежать соблазнительного вида. Вот такова первая часть повествования Священного Писания о грехопадении Адама и Евы.

Когда мы говорим о том, что Адам и Ева были помещены в раю, то под раем имеется в виду не только какое-то особое место, но и особое состояние души, та первозданная чистота, в которой жили Адам и Ева. Они не стыдились друг друга, будучи обнаженными, потому что слава Божия окружала их тела; от них самих, как от посредствующего источника, как бы исходило это сияние, данное им Богом, и потому им нечего было стыдиться. Хотя мы и говорим, что они были обнаженными, но это была та нагота, которая не сравнима с нашей нынешней телесной наготой. Все их состояние было совершенно другое, чем после грехопадения. А вот когда они согрешили, когда они пали, то и, увы, они соделались во многом такими же, как и мы. И все, что далее случается с ними, нам понятно. Мы не знаем, каков был первозданный Адам, мы не знаем его чувств и мыслей, мы только можем об этом как бы догадываться. А вот каков Адам падший – мы знаем не только из Священного Писания, он во всем сродни нам.

Наступил полдень, как говорит Писание. И вот, Бог обращается к Адаму. Бог, как обыкновенно беседовал с ним, так и ныне хочет беседовать со Своим творением, как будто бы с равным. Однако Адам скрылся среди деревьев. Посмотрите, что сделалось с Адамом: если ранее он повелевал зверям, то ныне он совершенно потерял рассудок. Как может скрыться человек от Бога Всеведущего? Где мы можем найти такое место? Где мы можем найти такое состояние, которое было бы неведомо Богу? Однако Адам думает, что он скроется от Бога. Ему уже становится стыдно не только за свою наготу пред Евой, но стыдно пред Богом, Чью заповедь он нарушил. И вот, Бог милостиво, человеколюбиво обращается к Адаму: «Адам, где ты?» Бог Всеведущий, Бог Всемогущий спрашивает, где Адам. Что за смысл в этом вопросе? Бог говорит Адаму: «Где твоя совесть? Почему ты прячешься от Меня? Выйди ко Мне и откройся». И когда Адам вышел к словам Бога, он сказал: «Я услышал Твой голос ходящего в раю (то есть открывающегося человеку) и спрятался, потому что я наг и мне стыдно». – «Кто же сказал тебе, что ты наг? – говорит Бог. – Почему ты стал нагим?» – «Я съел тот плод, который Ты запретил мне вкушать, и

вот увидел, обнаружил, почувствовал свою наготу, почувствовал свой стыд. Жена дала мне этот плод».

Если Бог Всеведущий говорит с Адамом так, как будто бы Он не знал о его грехе, то Он говорит для того, чтобы Адам покался в грехе, чтобы первое движение его, помимо стыда, было движение покаянного чувства. И вот Адам вместо покаяния приносит Богу оправдание, приносит Богу, даже можно сказать, обвинение – не я виноват, что съел этот плод, а жена виновата, а жену Ты мне даровал. Значит – не я виноват, а Ты, Бог, Творец мой, и виновен в том, что я пал. Бог обращается к жене, надеясь хотя бы от нее услышать покаянные слова: «Зачем же ты съела этот плод, разве Я не предупреждал тебя, что ты умрешь смертью, разве Я не даровал тебе изобильно других плодов и даже древо жизни? Что побудило тебя вкушать этот плод? Может быть, ты покаешься ныне, может быть, ты заплачешь, попросишь прощения?» Но, увы – и Ева молчит, а только выступает опять обвинителем Бога. Она говорит: «Змей, тот змей, которого Ты сотворил, которого Ты допустил до меня, которого Ты допустил в рай, этот змей-то и соблазнил меня; если бы не змей, то и я бы не согрешила, а змея сотворил Ты; Ты, Бог, виноват». Опять мы слышим слова обвинения Бога. Мы не слышим покаяния, мы не видим слез ни Адама, ни Евы. И Бог видит нераскаянность, ожесточение, жестокосердие наших праотцев. Тогда Он изрекает проклятие на диавола и на змия, через которого был искушен человек, и говорит: «Проклят ты будешь, змей и диавол, за то, что соблазнил человека». Однако он говорит и Еве: «Ты будешь страдать отныне, рождая детей, муж будет господствовать над тобою». И Адаму говорит: «Ты будешь в поте лица есть свой хлеб, не так, как должен был бы ты в раю вкушать от древа жизни, а ты будешь вкушать плоды, и они будут тебя вести к смерти, ибо смертные плоды ты вкусишь от земли; ты создан из праха и в этот прах возвратишься». И вот тогда Бог вместо листьев смоковничьих, как описывает это Библия, дарует Адаму и Еве кожаные одежды, он облакает их в ту грубую чувственность, которой все мы причастны. Он их облакает для того, чтобы смирить человека, для того, чтобы человек, хотя бы ныне, падший, не восставал бы на Бога и всегда видел свое приниженное, скотоподобное положение.

И вот тогда Бог говорит: теперь Адам и Ева стали смертны, теперь они греховны; если они прикоснутся к древу жизни, то этот грех

навек будет утвержден в них. Да не будет этого. Надо спасти человека. И вот для того, чтобы его спасти, Бог изгоняет Адама и Еву из рая – чтобы долгим путем покаяния, путем труда, путем испытания, путем очищения рода человеческого через много и много поколений человек снова когда-либо смог бы вернуться в рай. И Он дает обетование жене, Еве, о семени жены, «которое сотрет главу змия»: эти слова Бога прообразуют для нас Пресвятую Богородицу. Он говорит, что семя твоё, то есть Тот Спаситель Христос Бог наш, Который некогда произойдет от плоти человеческой, Бог, когда придет на землю, – Он сокрушит диавола. Но долго еще диавол будет вас искушать и долго будет подвергать различным испытаниям. Так Адам и Ева были изгнаны из рая. Изгнаны для того, чтобы когда-либо вернуться туда – после многих и многих тысячелетий.

И Священное Предание рассказывает, что сделал Адам после этого изгнания. Он сидел, как говорится, «прямо рая», то есть так, чтобы рай был бы ему виден, то есть он помнил о райском блаженстве. И он плакал и говорил: «Раю мой, раю, сладкий мой раю, увя мне окаянному, что я был изгнан из тебя за свое непослушание». Вот тогда-то Адам и пришел к тому покаянию, которого и просил у него Бог, когда, хотя и по согрешению, но Адам еще не был изгнан из рая. Вот тогда он плакал и рыдал. Вот тогда и Ева сокрушалась о том, что она не послушала заповеди Бога, ограждающей их бессмертие.

Вот таково, дорогие братья и сестры, согрешение наших праотцев. И когда говорит Андрей Критский: «Откуда начну оплакивать деяния моего жития?» – то мы должны сказать: от Адама и Евы будем плакать, от этого первого грехопадения, которое вошло в каждого человека. От этого грехопадения и мы начнем оплакивать свою жизнь. Если бы мы были на месте Адама и Евы – поступили бы мы по-другому? Скажем так, если удобно было бы рассуждать о прошедших временах и о том, что случилось: мы поступили бы хуже, мы поступили бы гаже, более мерзко – это мы видим из нашей собственной жизни. Ведь Адам имел только одну заповедь, а мы имеем множество заповедей Бога. Мы знаем о том, как он согрешил, мы знаем о том, как Бог благодетельствует нам, мы знаем, как Бог нас ограждает, – и мы грешим более тяжко, более горько в нашей жизни, чем Адам. Нам Бог даровал благодать Святого Духа в Крещении, подобно тому, как даровал Адаму дыхание жизни. И мы грешим и оскверняем этот дар Крещения. Мы нарушаем

обеты, которые дали в Крещении. Мы отрицались сатаны и всех злых его дел, когда облакались во Христа, – а живем мы так, как будто мы отрекаемся от Христа и соединяемся с сатаной. Вот поэтому нам и надлежит приходить на исповедь, для того чтобы обновить в себе этот незабвенный Божий дар, дар Святого Духа.

Адам жил в раю. А мы, дорогие братья и сестры, живем в новом раю. Пришел уже Спаситель на землю, некогда обетованный Адаму и Еве. Пришел Спаситель и устроил новый рай на земле – это Церковь. И здесь нам дарованы плоды жизни – это Святые Тайны, Пречистые Тайны Тела и Крови Христовых. И здесь пред нами есть древо познания добра и зла – это заповеди Бога, которыми Он ограждает нас от ниспадения. Это древо так названо было не потому, что оно открыло Адаму некое всеведение, но потому, что у этого древа было испытание между добром и злом. И вот Бог нам дарует заповеди для того, чтобы и мы испытали себя, и для того, чтобы мы пошли по пути добра, пошли бы к Богу. И, несмотря на все это, мы все время, ежедневно, ежечасно отпадаем от Бога: и делами своими, и мыслями, и чувствами, и всем своим существом.

Вот поэтому, когда наступает Святая Пасха, то Церковь в конце поста, изобразив как бы всю историю рода человеческого, выносит пред нами икону Воскресения Христова, на которой изображен наш Спаситель Господь Иисус Христос, сошедший во ад и выводящий оттуда праведников, – и мы видим на этой иконе, что ближе всех ко Христу – первые праведники Адам и Ева. Их Он первых выводит из ада, из тени смертной. Выводит не потому, что они были первыми созданы, но потому, что они первыми принесли то глубокое сердечное покаяние, которое и делает человека из грешного праведным. Возьмем для себя, дорогие братья и сестры, этот назидательный урок: плач Адама об изгнании его из рая. И будем помнить милость Бога: несмотря на то, что мы живем в раю в Церкви, Бог нас терпит в Церкви, Бог нас не изгоняет, как Адама, тотчас же из рая, Бог преподает нам по-прежнему плоды жизни, ожидая от нас только одного подвига Адама – его покаянных слез, которые он проливал, помня о райском блаженстве. Тех слез, которые он хранил всю свою жизнь. И вот омоем слезами покаяния, слезами праотцев наших, омоем наши собственные грехи – чтобы, когда наступит Святая Пасха, Бог нас извел бы из жизни греховной к жизни праведной и к жизни вечной. Аминь.

ПРОПОВЕДЬ О БЕСЕДЕ С НИКОДИМОМ

Христос Воскресе!

В нынешнем Евангельском чтении, дорогие братья и сестры, мы слышали с вами о той беседе, которую Господь Иисус Христос вел с праведным Никодимом, в то время еще, когда Никодим впервые пришел к Нему ночью, не имея веры во Христа как в Господа и Спасителя. И вот Никодим обращается к Нему, как к простому человеку, хотя и почитаемому, и говорит: «Мы знаем – то есть мы, учителя, начальники иудейские, которые заседают в синаедрионе, – мы знаем, что Ты – праведный Учитель, Человек Божий, ибо Ты творишь такие знамения и чудеса, которые не смог бы творить человек, если бы с ним не был Бог». О чем далее хотел говорить Никодим, Священное Писание не повествует. Но, вероятно, он хотел задать Христу вопросы о том, когда придет царствие Израилево, то есть когда иудеи освободятся от владычества римского и станут главенствовать, о том, какова будет судьба начальников иудейских в этом царстве, ибо Христос часто их обличал. И вот, прерывая все эти вопросы, Христос отвечает на его тайные мысли: «Истинно говорю тебе, что тот, кто не уверует в Меня как в Бога – тот не увидит Царствия Божия; истинно говорю тебе, что только Я, Который сошел с небес, Я вновь могу взойти и возвести вас вместе с собою на небо». И вот поскольку Никодим не понимал этой беседы, не понимал смысла учения Христа о Царствии Божием как Царствии духа и благодати, то Христос начинает пояснять ему, что в Царствие Божие может войти только тот человек, кто снова свыше родится для новой благодатной жизни. Никодим стал Ему возражать и говорить: «Как может человек родиться снова? Как может он возродиться, это также невозможно, чтобы грешный человек стал праведным, как если бы он вновь вошел во утробу матери и вторично родился». И Христос ему поясняет, что это новое рождение происходит некоторым образом подобно тому, как ты знаешь, – как вы оmyиваетесь водою по обрядам очищения, так и новое рождение будет от воды; но не только от воды, как вы оmyивались в Ветхом Завете, а это новое рождение будет также и от Духа, от Того Духа,

Который ниспосылается Богом ко всякому верующему во Христа как Спасителя и Сына Божия. Опять Никодим не понял: как может быть рождение от Духа? Ведь Он невидим. И вот Христос предлагает ему такое сравнение: бывает дыхание ветра, и вот ты слышишь, как ветер приходит, но откуда он идет, и куда уходит, и куда идет, ты не знаешь. И вот так бывает и с человеком, который возрождается уже не дыханием ветра, но дыханием Духа Святаго. Как Он приходит, как вселяется в человека, как человек обновляется благодатью – это для людей непостижимо, но это бывает, ибо человеку надлежит родиться свыше. И Христос далее поясняет, как же приидет Дух Святой, – что должно случиться. Он говорит, что «Я взойду на небо, то есть воскресну, но перед этим буду вознесен на небо, вознесен подобно тому, как Моисей вознес змия в пустыне, и это будет для того, чтобы вы все получили жизнь вечную». В древности, когда иудеи свершали исход из Египта в Землю обетованную, которая прообразовала таинственно рай и будущую жизнь, когда они стали роптать, что лишились той пищи, которую они имели, будучи в рабстве в Египте, – они стали роптать, и вот, Бог попустил множество ядовитых змей жалить иудеев, чтобы вразумить их, чтобы они вспомнили о своих грехах. И тогда Моисей прообразовательно изготовил медного змия, то есть изображение змея из меди, и вознес его на особо устроенном шесте над главами иудеев. И Божия благодать сделала то, что всякий иудей, взиравший на этого медного змия, хотя бы он был укушен ядовитой змеею по попущению Божию, – он получал исцеление. Вот этот медный змий, вознесенный над главами иудеев, прообразовал распятого Господа Иисуса Христа. Так что мы, уязвленные ядовитыми змеями, то есть нашими страстями и грехами, мы взираем на Христа распятого, то есть понимаем Его как Бога, хотя Он и распят, мы получаем исцеление от наших грехов. Но получаем исцеление не просто оттого, что Христос был распят, а оттого, что Он воистину воскрес и попрали силу вражью. Вот такова была беседа Спасителя с праведным Никодимом.

Мы слышали, что Христос сказал: «Для того Я вознесен на Крест, чтобы вы имели живот вечный». Будем в эти Пасхальные дни молить Господа о том, чтобы Его Распятие и Воскресение не осталось вотще, то есть пустым для нас; чтобы мы, взирая, подобно древним иудеям, на Его Распятие, взирая, как христиане, на Его Воскресение, воистину уверовали в Воскресение Христа, то есть возродились бы от Духа

Святого, снова родились свыше, как учит об этом Господь, – и тогда получили бы вечную жизнь со Христом. Аминь.

Христос воскрес!

ПРОПОВЕДЬ ОБ УПОДОБЛЕНИИ ЖИЗНИ ХРИСТИАНИНА ПТИЦАМ НЕБЕСНЫМ,
КОТОРЫЕ НЕ СЕЮТ, НЕ ЖНУТ, НО ОТЕЦ НЕБЕСНЫЙ ПИТАЕТ ИХ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Всегоднешнем Евангельском чтении, дорогие братья и сестры, мы слышали слова, которые при неправильном понимании дают нехристианское, ложное направление жизни. В Евангелии говорилось о том, что птицы не сеют, не жнут, однако жизнь их продолжается Божиим попечением. Также и лилии не прядут, однако они одеты так, как никакой человек не одевался. И вот, беря эти слова отрывочно от всего текста, некоторые люди со злым умыслом или по своему неразумию дают их извращенное толкование и говорят, что этот текст призывает христиан к тому, чтобы они оставили всякие заботы о труде: не сеяли, не жали, не возделывали бы землю, не трудились бы, а лишь находились в бездействии, потому что Бог, поскольку Он является Богом милосердным, Богом христиан, должен все это им подать без их труда. И при этом такие ложные толкователи ссылаются на этот текст. Но из жизни церковной, из опыта жизни многих святых, а также и из Священного Писания мы знаем, что Священное Писание и Церковь всегда ублажает и прославляет трудящегося человека. Не трудящийся человек пусть и не ест, говорит апостол Павел. То есть тот, кто считает, что он не достоин трудиться, – пусть себя считает недостойным вкушать пищу. Если мы почитаем жития святых, то мы увидим, что жизнь всякого подвижника проходила в тяжелых телесных и духовных трудах. Человек, приходящий в монастырь, назывался прежде всего трудником, то есть тем, кто подымлет тяжелый труд для обеспечения жизни монастыря и жизни Церкви.

Для того, чтобы правильно понять эти слова, мы должны вспомнить, что это поучение Сам Господь Христос произнес после того, как Он преподавал заповеди о блаженствах Евангелия. После того как

Он научил, насколько Новый Завет, жизнь христианская, выше Завета Ветхого. И вслед за этим Он стал говорить о том, чем молитва христианская отличается от прошений языческих: когда язычники просят много и обильно, требуют, чтобы Бог подал бы то им, и то, и другое; и, как правило, все, о чем просил язычник, относилось к земной жизни, потому что жизнь небесную язычник представлял как жизнь, словно это была тень, словно это была бы жизнь, уже гораздо меньшая и худшая, чем жизнь на земле. Поэтому – о чем мог просить такой человек, который едва веровал в будущую жизнь? Он просил о том, чтобы все блага, которые можно получить, он получил бы сейчас и на земле. И после этого уже Христос переходит к тому, как человек-христианин должен относиться к богатству, что есть богатство земное и что есть богатство небесное и в каком они соотношении находятся с христианской жизнью. И вот тогда Христос говорит: «Не собирайте себе сокровища на земле, а собирайте сокровища на небе, потому что, где ваше сокровище, туда будет стремиться и ваше сердце». «Светильник для тела есть око, – говорит Христос. – Если око твоё чисто, то и все тело твоё будет чисто». То есть если наш земной глаз находится в здравии, видит свет и сам как бы является светом для тела, то и тело находит правильное положение в пространстве, человек не ошибается, выбирая дорогу. И вот наше око Христос сравнивает с совестью: если совесть человека является для него светом, то и вся жизнь для него проходит правильно, по заповеди. Что будет с человеком, если он ослепнет? Он не будет видеть не только оком, все тело его не будет понимать, где оно находится. Оно будет находиться в беспорядочном движении и требовать помощи другого человека. Так и если духовное око, совесть человека, потеряла способность пропускать свет Божий, то вся жизнь его приходит в неустройство. И вот Христос и говорит, что когда ваше око, ваша совесть, прилепляется не к свету Божию, а к земному свету, то есть к богатству, – тогда вы уже не способны правильно жить, потому что совесть не указывает вам, как вам поступить в каждом случае, не только в отношении богатства, но и во всех других отношениях: и в молитве, и в милосердии, и в обращении со своими ближними. И если око твоё, которое должно быть светом, стало для тебя тьмою, – то есть если совесть, которую Я в вас насадил при создании человека, – эта совесть так омрачилась, что не пропускает света Божия, и свет – совесть – стала тьмою, то что же тогда сказать

о всей жизни или о всем теле? Тогда это будет вящая тьма. Тогда вся жизнь человека будет находиться вне Бога. Тогда ничто уже не будет его соединять с вечной жизнью. Тогда он будет жить так, как будто бы после смерти для него не наступит ни Страшного суда, ни Божия воздаяния, ни будущей вечной жизни со Христом, ни мучений – если этот человек жил неправедно. Вот поэтому Христос и говорит, что наша совесть не должна прилепляться к земному богатству, чтобы совесть могла соединиться с Богом и осветить весь наш земной путь.

И вот далее, вероятно, один из собеседников Христа или вслух, или про себя возразил Ему: а если нам одинаково стараться и о небесной жизни, и о земной, прилагать равное рвение к той и другой области? И Христос отвечает на это: нельзя одновременно служить Богу, богатству небесному, и мамоне, то есть богатству земному. Так или иначе, что-то перетянет в человеке, и – или он отойдет к Богу и перестанет служить земному, или же богатство земное его совертит, и тогда он не сможет служить двум господам. Как слуга в земной жизни подчиняется только одному господину, так и христианин не может подчиняться двум господам, потому что их приказания будут совершенно различны.

Тогда в Евангелии об этом прямо не говорится, но мы можем подразумевать, что Христос слышит новый вопрос: ну, а если нам только молиться, только с жадностью, с требовательностью просить Бога, чтобы Он подал нам земное богатство? Если нам всякое свое попечение прилагать о земном, просить, чтобы не мы сами, но Бог нам это подал? Может быть, это будет безгрешно? Ведь Христос поучал, что мы обо всем должны просить у Бога. И вот в этом случае Христос и преподает нам образ птиц и образ лилий, которые мы должны понимать ограниченно. Христос приводит нам в пример птиц, которые не сеют, не жнут, но Бог подает им все необходимое для жизни. При этом, если мы посмотрим на птицу, то мы увидим, что несмотря на то, что птицы действительно не сеют и не жнут, но они постоянно находятся в трудах. Что же имел в виду наш Учитель Христос, когда приводил в пример птиц? Он имел в виду, что птица прилагает такие труды, не отдавая этим трудам своего сердца. Птица не отдает трудам своего сердца, потому что у нее нет такого сердца словесного, которое есть у человека. И вот Христос и говорит: как птица трудится, но сердцем не принадлежит этому труду, так и вы, подобно птицам, трудитесь,

однако сердце ваше должно принадлежать не земному богатству, не тому, чтобы вы пропитались и больше бы имущества собрали, а сердце ваше должно принадлежать в это время Богу. Подобно Христос говорит и о растениях лилиях, которые одевались лучше, чем Соломон, который особо любил красоту; как никакой человек не может одеться, так Бог одевает растения. Сколько есть растений, и каждое из них своеобразно, у каждого есть свой цветок, у каждого свой цвет. Но при этом растения остаются бесстрастными к собственному одеянию. Растения бесстрастны, потому что у них отсутствует чувство страсти. А в отношении к людям Христос поучает, что вы, когда одеваетесь, должны быть бесстрастны к своей одежде, также как и растения, а ваши душевные движения должны быть опять направлены к Богу. Все, что необходимо человеку, Бог подает. И поэтому на вопрос судей: «Что же нам тогда искать?» – Христос говорит: «Ищите прежде всего Царствия Божия, а все остальное приложится вам». Под «всем остальным» мы должны разуметь действительно все, кроме Царствия Божия. В это «все остальное» входит и земное богатство, которое Бог действительно некоторым подает, если человек не прилагает к нему сердца, если это богатство не ведет этого человека в ад. Под этим «всем остальным» мы понимаем и тяжкие болезни, которые Бог некоторым людям посылает для того, чтобы страданиями очистить их и возвести к святости. Под этим «всем остальным» мы понимаем и ту радость, которую Христос дарует через Духа Святаго. Искать же должен человек Царствия Божия, которое, как говорит апостол Павел, не пища, не питье, а радость о Духе Святом, праведность и кротость. Вот когда человек стяжевает такое богатство, которое невозможно отделить от своего сердца, то это богатство входит с ним в вечную жизнь. Как человек рождается, не имея ни денег, ни одежды, а выходит из утробы матери совершенно обнаженный, – так обнаженный от всего земного он предстает и на новое рождение в будущую вечную жизнь. А даже если бы человек обладал всем миром, то, когда приходит смерть, он не может забрать из этого мира ничего из того, что он собрал для своего тела. Но Бог подал человеку великую силу – забрать с собой свои праведные дела, забрать свою праведную душу, забрать то духовное устройство, с которым он жил на земле. И это то единственное богатство, говорит Христос, о котором вы и должны заботиться, о котором вы должны пецись, о котором вы должны

непрестанно думать, которому вы должны прилагать свою молитву. Слово «богатство» в русском языке одного корня, того же, что и слово «Бог». Поэтому даже самым языком Господь нам показывает, что есть истинное богатство для человека. Истинное богатство то, что связывает его с Творцом, с Богом. Истинное богатство такое, которое никакой человек, никакое существо не может отнять у человека. Это богатство есть праведная жизнь в Боге, к которой всех нас призывает стремиться Церковь. Аминь.

ПРОПОВЕДЬ О ХРИСТИАНСКОМ ТРУДОЛЮБИИ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

В день праздника преподобного Сергия¹²³ мы стремимся увидеть в нашем отце такие черты характера, такие свойства, которые помогли бы и нам восстать от нашей бездуховной жизни. Помогли бы восстать не только нам, но и всей нашей Родине.

Вот одним из замечательных свойств преподобного Сергия была его любовь к труду. В церковном песнопении говорится: «Кто может рассказать о твоих трудах, преподобный отец Сергий!» Действительно, как только мы открываем житие преподобного Сергия, уже с самых первых страниц мы видим, что он постоянно находился в труде. Он был боярский сын, но одно из самых замечательных чудес, связанных с ним, произошло тогда, когда он пас коней. Он не гнушался этой черной работы – работы, которую мог бы исполнить любой слуга. Если мы далее посмотрим на его юность, то мы увидим, что он нес большие труды, держа своих родителей. Он не ушел в монастырь в самой юности, потому что вынужден был трудиться, чтобы упокоить старость своих родителей.

Когда он пришел сюда, здесь был дремучий лес. Никто, кроме него, не расчистил здесь вековые деревья. Никто, кроме него, не проложил здесь тропинок, которые впоследствии стали широкими дорогами

¹²³ В июле месяце Лавра преподобного Сергия отмечает обретение мощей своего основателя. По этому случаю игумен Андроник произнес слово «Христианское трудолюбие преподобного Сергия».

и по которым мы ныне устремляемся к его гробу. Никто, кроме него, кроме его собственных рук, не воздвиг здесь ту первую деревянную церковь в честь Святой Троицы, которая впоследствии созиждилась в этот каменный храм, где покоится его тело.

И вот, проходит время, и преподобный Сергий из уединенного отшельника, который по человеческому рассуждению вынужден трудиться, дабы жить одному в лесу, – он становится главой большого монастыря. Казалось бы, приближаясь к старости и занимая такое высокое место, он мог бы умалить свои труды. Но житие нам говорит о противоположном. Один поселянин, крестьянин, желая получить духовное наставление от знаменитого старца, пришел в обитель и стал спрашивать, где здесь игумен. Ему показали на огород, на котором трудился старец Сергий, копая грядку, в простой заплатанной одежде. И вот этот крестьянин не поверил, что игумен монастыря может трудиться наравне с прочей братией. Он стал говорить: вы смеетесь надо мною. Тогда Сергий вышел к нему и, не называя себя, стал расспрашивать о его духовной нужде, утешил его. И тем не менее этот человек все еще не верил, что это святой Сергий. Наконец приехал в обитель князь, который поклонился игумену до земли и стал с ним беседовать, а слуги князя в этот момент отодвинули всех прочих людей. И вот тогда только крестьянин поверил, что это действительно тот самый знаменитый игумен, к которому приходили князья и бояре, которого слушали митрополиты и который трудился так, как, наверное, не трудился этот самый крестьянин никогда в своей жизни.

Житие нам рассказывает еще и о другом: однажды, когда не доставало хлеба в обители и преподобный Сергий сильно голодал – а то было время, когда еще не было установлено общежитие, – он сам пошел к некоему брату и говорит: «Давай я построю тебе сени для твоей келии, а в качестве платы за эту работу дай мне гнилую корку хлеба».

Вот такие труды телесные нес преподобный Сергий в нашей обители. Житие говорит, что он сам шил, носил воду, молот жерновами, служил братии во всем не как начальник, а как бы он был купленным рабом для обители. Но это только телесные труды. Духовные же труды гораздо сложнее и труднее, гораздо тягостнее нести, они были гораздо обильнее. Но молитва, пост, борьба со страстями – это такая область, которая бывает закрыта от постороннего взора. И ныне мы как бы

не взойдем в келью преподобного Сергия, не будем проникать в его сокровенную жизнь. Нам ясно, что труд, любовь к труду в широком смысле, к труду телесному и к труду духовному, лежала в основе и жития Преподобного, лежала в основании и этой обители, которая ныне существует уже более 600 лет.

И вот если мы посмотрим на себя, то мы, к сожалению, увидим, что наши труды не схожи с трудами преподобного Сергия. Если труды преподобного Сергия приносили такие обильные плоды, то мы, часто трудясь день и ночь, ничего не можем принести полезного. Почему же так случается? Вот мы ныне слышали в Евангелии повествование о том, как Господь вразумил и призвал апостолов. Когда Христос закончил проповедь у Генисаретского озера, Он обратился к Симону: «Симон, закинь сети на глубину, чтобы ты уловил рыб». И Симон говорит Ему: «Наставник, зачем это делать, всю ночь мы трудились и ничего не поймали. Но по слову Твоему, я сделаю так». И вот Симон Петр отплывает на лодке на глубину и, только что закинув сеть, у них случился такой улов, что рыба не вошла в одну лодку. Они стали махать руками и призывать других апостолов, чтобы они пригнали вторую лодку. Две лодки, полные рыб, едва не утонули от тяжести улова. И тогда Петр говорит ко Христу: «Выйди от меня, Господи, потому что я человек грешный и не достоин находиться с Тобой». Он действительно узрел в этом великое чудо. Всю ночь трудились опытные рыбаки, всю ночь трудились там, где должен был бы быть улов рыбы, – и ничего они не поймали. Но когда они вышли на свой труд по слову Господню, хотя и был неурочный час, их труд принес богатый плод.

Вот, дорогие братья и сестры, почему и бывает так, что мы трудимся как бы всю ночь, то есть трудимся тогда, когда наше зрение духовное объято мраком тьмы, трудимся, надеясь собственными только трудами стяжать плод от этих трудов, – всю ночь трудимся, и ничего не можем поймать, изнемогаем в труде и затем переходим к безделью, не надеясь на то, что труд принесет какую-либо пользу. А это случается не потому, чтобы труд был бесцелен, – но потому, что труд наш совершался не по слову Господню. А когда по слову Господню человек выходит на свое делание, или телесное, или духовное, то его ждет обильная награда. Обильная награда на земле и еще большая награда, награда единения с Богом – в другой жизни. Вот о чем гово-

рит нам нынешнее Евангельское чтение. Вот о чем говорит нам тот подвиг трудолюбия, который преподобный Сергий нес в этой обители. Трудолюбие человека должно быть соединено со словом Господним. А мы в течение многих лет слушали слова о труде – о том, как он нужен, о том, как он облагораживает человека, – и видели в жизни другую картину: человек трудится, но труд его оказывается все; как говорит Писание, если не Господь созиждет, то напрасно трудятся те, кто хотят что-либо создать. Не то чтобы Господь стал создавать вместо нас, но Господь посылает нам слово благодати; и труд безблагодатный, скорбный, в поте лица, когда приходит Божия благодать, становится трудом совершенно другим – он становится не земным трудом, но трудом небесным. Пусть нынешний день, в который мы слышали слово Господне о том, что мы не должны отчаиваться, но закидывать сети свои по слову Господа, пусть нынешний день, в который мы знаем и слышим о трудолюбии христианском преподобного Сергия, послужит и нам назиданием к тому, чтобы наш труд соединился бы со словом Божиим, чтобы наш труд был по воле Божией, чтобы наш труд созидал то, что созидает и Бог на земле, – тогда наш труд ведет нас в Царствие Небесное. Аминь.

ПРОПОВЕДЬ О ЛЮБВИ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ К УЧЕНИКАМ.
ПРЕПОДОБНЫЙ ВАРНАВА ГЕФСИМАНСКИЙ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

В нынешний день, дорогие братья и сестры, прославляя память преподобного Сергия, мы особо обращаем внимание на ту черту его духовного облика, что он более всего стремился водворить в своей обители любовь между учениками. Тот общежительный устав, который он ввел в монастыре, преследовал целью не столько общее имущество, сколько взаимное согласие, взаимную любовь и единый дух между учениками. И если мы посмотрим на всю жизнь преподобного Сергия, то мы увидим, что многие его поступки ничем другим не могут быть объяснены, как только его глубокой любовью к своим ученикам. По любви к ученикам он, когда еще жил здесь один, стал

принимать их для совместного жительства. По любви к ученикам он согласился принять на себя и звание игумена обители. По любви к ученикам он извел для них источник воды, чтобы облегчить их труды. По любви к своим ученикам он молился, чтобы обитель не оскудела ничем и чтобы братия, впав в нищету и голод, не разошлась бы. По любви к ученикам он вернулся к ним, когда на некоторое время покинул их из-за распри. По любви к ученикам он отказался от сана митрополита, желая пребывать вместе со своими возлюбленными учениками, вместе до самого конца своей жизни. Что, как не любовь к ученикам преподобного Сергия, подвигло Божию Матерь явиться ему не одному, но тогда, когда он был со своим возлюбленным учеником преподобным Михеем? Что, как не любовь преподобного Сергия к своим ученикам, открыло блаженному Симону таинственный небесный огонь благодати Святаго Духа, который озарял их учителя во время совершения Божественной литургии?

И вот эта любовь к ученикам, желание собрать братство духовное на многие и многие годы – эта любовь открыла преподобному Сергию и дивное видение. Однажды, когда он молился в своей келии, внезапно услышал глас, который зывал к нему: «Сергий!» – и, выглянув из окна, увидел великий свет, который осиял всю обитель. В этом свете находилось множество птиц, которые летали не только внутри монастыря, но и за его оградой. И вот голос Божий ему пояснил: как ты видишь ныне множество птиц, летающих здесь и вне ограды, так умножатся твои ученики, которые пойдут по твоим стопам. Вот эта любовь преподобного Сергия к его ученикам – она простиралась не только на тех учеников, которые жили с ним непосредственно вместе; но и все те иноки, которые приходили сюда на протяжении сотен лет, они все себя считали учениками преподобного Сергия. Равно к ним изливалась его любовь, равно к ним простиралось милосердие Божие.

Ныне, братья и сестры, мы находимся в преддверии прославления одного из последних по времени учеников преподобного Сергия – это старец Гефсиманского скита отец Варнава, который жил совсем недавно, он был почти нашим современником. Он был таким же учеником преподобного Сергия, хотя разделен был пятью веками от его жизни, каковы были ученики Михай, и Никон, и другие.

Родился отец Варнава в 1831 году в крепостной семье. Это была простая, но благочестивая семья, в которой он прежде всего должен

был навикнуть христианскому труду. Но мальчик не только полюбил труд – с самого раннего детства он полюбил и слово Божие, и молитву. Он был ознаменован особыми видениями. Однажды, еще будучи отроком, Варнава сильно заболел. Его тяжело душил кашель, он находился при смерти. Внезапно он изменился в лице. Родители спросили: «Что с тобой?» И вот он говорит: «Я увидел, как со мной вместе находится некий юноша в белом одеянии, он держит раскрытую книгу и листает ее; и мне стало легче, и болезнь моя проходит». И, действительно, он исцелился. Это было явление ангела, который хранил его для того, чтобы он стал учеником преподобного Сергия. Прошло время, и этот юноша в 1850 году вместе с матерью приходит в нашу обитель. Когда он приложился к мощам преподобного Сергия, то ощутил такую радость, такое блаженство, что дал обет: если Богу будет угодно, – прийти сюда, в обитель к авве Сергию. И вот, видя его искреннее стремление, видя его желание разрешиться от уз крепостничества не ради мнимой свободы, а ради свободы во Христе, помещик отпустил его в монастырь. Недолго он пробыл в нашей обители – юношу смущала ее многолюдность, а Варнава искал уединенного покоя. И по благословению настоятеля он отправился в Гефсиманский скит, который находится в нескольких километрах от нашей обители. И еще будучи послушником, он стяжал необычайные дары, которые обыкновенно Бог дарует людям, умудренным духовной и житейской опытностью. Он имел дары прозорливости, он видел входящих людей и приводил их к покаянию. Своей горячей молитвой он много раз исцелял людей от болезней, но прикрывал это как бы различными естественными случаями. Когда умирал его старец, он дал юному подвижнику завет – подал ему две просфоры и сказал: «Этим питай алчущих, словом Божиим и хлебом, так хочет Бог». И еще заповедал ему создать особую женскую обитель в той стране, где было сильно развито раскольниковство и старообрядчество. И вот, многие искушения, многие гонения, многие тесноты потерпел отец Варнава, потому что трудно было вместить, что послушник имеет такие обетования, что послушник, не имея еще священного сана, становится уже руководителем душ человеческих, что послушник начинает созидать обитель по указанию Царицы Небесной. Однако прошло время, и этот послушник возрос в великого духовника. Когда умирал преподобный Амвросий Оптинский, в это самое время пре-

подобный Варнава стал духовником не только людей, приходящих в нашу обитель, но и всей братии. Он утешал народ и братию словом и хлебом, как ему и было завещано. Около его кельи всегда толпилось множество людей. Вы сами знаете, что человек часто оказывается в таких обстоятельствах, что невозможно бывает их изменить. Чем тогда можно помочь этому человеку? Одно только средство – слово утешения, которое помогает нести тяжкий крест. И вот народ за то слово утешения, которое преподобный Варнава находил для каждого страждущего, дал ему именование «утешительный старец» – тот старец, который может утешить всякого человека во всяком положении. Но не только простые, и страждущие, и нищие приходили к нему в келью. В 1905 году в его келью вошел сам император Николай Второй. О чем была беседа старца-утешителя с императором, который обладал такой громадной страной, для нас осталось тайной. Мы только знаем, что он вышел из кельи весь в слезах. Что же мог он там поведать старцу? Мы знаем, что уже к этому времени Николай Второй знал пророчество преподобного Серафима о том мученическом кресте, который ему предлежал. Но каково бы ни было пророчество, от кого бы оно не исходило – человеку цветущих лет во главе самой высшей власти трудно смириться с этим пророчеством, трудно усвоить себе мысль, что ты должен принести жертву за весь народ. И вот отец Варнава как старец-утешитель, после того, как было дано императору пророчество, утешил его в том подвиге, который надлежало государю понести для того, чтобы стяжать венец мученический.

Преподобный Варнава, прозревая и будущие бедствия Церкви, говорил, что эти бедствия станут усиливаться, храмы будут закрываться, но так не будет до конца, Господь явит Свою милость, и церкви вновь восстановят.

Когда скончался преподобный Варнава – а он скончался как истинный пастырь: исповедав свою духовную дочь, он подошел ко престолу и тут же предал дух свой Богу, – когда он скончался, то на его плите написали такие слова: «Он жил во славу Божию». Действительно, этот ученик, разделенный от преподобного Сергия пятью веками, ученик, который происходил из крепостных (а преподобный Сергий происходил от знатных родителей), – он прожил свою жизнь в едином духе с преподобным Сергием. Так же как и его великий учитель, не во славу человеческую, а во славу Божию.

Преподобному Сергию некогда явился ангел, который научил его грамоте, – так же и преподобному Варнаве явился ангел, который сохранил его жизнь. Преподобный Сергий стремился в пустыню – а преподобный Варнава пришел в пустынный скит, избегая многолюдия. К преподобному Сергию собралась братия, когда он еще не был игуменом, – так же к преподобному Варнаве, когда он еще был послушником, приходили люди, прозревая в нем старца. К преподобному Сергию пришел великий князь Димитрий Донской за благословением, чтобы положить душу свою за веру и за своих друзей, – а к преподобному Варнаве пришел император Николай для того, чтобы получить утешение в своем подвиге и также положить душу свою за своих друзей. Вот видите, братья и сестры, какова любовь и связь нашего учителя преподобного Сергия со своими учениками. Ни время, ни пространство, ни происхождение, ничто не может разлучить учеников преподобного Сергия от своего учителя, если их связывает любовь Божия.

Вот и ныне, в этот день, перед тем, как мы будем прославлять преподобного Варнаву, попросим у преподобного Сергия, дабы и наша жизнь была бы жизнью во славу Божию, дабы и среди нас пребывал Дух Утешитель, Который воодушевлял преподобного Варнаву, дабы и около нас люди бы ощущали дух утешения, дух мира, дух любви. Тогда не оскудеет обитель преподобного Сергия. Тогда новые и новые ученики придут сюда, чтобы послужить Богу и своим ближним. Аминь.

ПРОПОВЕДЬ В НЕДЕЛЮ О МЫТАРЕ И ФАРИСЕЕ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Нынешняя неделя именуется Церковью Неделей о мытаре и фарисее, то есть тем воскресным днем, в который Церковь предлагает нам послушать и принять к своему сердцу притчу Господа о мытаре и фарисее. Когда мать отправляет в дорогу своего сына, то она предлагает ему краткое наставление о том, как он должен себя вести в дороге. Это наставление подобно ее благословию, ее заповеди о том, что должен сделать ее сын для того, чтобы сохраниться на опас-

ном пути. Так и ныне Церковь, отправляя нас в путь христианского поста, подобно матери, дает нам самое важное краткое наставление, без которого невозможно нам будет стяжать благодать Божию, хотя бы и мы постились и молились весь этот пост.

Вот какова притча Господня. Видя, что многие, которые окружали Его, считали себя праведными, Христос обратился к ним. Было два человека, один мытарь, другой фарисей, и оба они вошли в церковь, чтобы помолиться. Фарисей встал впереди и молился так: «Боже, благодарю Тебя, что я не таков, как прочие человеки; я пощусь два раза в неделю, я даю десятину на храм, я не таков, как эти грабители, обидчики и злодеи; благодарю Тебя». Мытарь же стоял в самом конце храма, не мог поднять главы своей от стыда, бил себя в грудь, говоря: «Боже, милостив буди ми грешному». И вот, заключая притчу, Христос говорит: тот, кто возвышал себя, фарисей, тот вышел осужденным из храма; тот же, кто уничижал себя, того Бог возвысит. И мытарь вышел из храма более оправданным, то есть получившим оправдание от Бога, чем фарисей, который по внешности Бога благодарил.

Вот для того, чтобы нам лучше понять смысл этой притчи, мы должны вспомнить с вами, кто такие были фарисеи и кто такие были мытари во времена земной жизни Господа Иисуса Христа. Фарисеи были люди особо набожные среди израильского народа, они старались соблюдать все заповеди Господни, до самой малейшей, так что Христос, когда обличает их, говорит: «Что вы даете десятину не только со всего имущества в Церковь, как вам заповедано, но даже даете десятину с каждой травы, которую собираете. Вот вы берете себе мяту для употребления в пищу, берете анис, берете тмин (которые, по-видимому, росли широко и обильно по той земле) и даете в Церковь десятину – так вы тщательно соблюдаете закон Божий. Вам заповедано было, чтобы вы очищали бы посуду перед употреблением ее с пищей, – и вы тщательно ее очищаете». Но, говоря об этом, Христос одновременно и обличал фарисеев. Несмотря на то, что фарисеи так соблюдали закон, они соблюдали только его внешнюю сторону. Они вымывали чаши перед употреблением пищи, а сердца их были грязными, неблагодарными, жестокими. Они давали десятину на храм от всего, даже от самых трав, но они уничижали своих ближних, которые находились рядом с ними, и не хотели уделить им не только от своего имущества, но, прежде всего, сердца их было закрыто для своих ближ-

них. И поскольку фарисеи соблюдали все внешнее и сердце их было далеко от Бога, то Бог неоднократно через пророков и через Самого Спасителя Иисуса Христа обличает фарисеев, которые гордятся своей мнимой праведностью. Вот эта мнимая праведность и осуждается в фарисеях, когда они соблюдают внешнее, а сердце их остается далеким от Бога и от ближних.

Мытари же – это были сборщики податей. Поскольку они собирали деньги, и тем более деньги собирали на римлян, которые покорили Иудею, то эти люди пользовались всеобщим презрением среди евреев. Никакой иудей не желал давать деньги на иноплеменников. Кроме того, эти мытари собирали обыкновенно не только то, что им было положено по закону, но они от этих сборов забирали часть, которой они питались, и старались взять гораздо больше, чем полагалось. Поэтому люди их презирали, не любили как жадных, корыстолюбивых, как отступающих от правды Божией и от закона иудейского.

И вот два таких человека, как говорит в притче Христос, вошли в храм. Почему же один, который будто бы все соблюдал, вышел осужденный, а другой, который нарушал заповеди Божии, вышел оправданный? В этой притче Христос нам говорит, что главное, что нас оправдывает пред Богом, – это состояние нашего сердца. Тот, кто думает, что он праведник, что он соблюл все законы, тот, кто осуждает всех людей (а так поступал этот фарисей, который говорил: «Я не таков, как эти грабители, я не таков, как убийцы»), и более того, тот, кто уничижает ближнего, который находится рядом с ним (и он говорил: «Я не таков, как этот мытарь, который стоит и оскверняет Твой храм»), – вот такой человек стоит совершенно далеко от Бога. И хотя бы он все соблюдал, все внешние заповеди, – и, перенесясь в наше время христианское, хотя бы он постился, хотя бы он молился, хотя бы он давал жертву на храм, хотя бы он строил храм, и даже страдал за Христа по внешности, – если сердце его надменно, если сердце его жестоко, то такой человек сам далеко от Бога, и все его подвиги, вся его мнимая праведность ведут его не к Богу, а ведут его в самое дно ада.

А вот другой человек, хотя Христос и ни разу не сказал нам: хорошо, что этот мытарь вел себя так грешно, – никто не одобряет его грехов, никто не одобряет его обманов, никто не одобряет его стяжательства. Но в нем похвально нам только одна черта, которая его спасла: это его глубокое покаяние, его вера в то, что Бог милостив,

милостив настолько, что никакое человеческое согрешение, как бы велико оно не было, не может разлучить человека от Бога, если человек приносит искреннее покаяние. Если он грешит не по сознательности, что «Бог меня потом простит», а грешит по немощи, грешит по наклонности своей воли и старается исправиться. Вот он сознал себя грешным пред Богом и пред людьми – и Бог его оправдал. Сердце его было милостиво, и он просил милостивого Бога помиловать его, и потому и Бог его оправдывает, соединяет его с Собой и нам поставляет в пример этого мытаря, чтобы каждый из нас думал о себе так же, как думал о себе мытарь. Каждый из нас пусть думает, что он тяжело грешен пред Богом и пред ближними своими. Каждый пусть молит Бога: Боже, буди милостив ми, грешному.

В нынешний день, братья и сестры, Церковь вспоминает также память трех святителей Вселенских: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого. Эти святители жили в IV веке. И поскольку каждый из них прославился особыми дарами Божиими и добродетелями и у каждого были ученики, то по смерти этих святителей ученики стали спорить о том, какой святитель больше. Ученики Василия Великого говорили, что никто не был так строг в исполнении заповедей, никто не знал так Священное Писание, как Василий Великий. Ученики святого Иоанна Златоустого говорили: «Никто не был так милостив, никто не был так красноречив и убедителен в проповеди слова Божия, как святой Иоанн». Наконец, ученики святого Григория говорили: «Никто не созерцал Бога так высоко, никто не дал нам образ Божий так понятно, как святой Григорий». И вот, хотя они все были христиане, все они были близкими людьми, – меж них были часты распри. И тогда три святителя явились к митрополиту Иоанну Мавроподу и сказали: «Мы никогда при жизни не враждовали друг со другом, мы всегда были единомысленны; учреди ныне общинам совокупный праздник, чтобы наши ученики примирились и увидели, что мы во всем мирны, и так и они будут находиться в мире, и прекратится вражда». И после этого чудесного события был установлен особый праздник. Вот это явление, когда ученики Христовы начинают разделяться между собой по различным учителям, – это явление в Церкви осудил еще апостол Павел. Он говорил: «Почему некоторые из христиан говорят – я Павлов, я Кифов, я Аполлосов?» И учит апостол Павел, что все у нас возвращает Бог, поэтому мы имеем общее именован-

ние; мы не Павловы, мы не Петровы, мы называемся все Христовыми. И вот тогда, когда христиане начинают гордиться своими учителями и говорят: «Я ученик такого-то духовника, я был у такого-то старца, мне сказали то-то и то-то великие христианские люди», – то вот здесь, дорогие братья и сестры, мы во многом и многом уподобляемся фарисеям, которые гордились своей мнимой праведностью. Что праведного для нас, если нам великий угодник Божий и сказал что-либо? Эта праведность относится не к нам, а к нему. Что праведного для нас, если мы являемся учениками внешними какого-либо духовника? А на деле мы не исполняем самых обыкновенных христианских заповедей. Вот здесь мы становимся теми фарисеями, о которых говорил Христос, что они красят гробы пророков, то есть великих угодников, считают себя их учениками, последователями пророков, но на самом деле подобны тем отцам, которые избивали этих пророков.

И вот в этот день мы должны помнить о том, что к числу фарисейства относится и такая мнимая гордость и похвальба теми учителями, которые праведны. Но мы становимся праведными не потому, что мы именуемся их учениками и враждуем между собою. А становимся праведными тогда, когда сознаем свои великие недостатки, греховности и падения.

Мы начали с того, что нынешний день подобен тому, как мать отправляет своего сына, напутствуя его перед долгой дорогой. Почему же ныне нам Церковь дает такое поучение перед постом? Почему она вспоминает ныне нам о мытаре? Когда Христос излагал лестницу христианских добродетелей, то Он начал не с того, что блаженны те, кто проливают слезы, не с того, что блаженны те, кто мирят людей, не с того, что блаженны те, кто будут изгнаны ради правды, чего, казалось бы, нам в первую очередь надо было искать. А Он говорит: «Блаженны нищие духом». То есть блаженны прежде всего те, которые смиряют себя. Вот эта ступень блаженства поставляется первой – потому что, если мы взойдем на вторую, и на третью, и на последнюю ступень, но не пройдем первой – нищеты духа, если мы не сохраним смирение, то никакой нам пользы не будет в исполнении прочих заповедей. Всякое наше деяние, всякая наша молитва, всякий наш помысел должен соединяться с нищетою духа, с той молитвой, которой научает нас ныне Церковь, молитвой мытаря: Боже, милостив буди нам, грешным. Аминь.

ПРОПОВЕДЬ О МИЛОСЕРДИИ. ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Часто человек, приходя к вере в Бога, пытается сразу изучить весь христианский закон. И так как, если этот закон рассматривать с точки зрения различных заповедей, обычаев христианских, он оказывается обширным, и для изучения его требуется, действительно, вся жизнь человека, то человек теряется и, приходя на исповедь, на покаяние, не может ответить, в чем действительно он согрешил, – ибо он изучил все то, чему учил Спаситель, чему учит Церковь. И вот для того, чтобы определить каждому из нас наше истинное состояние, Спаситель указывает ту меру, которая присуща каждой человеческой душе. По этой мере, даже не зная ничего, мы сможем сразу сказать о том, каково наше состояние. «Как вы хотите, чтобы поступали с вами, так и поступайте со своими ближними», – говорит Христос. И эта мера, которая присуща каждой человеческой душе, сразу откроет нам наше состояние. Мы хотим, чтобы к нам люди относились с любовью, с искренностью, с простотою, без подозрительности. Посмотрим, относимся ли мы так же к другим людям. Мы хотим, чтобы нам помогали, – посмотрим, помогаем ли мы другим. Вот эту меру своего отношения к ближним Христос и поставляет в основу христианского закона. Однако, поскольку душа каждого человека различна – одна более прилеплена к Богу, другая менее, – то эта мера также может быть различной. И Христос говорит о том, что существует два пути отношения к ближним. Один путь, учит Он, присущ грешникам. Другой путь – это путь христианина. Обозначая так эти пути, Церковь не говорит о том, что христианин не является грешником. Говоря о том, что первый путь – это путь грешника, Церковь указывает на то, что это путь человека, который не стремится ко спасению, который не ищет Спасителя, который бы оправдал его от его грехов. Этот первый путь заключается в том, что человек любит другого человека за то, что он сам его любит. Он делает добро такому человеку, который ему отвечает добром. Он дает взаймы такому человеку, от которого надеется получить возвращение долга. И Христос обозначает этот путь путем грешника, то есть тех

иудеев и язычников, которые не искали Его как Бога, не желали войти в Царствие Божие, а всю свою земную жизнь полагали ограниченной земными законами. Христос обращается к таким людям и говорит: «Какая вам будет благодарность?» Под благодарностью здесь имеется в виду, конечно, не людская благодарность, ибо таковые и надеются на то, что люди их возблагодарят. Но здесь Христос говорит: «Какая вам будет благодарность, если вы творите такое добро?» – в Царствии Божием. То есть этими делами вы не приобретете Царствие Божие. Богу нечем вас благодарить, ибо все, что вы хотели, вы получили в благодарность здесь, на земле. Вы были грешны и не хотели оправдаться, потому Христос говорит: «Так поступают люди грешные».

Однако в человеческой душе есть и другой путь, другая мера. Этот путь именуется путем христианским. Христос говорит: «Любите врагов ваших, делайте добро тем людям, которым вы ничем не обязаны, давайте взаймы даже так, что не надеялись бы получить обратно». Какое же основание, дорогие братья и сестры, к тому, чтобы человек поступал так? Здесь главное основание в том, что всякий человек, всякий наш ближний, каким бы он не казался для нас чужим или даже врагом, – этот человек является созданием Божиим, он носит в себе образ Божий, мы с ним вместе являемся сынами Бога, вместе с этим человеком мы можем войти в Церковь, мы с ним причащаемся Тела и Крови из одной Чаши. И вот если мы будем поступать так, то Христос говорит, что вам будет великая благодарность, великая награда, вы станете сынами Бога, сынами не только как сотворенные Богом, но сынами потому, что вы будете подражать действиям Божиим. И самое главное, вы станете милосердными; как Бог милосерд, так и вы будьте милосердны ко своим ближним. Так завершает Христос обращение Свое к нам в Евангельском чтении.

Вот это свойство милосердия, к которому нас сегодня призывает наш Спаситель, – оно наиболее может уподобить нас Богу, наиболее приблизить к Богу. Почему милосердие обладает такими большими дарами? Любовь обычно связывает равных людей; или мы любим высшего себя за то, что он благодетельствует нам. А милосердие – такое свойство, когда человек проявляет усиленную любовь к тому, кто находится ниже его, к человеку скорбящему, к человеку униженному, часто падшему человеку, от которого он не надеется ничего получить. Даже зачастую, благотворя низшему нас, мы не можем надеяться получить от

него ответной любви. Вот так Сам Бог был милосерд и послал Своего Сына, Который был распят на Кресте. Послал к нам часто безответную нашу Любовь. Послал навстречу нашему жестокосердию, нашему неверию, нашему заблуждению. Милосердие – великое христианское свойство, свойство очень мужественной души. Только долгий путь христианский может привести человека к истинному милосердию. Обыкновенно милосердие начинается с того, что человек стремится помочь другому в телесной нужде, – так что даже Писание говорит, что богатство, если оно подается как милостыня, может искупить многие грехи. Однако далеко не все люди могут обильно благотворить, проявляя милосердие. И здесь Христос говорит, что даже и две лепты бедной вдовицы угоднее Богу, чем богатые дары. Почему так? Не количество богатства, которое мы подаем своим ближним, является главным для того, чтобы принести спасение, а то состояние души и сердца, с которым оно подается. Если человек не может подать ближнему своему для облегчения его телесных нужд, то, если он находится в силах, он может оказать милосердие тем, что будет совершать служение этому человеку. Он может служить больному, может служить тому человеку, который сам не успевает совершить течение своей жизни. Если у него нет сил или времени совершать такое служение, то есть и другая ступень милосердия. Премудрый Сирах говорит, что слово утешения, с которым мы обращаемся к своим ближним, бывает часто гораздо ценнее и для ближнего, и для Бога, чем даяние телесное. Если кто-либо на нас гневается, если кто-нибудь обращается к нам со злым словом – если мы стерпим и не ответим ему, то мы покроем грех его милосердием и тем поможем этому человеку избавиться от дьявольского внушения, с которым он гневается против окружающих его.

Наконец, есть еще и высшая ступень милосердия, когда мы прямо прощаем согрешения человека против нас. Мы покрываем его душу великой любовью и милосердием и испрашиваем такой милости ему, чтобы Бог простил ему этот грех. Находясь в таком состоянии, человек начинает молиться за своих врагов: о том, чтобы Господь вразумил их, о том, чтобы не вменил им их грехов. Вот таково высшее качество, высшая ступень милосердия, присущего христианину.

Если мы посмотрим на свою душу, если мы посмотрим на свои силы, то мы увидим, как трудно, как невозможно человеку быть настолько милосердным, чтобы любить своего врага, чтобы простить

согрешения тому человеку, который нас так тяжело и несправедливо обидел. Только благодать Божия, а не человеческие силы, способна возвести христианина на такой великий подвиг. В Священном Писании находится множество примеров, когда праведники Ветхого и Нового Завета, с милосердием относясь к своим врагам, покрывали их грехи и тем спасали и согрешающих, и сами входили в Царствие Божие. Но эти примеры, далекие от нас по времени, кажутся нам и далекими по свойству их благочестия. Однако и среди окружающих нас людей мы можем видеть таких праведников, которые оказывали величайшее милосердие к окружающим их людям, были милосердны, подобно тому, как Бог милосерд к нам. Вот совсем недавно еще в нашей стране жила великая княгиня праведная Елизавета. Жизнь ее текла, по человеческому рассуждению, очень успешно: она была богата, она была знатна, приходилась родной сестрой императрице. Однако Господь попустил в ее жизни тяжкие скорби, для того чтобы испытать ее сердце, для того чтобы явить в ней венец милосердия, для того чтобы нам показать такой пример, которому бы и мы могли последовать. Ее муж в то время являлся губернатором Москвы, и поскольку начавшиеся революционные движения обратились прежде всего против власти, которая защищала порядок и Церковь, то на него было совершено жестокое покушение. Злой человек в самом Кремле бросил бомбу в ту карету, в которой он ехал, и он в тот же момент был разорван этой бомбой. Когда об этом узнала его супруга праведная Елизавета, то она смогла только добежать до того места, где увидела это страшное злодеяние. Тело ее мужа было разорвано на куски, так что люди с трудом могли их собрать; кровь обагрила это место. И она от ужаса потеряла сознание и не смогла даже прийти в себя, чтобы помочь людям собрать тело ее убитого мужа. И вот этого злодея поймали, посадили в тюрьму, и над ним начал совершаться суд. Что сделала праведная Елизавета? Она пришла в тюрьму к убийце своего мужа, пришла с Евангелием, со словом увещания, и не только не грозила ему казнями, не только не просила судей осудить его, но просила этого человека раскаяться в содеянном им грехе для того, чтобы она могла с дерзновением просить Бога о его прощении. Однако жестокость, злоба дьявольская так охватила сердце этого убийцы, что он, даже несмотря на мольбы вдовы, не согласился покаяться в содеянном зле и утверждал, что он прав в том, что он убил человека.

Оставшись вдовой, праведная Елизавета не предалась отчаянию; она все силы своей души и тела посвятила служению милосердия – создала обитель, где ухаживала сама за людьми, находящимися в таком больном состоянии, что их не брали уже ни в какую больницу, все свои средства вложила в это дело. И так она совершала служение милосердия на всех ступенях, которые мы указали: и словом утешала, и давала даяние, и сама своими трудами служила людям. Можно было ожидать, что Господь здесь, еще на земле, вознаградит такую праведницу. Люди ее любили, люди ее благодарили, они знали то, что этот человек исполняет заповедь, которую мы слышали в Церкви: будьте милосердны, как и Отец ваш есть милосерд. Однако, когда случилась революция, то ее взяли под стражу, отправили на Урал и там подвергли тяжкой муке. Вместе с окружавшими ее людьми Елизавету Федоровну сбросили в шахту, забросав гранатами, чтобы шахта стала бы гробом забвения для этой праведной женщины. И, находясь в муках, уже умирающая, эта праведница молилась за врагов: «Господи, прости им, ибо они не ведают что творят».

И вот, дорогие братья и сестры, этот человек, праведная Елизавета, не получила на земле никакой награды за свое милосердие. Она трудилась, она потеряла семью, она потеряла все свое имущество, все положение. И она была подвергнута тяжелым испытаниям не только телесным, но и душевным. Как тяжело было ей, умирающей, испытывать муки и страдания в этой шахте, но не менее тяжело было думать, что она, помогая столько русским людям, получила от них в благодарность убийство мужа и себя. Где же награда этой праведницы? Где награда этому милосердию? Награда ей там, где обетовал Спаситель, – великая награда, ибо она стала дочерью Бога Всевышнего. Великая ей награда, ибо она стала милосердая. И вот таких людей, дорогие братья и сестры, много кругом нас. Далеко не все они так известны, как эта праведница. Для того, чтобы укрепить нас в делах милосердия, Бог прославил ее тело нетлением, прославил ее тело многими чудесами. За ее праведность Церковь причислила ее к лику святых, и мы можем молиться святой Елизавете о том, чтобы она помогла нам стать на путь милосердия.

Однако многие другие милосердные люди остаются втайне – втайне потому, что достаточно нам немногих примеров для подражания. А добродетель, совершаемая втайне, много угоднее Богу, чем

добродетель явная. И вот этот пример нам говорит о том, что то, что обетовал Спаситель, к чему нас призывают ныне в Церкви, – все это исполнимо всякому христианину. Но исполнимо только с Божией помощью, а не с тем, чтобы он надеялся на свои силы. Изберем, дорогие братья и сестры, нынешний день началом нашей милосердной жизни, во всех тех ее качествах, о которых мы слышали ныне. Можем ли мы помочь телесно – поможем телесно. Можем ли помочь служением – поможем служением. Можем ли помочь словом – будем милосердны через благое слово. Можем ли оказать милость тем, что будем прощать согрешающим, – пойдём и на этот подвиг, чтобы Господь взял нас в Царствие Небесное. Аминь.

ПРОПОВЕДЬ ПОСЛЕ АКАФИСТА В НЕДЕЛЮ ФОМЫ АНТИПАСХА.
50 ЛЕТ ОТКРЫТИЯ ЛАВРЫ БУТОВО

Христос Воскресе!

В нынешний день¹²⁴, дорогие братья и сестры, мы празднуем Христово Воскресение и особо должны вспомнить о тех свидетельствах смерти и Воскресения Христа, которые ради верующих были предоставлены Промыслом Божиим. В числе таких свидетельств смерти и Воскресения мы называем самый гроб, в который никто никогда не был положен, кроме Христа. Мы называем также те платы, в которые было обвито тело Христа, и если бы Христос не воскрес, то невозможно было бы платам остаться свободными. Мы называем также свидетелями смерти и Воскресения Христа стражу, которая сама удостоверила, что именно Христос умерший был положен во гроб и именно Его тела не оказалось там, а значит, Он воскрес. Но в этот день, в первое воскресенье после Пасхи, в этот день мы особо вспоминаем как свидетелей Воскресения Христова Его учеников, Его апостолов. Апостолы для нас, которые были первым поколением христиан, особо дороги как свидетели Воскресения Христова: потому

¹²⁴ 21 апреля 1996 года исполнилось 50 лет со дня открытия святой обители. По этому случаю игумен Андроник произнес проповедь в воскресный день после акафиста в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре.

что апостолы – это не бездушный гроб, это не пелены, это не враги Христовы, которые неволею свидетельствовали о Его Воскресении, – а это наши первые отцы, наши первые братья и сестры, которые жизнь свою отдали за то, чтобы показать воскресшего Христа действительно таковым, которые Его любили и жизнь свою положили за эту любовь. Поэтому для нас из всех свидетельств Воскресения Христова собственно апостолы, наши праотцы по духу, это самые лучшие, самые дорогие свидетели Воскресения.

В чем же мы видим свидетельство апостолов Воскресения Христа? Мы ныне рассуждаем так, чтобы слово наше было понятно не только для верующих, приемлющих проповедь апостолов как истину, но чтобы наше слово было понятно бы и для человека мало верующего. Ни один из апостолов, окружавших Христа, и при Его проповеди, и при Его распятии и погребении, – ни один из апостолов не веровал в то, что Христос воскреснет. И когда настало утро после положенного дня покоя, то Евангелие нам рисует картину, как жены-мироносицы спешат ко гробу не для того, чтобы встретить воскресшего Христа (никто из них об этом не помышлял), но для того, чтобы довершить то дело, которое они не успели вследствие субботнего покоя, – они хотели помазать тело Христа ароматами в большем количестве, чем это они сделали, хотели бы помазать так, как полагалось помазать тело умершего дорогого человека. И когда жены-мироносицы приняли весть о Воскресении Христа и пришли к апостолам, то апостолы им не поверили, ибо и они не чаяли того, что Христос воскреснет. Они любили Его. Они свое сердце уже отдали учению, но не были проникнуты еще сошествием Духа Святого; в них было много человеческого от распри, от сомнений, тем более никто из них не верил в то, что Христос может воскреснуть. И вот затем из испуганных людей, которые рассеиваются от вида стражи, от вида страшной картины распятия, которые могут отречься от своего Учителя из-за случайного вопроса служанки, как это сделал Петр, которые покидают своего Учителя в самый страшный момент Его жизни, которые засыпают в то время, когда Учитель просит их побдеть, – они становятся совершенно другими людьми, они безбоязненно идут и проповедуют то, что слышали от своего Учителя. Они проповедуют то, во что не верили несколько мгновений назад. Они творят необычайные чудеса, которые никто из них не мог сотворить как человек.

Что же является причиной такого изменения в человеке? Если кто-либо был слаб и боязлив, когда его Учитель был жив, – то может ли такой человек стать смелым, безбоязненным, если его Учитель уже умер и никогда не будет с ним вместе, никогда его не будет защищать? Мы скажем, что как только умрет учитель, и ученики разбегаются. И в Писании говорится: «Поражу пастыря, и разбегутся овцы». И вот мы здесь видим, что Пастырь поражен, овцы разбежались, а затем овцы вновь сошлись к Пастырю и стали безбоязненными и смелыми. Единственная причина этому, дорогие братья и сестры, то, что Пастырь, бывший пораженным, действительно воскрес. Христос воскрес из мертвых и вселил Свою благодатную силу как Бог в Своих первых учеников апостолов, будут ли они мужчины, будут ли они слабые женщины, будут ли они немощные в разуме, простые разумом, или будут ли они много ученые, – ибо апостольский лик обнимал людей всякого возраста, чина и разумения. Вот поэтому апостолы, та перемена, которая с ними случилась, и то, что двенадцать человек смогли перевернуть все сознание древнего мира, – это для нас вернейшее свидетельство того, что только сила Божия, которая излилась от воскресшего Христа, и могла это соделать. Ибо никакой человек, никакое сообщество, тем более – не поддерживаемое, а гонимое светскими властями, не могло бы дать силы для проповеди христианства.

И вот нынешний день открывает для нас и еще одну тайну – тайну об уверении апостола Фомы. Иногда по неразумию, по малому проникновению в Священное Писание люди о каком-либо мало верующем человеке говорят: ты как Фома неверующий, – памятуя о том событии, которое описывается в Евангелии, о том, что апостол Фома не сразу уверовал в Воскресение Христово. Вот нынешний день нам поясняет, что неверие апостола Фомы вовсе не является неверием обыкновенным человеческим. Среди людей бывает неверие от незнания, бывает также неверие злостное, когда человек и знает, тем не менее остается в ослеплении. Так иудеи, окружавшие Христа, когда Он воскресил Лазаря, – они видели, что Лазарь воскрешен, трехдневный, уже смердящий, вышел из гроба. Тем не менее они оставались неверующими. Бывает и такое неверие. Апостол Фома содержал особое неверие. Подобное неверие описывается в Евангелии, когда один из людей кричал: «Господи, верую, помоги моему неверию!» То есть: я хочу уверовать полностью, хочу иметь такое удостоверение своей веры, дабы от меня

уверились и другие; хочу быть уверен в Твоем Божестве так, чтобы это явилось свидетельством Твоего прославления, не только для себя хочу веры, но и для Твоей славы и уверения других людей, для их спасения, для их исцеления.

Вот Господь и попустил, когда Он явился в первый раз Своим ученикам, что апостол Фома отсутствовал между ними. Что же совершил Христос в тот вечер, когда Он явился ученикам? Он им преподавал мир, и Он им преподавал власть вязать и решить, то есть отпускать людские грехи по покаянию и вере в воскресшего Христа. И вот, представьте, приходит к этим апостолам Фома, они ему рассказывают об этих двух замечательных событиях, рассказывают о Воскресении Христа. Вероятно, может быть, и другие беседы происходили между воскресшим Учителем и учениками. И апостол Фома тогда говорит: «Пока я не вложу руку мою в язвы, которые я видел, то я не поверю». В этих словах содержится и многое другое. «Вот вы теперь, – как бы говорит апостол Фома, – вы лично уверились и пойдете проповедовать Воскресение Христово. И если кто-нибудь из народа спросит вас: ты сам лично видел ли Христа воскресшего? – то вы все скажете: да, я лично видел. Что же могу сказать я тогда? Я вынужден буду ссылаться на вас и, таким образом, моя проповедь может быть несколько ущербной для развращенного и неверующего народа». Опять же, каждый из апостолов получил мир Христов и получил власть вязать и решить людские грехи. И апостол Фома как бы говорит: «Пусть Христос явится вновь, дабы я не лишился этих благодатных даров. И я должен быть исполнен мира, который должен нести народу. И я должен быть исполнен власти вязать и решить, дабы отпускать людские грехи. Ни в чем мое достоинство апостольское не должно быть умалено и унижено в сравнении с вами, ибо мне нужно идти и обращать многие и многие народы, и во всем эти народы должны быть равны перед проповедью каждого из апостолов». Мы знаем, что даже апостол Павел, когда был обращен из гонителя в проповедника Христова, то он много внимания уделял тому, что он не ниже других апостолов, – потому что и ему явился Сам Христос, как явился Он ранее апостолам. И Евангелие его идет не от простого научения, а от Самого воскресшего Христа. Поэтому каждый из апостолов стремился получить все свидетельства Воскресения Христова – не для того, чтобы превозносить себя перед другими, но для того, чтобы люди, слабые и немощные в вере, не

препирались бы между собою, от кого они получили научение вере, для того, чтобы все народы могли бы знать, что они получили веру от первых учеников, во всем равных, во всем уверовавших в Воскресение Христово.

Вот Господь промыслительно не допустил апостола Фому к первому явлению – для того, чтобы показать нам высшее свидетельство Воскресения Христова. И Сам Христос при этом дает нам и очень знаменательное назидание: Он показывает нам, что дух выше плоти. Он говорит: «Блаженны вы, уверовавшие и видевшие; но еще блаженнее те, кто не видел Меня телесными очами, но кто Меня видел и осязал очами духовными и руками духовными». Они блаженнее потому, что дух выше плоти. Вот, дорогие братья и сестры, в чем смысл нынешнего праздника, который именуется Антипасхой, то есть второй, другой Пасхой. Так Церковь не хочет расставаться с празднованием Пасхи, и она продолжает это празднование в течение всего года, в каждую седмицу единожды.

В нынешний день мы также вспоминаем и наше воскресение – воскресение обители Троице-Сергиевой Лавры. Когда наступили дни гонений и безбожия, то в самые первые годы, в ноябре 1919 года Лавра была закрыта. Мощи преподобного Сергия до этого, в апреле, были вскрыты по требованию власти. Однако, поскольку Церковь в это время еще имела силу, то мощи были вскрыты не с таким поруганием, как хотела власть. Перед этим наместник братии отец Кронид отслужил молебен. Мощи были вскрыты при торжественном пении, и народ мог увидеть, что останки преподобного Сергия представляют собой кости, которые благоухают, которые благодатны, которые источают помощь людям.

Под мощами Церковь понимает благодатные останки человека. Некоторые мощи сохраняются в виде нетленного тела. Некоторые – в виде нетленных костей, волос и других человеческих останков. Главное же то, что Бог через них являет помощь народу Божию. И вот останки преподобного Сергия были положены в раке открытыми, дабы, как думала власть, когда народ увидит, что его останки представляют не нетленное тело, а лишь кости, то тогда народ отхлынет от его почитания. Но получилось наоборот: с апреля месяца еще большие потоки народа стали притекать для лобызания и поклонения мощам преподобного Сергия. Более того, народ стал именовать его не толь-

ко преподобным, но и преподобномучеником, то есть потерпевшим насилие и гонение от безбожной власти.

И вот тогда власть стала осуществлять то, что она замыслила. Имущество Лавры было разделено между местным исполкомом, в котором преимущество получили коммунисты, и между центральной властью. Братия же Лавры разошлась по различным скитам лаврским: некоторые ушли в Черниговский скит, некоторые ушли в Гефсиманский и Параклитский скит. Поскольку монастырям в то время уже запрещалось существовать, то братия, сообразуясь с духом времени, стали образовывать артели сельскохозяйственные. Власть отняла землю у крестьян и стала всех загонять в такие коллективные хозяйства. И вот, обвиняя монахов в том, что они не трудятся, надеялись этим опять искоренить веру. Братия же сказали, что мы готовы образовать подобную артель. И наши последние скиты существовали как такие своеобразные артели по сельскому хозяйству до 1928–1929 года.

Часть же братии остались служить в так называемой «малой Лавре». Эта «малая Лавра» получила наименование Пятницкая церковь, которая находится на Подоле внизу Лавры. Там пели регенты лаврские, там пели братия лаврские, служили также священники из Сергиева Посада.

Часть братии осталась в Лавре. Она не захотела никуда уходить, и они здесь продолжали нести послушания у преподобного Сергия. Но послушания эти, по внутренней сути будучи послушаниями монашескими, внешне исполнялись как послушания светские. Так, например, знаменитый звонарь Сергей – он был сторожем колокольни. Другие монахи стали исполнять обязанности простых сторожей, уборщиков снега. Однако в середине 20-х годов и они были вынуждены покинуть Лавру. Многие из них пытались устроиться жить в городе. Но, однако, к 30-м годам бóльшая часть из братий Лавры была послана в лагеря; многие из них были расстреляны. Около пятнадцати монахов нашей Лавры были расстреляны на так называемом полигоне в Бутове. Это такое место под Москвой, где было устроено массовое захоронение верующих. Там погибло около 30–40 тысяч верующих. Все мы слышали о том, как жестоко поступали германские фашисты, когда они людей загоняли в газовые камеры. Так вот, братья, к нашему стыду, первые эти газовые камеры были испробованы не в Германии – они были испробованы как раз на этом самом полигоне в Бутове. Для чего там

потребовались камеры? Поскольку в день требовалось расстреливать не одного, не двух, не десять человек, а требовалось расстреливать сотни человек, то для того чтобы справиться с сотнями человек, хотя эти люди были и измучены, и покорны, тем не менее мучители их боялись, и они везли их на этот полигон, на стрельбище в специальных газовых камерах и заранее начинали их травить газом, чтобы люди, когда вышли, они бы уже не могли оказывать сопротивления. Они сами себе рыли там могилы; эти могилы представляют длинные рвы. Вставали у этих рвов, потом их расстреливали, и потом уже наемные (а может быть, первых закапывали и собственные их сотоварищи) закапывали вот так ряд за рядом.

Для того, чтобы внимание жителей Москвы не было привлечено к этому месту, первоначально в Бутове НКВД устроило как бы полигон, стрельбище, чтобы жители привыкли к тому, что в этом месте стреляют. И когда распространилась молва, что здесь стрельбище, естественно люди привыкли к этому, а, с другой стороны, боялись и ходить туда, – то там началось вот такое уничтожение людей. Там погиб и наместник отец Кронид, погиб там его келейник, погиб там отец Афоний, который возглавлял здесь иконописную школу. Там был расстрелян владыка Арсений (Жадановский), был расстрелян владыка Серафим (Чичагов), уже 90-летний старец, который в свое время обрел мощи преподобного Серафима Саровского.

И вот, братия Лавры, они жили, конечно, надеждой на то, что придет время и Господь возродит святую обитель. И действительно, когда гнев Божий поразил нашу страну через нашествие иноверных и иноплеменных народов, то власть вынуждена была открыть церкви. И одной из главных святынь, которая первая открылась, – была Троице-Сергиева Лавра. Когда еще была она закрыта, то одного священника спрашивают: «Когда откроют Лавру, что будут петь – Христос Воскресе или нет?» Этот священник сказал: «Будут петь то, что будет положено на этот день». Вот так, по Промыслу Божию, он как бы уклонился от прямого ответа, промыслительно сказав, что Лавра будет открыта в Великую Субботу, то есть самое преддверие Воскресения Христова. Но само, конечно, возрождение, само открытие мы связываем с Пасхой, ибо на Пасху сюда пришел народ, на Пасху зазвонили впервые колокола, на Пасху впервые народ узнал, что Лавра открыта.

Это открытие Лавры мы сравниваем также с Воскресением Христовым, ибо как мертвое погребенное тело, которое покинули ученики, воскресло и привлекло к себе весь мир, – так Лавра воскресшая явилась провозвестницей воскресения веры в русском народе. Но это воскресение, братья, совершается непросто. Прошло уже пятьдесят лет, и только через пятьдесят лет мы видим, что вновь, действительно, не единичные обители, а уже сотни обителей стали открываться. И то еще очень и очень далеко до того времени, когда мы могли бы иметь столько обителей, как раньше. Раньше их, до революции, было тысяча монастырей в России. Ныне их триста. Но дело ведь не только в количестве. Дело в том, что раньше в монастырях была подготовленная братия, умудренная опытом, которая, самое главное, имела преемство поколений. Мы очень ценим преемство: были первые ученики апостолы, от них пошло второе поколение христиан, третье, четвертое, и нигде оно не прерывалось. Поэтому каждому христианину было просто, каждому монаху: что ему не ясно, пойдя, спроси у старого. А в нашей стране было такое безбожие, такое гонение, что когда приходят юные монахи в монастырь, бывает, не у кого спросить, как и что надо делать. Поэтому возрождение обители – это, конечно, не только реставрация храмов, стен, росписей. Это прежде всего создание того преемства, которое бы нас прочно скрепляло со старой братией и самими апостолами Христовыми. На это требуется много и много десятилетий. Поэтому не надо думать, что просто открытие Лавры, хотя это и праздник большой для каждого христианина, хотя мы все силы должны на это полагать, но не надо заблуждаться, что открылась обитель, и на этом дело кончилось. Так и тут, после открытия пятьдесят лет прошло, а сколько поколений братии еще здесь страдало, и после было изгнано, и в лагеря пошло, и в 50-е еще даже годы, и в 60-е годы выгоняли братию из обители. Если кто из вас помнит, и воду перекрывали в Лавре, чтобы не могли в праздник набрать ее. И выключали электричество. И что только не делали...

Вот у нас сейчас благолепно проходит Пасха Христова. А многие из вас помнят, что в храме специально по призыву комсомольских вождей набивались юноши, которые раскачивали специально верующих, чтобы они падали и не могли хорошо справить праздник. А вот ныне эти юноши уже постарели и сами приходят в церковь. Но всякий такой приходящий пускай помнит, что он строит не на пустом месте, а

на том месте, которое обустроивали, облагораживали многие и многие поколения христиан.

Христос Воскресе!

СЛОВО НА ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

В нынешний день, дорогие братья и сестры, мы обращаем свой взор к преподобному Сергию. И из тех многочисленных наименований, которые церковные люди прилагают к нему, его первым наименованием является слово «преподобный». Немногие святые удостоиваются такого почитания людей, когда именование их служения как бы заменяет их подвиг. Если мы говорим, что идем к преподобному, что хотим помолиться у преподобного, – мы понимаем, что речь идет именно о преподобном Сергии. Мы так говорим потому, что слово «преподобный» выражает суть его жизни, выражает его служение людям и Богу.

И вот мы должны вдуматься, что означает слово «преподобный», – тогда для нас ясно будет, чему была посвящена жизнь преподобного Сергия. Это слово происходит от первых страниц священной книги Библии. Когда говорится о сотворении человека, то пишется, что Бог сотворил человека по образу и подобию Божию: «Сотворим человека по образу и подобию нашему», – так говорилось о Совете Святой Троицы. Когда мы пытаемся различить, что значит образ и что значит подобие Божие в человеке, то мы обыкновенно образ Божий относим к тем свойствам Божиим в человеке, которые были заложены в него при создании. Когда Дух Святой сошел на человека, когда Бог вдунул дыхание жизни в человека, тогда, собственно, он и стал образом Божиим. Он, по благодати Божией, приобрел те особые свойства, которые и стали выделять его из всего прочего творения. К этим свойствам мы относим прежде всего свободу человека. Относим также словесность, то есть способность общаться с Богом в молитве, в богомыслии, в явлениях Божиих. К этим свойствам мы относим также чувство совести, которое было вложено в каждого человека. И если

бы из человека изъять эти начала, которые составляют образ Божий, то он не стал бы отличаться от животного. По грехопадении нашего праотца Адама эти свойства остались в человеке, но как бы померкли, как бы помутнели, как бы стали неясны.

Под словом же «подобие Божие» Церковь понимает возможность человека, насколько это можно, приближаться к Богу, то есть раскрыть образ Божий в себе, стать как можно ближе к Богу, стать подобным Богу, то есть похожим на Него, похожим и близким по благодати, по действию силы Божией в нас.

И вот образ и подобие Божие в человеке – они тесно связаны друг с другом. Невозможно быть подобным и преподобным, если в нас не заложен был бы образ Божий. И когда мы говорим о том, что преподобный Сергей свой подвиг служения раскрыл именно в уподоблении Богу, то мы прежде всего должны посмотреть и на то, какие черты образа Божия он прежде всего старался раскрыть в себе.

Образ Божий выявляется прежде всего в тайне Троической любви. Три ипостаси Божии: Отец, Сын и Святой Дух – во всем равны, во всем едины, имеют единую власть, единую цель, единое желание. Никакое действие Отца не проходит так, что оно не прошло бы через Духа Святого и через Сына. Всякое действие – это действие всех Трех. И вот в этом единодействии, равномоции, равножелании и выявляется Божественная любовь, которую мы определяем как единство. Вот этот образ Божий единства и любви преподобный Сергей постарался выявить прежде всего в самом себе. Но не только в себе – а в отношении со своими ближними. А ближними для него были, прежде всего, те братья, которые пришли сюда. Когда преподобный Сергей основал монастырь, то первоначально его монастырь не носил характера общежительного: каждый имел собственную келью, каждый добывал пропитание в значительной степени собственными трудами. И к общим трудам относились лишь некоторые, наиболее тяжелые, требующие действительно общего труда, такие как расчистка леса, строительство, а также и богослужение. И вот со временем к нему пришла грамота от Константинопольского патриарха, в которой патриарх, прославляя его подвиги, говорил, что тебе не достает одного: учредить общежитие в монастыре. Суть этого общежития вовсе не в том, чтобы монастырь приобрел определенные законные формы, когда предписывается одному делать то, другому то, когда вместе собираться на трапезу или

когда вместе идти на богослужение. Смысл такого устава в том, чтобы образовать общину, которая была бы подобна общине первых христиан, общине апостольской, – которые когда жили, то, как пишет апостол Лука, у них была как бы общая душа, и вследствие того, что душа у них была общая, все движения были у них связаны любовью, поэтому и имущество у них становилось общим. Вот такая община может существовать, если люди, связанные этим общежитием, живут так, что в них изобилует любовь Божия. А любовь Божия, говорит апостол, не превозносится, не ищет своего, милосердует, она кротка, она прощает немощи ближним, она не гневится, она избегает ссор и распрей. И, насколько возможно, каждый человек в своем стремлении к единству с другими – он здесь уподобляется действию каждого Лица Пресвятой Троицы. Люди стараются жить так, чтобы их бы связывала единая цель и единое желание, чтобы этот общежительный монастырь, состоящий из многих людей, жил так, как будто это был всего лишь один человек. Вот этот образ Божественной любви преподобный Сергей и старался раскрыть в своем монастыре.

Но какие же пути для того, чтобы зажить так христианам всем вместе? Если мы живем в обществе светском, то мы знаем, что глава этого общества, правительство издает законы. За нарушение какого-то закона человек подвергается взысканию: его могут заключить в тюрьму, его могут сослать, с него могут взять штраф – для того, чтобы заставить его жить в этом обществе. Но это совсем не будет христианское общежитие. Когда люди хотят жить в общежитии христианском по образу Пресвятой Троицы, то здесь нет другого пути, как уподобиться Самому Христу. И путь этот состоит единственно в смиренном служении своим братьям. Как апостол говорит о Христе, что Он, будучи образом Божиим и не считая для Себя хищением быть равным Богу, смирил Себя до смерти Крестной, и, быв во всем подобным нам, принял смерть – смерть за людские грехи. Уничжил Себя более всех. И вот потому Бог превознес Его выше всего. Так и каждый христианин, уподобляясь в служении Христу, уподобляясь Богу, становясь преподобным, вставая на тот путь, на который встал преподобный Сергей, – он прежде всего уподобляется в жертвенном служении своим братьям и Богу. Он прежде всего уподобляется Богу в подвиге смиренного служения, и подвиг этот доходит до того, что христианин распинает себя на кресте, который ему уготован. Так и препо-

добный Сергей, живя в обители, будучи любим от братии и от многих людей, – он многожды входил на крест, на тяжкий крест душевных страданий и по руководству братьями, когда оно осуществляется не путем угроз и наставлений наказать, а путем смиренного служения, подобного Христу. Это служение необычайно трудно. Мы знаем, что преподобный Сергей даже добровольно оставил обитель, оставил, когда увидел, что в ней начались распри из-за того, кто здесь первый. И как среди апостолов, когда с ними пребывал Христос и когда они стали спорить, кто из них старший, дабы не умыть другим ноги и не унизиться этим, – тогда Христос встал и сказал, что Я подаю вам пример, подаю вам образец, чтобы вы Мне уподоблялись, как должны служить братьям. Он встал и умыл ноги ученикам. Так и преподобный Сергей, увидев спор о первенстве, подобно Христу, умывшему ноги ученикам, сам себя показывает низшим всех, не первенствующим, а служащим, и уходит из обители для того, чтобы подать пример смирному мудрия и служения братии.

Вот, дорогие братья и сестры, в чем суть именованья преподобным. Это такой человек, который раскрыл в себе образ Божий. Этот образ Божий распространил не только на себя, но и на окружающих; и распространил его не силою принуждения, а своим собственным служением братии, служением, в котором он уподобляется нашему Пастыреначальнику и Спасителю Христу. Вот в этом, дорогие братья, преподобный Сергей и ныне нас призывает, как призывали некогда святые апостолы: подражайте мне, идите путем, которым иду я, как я сам подражаю и уподобляюсь Христу. Аминь.

ПРОПОВЕДЬ О ВЕРЕ НА ЕВАНГЕЛЬСКОЕ ЧТЕНИЕ
О КРОВОТОЧИВОЙ ЖЕНЩИНЕ И КАПЕРНАУМСКОМ СОТНИКЕ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

В прошлый воскресный день мы слышали из Святого Евангелия повествование о том, как Христос в Гадаринской стране исцелил двух бесноватых. И вот в нынешнем Евангельском чтении Церковь продолжает нам повествование о том, что случилось далее.

Когда Христос из Гадаринской страны переправился на другую сторону моря к своему городу Капернауму, Его встретил народ, который слышал о Его чудесах. Среди этого народа был и один из начальников капернаумской синагоги Иаир, у которого умерла дочь. Хотя начальники синагог ненавидели Христа за то, что Он проповедовал покаяние, за то, что Он призывал воззреть на душу человеческую и не поступать неправильно там, где закон иудейский велел поступать, невзирая на правду, – однако этот начальник, поверженный скорбью оттого, что его дочь находится при смерти, припал к ногам Иисуса и стал просить, чтобы Христос пришел к нему домой и возложил на его дочь руку. И, зная о том, что от Христа происходят многие чудеса, этот начальник надеялся, что дочь его исцелится. Поскольку дочь его была мала, ей было всего двенадцать лет, мы можем представить скорбь этого человека. Невзирая на то, что его могли проклясть его единоплеменники и начальники, невзирая на то, что он, вероятно, вместе с другими обращался и говорил: «Разве кто-либо из начальников уверовал в этого Иисуса? Только народ идет за ним простой, потому что Он невежда», – невзирая на все это, он приходит и просит Иисуса Христа помочь ему, потому что понял, что для него нет другого выхода спасти свою дочь, как прибегнуть к молитвам этого чудотворца.

И Христос отзывается на его просьбу. Он направился к дому этого начальника. По пути Его теснит большая толпа людей, которые часто окружали Его, надеясь прикосновением к Нему получить исцеление своих душевных и телесных недугов. И вот в эту толпу тайно протиснулась некая женщина, которая двенадцать лет страдала кровотечением. Хотя по законам Ветхого Завета она не имела права показываться среди людей и должна была сидеть дома, чтобы никого не видеть и никого не коснуться. Она нарушает этот закон, ибо за двенадцать лет много раз она пыталась исцелиться и, как говорит евангелист, она издержала все свое имение для того, чтобы получить здоровье, обнищала, но ничего не приобрела от земных врачей. И вот теперь, услышав также и о том, что идет некий небесный чудотворец, она решается нарушить закон Ветхий для того, чтобы получить здоровье, для того, чтобы прекратить мучения, которые терзали ее в течение двенадцати лет. И, пробившись сквозь толпу, она приблизилась ко Христу и говорила: «Если я даже хотя бы прикоснусь к краю одежды Его, то я исцелюсь». Так она и сделала. И когда она прикоснулась к

краю одежды Христа, она тотчас почувствовала себя выздоровевшей. Тогда Христос для того, чтобы преподать назидание народу, обратился к Своим ученикам: «Скажите, кто прикоснулся ко Мне, ибо Я почувствовал, что из Меня изошла сила». Петр и другие с ним апостолы стали осматриваться кругом и, однако, увидев, что толпа так теснила их Учителя, что невозможно было сказать, кто прикоснулся к Нему, ибо все касались Его, все хотели получить от Него исцеление, они сказали: «Учитель, здесь такая толпа, все Тебя теснят, все хотели прикоснуться, и все, кто мог, прикоснулся; кого же Ты имеешь в виду, как мы можем указать на какого-то одного человека?» Но Христос говорит: «Нет, некто прикоснулся ко Мне». Он подразумевал, что был такой человек среди толпы, который прикоснулся к Нему не так, как прочие. В этом прикосновении Христос разумел не телесное касание края Его одежды или тела; Он имел в виду прикосновение сердца человеческого, прикосновение веры. И вот среди множества народа только эта больная женщина имела ту веру, о которой можно было бы сказать, что она прикоснулась ко Христу действительно собственным сердцем, исполненным веры. И женщина, увидев, что ей невозможно утаиться от Христа, выступила пред Ним, пред толпой, не боясь обличения, и сказала о том, что это она пришла к Нему за исцелением, это она, которая болела двенадцать лет и которую не могли излечить земные доктора, – она пришла к Нему, ибо уверовала в Него как в Того, Кто дарует человеку здоровье душевное и телесное. И Христос, вместо того, чтобы осудить эту женщину по Ветхому закону, как ожидали окружающие ученики и толпа, ибо она не только вышла из дома, не только она протискивалась через толпу, но она сделала то, что запрещалось, – она прикоснулась ко Христу и тем самым, по Ветхому закону, осквернила Его. Христос, несмотря на это, говорит ей словами Нового Завета, словами христианскими: «Дерзай, дочь, вера твоя спасла тебя; иди в мире». Мы видим, что Христос говорит ей не только о телесном здравии; Он говорит ей о спасении, Он говорит, что душа ее отныне, получив здравие телесное, получает и особый дар – Мир Божий, который коснулся ее по одной только причине: потому что она прибегла с верою ко Христу.

И вот во время этой беседы приходят из дома Иаирова ко Христу и говорят начальнику синагоги: «Не утруждай Учителя, ибо дочь твоя уже умерла, нет смысла Ему идти так далеко, чтобы возложить

Свои руки на нее. Пока еще она была жива, мы надеялись, что по Его молитве она может исцелеть; ныне же уже были приглашены в дом плакальщики и люди, готовившие ее к погребению». Однако Христос говорит начальнику синагоги: «Не бойся, только веруй, и будет спасена твоя дочь; ты только что видел, как была исцелена эта кровоточивая, двенадцать лет она страдала своей болезнью, как раз те двенадцать лет, что и жила твоя дочь; и вот как ты видел ныне, как исцелела эта женщина, то той же силою может быть исцелен от смерти, воскрешен и человек умерший».

И Христос приходит в дом начальника синагоги и, видя, что там люди плачут и готовят тело к погребению, что эти люди не веруют в то, что Он может совершить чудо, говорит им: «Эта девица не умерла, но она спит». Этими словами Он дает впервые понятие о том, как христианство смотрит на смерть человеческую: со смертью человека не заканчивается его жизнь, смерть можно уподобить в некотором образе сну, когда человек, пребывая как бы в небытии, затем вновь восстанет, когда душа его соединится с телом. Как от сна восстает человек, так и от смерти может восстать умерший человек, когда он получит Божию силу. Однако окружавшие тело этой девочки люди стали смеяться над Христом, ибо они видели, что она уснула не обычным сном, но тем сном, от которого никогда еще не возбуждался ни один человек. И Христос просит всех выйти, тех, кто не верует в Его Божественную силу. Он оставил только трех Своих избранных апостолов Петра, Иоанна и Иакова, которые как бы представляли веру всех апостолов. Он оставил также отца и мать этой девицы, которые должны были явить свою глубокую любовь. И вот Христос, обратясь к умершему телу и возложив на него руки, говорит: «Встань, девица!» – И тотчас же она встала. Она встала не такой, какой была пред тем, как умерла. Если тело этой девочки было иссохшее, ослабшее от болезни, то она встала совершенно здоровой, живой и такой, которая была способна принимать пищу. Поскольку родители, несмотря на всю свою радость при виде воскресшей дочери, находились в ужасе и удивлении от этого чуда, то Христос, для того чтобы удостоверить им истинность воскресения этой девочки, предложил ей дать есть. Он просил никому не говорить об этом чуде, дабы зависть человеческая не погубила это счастливое семейство, которое получило здоровую и целую его дочь. Вот таково, дорогие братья и сестры, повествование нынешнего Евангельского чтения.

Здесь много назидательного. Здесь Христос нам преподает и уроки смирения, преподает нам начатки христианского учения о смерти, христианского учения о том, что значит болезнь для человека. Однако мы обратим внимание только на несколько предметов. Как к кровоточивой женщине, так и к отцу этой дочери Христос обращается с одними словами: верьте, и по вашей вере будет вам; верьте, что вы сможете получить телесное исцеление; верьте, что вы сможете получить воскресение от мертвых, – ибо пришел новый порядок на землю, старый Ветхий закон отлагается, и человек призывается к жизни праведной, и человеку даются силы для этой жизни. Вот поэтому, когда часто мы обращаемся ко Христу и не получаем просимого, то мы стараемся обвинить в этом не себя, мы обвиняем в этом Бога и ропщем на Него: почему Бог не подает нам просимого. А это бывает, как правило, оттого, что мы обращаемся как люди мало верующие, мы больше похожи на ту толпу, которая окружала Христа и которая касалась Его телесно, но сердцами отстояла от Него далеко. Мы больше похожи на тех людей, которые погребали умершую девицу, – но не на ее отца и мать, которые с верой обратились ко Христу, не на тех апостолов, которых Он пригласил, чтобы ввести их в таинство воскресения к будущей жизни. Вот если бы мы обращались с такой глубокой верой, если бы мы видели себя в совершенно безнадежном положении и действительно осознали, что нет для нас другого целителя, нет для нас другого воскресителя, нет для нас другого помощника и другого ходатая для жизни, кроме Христа, – то тогда Христос даровал бы нам то, что действительно необходимо для нашей телесной и духовной жизни.

И обратим внимание еще на другой предмет. Почему такая вера была у больной женщины? Почему такую веру стяжал начальник синагоги? Долгое время они не имели этой веры, как и многие другие люди. И вот их заставила уверовать во Христа глубокая скорбь, глубокое несчастье, которое постигло их в жизни. Если бы не болезнь этой женщины, может быть, она и не стяжала бы такой веры. Если бы не смерть дочери, не болезнь ее, то начальник синагоги не подошел бы ко Христу как верующий, как надеющийся человек. Поэтому, когда нас часто постигают глубокие несчастья и скорби, мы опять обращаемся с ропотом к Богу: за что нам посланы такие несчастья? Почему мы скорбим и когда прекратится наша скорбь? А источником нашей скорби часто бывает то, что Бог, видя наше нераскаянное сердце, видя наше

ожесточение, видя нашу самонадеянность, нашу гордость, наше желание сделать все своими силами, – прибегает к последней спасительной мере. Он посылает нам скорбь для того, чтобы мы увидели, что у нас нет уже другого помощника, кроме Христа. Только в такой скорби человек гордый и самоуверенный, каковы все мы являемся, человек обращается ко Христу и просит Его: помоги мне, Господь, исцели меня; помоги мне выбраться из жизни греховной, помоги мне избежать этой скорби, даруй мне надежду. И вот, когда нас постигают такие несчастья и скорби, вместо того, чтобы нам роптать и сокрушаться, будем использовать эти испытания во благо самим себе, будем, подобно той кровоточивой женщине, подобно отцу, потерявшему дочь, обращаться ко Христу с нашими просьбами и молениями, с теми просьбами, с которыми должен обращаться человек к своему Создателю, к своему Ходатаю, как к родному отцу, для того, чтобы и нам всем услышать от Христа те слова, которые Он говорил людям верующим: дерзайте, дорогие братья и сестры, вера ваша спасет вас, идите с миром. Аминь.

ПРОПОВЕДЬ НА ВВЕДЕНИЕ ВО ХРАМ БОГОРОДИЦЫ МИТРОПОЛИТ ФИЛАРЕТ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Внынешний день, братья и сестры, Церковь вспоминает Введение во храм Пресвятой Марии, будущей Матери Господа нашего Иисуса Христа. Вы знаете, что Она была рождена по глубокой молитве Своих родителей, праведных Иоакима и Анны. И вот когда они родили эту Дочь, то дали обет посвятить Ее Богу. Первые три года Пресвятая Мария жила в доме Своих родителей. А по прошествии этих лет исполнилось время, чтобы исполнить данный Богу обет. И вот Ее родители, собрав по обычаю родственников и друзей, собрав множество дев, совершили торжественное шествие из Назарета, где они жили, в Иерусалим. Так они пришли в Ветхозаветный храм иудейский, где Ее встретил первосвященник Захария, объятый Духом Святым, в то время как к нему шла будущая Мать Спасителя мира. И вот праведные родители поставили свою святую Дочь на первую ступеньку храма, ожидая затем, что эту трехлетнюю малютку возьмет первосвященник

Захария и внесет во храм. Однако Она, хотя и была трех лет, Сама вошла по следующим пятнадцати ступеням храма, этим самым указывая, что Ей надлежит пребыть в храме пятнадцать лет, исполняя обет обручения Богу. И праведный Захария, увидев такое чудо, как трехлетняя девочка сама вошла по большим каменным ступеням, внес Ее далее не только во храм, но внес Ее во Святая Святых, то есть то внутреннее помещение храма, которое соответствует примерно нашему алтарю, куда не входили не только священники иудейские, а куда только сам первосвященник мог входить один раз в год. И никакая женщина никогда не могла войти туда. Пресвятая Мария удостоилась такой чести потому, что Ей надлежало стать Невещественным Храмом, Храмом Одушевленным, Который примет в Себя Бога Слова.

И вот Священное Предание Церкви рассказывает нам о том, как проводила время Пресвятая Дева от трех до пятнадцати лет в Иерусалимском храме. Этот храм имел множество пристроек, в которых жили девы до своего выхода из храма, в них жили вдовы, которые служили при храме, в них жили странники и бездомные, приходившие на поклонение в храм. И Пресвятой Деве было отведено такое место в одной пристройке близ храма. Там Она изучала Священное Писание, там Ее учили рукоделию, шитью, так что мы знаем, что хитон Спасителя, который был нешвенный и который воины, когда распяли Христа, разобрали для того, чтобы каждому из них достался бы какой-либо кусок, – этот хитон был выткан руками Пречистой Девы Марии. И впервые эти руки научились ткать именно здесь, при храме. Там Она ухаживала, как говорит Священное Писание, также и за больными. Однако бóльшую часть времени Пресвятая Дева проводила не в этой пристройке, а проводила во Святая Святых, куда Ей единственной был разрешен вход. Там Она молилась, и эта бóльшая часть времени, посвященная молитве и богомыслию, соделала Пресвятую Деву избранным благоуханным сосудом всего рода человеческого. Церковь повествует нам о том, что пищу, которую принимала от людей, Она большую частью раздавала бедным; Сама же Она питалась пищей, которую Ей приносили ангелы во Святая Святых, как первосвященники неоднократно замечали это.

И вот, когда мы взираем своим сердцем на Пресвятую Деву, когда мы видим, как Она была смиренна, как Она была терпелива, следуя за Христом в Его гонении, как Она была чиста, принявши Благовестие Архангела, как Она была трудолюбива, во всем снабжая Своего

Божественного Сына до Его возрастания, – то мы видим, что все эти начатки веры, начатки благочестия, начатки чистоты были получены Ею в храме. Потому Церковь говорит, что Она была приведена в храм для того, чтобы воспитаться Господу, то есть для того, чтобы вырасти Такой, Которую Господь может принять, может освятить, с Которой Господь может произвести Слово Божие для спасения мира. И если таково было значение храма Ветхозаветного, главной святыней которого было лишь грядущее пришествие в него нашего Спасителя и который по отвержении иудеями Спасителя был разрушен, – то во много раз значительнее и святее храмы христианские, которые будут существовать до скончания мира.

В нашем храме христианском мы причащаемся Святых Тела и Крови Господних. То самое святое, что может быть в жизни человека, мы получаем в храме. Место, на котором находится храм, в древности наши предки никогда не разрушали. И если храм по каким-либо причинам подвергался пожару или разрушению, то на этом месте христиане снова воздвигали храм для того, чтобы это место не было попираемо. Ангел Господень, если даже храм разрушен, всегда охраняет место престола. И если люди начинают забывать об этом, то из истории Церкви мы знаем, как Бог различными грозными действиями напоминал о том, что место, где стоит престол, на котором приносилась Бескровная Жертва, Святейшая Кровь Христа приносилась для нашего спасения, – это место никогда не должно быть оскверняемо и попираемо.

Храм для нас – это также училище благочестия. Если кто не умеет читать или не имеет книг, он может прийти в храм и услышать Слово Божие. Если он даже будет глухой, то он сможет назидаться из тех священных изображений, из икон и фресок, которые написаны в храме. Многие люди в различных тяжелых случаях, в сомнениях приходили в храм и слышали там слова Святого Евангелия, поступали по этим словам и направляли свою жизнь ко спасению и благочестию.

Храм – это такое место, где земля становится для нас небом. Мы знаем, что наш равноапостольный Владимир, предок, который привел Русь ко Христу, долго колебался в том, какую веру ему принять. И вот, когда послы побывали в храме христианском за богослужением, то они пришли к нему и сказали: «Мы не знаем, где мы находились, на земле или на небе, так прекрасен, так назидателен, так свят христианский храм».

Приходя в храм, мы общаемся со всеми своими сродниками, живыми и усопшими, мы молимся об их спасении. Если случится какое-либо бедствие в стране, то опять люди приходят в храм и просят Бога умирить междоусобную брань. Если нападёт на нас враг, мы приходим опять в храм и просим, чтобы Бог даровал нам силу защитить нашу веру и Отечество. Если постигнет нас бедствие стихийное, мы приходим в храм и молим Бога, чтобы Он даровал нам дождь благовременный, зной умеренный, урожай обильный. И все, что мы просим в храме, Бог нам подаёт, потому что мы просим там, где Бог наиболее близок к человеку, где человек поднимается к Богу, а Бог спускается к нему в Своем Пречистом Теле и Крови, в Своей милости, в Своей благодати.

И вот вся жизнь христианина, от самого начала, от того момента, как его принесли крестить младенцем в храм, до того момента, когда в храм принесут его останки, чтобы воздать конечное прощание, – вся жизнь христианина связана с храмом Божиим. Все наши радости, все наши скорби, все наши беды – все мы несем в храм Господень для того, чтобы Бог все это принял, все это освятил и даровал бы нам в этом земном шествии вечное спасение. Как же мы, дорогие братья и сестры, должны были бы беречь и хранить наши храмы, если они для нас являются хранителями нашей жизни, если они являются для нас воспитателями для Господа, как некогда была воспитана в храме Пресвятая Дева. И вот если мы посмотрим на нашу историю, если мы посмотрим вокруг нас, то мы увидим, что наш народ разделялся на две части: одни люди хранили храмы, другие люди разрушали эти храмы, а многие, и, надо сказать, большинство, оставались, к сожалению, равнодушны. Когда началось гонение на Церковь, мы знаем много историй, как в деревнях и в городах безбожники забирались на храм для того, чтобы стащить крест, для того, чтобы взорвать его. И много-много наша русская история сохранила свидетельств о том, как эти безбожники часто и всегда бывали наказаны. Один человек сорвал крест и затем утонул. Другой взорвал храм, и вся его семья и весь род его гибнет. Но часто мы видим, как все жители этой деревни стояли вокруг и вздыхали, но никто не остановил этого беззаконника, все только говорили, что он делает дело нечестивое, или молча стояли. Вот если бы люди наши были не так равнодушны, если бы они безбоязненно останавливали бы таких беззаконников, то мы бы сейчас не видели столько разрушенных храмов. Поэтому Бог в этот день, напо-

мяя нам о значении христианского храма, напоминает нам и о том, что мы не должны быть равнодушны ни к разрушению храма, ни к восстановлению храма – каждого, даже самого-самого маленького.

Когда закрывали храмы, один епископ положил много сил для того, чтобы отстоять какой-то маленький храм в одной заброшенной деревне. И тогда представитель власти, удивленный тем, что он полагает столько трудов на этот, казалось бы, незначительный храм, стал спрашивать его: «Зачем ты так трудишься, неужели у тебя нет других дел, чем отстаивать этот храм, в который уже почти никто и не ходит?» И вот этот епископ сказал: «Каждый храм, даже самый малый, гораздо драгоценнее жизни человека; и поэтому, сколько бы ни был мал храм, он велик пред Богом, и я положу все силы, чтобы отстоять этот храм, даже если бы это стоило моей жизни». Вот так святые праведники, братья и сестры, так они отстаивали и пеклись о святых храмах. Ныне наша Церковь прославляет святителя Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Пятьдесят лет он возглавлял Московскую кафедру. Пятьдесят лет он был священноархимандритом благой нашей Лавры, и под его руководством наместники пасли и берегли Лавру. Мы не будем сейчас пока останавливаться на всем его житии, скажем только, что он так любил храм, что Господь удостоил его особой милости. Святитель Филарет молился Богу о том, чтобы он был погребен близ храма, там, где приносилась бы ежедневная молитва о упокоении его души. И вот, будучи очень смиренным, он хотел быть погребенным не в Лавре, а в одном из скитов. Однако Бог, исполняя его желание и провидя, что скиты долгое время будут закрыты, уготовал ему то место погребения, где непрестанно возносилась молитва о его упокоении. И в страшные годы безбожия, поскольку люди неверующие жестоко проклинали святителя Филарета, несмотря на то, что много лет прошло со дня его кончины, они вскрыли его могилу для того, чтобы осквернить ее, надеясь найти там различные драгоценности. И когда была вскрыта могила святителя, то они увидели там нетленные останки, и в злобе, что Бог сохранил и прославил этого великого угодника, в злобе на то, что они не нашли там золота, которое искали, один молодой человек рванул панагию на теле святителя Филарета. Тогда честная глава его оторвалась от тела. И вот этот беззаконник был жестоко наказан: через некоторое время он попал под машину, и его глава, беззаконная и немудрая, была отсечена от тела, и он окончил свою жизнь в поганом

поругании. Мощи же святителя Филарета, хотя были по внешности, по видимому осквернены, но они только прославились, ибо он приобрел особый венец: не только венец святителя, пастыря Божия, но венец мученика, исповедника, который молится за нашу Церковь.

И вот так же, поскольку святитель Филарет особо почитал храм Божий, Бог открыл ему день его кончины. Незадолго до смерти ему явился его отец в тонком сне и сказал ему: «Соблюдай 19-е число». Святитель, посоветовавшись со своим духовником, наместником Лавры архимандритом Антонием, решил каждое 19-е число месяца непременно служить Божественную литургию. И, когда он отслужил литургию 19 ноября, через несколько часов после этого он предал душу свою Богу. Вот мы видим, что Бог таким угодникам Божиим, которые почитали храм Божий, – Он дает им особую благодать, Он дает им благодать окончить жизнь свою, можно сказать, в самом храме, в соединении со Святыми Тайнами Тела и Крови Господних.

Вот в этот день, дорогие братья и сестры, пусть для нас будет высшим назиданием: если мы чувствуем собственное оскудение, если мы чувствуем собственную немощь и собственную греховность, – где мы можем взять силы для того, чтобы последовать примеру таких угодников? Этот день, этот праздник Пресвятой Богородицы дает нам ответ. Если Деве, будущей Матери Бога, надлежало воспитаться в храме для того, чтобы стяжать всю ту благодать и святость, то тем более нам нигде, кроме храма, не стяжать тех начатков благочестия и христианской жизни, с которыми мы могли бы предстать неосужденными на Страшном Христовом суде. Аминь.*

* Избранные проповеди с аудио из большого гомилетического наследия игумена Андроника (Трубачева), которые хранятся в архиве Музея священника Павла Флоренского. К сожалению даты не указаны. Проповеди записаны о. Андроником в качестве конспекта на маленьких листочках 10 см., для удобства прочтения проповеди. О. Андроник очень тщательно готовился к проповеди, читая Евангелие, жития, особое внимание уделял житию преп. Сергия, где черпал вдохновение, вразумление, сказав немало посвященных ему проповедей.

ОТЕЦ АНДРОНИК КАК МУЗЕЕВЕД

МУЗЕЙ СВЯЩЕННИКА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО – ПЕРВЫЙ В РОССИИ

Музей священника Павла Флоренского является хранилищем исторических, художественных, литературных, архивных памятников культуры, научно-исследовательским и культурно-просветительным учреждением.

Музей является некоммерческой организацией, не ставит своей целью извлечение прибыли, а действует в целях: возрождения и развития русской культуры; сохранения и введения в общественное достояние памятников культуры, связанных с жизнью и деятельностью священника Павла Александровича Флоренского (1882–1937 гг.).

Основными видами деятельности Музея, согласно Уставу, являются:

- Комплектование, учет, хранение, описание, научное исследование и реставрация памятников культурного наследия, связанных с жизнью и деятельностью священника Павла Флоренского.
- Создание постоянной экспозиции и временных выставок на базе своих музейных фондов и на материалах других учреждений и частных лиц.
- Организация и содействие экскурсионно-просветительной и паломнической деятельности, в том числе международной.
- Организация культурно-просветительной, выставочной, концертной деятельности.
- Организация научных конференций, встреч, лекториев, в том числе международных.
- Научно-редакционная подготовка, издательская деятельность и распространение философской, религиозной, богословской, историко-духовной, научной, просветительской, энциклопедической, справочной и иной литературы, отвечающей интересам, цели и задачам Музея.
- Научно-информационная и рекламная деятельность.

- Организация профессионального обучения, в том числе детей и подростков, в области культуры, религии, науки, техники, художественного мастерства и народных ремесел.

- Производство, приобретение, реализация, распространение памятной, аудиовизуальной, художественной, религиозно-художественной и иной продукции, связанной с выполнением уставных задач.

- Содействие творческой деятельности и организации труда граждан и организаций, занимающихся исследованием жизни и творчества священника Павла Флоренского.

- Учреждение стипендий памяти священника Павла Флоренского.

- Благотворительная деятельность.

Уникальность Музея состоит в том, что он впервые, по крайней мере, в российском музееведении, сочетает историко-биографический, мемориальный, архивный и церковно-богослужебный профили:

- ведет деятельность по мемориализации и созданию музеев (или их отделов) и в других местах, связанных с жизнью и деятельностью священника Павла Флоренского;

- научную и издательскую деятельность;

- является научно-методической лабораторией по изучению наследия священника Павла Флоренского, устанавливает широкие связи с духовными и светскими, научными и образовательными учреждениями, как в России, так и за ее пределами, в которых изучается деятельность и творчество о. Павла;

- объединяет вокруг себя весьма широкий круг духовных и светских исследователей, популяризаторов и почитателей творчества и личности о. Павла Флоренского;

- ведет духовно-просветительскую и культурную деятельность;

- участвует в организации и проведении конференций, семинаров, вечеров, выставок, посвященных священнику Павлу Флоренскому и его окружению;

- проводит экскурсионную деятельность, выставочную деятельность;

- включает большой архив священника Павла Флоренского;

- имеет научно-справочную библиотеку.

Научно-справочная библиотека Музея содержит издания сочинений священника Павла Флоренского, литературу о его жизни и творчестве, литературу по вопросам, связанным с проблематикой его творчества, кругом общения, памятными местами.

Мемориальная квартира, Музей священника Павла Флоренского.
Москва, ул. Бурденко, д. 16/12, кв. 21-22

Игумен Андроник Трубачев. Молебен в Музее священника Павла Флоренского. Москва

Игумен Андроник Трубачев и директор Музея М. Ю. Тихонова
в Музее священника Павла Флоренского. Москва, 2021 г.

Игумен Андроник (Трубачев) с сотрудниками: С. М. Половинкин, П. В. Флоренский,
А. Т. Казарян, в кабинете Музея священника Павла Флоренского. Москва

Интерьер Музея священника Павла Флоренского. Москва

Экспонаты Музея священника Павла Флоренского: папки с письмами друзей о. Павла

Экспозиция, посвященная преподавательской деятельности в МДА и служению о. Павла Флоренского в домовом храме Убежища сестер милосердия Красного Креста

Кабинет священника Павла Флоренского. Рабочий кабинет игумена Андроника

Экспонаты Музея свящ. Павла Флоренского. Слева – его иерейский наперсный крест

Экспонаты, посвященные родословию и детству священника Павла Флоренского

Экспонаты, посвященные научной деятельности священника Павла Флоренского на благо России при советской власти

Тема семьи о. Павла: рисунки и игрушки детей, четырехлистный трилистник

Экспонаты Музея священника Павла Флоренского. Москва

Экспонаты Музея священника Павла Флоренского. Москва

Открытие мемориального комплекса «Всем пострадавшим за Христа в годы гонений и репрессий»

18 июля 2019 года в подмосковном Сергиевом Посаде Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл возглавил церемонию открытия мемориального комплекса «Всем пострадавшим за Христа в годы гонений и репрессий».

Комплекс включает каменный крест с терновым венцом, неугасающую лампаду, соловецкий камень, памятники священнику Павлу Флоренскому, преподобномученику Кронида, последнему наместнику Троице-Сергиевой Лавры до ее закрытия в 1921 году, и преподобномученице Елисавете Феодоровне, основательнице обители сестер милосердия в Сергиевом Посаде.

Мемориальный комплекс «Всем пострадавшим за Христа в годы гонений и репрессий» создан в Сергиевом Посаде по инициативе Фонда науки и православной культуры священника Павла Флоренского. Автор – член Московского союза художников, художник-монументалист, директор указанного фонда М. Ю. Тихонова.

Предстоятель Русской Православной Церкви прочитал молитву новомученикам и исповедникам Церкви Русской и совершил заупокойную литию, за которой были вознесены прошения о упокоении душ

Патриарх совершает каждение на заупокойной литии

Патриарх читает молитву новомученикам и исповедникам Церкви Русской

«усопших рабов Божиих: приснопамятного иерея Павла Флоренского и всех за веру и правду страшные страдания, истязания и мученическую кончину в лихолетья во Отечестве нашем претерпевших, их же имена Ты Сам, Господи, веши».

Затем Святейший Патриарх Кирилл окропил памятники освященной водой со словами: «Освящается памятный знак сей пострадавшим за веру во Христа в годы гонений века двадцатого окроплением воды сея священныя, благодатью Святого Духа».

Богослужebные песнопения исполнил хор Московской духовной академии под управлением иеромонаха Нестора (Волкова).

По завершении богослужения Святейший Патриарх Кирилл обратился к собравшимся с Первосвятительским словом:

«Всех вас сердечно благодарю за участие в этом замечательном событии – освящении памятника в честь пострадавших за веру и Христа, в честь тех, кто подвергся репрессиям. Хотел бы поблагодарить Марию Юрьевну и отца Андроника за то, что в духовном центре России – в Сергиевом Посаде – воздвигнут этот памятник.

Когда я задумался о годах жизни отца Павла Флоренского, я вспомнил о своем деде. На Соловках они были практически одно-

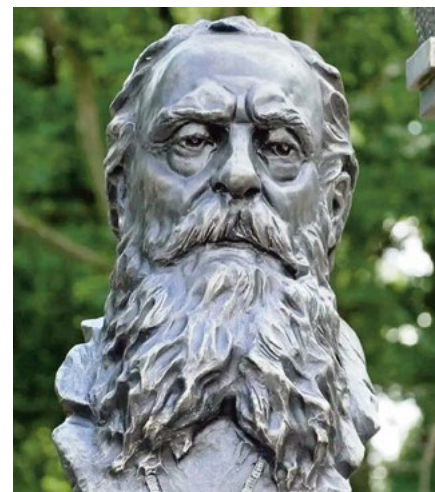
Патриарх поклонился, осенив себя крестным знаменем,...

...и трижды окропил памятники со словами: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь»

Скульптура священника Павла Флоренского

Бюсты святой преподобномученицы Великой княгини Елисаветы Федоровны Романовой и священномученика Кронид (Любимова), последнего наместника Троице-Сергиевой Лавры перед ее закрытием большевиками

Неугасающая лампада и терновый венец

Вертикальная плита с описанием идеи мемориального комплекса, тропарем и молитвой к новомученикам и исповедникам

Соловецкий камень. «Привезен с острова Соловки, где был один из лагерей особого назначения. Камень, как неподкупный и живой свидетель, установлен в память о сотнях тысяч безвинно заключенных и пострадавших в годы гонений и репрессий»

Памятная наклонная плита

Святейший Патриарх Кирилл обратился к собравшимся с Первосвятительским словом

Святейший Патриарх Кирилл и игумен Андроник (Трубачев) на открытии памятника священнику Павлу Флоренскому. Сергиев Посад, 2019 г.

На открытии памятника священнику Павлу Флоренскому. Сергиев Посад, 2019 г.
Игумен Андроник (Трубачев), руководитель Церковно-научного центра
«Православная энциклопедия» С. Л. Кравец, М. Ю. Тихонова (директор Музея)

временно – дед оказался несколько раньше, чем отец Павел Флоренский. Слушая рассказы деда, я уже в раннем возрасте осознал, какая страшная скорбь, какие страшные испытания выпали на долю русских православных людей, которые сохраняли верность Господу, несмотря на страшные истязания, пытки, заключения, нечеловеческие условия жизни, полную деклассированность в тогдашнем обществе, которое заявляло о своем движении к свету, к благополучию, к построению светлой и счастливой для всех жизни. Страшный диссонанс между тем, что декларировалось властью, партией, частью интеллигенции, и тем, что реально переживал народ, – и явился той самой трещиной, которая привела к распаду великой страны, привела к огромным геополитическим потрясениям для нашего народа в конце XX века.

Вся история соткана из событий, каждое из которых связано с другим. Причинно-следственная связь существует – так утверждают профессиональные историки, так отмечают и простые люди. Причинно-следственная связь между страданиями, гонениями, издевательствами над лучшими людьми нашего Отечества, в том числе над православными, над таким выдающимся ученым-энциклопедистом, каким был отец Павел Флоренский, и привела в конце концов к ослаблению тех скреп, которые соединяют прочно народную жизнь в едином государстве. Поэтому распад, разделение, произошедшие в конце прошлого века и так больно переживаемые до сих пор нашим народом, имели своей причиной и те страшные события, ту страшную политику, которая раздробила наш народ, в том числе в годы, когда на Соловках страдал отец Павел Флоренский.

Мы должны сделать правильные выводы. Когда я говорю “мы”, я имею в виду не только Церковь – Церковь давно эти выводы сделала. Эти выводы должны сделать и власти предрержащие, и интеллигенция наша, и весь наш народ. Мы должны как зеницу ока хранить единство Отечества нашего, единство народа нашего, а для этого должны быть незыблемые основания. И Церковь своей нравственной проповедью закладывает такие основания – вне политики, вне конъюнктуры переживаемого момента, но связанные с самой нравственной природой нашего народа.

Наученные скорбными событиями XX века, постараемся все вместе, как единый народ, укрепляемый верой, укрепляемый общностью нравственного чувства, созидать наше Отечество в веке XXI-м в мире,

любви и единомыслии, не забывая всех тех, кто душу положил за веру и Отечество. Поздравляю всех с тем, что в нашем тихом Сергиевом Посаде, в замечательном месте воздвигнут этот прекрасный памятник. Храни вас всех Господь!»

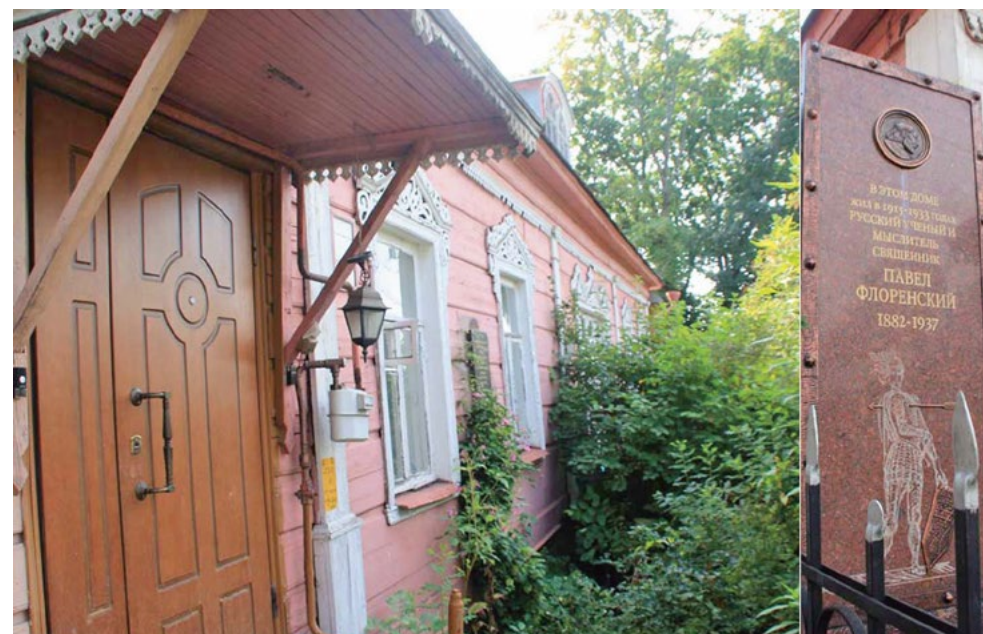
В церемонии участвовали: наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры епископ Сергиево-Посадский Парамон, председатель Фонда науки и православной культуры священника Павла Флоренского, внук отца Павла Флоренского – игумен Андроник (Трубачев), руководитель Церковно-научного центра «Православная энциклопедия» С. Л. Кравец, директор Фонда науки и православной культуры священника Павла Флоренского М. Ю. Тихонова.

Также среди участников были полномочный представитель Президента РФ в Центральном федеральном округе И. О. Щеголев, губернатор Московской области А. Ю. Воробьев, депутат Государственной Думы ФС РФ С. А. Пахомов, глава Сергиево-Посадского муниципального района Московской области М. Ю. Токарев, президент исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова С. П. Карпов.

Святейший Патриарх Кирилл в сопровождении епископа Сергиево-Посадского Парамона и игумена Андроника (Трубачева) осмотрел мемориальный дом (ул. Пионерская, д. 19) священника Павла Флоренского.

В мемориальном кабинете Святейший Владыка с большим интересом ознакомился с библиотекой отца Павла, после чего состоялась беседа Его Святейшества с игуменом Андроником (Трубачевым). В дар Его Святейшеству игумен Андроник преподнес первые издания трудов о Павле Флоренском, изданные в начале XX века. А также передал Патриарху свои труды – многотомное издание «Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского», книги: «Научно-техническая, изобретательская и научно-организаторская деятельность П. А. Флоренского в 1920–1933 годах», книгу В. И. Брагина «Музей-квартира священника Павла Александровича Флоренского (история создания)».

В завершение визита Святейший Патриарх Кирилл оставил отзыв в Книге почетных гостей музея-квартиры: «Благодарю отца Андроника и всех, кто по плоти и по духу связан с о. Павлом Флоренским, великим сыном России и Русской Православной Церкви, за хранение

Дом священника Павла Флоренского в Сергиевом Посаде (ул. Пионерская, д. 19)

Святейший Патриарх Кирилл в доме священника Павла Флоренского в Сергиевом Посаде

этого скромного и при этом подлинного мемориала, могущего научить многому наших современников».

* * *

В 2012 г. в Сергиевом Посаде началось строительство (ул. Вифанская, д. 2.) мемориального комплекса для организации большого Музея священника Павла Флоренского «Фондом науки и православной культуры священника Павла Флоренского».

В том же году в Сергиевом Посаде силами Фонда был установлен памятный знак «Всем пострадавшим в годы гонений и репрессий». Памятный знак находится на территории музейного комплекса священника Павла Флоренского. В дальнейшем «Фонд» выделил эту территорию для общедоступного памятного ансамбля и создания площади в городском пространстве. Постепенно территория благоустраивалась, в 2013 году был установлен памятник отцу Павлу, высотой около двух с половиной метров, который являет собой строгую и лаконичную фигуру священника в полный рост. Отец Павел изображен здесь стоящим на Голгофе перед Крестом, как один из многих сотен тысяч без вины заключенных мучеников, пострадавших за веру в годы гонений и репрессий. Священник держит папку с рукописями богословско-философского труда «Столп и утверждение Истины».

Совместно с памятником священнику Павлу Флоренского в мемориальном комплексе «Всем пострадавшим за веру во Христа в годы гонений и репрессий» открыты бюсты новомучеников и духовных сподвижников отца Павла, с которыми он разделил часть своего жизненного и крестного пути. Это бюсты преподобномученика Кронида, последнего наместника Троице-Сергиевой Лавры, который был расстрелян в 1937 году на Бутовском полигоне (по его благословию отец Павел участвовал в спасении честных мощей преподобного Сергия Радонежского и сохранении реликвий Лавры), и преподобномученицы Великой княгини Елисаветы Феодоровны, основательницы обители сестер милосердия в Сергиевом Посаде, в которой отец Павел прослужил духовником все годы ее существования (1912–1921).

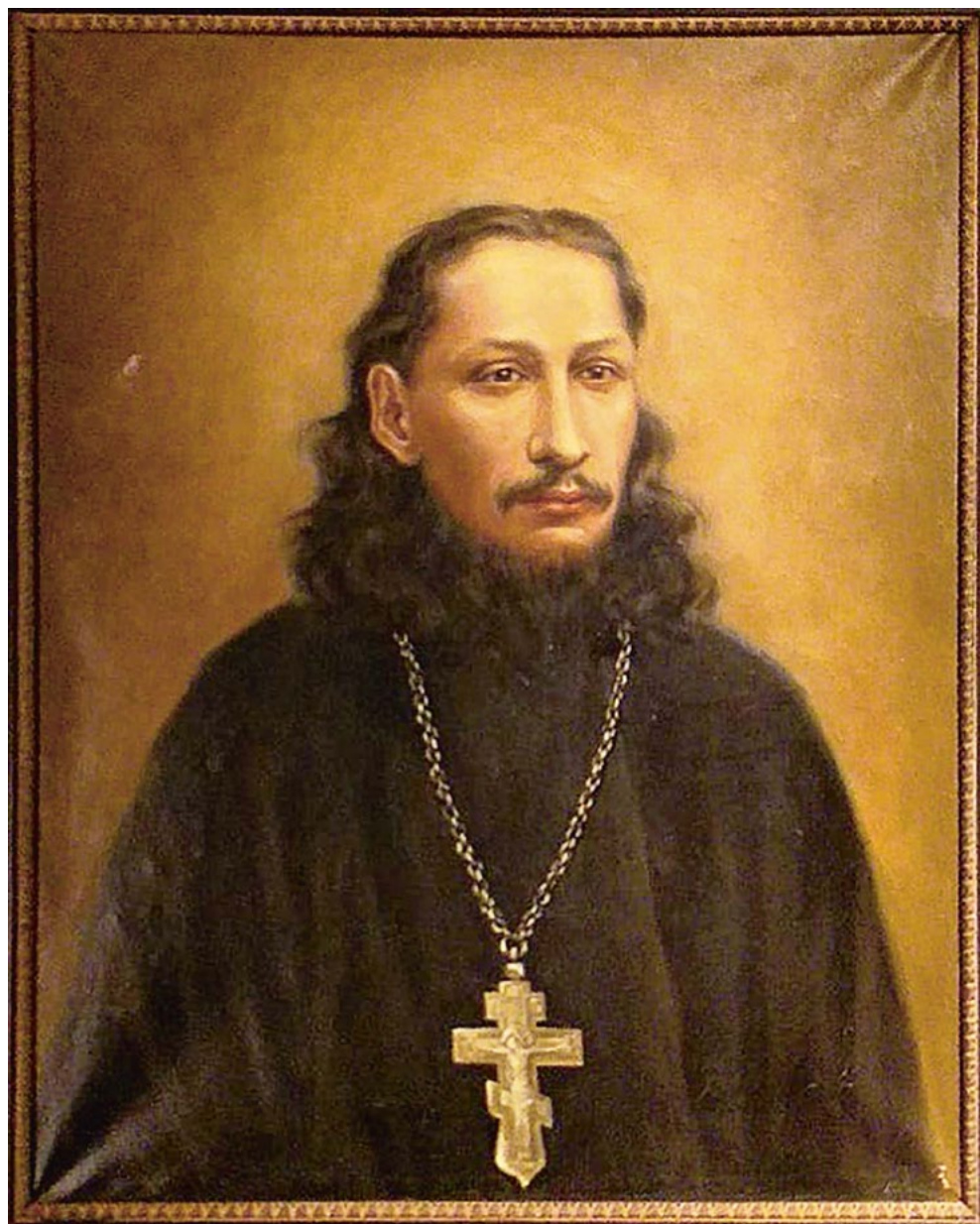
Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси

Музей-усадьба священника Павла Флоренского в Сергиевом Посаде, со стороны «Философского сада», ул. Вифанская, д. 2

Экспозиция в музее священника Павла Флоренского. Сергиев Посад, ул. Вифанская, д. 2

Священник Павел Флоренский.
Картина в доме-музее Павла Флоренского в Сергиевом Посаде, ул. Вифанская, д. 2

Игумен Андроник (Трубачев) в саду Фонда священника Павла Флоренского.
Сергиев Посад

Экспозиция в музее священника Павла Флоренского.
Сергиев Посад, ул. Вифанская, д. 2

Игумен Андроник (Грубачев) с верным помощником о. Георгием Шаламберидзе
в парке музея священника Павла Флоренского.
Сергиев Посад

В селе Завражье установили памятники свящ. Павлу Флоренскому и Андрею Тарковскому

В 2022 г. в селе Завражье Кадейского района Костромской обл. открыли памятники священнику-философу Павлу Флоренскому и режиссёру Андрею Тарковскому.

Презентацию скульптурных сооружений приурочили к двум юбилеям – 90 лет со дня рождения режиссёра Андрея Тарковского и 140 лет – священника и философа Павла Флоренского.

Именно в селе Завражье начался жизненный путь гениального художника, всемирно известного кинорежиссёра Андрея Тарковского, фильмы которого стали неотъемлемой частью культуры нашей страны. Пречистенский приход в селе Завражье тесно связан с именами предков русского энциклопедиста, религиозного мыслителя, священника Павла Флоренского.

В церемонии открытия памятников, посвящённых двум великим людям, приняли участие почётные гости, среди которых губернатор Костромской области Сергей Ситников, народные артисты России: Николай Бурляев, Юрий Назаров, Дмитрий Певцов; сестра режиссёра Марина Тарковская, директор Фонда науки и культуры священника

Музей священника Павла Флоренского и Андрея Тарковского (дом, в котором он родился). с. Завражье Костромской области

Памятник священнику Павлу Флоренскому в с. Завражье Костромской области

Народный артист Николай Бурляев у памятника режиссеру Андрею Тарковскому. с. Завражье Костромской области

Интерьеры музея священника Павла Флоренского и Андрея Тарковского.
с. Завражье Костромской области

Интерьеры музея священника Павла Флоренского и Андрея Тарковского.
с. Завражье Костромской области

Храм Святого Духа и храм Рождества Богородицы до реставрации и после.
с. Завражье Костромской области

Татьяна Яковлевна Лазарева, ее трудами был восстановлен
храм Рождества Богородицы. с. Завражье Костромской области

Мария Люкшина, иконописец, которая написала первые иконы для храма Святого Духа и храма Рождества Богородицы. с. Завражье Костромской области

Лукия Люкшина-Шаламберидзе, иконописец, которая написала первые иконы для храма Святого Духа и храма Рождества Богородицы. с. Завражье Костромской области

Павла Флоренского художник Мария Тихонова, Высокопреосвященнейший Ферапонт, митрополит Костромской и Нерехтский, депутат Госдумы Алексей Чепан, глава Кадынского района Евгений Большаков и другие.

Перед началом праздничных мероприятий в храме Рождества Богородицы в Завражье прошёл молебен.

Стоит отметить, что юбилейные даты историко-культурный музей в Завражье встречает обновлённым: летом 2022 года за счёт областного бюджета здесь провели большой ремонт. Сергей Ситников подчеркнул, что обновление и развитие музея, как и всего Завражья, будут продолжаться.

Сергей Ситников, губернатор Костромской области, произнес речь: «На берегах большой реки сформировалась семья Флоренских. Здесь же был крещён Андрей Тарковский. Природа, вся эта среда, являет и рождает удивительных и уникальных людей. Я благодарю всех, кто сегодня здесь собрался, почтил память Андрея Тарковского, Павла Флоренского. Неслучайно говорим о месте, о географии, откуда появляются люди. Мы должны понимать, что память о наших великих предках – это не только воспоминание о них, но ещё и любовь к тем людям, кто продолжает жить на этой земле».

Праздник Преображение Господне. Игумен Андроник (Трубачев) освящает плоды.
с. Завражье Костромской области

Игумен Андроник (Трубачев) крестит младенцев на Волге.с. Завражье Костромской обл.

Игумен Андроник (Трубачев) произносит проповедь в храме Святого Духа.
с. Завражье Костромской области

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Опытному духовному руководству свойственен царский, срединный путь возрастания, малозаметный внешнему взору.

Именно к такому роду духовных руководителей принадлежал игумен Андроник (А. С. Трубачев). Во всяком роде деятельности отца Андроника проявлялись его уникальные дарования духовника, организатора и проповедника. В его лице Церковь имела «апостола», который проповедовал миру Христову Истину.

Многие из тех, кто знал отца Андроника, видели в нем сочетание красоты и величия внутренней жизни, сокрытой от посторонних глаз. По словам апостола Петра, говорившего о кротости и молчаливости духа, что «есть наилучшее украшение для человека и наивысшая драгоценность пред Богом» (1 Пет. 3: 4), как настоящий духовник он с особой деликатностью наставлял своих духовных чад. Невозможно забыть его кроткий взгляд со слегка улыбающимися глазами и то безграничное тепло, которое исходило от его любящего сердца, всегда готового утешить в скорби и приободрить в печали. К нему тянулись люди самых разных профессий и возрастов. Авторитет был высок не только среди мирян, но и среди братии монастыря. Лаврские духовники нередко присылали к нему и своих чад с особенно сложными вопросами или обидами.

Люди восхищались его бесстрашием и самоотверженностью, ведь он так же, как и его дед, Павел Флоренский, нес апостольское служение, распространяя веру православную, рассказывая о подвигах новомучеников, которые не щадили себя, утверждая своей жизнью веру христианскую.

Отцу Андронику еще не единожды пришлось *послужить* мученикам. В 1995 году в «Православной энциклопедии» он работал над составлением списка и выявлением новых российских святых, просиявших за всю историю Церкви. Это был тяжелый труд, который состоял в просмотре множества книг, проведении ряда исследований. Благодаря отцу Андронику многие святые были канонизированы и вошли в список святых, в земле Российской просиявших. А в 2020

году, вместе с иеромонахом Порфирием, отец Андроник выявил новых святых земли Радонежской. Были изданы книги, прославляющие подвиги новомучеников. В их честь было установлено празднование Собора Радонежских святых (10 декабря). Вопреки всему, на земле Радонежской был поставлен огромный Крест, посвященный подвигам новомучеников, снят фильм о святых исповедниках Радонежских.

При всей этой бурной деятельности отец Андроник продолжал служить в храмах Троице-Сергиевой Лавры, исповедовать, звонить в колокола, ходить преподавать в МДА и проповедовать.

Духовная миссия игумена Андроника распространялась и в краю заброшенного села в Костромской области, в 300 км от Костромы. Как только отец Андроник стал писать свой исследовательско-биографический труд о священнике Павле Флоренском, встал вопрос: откуда пошли предки по отцовской линии. По архивам было только известно, что это Кадыйский район Костромской области. Совершенно случайно батюшка узнал, что есть такое живописное село Завражье, связанное с о. Павлом Флоренским. И, конечно же, решил поехать и узнать все исторические подробности. Приехав туда, он увидел, что село было затоплено водохранилищем. Многие дома ушли под воду, осталось лишь небольшое побережье с двумя церквями, где служили предки отца Павла. Священников из рода Флоренских здесь не было, были только чтецы, псаломщики, певцы. Правда, один все же решил стать священником. Пошел учиться в Костромскую семинарию, но отучился недолго и пошел учиться на медика.

К тому времени, когда в этих краях появился отец Андроник, от церкви остались одни развалины. И тогда решили, что первым делом надо восстанавливать храмы. Отец Андроник занялся исследованием местности и выяснил, что на этом месте являлся преподобный Макарий Унженский, который в свое время защитил это место от набегов поляков. В селе Завражье было две церкви: Святого Духа и Рождества Богородицы. Отец Андроник призывал людей сначала расчищать церкви, а потом реставрировать. Это были 90-е годы, время голодное, люди потеряли работу и смотрели на батюшку с подозрением и недоверием. Как восстанавливать церковь, если у самих нет ничего? Но отец Андроник каждый летний отдых приезжал туда и вместе с оставшимися прихожанами расчищал церкви, которые были единственными в радиусе 60 километров. Батюшка уверял, что эти храмы

люди должны восстановить сами: «Сами разрушили, сами теперь и восстанавливайте. Тогда прочувствуете свою вину».

По провидению Господа, к отцу Андронику пришла просить благословения одна женщина, Татьяна Яковлевна Лазорева. Она сама родилась в этом селе, а её тетушка была яркой разрушительницей церкви. Этой женщине очень хотелось искупить грех родственницы, предложив средства от продажи квартиры тетушки на благое дело – восстановление храмов. В течение 10 лет восстановили соборную церковь Рождества Богородицы, а церковь Святого Духа еще предстоит восстанавливать, так как часть ее ушла под воду. За это время вновь укрепили берег со стороны Волги, отодвинули на 15 метров от храмов. И это все заслуги отца Андроника. Он ходатайствовал в Министерстве культуры о финансировании объекта, укреплении берега под церквями. Убедил, что это необходимо, так как храмы в скором времени полностью упадут в Волгу.

Продолжая исследовать этот край, о. Андроник узнал, что в этом селе родился известный кинорежиссёр Андрей Тарковский и что его сестра борется за создание музея брата в сохранившемся их доме. Когда о. Андроник с ней познакомился, она предложила ему половину дома, где можно будет организовать музей и священника Павла Флоренского. Пока церкви восстанавливаются, – о. Андроник сможет проповедовать сельчанам в музее. Так и появились два музея: мученика священника Павла Флоренского и Андрея Тарковского, которого власти выгнали из страны за то, что он проповедовал своими фильмами веру Христову в атеистической стране. Мистически соединились в одном пространстве два гения. У одного из этой местности пошел род Флоренских, а другой – родился, крестился в храмах, где служили предки этого рода. Сестра Андрея Тарковского, Марина Арсеньевна, рассказывала, что Андрей, умирая, просил ему читать Павла Флоренского. Позже выяснился еще один удивительный факт. Марину Арсеньевну крестили в г. Малоярославце в 1937 г., как раз в то время, когда там служил протоиерей Зосима Трубачев, дед отца Андроника по отцовской линии. При исследовании этой местности обнаружилось, что она находится на пересечении трех рек: Волги, Немды, Унжи. Это необычное физическое явление, которое сосредотачивает в себе сильные энергетические, мистические состояния. Как соединяются эти реки, так и соединяются нити духовные.

Созданные музеи привлекли людей к этому краю, некоторые из них помогали восстанавливать храмы. Так отец Андроник оказался в глубинке, где голос Христов достиг и этого места, благодаря его проповедям и благим делам. Сейчас край расцвел. Строятся дороги, появились вокруг новые церкви. Отец Андроник устраивал тут конференции, привозил московскую интеллигенцию, стали снимать фильмы, писать картины. Народ, путем голосования, решил увековечить имя священника Павла Флоренского, установив памятную бронзовую плиту на бульваре в центре Костромы. Прошло 30 лет, и только в 2022 году состоялась первая служба в церкви Рождества Богородицы, но уже без игумена Андроника, в Бозе почившего.

А в Сергиевом Посаде расположен мемориальный дом отца Павла Флоренского. Долгое время он был заброшен, сад приходил в запустение. Там жили его мама, которая очень часто болела, и отец с сестрой. В течение десяти лет дом был приведён в порядок: проведено отопление, вода, газ, сделана новая крыша, ухожен сад, вокруг усадьбы установлен каменный забор. Сад был отдушиной о. Андроника. У него зрела идея – посадить сад Флоренского, поэтому в первую очередь посадили растения, о которых писал в своих дневниках о. Павел. Игумен Андроник мечтал о том, чтобы мемориальный дом отца Павла Флоренского (ул. Пионерская, д. 19) стал основным мемориальным музеем священника Павла Флоренского. Там находится множество его памятных вещей, но родственники пока не готовы – еще не до конца осознали, что это история, которая уже не принадлежит одной их семье.

В осуществлении его грандиозных идей ему помогала Мария Тихонова, духовная дочь отца Андроника, невероятно талантливый скульптор, которая участвовала с батюшкой во многих проектах. В Сергиевом Посаде их усилиями был создан большой мемориал новомученикам: установлен 8-метровый кованный Крест, а впоследствии добавлены три фигуры: священника Павла Флоренского, сщмц. Елисаветы Федоровны (Романовой) и последнего наместника Троице-Сергиевой Лавры, сщмч. Кронида. С установкой этого мемориала тоже была связана целая история. Власти не понимали важности этого события, а священноначалие не хотело брать на себя никакую ответственность и говорило: «Отец Андроник, тебе надо – вот и ставь, но отвечать будешь сам». Все было против создания памятника, но

отец Андроник ни на шаг не отступил от своей благой цели и дал команду ставить памятник новомученикам. Время было упущено на всякие разрешения – началась зима. Как ставить мемориальный Крест, цемент ведь замёрзнет! Не мог отступить отец Андроник даже перед непогодой, дал команду – и рабочие стали заливать фундамент. На улице шел сильный снег. Все стояли и смотрели, а дело Божие делалось. Залили фундамент, через некоторое время привезли громадный Крест, – подняли его над землей, медленно опустили на фундамент и закрепили на постаменте. Батюшка находился все время рядом – его присутствие всегда подкрепляло силу духа в тяжелые минуты и подбадривало. Пройдя такой трудный путь, впервые в истории Сергиева Посада в центре города поставили Крест, изнутри светящийся, как «Столп и утверждение Истины». Этим было положено начало создания Мемориального комплекса «Всеим пострадавшим за Христа в годы гонений и репрессий».

В Сергиевом Посаде, в особняке на территории усадьбы XIX в. (памятника федерального значения), был создан небольшой музей священника Павла Флоренского. К сожалению, часть особняка подожгли, и сейчас это здание находится в аварийном состоянии. Но сотрудники, а это семья Тихоновых, иконописец Лукия Юрьевна Люкшина-Шаламберидзе – духовные чада отца Андроника, остаются верными соратниками и продолжают вносить много труда, усилий и средств в музейное дело, верят и уповают на чудо Господне. А сейчас проводят экскурсии, вечера памяти, помнят и чтят своего батюшку, отца Андроника. Марию Юрьевну Тихонову отец Андроник благословил быть директором Музея свящ. Павла Флоренского. Оказав существенную помощь в создании Музея, она украсила памятниками места, связанные с отцом Павлом Флоренским: в Сергиевом Посаде, в селе Завражье; установлены мемориальные доски, связанные с П. Флоренским и его сподвижниками; бюсты сщмц. Елисаветы Фёдоровны (Романовой) и сщмч. Кронида (Любимова); памятник своему любимому священнику, Павлу Флоренскому.

В память о съемках фильма «Андрей Рублев» Андрея Тарковского в Суздале был открыт памятник Андрею Тарковскому, Андрею Рублёву, Николаю Бурляеву. Автором памятника была также скульптор Мария Тихонова, неизменный помощник отца Андроника. И, конечно, отец Андроник приезжал поддержать своих близких. Инициатором

установки памятника выступил Николай Бурляев. Как и отцу Андронику, ему не давали места для памятника. Опять гонимый Тарковский. И, можно сказать, произошло чудо. Напротив монастыря, где снимался фильм, жил один предприниматель, который согласился отдать свою землю для установки памятника. Эпоха Андрея Тарковского – гонимая эпоха, вся интеллигенция стояла на пороге нового времени, а сам Тарковский был на передовой. Талантливого человека вышвырнули, не дав ни места, ни средств на существование и творчество. Многие художники, священники той эпохи пробивались сквозь тьму бюрократии, ненависти, злобы на церковь. Пробились, выстояли и теперь восстанавливают храмы, открывают памятники достойным, талантливым, жертвенным людям. И отец Андроник стал свидетелем такого апофеоза. Молча, как всегда, сидел и смотрел на все, что происходило. Что тогда было в его душе, – сокровенно.

Отец Андроник все время помнил наставления Антония Флоренсова, духовника Павла Флоренского. Подводя итог своему духовническому окормлению паствы, он высказался, каким должен быть настоятель: «Он должен быть не из пришлых, а местный; бесстрастный к каким-либо людям или событиям, быть *ангелом* мира, обладать голубиной кротостью, от него никто не должен плакать». В сыновней речи, при погребении архимандрита Алексия в 1908 г., владыка Антоний говорил: «Возлюбленный брат наш, отец духовный, отец архимандрит, отец Алексей! С кончиною твоей осиротела Донская обитель. И я стал сирота, потому что сыновне любил тебя. Я сыновне любил тебя за твое незлобие. Незлобие – это, когда в человеке нет зла, нет злых помышлений. “От сердца бо исходят помышления злая и та сквернят человека” (Ср. Мф. 15: 18–19), но при незлобии – сердце свободно, чисто от всей этой скверны; незлобие – это, иначе сказать, чистота сердца; незлобие – это дар людей совершенных; это единственная сила, от которой враг бежит». Несомненно, владыка Антоний выделил ту добродетель в своем духовном отце, которую и сам стремился стяжать, и отсутствие которой, по его рассуждению, лишает человека веры.

Так и мы хотим помнить игумена Андроника, как своего духовного отца с его незлобием, несгибаемой силой воли, мужеством и отвагой в борьбе за веру Христову на этой земле.

В юбилейном 2022 году по всей России прошли масштабные конференции, посвященные 140-летию священника Павла Флорен-

ского и 70-летию игумена Андроника (Трубачева). Громадное количество докладов показывает, что люди с превеликим удовольствием изучают наследие священника Павла Флоренского, вдохновляются его энергией Духа, духом подвига, его мужественным отстаиванием веры Христовой. Сколько боролись его бесстрашные внуки, прошедшие все периоды нашей коммунистической, атеистической, безбожной истории, что можно поклониться им и их духовному подвигу. Ведь ради публикации небольшой статьи, не вписывающейся в установленные рамки, они могли лишиться работы, звания, обречь себя на преследования. Вся большая семья Флоренских терпеливо жила, со смирением незримо подчиняя себя духу своего деда, как и писал отец Павел Флоренский в своем Завещании:

«Давно хочется мне записать: “Почаще смотрите на звезды”. Когда будет на душе плохо, смотрите на звезды или на лазурь днем. Когда грустно, когда вас обидят, когда что не будет удаваться, когда придет на вас душевная буря – выйдите на воздух и останьтесь наедине с небом. Тогда душа успокоится, ... когда же вам самим будет плохо, то воззовите к Богу, обратитесь к святым угодникам – к Николаю Чудотворцу, к преп. Сергию и Серафиму, обратитесь к покровителям нашего дома, о которых я говорил вам уже. Верьте, мои милые, что я говорю по многому опыту, – они не оставят вас без помощи».

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ ОСНОВНЫХ СОЧИНЕНИЙ ИГУМЕНА АНДРОНИКА (ТРУБАЧЁВА)

1. Епископ Антоний (Флоренсов) – духовник священника Павла Флоренского // ЖМП. 1981. № 9. 1. С. 71–77; № 10. С. 65–73.
2. К 100-летию со дня рождения священника Павла Флоренского // БТ. 1982. Сб. 23.
3. Указатель печатных трудов священника Павла Флоренского // БТ. 1982. Сб. 23. С. 260–309.
4. Основные черты личности, жизнь и творчество священника Павла Флоренского // ЖМП. 1982. № 4. С. 12–19.
5. Высокопреосвященный епископ Сергей: Некролог // ЖМП. 1982. № 10. С. 18–23.
6. Священник Павел Флоренский – профессор МДА и редактор «Богословского вестника» // БТ. 1986. Юбил. сб. к 300-летию МДА. С. 226–246; 1987. Сб. 28. С. 290–314.
7. Основные черты пастырства в Оптиной пустыни // ЖМП. 1988. № 6. С. 64–72.
8. Предисловие к публикации: Переписка князя Е. Н. Трубецкого и священника Павла Флоренского (совм. с П. В. Половинкиным) // Вопросы философии. 1989. № 12.
9. Русская духовность в жизни преподобного Сергия и его учеников // БТ. 1989. Сб. 29. С. 225–253.
10. Антропософия священника Павла Флоренского. История создания цикла «У водоразделов мысли» // Флоренский П. А. Соч. в 4 т. М., 1990. Т. 2.
11. Мыслитель, священник, ученый (совм. с П. В. Флоренским) // Спутник. Дайджест советской прессы. 1990. № 6.
12. Предисловие и комментарий // Флоренский П., свящ. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. Завещание. М., 1992. С. 7–22.
13. Книга «Имена» священника Павла Флоренского: историко-ведческий обзор // Священник Павел Флоренский. Имена. Кострома, 1993.
14. Жизнь и судьба // Флоренский П., свящ. Соч. в 4 т. М., 1994. Т. 1. С. 3–36.
15. Научно-техническая, изобретательская и общественная деятельность П. А. Флоренского в 1920–1933 гг. // П. А. Флоренский. Арест и гибель. Уфа, 1997.
16. История создания цикла «У водоразделов мысли» // Флоренский П., свящ. Соч. в 4 т. М., 1999. Т. 3 (1).
17. Канонизация святых в Русской Православной Церкви // ПЭ. Т.: РПЦ. С. 346–371.
18. От составителя // Священник Павел Флоренский. Собрание сочинений. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М., 2000.
19. Февральская революция и Октябрьский переворот // Энтелехия: Научно-публицистический журнал. Кострома, 2000. № 2.
20. Судьба главы преподобного Сергия // ЖМП. 2001. № 4.
21. Закрытие Троице-Сергиевой Лавры и судьба мощей преподобного Сергия. М., 2007.
22. Обо мне не печальтесь... Жизнеописание священника Павла Флоренского. М., 2007.
23. Из истории создания книги «Столп и утверждение Истины» // Свящ. Павел Флоренский. Столп и утверждение Истины. М., Академпроект. 2012. С. 816–894.

24. Шеститомная монография «Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского (1882–1937)» (2012–2020) – Сергиев Посад: Фонд науки и православной культуры священника Павла Флоренского; СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2012–2020.

25. Библиографический справочник. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского. Фонд науки и православной культуры священника Павла Флоренского. Сергиев Посад, 2015. С. 1055.

За работу «Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского» игум. Андроник (Трубачев) удостоен премии в номинации «История Православной Церкви» и звания лауреата «Макариевской премии» 2019 г.

Список печатных трудов и выступлений игумена Андроника (Трубачёва)

Публикации в Журнале Московской Патриархии

1. Преподобный Пафнутий Боровский (к 500-летию преставления) // Журнал Московской Патриархии. М., 1977. № 6. С. 61–73.
2. Казанские святые Петр и Стефан (к 425-летию со дня мученической кончины) // Журнал Московской Патриархии. М., 1977. № 8. С. 79–80.
3. «Богословские труды», сборник 17. М., 1977; 248 с. // Журнал Московской Патриархии. М., 1977. № 10. С. 80.
4. Настольная книга священнослужителя. Том 2. Издание Московской Патриархии. М., 1978. 800 с. // Журнал Московской Патриархии. М., 1979. № 6. С. 79.
5. Преподобный Трифон и блаженный Прокопий Вятские // Журнал Московской Патриархии. М., 1977. № 11. С. 75–77.
6. Миняя – Ноябрь. Изд. Московской Патриархии. М., 1980 // Журнал Московской Патриархии. М., 1981. № 6. С. 80.
7. Епископ Антоний (Флоренсов) – духовник священника Павла Флоренского // Журнал Московской Патриархии. М., 1981. № 9. С. 71–77; № 10. С. 65–73.
8. Основные черты личности, жизнь и творчество священника Павла Флоренского // Журнал Московской Патриархии. М., 1982. № 4. С. 12–19.
9. Высокопреосвященный архиепископ Сергей [Некролог] // Журнал Московской Патриархии. М., 1982. № 10. С. 18–23.
10. Священник Павел А. Флоренский. Икона – взгляд в вечность: философия и технология искусства. [Сборник] / Предисловие, перевод и словарь д-ра Димитрия М. Калезича. Белград: Изд. Богословского обозрения, 1979. 163 с. // Журнал Московской Патриархии. М., 1983. № 3. С. 78–80.
11. Прославление в лике святых святителя Симеона Солунского // Журнал Московской Патриархии. М., 1983. № 4. С. 43–44.
12. Предисловие к публикации работы священника Павла Флоренского «Христианство и культура» // Журнал Московской Патриархии. М., 1983. № 4. С. 52.
13. Постриг в обители Живоначальной Троицы // Журнал Московской Патриархии. М., 1983. № 7. С. 8.

14. Празднование юбилейных дат [1500-летия автокефалии Грузинской Православной Церкви и 200-летия Георгиевского трактата о переходе Грузии под покровительство России] // Журнал Московской Патриархии. М., 1983. № 10. С. 41–43.
15. Вечер в Московской духовной академии // Журнал Московской Патриархии. М., 1984. № 5. С. 27.
16. Предисловие [к публикации статьи П. А. Флоренского «Эмпирия и Эмпирия»] // Богословские труды. М., 1986. № 27. С. 294–295.
17. В день памяти преподобного Сергия Радонежского // Журнал Московской Патриархии. М., 1986. № 7. С. 36–38.
18. Юбилейные торжества в Лавре [650-летие Троице-Сергиевой Лавры] // Журнал Московской Патриархии. М., 1987. № 10. С. 8–10.
19. Священник Павел Флоренский – профессор МДА и редактор «Богословского вестника» [библ. 105] // Богословские труды. М., 1987. № 28. С. 290–315.
20. Основные черты пастырства в Оптиной пустыни // Журнал Московской Патриархии. М., 1988. № 6. С. 64–72.
21. Отец Павел Флоренский: «...чтобы вы помнили Господа...» // Журнал Московской Патриархии. М., 1990. № 10. С. 21–23; № 12. С. 27–31.
22. Диакон Сергей Трубачев // Журнал Московской Патриархии. М., 1997. № 9. С. 58–60.
23. Судьба главы преподобного Сергия // Журнал Московской Патриархии. М., 2001. № 4. С. 33–53.
24. Памяти священника Павла Флоренского (к 125-летию со дня рождения и 70-летию мученической кончины) // Журнал Московской Патриархии. М., 2007. № 2. С. 29.
25. Жизненный путь священника Павла Флоренского // Журнал Московской Патриархии. М., 2007. № 2. С. 62–89.

Публикации в Православной энциклопедии¹²⁵

1. Монастыри и монашество 1700–1998 // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. Специальный том. С. 325–344 (в соавторстве с Бовкало А. А., Федоровым В. А.).
2. Канонизация святых в Русской Православной Церкви // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. Специальный том. С. 346–371.
3. Авксентий, Акий и Тарасий Кашкаранские // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. I. С. 145.
4. Авраамий // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. I. С. 166.
5. Авраамий // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. I. С. 166.
6. Авраамий и Коприй Печенгские // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. I. С. 175.
7. Авраамий Затворник // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. I. С. 175.
8. Авраамий Игумен // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. I. С. 175–176.
9. Авраамий Мирожский // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. I. С. 176.
10. Авраамий Пинежский // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. I. С. 176.
11. Авраамий Палеостровский // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. I. С. 176.

¹²⁵ Автор выражает благодарность за помощь в составлении данного раздела библиографии сотрудникам Церковно-научного центра «Православная энциклопедия» и лично Сергею Леонидовичу Кравцу.

12. Авраамий Трудюбивый // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. I. С. 179.
13. Агапит, врач безмездный // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. I. С. 229–230.
14. Агафон // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. I. С. 243.
15. Агиология // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. I. С. 252–253.
16. Азария Постник Киево-Печерский // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. I. С. 330.
17. Адриан Угличский // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. I. С. 322.
18. Александр // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. I. С. 473.
19. Александр (Пересвет) и Андрей (Ослябя) Радонежские // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. I. С. 532–533.
20. Александр Спасский, Московский // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. I. С. 539–540.
21. Александра // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. I. С. 545.
22. Алексей Бушев // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. I. С. 659.
23. Алексей Затворник // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. I. С. 721.
24. Алексей Соловецкий // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. I. С. 722.
25. Алфановы // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 65–67. (часть статьи)
26. Аммон Киево-Печерский // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 175–176.
27. Анания // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 221–222.
28. Анастасий // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 232.
29. Анастасия // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 255.
30. Анатолий Затворник // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 273.
31. Анатолий Затворник // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 273–274.
32. Андрей Переяславский // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. II. С. 377–379.
33. Андрей Соловецкий // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 388.
34. Антипа Валаамский // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 543–544. (в соавторстве с Н. Н. Крашенинниковой)
35. Антоний // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 606–607.
36. Антоний (Флоренсов) // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 645–646.
37. Антоний и Феликс Карельские // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 668–669.
38. Антоний Куштский // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 669–670.
39. Антоний (Авраамий) Кожезерский // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 659.
40. Анфим Сарский // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 715.
41. Аполлинарий // Православная энциклопедия. Т. III. М., 2001. С. 60–61. (в соавторстве с О. И. Радченко)
42. Ардалиона Усть-Медведицкая // Православная энциклопедия. Т. III. М., 2001. С. 190–191.
43. Арефа Верхотурский // Православная энциклопедия. Т. III. М., 2001. С. 217–218.
44. Аристоклий Афонский // Православная энциклопедия. Т. III. М., 2001. С. 240–241.
45. Арсений (Минин) // Православная энциклопедия. Т. III. М., 2001. С. 403–404.
46. Арсений (Митрофанов) // Православная энциклопедия. Т. III. М., 2001. С. 404–405.
47. Арсений Афонский // Православная энциклопедия. Т. III. М., 2001. С. 425.
48. Арсений Младший // Православная энциклопедия. Т. III. М., 2001. С. 436–437.
49. Арсений Новгородский // Православная энциклопедия. Т. III. М., 2001. С. 438–439.
50. Арсений Трудюбивый // Православная энциклопедия. Т. III. М., 2001. С. 441–442. (в соавторстве с Е. В. Лопухиной)

51. Арсения (Клементьева) // Православная энциклопедия. Т. III. М., 2001. С. 446–447.
52. Арсения (Серебрякова) // Православная энциклопедия. Т. III. М., 2001. С. 447.
53. Афанасий Сяндемский // Православная энциклопедия. Т. IV. М., 2002. С. 69–70 (в соавторстве с Е. В. Романенко).
54. Афанасия (Логонова) // Православная энциклопедия. Т. IV. М., 2002. С. 71–72.
55. Белокопытова Александра Евгеньевна // Православная энциклопедия. Т. IV. М., 2002. С. 542.
56. Бессребреники // Православная энциклопедия. Т. V. М., 2002. С. 9–11.
57. Благоверный // Православная энциклопедия. Т. V. М., 2002. С. 251–252
58. Блаженный // Православная энциклопедия. Т. V. М., 2002. С. 352.
59. Боголеп Черноярский // Православная энциклопедия. Т. V. М., 2002. С. 455–456 (в соавторстве с А. А. Романовой).
60. Богослужбная синодальная комиссия // Православная энциклопедия. Т. V. М., 2002. С. 535–536.
61. Борин Василий Антонович // Православная энциклопедия. Т. VI. М., 2003. С. 28–29.
62. Борис Филиппович Денисов // Православная энциклопедия. Т. VI. М., 2003. С. 34–35.
63. Борис (Холчев) // Православная энциклопедия. Т. VI. М., 2003. С. 42–43 (в соавторстве с В. Б. Заславским).
64. Борис Казанский // Православная энциклопедия. Т. VI. М., 2003. С. 60–61 (в соавторстве с Е. В. Липатовым).
65. Боскин Сергей Михайлович // Православная энциклопедия. Т. VI. М., 2003. С. 91–92.
66. Варлаам и Макарий // Православная энциклопедия. Т. VI. М., 2003. С. 625–626.
67. Варнава // Православная энциклопедия. Т. VI. М., 2003. С. 649.
68. Варнава // Православная энциклопедия. Т. VI. М., 2003. С. 649.
69. Варлаам (Надёжин) // Православная энциклопедия. Т. VI. М., 2003. С. 578–579.
70. Варфоломей и Наум // Православная энциклопедия. Т. VI. М., 2003. С. 718.
71. Василий (Хорев) // Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2004. С. 96–97.
72. Василий I Казанский // Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2004. С. 98 (в соавторстве с Е. В. Липаковым).
73. Василий Соколовский // Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2004. С. 217–218.
74. Вассиан // Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2004. С. 251–252.
75. Великомученики // Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2004. С. 515–516.
76. Гавриил Бежецкий // Православная энциклопедия. Т. X. М., 2005. С. 239 (в соавторстве с прот. Ярославом Шведовым).
77. Давид (Мухранов) // Православная энциклопедия. Т. XIII. М., 2006. С. 564–566.
78. Житийная литература // Православная энциклопедия. Т. XIX. М., 2008. С. 283–345 (часть статьи).

Публикации в журнале «Энтелехия»¹²⁶

1. Флоренский П., свящ. Семь таинств. Публ. иг. Андроника (Трубачева) // Энтелехия: Научно-публицистический журнал / гл. ред. И. А. Едошина. Кострома, 2000. № 2. С. 11–27.

¹²⁶ Автор выражает благодарность за помощь в составлении данного раздела библиографии главному редактору журнала «Энтелехия» Ирине Анатольевне Едошиной.

2. Февральская революция и Октябрьский переворот (Глава из книги «Священник Павел Флоренский. Жизнь и творчество») // Энтелехия: Научно-публицистический журнал / гл. ред. И. А. Едошина. Кострома, 2000. № 2. С. 54–67.

3. Отец Павел Флоренский. Черты феноменологии культа. Публ. игум. Андроника (Трубачева) // Энтелехия: Научно-публицистический журнал / гл. ред. И. А. Едошина. Кострома, 2002. № 4. С. 21–29.

4. История создания цикла. Опыт православной антропологии (Философия культа) // Энтелехия: Научно-публицистический журнал / гл. ред. И. А. Едошина. Кострома, 2002. № 4. С. 29–38.

5. Из генеалогических разысканий о роде Флоренских // Энтелехия: Научно-публицистический журнал / гл. ред. И. А. Едошина. Кострома, 2003. № 6. С. 5–8.

6. Из генеалогических разысканий о роде Флоренских (продолжение) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Серия «Культурология»: Энтелехия: Научно-публицистический журнал / гл. ред. И. А. Едошина. Кострома, 2004. № 8. С. 5–25.

7. Таинство брака (1910) и семейная жизнь. Комментарий иг. Андроника и И. А. Едошиной // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Серия «Гуманитарные науки»: Энтелехия: Научно-публицистический журнал / гл. ред. И. А. Едошина. Кострома, 2006. Т. 12. № 12. С. 5–48.

8. Материнская линия. Род Мелик-Бегляровых – Сапаровых // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Серия «Гуманитарные науки»: Энтелехия: Научно-публицистический журнал / гл. ред. И. А. Едошина. Кострома, 2007. Т. 13. № 14. С. 5–38.

9. Мыслитель и художники (1920–1928) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Серия «Гуманитарные науки»: Энтелехия: Научно-публицистический журнал / гл. ред. И. А. Едошина. Кострома, 2007. Т. 13. № 16. С. 7–17.

10. Мыслитель и художники (1920–1928). Окончание // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Серия «Гуманитарные науки»: Энтелехия: Научно-публицистический журнал / гл. ред. И. А. Едошина. Кострома, 2008. Т. 14. № 18. С. 5–36.

11. Основные даты жизни и творчества священника Павла Флоренского // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Серия «Гуманитарные науки»: Энтелехия: Научно-публицистический журнал / гл. ред. И. А. Едошина. Кострома, 2009. Т. 15. № 20. С. 5–70.

12. Основные направления творческого наследия священника Павла Флоренского // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Серия «Гуманитарные науки»: Энтелехия: Научно-публицистический журнал / гл. ред. И. А. Едошина. Кострома, 2009. Т. 15. № 20. С. 71–79 (в соавторстве с С. М. Половинкиным).

13. Список собраний, конференций, семинаров, вечеров, докладов, радиопередач, выставок, посвящённых священнику Павлу Флоренскому // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Серия «Гуманитарные науки»: Энтелехия: Научно-публицистический журнал / гл. ред. И. А. Едошина. Кострома, 2009. Т. 15. № 20. С. 106–160.

14. Хронология знакомства А. И. Флоренского с О. П. Сапаровой и детство П. А. Флоренского // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Серия «Гуманитарные науки»: Энтелехия: Научно-публицистический журнал / гл. ред. И. А. Едошина. Кострома, 2011. Т. 17. № 24. С. 33–36.

15. Флоренская Ю. И. Из дневниковых записей. Эпистолярный / Публ. и коммент. игум. Андроника (Трубачева) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Серия «Гуманитарные науки»: Энтелехия: Научно-публицистический журнал / гл. ред. И. А. Едошина. Кострома, 2011. Т. 17. № 24. С. 5–32.

16. Флоренский П. А., свящ. Три вида мистики. Подгот. текста, публ. и коммент. игум. Андроника (Трубачева) // Энтелехия: Научно-публицистический журнал / гл. ред. И. А. Едошина. Кострома, 2012. № 26. С. 54–66.

17. Сергиево-Посадское дело и его последствия // Энтелехия: Научно-публицистический журнал / гл. ред. И. А. Едошина. Кострома, 2014. № 30. С. 5–52.

Публикации в журнале «Богословский вестник»

1. Священник Павел Флоренский. Смерть вахтера Матвеева / Публ. игум. Андроника (Трубачева) // Богословский вестник. 2003. Т. 3. С. 272–275.

2. Священник Павел Флоренский. Записка к студентам Московской духовной академии об академическом строе / Публ. игум. Андроника (Трубачева) // Богословский вестник. 2004. Т. 4. С. 392–398.

3. Гирс М. Г. Академический сад: цикл стихотворений / Публ. игум. Андроника (Трубачева) // Богословский вестник. 2006. Т. 5–6. С. 475–484.

4. Свящ. Павел Флоренский. Мысли о преподавании агиологии и о классическом образовании / Публ. игум. Андроника (Трубачева) // Богословский вестник. 2006. Т. 5–6. С. 463–474.

5. Из наследия выпускника МДА иеромонаха (впоследствии единоверческого епископа) Павла (Волкова) / Вступительная статья, публикация текста и примечания игум. Андроника (Трубачева) и В. Л. Шленова // Богословский вестник. 2008. Т. 7. С. 305–391.

6. Епископ Павел (Волков). Отзыв и критические заметки на запись Кокунина частной беседы, бывшей между еп. Павлом и поморами 12 января 1926 года / Публ. игум. Андроника (Трубачева), вступ. статья и комм. Р. К. Колесникова // Богословский вестник. 2008–2009. Т. 8–9. С. 472–500.

7. Свидетельства архим. Илариона (Троицкого) и свящ. Павла Флоренского о прекращении существования старой «Академии у Троицы» / Публ. игум. Андроника (Трубачева) // Богословский вестник. 2008–2009. Т. 8–9. С. 501–504.

8. Переписка епископа Феодора (Поздеевского) и архиепископа Никона (Рождественского) со священником Павлом Флоренским. Часть. 1. Письма 1–34 (5 августа 1910 г. – 24 апреля 1916 г.) / Публ. игум. Андроника (Трубачева), иером. Зосимы (Давыдова) и свящ. Александра Дубинина // Богословский вестник. 2010. Т. 10. С. 388–433.

9. Свящ. П. А. Флоренский. Избранные письма профессорам Московской духовной академии / Публ. игум. Андроника (Трубачева) // Богословский вестник. 2010. Т. 11–12. С. 753–765.

10. История подготовки магистерской диссертации епископа Сергия (Голубцова) «Живописное и иконописное направления в церковной живописи и их онтологическая оценка» // Богословский вестник. 2015. Т. 16–17. № 1–2. С. 214–237.

11. Епископ Сергий (Голубцов). Средства выражения византийского стиля по отношению к реалистическому направлению в церковной живописи / Публ. игум. Андроника (Трубачева) // Богословский вестник. 2015. Т. 16–17. № 1–2. С. 333–353.

12. Переписка епископа Феодора (Поздеевского) и архиепископа Никона (Рождественского) со священником Павлом Флоренским. Часть. 2. Письма 35–51 (1 августа 1916 г. – 23 ноября 1918 г.) / Публ. игум. Андроника (Трубачева), иером. Зосимы (Давыдова) и свящ. Александра Дубинина // Богословский вестник. 2015. Т. 16–17. № 1–2. С. 354–381.

13. Епископ Сергий (Голубцов). Выражение литургической жизни Православной Церкви в храмовой архитектуре (12 сентября 1961 г.) / Публ. игум. Андроника (Трубачева) // Богословский вестник. 2015. Т. 18–19. № 3–4. С. 445–465.

14. Иерей Павел Флоренский. Предисловие к изданию серии святых отцов (1913) / Публ. С. Л. Кравца и игум. Андроника (Трубачева) // Богословский вестник. 2015. Т. 18–19. № 3–4. С. 437–441.

15. Иерей Павел Флоренский. О стиле, языке и словах / Публ. игум. Андроника (Трубачева) и С. Л. Кравца // Богословский вестник. 2015. Т. 18–19. № 3–4. С. 442–444 (в соавторстве).

16. Епископ Сергий (Голубцов). Изучение путей к упрочнению и уставности литургической жизни всей Православной Церкви, переданной через церковное Предание и находящей своё выражение в иконописи и церковной архитектуре / Публ. игум. Андроника (Трубачева) // Богословский вестник. 2016. Т. 20–21. № 1–2. С. 376–414.

17. Епископ Сергий (Голубцов). Живописное и иконописное направления в церковной живописи и их онтологическая оценка / Публ. игум. Андроника (Трубачева) // Богословский вестник. 2016. Т. 22–23. № 3–4. С. 454–478.

18. Епископ Сергий (Голубцов). Живописное и иконописное направления в церковной живописи и их онтологическая оценка. Часть II / Публ. игум. Андроника (Трубачева) // Богословский вестник. 2017. Т. 24–25. № 1–2. С. 629–675.

Публикации в иных периодических изданиях

1. К 100-летию со дня рождения священника Павла Флоренского (1882–1943) // Богословские труды. М., 1982. № 23. С. 264–279.

2. Указатель печатных трудов священника Павла Флоренского // Богословские труды. М., 1982. № 23. С. 280–309.

3. Предисловие [к статье П. А. Флоренского «Макрокосм и микрокосм»] // Богословские труды. М., 1983. № 24. С. 230–232.

4. Священник Павел Флоренский – профессор Московской духовной академии [Библ. 74] // Богословские труды. М., 1986. Сб. МДА. С. 226–246.

5. Предисловие [к публикации статьи П. А. Флоренского «Эмпирия и Эмпирия»] // Богословские труды. М., 1986. № 27. С. 294–295.

6. Свящ. Павел Флоренский – профессор МДА и редактор «Богословского вестника» // Богословские труды. М., 1986. Юбилейный сборник к 300-летию МДА. С. 226–246; 1987. Сб. 28. С. 290–314;

7. Священник Павел Флоренский – профессор МДА и редактор «Богословского вестника» [Библ. 105] // Богословские труды. М., 1987. № 28. С. 290–315.

8. Павел Александрович Флоренский // Литературная газета. 1988. 30 ноября (№ 48). С. 5 (в соавторстве с П. В. Флоренским).

9. [Предисловие к публикации: П. А. Флоренский «Воспоминания»] // Литературная учёба. М., 1988. № 2. С. 144–147.

10. Московский кружок / публ. из семейного архива Флоренских // Литературный Иркутск. 1988. Декабрь. С. 8.

11. Земной и небесный путь // Литературная Россия. 1989. № 21. С. 21–22.

12. Предисловие к статье «Гамлет» // Литературная учёба. 1989. № 5. С. 135–137.

13. «Столп и утверждение Истины» // Памятные книжные даты. М., 1989. С. 56–60.
14. Предисловие к публикации: Переписка князя Е. Н. Трубецкого и священника Павла Флоренского (совм. с С. М. Половинкиным) // Вопросы философии. 1989. № 12. С. 99–129.
15. Русская духовность в жизни преподобного Сергия и его учеников // Богословские труды. М., 1989. № 29. С. 225–253.
16. От легенд – к фактам: версии и факты гибели П. Флоренского // Литературная газета. 1990. № 5. С. 7.
17. Мыслитель, священник, учёный // Спутник. Дайджест советской прессы. 1990. № 6 (в соавторстве с П. В. Флоренским).
18. К истории отношений с Андреем Белым // Контекст: Литературно-теоретические исследования. 1991. Т. 1991. С. 3–22 (в соавторстве).
19. О судьбе России [Предисловие к публикации трактата П. А. Флоренского «Предполагаемое государственное устройство России в будущем»] // Литературная учеба. 1991. № 3. С. 95–96.
20. Предисловие к публикации статей свящ. Павла Флоренского // Европейский альманах. 1994: История. Традиции. Культура. М.: Наука, 1995. С. 25–30.
21. Христианский ответ на проблему человеческих страданий // Путь Православия. М., 1995. № 4. С. 29–35.
22. Духовная школа и воспитание пастыря // Путь Православия. М., 1997. № 5. С. 25–38.
23. Святоотеческое толкование библейского понятия «печать антихриста» // Встреча. 2001. № 1 (14). С. 43–47.
24. Музей Павла Флоренского открыт не в Сергиевом Посаде // Вперед. Сергиев Посад, 2004. 21 декабря. С. 4.
25. Житие свящ. мученика протоиерея Зосимы Трубачева // Ныне и присно. 2006. № 3–4. С. 21–37.
26. Диакон Сергей Трубачев // Ныне и присно. 2006. № 3–4. С. 51–53.
27. Родословие свящ. Павла Флоренского как источник его священнического и научного служения Церкви // Ныне и присно. 2006. № 3–4. С. 78–82.
28. Таинство священства в судьбе о. Павла Флоренского // Ныне и присно. 2006. № 3–4. С. 91–128.
29. Свящ. Павел Флоренский. Мысли о преподавании агиологии и о классическом образовании // Богословский вестник. 2006. Т. 5–6. С. 463–474.
30. Гимнографическая деятельность Русской Православной Церкви после восстановления патриаршества (1917–1988) // Альфа и Омега. 2007. № 2 (49). С. 285–302.
31. Четыре выставки – четыре взгляда // Встреча. Студенческий православный журнал МДА. 2007. № 2 (25). С. 51–52.
32. «Я вам пишу, как на исповеди...» Переписка священника Павла Флоренского и епископа Антония (Флоренсова) / Публ. игум. Андроника (Трубачёва) и иером. Макария (Чусова) // Духовный собеседник: журнал Самарской епархии РПЦ. 2007. № 2. «Сад Флоренского» [Номер посвящён П. А. Флоренскому]. С. 70–130.
33. Дружба, пронесённая чрез всю жизнь [Предисловие к публ.: Переписка 1895–1908 гг. между А. В. Ельчаниновым и П. А. Флоренским] // Вестник ПСТГУ. Серия I. Богословие. Философия. 2010. Вып. 1 (29). С. 97–98.
34. Павел Флоренский – архимандрит Серапион (Машкин). Вместо предисловия // Символ. 2016. № 68/69. С. 4–10.

Публикации в неперидических изданиях

1. Предисловие // Флоренский П., свящ. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. М., 1992. С. 7–22.
2. Книга «Имена» священника Павла Флоренского: историковедаческий обзор // Священник Павел Флоренский. Имена. Кострома, 1993.
3. Жизнь и судьба // Флоренский П., свящ. Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1994. С. 3–36.
4. От издателей // Собрание писем святителя Игнатия Брянчанинова, епископа Кавказского и Черноморского. М.; СПб., 1995. С. 11–13.
5. Священник Павел Флоренский [Предисловие к книге] // Флоренский П. А. Иконоста. М.: Искусство, 1995. С. 5–19 (в соавторстве с П. В. Флоренским).
6. П. А. Флоренский. Жизненный путь // П. А. Флоренский и культура его времени. P. A. Florenskij e la cultura della sua epoca. – Marburg: Blau Hörner, 1995. S. 1–5.
7. Флоренский Павел Александрович // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 553–559 (в соавторстве с С. М. Половинкиным).
8. Основные черты личности, жизнь и творчество священника Павла Флоренского // П. А. Флоренский: Pro et contra: личность и творчество Павла Флоренского в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / сост., авт. предисл., авт. примеч. К. Г. Исупов. СПб.: РХГИ, 1996. С. 491–506.
9. О творческом пути священника Павла Флоренского // П. А. Флоренский: Pro et contra: Личность и творчество Павла Флоренского в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / сост., авт. предисл., авт. примеч. К. Г. Исупов. СПб.: РХГИ, 1996. С. 507–524.
10. «Покров Пресвятой Богородицы над Россией». Хронологический список явлений Пресвятой Богородицы и Ее прославления в знамениях, чудесах и иконах Русской Православной Церкви (1240–1448) [Приложение 2] // Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 3. История Русской Церкви в период постепенного перехода её к самостоятельности (1240–1589). М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. С. 618–623.
11. «Святая Русь». Хронологический список канонизированных святых, почитаемых подвижников благочестия и мучеников Русской Православной Церкви (сер. XIII – сер. XV в.) [Приложение 2] // Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 3. История Русской Церкви в период постепенного перехода её к самостоятельности (1240–1589). М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. С. 624–638.
12. Святая Русь: Хронологический список канонизированных святых, почитаемых подвижников благочестия и мучеников Русской Православной Церкви (1917–1997) // Цыпин В., прот. История Русской Церкви. Книга девятая: 1917–1997. М., 1997. С. 674–687 (совм. с иером. Дамаскиным (Орловским)).
13. Научно-техническая, изобретательская и общественная деятельность П. А. Флоренского в 1929–1933 гг. // П. А. Флоренский. Арест и гибель. Уфа: Градо-Уфимская Богородская церковь, 1997. 254 с.
14. Архиепископ Сергей (Голубцов) // Голубцов С., протодиакон. Сплоченные Верой, Надеждой, Любовью и Родом. М.: Мартис, 1999. С. 112–143 (в соавторстве с протодиаконом Сергием Голубцовым).

15. Афонский спор об Имени Божиим и его последующая судьба // Православное богословие на пороге третьего тысячелетия. Богословская конференция. М., 2000. С. 261–270.
16. «Конкретная метафизика» П. А. Флоренского (раздел IX, гл. II) // История русской философии: Учеб. для вузов / Редкол.: М. А. Маслин и др. М.: Республика, 2001. С. 427–434.
17. Мариинское убежище сестер милосердия Красного Креста «У Троицы Сергия» в судьбе о. Павла Флоренского // Незавершённая энтелехийность: отец Павел Флоренский, Василий Розанов в современной рефлексии. Кострома, 2003. С. 5–25.
18. Флоренский Павел Александрович // Русская философия: Энциклопедия / под общ. ред. М. А. Маслина. М.: Алгоритм, 2007. С. 659–661.
19. Флоренский Павел Александрович // Розановская энциклопедия / сост. и гл. ред. А. Н. Николюкин. М., 2008. С. 1079–1099 (в соавторстве с С. М. Половинкиным).
20. «Философия культа» священника Павла Флоренского // Православное учение о церковных таинствах: V Международная богословская конференция Русской Православной Церкви (Москва, 13–16 ноября 2007 г.). Т. 3: Брак. Покаяние. Елеосвящение. Таинства и тайнодействия. М.: Синодальная библейско-богословская комиссия, 2009. С. 495–510.
21. Воспоминания о митрополите Питириме // Преданный служитель Церкви: О церковной и общественной деятельности митрополита Питирима (Нечаева): Сборник трудов и воспоминаний / Фонд «Наследие митрополита Питирима»; сост.: Н. Балабанова, Е. Полищук. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2009. С. 62–76.
22. Обзор следственного дела священника Павла Флоренского 1933 года // Священник Павел Флоренский. Предполагаемое государственное устройство в будущем: Сб. архив. материалов и статей / сост. игум. Андроник (Трубачёв). М.: Изд. Дом «Городец», 2009. С. 48–80.
23. У водоразделов мысли / Новая философская энциклопедия в 4-х т. / Предс. науч.-ред. совета В. С. Степин. Т. 4. М.: Мысль, 2010. С. 124–125 (совм. с С. М. Половинкиным).
24. История создания книги «Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах священника Павла Флоренского» // Павел Флоренский, свящ. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Академический проект; Гуадеамус, 2012. С. 816–894.
25. История создания священником Павлом Флоренским цикла «Философия культа» // Философия, богословие и наука как опыт цельного знания: Сб. ст. по итогам юбил. конф., посвящ. П. А. Флоренскому (1882–1937), МГУ–МДА, 2007 / под ред. О. М. Седых. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 266–280.
26. Священник Павел Флоренский и А. Ф. Лосев (история личных и творческих взаимоотношений) // Философия, богословие и наука как опыт цельного знания: Сб. ст. по итогам юбил. конф., посвящ. П. А. Флоренскому (1882–1937), МГУ–МДА, 2007 / под ред. О. М. Седых. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 228–239.
27. Основные направления творческого наследия священника Павла Флоренского // Павел Александрович Флоренский / под ред. А. Н. Паршина, О. М. Седых. М.: РОССПЭН, 2013. С. 29–47 (в соавторстве с С. М. Половинкиным).
28. История создания цикла «У водоразделов мысли» // Павел Флоренский, свящ. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). М.: Академический проект, 2013. С. 7–26.
29. История создания цикла «Философия культа (Опыт православной антропологии)» // Флоренский Павел, священник. Философия культа. М.: Академический проект, 2014. С. 5–24.

30. Отец Павел Флоренский в Троице-Сергиевой Лавре на рубеже эпох // Троице-Сергиева Лавра и Россия: Сборник статей и исследований, посвящ. Троице-Сергиевой Лавре и её святыням. М.: Фонд сохранения духовно-нравственной культуры «Покров»; Сергиев Посад: Изд-во МДА, 2014. С. 7–100.

31. Дневниковые записи священника Павла Флоренского / Подгот. текста игум. Андроника (Трубачёва), вступ. статья и коммент. Н. Н. Павлюченкова // «Философствовать в религии: материалы конференции, посвящённой столетию выхода книги “Столп и утверждение Истины” о. Павла Флоренского». М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. С. 140–176.

32. История создания цикла «У водоразделов мысли» // Флоренский Павел, священник. У водоразделов мысли. Т. 1. М.: Академический проект, 2017. С. 7–28.

33. Из истории создания книги «Столп и утверждение Истины» // Свящ. Павел Флоренский. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. 2-е изд. М.: Академический проект, 2017. С. 816–894.

34. Предисловие // Флоренский Павел, священник. Из моей жизни. М.: Академический проект; Гуадеамус, 2018. С. 7–12.

Монографии

1. Преподобный Амвросий Оптинский. Жизнь и творения. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1993. 224 с.
2. Теодицея и антропидея в творчестве священника Павла Флоренского. Томск: Водолей, 1998. 191 с.
3. «Обо мне не печальтесь...» Жизнеописание священника Павла Флоренского. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2007. 152 с.
4. Закрытие Троице-Сергиевой Лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918–1946 гг. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2008. 432 с.
5. Епископ Антоний (Флоренсов), старец Московского Донского монастыря. Сергиев Посад: Издательство МДА, 2019. 704 с.
6. Биобиблиографический справочник. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского. Фонд науки и православной культуры священника Павла Флоренского. Сергиев Посад, 2015. 1055 с.
7. Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского. Книга 1. М.: Издательский Дом «Городец», 2012. 672 с.
8. Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского. Книга 2. Фонд науки и православной культуры священника Павла Флоренского, 2015. 955 с.
9. Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского. Книга 3. Фонд науки и православной культуры священника Павла Флоренского, 2015. 512 с.
10. Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского. Книга 4. Фонд науки и православной культуры священника Павла Флоренского. Издательский дом «Городец», 2016. 512 с.
11. Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского. Книга 5. Фонд науки и православной культуры священника Павла Флоренского, 2018. 544 с.
12. Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского. Книга 6. Сергиев Посад: Фонд науки и православной культуры священника Павла Флоренского; СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2020. 752 с.

Иные работы

1. Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры (1918–1925): Обзор архивных материалов. М., 1975 (дипломная работа).
2. Священник Павел Флоренский. Личная жизнь. Творчество. Загорск, 1984 (кандидатская диссертация).
3. Воспоминания об архимандрите Сергии (Озерове). [Сергиев Посад], 1987. Машинопись [Упоминание: *Иннокентий (Ерохин), игумен*. История Уссурийского Свято-Троицкого Николаевского мужского монастыря // ЖМП. 2006. № 2. С. 69–82. Об архим. Сергии (Озерове) см.: *Трубачев Сергей, диакон*. Отцы Сергей и Герман // Русский Паломник. 1997. № 16. С. 107–121].
4. Помянник насельников Уссурийских обителей – Свято-Троицкого монастыря и Рождество-Богородицкой обители. [Сергиев Посад], 1994. Рукопись [Упоминание: *Иннокентий (Ерохин), игумен*. История Уссурийского Свято-Троицкого Николаевского мужского монастыря // ЖМП. 2006. № 2. С. 69–82].

Составление и подготовка к публикации

1. *Священник Павел Флоренский*¹²⁷. Из богословского наследия / Подг. к изд. по рукописи А. С. Трубачёвым // Богословские труды. Издание Московской Патриархии. М., 1977. Сб. 17. С. 87–248.
2. Настольная книга священнослужителя. Т. 2: Месяцеслов (Сентябрь–Февраль). Приложения. М.: Издание Московской Патриархии, 1978. 800 с.
3. Настольная книга священнослужителя Т. 3: Месяцеслов (Март–Август). Приложения. М.: Издание Московской Патриархии, 1979. 800 с.
4. Миняя – Сентябрь. М.: Издание Московской Патриархии, 1978. 800 с.
5. Миняя – Октябрь. М.: Издание Московской Патриархии, 1980. 840 с.
6. Миняя – Ноябрь. М.: Издание Московской Патриархии, 1980. Ч. 1. 440 с.
7. Миняя – Ноябрь. М.: Издание Московской Патриархии, 1981. Ч. 2. 544 с.
8. Миняя – Декабрь. М.: Издание Московской Патриархии, 1982. Ч. 1. 576 с.
9. Миняя – Декабрь. М.: Издание Московской Патриархии, 1982. Ч. 2. 504 с.
10. Миняя – Январь. М.: Издание Московской Патриархии, 1983. Ч. 1. 592 с.
11. Миняя – Январь. М.: Издание Московской Патриархии, 1983. Ч. 2. 560 с.
12. Миняя – Февраль. М.: Издание Московской Патриархии, 1981. 776 с.
13. Миняя – Март. М.: Издание Московской Патриархии, 1984. Ч. 1. 422 с.
14. Миняя – Март. М.: Издание Московской Патриархии, 1984. Ч. 2. 400 с.
15. Миняя – Апрель. М.: Издание Московской Патриархии, 1985. Ч. 1. 310 с.
16. Миняя – Апрель. М.: Издание Московской Патриархии, 1985. Ч. 2. 367 с.
17. Миняя – Май. М.: Издание Московской Патриархии, 1987. Ч. 1. 487 с.

¹²⁷ О. Андроник специально обратил внимание на то, что данная работа издавалась с указанием в заглавии на священный сан о. П. Флоренского (возможно, это первый заголовок в советской России, где напротив фамилии Флоренского стояло: священник). Перед загл.: Священник Павел Флоренский (см. Указатель). *Андроник (Трубачёв), иеродиакон*. Указатель печатных трудов священника Павла Флоренского // Богословские труды, М., 1982. № 23. С. 308.

18. Миняя – Май. М.: Издание Московской Патриархии, 1987. Ч. 2. 440 с.;
19. Миняя – Май. М.: Издание Московской Патриархии, 1987. Ч. 3. 520 с.
20. Миняя – Июнь. М.: Издание Московской Патриархии, 1986. Ч. 1. 662 с.
21. Миняя – Июнь. М.: Издание Московской Патриархии, 1986. Ч. 2. 600 с.
22. Миняя – Июль. М.: Издание Московской Патриархии, 1988. Ч. 1. 592 с.
23. Миняя – Июль. М.: Издание Московской Патриархии, 1988. Ч. 2. 512 с.
24. Миняя – Июль. М.: Издание Московской Патриархии, 1988. Ч. 3. 416 с.
25. Миняя – Август. М.: Издание Московской Патриархии, 1989. Ч. 1. 448 с.
26. Миняя – Август. М.: Издание Московской Патриархии, 1989. Ч. 2. 432 с.
27. Миняя – Август. М.: Издание Московской Патриархии, 1989. Ч. 3. 384 с.
28. Возвращение забытых имён. Павел Флоренский. Каталог выставки / Сост. игум. Андроник (Трубачёв), М. С. Трубачёва, С. З. Трубачёв, П. В. Флоренский. М.: Советский фонд культуры, 1989. 44 с.
29. *Флоренский П. А.* Сочинения в 2 т. Т. 1 (в двух частях) / Сост. игум. Андроника (А. С. Трубачёва), М. С. Трубачёвой, П. В. Флоренского. Вступ. статья С. С. Хоружего, историогр. очерк игум. Андроника (А. С. Трубачёва). М.: Издательство «Правда», 1990. 839 с.
30. *Флоренский П. А.* Сочинения в 2 т. Т. 2 / Сост. игум. Андроника (А. С. Трубачёва), М. С. Трубачёвой, П. В. Флоренского. Вступ. статья С. С. Хоружего, историогр. статья игум. Андроника (А. С. Трубачёва). М.: Издательство «Правда», 1990. 447 с.
31. *Флоренский П., свящ.* Детям моим. Воспоминанья прошлых дней; Генеалогические исследования; Из соловецких писем; Завещание / Предисл. и коммент. игум. Андроника (А. С. Трубачёва). – М.: Московский рабочий, 1992. 559 с.
32. *Флоренский П., свящ.* Иконостас / Авт. вступ. статей игум. Андроник (Трубачёв) и др. М.: Искусство, 1995. 254 с.
33. *Флоренский П., свящ.* Сочинения в 4 т. Т. 1 / Сост. и общ. ред. игум. Андроника (А. С. Трубачёва), П. В. Флоренского, М. С. Трубачёвой. М.: Мысль, 1994. 797 с. (Философское наследие, том 122).
34. *Флоренский П., свящ.* Сочинения в 4 т. Т. 2 / Сост. и общ. ред. игум. Андроника (А. С. Трубачёва), П. В. Флоренского, М. С. Трубачёвой. М.: Мысль, 1996. 877 с. (Философское наследие, том 124).
35. *Флоренский П., свящ.* Сочинения в 4 т. Т. 3 (1) / Сост. игум. Андроника (А. С. Трубачёва), П. В. Флоренского, М. С. Трубачёвой; ред. игум. Андроник (А. С. Трубачёв). М.: Мысль, 2000. 621 с. (Философское наследие, том 128).
36. *Флоренский П., свящ.* Сочинения в 4 т. Т. 3 (2) / Сост. игум. Андроника (А. С. Трубачёва), П. В. Флоренского, М. С. Трубачёвой; ред. игум. Андроник (А. С. Трубачёв). М.: Мысль, 2000. 623 с. (Философское наследие, том 129).
37. *Флоренский П., свящ.* Сочинения в 4 т. Т. 4 Письма с Дальнего Востока и Соловков / Сост. и общ. ред. игум. Андроника (А. С. Трубачёва), П. В. Флоренского, М. С. Трубачёвой. М.: Мысль, 1998. 795 с. (Философское наследие, том 127).
38. *Флоренский П., свящ.* Собрание сочинений: Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / Составление и общая редакция игумена Андроника (А. С. Трубачёва). М.: Мысль, 2000. 446 с. (Философское наследие, том 131).
39. *Флоренский П., свящ.* Собрание сочинений: Философия культа (Опыт православной антропологии) / Составление и общая редакция игумена Андроника (А. С. Трубачёва). М.: Мысль, 2004. 685 с. (Философское наследие, том 133).

40. Переписка священника Павла Александровича Флоренского и Михаила Александровича Новосёлова / Под общ. ред. игум. Андроника (Трубачёва). Томск: Водолей, 1998. 288 с.

41. Переписка священника Павла Александровича Флоренского со священником Сергеем Николаевичем Булгаковым / Под общ. ред. игум. Андроника (Трубачёва). Томск: Водолей, 2001. 224 с.

42. *Флоренский П., свящ.* Автореферат; Троице-Сергиева Лавра и Россия; Иконостас; Имена. Метафизика имен в историческом освещении. Имя и личность; Предполагаемое государственное устройство в будущем [к 125-летию со дня рождения] / [Вступ. статья игум. Андроника (А. С. Трубачева); примеч. игум. Андроника (А. С. Трубачева) и др.]. М.: Мир книги, 2007. 463 с.

43. *Флоренский П., свящ.* Предполагаемое государственное устройство в будущем: Сборник архивных материалов и статей / Сост. игум. Андроник (Трубачёв). М.: Издательский Дом «Городец», 2009. 208 с.

44. *Флоренский П., свящ.* Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах / Под общ. ред. игум. Андроника (Трубачёва). М.: Академический проект, 2012. 862 с.

45. *Флоренский П., свящ.* Архимандрит Серапион Машкин (Жизнь мыслителя) / подгот., публ. текста примеч. игум. Андроника (А. С. Трубачева); пер. иноязычных слов и текстов И. А. Едошиной, И. Л. Карантеевой; сост. Именного укл. И. А. Едошина; отв. ред. И. А. Едошина. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. 271 с.

46. *Флоренский П., свящ.* У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). Т. 1 / Под общ. ред. [и вступ. статья] игум. Андроника (Трубачёва). М.: Академический проект, 2013. 684 с.

47. *Флоренский П., свящ.* У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). Т. 2 / Под общ. ред. игум. Андроника (Трубачёва). М.: Академический проект, 2013. 607 с.

48. *Флоренский П., свящ.* Философия культа (Опыт православной антропологии) / Под общ. ред. игум. Андроника (Трубачёва). Подг. архивных текстов игум. Андроника (Трубачёва) и др. М.: Академический проект, 2014. 685 с.

49. *Флоренский П., свящ.* Из истории античной философии / Под общ. ред. игум. Андроника (Трубачёва). М.: Академический проект, 2015. 524 с.

50. *Флоренский П., свящ.* Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. 2-е изд. / Под общ. ред. игум. Андроника (Трубачёва). М.: Академический проект, 2017. 905 с.

51. *Флоренский П., свящ.* У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). Т. 1 / Под общ. ред. игум. Андроника (Трубачёва). 2-е изд. М.: Академический проект, 2017. 684 с.

52. *Флоренский П., свящ.* У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). Т. 2 / Под общ. ред. игум. Андроника (Трубачёва). 2-е изд. М.: Академический проект, 2017. 607 с.

53. *Флоренский П., свящ.* История и философия искусства / Под общ. ред. игум. Андроника (Трубачёва). Подг. текста к изд., прим. игум. Андроник (Трубачёв) и др. М.: Академический проект, 2017. 623 с.

54. *Флоренский Павел, свящ.* Из моей жизни / Сост., общ. ред. и предисл. игум. Андроник (Трубачёв). Прим. игум. Андроник (Трубачёв) и др. М.: Академический проект, 2018. 729 с.

55. *Флоренский П. А.* Богословские труды: 1902–1909 / [Сост.: Н. Н. Павлюченков, игум. Андроник (Трубачёв); вступ. статья, комм. Н. Н. Павлюченкова]. М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. 624 с.

56. *Диакон Сергей Трубачёв.* Избранное. Статьи и исследования / Сост.: игум. Андроник (Трубачёв), Трубачева М. С., Никитина О. С. М.: Сретенский монастырь, 2018. 720 с.

57. *Флоренский П., свящ.* Богословские труды. 1908–1922. Учебно-педагогические материалы по истории философии / Сост. игум. Андроник (Трубачёв). Сергиев Посад: Фонд науки и православной культуры священника Павла Флоренского; СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2020. 476 с.

Выступления на конференциях и собраниях

1. Основные черты личности, жизнь и творчество священника Павла Флоренского // Конференция, посвящённая 100-летию со дня рождения священника Павла Флоренского, профессора МДА. Московская духовная академия, 22 февраля 1982 г.

2. О жизненном пути П. А. Флоренского. Богословские идеи П. А. Флоренского // Научное заседание, посвящённое жизни и творчеству П. А. Флоренского. Редакция журнала «Социологические исследования». Москва, 11 ноября 1987 г.

3. Основные черты мысли П. А. Флоренского // Круглый стол «Флоренский и наука» в Институте истории естествознания и техники АН СССР. Москва, 27 апреля 1988 г.

4. П. А. Флоренский как христианский мыслитель // «Жители нашего города – выдающиеся сыны Отечества». Лекционный вечер, посвящённый памяти П. А. Флоренского. Загорск, 19 мая 1988 г.

5. Национальный мыслитель // Торжественный вечер и открытие выставки «Возвращение забытых имён. Павел Флоренский» в Центральном доме литераторов. Москва, 22 января 1989 г.

6. Флоренский и литературное творчество // Лекционный вечер, посвящённый творчеству П. А. Флоренского, в малом зале Центрального дома литераторов. Москва, 17 февраля 1989 г.

7. Священник Павел Флоренский и Оптина пустынь // Всесоюзная научная конференция «П. А. Флоренский: философия, наука, техника». Ленинградский отдел Института истории естествознания и техники АН СССР. Ленинград, 31 мая 1989 г.

8. Флоренский и имяславие // Научная конференция «П. А. Флоренский и теория смыслов». Институт мировой литературы АН СССР им. А. М. Горького. Москва, 2–3 октября 1989 г.

9. Встреча игум. Андроника (Трубачёва) с учащимися 9–10-х классов, посвящённая П. А. Флоренскому. Дом учёных НИИ «Радон». Загорск, 30 ноября 1989 г.

10. Малоизвестные факты жизни и творчества Флоренского // Лекционный вечер, посвящённый П. А. Флоренскому. Московское общество художников. Москва, 13 декабря 1989 г.

11. Священник Павел Флоренский: жизнь и творчество // Открытие выставки «Раиса и Павел Флоренские во ВХУТЕМАСе и “Маковце”». Зеленоград, 15 декабря 1989 г.

12. Отец Павел Флоренский о России // Тематический семинар-выставка «П. А. Флоренский и московские славянофилы начала XX века». Гос. историко-художественный и литературный музей-заповедник «Абрамцево», 28 декабря 1989 г.

13. Духовные истоки культуры // Лекционно-концертный вечер и выставка на тему «Павел Флоренский и художественная культура XX века». Центральный дом художника Союза художников СССР. Москва, 24 января 1990 г.

14. Флоренский – философ // Лекторий Загорской городской организации общества «Знание», 16 марта 1990 г.

15. Отец Павел Флоренский в родственном окружении // II Всесоюзная научная конференция «Генеалогия: проблемы, задачи, перспективы». Санкт-Петербург, 29 сентября 1992 г.
16. Из дневниковых записей отца Павла 1921 г. (при каких духовных обстоятельствах отец Павел начал работать в Главэлектро) // Религиозно-философские и историко-культурные чтения «Памяти отца Павла Флоренского». Сергиев Посад, 24 января 1993 г.
17. Об издании сочинений П. А. Флоренского // Пятые чтения ИМЛИ памяти священника Павла Флоренского. Москва, 2 декабря 1993 г.
18. Музей священника Павла Флоренского в Сергиевом Посаде и Москве // Чтения, посвященные дню памяти священника Павла Флоренского. Сергиев Посад, 8 декабря 1994 г.
19. Мариинское убежище сестёр милосердия Красного Креста в Сергиевом Посаде // День памяти священника Павла Флоренского в Сергиевом Посаде. Библиотека им. В. В. Розанова. Сергиев Посад, 8 декабря 1995 г.
20. Основные проблемы изучения жизни и творчества священника Павла Флоренского // Международная межвузовская конференция «П. А. Флоренский и наука XX века». Москва, 22–24 января 1996 г.
21. Отчёт о деятельности за 1996 год // День памяти священника Павла Флоренского в Музее священника Павла Флоренского. Москва, 8 декабря 1996 г.
22. Расформирование Комиссии по охране Лавры // Первые гимназические чтения им. П. А. Флоренского, посвященные 80-летию юбилею Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев Посад, 30 сентября 1998 г.
23. Священник Павел Флоренский и имяславческое движение нач. 1920-х гг. // Международная научная конференция «Лосевские чтения. Образ мира – структура и целое». МГУ, 19–23 октября 1998 г.
24. Священник Павел Флоренский и еврейский вопрос // День памяти священника Павла Флоренского в Музее священника Павла Флоренского. Москва, 8 декабря 1999 г.
25. Завражье – родина предков священника Павла Флоренского и А. А. Тарковского // VIII Международные Рождественские образовательные чтения. Москва, 26 января 2000 г.
26. Александр Иванович Флоренский // Первые костромские чтения, посвященные П. А. Флоренскому, «Крестный путь священника Павла Флоренского». Кострома, 18–19 сентября 2000 г.
27. Жизненный путь протоиерея Зосимы Трубочёва // День памяти священника Павла Флоренского в Музее священника Павла Флоренского. Москва, 8 декабря 2000 г.
28. Воспоминания // Рождественские нижегородские православно-философские чтения «Церковь и общество на пороге третьего тысячелетия». Нижний Новгород, январь 2001 г.
29. Священник Павел Флоренский и С. Н. Булгаков // Конференция «С. Н. Булгаков. Религиозно-философский путь. К 130-летию со дня рождения». Москва, 5–7 марта 2001 г.
30. История создания цикла антроподицеи. Философия культа // Вторые костромские чтения, посвященные П. А. Флоренскому – V Всероссийская научно-практическая конференция «Антиномии отца Павла Флоренского». Кострома, 19–21 октября 2001 г.
31. Церковное служение священника Павла Флоренского в 1920-е гг. // День памяти священника Павла Флоренского в Музее священника Павла Флоренского. Москва, 8 декабря 2001 г.
32. Отец Павел Флоренский в 1920-е гг. // Научная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения П. А. Флоренского. «Отец Павел Флоренский». Институт истории естествознания и техники РАН. Москва, 13–14 марта 2002 г.

33. Вечер в Музее священника Павла Флоренского, посвященный 50-летию со дня рождения игумена Андроника (Трубочёва), исследователя творчества Павла Флоренского.
34. Мариинская обитель сестёр милосердия в Сергиевом Посаде // Первые Всероссийские Бахрушинские чтения, посвященные 100-летию основания храма Живоначальной Троицы приюта Бахрушиных. Москва, 17 октября 2003 г.
35. Последствия Нижегородской ссылки отца Павла Флоренского // Четвёртые костромские чтения, посвященные П. А. Флоренскому – Всероссийская научная конференция «Философско-религиозные искания русской культуры и наследие отца Павла Флоренского». Кострома, 30–31 октября 2003 г.
36. Путь мученичества о. Павла Флоренского // XIV Ежегодная богословская конференция ПСТБИ «История Русской Православной Церкви XX в.». Москва, 22 января 2004 г.
37. Исповеднический подвиг священника Павла Флоренского в 1920-е – нач. 1930-х гг. // XII Международные Рождественские образовательные чтения «Подвиг новомучеников и исповедников Российских и духовное возрождение Отечества». Москва, 24–31 января 2004 г.
38. О встрече П. А. Флоренского с иеромонахом Даниилом (Болотовым) в скиту Оптиной пустыни // Вечер в Музее священника Павла Флоренского на тему: «Оптинский иеромонах Даниил (Болотов)». Москва, 20 апреля 2004 г.
39. Генеалогические корни священника Павла Флоренского как источник его священнического и научного служения // Пятые костромские чтения, посвященные П. А. Флоренскому – Всероссийская научная конференция «Проблемы осмысления творчества отца Павла Флоренского и духовные искания русской культуры». Кострома, 29–30 октября 2004 г.
40. Церковное служение священника Павла Флоренского в 1920-е гг. О музее православной культуры // XIII Международные Рождественские образовательные чтения. Москва, 27 января 2005 г.
41. Священник Павел Флоренский об Израиле и евреях // Международная конференция «На пути к синтетическому единству европейской культуры: философско-богословское наследие П. А. Флоренского и современность». Москва, 30 сентября 2005 г. [Доклад не вошёл в издание материалов конференции]¹²⁸.
42. Опыт сопоставления толкований 13 и 17 глав Откровения апостола и евангелиста Иоанна Богослова // Богословская конференция Русской Православной Церкви «Эсхатологическое учение Церкви». Москва, 14–17 ноября 2005 г. <https://www.sedmitza.ru/text/403776.html>
43. Священник Павел Флоренский и так называемый еврейский вопрос // Седьмые костромские чтения, посвященные П. А. Флоренскому – Всероссийские чтения к 125-летию со дня рождения священника Павла Флоренского «Текст и смыслы». Кострома, 20–21 октября 2006 г.
44. Сообщение об открытии выставки в МДА и программе юбилейного года // День памяти священника Павла Флоренского в Музее священника Павла Флоренского. Москва, 8 декабря 2006 г.
45. Издание трудов П. А. Флоренского // Тематический вечер «Нет, нельзя жить без Бога» (в рамках семинара библиотечных работников Сергиево-Посадского района к 125-летию со дня рождения священника Павла Флоренского). Центральная районная библиотека им. В. В. Розанова. Сергиев Посад, 23 января 2007 г.

¹²⁸ См.: Андроник (Трубочёв), игумен. Библиографический справочник. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского. Сергиев Посад, 2015. С. 542.

46. Философия культа о. Павла Флоренского // XV Международные Рождественские образовательные чтения. Семинар «Тема таинств в религиозно-философской мысли». Москва, 30 января 2007 г.

47. Беседа в Сергиево-Посадской гимназии имени преподобного Сергия на тему «Священник Павел Флоренский в Сергиевом Посаде». Сергиев Посад, середина февраля 2007 г.

48. Лекция о жизни и творчестве священника Павла Флоренского в сергиево-посадском образовательном центре «Нива». Сергиев Посад, март 2007 г.

49. Священник Павел Флоренский и Алексей Фёдорович Лосев // Юбилейная научная конференция, посвящённая 125-летию со дня рождения и 70-летию со дня мученической кончины священника Павла Флоренского (1882–1937). Московский государственный университет, 18 апреля 2007 г.

50. П. А. Флоренский и А. В. Ельчанинов // Научная конференция «Творческое наследие о. Павла Флоренского и философия русского зарубежья». Институт философии РАН. Москва, 3 октября 2007 г.

51. Курсы лекций по истории философии П. А. Флоренского в МДА // Международная научная конференция «П. А. Флоренский и русская культура. К 125-летию со дня рождения мыслителя». Российский гос. университет им. И. Канта. Калининград, 9–12 октября 2007 г.

52. Супруга священника Павла Флоренского А. М. Гиацинтова // Восьмые костромские чтения, посвящённые П. А. Флоренскому – Международная научная конференция «Наследие священника Павла Флоренского и музейное дело в России», посвящённая 70-летию со времени его кончины. Кострома, 24 октября 2007 г.

53. «Философия культа» священника Павла Флоренского // V Международная богословская конференция Русской Православной Церкви «Православное учение о церковных таинствах». Москва, 13–16 ноября 2007 г.

54. Выступление на семинаре «Проблемы исследования жизни и творчества священника Павла Флоренского» в Библиотеке истории русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева». Москва, 6 декабря 2007 г.

55. О проведении юбилейного года // День памяти священника Павла Флоренского в Музее священника Павла Флоренского. Москва, 9 декабря 2007 г.

56. [Доклад об истории развития агиологии] // Научно-богословская конференция в рамках секции «Агиология: проблемы и задачи» XVI Международных Рождественских образовательных чтений. Москва, Новоспасский монастырь, 31 января 2008 г. <http://www.patriarchia.ru/db/text/359288.html>

57. Почитание рода как основа создания родовых музеев // Московский международный музейный форум «Род. Семья. Отечество». Москва, Музей истории Москвы, 23 октября 2008 г.

58. Родословная о. Павла как источник противоречивости его личности и жизни // Московский международный музейный форум «Род. Семья. Отечество». Москва, Храм Христа Спасителя, 23 октября 2008 г.

59. Семья А. И. Флоренского // Девятые чтения, посвящённые священнику П. А. Флоренскому – Международная научная конференция «Проблемы культурфилософии в трудах священника Павла Флоренского». Кострома, 24–25 октября 2008 г.

60. Патристическое наследие преподобного Серафима Саровского // Конференция Московской духовной академии, приуроченная к памяти святителя Филарета, митрополита Московского; «Русская патрология», 2 декабря 2008 г. <https://old.mpda.ru/news/text/44858.html>

61. Проблематика музеефикации наследия священника П. А. Флоренского // Десятые чтения, посвящённые священнику П. А. Флоренскому – Международная научная конференция «Лингвокультурология священника Павла Флоренского». Кострома, 16–17 октября 2009 г.

62. Священник Павел Флоренский и С. Н. Дурылин // День памяти священника Павла Флоренского в Музее священника Павла Флоренского. Москва, 11 декабря 2009 г.

63. Иерархия бытия и святые места // Одиннадцатые костромские чтения, посвящённые священнику П. А. Флоренскому – Международная научная конференция «ПроPILEИ на Волге – 2010: Костромская земля в отечественной культуре». Кострома, 15–16 мая 2010 г.

64. Священник Павел Флоренский и Л. Н. Толстой // «100-летие смерти Л. Н. Толстого». Вечер в Музее священника Павла Флоренского, посвящённый его дню рождения. Москва, 22 января 2011 г.

65. «Записные книжки» священника Павла Флоренского // Двенадцатые костромские чтения, посвящённые священнику П. А. Флоренскому – Международная научная конференция «ПроPILEИ на Волге – 2011: Мотив изгнания и возвращения в русской культуре». Кострома, 20–21 мая 2011 г.

66. Неосуществлённый замысел книги священника Павла Флоренского «Архимандрит Серапион Машкин. (Духовный портрет)» в издательстве «Путь» // VI Чтения Общества историков русской философии им. В. В. Зеньковского – Международная конференция «Книгоиздательство “Путь” и русская философия Серебряного века: поиски, открытия, уроки». Москва, 14 октября 2011 г.

67. Презентация книги «Столп и утверждение Истины» (М., 2012) // День памяти священника Павла Флоренского в Музее священника Павла Флоренского. Москва, 9 декабря 2011 г.

68. Презентация книги *Флоренский П. А.* «Архимандрит Серапион Машкин» // ПроPILEИ на Волге: имена и тексты. Всероссийская научная конференция, посвящённая 130-летию со дня рождения, 75-летию со дня мученической кончины священника П. А. Флоренского, 100-летию «Уединённого» В. В. Розанова. Кострома, 18–20 мая 2012 г.

69. Презентация книги «Путь к Богу» М., 2012 // Международная научная конференция «ПроPILEИ на Волге–2013: Кавказ и русская культура», посвящённая творчеству В. В. Розанова и священника Павла Флоренского. Кострома, 24–25 мая 2013 г.

70. Вручение игумену Андронику литературной премии «Золотой витязь» в номинации «Публицистика» за книгу «Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского» (М., 2012). Суздаль, 27 ноября 2013 г.

71. К 100-летию издания книги «Столп и утверждение Истины» // День памяти священника Павла Флоренского в Музее священника Павла Флоренского. Москва, 5 декабря 2013 г.

72. Дневниковые записи П. А. Флоренского // День рождения священника Павла Флоренского в Музее священника Павла Флоренского. Москва, 22 января 2014 г.

73. Священник Павел Флоренский в Троице-Сергиевой Лавре на рубеже эпох // Научный семинар, посвящённый 700-летию преподобного Сергия Радонежского. МДА, Сергиев Посад, 6–7 мая 2014 г.

Игумен Андроник – руководитель семинара <https://old.mpda.ru/news/text/2337438.html>

74. Личностные истоки «Столпа...» // Ежегодная богословская конференция ПСТГУ «Философствовать в религии: к столетию выхода книги “Столп и утверждение Истины” о. Павла Флоренского». Москва, 28 ноября 2014 г.

75. О Музее священника Павла Флоренского в Москве // Конференция «Христианский музей в современном мире». МДА, 15 декабря 2014 г.

Проповеди

1. Аудиозаписи 8 проповедей игум. Андроника: <https://azbyka.ru/propovedi/propovedi-igumena-andronika-trubacheva-v-audio.shtml>
2. Проповедь на праздник Успения Пресвятой Богородицы // Сайт Свято-Троицкой Сергиевой Лавры (дата размещения 28 августа 2020 г.) <https://stsl.ru/news/all/vozneshenie-otkrylo-ee-slavu-igumen-andronik-trubachev>

Интервью

1. *Королев П.* «Нити богослужения прядутся нелегко». Интервью с игум. Андроником (Трубачёвым) // Журнал «Встреча». 2006. № 1 (22). С. 6–8.
2. *Гончарова Т.* «Гений места не покинет нас». Беседа с игум. Андроником (Трубачёвым) // Губернский дом. Кострома, 2007. № 3–4. С. 52–55, 114–115.
3. Программа «Наше всё» на радио «Эхо Москвы», посвящённая священнику Павлу Флоренскому, 22 февраля 2009 г. Ведущий – Евгений Киселёв.
4. *Пуцаев Ю. В.* «Творчество отца Павла Флоренского было укоренено в Православии». Интервью с игум. Андроником (Трубачёвым), 17.12.2012 // <http://www.patriarchia.ru/db/text/2656693.html>
5. *Великанов П., прот.* Интервью с игум. Андроником (Трубачёвым) // Программа «Лица академии». Выпуск 9, 2015 г. // <https://www.youtube.com/watch?v=YxZNq-dCBU8>

Материалы к биографии игумена Андроника (Трубачёва)

1. Андроник [Трубачёв Александр Сергеевич], игумен. Православная энциклопедия Т. 2. М., 2001. С. 416.
2. Брагин В. И. Музей-квартира священника Павла Флоренского: история создания. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2008. 240 с.
3. Об истории создания чинопоследования праздника Крещения Руси и издании соединённой «Службы Господу Богу нашему, в Троице славимому, в память Крещения Руси, и святому равноапостолу, великому князю Владимиру» // Официальный сайт Московского Патриархата, 09.07.2013 // <http://www.patriarchia.ru/db/text/3089043.html>
4. Презентация книг игумена Андроника (Трубачева) «Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского» 25.11.2015 г. // <https://www.youtube.com/watch?v=DRjnJdX08Ps>
5. Указатель публикаций игум. Андроника в Журнале Московской Патриархии 1980–1990-е гг. // Сайт «Научно-исследовательский вычислительный центр МГУ им. М. В. Ломоносова» // http://www-old.srcc.msu.ru/bib_roc/bib/ItemsA97.htm#39812
6. Биография о. Андроника, размещённая на обложке издания *Андроник (Трубачёв), игумен. Путь к Богу.* Сергиев Посад, 2020.
7. «Преставился ко Господу игумен Андроник (Трубачёв)» [Некролог] // Официальный сайт Московского Патриархата 05.04.2021 // <http://www.patriarchia.ru/db/text/5794934.html>
8. «8 апреля в Сергиевом Посаде прощались с игуменом Андроником (Трубачёвым)» // Выпуск телекомпании «Тонус» // <https://www.youtube.com/watch?v=N7Uz3KRgGRs>

9. *Флоренский П. В.* Памяти игумена Андроника (Трубачева), внука священника Павла Флоренского // <https://pravoslavie.ru/138645.html>

10. *Павлюченков Н. Н.* Игумен Андроник (Трубачёв) – исследователь и комментатор наследия священника Павла Флоренского // *Философские науки.* 2021. Т. 64. № 3. С. 95–115.

11. *Кечкин И., свящ.* Игумен Андроник (Трубачёв) [Некролог] // Журнал Московской Патриархии. 2021. № 4. С. 54–55.

12. О песнотворчестве и песнопении. Сборник памяти архимандрита Матфея (Мормыля) и игумена Андроника (Трубачёва) / Сост. протоиерей Сергей Правдолюбов. М.: Троицкое-Голенищевое, 2021. 40 с.

13. Биографическая справка об игум. Андронике (Трубачёве) на старом сайте Московской духовной академии: <https://old.mpda.ru/persons/27511/index.html>

14. Биографическая справка об игум. Андронике на сайте Московской духовной академии: <https://mpda.ru/news/skonchalsja-igumen-andronik-trubachjov/>
<https://old.mpda.ru/persons/27511/index.html>

15. Игумен Андроник (Трубачёв) // Персональная страница на православном портале «Азбука веры»: <https://azbyka.ru/otechnik/Andronik-Trubachev/>

16. *Горячев Д., свящ.* Историческая интуиция игумена Андроника (Трубачёва) [доклад] // XIX Иоасафовские чтения «Секулярный мир и православная миссия», Белгородская православная духовная семинария, 18 ноября 2021 г. <http://bel-seminaria.ru/2021/11/21/v-belgorodskoj-seminarii-sostojalos-provedenie-sekcii-xix-mezhdunarodnyh-obrazovatelnyh-ioasafovskihchtenij/> Доклад построен на основе статьи: *Горячев Д., свящ.* Биография иеромонаха Диомида (Егорова) по материалам архива священника Павла Флоренского // *Церковный историк.* 2022. № 1. С. 118–135.

17. *Шастин В., прот.* Отец Андроник как педагог: по воспоминаниям ученика [Доклад] // Международная научная конференция «Видимые и невидимые миры Павла Флоренского», приуроченная к 140-летию со дня рождения о. Павла Флоренского и 70-летию о. Андроника (Трубачёва), МГУ и МДА, 21–22 октября 2022 г. <https://philos.msu.ru/node/5830>

СОДЕРЖАНИЕ

*Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.
Читателям Собрания сочинений священника Павла Флоренского . . . 3*

**ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ИГУМЕНА АНДРОНИКА (ТРУБАЧЁВА).
1952–2021 гг. 11**

Иноческий путь к просвещению. 15
«Монах есть тот, кто миру непричастен...». 17
Валаамская эпопея. Возрождение монашеской обители на острове Валаам. . 26

Приветственный адрес секретарю Синодальной богослужебной комиссии игумену Андронику (Трубачеву). 46

Соболезнование митрополита Константина в связи с кончиной игумена Андроника (Трубачева). 49

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИГУМЕНЕ АНДРОНИКЕ (ТРУБАЧЁВЕ)

Воспоминания архимандрита Макария (Веретенникова). 52

Воспоминания протоиерея Сергия Правдолюбова 55

Воспоминания игумена Иоанна (Самойлова) 64

Воспоминания иеромонаха Александра (Фаута Павла Георгиевича). . 68

Воспоминания валаамских монахов: иеромонаха Геронтия, игумена Бориса, игумена Фотия, игумена Петра. 86

Павел Васильевич Флоренский. «По выражению деда, “он стоял за семью в алтаре”». Памяти игумена Андроника (Трубачева). Интервью внука священника Павла Флоренского. 103

Воспоминания Вячеслава Ивановича Брагина. 118

Воспоминания князя Чавчавадзе Зураба Михайловича, генерального директора Благотворительного фонда Святителя Василия Великого и директора православной гимназии Святителя Василия Великого в деревне Зайцево . . 144

Воспоминания иерея Даниила Горячева, преподавателя Белгородской православной духовной семинарии, кандидата богословия 155

Воспоминания Анучина Николая Николаевича, архитектора, члена Союза архитекторов СССР, члена Союза художников России 157

Отзыв Козырева А. П. на монографию игумена Андроника (Трубачева) «Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского». 162

Интервью с игуменом Андроником (Трубачевым). «Творчество отца Павла Флоренского было укоренено в Православии»	167
Беседа с игуменом Андроником. «Нити богослужения прядутся не-легко»	182

ТРУДЫ ИГУМЕНА АНДРОНИКА (ТРУБАЧЁВА)

ВОСПОМИНАНИЯ О МИТРОПОЛИТЕ ПИТИРИМЕ

Начало	189
Работа в Отделе	191
Издательство как монастырь	193
Владыка как преподаватель	195
Владыка как богослов	197
Три периода жизни	198
Богослужение	199
Волоколамск	201
Владыка как общественный деятель	202
Владыка и перестройка	203
Родные Владыки	205

ПРОЕКТ ЖИТИЯ МУЧЕНИКА ИЕРЕЯ ПАВЛА (ФЛОРЕНСКОГО) СЕРГИЕВО-ПОСАДСКОГО (1882–1937 гг.) ДЛЯ КАНОНИЗАЦИИ

Род и семья	209
Уверование в Бога.	218
Учеба в Московском университете	220
Учеба и преподавание в Московской духовной академии	222
Таинство Брака и семья	235
Таинство Священства и пастырская деятельность	239
Отношение к революции и советской власти	249
Церковное служение.	255
Работа в государственных учреждениях	261
Религиозно-философское творчество в 1918–1920-е гг.	270
Аресты, лагеря и мученическая кончина	272
Список источников и литературы	308
Основные издания сочинений священника Павла Флоренского	308
Литература.	308
Архивные источники	309
Проект деяния.	309

ЖИТИЕ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ПРОТОИЕРЕЯ ЗОСИМЫ (ТРУБАЧЕВА)

Источники	337
Литература.	338

ЖИТИЕ МУЧЕНИКА Ю. А. ОЛСУФЬЕВА (БУТОВСКОГО) (СПРАВКА К КАНОНИЗАЦИИ МУЧЕНИКА ЮРИЯ ОЛСУФЬЕВА)

Примечания	362
Источники и литература	364
Список печатных работ Ю. А. Олсуфьева	365
Список неизданных работ Ю. А. Олсуфьева	368

ГОМИЛЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ИГУМЕНА АНДРОНИКА (ТРУБАЧЁВА). ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА 1993–2000 гг.

Проповедь на Евангельское чтение об исцелении гадаринского бесноватого	370
Проповедь на праздник Всех Святых	375
Проповедь на общей исповеди	380
Проповедь на день Успения Божией Матери	382
Проповедь на день памяти святителя Николая	387
Проповедь на Воздвижение Креста Господня	392
Проповедь о Кресте Господнем в неделю по Воздвижению.	396
Проповедь о духовной жизни христианина. О милосердии.	399
Проповедь об изгнании Адама из рая	403
Проповедь о беседе с Никодимом.	410
Проповедь об уподоблении жизни христианина птицам небесным, которые не сеют, не жнут, но Отец Небесный питает их	412
Проповедь о христианском трудолюбии преподобного Сергия.	416
Проповедь о любви преподобного Сергия к ученикам. Преподобный Варнава Гефсиманский	419
Проповедь в Неделю о мытаре и фарисее	423
Проповедь о милосердии. Елизавета Федоровна	428
Проповедь после Акафиста в Неделю Фомы. Антипасха. 50 лет открытия Лавры. Бутово	433
Слово на перенесение мощей преподобного Сергия	441
Проповедь о вере на Евангельское чтение о кровоточивой женщине и капернаумском сотнике.	444
Проповедь на Введение во храм Богородицы. Митрополит Филарет.	449

ОТЕЦ АНДРОНИК КАК МУЗЕЕВЕД

Музей священника Павла Флоренского – первый в России.	455
Открытие мемориального комплекса «Всеми пострадавшим за Христа в годы гонений и репрессий»	465
В селе Завражье установили памятники свящ. Павлу Флоренскому и Андрею Тарковскому	484

ПОСЛЕСЛОВИЕ	495

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перечень основных сочинений игумена Андроника (Трубачёва) . . .	502
Список печатных трудов и выступлений игумена Андроника (Трубачёва)	503
Публикации в Журнале Московской Патриархии	503
Публикации в Православной энциклопедии	504
Публикации в журнале «Энтелехия»	506
Публикации в журнале «Богословский вестник»	508
Публикации в иных периодических изданиях	509
Публикации в неперидических изданиях	511
Монографии	513
Иные работы	514
Составление и подготовка к публикации	514
Выступления на конференциях и собраниях	517
Проповеди	522
Интервью	522
Материалы к биографии игумена Андроника (Трубачёва)	522

НАШ ИГУМЕН АНДРОНИК (А. С. ТРУБАЧЕВ)

*К 70-летию игумена Андроника
140-летию священника Павла Флоренского*

Санкт-Петербургская Общественная организация
«Общество памяти игумении Таисии»
191144, Санкт-Петербург, ул. Кирилловская, 11.
<http://www.varnitsy.spb.ru>